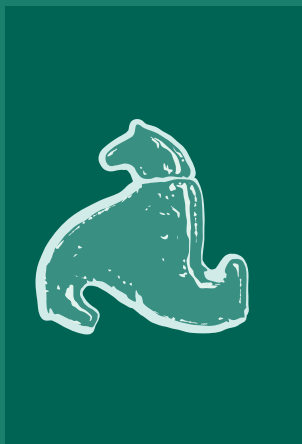

пермистика

20

*Посвящается
светлой памяти выдающегося удмуртского лингвиста,
доктора филологических наук, профессора
Валея Кельмаковича Кельмакова
(1942–2023)*

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

ПЕРМИСТИКА 20

Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками

Сборник статей

Ижевск
2025

УДК 811.511.13(063)
ББК 81(2Рос.Удм)+81(2Рос.Ком)
П26

Редакционная коллегия:

Безенова М. П., Ившин Л. М., Камитова А. В., Карпова Л. Л.,
Кириллова Л. Е., Кондратьева Н. В., Максимов С. А.,
Титова О. В. (отв. ред.), Уткина А. Ф., Шибанов А. А.

Рецензенты:

кандидат филологических наук А. Г. Мусанов,
кандидат филологических наук Н. М. Люкина

П26 Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник статей / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2025. – 432 с.

ISBN 978-5-6053065-4-2

В издании представлены материалы XX Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Валея Кельмаковича Кельмакова. Приоритетными направлениями работы симпозиума явились актуальные проблемы пермского языкознания, литературоведения, фольклористики и этнографии.

Сборник статей адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, учителям общеобразовательных школ и всем, кто интересуется вопросами пермской филологии.

ISBN 978-5-6053065-4-2

УДК 811.511.13(063)
ББК 81(2Рос.Удм)+81(2Рос.Ком)

© УдмФИЦ УрО РАН, 2025
© Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. К. КЕЛЬМАКОВА

Карпова Л. Л., Самарова М. А. Путеводная звезда удмуртской науки. Мемор-портрет выдающегося ученого, педагога и наставника В. К. Кельмакова	10
Кондратьева Н. В., Пантюхина Т. В. <i>Tantum scimus, quantum memoria tenemus</i> , или о судьбе личного архива профессора В. К. Кельмакова	21

К ЮБИЛЕЮ СИМПОЗИУМА ПО ПЕРМСКИМ ЯЗЫКАМ

Попова Р. П. Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками»: достижения и перспективы исследования	38

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Айбабина Е. А., Некрасова О. И. О некоторых мифонимах, обозначающих дворовых духов, в коми-зырянском языке	45
Бородина А. Е. Роль электронных образовательных ресурсов на удмуртском языке в формировании предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста	51
Боталова Н. П. Роль учебно-методического комплекса «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» в обучении удмуртскому языку в начальной школе	57
Бубина К. Ф. Из истории изучения говоров собственно южного диалекта удмуртского языка	62
Буранова К. О. Онтолингвистические аспекты порождения речи в условиях русско-удмуртского двуязычия	70
Гайдамашко Р. В. Из истории Евангелия от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX в.	74
Гуляева Н. И. Метакоммуникативные маркеры в коми спонтанной речи	82
Елышев В. В. Фонетико-морфологические особенности аксакурского говора удмуртского языка	88
Ефимов К. С. К вопросу о некоторых аналитических конструкциях глагола в современном удмуртском языке	97
Ефремов Д. А. Удмурт кылысь зуче берыктон дыръя ортчись кылолык-кылпуштрос воштыськонъёс	103
Ившин Л. М. Ранний удмуртский письменный язык в трудах В. К. Кельмакова	113
Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в татышлинском говоре удмуртского языка	119

Кириллова Л. Е. Жизнь и творчество Г. А. Архипова (к 95-летию со дня рождения)	127
Коньшин А. Е. Раиса Михайловна Баталова: дело всей жизни	135
Костина К. Г. Изучение лексики и фразеологии в школьном курсе родного (удмуртского) языка	141
Леконцева И. А. Безлично-модальные предложения в удмуртском языке ...	149
Лобанова А. С. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Новые полевые материалы	157
Лобанова А. С. Одежда коми-пермяков как один из знаков символической картины мира народа: этнолингвистический аспект	164
Лудыкова В. М. Отрицательные предложения в коми языке	171
Максимов С. А. Тамара Ивановна Тепляшина – бесерман кылэз эскерись	180
Некрасова Г. А. Ассоциативная множественность в коми-пермяцком языке ..	187
Пантюхина Т. В. Морфологические и семантические характеристики генитивных форм личных местоимений удмуртского языка	193
Петрова Е. М., Попова О. А. Функционирование лексемы <i>сьӧлӧм</i> («сердце») в коми-пермяцком языке: лингвокультурологический аспект	202
Пономарева Л. Г. Рукописный «Словарь Руско-пермятский. Часть 1. 1833 года»: анализ структуры словарных статей	208
Попова А. А. Функции кодовых переключений в педагогическом дискурсе (в условиях русско-узбекского билингвизма)	215
Ракин А. Н. Обозначения охотничьих орудий лова промысловых животных в коми языке	218
Сабитова И. И. Орфографические словари татарского языка (вторая половина XX – начало XXI в.)	227
Сажина С. А. Фонетические маркеры нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка	233
Семенова А. Л. К этимологии союза <i>но</i> в удмуртском языке	240
Стрелкова О. Б. Удмурт кылын шонер гождяськонысь куд-ог лэчыт ужпумъёс сярись	243
Сурмилова Е. А. Элементы ономастики в языковой игре русских и английских скороговорок	246
Тагирова Ф. И., Акулина Л. В. Специфика функционирования колоративной лексики в разговорно-бытовом дискурсе	251
Тимерханова Н. Н. Проблемы удмуртской пунктуации	257
Трубинова Н. А., Рябухина Е. А. Виртуальная экскурсия как способ формирования ценностного отношения к родному языку	266
Утева Л. В. Лингвокультурологические особенности коми-пермяцких анекдотов (на материале газеты «Кама кытшын»)	274
Уткина А. Ф. Туала удмурт кылын изъяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн кутиськемзы (газетьёсын текстёсты эскерон)	281

Федосеева Е. Н. О коми-зырянских элементах в словарном составе мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка	291
Федюнева Г. В. Коми-зырянская лексика в русских диалектных словарях конца XIX – начала XX в.	298
Цыпанов Е. А. О словарях эмотивной лексики коми языка	306
Чернышева Л. М. Экспрессивный потенциал бессоюзия в удмуртском языке (на материале текстов публицистического стиля)	313
Эрметова Ж. И., Рузметова О. А. Роль информационных технологий в преподавании английского языка в вузе	319

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОГРАФИИ

Арекеева С. Т. Новеллистика удмуртского писателя Г. С. Медведева в современной переводческой интерпретации: на примере рассказа «Сари вал» («Саврасая лошадь»)	323
Бусыгина Л. В. Синтаксические средства экспрессивности в поэтическом творчестве Кузебая Герда	331
Зиявадинова О. С. Эволюция темы природы в художественном мире И. Г. Торопова	340
Ильина Н. В. К вопросу об использовании диалектизмов в удмуртской поэзии XX в.	349
Каксин А. Д. «Кинь нуэ, солы ик ныпъяло»: об отражении в языке некоторых особенностей мировоззрения этноса	354
Машарипова В. С. Исследование паралингвистических элементов в произведениях О. Генри «A Service of Love» и А. П. Чехова «Оба лучше»	362
Миннихметова Т. Г., Садиков Р. Р. Языковые особенности народных молитв закамских удмуртов (на примере записи В. К. Кельмакова)	368
Онин Д. А. Англоязычные интерпретации сакральной лексики ханты (на примере книги А. Хатто «Мир хантыйских эпических героев-князей. Исследование устной сибирской традиции»)	377
Пантелеева В. Г. Художественный перевод как реставрация литературного памятника: заметки о переводах удмуртской малой прозы 1920-х гг.	384
Рычкова А. А. Костюм коми-пермяка по материалам художественных произведений: историко-лингвистический аспект	397
Студитских В. В. Традиционные ценности удмуртов, содержащиеся в фольклорных текстах: психологическое исследование молитв и обрядовых песен	404
Тулуз Е. Удмурт курыськоньёслэн кырадянь удысысь аспöртэмлыкёссы	413
Чикина Н. В. Особенности перевода поэзии С. Есенина П. Сааритса	417
Шибанов В. Л. Танка витьчур но удмурт кылбурет	422

ПРЕДИСЛОВИЕ

23–24 октября 2024 г. в Ижевске состоялся XX Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященный памяти выдающегося удмуртского лингвиста, заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР и Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Валея Кельмакова. Его организаторами выступили Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН и Удмуртский государственный университет.

В работе научного форума приняли участие более 100 специалистов, занимающихся изучением языка и культуры пермских народов. С содержательными докладами выступили известные ученые и молодые исследователи из различных городов Российской Федерации, Венгрии, Узбекистана, Франции, Австрии.

В рамках симпозиума состоялись два пленарных и девять секционных заседаний по темам: «Проблемы морфологии и орфографии пермских языков», «Вопросы лексикологии и лексикографии», «Актуальные проблемы диалектологии», «Научное наследие пермских ученых», «Традиционная культура в полиэтничном пространстве», «Актуальные вопросы грамматики и социопрагматики», «Когнитивная лингвистика, ономастика и исследование памятников письменности», «Пермские языки в современном социуме и образовательном пространстве», «Поэтика художественного текста».

Настоящий сборник статей подготовлен на основе докладов участников данного научного форума. Издание продолжает традиции предыдущих выпусков под закрепившимся названием «Пермистика». В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных исследований в области пермской филологии, выполненных с использованием как традиционного, так и новейшего научного инструментария.

Композиционно сборник статей состоит из нескольких разделов.

В первой части представлены статьи, посвященные описанию жизненного пути и многогранной творческой деятельности профессора В. К. Кельмакова – инициатора проведения симпозиума по пермским языкам. Особое внимание уделено обзору ценнейшего лингвистического

наследия ученого и его личного архива, переданного в Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Отдельным блоком размещена статья, специально подготовленная в связи с юбилейным – двадцатым – заседанием симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Автором рассмотрены наиболее значимые достижения в области исследования коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков; отмечены основные направления научных изысканий участников данного форума.

В третий раздел сборника включены тексты докладов, посвященных изучению актуальных проблем языкознания: фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, лексикографии, диалектологии, ономастики, лингвокультурологии, орфографии, методики преподавания языков.

Четвертая часть объединяет статьи, в которых исследуются вопросы литературоведения, фольклористики и этнографии. Во многих работах затрагиваются проблемы взаимодействия лингвистики со смежными областями научных знаний.

*О. В. Титова, к. филол. н., старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН*

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. К. КЕЛЬМАКОВА

УДК 811.511.131(092)

Л. Л. Карпова

Удмуртский институт истории, языка и литературы

УдмФИЦ УрО РАН

г. Ижевск

М. А. Самарова

Удмуртский государственный университет

г. Ижевск

Путеводная звезда удмуртской науки. Мемор-портрет выдающегося ученого, педагога и наставника В. К. Кельмакова

В статье освещается жизненный путь, творческая биография и педагогическо-организаторская деятельность выдающегося финно-угроведа, доктора филологических наук Валея Кельмаковича Кельмакова. Особое внимание уделяется обзору лингвистического наследия ученого.

Ключевые слова: В. К. Кельмаков, удмуртское языкознание, диалектология, историческая фонетика, лексикология, лексикография, памятники письменности, текстология.

В жизни каждого человека, где бы он ни учился или работал, есть путеводная звезда. Она направляет нас на пути к поставленной цели, вдохновляет и мотивирует двигаться вперед. Эта звезда является нашим ориентиром, который помогает преодолевать трудности. Она дает нам силу и уверенность в себе, чтобы не сдаваться и продолжать идти вперед, даже если путь кажется непреодолимым. Путеводная звезда помогает нам не потерять свою дорогу и не заблудиться в суете и сомнениях. Она ведет нас к успеху. Благодаря этой звезде мы можем стать лучшей версией себя и достичь того, о чем мечтаем.

Для нас, удмуртских и коми языковедов, такой путеводной звездой стал наш учитель и наставник профессор Валея Кельмакович Кельмаков. Он помогал нам ориентироваться в безбрежном море научных знаний, вдохновлял и мотивировал нас на достижение новых высот.

Валей Кельмакович – талантливый ученый, крупный специалист в области финно-угроведения, хорошо известный в нашей стране и за рубежом, авторитетный педагог, мудрый наставник, добрый советчик и генератор лингвистических идей, человек широкой эрудиции и необыкновенного трудолюбия. В его характере удивительным образом соединялись два качества: постоянный поиск своего пути в исследовании языковых фактов и умение создавать круг единомышленников.

Валей Кельмакович Кельмаков родился 14 января 1942 г. в д. Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР в крестьянской семье, где ежедневный труд был единственным способом заработать на жизнь. Война оставила глубокий след в его детстве. Отец Валея погиб в первый же год войны, и уже с малых лет ему пришлось испытать все тяготы того времени: и нужду, и голод, и тяжелый изнурительный труд. Получив начальное образование в родной деревне, он продолжил обучение в Ошторма-Юмьинской средней школе. Увлечение языками у маленького Валея проявилось еще в школе. В то время в Ошторма-Юмьинской школе учились удмурты, татары, мари, русские, и он всегда с интересом наблюдал за разговорами своих друзей и одноклассников. Народная речь была тем повседневным языковым фоном, про который говорят, что он впитан человеком с молоком матери. Уважение к народному слову было привито Валею обычными школьными учителями маленькой сельской школы. Они заметили в старательном, любознательном, вдумчивом парне задатки филолога и посоветовали поступить на удмуртское отделение историко-филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института им. 10-летия Удмуртской автономной области.

Среди остальных студентов В. К. Кельмаков выделялся необычайно острым умом, колоссальной работоспособностью и тягой к познанию всего нового. Уже во время учебы в университете он проявил интерес к исследовательской работе. Его больше всего занимали вопросы лексикологии и фольклористики, которые впоследствии также станут предметом исследования ученого с разносторонними интересами. Еще будучи студентом четвертого курса, В. К. Кельмакову посчастливилось стажироваться в Марийском государственном университете. За время стажировки он успешно занимался изучением марийского языка и осуществил свое заветное желание – стал говорить на одном из родственных финно-угорских языков. Это было только началом в изучении языков. Позже Валей Кельмакович освоит коми-зырянский, коми-пермяцкий, венгерский, финский, немецкий языки.

После окончания пединститута по ходатайству И. В. Тараканова – доцента кафедры удмуртского языка и литературы – В. К. Кельмаков был рекомендован для поступления в аспирантуру Института языкознания

АН СССР, где окончательно определился круг исследований будущего лингвиста. Здесь Вале́й Кельмакович прошел хорошую филологическую школу, воспринял лучшие традиции отечественного финно-угроведения, освоил передовые исследовательские методы. Научным руководителем аспиранта стал известный финно-угровед, диалектолог и фонетист В. И. Лыткин. Как неоднократно говорил сам Вале́й Кельмакович, профессор Лыткин для него был идеалом истинного ученого, наставлявшего своих учеников не только бережно относиться к языку, но и активно использовать его в повседневной жизни, науке, творчестве, образовании, сохраняя его живым и динамичным. На становление В. К. Кельмакова как ученого, на формирование его научного мировоззрения и фундамента будущих исследований большую роль сыграли также такие выдающиеся финно-угроведы того времени, как Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская, Т. И. Тепляшина, с которыми в годы учебы он имел возможность общаться. Человеку, мечтающему о науке уже со школьной скамьи, учеба в аспирантуре дала возможность приобрести багаж знаний по разным направлениям лингвистики. Молодой исследователь с утра до вечера проводил свое время в Ленинской библиотеке, знакомясь с научными трудами ведущих ученых-лингвистов. Полученные знания не заставили себя долго ждать. В 1970 г. в Институте языкознания в Москве В. К. Кельмаков успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка». После окончания аспирантуры в 1968 г. серьезного и перспективного исследователя пригласили в Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, где он проработал 4 года.

В 1971 г. жизнь бросила молодому ученому новый вызов. Он был приглашен преподавать на кафедру удмуртского языка и литературы Удмуртского педагогического института, вскоре преобразованного в университет. Это был важный и решительный шаг в карьере Вале́я Кельмаковича, который показал его смелость и готовность к переменам. За 50 лет безупречной работы в стенах университета В. К. Кельмаков проявил себя эрудированным преподавателем, плодотворным исследователем, заслуженно пользующимся большим авторитетом у студентов, аспирантов и коллег. Вале́ем Кельмаковичем разработан ряд курсов лингвистического цикла по удмуртскому языку (многие из них – впервые в республике), в частности по диалектологии, морфологии, исторической фонетике, истории изучения удмуртского языка, сравнительной грамматике финно-угорских языков и др. Все курсы пришлось составлять ему с нуля, поскольку в то время по учебным предметам, касающимся удмуртского языка, никаких методических материалов не было.

Подготовленные им учебные пособия стали основой для чтения цикла лекций по удмуртскому языку в зарубежных вузах, в частности

в Сегедском и Будапештском университетах Венгрии, также в Хельсинском и Туркусском университетах Финляндии. Книги «Udmurtin murteet» [Kel'makov, Saarinen 1994], «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» [Kel'makov, Hännikäinen 1999] являются учебниками по изучению удмуртского языка и его диалектов для финнов. Материалы учебного пособия «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» [Кельмаков 2003а; 2004] и книги «Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания» [Кельмаков 2005] используются также в преподавании исторической грамматики пермских языков в Глазовском государственном инженерно-педагогическом университете имени В. Г. Короленко, Сыктывкарском государственном университете имени Питири-ма Сорокина, Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете.

Кроме выполнения значительной аудиторной нагрузки, Валей Кельмакович до последнего времени с большим желанием выезжал со студентами на диалектологическую практику. Именно наблюдения за живой речью, исследования языковых вариаций позволили ученому увидеть богатство родного языка, погрузиться в историю языка, традиции и образ жизни людей, говорящих на различных диалектах.

Больше 20 лет В. К. Кельмаков успешно возглавлял сначала кафедру удмуртского и финно-угорского языкознания филологического факультета, затем кафедру общего и финно-угорского языкознания факультета удмуртской филологии. Именно его усилиями на факультете удмуртской филологии в 1995 г. было открыто финно-угорское отделение для подготовки научных и преподавательских кадров. Мудрый наставник сумел создать дружный коллектив преподавателей-единомышленников. Как заведующий кафедрой профессор Кельмаков всегда уделял огромное внимание дальнейшему развитию и укреплению учебно-материальной базы факультета удмуртской филологии, повышению научного уровня преподавателей, установлению тесных связей факультета с российскими и зарубежными учебными и научными центрами. Своей неустанной научной и педагогической работой он сделал очень многое, чтобы Удмуртский университет стал одним из известнейших центров финно-угроведения. Именно его научный авторитет в финно-угорском мире обеспечивал возможность прохождения языковых стажировок профессорско-преподавательского состава и способствовал академической мобильности студентов института. За создание отделения венгерского языка в Удмуртском государственном университете, а также за активное продвижение научно-образовательных связей России и Венгрии в 2014 г. В. К. Кельмаков был удостоен высокой награды – ордена «Золотой крест почета Венгрии».

Валей Кельмакович, оставив в свое время академическую науку, перешел на преподавательскую деятельность. Но наука и преподавание

оказались в его судьбе неразрывно связанными, взаимно дополняя друг друга и гармонично сочетаясь в биографии.

Масштабы научной деятельности В. К. Кельмакова поражают воображение, также как и его целеустремленность и настойчивость, многогранность и энциклопедизм. Им опубликовано более 500 научных статей и тезисов, свыше 60 книг и учебно-методических изданий. В научно-исследовательской практике используются и активно цитируются его многочисленные академические статьи. Вале́й Кельмакови́ч в науке никогда не шел проторенными путями. При всем разнообразии тем научный поиск всегда был последовательным, интерес к той или иной проблематике никогда не был сиюминутным и не ограничивался рамками одной публикации. Во всех изучаемых им областях он выступал как профессионал, анализирующий проблемы на основании строгих научных критериев, с удивительным знанием опыта предшествующих исследователей.

Яркую строку вписал Вале́й Кельмакови́ч в удмуртскую диалектологию, к которой он обратился еще в своей кандидатской диссертации под названием «Кукморский диалект удмуртского языка» [Кельмаков 1970]. Задача, поставленная автором в данной диссертации, выполнена блестяще. Вся работа написана в сравнительно-историческом аспекте с привлечением данных различных диалектов удмуртского языка, а также языковых материалов родственных финно-угорских и неродственных тюркских языков. Поэтому без преувеличения можно сказать, что рассматриваемая работа представляет собой большой научный вклад в развитие не только удмуртского, но и финно-угорского языкознания в целом. Материалы диссертации, фрагментарно опубликованные впоследствии в разных сборниках и журналах, были высоко оценены в рецензиях удмуртских исследователей Т. И. Тепляшиной, Г. А. Ушакова, также коми лингвиста Е. А. Игушева и венгерского ученого Э. Сий. Исследование кукморского диалекта в годы аспирантуры стало впоследствии для молодого ученого стартовой площадкой для продолжения работы по изучению других удмуртских диалектов. Позже по данной проблематике им опубликована целая серия статей, где подробно описаны кырыкмасские говоры, татышлинский диалект, язык бесермян и др. [Кельмаков 1974: 101–106; 1977: 26–61; 1978: 65–85; 1985: 114–122; 1992: 33–107]. Ряд работ ученый посвятил общим вопросам удмуртской диалектологии, в частности он разработал критерии диалектного членения удмуртского языка, создал классификацию удмуртских диалектов и т. д. [Кельмаков 1987: 26–51; 1998: 41–44]. Достойным итогом целенаправленной и деятельности разработки диалектных особенностей удмуртского языка стали и его обобщающие труды «Udmurtin murteet» [Kel'makov, Saarinen 1994] и «Краткий курс удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998], ставшие настольной книгой для начинающих исследователей-диалектологов.

Существенным дополнением к теоретическим изысканиям Валера Кельмаковича в области диалектологии является издание фольклорно-диалектологических текстов. Продолжая традиции зарубежных исследователей XIX в. Ю. Вихманна, Б. Мункачи, Т. Аминоффа, профессор Кельмаков подготовил и опубликовал серию книг «Образцы удмуртской речи» [Кельмаков 1981; 1990; 2015]. В первом выпуске представлен материал северных и срединных говоров, второй выпуск полностью посвящен срединным говорам. Третья книга этой серии репрезентирует устно-поэтическую и разговорно-бытовую речь удмуртов, проживающих в Малопургинском и Можгинском районах УР. С точки зрения ученого, произведения устного народного творчества представляют собой очень ценный материал словесности. Значимость сбора и публикации таких текстов определены современной языковой ситуацией, характеризующейся тенденцией постепенной утраты языкового своеобразие диалектов, определенной их деформацией и нивелировкой под воздействием литературного языка. Подобная картина прослеживается и в фольклоре: из обихода выпадают целые области и жанры традиционного фольклора.

Значительный удельный вес в научном творчестве профессора В. К. Кельмакова занимают работы по исторической фонетике. В своих изысканиях в этой области ученый исследует различные вопросы, в частности: источники изучения исторической фонетики, реконструкцию праудмуртского вокализма первого и непервого слогов, реконструкцию праудмуртского консонантизма, тенденции и причины фонетических процессов, протекавших в период от прапермского языка до современного состояния удмуртского языка и его диалектов, проблемы типологической эволюции структуры прафинно-угорского корня в пермских языках и др. На основе ценных идей, выдвинутых в многочисленных работах по исторической фонетике, В. К. Кельмаков подготовил научный доклад «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» [Кельмаков 1993]. Именно по этой теме в 1993 г. им и была защищена докторская диссертация. Итогом работы по данному разделу лингвистики стала книга «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» [Кельмаков 2003а; 2004], вышедшая в двух частях.

К сфере научных интересов профессора В. К. Кельмакова относятся также морфология и синтаксис удмуртского языка. В начале 70-х гг., когда продолжалась разработка научной грамматики удмуртского языка, он активно включился в ее подготовку. Для коллективного труда «Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения» им написаны разделы, посвященные сложноподчиненным предложениям [ГСУЯ 1974]. В ряде работ исследователя рассмотрены вопросы нормативной морфологии, в частности словообразование и словоизменение имен существительных, прилагательных, проблемы формального варьирования и др.

Две важнейшие области лексики – лексикология и лексикография – также занимали особое место в научной деятельности Валея Кельмаковича. В этом отношении большой интерес, научную и практическую ценность представляет словарь синонимов удмуртского языка «Удмурт синоним кыллюкам» [Кельмаков 2009], материал которого достаточно рельефно представляет национальную специфику микросистемы синонимов удмуртского языка. Вопросы динамики словарного состава удмуртского языка в контексте текстологии нашли отражение в оригинальном по материалу, теме, методическим находкам в двухтомной монографии «Песни и сказы твои останутся... = Кырзам-верамед кылёз...» [Кельмаков 2020; 2021], которая стала важным шагом в развитии теории и практики этимологии, истории языка и лексикографии.

В ряду научных интересов Валея Кельмаковича были также проблемы истории возникновения и развития удмуртской лингвистики. В его книгах и статьях освещаются вопросы зарождения удмуртского языкознания, характеризуются основные этапы его развития и анализируется современное состояние изученности удмуртского языка. Перу автора принадлежат также многочисленные публикации, посвященные жизни и творческой деятельности отечественных и зарубежных исследователей удмуртского языка (в целом филологии) – Б. Г. Гаврилова, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна, В. А. Ислентьева, Г. Е. Верещагина, Д. В. Бубриха и др. Его книги «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез (XVIII даур)» [Кельмаков 1999], «Очерки истории удмуртского языкознания» [Кельмаков 2001a], «Удмуртское языкознание. Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» [Кельмаков 2001b], «Вехи истории удмуртского языковедения» [Кельмаков 2011], «Удмурт кылосбурлэн дырсьюрессысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс» [Кельмаков 2016] и др. имеют важное значение для понимания истории развития удмуртского языкознания и позволяют отдать дань глубокой признательности и уважения всем тем, кто сохранил знания о богатстве и красоте удмуртского языка для будущих поколений.

Волновали В. К. Кельмакова вопросы истории развития удмуртского литературного языка, стабилизации его орфографических, пунктуационных, грамматических, стилистических норм не только в теоретическом плане, но и с точки зрения журналистской и учебно-образовательной практики. На основе ряда ранних публикаций им был подготовлен и выпущен авторский сборник статей «Очерки истории удмуртского литературного языка» [Кельмаков 2008a]. Наиболее острые проблемы в области ныне действующих правил удмуртской орфографии и пунктуации нашли отражение в двух его работах «Удмурт дунне»-лэн но удмурт дуннелэн гождяськоньсытызы куд-ог лэчыт ужпумъёс» [Кельмаков 2003b], «Шонересь-а гождяськоньсытымы шонертьтэтьёс?» [Кельмаков 2008b]. На основе критического анализа указанных правил автор предлагает

заново их пересмотреть и существенно доработать в соответствии с современными требованиями. В настоящий момент по инициативе Валея Кельмаковича и при его непосредственном участии лингвистами Удмуртского института истории, языка и литературы совместно с коллегами из Удмуртского государственного университета готовится к изданию новый орфографический словарь с переработанными правилами удмуртской орфографии и пунктуации.

Отметим и другие стороны деятельности Валея Кельмаковича – это его несомненный научно-организаторский и педагогический потенциал. Так, по его личной инициативе с 1986 г. организован международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», который проводится в каждые 2 года. К сожалению, нынешняя юбилейная XX Пермистика проходит уже без своего основателя, но она посвящена светлой его памяти. В. К. Кельмаков был также инициатором организации международной конференции «Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков», проведенной дважды под его непосредственным руководством (2012; 2022). Он является основателем ряда серийных изданий по пермскому и удмуртскому языкознанию: «Пермистика» (19 выпусков), «Udmurtica et Uralica» (2 выпуска), «Образцы удмуртской речи» (3 выпуска), «Удмурт вераськетъёс» (12 выпусков), препринты факультета удмуртской филологии (12 выпусков), «Удмурт кылосбур» (1 выпуск).

Профессор Кельмаков является создателем научной школы «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских языков: сравнительно-исторические и типолого-контактологические исследования», направленной на проведение фундаментальных научных исследований в области пермского и финно-угорского языкознания, подготовку научной смены. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации и плодотворно работают по различным проблемам удмуртского и пермского языкознания 12 его учеников (М. А. Самарова, Д. А. Ефремов, Н. В. Кондратьева, Л. Г. Пономарева, Н. М. Люкина, Л. М. Ившин, А. В. Егоров, О. Б. Стрелкова, О. В. Титова, Е. А. Сундукова, Л. В. Утева, С. Н. Широбокова). В настоящий момент в рамках научной школы защищены три докторские диссертации (Н. В. Кондратьева, Л. Л. Карпова, Г. А. Некрасова). Сегодня многочисленные ученики В. К. Кельмакова работают в школах и вузах Удмуртской Республики, в научных центрах России и за рубежом и продолжают дело любимого учителя, исследуя богатство удмуртского языка и прививая своим ученикам любовь к слову, а через нее – любовь к малой родине и своей стране. Как автора научных трудов профессора Кельмакова отличали скрупулезный подход к анализу материала, ясный и логичный стиль изложения. Того же Валея Кельмакович требовал и от своих учеников – студентов, аспирантов, на занятия

с которыми он не жалел ни времени, ни сил, всегда с уважением относился к проявлению самостоятельности мышления, терпеливо выслушивал самые неожиданные точки зрения, помогал скорректировать аргументы. Для тех, кому посчастливилось быть его аспирантом, он стал Учителем с большой буквы, которого не многим суждено повстречать в своей жизни.

Валей Кельмакович активно сотрудничал с российскими и зарубежными вузами и центрами. Он являлся научным консультантом при написании многих магистерских и докторских работ зарубежных лингвистов, в частности Михаэля Гейслера (Германия), Фейеша Ласло и Жужанны Шаланки (Венгрия), Эса-Юсси Салминена (Финляндия). Под его же руководством проходили стажировки зарубежные студенты из Финляндии, Венгрии, Германии, Эстонии.

Профессор Кельмаков щедро делился своими знаниями и с неизменным успехом выступал с докладами как в России, так и за рубежом. Он активно участвовал на международных научных совещаниях по финно-угроведению, проходивших в Таллинне (1970), Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Гамбурге (1989), Дебрецене (1990), Упсала (1994), Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Пилишчаба (2010) и др.

Успехи в научно-исследовательской и педагогической деятельности Валея Кельмаковича получили высокую оценку в мировом сообществе. Имя профессора Кельмакова по праву включено в энциклопедию «Ведущие лингвисты мира». Он является Заслуженным деятелем науки Удмуртской АССР (1991) и Российской Федерации (1997), академиком Академии наук УР (1998) и др. Признанием профессиональных заслуг стало избрание В. К. Кельмакова почетным членом Финно-угорского общества (Финляндия, 1994). В 2022 г. он был удостоен звания лауреата Национальной премии имени Кузебая Герда, учрежденной Всеудмуртской ассоциацией «Удмурт Кенеш».

Помимо удивительного языкового чутья и широкой эрудиции в самых разных областях знания, в том числе и не связанных с филологией (народная песня, садоводство), Валей Кельмакович обладал необыкновенной памятью: он часто удивлял коллег и студентов прочитанными наизусть как поэтическими строками из всевозможных произведений русской и удмуртской классики, так и цитатами, к примеру, из древней восточной и европейской литературы.

Хобби профессора Кельмакова – это удмуртские песни и книги. В хорошей компании друзей, коллег, людей-любителей песен он готов был петь песни часами. А что касается книг, то куда бы он ни поехал, в первую очередь спешил в книжный магазин и возвращался с полными чемоданами книг. Он обладал богатой личной библиотекой, где можно найти самые редчайшие экземпляры книг по финно-угроведению, тюркологии, общему языкознанию, фольклористике.

Становление В. К. Кельмакова как ученого и преподавателя не состоялось бы без поддержки его близких. Семья была для него главной опорой и надежным тылом на протяжении всей научной и педагогической карьеры. Без любви, помощи и понимания супруги Людмилы Николаевны и детей Валей Кельмакович, наверное, не смог бы полностью реализовать свой потенциал ученого и преподавателя. Он всегда был благодарен своей семье за то, что они всегда были рядом и поддерживали его во всем.

В. К. Кельмаков для многих поколений филологов – это образец безупречной честности в науке и доброжелательности в отношениях с людьми. Блестящие лидерские качества, высокий профессионализм, принципиальность в отстаивании собственных позиций, бескорыстная самоотдача снискали профессору Кельмакову всеобщее уважение и огромный авторитет. Его увлеченность наукой и преданность делу всегда были и остаются примером для тех, кто знал его.

Внезапная кончина Валея Кельмаковича стала ударом для всех, кто был с ним знаком. Он до самых последних дней был активен, бодр, полон энергии, новых планов и идей. Его уход — невосполнимая потеря для российской и мировой науки. Помимо своих многочисленных научных трудов, он оставил нам и неоконченные научные проекты, воплотить которые без В. К. Кельмакова будет уже намного труднее. Его имя всегда будет ассоциироваться с неутомимой научной деятельностью, с солидными научными публикациями, изданными как в России, так и за ее пределами. Валея Кельмакович Кельмаков навсегда останется в наших сердцах как выдающийся Ученый, талантливый Учитель, мудрый Наставник, настоящий Человек, готовый помочь словом и делом.

В заключение хочется привести строки из стихотворения Елены Разумовской:

Незаметно уходят люди,
Унося на плечах эпоху.
Не меняется мир как будто,
Но беднеет он понемногу.

Да, действительно, эпоха не уходит сама по себе. Люди, создавшие эпоху, уходя, уносят ее с собой. Поскольку они оказывают влияние на свою эпоху, которая запоминает их имена. Для российской финно-угорской филологии одним из таких имен является имя доктора филологических наук, профессора Удмуртского государственного университета Валея Кельмаковича Кельмакова. Валея Кельмакович является эпохой, которую мы все уважаем, ценим, гордимся и любим. Как жаль, что она безнадежно уходит!

Литература

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974. 167 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. XXX + 475 + [Приложение] 175 с. (Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Д. 648).

Кельмаков В. К. Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1974. Т. 10. № 2. С. 101–106.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26–61.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65–85.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.

Кельмаков В. К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 114–122.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. Ижевск, 1987. С. 26–51.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 364 с.

Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // В. К. Кельмаков. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1993. 57 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез (XVIII даур): спецкурслы материалъёс. Ижкар: Удм. ун-т, 1999. 59 б.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания. Ижевск: Удм. ун-т, 2001а. 230 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание. Зарождение. Этапы истории. Современное состояние. Ижевск: Удм. ун-т, 2001б. 140 с.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск: Удм. ун-т, 2003а. 276 с.

Кельмаков В. К. «Удмурт дунне»-лэн но удмурт дуннелэн гождыськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс. Ижкар: Удм. ун-т, 2003б. 98 б.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Удм. ун-т, 2004. 395 с.

Кельмаков В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания. Пермь, 2005. 181 с. (Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 2).

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка. Ижевск: Удм. ун-т, 2008а. 418 с.

Кельмаков В. К. Шонересь-а гождяськонысьтымы шонертэтъёс?: лекциослы но семинаръёслы материалъёс. Ижкар: Удм. ун-т, 2008б. 93 б.

Кельмаков В. К. Удмурт синоним кыллюкам. Ижевск: Удмуртия, 2009. 296 б.

Кельмаков В. К. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 517 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 421 с.

Кельмаков В. К. Удмурт кылосбурлэн дырсюресысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс. Ижкар: Удм. университетлэн книга поттон центрз, 2016. 133, [2] б.

Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся...» I: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск: Удм. ун-т, 2020. 569 с.

Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся...» II: «Я гусли беру золотые»: (из письменной истории некоторых удмуртских выражений и слов). Ижевск: Удм. ун-т, 2021. 574 с.

Kel'makov V. K., Saarinen S. Udmurtin murteet = Удмурт диалектъёс. Turku; Iževsk. 1994. 368 s.

Kel'makov V. K., Hännikäinen S. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 319 s.

УДК 811.511.131(092):930.253

Н. В. Кондратьева, Т. В. Пантюхина
*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск*

***Tantum scimus, quantum memoria tenemus,*
или о судьбе личного архива профессора В. К. Кельмакова**

Статья посвящена описанию личного архива выдающегося удмуртского лингвиста Валея Кельмаковича Кельмакова, переданного в Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Отдельное внимание уделяется биографическим документам; документам о трудовой, научной, препода-

вательской и общественной деятельности; материалам научной деятельности; корреспонденции и др. Делается вывод о том, что личный архив профессора В. К. Кельмакова – важный источник не только для изучения его биографии, но и для исследования научно-образовательного пространства определенного этапа истории.

Ключевые слова: удмуртское языкознание, В. К. Кельмаков, личный архив В. К. Кельмакова.

Профессор Валей Кельмакович Кельмаков – выдающийся удмуртский лингвист, автор более 500 научных трудов в области исторической фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, лексикологии, лексикографии, этимологии, ономастики пермских языков [Кельмаков 2022]. Талантливый преподаватель, организатор научных мероприятий. Основатель научной школы «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских: сравнительно-исторические и типолого-контактологические исследования». Человек, который с особой щепетильностью относился к каждому историческому документу, старался запечатлеть различные этапы развития удмуртского языка, радел за создание литературного музея в Удмуртии с целью сохранения личных архивов представителей удмуртской интеллигенции. Вне всякого сомнения, документы личного происхождения великого Ученого и Педагога представляют собой особую ценность и должны бережно храниться как достояние истории республики и финно-угроведения в целом.

Большая часть личных материалов В. К. Кельмакова была передана в научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, что мы считаем вполне логичным, поскольку трудовая научная деятельность Валея Кельмаковича начиналась в стенах УдНИИ, и сотрудничество с институтом не прекращалось до последних дней жизни. Материалы были приняты на основе договора пожертвования документов личного происхождения от 19 февраля 2024 г. № 1. Составлена сдаточная опись на 445 документов, из них на бумажном носителе – 328, фотодокументов – 92, аудиодокументов – 24. Дарителем выступила супруга Людмила Николаевна Кельмакова. Первичная систематизация материалов была проведена ведущим архивистом отдела библиотечных и архивных фондов УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН Т. В. Пантюхиной. В дальнейшем планируется научное описание и проведение отдельных исследований по наследию выдающегося ученого. Учитывая то, что на сегодняшний день архивные материалы еще не каталогизированы, ссылка на них в данной статье приводится без указания архивных шифров.

Традиционно личные архивы ученых классифицируются по следующим группам: биографические документы; документы о трудовой, научной, преподавательской и общественной деятельности; творческие материалы или материалы научной деятельности; переписка фондообразователя и членов его семьи; записные книжки, дневники и воспоминания; бытовые и имущественные материалы; изобразительные материалы [Петров 2000; Методические рекомендации 2021]. Указанные типы документов в той или иной степени представлены и в личном архиве В. К. Кельмакова. Важно подчеркнуть, что данная статья посвящена лишь первичному описанию имеющихся материалов. Дальнейшее исследование позволит расширить творческие горизонты личности ученого. Рассмотрим подробнее каждую группу документов.

1. Биографические документы и документы о трудовой, научной, преподавательской, общественной деятельности

Первую категорию составляют *personalia* Валея Кельмаковича Кельмакова в строгом смысле слова: официальные документы, выданные на его имя. В частности, можно познакомиться с заграничным паспортом (за 2010–2015 гг.); комсомольским билетом; читательскими билетами в научную библиотеку им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (от 16.02.1982 г.), Удмуртскую республиканскую научную библиотеку им. В. И. Ленина (от 04.11.1986 г.), Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (от 14.02.1987 г.); профсоюзным билетом ученого; членским билетом Всесоюзного общества «Знание» (от 01.11.1980 г.). Также сохранилась справка о составе семьи на 1984 г., в которой имеются следующие сведения: отец Байкеев Кельмак Байметович, 1910 г. р., погиб под Ленинградом в декабре 1941 г.; мать Байкеева (Ганеева) Камила Ганеевна, 1910 г. р., пенсионерка колхоза «Заря» Кукморского района Татарской АССР; также указаны сестра, брат, жена и дети Валея Кельмаковича.

Дополняют сведения о биографии и документы Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР. Так, личное дело В. К. Кельмакова раскрывает трудовую деятельность ученого в УдНИИ. На обложке документа значится надпись: начато 10 декабря 1968 г., окончено 14 июня 1971 г. В документах представлено заявление о приеме на работу; личный листок по учету кадров, согласно которому, на тот момент Валея Кельмакович, кроме удмуртского и русского, владел татарским, марийским, немецким и венгерским языками; автобиография; заверенная копия диплома об обучении в Удмуртском государственном педагогическом институте от 25.05.1965 г.; заверенная копия диплома кандидата филологических наук от 08.05.1970 г.; заявление о предоставлении командировки в Москву с целью «продолжить

оформление кандидатской диссертации» от 4.12.1968 г.; заявление о ходатайстве об утверждении в должности старшего научного сотрудника УдНИИ от 14.06.1970 г.; характеристика, представленная директором УдНИИ В. Н. Захаровым от 01.10.1969 г. [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 52].

Отдельного внимания требует удостоверение, выданное Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова о том, что с 10.02.1982 г. по 10.06.1982 г. В. К. Кельмаков являлся слушателем факультета повышения квалификации по специальности «История и диалектология русского языка» и освоил такие дисциплины, как «Актуальные вопросы истории и диалектологии русского языка», «Теоретические и методические вопросы исторического изучения русского языка», «Актуальные проблемы современного языкознания», «Научные и методические основы построения историко-лингвистических курсов», «Некоторые проблемы философии человека», «Основы педагогики и психологии высшей школы», «Технические средства обучения», «Мастерство речи лектора», «Введение в информатику»; прошел семинар по педагогике и спецкурс по истории и диалектологии русского языка. Завершил обучение рефератом «Вопросы удмуртского языка и диалектологии в трудах венгерских ученых». Впоследствии тема реферата найдет продолжение в серии статей, посвященных исследованию творческих биографий зарубежных исследователей, посвятивших свои научные труды изучению удмуртского языка.

Важно подчеркнуть, что в официальных документах традиционно нет информации о внутреннем мире человека, но содержатся точные даты, что позволяет выстроить хронологию жизненного пути ученого. Но в случае с Валеем Кельмаковичем можно утверждать, что даже сохранившиеся документы отражают его жизненные принципы и приоритеты. В частности, казалось бы, о чем может говорить Сертификат об участии в Большом удмуртском диктанте (дата отсутствует, но скорее всего, за 2012 г.). Возможно, для людей, которые с В. К. Кельмаковым не были знакомы, это просто документ. Однако для его коллег – это пример того, что требовательность Профессора всегда начиналась с требовательности к себе: не мог человек, радеющий за составление норм правописания и пунктуации удмуртского языка, написать диктант меньше, чем на 100 баллов.

К числу биографических документов относятся также наградные документы и грамоты. За многолетний плодотворный труд В. К. Кельмаков удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники Удмуртской АССР» (присуждено в 1991 г.), звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (присуждено Указом Президента от 25.06.1997 г.), Благодарности Президента РФ (от 21.09.2010 г. за подписью Д. А. Мед-

ведева). С особым трепетом ученый относился к награждению Золотым Почетным Крестом Венгрии (от 07.03.2014 г. за подписью Яноша Адера). Указанные награды хранятся в семейном архиве. Отдельные почетные грамоты и благодарственные письма имеются и в архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН.

2. Творческие материалы и материалы научной деятельности представлены различными документами:

2.1. Рукописи и машинописи представляют самую обширную часть личного архива Валея Кельмаковича. По ним можно определить развитие творческих интересов ученого. В частности, написанный в студенческие годы реферат «Своеобразие лексики кукморского говора удмуртского языка» объемом 42 машинописные страницы, возможно, стал источником творческого вдохновения и помог сделать первый шаг на пути к большой науке. В своей работе будущий ученый дает краткую историческую справку об удмуртах, проживающих в Кукморском районе Татарской АССР. Отдельное внимание уделяет описанию фонетических и лексических особенностей исследуемого диалекта. С точки зрения происхождения выделяет следующие группы словарного состава: 1) лексика финно-угорского и пермского происхождения; 2) слова собственно кукморского говора; 3) наиболее характерные только для исследуемого говора заимствования из татарского и русского языков.

Вызывает восхищения рукопись кандидатской диссертации, аккуратно написанной каллиграфическим почерком Валея Кельмаковича почти на 600 листах (без текстов и словаря диалектных слов). Аспирантом были изучены все имевшиеся историко-этнографические изыскания отечественных и зарубежных исследователей по этногенезу и культуре не только кукморских, но и всех удмуртов в целом, проштудирована лингвистическая литература по общему языкознанию, финно-угриктике, тюркологии. В общей сложности – 264 источника, из которых 193 – на русском языке, 71 – на немецком, венгерском, английском и финском языках. В работе имеются незначительные исправления, сделанные автором и, вероятно, научным руководителем – д. филол. наук В. И. Лыткиным.

Отдельное место занимают конспекты с записями научных исследований ведущих ученых-финно-угроведов; редактura сборников конференций; оригинал-макеты трудов, подготовленных для издания. К сожалению, часть из них осталась в электронном варианте. Благодаря супруге ученого, была получена электронная версия «Словаря синонимов удмуртского языка», который так нужен сегодня не только для лингвистов, но и для широкой общественности. Незавершенными

остались такие труды, как «Улэп инкуазен тодматскон. Будос нимъёсын удмурт-ӓуч кыллюкам» (215 стр.), «Удмурт кылын пус пуктылон шонертӓтӓёс» (85 стр.), материалы к фразеологическому словарю, отдельные историко-этимологические исследования и др. [Кондратьева, Стрелкова 2024]. Перед современными лингвистами стоит важная задача – сохранить и довести до читателя труды своего Учителя и Наставника.

Просматривая архивные материалы, бросаются в глаза черновики рабочих программ, лекционных материалов. Более 50 лет Валей Кельмакович проработал в Удмуртском государственном университете: 1971–1976 гг. – старшим преподавателем, 1976–1983 гг. – доцентом, 1983–1989 гг. – заведующим кафедрой удмуртского и финно-угорского языкознания, 1995–2011 гг. – заведующим кафедрой общего и финно-угорского языкознания, с 2011 г. трудился в должности профессора этой же кафедры. Перелистывая рабочие программы, методические пособия для студентов, тексты лекций, удивляешься, с какой скрупулезностью и ответственностью он подходил к преподавательской деятельности.

Особый интерес представляет перспективный план научно-исследовательской работы д. филол. наук, профессора Кельмакова В. К. (Личный фонд В. К. Кельмакова, [1990-х гг.]). Каждое указание на книгу снабжено кратким описанием содержания и оценкой состояния готовности рукописи. Так, «Очерк фонетики и морфологии удмуртских диалектов: Введение. История изучения. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учебник для вузов» (15 а. л.) к моменту составления плана находился уже в издательстве Удмуртского университета. Четыре труда, согласно записям, были готовы к публикации от 90 до 99 %: «Исследования по удмуртской диалектологии I: Введение. Фонетика» (14 а. л.); «Удмуртский язык: учебник для финнов» (32 а. л.), также предполагалась переработка пособия для русскоязычных читателей; книга для чтения по удмуртской диалектологии для учителей и учащихся удмуртских школ республики «Мынам вераме потӓ...» («Я хочу сказать...») (25 а. л.), «Образцы удмуртской речи 3: Южный диалект» (20 а. л.).

Согласно записям, полностью был собран материал для таких изданий: второй и третий тома многотомного академического описания удмуртских диалектов «Исследования по удмуртской диалектологии II: Морфология», «Исследования по удмуртской диалектологии III: Диалектное членение». Судьба последних на данный момент неизвестна. Также, согласно записям, планировалось создание обобщающей монографии «Историческая фонетика удмуртского языка» (план-проспект был опубликован в виде препринта «Формирование и развитие удмуртских

диалектов»), «Удмурт такмакъёс» («Удмуртские частушки») (25 а. л.). На основе лекций планировалось выпустить учебные пособия «Удмурт но финн-угор филологии пыртон: студентъёслы лекциосын курс» («Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию: курс лекций для студентов») (6 а. л.), «Удмурт кылэз дышетон история: спецкурсъя дышетскон книга» («История изучения удмуртского языка: учебное пособие по спецкурсу») (10 а. л.).

Для большого исследования на удмуртском и русском языках «Дудмуртский фонд лексики удмуртского языка: Этимологии удмуртских слов древнейшего происхождения» (15 и 20 а. л. соответственно) на карточки были выписаны слова из 75 % имевшихся источников: нормативных и диалектологических словарей удмуртского и коми языков, этимологических словарей и научных исследований по другим финно-угорским языкам. Продолжением труда своего научного руководителя В. И. Лыткина должна была стать «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. 2: Удмуртские диалекты» (16 а. л.). На основе обработки материалов Владислава Ислентьева планировался «Словарь удмуртского языка конца XIX столетия» (35–40 а. л.). Для двух томов «Образцов удмуртской речи 4: Срединные и южные говоры» (23 а. л.) и «Образцы удмуртской речи 5: Периферийно-южные говоры» (20 а. л.) был собран материал, но требовалась камеральная обработка. Издание второй части (Б) сериала «Образцов удмуртской речи» также могло быть организовано ученым, так как в наличии имелось «огромное количество записей последних лет» (Личный фонд В. К. Кельмакова, [конец 1990-х гг.]). Не каждый ученый имеет научный задел такого уровня. Есть надежда, что именно этот документ позволит найти и довести до читателя многие еще неизданные труды из этого списка.

2.2. Большой интерес представляет картотека ученого (о которой говорится и в его перспективном плане). Красивым, убористым почерком заполнена каждая карточка, находящая свое место в одном из 25 каталожных ящиков. В частности, имеется обширный библиографический указатель с трудами ученых-исследователей пермских языков. В алфавитном порядке расположены примеры, иллюстрирующие различные лингвистические явления из фонетики, морфологии, лексики удмуртского языка. Так, для исследования особенностей функционирования послеложных форм современного удмуртского языка собран богатый эмпирический материал с указанием источников, например: *Туннэ тон ас калыкедлы шуд утчан сюрес **вылэ** потйськод* (М. Петров. Вуж Мултан, с. 360). Зафиксированы пословицы и поговорки удмуртского народа: *Коёйи өвёл ке, шырлы майбыр* ‘Кот из дома, мыши в пляс’ (перевод наш. – Н. К., Т. П.).

Богатый материал собран в области этимологии. Так, на нескольких карточках расписывается семантическое значение отдельных лексических единиц, приводятся их параллели с родственными языками, в отдельных случаях зафиксированы размышления ученого относительно возникновения лексемы (см. рисунок 1).

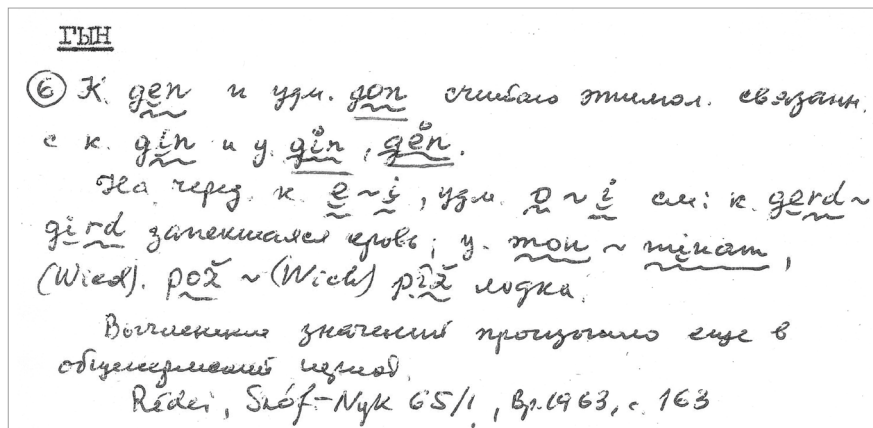

Рисунок 1. Каталогная карточка из личного фонда В. К. Кельмакова¹

2.3. Большим научным потенциалом обладают транскрибированные фольклорно-диалектологические материалы, датированные 1965, 1967, 1971, 1976, 1977, 1988, 1990, 1991 гг. Имеются также тетради фольклорно-диалектологических экспедиций, в которых активно участвовал Валей Кельмакович как в студенческие годы, так и в период работы в Удмуртском государственном университете.

Особый интерес представляет тетрадь (ориентировочно от конца 1950-х – начала 1960-х гг.), в которую будущий ученый бережно записывал собранные фольклорные материалы. Здесь, в частности, можно увидеть четырехстрочные песни (перевод наш. – Н. К., Т. П.):

¹ ГЫН

(6) К. ger и удм. gon считаю этимол. связанным с к. gin и у. gin, gen.

На черед. к. e ~ i, удм. o ~ i см.: к. gerd ~ gird запекающаяся кровь; у. ton ~ minat, (Wied). pož ~ (Wich) přž лодка.

Вычленение значений произошло еще в общепермский период.

Rédei, Szóf.-NyK 65/1, Bp. 1963, c. 163

*Узијэ тон, боријэ тон,
Сакърэ тон, мўэ тон.
Сакрэ эвол, мўэ эвол,
Лул гажанэ тон эвол.*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Удмуртские народные песни.
Песня 99. Л. 12об.)

*Љужьт тьшко катаосън
Вэтлонэз но шуг вълэм.
Љаратса вэтлон гажанэн
Лулис'конэс шуг вълэм.*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Удмуртские народные песни.
Песня 112. Л. 14)

*Толэз' дорат киз'ил'ијэт
Сактон киз'ил'и гьнэ.
Кўаз' сактис кэ со но ьшэ,
Кълис'ко огнам гьнэ.*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Удмуртские народные песни.
Песня 121. Л. 15)

Ты моя земляника, ты моя клубника,
Ты мой сахар, ты мой мед.
[У меня] сахара нет, меда нет,
Ты не моя любимая.

На высоких каблуках
Сложно, оказывается, ходить.
С любимым человеком
Сложно, оказывается, прощаться.

Рядом с месяцем звезда –
Только утренняя звезда.
С рассветом и она исчезает,
Так и я остаюсь один.

В этой же тетради зафиксированы и другие жанры фольклора, в частности считалки:

*Алákата – балákата
Туктым-тáктым
Сиез-биес
Кулаком – бом!*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Лыдъяськонъёс. Л. 52об.)

Алаката – балаката
Туктым-тактым
Сиез-биес
Кулаком – бом!

*Одйг мужжик каре мынэ вълэм
Солэн колёсаез тйяськем
Кöня кортçог кулэ вълэм*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Лыдъяськонъёс. Л. 52об.)

Один мужчина в город поехал.
У него колёса сломались.
Сколько гвоздей ему нужно было?

*Атым-батым, тым батым
Тым т'элеги атым бус.
Бубарели алимтас
На зарели чёрный час*

(Личный фонд В. К. Кельмакова. Лыдъяськонъёс. Л. 66)

Атым-батым, тым батым
Тым телеги атым бус.
Бубарели алимтас
На зарели черный час.

Среди материалов присутствуют также отдельные тетрадные листы, на которых аккуратно записаны фольклорные тексты, например 100 загадок (Личный фонд В. К. Кельмакова. 100 загадок) (перевод наш. – Н. К., Т. П.):

Жильк-жалък Надя Валя (чыртыкыч, камали). ‘Жильк-жалък [звезная] Надя Валя (нагрудное украшение, камали)’.

Гуразын сьод кочыш погыляське (чужон). ‘На шестке кошка перекатывается (метла)’.

Сю полэс дйсяськем, нош сьорыз голыш кылем (курег). ‘Во сто одежд оделся, а зад голым остался (курица)’.

Гур тросам прянике, одйг гинэ булкае (инь, кизилиос но толэзь). ‘Целая печь пряников и всего одна булка (небо, звезды, луна)’.

Бадьпу бордын кочышпи (пучы). ‘На вербе котенок (почка)’.

2.4. Огромную ценность представляют записи живой речи, сделанные на магнитные ленты в 1967–1968-е гг. в Кукморском районе Татарской АССР. В них содержатся материалы, отражающие традиции и обычаи удмуртского народа, записаны сказки, легенды и другие жанры удмуртского фольклора. В текстах многих информантов рассказывается об укладе жизни в различные исторические периоды. Часть записей была расшифрована В. К. Кельмаковым и использована при написании кандидатской диссертации.

Также имеются записи удмуртских молитв, сделанные в Башкирской АССР. Год записи не указан.

2.5. Следующий блок документов – материалы научных конференций, собранные в архиве (программы, тезисы докладов, разные сообщения оргкомитетов и т. п.). Хотя это и эфемерные публикации, они позволяют воссоздать дыхание эпохи.

2.6. В. К. Кельмаковым в 1970–1985-е гг. собраны тематические папки с газетными и журнальными вырезками. Они озаглавлены самим автором. «Персоналия» содержит библиографические статьи об удмуртских языковедах, литературоведах, знаменитых финно-угроведах, чья научная деятельность так или иначе была связана с удмуртами (Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Д. Р. Фокош-Фукс, В. И. Лыткин, П. Аристэ, П. Н. Перевощиков и др.). Публикации автора и других лингвистов по удмуртскому языкознанию собраны и по хронологии подклеены в несколько альбомов «Огъя материалъёс» («Общие материалы»). Специальная подборка газетных статей посвящена VI Международному финно-угорскому конгрессу, проходившему в Сыктывкаре 24–30 июля 1985 г.

Вырезки из газет и журналов в собрании документов ученого большей частью обладают реальной библиографической ценностью: на всех зафиксированы место и дата выхода публикации.

2.7. В. К. Кельмаков принимал живейшее участие в общественной жизни республики. Был лектором общества «Знание», членом Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку. Его деятельность как ученого и патриота была направлена на сохранение и развитие удмуртского языка и культуры. Так, в документах находим обоснования о целесообразности создания фонда по сохранению письменных памятников удмуртского языка: «Кафедра общего и финно-угорского языкознания считает необходимым:

1) в кратчайшие сроки создать в университете фонд рукописных и раннепечатных памятников удмуртского языка путем приобретения их оригиналов или снятия копий;

2) тиражировать важнейшие из рукописных документов, а также отдельные печатные издания XVIII – начала XX века, ставшие к настоящему времени не только библиографической редкостью, но и уникалами» (Личный фонд В. К. Кельмакова. Обоснование. [2000-е гг.]).

Интерес представляет документ «Предложения к программе об удмуртских диаспорах» (от 17.10.1996 г.), в котором предусматривался ряд мероприятий по поддержке удмуртов, проживающих за пределами республики. В частности, планировалась организация комплексных и фольклорно-диалектологических экспедиций, обеспечение школ учебниками, художественной и научно-популярной литературой. Отдельным пунктом стоит издание сборников об этнических группах удмуртов. Сам ученый готов был создать труд о кукморских удмуртах.

Важно подчеркнуть, что в 2022 г. за научно-общественную деятельность В. К. Кельмаков был удостоен национальной премии имени Кузема Герда.

3. С особой теплотой читаются документы, которые относятся к разделу «переписка фондообразователя». Корреспонденция В. К. Кельмакова представлена несколькими десятками писем и открыток от различных адресантов: большей частью ученых-финно-угроведов из Венгрии, Финляндии, Германии, российских регионов.

Каждое письмо отражает внутренний мир ученого, раскрывает его заботы и планы на будущее. Например, в письме ведущего финно-угроведа своего времени К. Е. Майтинской содержится приглашение стать автором авторитетного издания:

«В июле был направлен заказ на статью “Удмуртский язык”, подписанный членом-корреспондентом Ярцевой В. Н., руководителем темы “Языки мира”. Выбирая между Вами и другими кандидатурами, мы решили обращаться именно к Вам как высококвалифицированному специалисту и к тому же выпускнику нашего института. Я пишу “мы”, потому что ответственным за уральские языки и редактором

соответствующих статей назначена я. <...> Мне бы хотелось только прибавить, что участвовать в коллективной работе “Языки мира” считается большой честью. Авторы и учреждения вне нашего института борются¹ за право получить возможно больше заказов; в моей группе 17 авторов из 7-и городов, в том числе и зарубежных» (письмо от 13.10.1982 г.).

Каждый, кто был знаком с Валеем Кельмаковичем, знает, насколько он любил книги. Во время своих многочисленных командировок профессор первым делом посещал книжные магазины. На всех научных мероприятиях обменивался издательскими новинками. И каждый раз с очередной конференции возвращался с огромным багажом книг – источником новых творческих замыслов и идей. Всегда удивляло то, что со всеми приобретенными изданиями он знакомил своих коллег по кафедре и институту. В его личной библиотеке можно было найти издания, начиная от каких-нибудь африканских сказок и до редких зарубежных изданий в области финно-угроведения.

И сегодня личная корреспонденция открывает тайны, какими путями собиралась эта библиотечная коллекция. Одним из таких писем является письмо венгерского ученого с мировым именем Кароя Редэи, написанного 26.12.1973 г. в Москве:

«Дорогой Валентин Кельмакович!

Я получил Ваше письмо и две книги. Я очень благодарный Вам. Моя жена приедет сюда 2-го января и принесет собой мой Permjakisches Wörterverzeichnis. Я так помню, что эта книга у Вас отсутствует <...>

Я был бы рад, если Вы могли бы посылать мне книгу “Вопросы удмуртского языкознания”. Я видел ее у профессора В. Лыткина.

Желаю Вам хорошего здоровья, всего доброго, много успехов в наступающем новом году.

С сердечным приветом, Карой Редэи».

Не менее захватывающе читается письмо другого венгерского исследователя Миколы Тибора:

«Уважаемый товарищ Кельмаков!

С радостью могу сообщить Вам, что мне удалось приобрести все книги, которые Вы хотите получить теперь из Венгрии. В Будапеште, в букинистическом магазине я достал “Mutató a Nyelvtudományi Közlémények 1-50 körtetéhez”. Я уже сдал на почту.

Что касается книги Zsirai “A finnugorság ismertetése”, извещаю Вас, что книга снова была издана Йожефом Эрдеди, и он писал мне вчера, что он послал Вам экземпляр нового издания.

¹ Здесь и далее тексты писем даются без изменений.

А номом “Mutató a Magyar Nyelv” 1-23 kötetéhez в библиотеке АН Венгрии я заказал фотокопии с всего указателя. В пределах двух-трех недель копии будут готовы.

Кроме этих я послал Вам еще новый том наших ученых записок “Néprajz és Nyelvtudományi” (за годы 1971–72). Если Вас интересуют и предыдущие томы записок, я могу послать Вам некоторые из них. Напишите, только, пожалуйста, которые томы Вам нужны. И другие книги могу Вам послать, если хотите <...>

Спасибо Вам за посланные мне ценные книги!

Сегед, 13.2.1973. Тибор Микола».

Важно отметить, что бесценная личная библиотека профессора В. К. Кельмакова была передана супругой Людмилой Николаевной в дар Библиотеке им. В. А. Журавлева Удмуртского государственного университета (в 2024 г.).

Валей Кельмакович, как личность творческая и неординарная, всегда находился в центре внимания среди своих коллег из финно-угорского научного мира. Об этом говорит и тот факт, что ему много писали, с ним поддерживали дружеские связи. В частности, приведем текст, написанный на открытке, отправленной из г. Уфы в [июле 1975 г.] (дата, к сожалению, автором не указана) профессором Будапештского университета им. Этвёша Лоранда Габором Берецки:

«Здравствуйте, Валентин!

Спасибо за книги. Мы с Викаром находимся опять в экспедиции. Собираем башкирский и мордовский фольклор. До 20-го июля буду в Уфе. Можете мне писать на ниже указанный адрес. <...> Ждем Вас в Будапешт. У нас дружный и веселый коллектив. Теперь нас уже 14 человек на каф[едре].

С сердечным приветом Габор».

Важно подчеркнуть, что В. К. Кельмаков неоднократно ездил для чтений лекций по актуальным вопросам пермской лингвистики в Будапештский и Сегедский университеты Венгрии. В 1992 г. он был приглашен для чтения лекций по удмуртскому языку в Хельсинкский и Туркуский университеты Финляндии. Энергичный ученый быстро завоевал популярность среди своих учеников: грамматика удмуртского языка стала объектом специальных исследований бакалаврских и магистерских диссертаций зарубежных студентов. Он является научным консультантом многих магистерских и докторских диссертаций зарубежных специалистов: М. Гайслер (Германия), Ф. Ласло и Ж. Шаланки (Венгрия), Э.-Ю. Салминен (Финляндия) и др. Под его руководством проходили стажировки зарубежные студенты из Венгрии, Эстонии, Германии и Финляндии. Делиться своими знаниями во благо развития родного языка было важным жизненным принципом В. К. Кельмакова. Это чувствуется и в каждой строчке письма эстонского ученого Пээтэра Пялля:

«Гажано Валентин Кельмакович!

Тыриисько гожъяны Тйледлы удмурт кылын. Вождэс эн вае тросэз ошайбаос понна та гожэтэам. Мынам тйледлы ивортэме потйз, жеч гуртам вуи шуыса (ини куинь арня гуртам). <...>

21 июле Тартуе ветлй практикаме быдэстон понна. Тйлесьтымд салам но верай проф. Аристэлы. Ветлй но Кылья но Литература Институтэ Таллинын, нош Ану-Резт Хаузенбергез ой адзы, малы ке шуоно, солэн али отпуск. Ку со бертэ, мон одно ик отчы ветло.

Али шутэтскисько но лыдзисько книгаосты но та тросэз от-тискъестэс, кудйз Тй жалятэк мыным сётйды. Туж бадзым мылкыд карон мынам рецензиядылы Коми этимологической словарь сярись. Вылды ас курсовой ужме мон эстон но удмурт огья лексика сярись гожъяны малтасько.

Мынам Тйледлы нош олоп оскытэме потэ, та экспедиция мыным туж интересной, тодэ кылись но визьнод сётйсь вал шуыса. Кельшизы адямиос гуртын, экспедицийн участникъёс, кельшизы та чебер удмурт кырзанъёс, кудйз огазын кырзады. Бадзым тау Тйледлы юрттэмды понна, удмурт кылэз дышетон понна. Быгатйськоды ке, мынэсьтым тау шуэлэ но мукетыз экспедицийн участникъёслы.

Оскисько Тйледыз жоген выльысь Тартуын яке Таллинын аджонлы. Шумпото пумиськыса.

*Отчыозь гажаса Кучыран Петыр
5 августэ 1981-тй арын».*

Валей Кельмаковича ждали во всех финно-угорских регионах, его ценили как выдающегося лингвиста. И здесь как нельзя лучше вписываются слова другого великого ученого – венгерского литературоведа Петера Домокоша:

«<...> От В. К. Кельмакова еще много ждут – весь ученый научный мир, он нужен своей семье и своему народу. Надо осторожно жить, и чуть меньше работать. Я – как старший – советую Тебе.

Где-то видел, что в 1983-м году выйдет в свет удмуртско-русский словарь. Не могу верить. Более 20 лет ждал (я лично) эту работу <...>

Желаю всего доброго всем Кельмаковым и всем моим удмуртским друзьям.

С сердечным приветом, Петер. (Будапешт, 14 апреля 1982)».

Личные письма Валей Кельмаковича – это образец научной дружбы, взаимопомощи и взаимной поддержки.

4. Еще одна категория документов – это записные книжки, дневники и воспоминания. В личном архиве их пока не так много, но они раскрывают внутренний мир ученого. И если спустя некоторое время кто-

нибудь из писателей возьмется создать литературное произведение о личности этого выдающегося человека, именно эти документы лягут в его основу.

А пока, знакомясь с личными записями будущего ученого, удивляешься, насколько тонко у него было развито критическое мышление, стремление познать новое. Еще будучи на первом курсе Удмуртского пединститута, в своих записях от 28 марта 1960 г. он отметил:

«И. Гавриловэн “Вордскем пальёсын” книгаезлэн 145 страницаз гождэмьн: “Ланег Петька – вень вузась. Мар со? Урбо”. Урболэн венез вань шат. Малы озьы гождэмьн со! Удмурт мадиськонъёсты уг тоды ке шат? Луыло ук литератураын сыче учыррьёс, учёюс но, Широбоков-лэн сямен, шунды жужам бере турагаен чюш чирдыны кутско» (Личный фонд В. К. Кельмакова. Личные записи. Л. 6).

‘В произведении И. Гаврилова «Вордскем пальёсын» на 145-й странице написано: «букв. Невысокий Петька – продавец иголок. Что это? Клоп». Разве у клопов есть иголки? Почему так написано! Разве [автор] не знает удмуртских загадок? Бывают же в литературе и такие эпизоды (ляпы), такие «соловьи», как у Широбокова, [которые] после того как солнце встанет, начинают петь вместе с жаворонками’ (перевод наш. – Н. К., Т. П.).

Интерес представляет опыт участия В. К. Кельмакова на Всесоюзной конференции финно-угроведов, проходившей в июне 1965 г. в Сыктывкаре:

«26.06.65. Арнябер. Туннэ ортчиз конференциялэн кыктэтй нуналэз. Мар шуод, умой ортчиз. Шулдыр.

Чукна заседаниос вал. Куинь (местной дырен) часозь ужамы <...> мылкыд кари Иван Васильевичлэсь статьязэ лыдзыны. Интересной туж статьяез. Но вань ик вал трос спорной интыосыз. Туннэ лад-лад вераськыса пуким. Лыдзыса вуттэм берам ой ни чида пукыны комната-ям, жоггес васьки Иван Васильевичлэн комнатаз (45). Отын пуке вал мордва языковед. Со кошкем бере шактой гинэ вераськыса пуким. Иван Васильевичлэн статьяез пумысен.

Жыт луиз вечер поэзии. Прос выступать кариэз коми поэтёс, эрзянский поэт Моро но Пётр Кириллович но Даниил Александрович. Пётр Кириллович умой ик лыдзиз вераськиз Герд сярэсь, солэсь кык кылбурзэ лыдзиз. Собере аслэсьтыз: умой ик, туж сак кылзйзы» (Личный фонд В. К. Кельмакова. Личные записи. Л. 29).

‘26.06.1965. Суббота. Сегодня прошел второй день конференции. Что сказать, прошло все хорошо. Весело.

С утра прошли заседания. До трех часов (местного времени) работали <...> Прочитал статью Ивана Васильевича [Тараканова]. Очень интересная статья. Но были и спорные моменты. Сегодня обсудили подробно.

После того, как прочитал, не вытерпел остаться в комнате, направился в его комнату (45). Там сидел мордовский лингвист. После того как он ушел, достаточно долго беседовали. По статье Ивана Васильевича.

Вечером прошел вечер поэзии. Много выступали коми поэты, эрзянский поэт [Артур] Моро, а также Петр Кириллович [Поздеев] и Даниил Александрович [Яшин]. Петр Кириллович очень хорошо выступил с докладом о Герде, прочитал два его стихотворения. Потом свои: очень внимательно все слушали' (перевод наш. – *Н. К., Т. П.*).

6. Неотъемлемая часть личного архива – это фотографии ученого. На них запечатлены сам фондообразователь в разные годы жизни, его семья, одноклассники, коллеги, ученики. Представлены фотографии участников различных конференций, культурных событий, формальных и неформальных встреч. В отдельных случаях на обратной стороне рукой профессора вписаны имена и фамилии находящихся на фотографии лиц / название мероприятия / год. Кроме того, в материалах имеются копии фотографий видных финских, эстонских лингвистов.

В данной статье представлен лишь краткий обзор документов, которые были обнаружены при первичном знакомстве с личным фондом В. К. Кельмакова. Вне всякого сомнения, он должен быть каталогизирован и введен в научный оборот.

Часть материалов из личного архива В. К. Кельмакова передана в ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики». Имеются фотографии на кафедре общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета. Некоторые вещи переданы в Научно-образовательный и экспозиционный центр Удмуртского государственного университета.

Наследие В. К. Кельмакова, как величайшего лингвиста своей эпохи, сохранится, прежде всего, в его научных трудах. Однако не менее ценным является его архив, являющийся свидетелем становления и трудовой деятельности Ученого. От имени всех учеников и последователей В. К. Кельмакова выражаем слова благодарности его супруге Людмиле Николаевне, передавшей личный архив Профессора для диалога с Историей. *Tantum scimus, quantum memoria tenemus.*

Литература

Кельмаков Валей Кельмакович: биобиблиографический указатель: к 80-летию со дня рождения. Ижевск: Удм. ун-т, 2022. 194 с.

Кондратьева Н. В., Стрелкова О. Б. Лингвистическое наследие профессора В. К. Кельмакова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. Вып. 1. С. 27–35.

Методические рекомендации 2021 – Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / ВНИИДАД. М., 2021.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН – Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 52 – Личное дело Кельмакова Валея Кельмаковича. 10.12.1968–14.06.1971. 11 л.

Петров Ф. А. Личные архивы и тематические документальные коллекции. Методические рекомендации по научному описанию. М.: Государственный Исторический музей, 2000. 41 с.

К ЮБИЛЕЮ СИМПОЗИУМА ПО ПЕРМСКИМ ЯЗЫКАМ

УДК 811.511.13

Р. П. Попова
*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками»: достижения и перспективы исследования

В статье рассмотрены наиболее значимые достижения международного симпозиума «Пермистика», раскрыта роль симпозиума в развитии пермского языкознания, отмечены направления исследований, являющиеся традиционными для пермского языкознания и составляющие основу научного форума, определены новые направления и перспективы исследований.

Ключевые слова: пермские языки, финно-угроведение, международный симпозиум, диалектология и история пермских языков.

Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» – знаковое научное мероприятие в истории пермского языкознания. В этом году мы отмечаем юбилейный XX симпозиум, что говорит о его научной значимости, необходимости и важности. Этот юбилейный симпозиум впервые проходит без участия инициатора его проведения и идейного вдохновителя, доктора филологических наук, профессора Валея Кельмаковича Кельмакова. Его организаторский талант, безудержная энергия и огромный научный потенциал позволили, несмотря на различные сложности, сохранить вот уже на протяжении 38 лет высокий статус данного форума и систематическое его проведение. Память о Валее Кельмаковиче останется в наших сердцах.

Первый зональный симпозиум по пермским языкам состоялся 21–22 января 1986 г. в Ижевске на базе Удмуртского государственного университета. Идея организации подобного научного форума была обусловлена не только достигнутым к тому времени уровнем развития науки по пермским языкам, но и необходимостью координирования исследований, проводившихся не только в двух основных центрах – Ижевске

и Сыктывкаре, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Кудымкаре, Таллинне и других городах.

Для успешного проведения организованного научного мероприятия были поставлены неотложные задачи, а именно:

1) подведение итогов определенного этапа в изучении истории трех близкородственных пермских языков с учетом их диалектов и материалов взаимодействия с другими языками;

2) выявление малоисследованных направлений в пермском языкознании;

3) определение дальнейших перспектив развития пермского сравнительно-исторического языкознания;

4) координирование работы сотрудников вузов и научных учреждений, занимающихся исследованием пермских языков, для решения неотложных задач современной пермистики [Кельмаков 2002: 186].

Следует отметить, что для претворения в жизнь значительных поставленных задач требовалось систематическое проведение научного форума. Решение о проведении симпозиума по данной теме раз в два года в ведущих центрах исследования пермских языков было закреплено в резолюции первого зонального симпозиума. В дальнейшем это стало одной из прочных традиций научного мероприятия. С 1986 по 2004 гг. первые 10 симпозиумов были проведены в Ижевске и Сыктывкаре на базе Удмуртского государственного университета, Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН и Сыктывкарского государственного университета. С 2006 г. география проведения симпозиума расширилась: в организацию и проведение мероприятия подключились Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, центры исследования коми-пермяцкого языка г. Кудымкара и Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Начиная со II симпозиума закрепляется традиция посвящения научного форума крупным ученым, внесшим значительный вклад в развитие пермской филологии: Ю. Вихманну (1988), Д. В. Бубриху (1990), А. С. Сидорову (1992), В. И. Лыткину (1994), Е. С. Гуляеву (1998), А. И. Туркину (2000), В. К. Кельмакову (2002), Т. И. Тепляшиной (2004), А. С. Кривошековой-Гантман (2006), И. В. Тарakanову (2008), П. И. Савваитову (2010), Р. М. Баталовой (2012), Л. И. Калининой (2014), В. А. Молодцову (2016), Г. А. Нечаеву (2018), В. А. Ляшеву (2022), В. К. Кельмакову (2024). На наш взгляд, это весьма важная, актуальная и прочно закрепившаяся традиция, позволяющая не только сохранить память о крупном ученом, но дающая возможность глубокого понимания и осмысления значимости научного наследия исследователя, творческого развития его идей в разработку современных исследований. Необходимо отметить,

что работа двух симпозиумов была посвящена юбилейным датам: 65-летию Удмуртского государственного университета (1996), основанного на базе Удмуртского педагогического института и 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (2020).

В продолжение о традициях симпозиума, нельзя не сказать об издании сборника статей «Пермистика». На сегодняшний день опубликованы все девятнадцать выпусков. Без сомнения, издание материалов научного форума вносит значительный вклад в развитие пермского языкознания, поскольку объединяет ученых разных городов, различных научных и учебных учреждений, делает возможным широкий научный диалог и способствует тому, чтобы дать представительную картину развития актуальных направлений пермского языкознания. В сборниках можно найти не только научные статьи, но и отзывы и рецензии на отдельные труды по пермской филологии. Материалы сборника являются ценным источником информации в вузовском преподавании дисциплин по финно-угорской филологии. В резолюцию предшествующего XIX симпозиума было внесено решение оцифровать все выпуски сборника статей «Пермистика». Благодаря усилиям сотрудников Центра инновационных языковых технологий Республики Коми эта работа завершена, со всеми материалами можно ознакомиться в электронном формате. Выражаем надежду, что традиция издания сборника, несмотря на новые возможности информационных технологий, продолжится.

От симпозиума к симпозиуму накапливался опыт проведения данного научного форума, повышался его статус. В нем активно начали принимать участие зарубежные ученые из Финляндии, Венгрии, Эстонии, представители академических и учебных центров из различных регионов России (Елабуга, Йошкар-Ола, Казань, Кудымкар, Ленинград, Москва, Омск, Пермь, Чебоксары и др.). Симпозиум постепенно приобрел международный статус. С повышением интереса к научному форуму расширялась тематика докладов, увеличивалось количество участников. Приведем некоторую статистику: на I зональном симпозиуме на обсуждение был представлен 31 доклад, на VI симпозиуме – 42 доклада, а на IX симпозиуме – уже 62 доклада. Таким образом, за период работы предыдущих форумов было заслушано более 830 докладов по актуальным проблемам пермской филологии. Это еще раз подтверждает научную значимость форума.

Как уже было отмечено, проблематика исследований симпозиума охватывала самые разнообразные направления пермского языкознания. Безусловно, одним из ключевых направлений работы научного форума является *диалектология и история пермских языков*. В докладах, посвященных достижениям удмуртской, коми и коми-пермяцкой

диалектологической науки, затрагивались вопросы истории изучения диалектов, обсуждались критерии классификации диалектов пермских языков, рассматривались вопросы диалектной фонетики, лексики, морфологии в синхронии и диахронии. Важными аспектами исследований, которые выносились на обсуждение в работах форумов, были проблемы ареальной диалектологии и лингвогеографии. Важно отметить, что в области диалектологии современное пермское языкознание достигло значительных успехов: имеются диссертационные и монографические исследования отдельных диалектов, подробно рассмотрены диалектные особенности в области фонетики, морфологии и лексики в сравнительном и ареальном срезе, возобновлены традиции научной публикации диалектных текстов, изданы словари (в частности, двухтомный словарь коми диалектов). Однако в условиях активно развивающегося билингвизма, значительного влияния русского языка на пермские языки, работа по фиксации и исследованию диалектного материала остается по-прежнему актуальной, а научно-теоретическая обработка собранных материалов требует как традиционных методов, так и включения современных методик и концепций.

Большой объем исследований в работе симпозиума был направлен на изучение *памятников письменности*, являющихся наряду с диалектными материалами одними их основных источников изучения языка в историческом плане. На обсуждение выносились проблемы археографического описания памятников письменности, верификации происхождения имеющих списков, традиционно рассматривались графические, фонетические, лексические и диалектные особенности. Теоретическое изучение рукописных и раннепечатных памятников письменности, осмысление их значимости в становлении литературного языка послужило толчком к их изданию и переизданию. Активную работу в этом направлении ведут удмуртские исследователи.

Значительную часть научного обсуждения форума занимали исследования, затрагивающие различные *вопросы грамматики пермских языков*. Важнейшими направлениями в этой области было и остается изучение морфологической системы пермских языков в синхронии и диахронии, исследование грамматической семантики и дистрибуции. Важно заметить, что современные пермские языки в области грамматических исследований сделали значительный шаг вперед: подготовлены диссертационные работы, изданы крупные монографические работы по различным проблемам грамматики, усовершенствованы методы исследования и принципы изложения материала. Особое внимание в современных исследованиях уделяется вопросам грамматической типологии пермских языков. Отдельно хочется отметить проблемы изучения синтаксиса. Безусловно, вопросы синтаксического строя пермских языков не оста-

вались без внимания в работе форума, тем более что многие проблемы синтаксиса имеют в пермском языкознании прочное научное обоснование. Однако в силу того, что изучением синтаксиса в коми и удмуртской лингвистике занимается достаточно небольшой круг исследователей, многие его области остаются недостаточно освещенными. В этой связи особой актуальностью является расширение диапазона исследований по проблемам синтаксиса пермских языков, проведение изысканий в области исторического синтаксиса, влияния внешних факторов на синтаксический строй пермских языков и многие другие вопросы, о чем не раз отмечалось в резолюциях предшествующих симпозиумов.

Большое внимание в работе форума уделялось изучению *лексики пермских языков, вопросам лексикографии и фразеологии*. К обсуждению предлагались как частные вопросы, затрагивающие когнитивные аспекты лексики, отдельные вопросы диалектной лексики и отраслевой лексики, так и общие тенденции в развитии лексики пермских языков. Однако также следует отметить, что еще многие вопросы теоретической лексикологии до сегодняшнего дня остаются недостаточно исследованными. В этом отношении научный форум «Пермистика» может стать хорошей площадкой для их обсуждения.

В резолюциях симпозиумов неоднократно поднимался вопрос о создании различных типов словарей удмуртского, коми и коми-пермяцкого языков. В центрах исследований удмуртского и коми языков велась активная лексикографическая работа, готовились и издавались различные словари, опыт составления и проблемы издания которых выносились на обсуждение в работу симпозиумов. В данном направлении некоторое затишье наблюдалось в коми-пермяцком языке. В этой связи в резолюции XI симпозиума, проходившего в г. Перми, в качестве одной из неотложных задач была отмечена подготовка к изданию современного русско-коми-пермяцкого словаря. Несмотря на довольно значительный период времени, работа по подготовке словаря была организована и сегодня можно с уверенностью сказать, что она подходит к своему логическому завершению. Издание современного русско-коми-пермяцкого словаря запланировано на 2025 г. Выражаем надежду, что и в дальнейшем работа по созданию различных типов словарей будет продолжаться.

Не оставались без внимания в работе симпозиумов *вопросы ономастики*. Исследования в этой области проводились преимущественно в трех направлениях – этнонимике, антропонимике и топонимике. Большая часть изысканий, безусловно, была связана с разными вопросами топонимии пермских и других финно-угорских языков.

Еще одно важное направление исследований симпозиума затрагивало *проблемы межъязыковых контактов и взаимовлияния языков на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях*. При этом рас-

смаатривались проблемы межъязыковых контактов как родственных языков (удмуртско-коми-пермяцкие, удмуртско-марийские, коми-коми-пермяцкие, коми-хантыйские и др.), так и типологически различных языков, в большей степени контакты пермских языков с русским и татарским языками.

Начиная с шестого симпозиума, важным направлением в его работе является рассмотрение *вопросов методики преподавания пермских языков* в общеобразовательных учреждениях и вузах. Безусловно, опора на базисные науки является существенным условием повышения научного уровня методики, связь теории и практики является важным аспектом в деле сохранения и развития языков.

Все упомянутые выше направления исследований являются традиционными для пермского языкознания, они составляют основу научного форума «Пермистика». Помимо этого, в последнее время наблюдаются новые направления в исследованиях, чаще стали затрагиваться вопросы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, стилистики текста. В решениях отдельных форумов выдвигались предложения по проведению социолингвистических исследований языковой ситуации в Республике Коми, Удмуртской Республике, Коми-Пермяцком округе Пермского края, что, на наш взгляд, в современных реалиях является весьма актуальным и может способствовать лучшему пониманию языковой ситуации регионов и осуществлению возможных мер по совершенствованию функционирования пермских языков.

Продолжение научных изысканий в области пермской филологии напрямую связано с подготовкой молодых специалистов. Симпозиум «Пермистика» является хорошей школой для начинающей научную деятельность молодежи. В работе симпозиума всегда принимали участие и имели возможность апробировать свои исследования аспиранты, многие из которых сегодня являются высокопрофессиональными специалистами в области удмуртского, коми и коми-пермяцкого языкознания. В работе отдельных симпозиумов наряду с аспирантами своими исследованиями могли поделиться студенты и магистранты вузов, учащиеся лицеев и училищ. Так, на XVII симпозиуме, который проходил в г. Кудымкаре, была организована отдельная секция «Исследовательская работа студентов». Это, по-нашему мнению, хороший опыт привлечения молодых исследователей в научную деятельность.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» стал заметным событием в истории пермского языкознания, он, безусловно, вносит большой вклад в его развитие. Мы выражаем надежду, что традиция проведения симпозиумов, несмотря ни на какие трудности, будет продолжаться, будут открываться новые направления

научных изысканий, а в его работу, наряду с авторитетными учеными, будут подключаться молодые и талантливые исследователи пермских языков.

Литература

Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка». Ижевск: Удм. ун-т, 2002. 186 с.

Кондратьева Н. В. Роль симпозиума по пермским языкам в развитии удмуртского языкознания // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С. 65–69.

Ракин А. Н. «Пермистика» и коми-зырянское языкознание // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С. 69–75.

УДК 811.511.132'373:398.4

Е. А. Айбабина, О. И. Некрасова
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

О некоторых мифонимах, обозначающих дворовых духов, в коми-зырянском языке¹

В статье анализируются наименования дворовых духов в диалектах коми-зырянского языка. Выявляются основные мотивационные признаки, лежащие в основе номинации названных мифологических персонажей, описывается их структура.

Ключевые слова: овинный домовый, хлевник, коми язык, диалект, мотивационный признак.

Важным элементом мифологических представлений, составляющих картину мира коми, являются домашние духи, однако к лингвистическому изучению данной группы лексики обратились лишь в последнее время [Айбабина, Некрасова 2023а; Айбабина, Некрасова 2023б; Айбабина, Некрасова 2024]. В работе исследуются семантика, мотивы номинации *овинника*, *хлевника* и некоторых других дворовых духов в диалектах коми языка в сопоставлении с соотносимыми лексическими единицами других финно-угорских языков, русских народных говоров. Основным источником материала исследования послужили диалектные словари коми-зырянского языка, статьи по мифологии и фольклору коми. Привлекались также данные фольклорных сборников, лексикографических источников удмуртского и вепсского языков, этимологических словарей.

Овин (хлебосушильня) и хлев относятся к дворовым постройкам коми крестьянской усадьбы. Передняя часть двора называлась «карта» или «шы», часть помещения, служившая конюшней, называлась «гидня»,

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

корова и теленок содержались в одном из рубленых хлевов – «мёс карта», во втором – «гид» – содержались овцы. Свиньи и куры помещались отдельно под домом или сенями [Белицер 1958: 193]. Среди дворовых построек в хозяйстве коми хлебосушильни играли важную роль. На территории Коми АССР были известны хлебосушильни двух типов: овины и риги. Рига у коми-зырян называлась тем же термином («рыныш»), что и овин [Белицер 1958: 198–199]. Хлев, овин связаны также с родильной обрядностью коми, как места, в которых могли происходить роды [Конаков 1996: 90], с гадательными ритуалами: «слушанием у овина или у риги», относящемся к святочным гаданиям об урожае на год [МК 1999: 131], со святочными гаданиями в хлеву о замужестве [Конаков 1996: 100–101].

Как отмечается в специальной литературе, представления о домашних духах у коми-зырян и коми-пермяков соответствовали представлениям о духах-хозяевах дома и хозяйственных построек у русского населения. Основным, наиболее значимым, духом был домовый. Так же, как и у русских, «его основной функцией было обеспечение благополучия всех обитателей дома и домашнего скота» [МК 1999: 264].

Считалось, что домовый может находиться в избе или во дворе. Е. Л. Мадлевская отмечает, что «во многих местах на Русском Севере произошло слияние мифологических образов домового и дворового. Обычно если они противопоставлялись друг другу, то домовый отвечал за жилое пространство избы, а дворовой – за двор, где находились подсобные помещения, а также место для домашнего скота» [Мадлевская 2005: 81]. Аналогичный процесс имел место и в мифологических представлениях коми. П. Ф. Лимеров отметил, что характерное для коми традиции неразделение образов домового и хлевника, «по-видимому, связано с тем, что хлев находится в одном помещении с жилой частью дома, только на другом, нижнем, уровне» [МП 2005: 600].

Номинация по месту обитания

Конкретизация владений духа заложена в наименованиях домового, обитающего в хозяйственных постройках.

Прежде всего, это овинник, дух, живущий в овине.

Рынышник уд.

Наименование *рынышник* образовано от лексической единицы *рыныш* ‘овин’ с помощью малопродуктивного суффикса имен деятеля мужского пола *-ник*, заимствованного из русского языка [Федюнева 1985: 106].

Рынышса вв. сс. нв. (букв. ‘овинный’). Образовано от наименования овина с помощью продуктивного словообразовательного суффикса прилагательных *-са* [Федюнева 1985: 106].

Рыныш айка вым. нв. печ. скр., **рыніш айка** вв. (Керчомъя), **рыныш гайка** уд. (Кослан).

В качестве атрибута в мифонимах выступает название овина. Основные компоненты этих наименований *айка* и *гайка* именуют духа-хозяина места.

Лексическая единица *айка* как термин родства имеет в большинстве диалектов (вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд.) значение ‘свекор’, в вымском и ижемском – ‘тесть’. На верхней и нижней Вычегде, Выми и Печоре лексема *айка* является также наименованием злого духа, сверхъестественного существа, в удорском диалекте – доброго духа [СДКЯ 2012: 24]. В качестве компонента составных мифонимов служит обозначением духа-хозяина [МК 1999: 79]. Термин является производным от слова *ай* ‘отец, родитель’, ‘самец’. Суффикс *-ка* Г. В. Федюнева рассматривает в целом как заимствованный формант, но в приведенном слове не исключает возможности его возведения к древнему финно-угорскому *kkV [Федюнева 1985: 104].

Главное слово мифонима *рыныш гайка* уд. (Кослан) образовалось в результате протезы, вставки согласного *г* в анлауте перед гласным: *айка* > *гайка* уд. (Кослан) [Сорвачева, Безносикова 1990: 25].

Рыныш олыся (средняя Вычегда) [СДКЯ 2014: 324; Fokos-Fuchs 1959 2: 862].

Главное слово мифонима, *олыся*, также обозначает духа-хозяина. Лексема *олысь* (и ее фонетический вариант *олиць*), образованная от глагола *овны / олны* ‘жить’ с помощью суффикса причастий и вместе с тем предикатных имен (*nomen agentis*) *-ысь / -ись*, имеет буквальное значение ‘живущий / житель, обитатель’ [Федюнева 1985: 70]. В верхне-сысольском, ижемском и печорском диалектах именует домового. С тем же значением зафиксированы и номинативные единицы *олыся* вв. (Усть-Кулом) вым. (Кони) нв. печ. скр. сс. и *олиця* вв. уд., образованные в результате присоединения суффикса *-а* без изменения значения основы [СДКЯ 2012: 1072]. Мифонимы этого ряда имеют внутреннюю форму ‘тот, кто обитает где-либо’ → ‘дух, обитающий где-либо’ → ‘дух-хозяин места обитания’.

Удмуртское название овинника – *обиньмурт* букв. ‘овинный человек’ < *обинь* ‘овин || овинный’, *мурт* ‘человек’ [УРС 2008: 483, 444]. Вепское название овинного домового – *rihenrahkoi*, где *rih* ‘овин, рига’, *rahkoi* – компонент наименований домового, живущего на печи, в овине [СВЯ 1972: 470, 471]. Среди вепских наименований овинника можно отметить также следующие: *řiga-ivan*, *řigibab*, *řigibukō* [СВЯ 1972: 471]. Каждое из этих наименований также содержит атрибут *řiga*, *řigi*, указывающий на место локализации духа. Таким образом, буквальное значение двух последних наименований следующее: *řigibab* ‘овинная старуха’ (< *řigi*, *bab* ‘бабушка, старуха’), *řigibukō* ‘дух овина’ (< *řigi*, *bukō* ‘бука; нечистый дух’).

Интерес представляет также наименование овиного нечистого духа *řiga-ivan* [СВЯ 1972: 471]. Как отмечается в специальных исследованиях, имя Иван можно считать «лидером» по мифологическому переосмыслению, поскольку в силу частотности своего употребления оно стало, как нередко его характеризуют, «именем вообще», «именем как таковым» и «обросло» многочисленными вторичными производными, в том числе апеллятивными. Антропоним Иван применяется для именования персонажей разных уровней и свойств, в том числе связан с наименованием черта в русском языке [Подюков, Свалова 2020: 135]. Можно упомянуть также название лешего *Кузь Иван* букв. ‘длинный Иван’ и заимствованное наименование черта, беса *иваней* в коми языке.

В одной из быличек описывается внешний облик овиинника: *Ми рынышниксö аддзылим <...> Сойыс сьöд, ставыс сьöд. Синмыс чус ошлön. <...> Ачыс морт кодь, кокъясыс кузь, а чужöмыс морт кодь. <...> Абу гöна, мужик-ö-баба, ог тöд, а кокъясыс кузь. Рынышас пукалö самöй шештöк водзас, кыти пачыс ломтысьö. Гашикö, шонтысьöма уд. (Важгорт) [МП 2005: 422] ‘Мы овиинника видели <...> Руки черные, сам черный весь. Глаза как у медведя. <...> Сам как человек, ноги длинные, а лицо как у человека. <...> Безволосый, мужик ли, баба – не знаю. В овине сидит возле самого устья печки, греется, наверно’.*

Ниже рассмотрим наименования духа хлева, хлевника.

Гид айка, гид олыся вв. ‘хлевник обл., дух хлева’ < *гид* вв. вс. вым. лл. (Обьячево) печ. скр. сс. уд. ‘небольшой теплый хлев (для овец, коров)’ , *айка, олыся* ‘дух-хозяин’ [МК 1999: 264; СДКЯ 2012: 319].

Дидса лл. < *дид* ‘теплый хлев’, -са – продуктивный словообразовательный суффикс прилагательных [Плосков 1994: 303]. В ряде диалектов коми-зырянского языка (скр. лл. нв. сс.) в начале слова перед гласными переднего ряда *и*, *э* вместо задненебных согласных *к*, *г* употребляются палатальные *т’*, *д’*.

Гидня айка ‘дух-хранитель лошадей и домашних животных’ < *гидня* вв. печ. скр. сс. ‘конюшня’, *айка* ‘дух-хозяин’.

В удмуртском языке хозяин хлева, конюшни имеет наименование *гидкузё* < *гид* ‘хлев’, *кузё* ‘хозяин’. Синонимичный мифоним – *гидутисть* букв. ‘хранитель хлева, конюшни’ < *гид* ‘хлев’, *утисть* ‘хранитель’ [УРС 2008: 160, 705].

Распространение в нескольких коми-зырянских диалектах получили наименования хлевника, где в качестве одного из компонентов выступают заимствованные из русских народных говоров лексические единицы *дед* вв. (Крч. Ст.) скр., *дедушко* сс. < рус. *дед*, *дедушко* ‘домовой’ [СРНГ 1972: 328, 330, 332]: *вöд дед* вым. (Кони, Т.) – домовой, обитающий в конюшне (букв. ‘лошадиный дед’), *мöс дед* – домовой, обитающий в хлеву (букв. ‘коровий дед’) [СДКЯ 2012: 266; МК 1999: 264]. Приведем

несколько примеров: *метсясö гигняын дедушкоыс олö* сс. (Пж.) ‘домовой обитает в основном в хлеву’ [СДКЯ 2012: 404, 405].

Можно отметить еще одно заимствованное наименование дворового домового – *амбарщик* ‘амбарник, домовый, обитающий в амбаре’. Ср. рус. Арх. Амбарник, амбарный ‘нечистый дух, домовый, обитающий в амбаре’ [СРНГ 1965: 304].

Наименования, указывающие на власть духа над домашними животными

Вöö дед вым. (Кони, Т.) – домовый, обитающий в конюшне (букв. ‘лошадиный дед’).

Мöс дед – домовый, обитающий в хлеву (букв. ‘коровий дед’) [СДКЯ 2012: 266; МК 1999: 264].

В специальной литературе отмечается, что для севернорусской мифологии характерны представления о парном характере большинства мифологических персонажей (наличие «женских» параллелей «мужским» образам), а также о способности некоторых персонажей принимать «женский» облик [Титова 2015: 146]. Коми демонимия отражает аналогичные представления.

Рынышика уд.

Именуется женскую ипостась овинного домового. Рассматриваемое наименование зафиксировано в словаре Д. Р. Фокоша-Фукса [Fokos-Fuchs 1959 II: 862]. Мифоним образован от названия овина *рыныш* с помощью диалектного суффикса *-ика*, служащего для именования лиц женского пола [Федюнева 1985: 105].

Среди коми наименований хлевника также имеются мифонимы, отражающие женскую сущность духа.

Гид ань вым., *шы ань* иж. ‘домовой хлева’ (букв. ‘женщина хлева’) < *гид* вв. вс. вым. лл. (Об.) печ. скр. сс. уд., *шы* вым. иж. уд. ‘небольшой теплый хлев для овец, телят’, *ань* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) ‘женщина’ [ССКЗД 1961: 79, 11].

Мöс ань ‘дух хлева’ (букв. ‘коровья женщина’) < *мöс* повс. ‘корова || коровий’; *ань* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) ‘женщина’.

В заключение можно отметить, что среди анализируемых наименований дворовых духов представлены как исконные лексические единицы, так и заимствованные из русских народных говоров, но группа исконных названий преобладает в количественном отношении.

С точки зрения морфологической структуры, мифонимы, именуемые хлевника и овинника, включают как однокомпонентные, так и составные (сложные) лексические единицы.

Анализ представленного материала позволил выявить лексико-семантические модели, используемые в процессе номинации. Двухком-

понентные атрибутивные номинативные единицы в качестве основного компонента имени демона содержат наименования духа (*айка, олыся*), подчеркивающие его принадлежность к разряду нечистой силы.

На женскую сущность духа указывают компоненты *ань, мам*. Большинство рассмотренных двухкомпонентных названий в качестве атрибута содержат локативные характеристики (*рыныш, гид, шы* и др.), в составе нескольких наименований зафиксированы названия животных, на которых распространяется власть мифологического существа (*вöв, мöс*).

Сокращения

Диалекты коми языка: вв. – верхневычегодский; вс. – верхнесысольский; вым. – вымский; иж. – ижемский; лл. – лузско-летский; нв. – нижневычегодский; печ. – печорский; скр. – присыктывкарский; сс. – среднесысольский; уд. – удорский.

Названия населенных пунктов: Пж. – с. Пажга, Т. – с. Турья.

Источники

МК 1999 – Энциклопедия уральских мифологий. Т. I. Мифология коми. М.: Изд-во ДИК, 1999. 480 с.

МП 2005 – Му пуксьöм = Сотворение мира / Авт.-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 624 с.

СВЯ 1972 – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, Лен. отд-е, 1972. 748 с.

СДКЯ 2012 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка: в 2-х т. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2012. Т. 1. 1096 с.

СДКЯ 2014 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка: в 2-х т. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2014. Т. 2. 888 с.

СРНГ 1965 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.–Л.: Наука, Лен. отд-е, 1965. 304 с.

СРНГ 1972 – Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, Лен. отд-е, 1972. 356 с.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.

Fokos-Fuchs D. R. Syŕjänisches Wörterbuch. I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. 1654 S.

Литература

Айбабина Е. А., Некрасова О. И. Коми сёрнисикасьясын олысяöс нимтысь заимствуйтöм кыввор = Заимствованная лексика, обозначающая домового,

в диалектах коми языка // Коми филология: научно-образовательный журнал. Вып. 9–10. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023а. С. 6–18.

Айбабина Е. А., Некрасова О. И. Наименования духов бани в диалектах коми-зырянского языка // Вестник угроведения. 2023б. Т. 13. № 1 (52). С. 7–14.

Айбабина Е. А., Некрасова О. И. Наименования домового в диалектах коми-зырянского языка // *Linguistica Uralica*. 2024. Т. 59. № 2. С. 113–124.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 391 с.

Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 130 с.

Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия. М., 2005. 784 с.

Плосков И. А. Об опыте коми мифологического словаря // *Linguistica Uralica*. 1994. Т. 30. № 4. С. 302–305.

Подюков И. А., Свалова Е. Н. Личное имя как демоним (по материалам несказочной прозы и диалектной речи Пермского края) // Славянская традиционная культура и современный мир. Пермь, 2020. С. 129–142.

Сорвачева В. А., Безносилова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 283 с.

Титова О. Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 230 с.

Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М.: Наука, 1985. 134 с.

УДК 373.24

А. Е. Бородина

*Научно-исследовательский институт национального образования
г. Ижевск*

Роль электронных образовательных ресурсов на удмуртском языке в формировании предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста

В статье обсуждается роль электронных образовательных ресурсов в контексте трансформаций на всех уровнях общего образования. Формирование предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста на удмуртском языке рассматривается на примере электронной хрестоматии «Зарни бугор» («Золотой клубок»), разработанной сотрудниками Научно-исследовательского института национального образования Удмуртской Республики.

Описывается структура электронной хрестоматии, способствующей формированию предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста. Особое внимание в статье уделяется системе, по которой разработаны задания электронной хрестоматии, состоящие из мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного компонентов.

Ключевые слова: дошкольное образование, электронные образовательные ресурсы, предпосылки читательской грамотности, удмуртский язык.

Перемены, происходящие в мире, влекут за собой трансформации на всех уровнях общего образования. В соответствии с целями и задачами, обозначенными государством перед системой образования, в России необходимо «достижение высокой степени „цифровой зрелости“ сферы образования на базе единого, качественного, безопасного образовательного пространства, построенного с учетом предоставления равного доступа к качественному верифицированному цифровому образовательному контенту и цифровым образовательным сервисам на всей территории Российской Федерации для всех категорий участников образовательных отношений» [Распоряжение].

Применение электронных образовательных ресурсов является одним из важнейших направлений цифровой трансформации образования. Предоставляя доступ к огромному количеству информации, электронные ресурсы позволяют индивидуализировать обучение и делают его более доступным.

Дошкольное образование, являясь особым периодом развития ребенка, закладывает необходимые предпосылки для формирования личности в будущем. С использованием электронных образовательных ресурсов на уровне дошкольного образования происходит смена воспитательных и образовательных практик. Изменение содержания дошкольного образования заключается в том, чтобы научить ребенка использовать по возможности ИКТ при получении новых знаний, которые будут способствовать его развитию и социальной адаптации в информационном обществе [Сергованцева 2022: 81].

Основой для успешного обучения в будущем будет являться способность ребенка воспринимать тексты, интерпретировать, осмысливать их, использовать полученные знания в своей жизни. Так необходимые для дальнейшей жизни основы формирования предпосылок читательской грамотности закладываются именно в дошкольном возрасте.

При формировании предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста активно используются электронные образовательные ресурсы. При этом наиболее эффективно этот процесс будет протекать тогда, когда будет использовано этнокультурное содержание. Так

в Удмуртской Республике использование электронных образовательных ресурсов на удмуртском языке позволяет детям познакомиться с культурой и традициями родного народа, способствует развитию языковых навыков. Кроме того, такие ресурсы делают процесс обучения интересным и увлекательным, что повышает мотивацию детей к чтению. Разработанный Научно-исследовательским институтом национального образования электронный ресурс «Зарни бугор» («Золотой клубок»)¹ предназначен для использования в образовательной практике детских садов с детьми дошкольного возраста на родном удмуртском языке.

Целью данной электронной хрестоматии является всестороннее развитие детей дошкольного возраста по социально-коммуникативному, речевому, познавательному, художественно-эстетическому, физическому направлениям на родном удмуртском языке. Электронная хрестоматия является одним из компонентов учебно-методического комплекса «Зарни бугор», в составе которого на сегодняшний день есть программа, методическое пособие, хрестоматии. Перечисленные компоненты разработаны по всем пяти образовательным областям дошкольного образования («Социально-коммуникативное развитие детей 3–7 лет», «Познавательное развитие детей 3–7 лет», «Развитие удмуртской речи детей 3–7 лет», «Художественно-эстетическое развитие», «Физическое развитие детей 3–7 лет»).

При разработке авторы учитывали необходимость создания универсальной системы, способствующей формированию у детей дошкольного возраста предпосылок читательской грамотности. Авторы опирались на системно-деятельностный подход, который предполагает активное участие всех детей в деятельности. Кроме того, особое внимание ими уделено, в соответствии с ФГОС ДО, воспитанию и развитию качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения демократического гражданского общества на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного состава российского общества [ФГОС ДО].

«С учетом специфичности дошкольного детства, разработчиками предложено доступное для детей меню, использовано красочное оформление, яркие разнообразные иллюстрации. Контент электронного пособия разработан по принципу деления дошкольного возраста на возрастные периоды: дети 3–4, 4–5, 5–6, 6–7 лет. В соответствующем возрастном блоке размещены игровые задания, расположенные по календарно-тематическому принципу. В каждом блоке задания разработаны на все 12 месяцев года» [Бородина 2020: 163]. Схематическую структуру электронного пособия можно изобразить в виде таблицы (см. таблицу 1).

¹ <https://udmkyl.ru/apps/1>

Таблица 1

Структура электронной хрестоматии «Зарни бугор» (на удмуртском языке)

«Зарни бугор» электрон хрестоматилэн пушгросэз	3–4 арсьем нылпиослы	Куарусён
		Коньывуон
		Шуркынмон
	4–5 арсьем нылпиослы	Толсур
		Толшор
		Тулыспал
	5–6 арсьем нылпиослы	Южтолэзь
		Оштолэзь
		Куартолэзь
	6–7 арсьем нылпиослы	Инвож
		Пöсöтолэзь
		Гудырикошкон

Таблица 2

Направление по ФГОС ДО	Мотивационный	Когнитивный	Деятельностный	Рефлексивный
Развитие речи детей	Зарни бугорлэсь яратоно кыл-бурзэ дышетэ	Знакомство со стихотворением К. Герда «Кенос вöзтй...» Кенос вöзтй, азбаргй Атасмы порья Чыртызэ кузь карыса, Милемлы чорья: «Кокорики! Кокорики!»	Заучивание стихотворения с опорой на картинку	Зечокёс!
Художественно-эстетическое развитие детей	Ф. Пукроковлэсь «Сйзыл» кылбурзэ сак кылзэ но дышетэ. Кыче чебер луэ сйзыл нолэс! Усё дыргытэк музъем вылэ	Знакомство со стихотворением Ф. Пукрокова «Сйзыл» Матэкгиз сйзыл, Чужекто курьёс.	Заучивание стихотворения и рассказывание с опорой на картинку	Зечокёс!

	куаръёс. Сйзыл нолтэ шоры учкыса, кылбурлтэсь кылъёссэ толадай вайыны капчигес луоз	Усыны озы Дасясько соос. Усё чуж куаръёс, Котыр бергаса. Оргчем гужемез Жожмыт малпаса. Рассматривание картинки Заучивание песни «Чагыр, чагыр, дыдыке» Чагыр, чагыр, дыдыке, Малы пыддэ жобаськод? Чебер пие, гыдыке, Малы ялан бөрдйськод? Бадзым будод, тйр кутод, Сике мынод кырзаса; Жужыг кыззэ уськытод, Жадёд, пулэ кораса. Мынам быроз ас пёры, Витё, тонэ жаляса. Шунды ватскоз тэль сьёры, Бертод дорад жадьыса. Сюдо тонэ табанен, Йырлэ вöйын вöйса. Юод мушсур чечыен, Анай пöзыгэм шуыса. Чагыр, чагыр, дыдыке, Малы пыддэ жобаськод? Чебер пие, гыдыке, Малы ялан бөрдйськод?	Пение песни «Чагыр, чагыр, дыдыке»	Зечокъёс!
Художественно-эстетическое развитие детей	Эскере суредз. Кызы малпаськоды, кыче кырзан нылаш мунёсзлы кырза? Ойдо кырзалом со кырзанз но дышетомы			

Большинство детей дошкольного возраста читать еще не умеют, поэтому все задания представлены в озвученном виде. Каждое задание состоит из нескольких этапов: мотивационный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный.

Система по формированию предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста показана в таблице 2 на примере этнокультурного содержания электронной хрестоматии «Зарни бугор» для детей 3–4 лет (месяц: сентябрь).

Наличие каждого этапа при формировании предпосылок читательской грамотности с использованием электронной хрестоматии «Зарни бугор» решает свои определенные задачи. Содержание мотивационного компонента используется для привлечения внимания детей к заданию, для создания проблемной ситуации.

Когнитивный компонент знакомит детей с новой информацией. Дети знакомятся с песней, фольклорным или художественным произведением.

Деятельностный компонент привлекает ребенка к определенным действиям. Детям даются задания с опорой на различные виды деятельности: запомнить, спеть, повторить, выучить, нарисовать, станцевать, показать в театрализованной деятельности и т. д.

Рефлексивный компонент предполагает создание ситуации успеха. В электронной хрестоматии после каждого выполненного задания дети слышат «*Зечокъёс*» («*Молодцы*»). С детьми 5–7 лет рефлексивный компонент предполагает беседы по выявлению личного мнения о прочитанном произведении.

Таким образом, электронная хрестоматия «Зарни бугор», знакомя с культурой и традициями удмуртского народа, развивая языковые навыки и повышая мотивацию к чтению, представляет собой комплекс заданий по формированию предпосылок читательской грамотности детей дошкольного возраста на удмуртском языке.

Литература

Бородина А. Е. Учебно-методический комплекс «Зарни бугор» как современная педагогическая технология этнокультурного дошкольного образования Удмуртской Республики // Современное педагогическое образование. 2020. № 12. С. 161–164.

Распоряжение – Распоряжение Правительства РФ от 18 октября 2023 г. № 2894-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407790373/>

Сергованцева М. В. Электронные образовательные ресурсы как средство формирования информационной культуры у детей старшего дошкольного возраста в процессе ознакомления с окружающим миром // Вестник науки. 2022. Т. 1. № 4 (49). С. 81–85.

ФГОС ДО – Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/> (дата обращения: 17.10.2024).

УДК 372.881

Н. П. Боталова

*Научно-исследовательский институт национального образования
г. Ижевск*

Роль учебно-методического комплекса «Жеч-а, бур-а, удмурт кыл!» в обучении удмуртскому языку в начальной школе

В предлагаемой работе рассмотрена роль учебно-методического комплекса «Жеч-а, бур-а, удмурт кыл!» («Здравствуй, удмуртский язык!») в обучении удмуртскому языку учащихся начальной школы, не владеющих родным удмуртским языком. Автором отмечена необходимость использования всех компонентов комплекса и его ресурсов, как единого целого, с целью эффективного обучения удмуртскому языку.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс, удмуртский язык, начальная школа, обучение.

В школах Удмуртии изучение предмета «Родной (удмуртский) язык» осуществляется по двум вариативным программам. Первая программа разработана для обучающихся, владеющим удмуртским языком [ФРП ВРЯ], вторая – для обучающихся, не владеющих родным удмуртским языком [ФРП НВРЯ]. Сотрудниками казенного научного учреждения Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования» (далее – Институт) для данных программ разработаны 2 линии учебно-методических комплексов по обучению удмуртскому языку.

Основными задачами, заложенными в программе по обучению удмуртскому языку обучающихся, не владеющих родным удмуртским языком, являются: формирование коммуникативной компетенции учащихся, выраженной в способности учащихся общаться на удмуртском языке в устной (говорение и понимание речи на слух) и в письменной (чтение и письмо) формах; формирование у школьников интереса и положительного отношения родному удмуртскому языку, культуре, традициям; развитие у школьников общеязыковых, интеллектуальных, познавательных способностей; воспитание духовно-нравственных качеств личности

обучающихся; развитие функциональной грамотности, готовности к успешному взаимодействию с изменяющимся миром; воспитание гражданина, патриота своей страны [ФРП НВРЯ].

Для определения стартового уровня владения устной удмуртской речью детей к моменту поступления в 1-й класс в школах Удмуртии проводится диагностика, разработанная в Институте (автор Ю. Т. Байтерякова), позволяющая определить, по какой из программ будет вестись обучение удмуртскому языку в том или ином классе. Диагностические материалы даны в 8 вариантах, куда включено 20 заданий, которые направлены на определение сформированности словарного запаса дошкольника, на выявление умения слышать и произносить звуки удмуртской речи, умения строить свою речь в соответствии с лексико-грамматическими нормами удмуртского языка, понимания слушать удмуртскую речь, умения вести диалог со взрослым и рассказывать об увиденном на удмуртском языке [Байтерякова 2023]. Будущие первоклассники, набравшие менее 22 баллов, будут изучать удмуртский язык по учебно-методическому комплексу (далее – УМК) «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» («Здравствуй, удмуртский язык!»), предназначенному для обучения удмуртскому языку детей, не владеющих родным удмуртским языком.

Педагогическая наука и практика убедительно доказывают, что «качество и результативность образовательного процесса существенно повышаются, если его учебно-методическое обеспечение осуществляется комплексно» [Фоминых 2014: 307]. Для успешного обучения удмуртскому языку обучающихся, не владеющих удмуртским языком, сотрудниками Института разработан УМК «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» для уровня начального общего образования, состоящий из следующих компонентов: печатная и электронная формы учебника, рабочая тетрадь, методическое пособие для учителя, учебно-методическое пособие с контрольно-измерительными материалами и учебно-методическое пособие по системе оценки образовательных результатов по учебным предметам «Родной (удмуртский) язык» и «Литературное чтение на родном (удмуртском) языке».

Учебник по удмуртскому языку имеет поурочную структуру. Он состоит из тематических разделов, каждый из которых имеет единую структуру: открывается шмуцтитлом, раскрывающим его тематическое речевое содержание, далее размещены уроки введения и закрепления нового материала, уроки чтения. Также в учебнике выделены часы для уроков промежуточной и итоговой проверки планируемых предметных результатов учащихся. Завершается тематический раздел проектным уроком. В содержание учебников заложен материал, который способствует формированию элементарной коммуникативной компетенции у младших школьников, положительной мотивации и устойчивого учебно-познавательного интереса к предмету «Родной (удмуртский) язык».

Линия электронных форм учебников для уровня начального общего образования представляет собой обширный ресурс дополнительных мультимедийных и интерактивных материалов, куда включены аудио- и видеоматериалы, песни с фонограммами для разучивания, грамматические презентации, тесты в режимах «тренажер» и «контроль», русско-удмуртский и удмуртско-русский словари, грамматический справочник, что является необходимым и важным компонентом в обучении удмуртскому языку [Байтерякова, Боталова 2019].

Рабочая тетрадь является частью УМК, где даны разнообразные письменные задания к каждому уроку учебника для закрепления лексических, грамматических и орфографических навыков. В тетради представлены ребусы, загадки, кроссворды. Использование данных упражнений эффективно для обогащения словарного запаса, развития речи, воспитания любви к малой Родине, удмуртскому языку. Задания в рабочей тетради запланированы для работы обучающихся не только дома, но и в классе. Они являются логическим продолжением заданий учебника.

Методическое пособие для учителя разработано в рамках реализации требований федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [ФГОС НОО]. В пособии дана общая характеристика УМК «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!», раскрыты личностные, метапредметные, предметные задачи, а также планируемые результаты обучения; разъяснены особенности и механизмы обучения удмуртскому языку, размещено поурочное планирование и разработки некоторых уроков. В пособии представлено тематическое планирование по разделам учебника, где дается характеристика деятельности и указываются методы и формы учебной деятельности. Данное подробное представление формы работы по изучению раздела имеет практико-ориентированную ценность.

Пособие с контрольно-измерительными материалами по предметной линии «Родной (удмуртский) язык» для учащихся, не владеющих удмуртским языком, для уровня начального общего образования адресовано педагогам и обучающимся для проведения стартовой диагностики, текущей и промежуточной аттестации и оценки достижения планируемых результатов по освоению общеобразовательной программы учебного предмета «Родной (удмуртский) язык». Тестовые материалы позволяют учителю определить, насколько хорошо усвоен учебный материал, и соответствующим образом скорректировать учебный процесс.

В учебно-методическом пособии по системе оценки образовательных результатов раскрыты подходы к оцениванию планируемых результатов обучения по учебным предметам «Родной (удмуртский) язык» и «Литературное чтение на родном (удмуртском) языке». Дается общая характеристика личностных, метапредметных и предметных результатов, видов оценочных работ (стартовая, текущая, тематическая, промежуточная

и итоговая); раскрывается значение, особенности организации оценки планируемых результатов обучения, которые определяют перспективное построение образовательного процесса; приводятся образцы проверочных, контрольных и комплексных работ [Байтерякова и др. 2020].

Необходимо отметить, что УМК «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» предлагает комплекс упражнений, направленных на развитие 4 видов речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение, письмо.

В обучении удмуртскому языку детей, не владеющих родным языком, важную роль играют упражнения на аудирование, в содержание которых включены диалоги, стихотворения, небольшие по объему адаптированные тексты, скороговорки, считалки, соответствующие возрастным особенностям, интересам учащихся и имеющие воспитательную ценность. Их содержание по мере изучения углубляется и расширяется.

Большое внимание в обучении также уделяется разучиванию песен. В содержание электронных форм учебников для младших школьников включено более 40 песен, которые могут быть использованы на любом из этапов урока с целью повышения эмоционального настроения учащихся, активизации умственной деятельности, тренировки произношения звуков и букв, прочного усвоения лексических единиц.

В обучении по УМК «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» очень важна роль системы упражнений в формировании речевой компетенции младших школьников. В данном УМК для развития речевых навыков представлены имитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные упражнения, которые базируются на фонетических, лексических и грамматических навыках [Коткова 2019].

Обучающимся начальной школы для чтения и понимания их содержания предложены небольшие учебные тексты, переводные адаптированные произведения русских писателей, аутентичные тексты (детские стихотворения, рассказы удмуртских писателей, загадки, скороговорки, скороговорки), построенные на изученном языковом материале.

Для формирования коммуникативной и познавательной активности школьников и усиления мотивации изучения удмуртского языка в линии УМК «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» создана система сквозных персонажей, участвующих в диалогах, монологах, предлагающих выполнять различные интересные задания [Боталова, Рябина 2024].

Герои учебников помогают учащимся знакомиться с удмуртскими сверстниками, детским удмуртским фольклором, некоторыми образцами художественной литературы, этнокультурными особенностями удмуртского края, достопримечательностями городов Золотого кольца России и т. п.

Таким образом, разработанный для обучения удмуртскому языку учебно-методический комплекс «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» и его компо-

ненты представляют собой единое целое и имеют все необходимые ресурсы, помогающие эффективно обучать удмуртскому языку учащихся начальной школы, не владеющих данным языком.

Литература

Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 1-тй классэ мынйсь нылпиослэсь удмурт кылын вераськон дасьлыкэс эскеронъя диагностической ужъёс: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Удмуртия, 2023. 44 б.

Байтерякова Ю. Т., Боталова Н. П. Электронные формы учебников как современное дидактическое средство в обучении удмуртскому языку // Надькинские чтения. Родной язык как средство сохранения и трансляции культуры, истории и преемственности поколений в условиях многонационального государства: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф. Саранск, 2019. С. 23–30.

Байтерякова Ю. Т., Боталова Н. П., Тимирязнова И. Ф. «Удмурт кыл» но «Литературной лыдзиськон» предметъёсья ужъемышъёсты дунъян сӧзнэт. 1–4-тй классъёс: методика пособие. Ижевск: Удмуртия, 2020. 144 б.

Боталова Н. П., Рябина Е. С. Обучающая роль сквозных персонажей учебника удмуртского языка для 1 класса // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Преподавание родных языков народов России: теория, практика, перспективы». М., 2024. С. 78–82.

Коткова А. В. Роль упражнений в формировании речевой компетенции младших школьников на уроках удмуртского языка как неродного // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск, 2019. С. 254–257.

ФГОС НОО – Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607175842> (дата обращения: 18.10.2024).

Фоминых И. В. Роль учебно-методического комплекса в обеспечении качества образования // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). СПб., 2014. С. 307–309.

ФРП ВРЯ – Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Родной (удмуртский) язык» (для обучающихся, владеющих родным (удмуртским) языком) [Электронный ресурс]. URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html?ysclid=m2ej6yufql864281042#/sections/100200352> (дата обращения: 18.10.2024).

ФРП НВРЯ – Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Родной (удмуртский) язык» (для обучающихся, не владеющих родным (удмуртским) языком) [Электронный ресурс]. URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html#/sections/100200353> (дата обращения: 18.10.2024).

К. Ф. Бубина
*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск*

Из истории изучения говоров собственно южного диалекта удмуртского языка

В статье проводится анализ работ отечественных и зарубежных ученых, касающихся говоров собственно южного диалекта удмуртского языка. Более детально рассматриваются исследования, в которых находит отражение языковая специфика указанных говоров. Анализ источникового материала показал, что данный диалектный ареал изучен фрагментарно. Для получения более полной картины фонетико-морфологических и лексических особенностей говоров необходимо проведение комплексного исследования.

Ключевые слова: диалектология, удмуртский язык, собственно южный диалект, исследователи.

В удмуртской диалектологии на данный момент наименее изученными являются говоры собственно южного диалекта. Указанные говоры распространены в южной части Удмуртской Республики и в административно-территориальном отношении включают в себя говоры удмуртов, проживающих в Алнашском, Киясовском, Граховском районах, южной части Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов Удмуртии и в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менделеевского района Татарстана [Кельмаков 1998: 42].

Фиксацией и описанием своеобразия удмуртских диалектов в различные периоды занимались как отечественные, так и зарубежные лингвисты. Наша работа посвящена анализу источников и материалов, касающихся языковых особенностей говоров собственно южного диалекта.

В XIX в. исследователями удмуртской диалектной речи современные говоры собственно южного диалекта чаще всего обозначались термином «елабужский диалект» [Wiedemann 1858; Munkácsi 1887; Wichmann 1893; 1901a; 1901b].

Впервые особенности говоров данного ареала нашли отражение в работах известного финно-угроведа Ф. Й. Видеманна. В работе «Zur Dialektkunde der wotjakischen Sprache», опубликованной в 1858 г., ученым выделено 6 удмуртских диалектов: глазовский, сарапульский, малмыжский, оренбургский, казанский и елабужский, где под последним

имеются в виду рассматриваемые нами говоры. В списке слов, представленных в работе Ф. Й. Видеманна, зафиксированы также отдельные лексемы, которые свойственны «елабужскому диалекту», например: *vil'* [Wiedemann 1858: 23] 'новый', *gid'* [Там же: 14] 'хлев', *taktas'kyny* [Там же: 12] 'хвастаться', *uram* [Там же: 14] 'улица', *varum* [Там же: 14] 'время, определенный промежуток времени' и др.

Определенный материал по исследуемым говорам содержится в работах известного венгерского ученого Берната Мункачи. В ходе экспедиции, организованной в 1885 г., он побывал у различных групп удмуртов. Результаты этой поездки получили отражение в его книге «*Votják népköltészeti hagyományok*» [Munkácsi 1887] и диалектологическом словаре «*A votják nyelv szótára*» [Munkácsi 1896]. Тексты и лексика по «елабужскому диалекту», включенные в фольклорный сборник и словарь, дают нам возможность выделить некоторые отличительные черты этого диалекта. Приведем слова, представленные в текстовых материалах Б. Мункачи с пометой «елабужский диалект»: *vil'* [Munkácsi 1887: 120] 'новый', *ám-jum* [Там же: 126] 'лекарство', *olo-kin'* [Там же: 58] 'кто-то', *kijar* [Там же: 58] 'огурец', *kus'kijnj* [Там же: 152] 'начинать', *gid'* [Там же: 156] 'хлев', *gord kušman* [Там же: 28] 'свекла', *sul'der* [Там же: 28] 'рисунок, чучело', *s'ain* [Там же: 120] 'по' и др.

Интересный языковой материал венгерский ученый записал в годы Первой мировой войны от военнопленных удмуртов у себя на родине. Сам автор при жизни не успел подготовить к публикации собранные тексты. После определенной доработки их издал венгерский ученый Д. Р. Фокош-Фукс под названием «*Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*» (1952). Среди 25 информантов Б. Мункачи было 6 удмуртов Елабужского уезда. В записях венгерского ученого нашли отражение языковые особенности «елабужского диалекта», в частности: отдельные фонетические черты (*pin'al* [Munkácsi 1852: 424] 'молодой', *olo-kin'* [Там же: 386] 'кто-то', *us'ki* [Там же: 409] 'я посмотрел', *gjnä* 'лишь, только'), некоторые морфологические явления (выражение деепричастия с помощью суффикса *-кы*: *äktikj* [Там же: 386] 'танцует', *värakj* [Там же: 386] 'говоря'; образование форм датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа с помощью суффикса *-лы*: *mil'emlj* [Там же: 412] 'нам', *til'etlj* [Там же: 412] 'вам'); лексические особенности (*kijar* [Там же: 391] 'огурец', *ulmo* [Там же: 418] 'яблоко', *kurdas'ko* [Там же: 396] 'я боюсь', *uram* [Там же: 378] 'улица').

Значительный материал по языковым особенностям удмуртских диалектов, в том числе говоров собственно южного диалекта, содержится в работах финского ученого Ю. Вихманна «*Wotjakische Sprachproben*»

[Wichmann 1893; 19016] и «Wotjakische Crestomathie mit Glossar» [Wichmann 1901a]. Исследователь дважды побывал в экспедициях (1891 г., 1894 г.) у различных групп удмуртов и собрал богатый фольклорный материал. Тексты по «елабужскому диалекту» Ю. Вихманн записал в двух населенных пунктах Старый Утчан и Котнырево Алнашского района, расположенных на территории распространения нижеижских говоров. В два тома книги «Wotjakische Sprachproben» [Wichmann 1893; 19016] включено примерно 130 фольклорных текстов по «елабужскому диалекту», среди которых 69 обрядовых и свадебных песен, 35 пословиц и поговорок, 19 рекрутских песен и 7 шуточных песен. В работах ученого зафиксированы отдельные фонетические и морфологические черты указанного диалекта, например: 1) функционирование заднеязычного носового согласного *ŋ*: *baŋ* [Wichmann 19016: 77] ‘щека’, *puŋiz* [Там же: 77] ‘конец’, *ziŋ* [Там же: 77] ‘запах’; 2) замена согласного *л* на билабиальный *ʃ*: *vāʃ* [Там же: 75] ‘лошадь’, *piŋāʃ* [Там же: 78] ‘молодой’; 3) употребление в ряде слов гласного *ö* вместо *o*: *göl̥ik* [Там же: 83] ‘голый’; 4) функционирование деепричастного суффикса *-ку* в варианте *-кы*: *p̥iʃik̥i* [Там же: 80] ‘заходя’, *baʃtik̥i* [Там же: 76] ‘покупая’. Кроме того, в фольклорно-диалектологических материалах Ю. Вихманна встречаются лексемы, присущие южным говорам, в частности: *kukej̥* [Там же: 74] ‘яйцо’, *bukoy* [Там же: 77] ‘дуга’, *s’um̥ik* [Там же: 70] ‘бокал, рюмка’, *kel’šem* [Там же: 71] ‘понравился’.

Значительная роль в изучении говоров собственно южного диалекта принадлежит удмуртскому ученому и общественному деятелю Т. К. Борисову. По материалам фольклорно-лингвистической экспедиции к удмуртам, проживающим в различных населенных пунктах Алнашского района, исследователем была опубликована книга «Песни южных вотяков» [Борисов 1913]. Работа представляет собой сборник песен алнашских удмуртов с комментариями. В дальнейшем ученый дополнил книгу новым материалом и переиздал ее в 1929 г. Отметим отдельные языковые особенности говора алнашских удмуртов, которые нашли отражение в первом издании указанного сборника: 1) палатализация согласных *н* и *т* под влиянием предыдущего гласного *и*: *пин’ал* (< *пинал*) [Борисов 1913: 7] ‘молодой’, *мин’дэр* (< *миндэр*) [Там же: 8] ‘подушка’, *кин’* (< *кин*) [Там же: 126] ‘кто’; 2) образование деепричастий с временным значением при помощи суффикса *-кы*: *л’укис’кыкы* [Там же: 22] ‘расставаясь’, *вас’кыкы* [Там же: 28] ‘спускаясь’, *вошитис’кыкы* [Там же: 99] ‘меняясь’; 3) функционирование специфических лексем (*зоскыт* [Там же: 56] ‘тугой’, *базытэк* [Там же: 57] ‘не веря’, *алама* [Там же: 58] ‘плохой’).

Большую научную ценность с точки зрения фиксации лексики удмуртских диалектов представляет другая работа Т. К. Борисова –

словарь «Удмурт кыллюкам» [Борисов 1932; 1991], опубликованный в 1932 г. и переизданный в 1991 г. Он включает в себя около 15 000 удмуртских лексем с элементами толкования и с указанием на их диалектную принадлежность. В удмуртском языке автор выделяет 4 наречия: северное, срединное, южное и крайне-южное, которые в свою очередь распадаются на говоры. По мнению Т. К. Борисова, южное наречие распространено в бассейне р. Тоймы и включает в себя говор удмуртов, в административном отношении входящих в бывший Елабужский уезд. Ученый считает, что это наречие можно бы именовать тойминским или камско-вятским [Борисов 1991: XV]. В предисловии к словарю Т. К. Борисов дает краткую характеристику удмуртских наречий. К примеру, в качестве дифференциальной фонетической черты южного наречия исследователь указывает на активное функционирование носового согласного звука *нг*: *банг* (юж.), *бам* (сев.), *бан* (бес.) ‘щека’ [Борисов 1991: XIX]; *чанга* (юж.), *чана* (сев.) ‘галка’ [Там же: XIX]; *ангалтйськыны* (юж.), *ангалткыны* (сред.), *аналтскыны* (сев.) ‘излениваться’ [Там же: XIX]. С пометой «южное наречие» в словарь включено 418 лексем. Автором отмечены такие характерные для южного наречия слова, как: *аби* ‘бабушка’ [Там же: 3], *агай* ‘старший брат’ [Там же: 38], *азьдор* ‘переднее место’ [Там же: 42], *бака* ‘лягушка, жаба’ [Там же: 58], *бальян* ‘рысь’ [Там же: 58], *вапунг* ‘век’ [Там же: 77], *валтук* ‘копыто лошади’ [Там же: 80] и др.

С середины 50-х гг. XX в. в истории удмуртской диалектологии начался новый этап, ведущим направлением которого стало теоретическое описание говоров на всех уровнях системы языка либо отдельных его уровней или явлений. В данный период было опубликовано много работ, посвященных описанию отдельных удмуртских говоров.

Большое значение в исследовании говоров собственно южного диалекта имеют труды Г. А. Архипова. Этим ученым был опубликован ряд статей, касающихся особенностей среднеюжного диалекта, в частности: «Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка» [Архипов 1962: 189–206], «Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I» [Архипов 1978: 3–46], «Среднеюринский говор I» [Архипов 1981: 5–44], «Среднеюринский говор II» [Архипов 1982: 28–59]. Две последние из указанных работ посвящены описанию фонетических, грамматических и лексических черт среднеюринского говора. В частности, им отмечены следующие языковые особенности говора: 1) выпадение гласных в структуре слова: *мынса* (< *мыныса*) [Архипов 1981: 8] ‘идя, направляясь’, *кэнсы* (< *кэносэ*) ‘идя, направляясь’ [Там же: 8]; 2) явление ассимиляции в области согласных: *гыл’л’аны* (< *гылйаны*) ‘полоскать’ [Там же: 6], *пин’ал’л’ос* (< *пиналийос*) ‘дети’ [Там же: 6]; 3) вставка звуков в конце слов: *мэдак* (< *мэда*) ‘ли, же’

[Там же: 7], *гынэк* (< *гинэ*) 'лишь' [Там же: 7]; 4) палатализация согласных *н*, *д*, *т* в соседстве с переднерядным гласным *и*: *ин'* [Там же: 7] 'небо', *с'ин'* 'глаз' [Там же: 7], *гид'* 'хлев' [Там же: 7], *от'и* 'там' [Там же: 7]; 5) явление деаффрикатизации: *эс'* (< *эч*) 'хорошо' [Там же: 8], *кэс'* (< *кэч*) 'коза' [Там же: 8]; 6) выражение форм винительного падежа существительных суффиксом *-ыз*: *с'ас'каосыз* (сев. *с'ас'каосты*) 'цветы' [Там же: 9], *ныл'л'осыз* (сред. *ныл'л'осты*, сев. *ныл'юсты*) 'девочек, девчушек' [Там же: 9]; 7) функционирование специфических лексем: *казар'яс'кыны* 'вести себя высокомерно (т. е. как казар)', *задират' нос'* [Там же: 10], *зэрэ-бэй* 'пест' [Там же: 10] и др.

В статье «Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка» Г. А. Архипов отмечает, что к среднеюжному диалекту относятся удмуртские говоры, распространенные в северной части Алнашского района (бассейн р. Чаж), восточной части Можгинского района (бассейны рек Сарсак, Лудзи, Пычас), юго-западной части Малопургинского района (бассейны рек Юри, Бобья, Агрызка). Как далее продолжает ученый, «<...> носителями этих говоров являются прикибынские, прибобынские, приагрызские, припычасские и прилудзинские удмурты» [Архипов 1978: 3]. Отметим некоторые особенности, выявленные автором в области морфологии указанного диалекта: 1) выражение форм винительного падежа множественного числа существительных суффиксом *-ыз*: *эййосыз* 'друзей, товарищей' [Архипов 1978: 24], *ыжйосыз* 'овец' [Там же: 24]; 2) оформление деепричастий с суффиксом *-кы*: *мыныкы* (лит. *мыныку*) 'когда идешь' [Там же: 3], *гырыкы*, *гыркы* (лит. *гырыку*) 'когда пашешь; при вспашке' [Там же: 3–4] и др.

Выдающимся специалистом в области удмуртской диалектологии является В. К. Кельмаков. Две свои работы ученый посвятил описанию диалектных особенностей говоров Киясовского района, относящихся по языковым особенностям к собственно южному диалекту [Кельмаков 1977: 26–61; 1978: 65–85]. Рассматриваемые говоры автор именует «кырыкмасскими». В. К. Кельмаков отмечает следующие характерные черты кырыкмасских говоров: 1) функционирование в определенном количестве слов гласного *ы* на месте *и* северноудмуртских диалектов: *чърдэ* (сев. *чир-дэ*) 'поет' [Кельмаков 1977: 31], *с'ърпу* (сев. *с'ирпу*) 'вяз' [Там же: 31], *гънэ* (сев. *гинэ*) 'лишь, только' [Там же: 31]; 2) употребление трех вариантов фонемы *ы*: *ым*, *ъм*, *ъм* 'рот' [Там же: 27], *ыж*, *ъж*, *ўж* 'овца' [Там же: 27], *кытын*, *кътън*, *кытъын* 'где' [Там же: 27]; 3) функционирование гласного *и* в соседстве с палатальным согласным в маркерах элатива и эгресива: *гуртис'* 'из деревни' [Там же: 30], *бакчаис'* 'из огорода' [Там же: 30], *отис'эн* 'оттуда' [Там же: 30], *кытис'эн* 'откуда' [Там же: 30] и др.

Теоретическому описанию фонетической системы и морфологического строя удмуртских диалектов посвящена книга В. К. Кельмакова

«Краткий курс удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998]. Помимо этого, работа включает в себя значительный корпус текстов, охватывающих большинство диалектов удмуртского языка. Собственно южный диалект, по мнению В. К. Кельмакова, представляют удмуртские говоры, распространенные в Алнашском, Киясовском, Граховском, южной части Малоपुरгинского, Можгинского и Кизнерского районов Удмуртии и в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менделеевского района Татарстана [Кельмаков 1998: 42]. В качестве отличительных черт указанного диалекта ученый приводит следующие явления: 1) функционирование перед палатальными согласными гласного *и* на месте *ы* севернoudмуртских диалектов: *вил'* (сев. *выл'*) 'новый' [Кельмаков 1998: 65], *тис'* (сев. *тыс'*) 'семя, зерно' [Там же: 65], *из'ы* (сев. *ыз'ы*) 'шапка' [Там же: 66]; 2) палатализация согласных *н*, *д*, *т* в соседстве с переднерядным гласным *и*: *н'ин'* 'лыко' [Там же: 107], *бурччин'* 'шелк' [Там же: 107], *кэбит'* 'кузница' [Там же: 107]; 3) выражение аккузатива множественного числа имен существительных суффиксом *-ыз*: *коркаосыз* (< *коркаосты*) 'дома' [Там же: 113], *ад'амиосыз* (< *ад'амиосты*) 'людей' [Там же: 113] и др.

Значительный интерес в отношении фиксации текстового материала собственно южного диалекта представляет сборник В. К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи 3. Южные говоры 1» [Кельмаков 2015]. Он включает в себя фольклорно-диалектологический материал, зафиксированный в 19 населенных пунктах Можгинского (юго-восточная часть) и 10 селениях Малоपुरгинского (юго-западная часть) районов. В книгу вошли 225 транскрибированных текстов на удмуртском языке с переводом на русский, среди которых 79 преданий, 39 сказок, 20 сказов, 6 быличек, 49 песен, 122 приметы и поверья, 42 загадки, а также небольшое количество колыбельных и детских песен. К сожалению, в сборнике отсутствует текстовый материал по народно-поэтическому творчеству алнашских и киясовских удмуртов, язык которых является объектом нашего исследования.

В 1981 г. издается коллективный сборник «Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи», в котором представлены также две статьи по интересующим нас говорам собственно южного диалекта. В работе Б. Ш. Загуляевой «Говоры дд. Муважи и Чумали» [Загуляева 1981: 126–136] дается краткое описание фонетико-морфологических особенностей говоров удмуртов двух населенных пунктов, расположенных в ареале алнашского говора. Автором в качестве различительных признаков указанных говоров приведены следующие явления: 1) замена аффрикаты *ч* щелевым *с'*: *žус'* (лит. *žуч*) 'русский' [Загуляева 1981: 126], *žэс'* (лит. *žеч*) 'хороший' [Там же: 126], *кэс'така* (лит. *кечтака*) 'козел' [Там же: 126]; 2) палатализация согласных *н* и *т* под влиянием

предыдущего гласного *и*: *кин'* (лит. *кин*) 'кто' [Там же: 126], *огин'ын* (лит. *огинын*) 'вместе, в одном месте' [Там же: 126], *пуңит'* (лит. *пумит*) 'против, навстречу' [Там же: 126], *от'и* (лит. *отй*) 'там, по тому месту' [Там же: 126]; 3) стяжение гласного *о* в именах существительных (и местоименных основ) во множественном числе: *кунос* (< *куноос*) 'гости' [Там же: 126], *нылкышнос* (< *нылкышноос*) 'женщины' [Там же: 126], *сос* (< *соос*) 'они' [Там же: 127]. Отмечены также единичные случаи стяжения от основ на *а* и *ай*: *анос* (< *анаййос*) 'мамы' [Там же: 127], *атос* (< *атаййос*) 'отцы' [Там же: 127].

Некоторые сведения по языку южных удмуртов представлены в статье М. Г. Атаманова «Граховские говоры южноудмуртского наречия» [Атаманов 1981: 45–96]. Автор сосредотачивает свое внимание преимущественно на анализе фонетико-морфологических черт языка удмуртов, проживающих на территории Граховского района. К примеру, ученым отмечены такие специфические черты исследуемых говоров, как-то: 1) употребление в определенном количестве слов в соседстве с последующим велярным согласным или между *ж* и *ш* и последующим палатальным согласным гласного *ы* на месте *и* северноудмуртских диалектов: *гынэ* (сев. *гинэ*) 'только, лишь' [Атаманов 1981: 48], *жыл'ы* (сев. *жил'ы*) 'цепь' [Там же: 48]; 2) функционирование трех вариантов фонемы *ы*: *ыш-калтыны*, *ышкالتън*, *ышкالتън* 'выдернуть' [Там же: 48]; *ыгы*, *ьгъ*, *ьгъй* 'серьги' [Там же: 48]; 3) употребление в пределах первого слога в позиции перед палатальными согласными гласного *и* на месте *ы* северноудмуртских диалектов: *пиз'* 'мука' [Там же: 70], *вил'* 'новый' [Там же: 70], *биз'ын(ы)* 'выйти замуж' [Там же: 70] и др.

Таким образом, говоры собственно южного диалекта являлись объектом внимания ученых в различные периоды. Однако, как показал анализ материала, на данный момент они не получили комплексного описания. В специальной лингвистической литературе нашли отражение лишь отдельные диалектные микросистемы исследуемого языкового ареала. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего системного описания и анализа говоров собственно южного диалекта.

Сокращения

бес. – бесермянское наречие удмуртского языка, лит. – удмуртский литературный язык, сев. – северное наречие удмуртского языка, сред. – срединные говоры удмуртского языка, юж. – южное наречие удмуртского языка.

Литература

Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1962. С. 189–206.

Архипов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 3–46.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5–44.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 28–59.

Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.

Борисов Т. К. Песни южных вотяков. Ижевск: Удкнига, 1929. 102 с.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. XXXII + 384 с. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие). [Переиздание: Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удгиз, 1932. 374 с.].

Загуляева Б. Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26–61.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65–85.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 old.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (SUSA = JSFOu 11).

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Clossar. Helsingfors, 1901a. V + 134 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901b. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (SUSA = JSFOu 19).

Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Mélanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Péterbourg, III. St.-Péterbourg, 1858. S. 533–555.

Онтолингвистические аспекты порождения речи в условиях русско-удмуртского двуязычия

Статья посвящена исследованию особенностей становления системы пространственных падежей в речи носителей удмуртского языка. Респондентами выступили дети дошкольного возраста, владеющие удмуртским и русским языками. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что среди пространственных падежей первыми формируются инессив и иллатив. Следующей падежной формой является элатив. Остальные члены парадигматического ряда формируются в возрасте от 5 лет и старше. Подробное изучение особенностей становления детской речи позволяет лучше понять механизмы приобретения и использования языковых структур детьми, что важно для понимания языкового развития в детском возрасте и разработки методик языкового обучения.

Ключевые слова: удмуртский язык, пространственные падежи; онтолингвистика; инессив, иллатив, элатив.

Изучение детской речи является важным аспектом языкознания. В онтолингвистической литературе традиционно рассматриваются особенности формирования фонетической системы, пути и темпы освоения морфологических показателей, в частности, падежных форм существительных или категории времени глагола, вопросы становления синтаксиса в конкретном языке [Цейтлин 2009, Елисеева 2015: 226–228]. Необходимо подчеркнуть, что освоение грамматических форм слова в разных языках происходит по-разному [Воейкова 2015: 144, Ионова 2007: 6], в связи с чем необходимо проведение специальных исследований в отношении каждой языковой группы (см. об этом: [Воейкова 2015, Ионова 2007, Лепская 2013]). В удмуртской лингвистике онтолингвистические исследования до сих пор не являлись предметом научных изысканий, что определяет актуальность данной статьи. Ее целью является определение особенностей формирования системы пространственных падежей в речи носителей удмуртского языка.

На данном этапе своего развития удмуртский язык имеет довольно развитую падежную парадигму. С точки зрения современной лингвистики, система склонения литературного удмуртского языка представлена 15 членами парадигматического ряда, которые традиционно подразделя-

ются по основному значению на субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и пространственные падежи. К последним относят инессив (местный), иллатив (входный), элатив (исходный), эгрессив (отдалительный), пролатив (переходный), терминатив (предельный) и аппроксиматив (направительный) (см. об этом: [ГСУЯ 1962: 86; Кондратеева 2011]). Число падежей в удмуртских диалектах насчитывается от 12 до 21 [Кельмаков 1994: 97].

С целью определения онтолингвистических особенностей формирования пространственных падежей в системе современного удмуртского языка был собран лингвистический материал от носителей исследуемого языка в возрасте от 3 до 7 лет. Полевые исследования проводились в д. Мувыр Шарканского района Удмуртской Республики. В работе применяются описательный, экспериментальный и сопоставительный методы, метод интервьюирования, а также методы сбора данных, включающие использование иллюстративного материала для визуальной демонстрации особенностей пространственных падежей.

Для фиксации речевого материала был использован диктофон, что позволило создать аудиозаписи и обеспечить возможность дальнейшего анализа и обработки полученного материала. Следует подчеркнуть, что в рамках данного исследования парадигматика местных падежей удмуртского языка в детской речи изучалась отдельно в каждой возрастной группе. На основе анализа собранного материала были сделаны следующие выводы.

В процессе порождения речи среди пространственных падежей первыми формируются местный и входный падежи. Как показывают собранные материалы, к 3–4 годам дети активно используют указанные грамматические формы, правильно реализуют их семантические значения:

3 года:

гондыл гултас пыл'из. 'Медведь зашел в дом';

колобок с'икэ коскиз. 'Колобок в лес ушел';

бэнзинэ был'из, запа-вкэйэ мыноно. 'Бензин закончился, надо ехать на заправку'.

4 года:

са-д'икэ· лыктим, каса· с'иш. 'В садик пришли, кашу ели';

вэзд'э пыл' пукс'э: кры-ша вылаз но, т'эл'эфона-д пукс'э, тон вылэ но пукс'э. 'Всюду пыль садится: и на крышу, и на твой телефон, даже на тебя';

соос вро-д'э потизы азбаразы. 'Они, вроде, вышли во двор'.

Как видно из указанных примеров, респонденты верно используют лексемы для описания местоположения предметов, их движения и репрезентации отдельных пространственных отношений.

Важным аспектом развития падежных форм в речи респондентов 3–4 лет является способность детей строить формы исходного падежа по аналогии с задаваемым вопросом. Например, если задается вопрос *кытысь?* ‘откуда?’ (исходный падеж), дети могут корректно использовать соответствующую форму исходного падежа для указания местоположения объекта. Однако активное использование форм исходного падежа наблюдается только ближе к 5 годам.

К 5–6 годам наблюдается формирование всей парадигмы пространственных падежей в речи носителей удмуртского языка. В активной форме используются три пространственных падежа: иллатив (отвечающий на вопрос *кытчы?* ‘куда?’), инессив (отвечающий на вопрос *кытын?* ‘где?’) и элатив (отвечающий на вопрос *кытысь?* ‘откуда?’). Данные формы используются не только с именными частями речи (*колобок пэгэиз и мынис с’икэ* (6 лет). ‘Колобок сбежал и пошел в лес’), но и в структуре послеложных конструкций, например, для указания направления движения объекта: *колобок вуиз кион доры... гондыр доры... жичы доры* (5 лет). ‘Колобок докатился до волка... до медведя... до лисы’; *собере ныр вылас пукс’из* (5 лет). Респонденты верно используют инессивные формы для описания местонахождения предмета: *парс’ниос, скайос, ыжйос уло гидын, а кочыш и хомяк коркан* (6 лет). ‘Поросята, коровы, овцы живут в хлеву, а кошка и хомяк – дома’; в том числе зафиксированы и формы притяжательного склонения: *ал’о-нушка корз’и-нказэ киаз воз’э* (6 лет). ‘Аленушка в руках корзинку держит’; *подокон’и-казы с’ас’каоссы будо* (5 лет). ‘У них на подоконнике цветы растут’; *гондырлэн киаз боды, кон’ылэн киаз оре-шкиос* (5 лет). ‘В руках у медведя палка, в руках белки – орешки’. Элативные формы используются чаще всего для выражения начала протекания действия с точки зрения пространственных отношений: *магазин’и-ныс’ со куклэ-э баба-бас’тиз* (5 лет). ‘Бабушка купила эту куклу из магазина’; *раскра-скаыс’ ван’ страни-цаоссэ кэс’аз* (5 лет). ‘Все страницы раскраски порвал’; *са-д’и-кыс’-тымы лопатка-поттоно вал* (6 лет). ‘Стоило из садика вынести лопатку’; *отыс’ шкафыс’-ты-м поттоно кн’игэзэ* (6 лет). ‘Из моего шкафа надо вытащить книгу’. Также в этом возрастном диапазоне появляется в активном речепроизводстве падеж пролатив, выражающий место протекания действия: *с’икэти мынэ* (6 лет). ‘По лесу идет’.

В таблице 1 демонстрируются количественные показатели дистрибуции форм пространственных падежей, используемых в речи респондентов.

Учитывая, что система склонения удмуртского языка представлена простыми и притяжательными формами, можно отметить, что в целом они формируются параллельно, за исключением форм исходного падежа.

**Количественные показатели дистрибуции
форм пространственных падежей в речи респондентов**

Возраст	Пространственные падежи удмуртского языка			
	Инессив	Иллатив	Элатив	Пролатив
3 года	40	18	–	–
4 года	38	18	–	–
5 лет	18	14	4	–
6 лет	24	14	8	–
7 лет	22	10	4	6

Как показали результаты исследования, с момента достижения детьми 7-летнего возраста начинается формирование других форм пространственных падежей в удмуртском языке, а именно: отдалительного, предельного и направительного падежей. Отдалительный падеж служит для выражения удаления или отдаления объекта от определенного места или точки. Дети в этом возрасте начинают использовать указанную форму для уточнения дистанции или расстояния между объектами. Предельный падеж используется для указания предела или границы в пространстве. Респонденты начинают усваивать и применять эту форму для описания места, которое является конечной точкой или целью. Дети в возрасте 7 лет и старше начинают осознавать и использовать анализируемую форму для указания направления, к примеру, в котором они движутся (*школаыс'э-н гуртоз' до-лго мыноно, цэ-лых три-цэт' минут, дыр* (7 лет). 'От садика до дома идти долго, целых тридцать минут, наверно').

В рамках исследования онтогенеза речи направительная падежная форма удмуртского языка не была представлена в речи ни одного из респондентов. Отсутствие указанного падежа можно обосновать в том числе особенностями диалекта. Срединному говору, в нашем случае это д. Мувыр Шарканского района, в указанных значениях характерно использование послеложной конструкции. Как отмечает Л. Л. Карпова, «формам аппроксиматива литературного языка со значением направления по месту или времени в диалекте чаще всего соответствует сочетание существительного в номинативе с послелогом *пала* 'по направлению к, в сторону'» [Карпова 2005: 64].

На основе вышесказанного можем утверждать, что этап дошкольного возраста с трех до семи лет в аспекте формирования падежных форм является важным для дальнейшего развития языковых и речевых навыков. Анализ результатов эксперимента позволяет также прогнозировать последующую динамику освоения падежных форм, в том числе с точки зрения расширения их семантических значений и контекстуального использования исследуемых форм в речи.

Литература

Воейкова М. Д. Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Яз. славян. культур, 2015. 350 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 372 с.

Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: ЯСК, 2015. 342 с.

Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007. 145 с.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 255 с.

Лепская Н. И. Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013. 320 с.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

УДК 801.82+811.511.13+930.253

Р. В. Гайдамашко

*Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург*

Из истории Евангелия от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX в.¹

Коми-пермяцкий перевод Евангелия от Матфея начала XIX в. – крупнейший и ценнейший памятник коми-пермяцкой письменности того времени, однако он до сих пор не опубликован, и ему не было посвящено специальных исследований. В статье представлены фрагменты истории этого перевода и двух его известных рукописных списков. Частично восстановлены: биографии протоиерея Ф. Ф. Любимова и иерея Г. К. Чечулина, занятых в создании перевода и его проверке; биография Л. И. Ослоповского, подарившего один из списков Евангелия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01842, <https://rscf.ru/project/24-28-01842/>.

А. И. Шёгрёну; связь А. И. Шёгрёна с Л. И. Ослоповским и Ф. Ф. Любимовым; хронология событий, связанных с созданием перевода Евангелия от Матфея и его списков.

Ключевые слова: рукописи, Евангелие от Матфея, коми-пермяцкий язык, памятники письменности, история письменности, переводческая деятельность.

Введение. В исследовании продолжается изучение истории коми-пермяцкой рукописной традиции, археографии и текстологии письменных памятников коми-пермяцкого языка. До сих пор не было уделено должного внимания такому ценному и объемному памятнику коми-пермяцкой письменности, как перевод Евангелия от Матфея, датируемому началом XIX в. Он лишь упоминался в контексте истории библейских переводов на коми-пермяцкий язык [Грейдан, Пономарева 2010: 206] и в работе, посвященной лингвистическому анализу первых печатных изданий Евангелия на коми-пермяцком языке 1866 и 1882 гг. [Оньё Лав 2010: 212]. Автором совершено полное археографическое описание двух известных рукописных списков этого памятника; краткий вариант археографического описания и содержание списков представлены в нашей статье [Гайдамашко 2024]. В настоящем исследовании рассматриваются некоторые вопросы истории Евангелия от Матфея на коми-пермяцком языке начала 1820-х гг.: история создания перевода и его списков; биографии лиц, причастных к переводу, его проверке и созданию рукописных списков; генеалогия списков. В научный оборот вводятся данные рукописных документов из фондов Государственного архива Пермского края (ГАПК).

Краткое описание документов. Источниками послужили два известных списка рукописного Евангелия от Матфея на коми-пермяцком языке из фондов Российского библейского общества (РБО) в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и А. И. Шёгрёна в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

Список в РГИА (Ф. 808. Оп. 1. № 196) объемом I + 94 + III л., формата 2 (32,2–33×20,5–20,7 см), датирован 1823 г. и озаглавлен как «О переводѣ книгъ Св. Писанія | на Пермѣцкій языкъ». Без переплета. Филигрانی с датами 1818 и 1820. Почерк в четвертой части документа (собственно переводе Евангелия на л. 8–94): преимущественно несвязанное каллиграфическое гражданское письмо, с рядом скорописных начертаний, одной руки.

Список в СПбФ АРАН (Ф. 94. Оп. 1. № 218) объемом II + 87 + III л., формата 4 (21,3×16,6 см), не датирован. Название на переплете отсутствует, заголовок на л. 2 «Матѣйсѣнь Вѣжа Кыль». Полукожаный переплет, на крышках синяя клейстерная бумага с волнообразным рисунком широкой кистью. Три разновидности филиграней: первые две датированы

1821 и 1822 гг., третья без даты (по справочникам, филигрань такого типа известна с датами 1791–1807, 1794, 1824 и 1841). Почерк: несвязанное письмо переходного типа с рядом скорописных начертаний, одной руки.

Краткое содержание документов. Список в РГИА в составе сборника из четырех документов. 1) Л. 1об.–2. Письмо из Пермского отделения РБО в Комитет РБО от 8 марта 1823 г. В числе прочего в письме сообщается о том, что 7 марта 1823 г. на собрании Пермского отделения РБО было представлено «переведенное корреспондентомъ || Здѣшняго Комитета Соликамскаго собора | отцомъ протоіереемъ Федоромъ Любимо- | вымъ на Пермятскій Языкъ Эвангеліе | отъ Матфея» (л. 1–1об.). В конце письма прошение о напечатании этого перевода. 2) Л. 3–4. Письмо князя Александра Николаевича Голицына вице-президенту Комитета Пермского отделения РБО епископу Пермскому и Екатеринбургскому Дионисию от 31 июля 1823 г. с разъяснением, что прежде напечатания переводов книг Священного Писания требуется удостовериться в их понятности для носителей языка. 3) Л. 5–7. Письмо А. Н. Голицыну от епископа Дионисия от 20 ноября 1823 г. о том, что перевод Евангелия от Матфея был выполнен соликамским протоиереем Ф. Любимовым и он понятен пермякам имени графини Софьи Владимировны Строгановой: «Князь Василій Сергѣевич Голицынъ <...> созываль онъ крестьянъ | изъ сельъ Кудымкорскаго, Юсвенскаго, Верхъ | Инвенскаго, Егвинскаго, Отевскаго, сельца | Архангельскаго исельца Верхъ Юсвенскаго, | вькоихъ числится болѣе 9.500. душъ муже- | скаго пола; – предъ тѣми крестьянами | неоднократно читаль онъ многія главы | изъ перевода Святаго Евангелія напермяц- | комъ нарѣчїи; слушавшіе Его Крестьянѣ, | нетолько понимали смыслъ читаннаго | имъ, но пересказывали Ему по Руски, съ | большею точностію, всякое слово» (л. 6–6об.). В конце письма очередное прошение о напечатании. 4) Л. 8–94. Перевод Евангелия от Матфея на пермяцкий язык. В два равных столбца, в первом – русский текст (с нумерацией стихов), во втором – пермяцкий перевод (без нумерации). Заголовок: «Отъ Матѳея | Святое | Благовѣствова= | ніе.» (л. 8). Начало: «Глава первая. | 1. Родословіе Иисуса Хри | ста, сына Давидова, сына | Авраамова. <...>», «Матѳейсянъ | Вѣжа | Кыль. | Юрьъ зтыкѣтъ. | Гижеть чужемись Иисусъ | Кристосълѣнъ, Зонъ Давидов= | лѣнъ, Зонъ Авраамлѣнъ. <...>» (л. 8). Конец: «<...> Я съ вами во всѣ дни до | скончанія вѣка. Аминь.», «<...> и што Ме тыянъ=кѣтъ быдѣ лунъ | етѣмъ вѣкъ оланъ понѣтѣжись. | Аминь.»¹ (л. 94). Ниже другими, более темными чернилами подпись и дата: «Вице-президентъ Јустинъ, Епископъ Пермскій | 1823 года | 8 марта» (л. 94).

¹ Особая лигатура, представляющая собой слитное написание «чж», в настоящей статье передана обычными графическими средствами и выделена курсивом.

Список в СПбФ АРАН открывается инскриптом «Господину Доктору Фило- | софіи Андрею Михайло- | вичу Шегрену, Приносить | въ Даръ сію книгу Левъ | Ослоповскій. въ Селѣ Ильин- | скомъ 18 Ноѣбры 1828 года.» (л. 1). На л. 2–87об. перевод Евангелия на коми-пермяцкий, без русского текста, с заголовком: «Матѣейсянь Вѣжа Кыль». Начало: «Юрь Этыкэть. | 1. Гижеть Чужемись Іисусъ Крестосъ= | лэнь, Зонъ Давидов-лэнь, Зонъ Авра= | амлэнь...» (л. 2). Конец: «...и | што, ме тыянкэть быдъ | лунъзетэмъ вѣкъ оланъ по= | нэтчжись Аминь.» (л. 87об.).

Федор Федорович Любимов (1781–1851). Судя по приведенной переписке, Евангелие от Матфея на коми-пермяцкий язык перевел протоиерей Федор Любимов. Благодаря публикациям историков, известны некоторые факты биографии Ф. Любимова и – достаточно хорошо – его карьерный путь (подробно об этом см.: [Гайдамашко 2023: 361]). Далее приведем лишь некоторые новые сведения о протоиерее и его семье, которые нам удалось найти в архивных документах с начала 2023 г.

По ревизской сказке июля 1795 г. известно, что отец Ф. Ф. Любимова – Федор Николаевич Любимов, 38 лет от роду (то есть 1756/1757 г. р.), с 1788 г. был священником Николаевской церкви села Купросского (по ревизии 1782 г., был пономарем Воскресенской церкви в селе Воскресенском¹). Его жена Агриппина – 39 лет от роду, дочь бывшего священника упомянутой Воскресенской церкви Алексея Баженова. Их дети на момент ревизии: Федор 13 лет, Семен 9 лет и Евдокия 4 лет [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 240. Л. 103–104об.; Ф. 13. Оп. 1. Д. 241. Л. 108об.].

Из клировой ведомости Николаевской церкви села Егвинского за 1812 г. стала известна точная дата рождения Ф. Ф. Любимова², состав его семьи и другие факты: Ф. Ф. Любимов родился 8 февраля 1781 г. (что несколько противоречит приведенным выше данным, согласно которым в июле 1795 г. ему было только 13 лет). Его жена – Татьяна Ивановна, «дочь дьяческая», родилась 12 января 1788 г. Их дети с датами рождения: Анна 05.02.1808, Георгий 23.05.1809, Александр 07.06.1812 [ГАПК. Ф. 540. Оп. 1. Д. 45. Л. 91об.].

В 1843 г. Ф. Ф. Любимов был уже «вдовствующий» [ГАПК. Ф. 540. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.]. «Сынъ его Феодоръ обучается въ Пермской Духовной Семинаріи | въ высшемъ отдѣленіи насодержаніи Родителя |

¹ Скорее всего, нынешнее село Воскресенск Карагайского района Пермского края. Таким образом, в нашей публикации содержится неверная информация, что Ф. Ф. Любимов «был уроженцем Купроса» [Гайдамашко 2023: 361]. Вероятно, до 1788 г. он рос в селе Воскресенском.

² Ср.: «Остается неизвестной дата рождения миссионера» [Лобанова 2007: 209]. Также см. годы жизни в нашей статье: «1779/1780–1851» [Гайдамашко 2023: 361].

21 [года] | Дочь Его вдова Священническая жена города Дедюхина, нынѣ | живущая при родителѣхъ, Анна Ѳеодорова Александра Серебрен- | никова жена | 35 [лет] | Дочь ея Татіана обучается читать и писать | 13 [лет]» [Там же: л. 2об.].

Несмотря на то, что о родственниках, карьерном пути и церковных наградах Ф. Ф. Любимова известно достаточно много, по-прежнему не удалось найти какого-либо документа (указа, повеления и т. п.), которое предписывало бы Ф. Ф. Любимову осуществить перевод Евангелия от Матфея на пермяцкий язык. Неизвестно, исходило это предписание от Синода, Российского библейского общества, Пермской епархии, Пермской духовной консистории или другого учреждения. Вполне возможно, что инициатива создания такого перевода исходила от самого Любимова после избрания его корреспондентом Пермского комитета РБО в 1822 г.: установлено, что на этапе создания переводов участие РБО часто было лишь номинальным, а инициатива переводов принадлежала местному епархиальному руководству или даже самим священнослужителям [Туранов 2016: 62–64; 2017: 54–55; 57].

Лев Иванович Ослоповский (ок. 1771–1846). Л. И. Ослоповский, подаривший академику А. И. Шёгрёну один из списков Евангелия (см. выше), родился около 1771 г. (точная дата рождения не установлена) в семье крепостных служителей заводчиков Лазаревых. Образование получил домашнее. Начал службу с должности писца, проходя впоследствии более значительные должности. Был первым директором Чермозского народного училища с его открытия в 1811 г., одно время числился на государственной службе, получив чин коллежского регистратора. С 1823 г. был главноуправляющим Пермскими имениями графини С. В. Строгановой в с. Ильинское. С 1827 г. занимался учреждением приемных домов для призрения больных крестьян. С 1828 г., заручившись поддержкой генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа и императора Николая I, развернул бурную деятельность по обращению старообрядцев к официальной церкви, за что в 1833 г. был награжден орденом св. Анны. После ухода от Строгановых в 1833 г. Л. И. Ослоповский некоторое время жил в Перми. Позже был главноуправляющим у частных заводчиков Расторгуевых, управляющим Кыштымским заводом, главным поверенным графини Строгановой в Перми, общим поверенным графини и господ Лазаревых. Подробно о жизни и семье Л. И. Ослоповского см.: [Дмитриев 1895: 128–135; 143–149; Ревенко 2019: 139–144; Шумилова 2019: 144].

Для нас важно свидетельство, что «у него, как человека любознательного, было в руках весьма много любопытных древних бумаг» [Дмитриев 1895: 134].

Георгий Каллистратович Чечулин (1773/1774–1810). Необходимо хотя бы кратко обозреть биографию и деятельность иерея Георгия Чечу-

лина. В списке СПбФ АРАН нет никаких указаний на автора или копии-ста этой рукописи, но приписать этот список руке Г. Чечулина возможно хотя бы по следующим причинам: 1) так называемый «конвой» списка Евангелия из СПбФ АРАН образует «Лексиконъ Пермскаго языка кратко выбранный и по алфавиту разположенный села кудымкорскаго бывшимъ священникомъ Ереємъ Георгіємъ Чечулинымъ», хранящийся под соседним шифром (СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. № 219); 2) и в обоих списках Евангелия, и в части «Словаря Чечулина» (л. 3–11об., 93–100об., 112об.; остальное писано другой рукой) достаточно последовательно употребляется лигатура «чжс», которая не встречается ни в каких других известных рукописях, содержащих коми-пермяцкие языковые материалы.

Насколько нам известно, ранее сведения о Г. К. Чечулине не публиковались. Вот что удалось узнать по архивным документам. Г. К. Чечулин – сын священника Николаевской церкви в Кудымкаре Каллистрата Ивановича Чечулина и Марии Севастьяновой (родом из села Городища Соликамской округи) (оба 1753/1754 г. р.), брат Марии (1776/1777 г. р.) и Ивана (1781/1782 г. р.) [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 240. Л. 120–120об.; Ф. 13. Оп. 1. Д. 241. Л. 113]. В ревизской сказке 1795 г. записан как Егор; отмечено, что с 1787 г. обучался в Вятской семинарии [Там же]. По крайней мере в течение 1809 г. служил священником Николаевской церкви в Кудымкаре [ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 248. Л. 365]. Запись от 24 февраля 1810 г. (дата погребения) о кончине Г. К. Чечулина в возрасте 36 лет: «Села Кудымкора Николаевской Церкви священникъ Георгій Каллистратовъ | Чечулинъ помрѣ в покаянїи долговременною болезнїю погребенъ по | Церковному чиноположенїю» [ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 265. Л. 438].

Документов, подтверждающих, что иерей Г. К. Чечулин занимался составлением пермяцкого словаря и переводами священных текстов на пермяцкий язык, обнаружить пока не удалось.

Шёгрэн Андреас Йоганн (Андрей Михайлович) (1794–1855). Опубликованные дневники академика А. И. Шёгрена [Sjögren 2020] дополняют историю создания и перемещения списков пермяцкого Евангелия.

Во время своей поездки по Прикамью А. И. Шёгрэн познакомился с Л. И. Ослоповским в Ильинском 28 ноября 1828 г. [Там же: 3486]. Запись между 3 и 13 декабря 1828 г., еще во время пребывания в Ильинском: «Помимо многих новых материалов <...>, мой почтенный хозяин подарил мне рукописный пермский словарь и копию перевода Евангелия от Матфея на том же диалекте» [Там же: 3487]. Под первым документом здесь ясно имеется в виду «Словарь Чечулина» (см. выше). Известно, что Л. И. Ослоповский давал А. И. Шёгрёну людей из Ильинского в качестве слуг и компаньонов в путешествии [Там же: 3489], помогал с пребыванием не только в Ильинском, но и в Новом Усолье [Там же: 3497]. В последующем они переписывались: по крайней мере А. И. Шёгрэн отправлял

письмо Л. И. Ослоповскому в Ильинское 7 февраля 1829 г. (из Перми) [Там же: 3499].

В дневниках А. И. Шёгрена называл Ф. Ф. Любимова «мой попутчик», «мой вежливый спутник» [Там же: 5257]. Вероятно, первое их знакомство состоялось в первой половине января 1829 г. во время пребывания А. И. Шёгрена в Соликамске, см. запись между 2 и 22 января (без точной даты): «Для меня было поучительно общение с нынешним протопопом, который сам принес мне свою грамматику» [Там же: 3495] (очевидно, речь идет о грамматическом очерке Ф. Ф. Любимова, один из списков которого опубликован [Лобанова 2007]). И чуть далее: «Я сопоставил пермские материалы, представленные мне господином Ослоповским, с автографом этого протопопа» [Sjögren 2020: 3495]. А. И. Шёгрэн и Ф. Ф. Любимов тесно общались вплоть до 26 января 1829 г. [Там же: 3496] и по крайней мере еще в мае 1840 г. состояли в переписке: 7 мая 1840 г. А. И. Шёгрэн писал письмом «священнику Любимову в Соликамск» [Там же: 4092].

Некоторые выводы, перспективы и вопросы. Судя по филиграммам, «белая дата» списка РГИА – 1820 г. Из переписки, сопровождающей список РГИА, стало известно, что к началу марта 1823 г. пермяцкий перевод Евангелия от Матфея был уже готов и до 20 ноября того же года успешно апробирован среди коми-пермяков имения графини Софьи Владимировны Строгановой. Автором перевода неоднократно называется соликамский протоиерей Федор Федорович Любимов (1781–1851), уроженец села Воскресенского (ныне на территории Карагайского района), с 1788 г. проживавший в селе Купросском, с 1805 по 1821 гг. – в селе Ёгвинском, то есть на протяжении минимум 40 лет своей жизни (за исключением периода обучения в Пермской духовной семинарии) Ф. Ф. Любимов проживал в пермяцкоязычном ареале. Пока не удалось установить, был ли сам Ф. Ф. Любимов природным носителем коми-пермяцкого языка, и что послужило толчком к созданию перевода Евангелия. Список РГИА сохранился благодаря деятельности Российского библейского общества и представляет собой так называемый «подносный» экземпляр, двуязычный, писанный каллиграфическим почерком на хорошей бумаге, без исправлений. Вероятно, это финальный вариант перевода, готовый для типографского набора.

Известен и второй список перевода, сохранившийся среди бумаг Андреаса Иоганна Шёгрена в СПбФ АРАН. Этот список А. И. Шёгрэну 18 ноября 1828 г. (так указано в инскрипте; вероятно, это описка вместо «28», так как, судя по дневникам А. И. Шёгрена, встреча не могла состояться ранее 28 ноября) передал Лев Иванович Ослоповский (ок. 1771–1846), на тот момент главноуправляющий Пермскими имениями С. В. Строгановой в с. Ильинское. «Белая дата» списка СПбФ АРАН – 1822 г. Он писан не каллиграфическим почерком, на неосветленной бумаге не очень высокого

качества, имеет многочисленную правку. Есть основания полагать, что это черновой вариант коми-пермяцкого перевода правленный после чтения пермякам в августе–ноябре 1823 г. По другой версии, правка может принадлежать руке А. И. Шёгрена, так как, судя по дневникам, он сличал списки перевода Евангелия и словаря с автографом Ф. Ф. Любимова.

Настоящее исследование намечает некоторые перспективы поиска следующих документов: 1) автографы Ф. Ф. Любимова и Г. К. Чечулина (и их сличение с почерками в списках Евангелия, а также в «Словаре Чечулина» и списках грамматического очерка Ф. Ф. Любимова); 2) третий список перевода Евангелия (тот самый «автограф», который был у Ф. Ф. Любимова в январе 1829 г. в Соликамске); 3) вообще личные дела, переписка или дневники Ф. Ф. Любимова; 4) другие документы Л. И. Ослоповского, содержащие пермяцкие материалы...

Надеемся, что дальнейшее изучение списков пермяцкого перевода Евангелия от Матфея и поиск архивных документов смогут пролить свет на следующие вопросы: 1) кто был создателем пермяцкого перевода Евангелия – Г. К. Чечулин или Ф. Ф. Любимов? 2) переводил ли этот человек на пермяцкий язык другие священные тексты? 3) играли ли в создании перевода Евангелия какие-то роли Синод, епархиальное начальство и Российское библейское общество? 4) правка в списке СПбФ АРАН – руки А. И. Шёгрена или другого лица? 5) были ли еще списки перевода и сохранились ли они?..

Литература

Гайдамашко Р. В. Из истории рукописных памятников коми-пермяцкой письменности конца XVIII – начала XX веков: авторы, жанры, диалекты // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 357–366.

Гайдамашко Р. В. Рукописное Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX века: археографическое описание списков // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 630–637.

Грейдан А., Пономарева Л. Г. Влияние библейского перевода на развитие коми-пермяцкого языка // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. М.: Ин-т перевода Библии, 2010. С. 202–211.

Дмитриев А. А. Федот Алексеевич Волегов. Очерк его жизни и переписка // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Т. 3. Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1895. С. 122–175.

Лобанова А. С. О первой грамматике пермяцкого языка // Краткія грамматическія правила принадлежащія къ знанію пермятскаго языка составленныя города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереємъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года февраля 8-го дня. Пермь: ПОНИЦАА, 2007. С. 207–226.

Оньо Лав. Лингвистический анализ первых изданий Евангелия на коми-пермяцком языке // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. М.: Ин-т перевода Библии, 2010. С. 212–225.

Ревенко Л. В. Лев Иванович Ослоповский и единоверие на Урале // Пермский сборник: сб. ст. Кн. 5. Пермь, 2019. С. 139–144.

Туранов А. А. К истории создания первого перевода на удмуртский язык Евангелия Марка // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 4. С. 62–65.

Туранов А. А. К истории первого удмуртского перевода Евангелия Иоанна // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 1. С. 54–57.

Шумилова В. Н. От редактора [= Дополнения к статье Ревенко Л. В. «Лев Иванович Ослоповский и единоверие на Урале»] // Пермский сборник: сб. ст. Кн. 5. Пермь, 2019. С. 144.

Sjögren A. J. Allmänna Ephemerider. Dagböckerna 1806–1855. Helsinki: National Library of Finland, 2020. 5563 s.

УДК 811.511.132'367'37

Н. И. Гуляева
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Метакоммуникативные маркеры в коми спонтанной речи¹

В статье анализируются метакоммуникативные маркеры, наиболее часто встречающиеся в коми спонтанной речи. Выявлен их основной репертуар и описаны особенности функционирования. Материалом исследования послужили коми-язычные передачи на телевидении, вышедшие в эфир в 2017–2024 гг., в которых тележурналист берет интервью у гостя в рамках какой-либо темы.

Ключевые слова: коми язык, спонтанная речь, метакоммуникация, метакоммуникативные маркеры (метакоммуникативы).

В лингвистике под метакоммуникацией понимается своеобразный уровень общения, заключающийся в коммуникации по поводу самой

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

коммуникации. Она связана с метаязыковым уровнем речи, переход к которому часто происходит при возникновении определенных трудностей в коммуникации. По мнению Д. И. Остапенко, метакоммуникация направлена на пояснение коммуникации ее же способами и средствами. Она позволяет взглянуть на общение со стороны и осмыслить его [Остапенко 2013]. Е. Г. Арюхина выделяет следующие функции метакоммуникации: обеспечение речевого общения и обмена информацией, установление понимания между коммуникантами, реализация определенных речевых стратегий и тактик, с помощью которых достигается коммуникативная цель, установление логических связей, направление процесса общения в определенное русло, обеспечение полного понимания сообщаемой информации, устранение помех в коммуникации, а также предоставление возможности коммуникантам дать оценку своей собственной позиции или позиции слушающего [Арюхина 2005: 21–22]. И. В. Грабовская отмечает, что метакоммуникация реализует фатическую функцию, что позволяет выделить фатическую метакоммуникативную функцию языка, направленную на включение / переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на необходимом уровне внимания адресата в период передачи сообщения и завершение речевого контакта [Грабовская 2013: 79]. К. Д. Зайдес справедливо замечает, что метакоммуникация выполняет не только фатическую и метаязыковую функции, но и множество экстралингвистических, вплоть до поддержания хороших отношений между собеседниками [Зайдес 2016].

По мнению В. Б. Кашкина, метакоммуникация в виде отдельных высказываний и целых текстов особенно интенсивна в тех случаях, когда общение встречает трудности, препятствия, барьеры, и необходимо договариваться о том, как будет протекать сам процесс коммуникации, какие взаимно понятные значения будут приписаны условным знакам, как оптимизировать понимание [Кашкин 2011].

Для настоящего исследования значимость представляют метакоммуникативные маркеры (метакоммуникативы), основной функцией которых, помимо хезитационной (заполнение пауз), является установление и поддержание контакта с собеседником, удержание канала связи, контроль правильной интерпретации информации, удержание инициативы в беседе. Необходимо отметить, что они указывают на речевой сбой не прямо, а имплицитно. «Важной представляется также способность метакоммуникативных единиц выступать в роли так называемых коннекторов, т. е. выполнять интегрирующую функцию. В диалоге смена говорящих ведет за собой и постоянное тематическое варьирование, что иногда приводит к коммуникативным сбоям. В этом случае метатекст, внедряясь в ход диалога, не разрывает структурную целостность,

а, скорее, служит ее гарантом» [Попова 2019: 51]. Ю. Д. Апресян отмечает, что хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое единство текста, они выполняют интегрирующие функции на высшем уровне, которые перекрывают их разрушительное действие [Апресян 1995].

В спонтанной речи распространены метакоммуникативные маркеры, выраженные контактными глаголами чувственного и ментального восприятия, имеющие цель повышать вовлеченность собеседника в процесс коммуникации, концентрировать его внимание на чем-либо, чаще всего это *төдөн* ‘знаешь’, *кылан* ‘слышишь’, *аддзан* ‘видишь’, *шуам* ‘скажем’, *сидз шуам* ‘так скажем’ в различных вариациях. «Данные речевые конструкции, выступая в роли заполнителей пауз, десемантизируются, вследствие чего теряют свои функции и свидетельствуют лишь о затруднениях говорящего, что подтверждается отсутствием обращения к какой-либо информации известной обоим коммуникантам» [Гуляева 2023: 420]. Не вызывает сомнения утверждение В. И. Подлесской, что это единицы, подвергшиеся прагматикализации: их лексическое значение в реальных употреблениях оказалось в значительной степени ослабленным или вовсе утраченным, и на смену ему пришло прагматическое значение или функция в речи [Подлесская 2013]. Согласно Г. И. Кустовой, они выполняют функцию привлечения внимания собеседника и маркируют информацию как важную, которую говорящий подчеркивает и на которую поэтому слушающий должен обратить внимание [Кустова 2018]:

Видзөдлү <...> Якутскын тэ пыран магазинö <...> тэ сёрнитан якутскөйдөн [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.07.2019]. ‘Посмотри <...> в Якутске ты заходишь в магазин <...> ты говоришь по-якутски’.

Төдөн <...> миян жө <...> свежөй <...> кыдз шуасны <...> вир локтис [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.12.2021]. ‘Знаешь <...> у нас <...> же свежая <...> как говорится (букв. как скажут) <...> кровь прибыла’.

Тэ кор сетан сьыланкывсö <...> тэ думайтан, босьтасны тэнö или оз <...> сы вöсна мый <...> аддзан <...> таво вöли комын кык участник [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 17.12.2019]. ‘Ты когда предлагаешь песню <...> ты думаешь, возьмут тебя или нет <...> потому что <...> смотри <...> в этом году было тридцать два участника’.

Часто коммуникант в одном высказывании может употребить несколько маркеров. «Они в данном случае усиливают эмоциональность и повышают персонализацию в адресности речи, выполняя фатическую и метакоммуникативную языковые функции при стертом значении глагольного компонента» [Зайдес 2020]:

*А <...> магазинас мукöдыс сералісны жö? – Но <...> **тöданныд** <...> тани зэв этиша <...> **тöданныд** <...> мый тани, Сыктывкарын мыйлакö, если таdzi кышасян <...> ставыс вöчöны вид, быттьö нинöм не происходит <...> все как обычно [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 17.12.2019]. ‘А в магазине люди тоже смеялись? – Ну <...> знаете <...> здесь очень мало <...> знаете <...> что здесь, почему-то в Сыктывкаре, если так оденешься <...> все делают вид, будто ничего не происходит <...> все как обычно’.*

***Тöдан** <...> кор ме куті редактируйтны <...> <э-э-э> книгасö <...> **тöдан** <...> кыdzi артмö <...> öти кывсö уберитан <...> став книгыс киссö [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.12.2021]. ‘Знаешь <...> когда я начал редактировать <...> э-э-э книгу <...> знаешь <...> как получается <...> одно слово уберешь <...> вся книга (в данном случае произведение – примечание автора) разваливается’.*

Метакоммуникативные маркеры *шуам* ‘скажем’, *сідз шуам* ‘так скажем’ маркируют отношение к выбору слова или решению проблемы производства речи, сообщают, что процессы решения проблемы еще не завершены в момент их произнесения. Кроме того, они транслируют рефлексия коммуниканта по поводу не слишком удачного, не совсем правильного сказанного:

*Колö водзö корсьысыны <...> **сідз шуам** <...> радейтны, виччысыны и ставыс лö [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 26.01.2023]. ‘Нужно продолжать поиски <...> так скажем <...> любить, ждать и все будет’.*

*Босьтам коми газет-журналгьясын <...> **шуам** <...> татшöм кыв кыdzi <...> например, ргуть <...> коминас тюрк [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 18.05.2023]. ‘Возьмем из коми журналов и газет <...> скажем <...> такое слово как <...> например, ргуть <...> на коми будет тюрк’.*

*Но <...> **сідз шуам** <...> ме этиша аддза тiян йылысь юöръяс [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 25.01.2024]. ‘Ну <...> так скажем <...> я мало вижу о вас новостей’.*

В спонтанной коми речи метакоммуникативы могут встречаться в начале сообщения – стартовые (инициальные):

***Видзöдлы** <...> Якутскын тэ пыран магазинö <...> тэ сернитан якутскöйöн [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.07.2019]. ‘Посмотри <...> в Якутске ты заходишь в магазин <...> ты говоришь по-якутски’.*

***Видзöдлöй** <...> тi <...> быд во кытчöкö мöданныд <...> сідз öд [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 05.09.2023]. ‘Посмотрите <...> вы <...> каждый год куда-то ездите <...> так ведь’.*

Как справедливо отмечает Е. К. Пигрова, использование маркеров начала реплики объясняется несколькими причинами: они играют важную роль в распределении ролей (говорящий сообщает, что он начинает говорить первым), обеспечивают внимание, создают более мягкое начало речи, затягивают коммуникацию, делают диалог связным и четко структурированным [Пигрова 2001].

В середине высказывания встречаются направляющие (навигационные) метакоммуникативные маркеры:

Менам мам ветліс Крест дорёдз <...> видзёд <...> квайт километр сэйё [телеканал «Юрган», передача «Параскева Пекнича». ‘Моя мать ездила к Кресту <...> смотри <...> за шесть километров’.

Вот <...> шуам <...> мый вот <...> тайё <...> вот небёгас <...> э-э-э <...> «Волчья пасть» <...> кодёс меводдзаён гижы <...> тёдан <...> сійё <...> не только тайё збыльмис [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 23.12.2021]. ‘Вот <...> скажем <...> что вот <...> эта <...> вот в книге <...> <э-э-э> «Волчья пасть» <...> которую первой написал <...> знаешь <...> не только это сбылось’.

Значительно реже в спонтанной речи употребляются финальные метакоммуникативы:

Тэ, кор сетан сьыланкывсё <...> тэ думайтан, босьтасны тэнё или оз <...> сы вёсна мый <...> таво вёлі комын кык участник <...> аددзан [телеканал «Юрган», передача «Вочакыв» от 17.01.2023]. ‘Ты, когда предлагаешь песню <...> ты думаешь, возьмут тебя или нет <...> потому что <...> в этом году было тридцать два участника <...> видишь’.

Т. И. Попова подчеркивает, что благодаря наличию метакоммуникативных маркеров слушающий может воспринять не только содержательную, но и структурную сторону речи, понимает, как протекает коммуникация: маркируется начало и конец реплики, поиск единиц, опущение (игнорирование) деталей, подчеркивание важного, затруднения разного рода и призыв продолжить коммуникацию [Попова 2019: 52].

Таким образом, данные конструкции помогают адресанту устанавливать и поддерживать контакт с адресатом, удерживать его внимание, последнему верно интерпретировать полученную информацию, и в целом обеспечивать взаимопонимание коммуникантов. Помимо этого, метакоммуникативные маркеры служат своеобразными заполнителями пауз в речи и помогают адресанту скорректировать высказывание. Они играют роль средства организации речи, обеспечивают связность дискурса, предотвращают возникновение длительных пауз и способствуют успешной коммуникации.

Литература

- Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 629–650.
- Арюхина Е. Г. Метакоммуникативные высказывания, управляющие содержательной стороной диалога и интенцией высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 22 с.
- Грабовская И. В. Теоретические основания изучения метакоммуникативных вопросов в англоязычном диалогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 2. С. 78–82.
- Гуляева Н. И. Хезитационные явления в спонтанной речи // Вестник угрюведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 416–424.
- Зайдес К. Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 19–35.
- Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: формальные типы и их реализации [Электронный ресурс] // Русская речь. 2020. № 2. С. 44–61. URL: <https://rusrech.jes.su/s013161170009267-2-1/> (дата обращения: 12.02.2024).
- Кашкин В. Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. Вып. 1. С. 21–27.
- Кустова Г. И. Ментальные глаголы в метатекстовых конструкциях // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международ. конф. русистов в Барселон. ун-те, МКР-Барселона 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1263–1273.
- Остапенко Д. И. К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 32–35.
- Пигрова Е. К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 168 с.
- Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19): в 2-х т. Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Попова Т. И. Маркеры метакоммуникации в разных социальных ролях говорящего: на материале прагматического аннотирования корпусных данных // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. Сб. науч. тр.). СПб.: Университет ИТМО, 2019. С. 50–60.

В. В. Елышев
*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН,
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

Фонетико-морфологические особенности аксакшурского говора удмуртского языка

Работа посвящена исследованию фонетических и морфологических особенностей говора деревни Аксакшур Малопургинского района Удмуртской Республики. Особое внимание уделено языковым явлениям, сближающим этот говор с северноудмуртскими и южноудмуртскими диалектами, а также описанию специфических черт, не характерных для указанных диалектов. Основным методом исследования является описательный метод с привлечением элементов историко-сопоставительного метода.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, аксакшурский говор, фонетика, морфология.

Система современного удмуртского языка характеризуется активными ассимиляционными процессами [Кондратьева, Соколова 2019; Кондратьева, Филиппова 2019; Шаланки, Кондратьева 2019]. В связи с этим актуальной становится проблема фиксации диалектных особенностей отдельных говоров исследуемого языка.

Данная статья посвящена изучению фонетических и морфологических особенностей аксакшурского говора удмуртского языка. Аксакшурским нами назван говор деревни Аксакшур Малопургинского района Удмуртской Республики. Материалом исследования послужили собранные в ходе полевых исследований записи от 8 респондентов в возрасте от 55 до 92 лет. Выбор респондентов обусловлен тем, что в речи именно этой возрастной группы сохранились наиболее яркие диалектные особенности изучаемого говора. Кроме того, в качестве дополнительного источника послужила работа В. К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1» [Кельмаков 2015], где представлен материал по аксакшурскому говору.

Деревня Аксакшур основана представителями воршудно-родовой группы Эгра. Согласно историческим документам, члены указанного рода в XVI–XVII вв. прибыли с севера Удмуртии, с бассейна Чепцы, где находится древний родовой центр – Эгра-выл. Кроме того, на территории

д. Аксакшур проживают представители воршудно-родовых групп Омга, прибывшие из нижнего течения р. Вятки; Бигра – из окрестностей Кирова; Веня – из д. Большая Веня Завяловского района Удмуртии; Сяня – севернудмуртская воршудно-родовая группа, прибывшая из бассейна р. Чепцы [Атаманов 2017: 91; Атаманов 2005: 171–172]. Далее рассмотрим фонетико-морфологические особенности исследуемого говора.

Вокализм

Количественный состав гласных фонем в удмуртских диалектах варьируется от 6 до 10 единиц [Кельмаков 1998: 60–61]. В аксакшурском говоре функционируют 7 гласных: *и, ы, у, э, ö, о, а*. По нашим наблюдениям, фонемы акустически и артикуляционно ничем не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка. В исследуемом говоре нами выявлены следующие наиболее распространенные явления в области фонетики:

1. Корреспонденция – фонетическое явление, в научной литературе иногда определяющееся как чередование гласных, хотя между ними имеются некоторые отличительные черты. Чередование выступает лишь в разных формах одного и того же слова и встречается в одной и той же языковой системе (в диалекте, литературном языке): *мон* (я) // *мы-нам* (мой), тогда как корреспонденция функционирует в одной и той же форме слова (*у* // *ы* // *ү*): *пуны* // *пыны* // *пүны* ‘собака’) в разных языковых системах (сред. *куно* // кукм. *күно* // бт. *кыно* // бес. *кьно* ‘гость’) [Кельмаков 1998: 65].

Из регулярных междиалектных корреспонденций в говоре деревни Аксакшур представлены следующие виды:

1.1. Корреспонденция гласных *и* // *ы*. В аксакшурском говоре, также как в срединных говорах, нижнечепецком диалекте, а также в южной диалектной зоне при соседстве с последующим велярным согласным, перед *č~ч* или между *ж, ш* и последующим палатальным употребляется *ы*, тогда как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах наличествует гласная *и*, например, сч., вч., *ишка* // акс., сред., юж., нч. *ычка~ышка* [Карпова 2020: 100]: акс. *пырил'л'ам но гур с'öрис' нылзылэс' лыоссэ гынэ шэттил'ам на*. ‘Зашли и за печкой только лишь кости дочка нашли’; *ожойэз-а мар-а ышка*. ‘Травку что-ли рвет’.

Причины возникновения данного типа корреспонденции гласных в удмуртском языке до настоящего времени являются не выясненными. Однако, опираясь на материалы удмуртских диалектов, в особенности на татышлинский говор, где в некоторых словах на месте звукосоответствия *и* // *ы* наблюдается третья фонема *ь* (*э*), В. К. Кельмаков выдвигает гипотезу о том, что междиалектная корреспонденция гласных *ы* // *и* (// *ь*) могла быть рефлексом более ранней праудмуртской фонемы **э*, которая,

утрачиваясь, заместились в северной диалектной зоне гласной *ы*, в южной – *и*, в татышлинском, красноуфимском, кукморском спорадически сохранилась без изменения [Кельмаков 2004: 157].

1.2. Корреспонденция гласных *ы* // *и*. В северных диалектах, также как в литературном языке, при корреспонденции гласных *ы* // *и* употребляется гласная *ы* (*кыыс'* ‘с руки’, *шурыс'эн* ‘будучи в реке’), в то время как в южном наличествует – *и* (*кид'окис'эн* ‘издалека’, *татис'* ‘отсюда’). В данном случае аксакишурский говор близок южным диалектам: акс. *ну*, *таис*, *пэ*, *губэчти чингыл'-чингыл'*, *с'и-кыл' поттыса биз'ылэ*. ‘Ну, этот, говорит, в погребке чингыл'-чингыл' (диль-диль) издавая бегаёт’; акс. *ми*, *пиналийос*, *чукна ваз'ик султыса*, *вил' дэрэм дис'аса*, *ул'чайэ потис'ком вал ни*, *кисыйа мы нош та-чак курэкнуз луэ вал*. ‘Мы, дети, встав рано поутру, надев **новые** рубахи, выходим, бывало, на улицу, а в карманах полно яиц бывало’; акс. *музйэм вылэ киз'эм йудэ зарн'и тис'о кар*. ‘Посеяное в землю зерно, сделай с золотыми **зернышками**’.

Корреспонденция гласных *ы* // *и* наблюдается также в служебных морфемах, а также в некоторых случаях корреспонденции подвергаются пресуффиксальные гласные:

а) показатель элатива (сев. *-ыс'* // акс., сред., юж. *-ис'*): акс. *кытис' шэт'тэм*, *кинлэс' вайэм*, *со но'кинлы но вэрал'л'амтэ* ‘Откуда пришел, от кого принес, он никому не говорил’; акс. *чугунис'тыз одигэз бобы гураз'э ус'эм*. ‘Из котелка один боб перед печкой упал’;

б) суффикс эгрессива (сев. *-ыс'эн* // акс., сред., юж. *-ис'эн*): акс. *ужай мон дас кык арэсис'эн*. ‘Работала я с двенадцати лет’; акс. *чукнаис'эн куцкыса эсытоз'ик курэкнузэн шутса вэтком вал паска- дырйа*. ‘С утра до вечера яйцами играя ходили во время Пасхи’;

в) иллатив (сев. *-ы-э*, *-ы-е* (*йэ*) // акс., сред. *-и-йэ*). Корреспонденция гласных *ы* // *и* в суффиксе иллатива наблюдается преимущественно в речи носителей старшего поколения, возрастом, приблизительно, не младше 60 лет. Под воздействием согласного *-й-* суффикса иллатива, предшествующий ему гласный звук *-ы-* подвергается регрессивной ассимиляции: акс. *ныллэн чыртийаз гырлы ошэм*. ‘На шею девочке колокольчик повесил’; акс. *с'эз'ы киз'ны поткы*, *курэкнуз бусийэ куйало вал*, *с'уйэ укс'о но куйало вал*. ‘Когда выходили сеять овес, на поле яйца бросали, на землю монеты даже кидали’;

г) аблатив (сев. *ы-эн*, *ы-ен* (*-йэн*) // акс., сред. *-и-йэ*). Аналогичная трансформация пресуффиксальной гласной *-ы-* в гласную *-и-* происходит в существительных творительного падежа: акс. *таиз гозийэн думэмын* ‘Этот веревкой привязан’; акс. *бодизн пыкйа мын ук?* ‘Палкой же подперто?’; акс. *ми*, *ничийос*, *мырдэм со ддд'ымэс туптис'ком на*, *оз'ы но н'искылано вал*, *эишо ддд'ийэн*. ‘Мы, малыши, еле тащили в гору те свои сани, тем не менее надо же было кататься, да еще на санях’;

д) локатив (сев. *ы-эн, ы-ен (-йэн)* // акс., сред. *-и-(й)ын*). Пресуффиксальная корневая гласная *-ы-* в существительных местного падежа в аксакшурском говоре также переходит в гласную *-и-*: акс. *кэносэ но пырса, с'урийын, чын улын*. 'В кенос заходя, **на жерди**, под пологом'; акс. *из'ны вытса ѓм ву:э, бускэл' пиос вуизы: валйосты, пэ, тил'ад мэжа дорады бусийын с'ис'ко*. 'Не успели лечь спать, как соседские мальчики пришли: лошади, говорят, у вашей межи **на поле** пасутся'.

Согласно исследованиям В. К. Кельмакова, гласная *ы* в корневых морфемах как перед велярными, так и перед палатальными согласными является первичной. Функционирование гласной *и* вместо *ы* в корневых морфемах – явление позднее, относящееся предположительно к праудмуртскому периоду (X–XVII), так как ранние письменные памятники XVIII в. уже отмечают *и* вместо первичного *ы* [Кельмаков 1998: 159–160]: *имь* 'рот', *нилонь* 'горло', *чирты* 'шея' [Паллас 1787: 84, 87, 99]; *nil-don* 'сорок' [Miller 1758: 407].

Возникновение корреспонденции *ы* // *и* в удмуртских диалектах можно объяснить палатализирующим воздействием последующего согласного на первичное *ы* как в корневых (*вил'кэнак* 'жена старшего брата', *кид'окэ* 'далеко'), так и в служебных морфемах (*олокытис'* 'откуда-то', *аз'ис'эныз* 'спереди'), а также влиянием как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции палатального согласного *й* на первичное *ы* (*бусийа-зы* 'в поле', *мыйико* 'усатый').

1.3. Корреспонденция гласных *у* // *ы*. Немаловажное место в вокалической системе аксакшурского говора занимает междиалектная корреспонденция гласных *у* // *ы* в деепричастиях на *-ку*: акс. *корка пырыкызы, таз'ы кырзало*. 'При входе в дом так поют'; акс. *оз'ы йумшакызы, о'дно ик курэklus с'ийыны косо, ѓт кэ сийэ, пэрэс'йос кѓттэс кырмалозы, шуо*. 'Во время таких гуляний предлагают непременно поесть яйца, если не поесть, предки вас за живот будут хватать, говорят'.

В среднечепецком диалекте удмуртского языка аксакшурскому суффиксу деепричастия *-кы* соответствует *-ку*: сч. *вэтлыкүм* // акс. *вэтлыкым* 'когда ходил'; сч. *ужакум* // акс. *ужакум* 'когда работал'.

Причина возникновения данной корреспонденции на данный момент остается до конца не выясненной. По мнению Д. В. Бубриха в допермскую эпоху деепричастия имели форму на *(ы)кы-к, (ы)кэ-к*: *вэтлыкы-к, вэтлыкэ-к* 'во время хождения'. В общепермский период произошло выпадение конечных согласных, поэтому деепричастия образовывались при помощи суффиксов *-ыкэ, -ыки*. Форма деепричастия на *-ку*, возможно, является более поздним образованием и берет свое начало от вопросительного слова *ку?* 'когда?' – *вэтлыку* 'во время хождения' [Бубрих 1948: 70].

2. Синкопа – фонетическое явление, характеризующееся выпадением звука или группы звуков внутри слова, особенно в положении между

смычными [Ахманова 1966: 395]. В исследуемом нами говоре синкопа гласной *-ы-* наблюдается в следующих случаях:

2.1. В инфинитивных формах глагола перед показателем суффикса инфинитива *-ны*: акс. *соосын маза ик улны вылымтэ: тудойэз, кинэ, пэ, поттылыны куцкил'л'лам*. 'Из-за них **жить** было беспокойно: то скотину, то еще что-нибудь начали уносить'; акс. *мил'ам сосэды ваў, з а к а р агай, о-о, со туш кышка ваў коўкозэ **пырны***. 'Нашим соседом был дядя Захар, он очень боялся **вступать** в колхоз'.

2.2. В деепричастиях перед суффиксами *-са, -тэк, -ку (-кы)*: акс. *вил'кэнлэн нэнэйзэ йуача **пышса** нуэ, одик чэрык вина бас'тэ с'эраз*. 'Мать молодки приносит сдобную коврижку, четверть вина берет с собой'; акс. *мылпонтэк но мынны пришло с'*. 'Без желания пришлось идти'; акс. *сокы, табан' с'икы ик, винайэз но с'укас'эз но вэрийас'ком*. 'Тогда, когда едим табани, пробуем вина и квас'.

2.3. Спорадическое выпадение звуков на *-иськ-* наблюдается в глаголах настоящего и прошедшего времен, I, II и III лица единственного и множественного числа, I спряжения: акс. *мон са'дикын ужай, али пэнсион'эр – гуртын **пукко** ни*. 'Я в детском саду работала, сейчас пенсионер – дома сижу уже'; акс. *мар-о бон ай ти тати **вэткоды**, мардэс ыштиды ай шуса ас поннам малпас'ко*. 'Что, мол, вы тут **ходите**, что потеряли, думаю про себя'; акс. *пичи дырйамы **шутком вал**, клубэ потаса окы'зы но ми **шутком вал** пинал дырйамы*. 'В детстве мы **играли**, в клубе по-разному **играли** в детстве'; акс. *мон номырэ но ук то'скы ни вэраны*. 'Я ничего уже не знаю, что можно рассказать'.

Консонантизм

Система согласных аксакишурского говора представлена 31 фонемой: *б, в, г, д, д', ж, жэ, з, з', жэ, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ү, ф, х, ц, ч, ч', ш, шэ*. Подобная система согласных также характерна для северноудмуртских диалектов [Карпова 2020: 130].

Одной из особенных черт, отличающих аксакишурский говор от средних, является употребление в нем полусогласного звука *ү* на месте литературного *л*: акс. *табэрэ **ныўыс**, пэ, шуэ уни аслазэс*: «мынам но узырмэмэ потэ, мыным но сычэ ик чэбэрийос, чэбэр дэрэмийос кулэ, ну монэ но н'улэскы». 'Теперь дочка своя уже говорит: «Я тоже хочу разбогатеть, мне тоже нужны такие красивые, красивые платья нужны, вези меня в лес»'; акс. *одиг ар коўкозын ужам бэрамы, коўкозлэс' пайдазэ тыросэз валазы*. 'После того как год мы проработали в колхозе, многие поняли пользу колхоза'.

Эпентеза – вставка неэтимологического гласного в середине слова – зафиксирована преимущественно в речи носителей старшего возраста: акс. *дэмэн ужаны но капчигэс **лувиз***. 'Совместно трудиться стало легче'; акс. *пил'эмийос шэр кэ, шулдыр нунал **лувон***. 'Если мало облаков,

будет ясная погода'; акс. *тулыс кэ вуэ, бусиис' карнанэн-карнанэн крак-мау нүлдис'ком вау*. 'Как наступала весна, из поля ведрами (букв. коромыслом) перезимовавшую картошку (букв. крахмал) носили, бывало'.

Для аксакшурского говора также характерно замещение гласных г, к, т гамзой: акс. *сэрэ к у п а н' ч а н'у'мы ван'*. 'Потом у нас есть лог Купанча'; акс. *мынам кōй чыртийэ 3аз'э'лэн кат' кыстис'кэ, мугоры нош уг но вы'рзы*. 'Моя жирная как у гуся шея тянется, а тело не двигается'; акс. *пушн'эрлы кыд'окэ вэ'лонэз өвөл*. 'За крапивой далеко не надо ходить'.

Одной из особенностей аксакшурского говора, отличающего его от срединных, является употребление согласной -й- в словах, оканчивающихся на гласную: акс. *со кэмэ сычэ нэрэс' муртийос мыно, бодийэн вэтло уни*. 'В такую даль идут и такие старые люди, с палками уже передвигаются' ~ сред. *капказ'азы тōд'ы йырсуо нэрэс' пукэ вал бодыэн*. 'Перед воротами седой дед сидел с палкой'; акс. *ручка кутон, ой, кийосы / жад'озы, афтомат кутыса*. 'Руки мои, которыми бы ручку держать, / устанут держать автомат' ~ сред. *йа хот' киосы өс па'чкалэ, и бодыэ вал, шулки ошэз*. 'Ладно руки не застряли, и палка была, ударила быка'; акс. *тан'и, нэ, та кыс'ну вэн'икэт интийэ пушн'эрэн, нэ, мунчойын мугордэ, нэ, кока ай но парыса шуэ – эйүмэз но со луоз*. 'Вот вместо этого березового веника, крапивой, говорит, в бане тело попарь, говорит, попарься, мол – это и лекарством будет' ~ сред. *аз'ло мунчойн пиало но мар но вал*. 'Раньше в бане рожали даже'.

Морфология

Имя существительное. Падежная система аксакшурского говора представлена 15 падежами: субъектно-объектными (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и местными (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, направительный, предельный). Стоит отметить, что направительный падеж, образующийся при помощи суффикса -лань, не представлен. Формант встречается лишь в лексемах типа *уллань* 'вниз', *выллань* 'вверх' и т. д., тогда как в северном наречии данный падеж широко функционирует в речи носителей, например: *шурлан'* 'через речку', *ужэлан'* 'через мою работу' [Карпова 2020: 479, 482].

В аксакшурском говоре суффиксы некоторых падежных маркеров подвержены междialeктной корреспонденции. Например, исходный падеж, представленный в северноудмуртской диалектной зоне суффиксом -ыс', в аксакшурском говоре обозначается при помощи суффикса -ис': акс. *одик полас, школаис' бэртса, урок лэс'тис'ко*. 'Однажды, вернувшись из школы, уроки делаю'; акс. *у л ы н й у р и гуртис' л'укис'кыса, а к с а к гурт кылдэ*. 'Отделившись от деревни Нижние Юри, возникает деревня Аксакшур'.

Подобной корреспонденции подвержен отдалительный падеж – вместо северноудмуртского суффикса *-ыс'эн* в аксакшурском говоре функционирует суффикс *-ис'эн*: акс. *и война куцкэм бэрэ отис'эн мар жэчэз ажи на мон?* ‘И после начала войны, с тех пор что еще хорошего увидела я?’; акс. *гидис'эн но куалас'эн н'имзы одиг.* – *ош, ошон.* ‘В хлеву и в куале со сходными именами. – Бык, дужка котла (в удмуртском языке – языковая игра *ош* и *ошон*)’.

Глагол. Характеристики глагола аксакшурского говора во многом схожи с общепринятыми литературными нормами удмуртского языка, лишь в некоторых случаях встречаются отклонения от грамматических правил.

Инфинитивная форма глагола аксакшурского говора не отличается от инфинитива литературного языка и образуется при помощи суффикса *-ны* в I спряжении, которому предшествует гласная *-ы-* (*мыныны* ‘идти’), во II – *-а-* (*вэраны* ‘говорить’). В то же время в исследуемом нами говоре отмечается выпадение основы глаголов I спряжения перед суффиксом инфинитива: акс. *н'э мар с'удны бэрэ, цукна ук са йкатис'кы вау* ‘Раз нечем было кормить, по утрам не будила’; акс. *обэза т'эл'но табайэз жырдатны кулэ, пэрэс'йос мэт кылозы вэй зынэз.* ‘Обязательно нужно накалить сковородку, чтобы предки почувляли запах масла’. Подобное явление также характерно для верхнечепецкого диалекта: *кылны* (*кылыны*) ‘слышать’; *йуны* (*йуыны*) ‘пить’ [Карпова 2020: 336].

В отличие от северных диалектов, где для выражения действия, совпадающего с моментом речи, употребляется суффикс *-с'к-* (*-ск-*), в аксакшурском говоре форма настоящего времени может образоваться при помощи суффикса *-к-*: *сэбрэ пышком ини пэрэпэч, бырэм гурын – шан'га.* ‘Затем печем перепечи, в протопленной печи – шаньги’; *выл' кэн кэрт-тылком, сэрэ сойэ вуэн пылатком, йуанийос с'отйас'ком сэрэ.* ‘Молодую привязываем, затем водой обливаем, вопросы задаем потом’.

Суффикс *-с'к-*, по мнению Б. А. Серебренникова, возник поздно, и в образовании этой формы принял участие финно-угорский суффикс *-šk*: фин. *nuole-ske-le-* ‘лизать’, кольско-лапл. *kul-sk-ynty* ‘прислушиваться’ [Серебренников 1963: 238]. К. Е. Майтинская возводит элемент *-k* суффикса *-šk* к прафинно-угорской общности, который употреблялся для указания настоящего времени [Майтинская 2016: 42]. В древнеудмуртском языке, по мнению ученого, настоящее время по форме было близко с языком коми – различие проявлялось в огласовке основы (*о* вместо *а*). Например, глагол I лица единственного числа *мынийсько* ‘иду’ имел вид *тупо* в удмуртском языке, *тупа* – в коми. Древняя форма настоящего времени в удмуртском языке функционирует до сих пор, но с другим значением – превратилась в форму будущего времени, например *мыно* ‘пойду’. «Для построения новой формы настоящего времени удмуртский язык воспользовался не основным суффиксом, а частным специфич-

ческим значением многократного суффикса *-šk*» [Серебренников 1963: 238–239], который в древнеудмуртском языке обозначал длительное, обычно совершаемое действие. В срединных говорах и ряде других удмуртских говоров для образования настоящего времени суффикс *-šk* присоединился лишь к двусложным глагольным основам (*ужа-с'к-о* ‘работаю’, *лэс'ти-с'к-о* ‘делаю’, *учкис'к-о* ‘смотрю’), а односложные основы образовывались при помощи прафинно-угорского показателя настоящего времени – суффикса *-k* (*мын-к-о* ‘иду’, *с'и-к-о* ‘ем’, *йу-к-о* ‘пью’, *сыл-к-о* ‘стою’). Возможно, речь идет не о выпадении элемента *-и'ск-*, *-с'к-*, а в целом о его отсутствии в словах с односложной основой в большинстве срединных, а также в аксакурском говоре удмуртского языка.

Прилагательное. Сравнительная степень прилагательных в исследуемом говоре образуются путем присоединения к основе прилагательного суффикса *-гэс*: акс. *мон класамы' ко т'кинлэс' но чал'аггэс* *гожйас'кыны дыши*. ‘Я быстрее всех в классе научился писать’; *кэрттылэмзы бэрэ, мййосызгэс ад'амиос вёс'ало сойэ, сэбрэ йуача с'удо, вина с'эктало*. ‘После того, как привяжут, люди постарше освящают ее, затем кормят сдобной коврижкой, угощают вином’.

В северном наречии удмуртского языка функционируют два суффикса показателя сравнительной степени: *-гэс*, преимущественно в верхнечепецком и среднечепецком диалектах, и *-гэм* – в нижнечепецкой группе говоров: сч. *пйичизгэс тиналмэс* ‘сына помладше’; вч. *йужгэс шл'апэз* ‘шляпа желтее’; нч. *со зйгэм мынэс'тым* ‘она старше меня’ [Карпова 2020: 199–200].

В описываемом нами говоре для выражения превосходства качества сравниваемого предмета используются такие усилительные слова как *са'мый* ‘самый’, *са'мой* ‘самый’: акс. *са'мый пэ'рвой школамы ус'тис'кэмын с'урс укмыс с'у кыс' с'из'ым арын*. ‘Самая первая школа открыта в тысяча девятьсот двадцать седьмом году’; акс. *л' э н а йэн к о л' э э н тан'и пэрэс'йос ини, соос тодозы са'мой умой*. ‘Лена с Колей пожилые уже, они знают лучше всех’;

Деепричастие. В исследуемом нами диалектном ареале деепричастия, в целом, не имеют отличительных признаков по сравнению с удмуртским литературным языком, лишь деепричастие с временным значением на *-ку*, в противовес среднечепецкому диалекту, выступает с огласовкой на *-кы*: акс. *гондыр гур котырти бэргакы, ныл гулбэчэ вацкэм*. ‘Когда медведь крутился вокруг печки, девочка спряталась в подполье’; акс. *ошмэсис' бэртыкызы, ва'нмыз бутылкаосын со вуэз нуэ, крушкаен гынэ тыро ошмэсис'*. ‘Возвращаясь от родника, каждый несет в бутылках ту воду, ее только кружками черпают из родника’.

Таким образом, анализ фонетической и морфологической структур показывает, что аксакурский говор в целом имеет фонетику и морфологию южноудмуртского типа, на что указывают следующие особенности:

1. Корреспонденция гласных *и* // *ы* при соседстве с последующим веллярным согласным, перед *й* или между *ж*, *ш* и последующим палатальным: сч., нч. *гинэ* // акс. сред., юж., н.ч. *гынэ* ‘лишь’.

2. Корреспонденция гласных *ы* // *и* как в корневых (*биз'ылэ* ‘бегает’; *тис'* ‘зерно’), так и в служебных морфемах (сев. *кытыс'* // акс., сред., юж. *кытыс'* ‘откуда’, сев. *йукнайс'эн* // акс., сред., юж. *йукнаис'эн* ‘с утра’, сев. *бусыйэ* // акс., сред., юж. *бусийэ* ‘в поле’, сев. *бодыйэн* // акс., сред., юж. *боди(й)эн* ‘палкой’, сев. *бусыын* // акс., сред., юж. *буси(й)ын* ‘на поле’).

3. Функционирование гамзы: *н'у'мы* ‘наш лог’, *пэ'зэ* ‘бежит’, *вэ'лонэз* ‘ходьбу’.

4. Оформление исходного падежа по южноудмуртскому типу суффиксом *-ис'*: *школаис'* ‘из школы’, *гуртис'* ‘из деревни’.

5. Функционирование в отдалительном падеже суффикса *-ис'эн*: *отис'эн* ‘оттуда’, *азбарис'эн* ‘со двора’.

Кроме вышеперечисленных характеристик, предпосылкой определения аксакшурского говора к южному диалекту стало отсутствие в нем обильной аффрикатизации, характерной для срединных говоров. Важно подчеркнуть, что изучение диалектных особенностей аксакшурских говоров позволит в дальнейшем определить границы диалектных ареалов удмуртского языка.

Сокращения

акс. – аксакшурский говор, вч. – верхнечепецкий диалект, нч. – нижнечепецкий диалект, сч. – среднечепецкий диалект, сев. – северное наречие, сред. – срединные говоры, юж. – южный диалект.

Литература

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта: из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 214 с.

Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка: (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 110 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 385 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Кондратьева Н. В., Соколова О. Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 4. С. 391–402.

Кондратьева Н. В., Филиппова Н. В. Динамические процессы удмуртского языка в условиях удмуртско-русского двуязычия в д. Старая Уча Республики Татарстан // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2019. С. 56–58.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Кн. дом «Либриком», 2016. 264 с.

Палласъ П. С. Сравнительные словари всеъхъ языковъ и нарѣчій. Ч. 1. Санктпетербургъ: Типографія Шнора, 1787. 411 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

Шаланки Ш. Ж., Кондратьева Н. В. Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 3. С. 380–389.

Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. SPb., 1758. 654 S.

УДК 811.511.131

К. С. Ефимов
*Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

К вопросу о некоторых аналитических конструкциях глагола в современном удмуртском языке

В работе представлен анализ аналитических конструкций, выделяемых некоторыми исследователями удмуртского языка. Первым компонентом таких конструкций выступают *м*-овые вербоиды с посессивными аффиксами, вторым компонентом являются различные неизменяемые лексемы. Часть рассмотренных конструкций выражают прежде всего модальные, а не темпоральные значения, другая часть является свободными сочетаниями, не обладающими идиоматичным характером.

Ключевые слова: удмуртский язык, глагол, аналитические конструкции, время, финитность, модальность.

В современном удмуртском языке существуют несколько аналитических конструкций, которые различные исследователи относят к категории времени глагола, и которые не входят в состав нормативных грам-

матик. Следует помнить, что «аналитическая форма глагола по своим внешним признакам имеет некоторые общие черты с такими языковыми явлениями как сложный и составной глагол, устойчивое и свободное сочетание слов» [Карымбаева 2012: 74]. Исходя из этого, в данной работе мы будем использовать термин «аналитическая конструкция». Данный термин можно назвать более подходящим, поскольку, если речь идет об «аналитической форме», то последняя будет характеризоваться идиоматичностью, смысловой неразложимостью и т. д. Для рассматриваемых нами аналитических конструкций вышеперечисленные характеристики еще предстоит установить.

Первым делом хотелось бы обратиться к статье В. В. Поздеева «Критерии аналитических форм удмуртского глагола», в которой автор резюмирует, что «выдвинутым критериям отвечают конструкции, состоящие из финитного глагола и вспомогательных глаголов *вал*, *вылэм* и *луоз*» [Поздеев 1990: 26]. Если с глаголами *вал* и *вылэм* все понятно – аналитические формы глаголов, в которых одним из компонентов выступает такой глагол, зафиксированы в нормативных грамматиках [УКК 2011: 184–189], то аналитические конструкции по типу финитный глагол плюс вспомогательный глагол *луоз* ‘будет’ нуждаются в дополнительном рассмотрении. Несколькими годами ранее Р. Ш. Насибуллин посвятил целую статью различным аналитическим конструкциям, первым компонентом которых выступают *м*-овые вербоиды с притяжательными аффиксами. Вторым компонентом выступают лексемы *вань* ‘есть’, *öwöl* ‘нет’, *вал* ‘было’, *вылэм* ‘было, оказывается’, *луэ* ‘является’, *луиз* ‘было’, *луоз* ‘будет’ и т. д. [Насибуллин 1984: 38–45]. В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения В. В. Поздеева относительно критериев выделения аналитических форм глагола в удмуртском языке. Таким образом, все формы, рассмотренные выше не соответствуют критерию «употребление в качестве первого компонента только одной части речи – глагола» [Поздеев 1990: 25], поскольку первым компонентом этих форм выступают различные причастия, деепричастия, и другие вербоиды, которые, в силу своей сущности, не обладают финитностью, которая присуща глаголам.

Еще одним автором, выделяющим подобные аналитические сочетания, является Э. Винклер. Им выделяется т. н. «претерит II», который включает в себя *м*-овый вербоид с посессивным аффиксом и неизменяемый формант *вань* ‘есть’ [Winkler 2001: 47–48]. В другой своей работе та же самая форма обозначена как «перфект II» [Winkler 2011: 100]. При этом, Э. Винклер не дает отрицательной парадигмы для выделяемой им конструкции. На наш взгляд, данные аналитические конструкции не выражают граммы времени, поскольку выражают результирующее состояние и не относятся к финитным формам, поскольку «за противопоставлением финитных и нефинитных форм стоит два признака: способность

глагола занимать позицию главного предиката полной независимой клаузы и способность принимать личные окончания» [Летучий 2011]. Из этого следует, что вербоид на -м не является финитным, поскольку выражение посессивности не является выражением категории лица. Кроме того, мы считаем, что только «формы, способные иметь собственное подлежащее, маркированное номинативом» [Вейнгарт 2019: 59] могут считаться финитными. У рассматриваемых нами конструкций подлежащее всегда находится в адессиве. Например: *Удмуртъёслэсь вöсаськемзэс мынам юри учкыны ветлэме вань* ‘моление удмуртов я специально ходил смотреть (дословно – мой ходивший есть)’ (Михаил Петров. Вуж Мултан (1987), НКУЯ). Как мы видим из примера, речь идет о выражении результата. Подлежащее выражено местоимением в адессиве. Говорящий использует данную аналитическую конструкцию для выражения подчеркнутого очевидного результата, что он лично был очевидцем описываемых событий. На русский язык предложения с подобными аналитическими конструкциями действительно переводятся глаголами прошедшего времени, поскольку в русском языке нет специальных грамматических форм выражающих результирующее состояние.

Под результиativом мы понимаем форму или конструкцию, «обозначающую состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [Недяков 1983: 7]. Стоит также отметить, что поскольку первым компонентом выступает м-овый вербоид с посессивными аффиксами, такой результиativ можно назвать «посессивным» [Там же: 9]. Основную семантику результиativa в конструкциях с лексемой *вань* ‘есть, имеется в наличии’ несет именно этот формант, поскольку, исходя из его лексического значения, он обозначает что-то, что есть сейчас. Соответственно, мы считаем, что при описании подобных аналитических конструкций в удмуртском языке, можно говорить о результирующем состоянии.

Далее рассмотрим конструкции, которые предлагает Р. Ш. Насибуллин в своей статье «О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке». Так, например, конструкция, состоящая из м-ового вербоида с посессивным аффиксом и отрицательным аналитическим компонентом *ой вал* ‘я не был’ *од вал* ‘ты не был’ *оз вал* ‘он не был’ *ом вал* ‘мы не были’ [Насибуллин 1984: 40], на наш взгляд, является свободным сочетанием, поскольку все компоненты конструкции не обладают неразложимостью и идиоматичностью. Пример: *Одотьялэн таче спектакльёсы ветлэмез ой вал на* ‘Одотья на такие спектакли не ходила еще (дословно – хождения не было)’ (Лидия Нянькина. Пыраклы (1996), НКУЯ). В данном примере речь снова идет о результате или о результирующем состоянии. Если бы вместо данной конструкции была использована форма прошедшего времени, то оттенок значения незначительно бы отличался: фокус говорящего оказался бы на действии в прошлом, а не

на результате к настоящему моменту. Однако на русский язык это переводится также с использованием форм прошедшего времени. Следующая конструкция состоит из «причастия на *-он-* и модального слова *вань*» [Насибуллин 1984: 41]. Эта конструкция, по мнению Р. Ш. Насибуллина, имеет и форму прошедшего времени, которая образуется с помощью добавления вспомогательного глагола *вал* [Там же: 41]. Подобная конструкция, на наш взгляд, выражает прежде всего модальные значения. Для выделяемого Р. Ш. Насибуллиным прошедшего времени данной конструкции, отчасти можно согласиться с наличием референции к прошлому, однако основным значением будет выражение модальности долженствования. Пример: – *Анай, мынам тонэн вераськонэ вань, – дйсьтыса оло дйсьтытэкгес вазиз со* – ‘Мама, мне с тобой поговорить нужно (дословно – у меня с тобой разговор есть), – решившись или может немного не решившись заговорил он’ (Герман Ходырев. Песятайлэн кизилиеэ (2001), НКУЯ). Данная конструкция обладает исключительно модальным значением долженствования и не имеет референции ко времени. Также первый компонент не является финитной формой глагола. Следовательно, данная конструкция не является аналитической формой удмуртского глагола. Еще несколько аналитических конструкций состоят из *м*-ового вербоида с поссесивным аффиксом, а в качестве второго компонента выступают такие компоненты как *луэ* ‘является’ / *уз лу* ‘не является’; *луоз* ‘будет’ / *уз луы* ‘не будет’; *луиз* ‘было’ / *өз луы* ‘не было’; *луэм* ‘было, оказывается’ / *луымтэ, өвёл луэм* ‘не было, оказывается’ [Насибуллин 1984: 42–44]. Вторая часть подобных конструкций не подвергается изменению. Также Р. Ш. Насибуллин отмечает синонимичность значения вышеперечисленных конструкций, аналогичным, где во второй части находится глагол *потыны* ‘хотеть’, и отмечает, что эти конструкции имеют модальный характер [Насибуллин 1984: 42]. Однако референция ко времени в данных сочетаниях, на наш взгляд, отсутствует, поскольку речь идет прежде всего о возможности совершения того или иного действия. Примеры: *Тон сое чурытамен эн сура, кулэ ке кари – туннэ-йуказе ик дас пар сурон сапег басьтэме луоз* ‘Ты не думай, что я скупой, если нужно сделал – сегодня-завтра могу купить десять пар кожаных сапог’ (Геннадий Красильников. Оди́г жы́тэ (1953), НКУЯ). В данном контексте речь идет о возможности, то есть выделенная конструкция передает модальное значение. Такую конструкцию можно без потери смысла заменить на *басьтыны быгато* ‘смогу купить’.

Колхозын ужаны со чутрак ваментйськиз, соин Савалей бордысь куштыськизы: ул, пе, иське, кызы у́лэмед луэ, только адыамислы эн люкеты! ‘В колхозе работать он решительно заупрямился, поэтому от Савалея отказались: живи, мол, значит, как можешь жить, только людям не мешай!’ (Геннадий Красильников. Пыртоэ (1971), НКУЯ). В этом контек-

сте также речь идет о потенциальной возможности, следовательно, здесь также речь идет о модальном значении. Такую конструкцию можно без потери смысла заменить на *улыны быгатйськод* ‘можешь жить’.

При поиске в Национальном корпусе удмуртского языка нами не были обнаружены конструкции, состоящие из *м*-ового вербоида с притяжательным аффиксом и неизменяемых компонентов *луиз* ‘было’ / *ӧз луы* ‘не было’; *луэм* ‘было, оказывается’ / *луымтэ, ӧвӧл луэм* ‘не было, оказывается’. Таким образом, мы можем предполагать, что такие конструкции являются достаточно маргинальными для современного удмуртского литературного языка.

И наконец, у нас остаются аналитические конструкции, состоящие из финитного глагола и неизменяемого компонента *луоз*, о существовании которых упоминает В. В. Поздеев [1990: 26]. Тем не менее, автор не приводит ни полных парадигм спряжения, ни примеров, ни описания значения подобных конструкций. Сама по себе лексема *луоз* в современном удмуртском языке имеет два основных значения: как часть составного именного сказуемого, либо как модальное слово [Кибардина 2012: 67–68]. При использовании лексемы *луоз* после финитного глагола, последний принимает добавочное модальное значения сомнения.

Нами были обнаружены конструкции, состоящие из финитных форм глагола настоящего времени и прошедшего времени на *-i*, а также из неизменяемого компонента *луоз*. Аналогичные конструкции, первым компонентом которых выступали бы другие финитные формы удмуртского глагола, нами не были обнаружены. Теперь перейдем к разбору примеров.

Кыдӧкын на, тодманы уг луы. Бригадир лыктӧз луоз ‘Далеко еще, узнать не получится. Бригадир пришел, наверное’ (Геннадий Красильников. Быдэ вуон (1955), НКUY). В данном контексте модальный компонент *луоз* обозначает сомнение говорящего в озвучиваемой информации. Такой компонент можно было бы без потери смысла заменить на лексему *дыр* ‘наверное’.

Маке но туж тумошо югдур сярысь маде луоз Илья: котыраз сылӧсьӧс гурак серекто ‘Что-то про очень забавный случай рассказывает, наверное, Илья: стоящие вокруг него дружно смеются’ (Геннадий Красильников. Жардон азын (1953), НКUY). Здесь говорящий как и в предыдущем примере выражает модальность сомнения или предположения с помощью лексемы *луоз*. Этот компонент можно было бы также без потери смысла заменить на лексему *дыр* ‘наверное’.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод, что аналитические конструкции, отнесенные частью исследователей к категории времени глагола, не имеют референции к данной категории в удмуртском языке, поскольку первым компонентом таких конструкций являются инфинитные формы глагола, а именно *м*-овые вербоиды

с посессивными аффиксами. Такая форма в сочетании с неизменяемым компонентом *вань* ‘есть’ либо *өвөл* ‘нет’ выражает результирующее состояние и не относится к категории времени. Такая же форма с компонентами *луэ* ‘является’ и *луоз* ‘будет’ выражает модальное значение возможности и может быть заменена без потери смысла на конструкцию инфинитив плюс глагол *быгатыны* ‘мочь’ в финитной форме. Конструкция из вербоида на *-он-* и модального слова *вань* ‘есть’ может быть заменена без потери смысла на конструкцию из инфинитива с лексемой *кулэ* ‘надо’. Финитные формы глагола в сочетании с лексемой *луоз* являются свободными сочетаниями, поскольку второй компонент такой конструкции добавляет оттенок сомнения и может быть заменен без потери смысла синонимичным компонентом *дыр* ‘наверное’. Таким образом, все рассмотренные нами аналитические конструкции нельзя назвать полноценными аналитическими формами, выражающими референцию ко времени.

Литература

Вейнгарт О. С. Финитность глагола и финитность клаузы: индоевропейская традиция и альтернативные подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 57–62.

Карымбаева К. М. Аналитическая форма глагола и ее отличие от внешне сходных языковых явлений // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 2 (12). С. 74–75.

Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 196 с.

Летучий А. Б. Русская корпусная грамматика. Финитность [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/multicl/finiteness/> (дата обращения: 02.05.2024).

Насибуллин Р. Ш. О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. Ижевск, 1984. С. 38–45.

Недляков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результирующих конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. 263 с.

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru> (дата обращения: 16.05.2024).

Поздеев В. В. Критерии аналитических форм удмуртского глагола // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. ст. Ижевск, 1990. С. 18–27.

УКК – Удмурт кылэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

Winkler E. Udmurt // Languages of the World: Materials 212. München: LINCOM Europa, 2001. 85 p.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. 181 p.

**Удмурт кылысь žуче берыктон дыръя ортчись
кылолык-кылпуштрос воштйськонъёс**

При переводе с одного языка на другой переводчику необходимо выполнить различного рода трансформации, чтобы результат перевода получился адекватным и эквивалентным оригиналу. В статье подвергаются анализу лексико-семантические трансформации при переводе художественной литературы с удмуртского языка на русский. Исследование выполнено на основе анализа примеров, собранных методом сплошной выборки из повести удмуртского классика М. Петрова «Жардон азын» и его перевода «Перед рассветом», выполненного Н. Ермолаевой. В результате проведенного исследования были выявлены следующие виды трансформаций: конкретизация, генерализация, добавление, опущение, антонимическая трансформация, экспликация и модуляция.

Ключевые слова: удмуртский язык, русский язык, перевод, лексико-семантические трансформации, художественная литература.

Вашкала дыръёсын ини пöртэм калыкъёс ог-огенызы пумиськыло, турлы ужрадъёся герзаськыло, но сыче учыръёсы котьку но кулэ луо вал трос кылъёсты тодйсь адямиос. Кык яке тросгес кылъёсты тодйсь адями берыктйсь луыны быгатэ, ог-огзэсты валасътэм муртъёсты герза, мылкыдъёссэс, малпанъёссэс валэктэ. Нош кызы со озьы быгатэ? Кыккыльемлыко, троскыльемлыко луон адямиослы трос дауръёс жоже тунсыко вал ини, нош солэсь радлыксэ валаны, валэктыны öнерчиос кылем дауре гинэ басьтйськыны быгатйзы ай. Одыг кылын верам яке гожтэм тодэтъёсыз берыктйсь кызы мукет кылэ воштыса сётыны быгатэ, ваньмыз-а соку верамын луэ, майз ке ышыса уг-а кылы, маке мултэссэ уг-а со ватса? Та выллем юанъёслы трос тодосчиос валэктон утчаны тыршо ини, нош огъя малпанэ али ке но öз на вуэлэ, ноку но уз но вуэлэ, вылды.

Одыг кылысь мукет кылэ берыктон дыръя одно ик луыны кулэ кык кылкуэт (текст), соос пöлысь одйгез луэ нырысетйез, кыкетйеныз герзаськымтэ куэт, нош кыкетйез нырысетйез вылэ пыкиськыса кылдэ, пöртэм воштйськонъёс пыр потыса. Нырысетйез оригинал кылкуэт нимаське, кыкетйез – берыктэм текст [Комиссаров 1990: 44–45].

Берыктонлэн азмугез луэ таçe: берыктоно но берыктэм кылкуэтъёс ог-огзылы тужгес но зол мед тупалозы, вань ивортөдэт (информация) бы-

дэсак сётэмын мед луоз, соин валче берыктійсь кыллэсь эсэпъёссэ одно ик чаклано на [Бархударов 1975: 83]. Берыктон уж пöртэм тусо луыны быгатэ: берыктоно кылкуэтъёс пуштрössыя но, жанрзья но, стильзья но трослы висъясько; переводлэн тырмытлыкезъя но шонерлыкезъя берыктійсьёслы турлы куронъёс пуктійсько. Соин сэрэн трос пöртэм берыктон кабыёс вань, кудъёсыз ог-огзылэсь шöдскымон висъяськыны быгато, соосыз котькудзэ нимысьтыз тодослыко амалэн эскероно.

Туннэ нунал понна удмурт кылысь но удмурт кылэ чеберлыко литератураез берыктон учыръёс пумен но пумен йыло, нош берыктон амалрад (методика) туж öжыт эскеремын. Таин ик герзаськемын ужмылэн асдыръемлыкез (актуальностез); берыктійсь мурт берыктон процесс сярись, нимысьтыз удмурт кылысь жүче, тросгес тодйз ке, солы ужаны, аслэсьтыз ужзэ жечгес быдэстыны капчигес луоз. Эскеронмы ортчытэмын М. Петровлэсь «Жардон азын» [Петров 1983] повестьсэ но солэсь «Перед рассветом» [Петров 1963] нимо жүч кылэ берыктэмзэ уже кутыса.

Берыктон трансформациос шуыса нимасько сыңе воштійськонъёс, кудъёсыз оригинал огметысь берыктэм огметэ выжо. Озы ке но, мукетмон «преобразование» удыскылэз буквально валаны уг яра: ачиз сётэм кыл «мукетмон» уг луы, ас понназ уг вошъяськы. Сётэм кылкуэт воштійськытэк кыле, но соин чöш, со вылэ пыкиськыса, мукет кылкуэт музон кылын кылдытійське [Рецкер 1982: 97].

Туала вакытэ берыктон воштійськонъёслы трос гинэ тодослыко ужъёс сйезмын ини. Озы ке но, пусйыны кулэ, берыктонлэн теориеныз вырись öнерчиос али ке но трансформация валатонъя одйг малпанэ öз на вуэлэ. Соин солэн трос классификациосыз, кудъёзыз ог-огзылэсь пöртэмъясько. Кылчиос уно пöртэм типъем воштійськонъёсты висъяло, но соосты оглом кык туркыме пыртыны луэ: кылтйрлык но кылрадьян пуштросо. Таяз ужамы кылтйрлык ласянь воштійськонъёсты эскериськомы. Котькыңе кыл яке кылтйрлык огмет – со кыллэн кылтйрлык удысысьтыз оглюкетэз. Таин пöртэм кылын кутійськись лексемаослэсь кылолык сöзнэтсылэсь аспöртэмлыко луэмзэс валэктыны луоно. Соин ик кылтйрлык трансформацилэн пуштрössэз «сётэм кылысь нимаз кылтйрлык огметъёсты (кыльтёсты но вошъяськысэтэм кылтэчетъёсты) берыктоноысьтыз кылтйрлык огметъёсын воштон бордын луэ» [Бархударов 1975: 196].

Кылтйрлык трансформациослэн кылдон мугъёссы трос луо, ваньмыз соос сярись вераны луонлык но öвöл. Соин ик эскеронмы куд-ог валтійсь мугъёсья субегатэмын. Пöртэм кыльтёсын лексемалэн пуштрössаз чөмысь одйг явленилэн ик яке валатонлэн турлы тодметъёсыз висъясько; тазы ке дыръя луылэ, малы ке шуоно пöртэм кыльтёслэн, шо-нергес вераса, пöртэм кыльтёсын вераськысёлэн дунневаланзы чылкак мукет луыны быгатэ – ваньмыз та берыктон уж дыръя шуг-секутйёс кылдытэ. Кылтйрлык трансформацилэн кылдэмезлэн кыкетй мугез –

пöртэм кылъёслэн пуштрос пасьталазы, быдъалазы трослы висьяськыны быгатэ. Сётэм кылын но берыктись кылын чылкак одйг кадь пуштро-со кылъёс ёемысь öвöл. Ёем дыръя сыёе кылъёслэн нырысетй кыл валатон вариантсы, соослэн валтйсь пуштроссы тупа, нош отйяз пöртэм тупасьтэм вариантъёс луыло, малы ке шуоно кылъёс пöртэм азинскон сюресэз ортчö. Вераськонын кыллэн пöртэм сямен кутйськемез, мукет кылъёсын герзаськемез, тупамез луэ. Оригинал кылкуэтын нестандартной кылтйрлык огметъёс вань ке, трансформация кутйське. Кылсярьсь, аснимъёс, нимкылъёс, интынимъёс но мукет со выллем лексемаос (кылтэчетъёс) оригинал кылын гинэ кутйськo ке, соосты огшоры кылъёсты кадь берыктыны шуг, нош соос, валамон ини, туж важной луo, оригинал кылын вераськись калыклэсь лулчеберетсэ, аспöртэмлыксэ возматo.

Кылчиос уно пöртэм типъем воштйськонъёсты таяз котретэ пырто, нош, зэмзэ вераса, соослэн малпанъёссы трослы висьяськo. В. Н. Комиссаровлэн эскеремезъя, берыктонлэн кылтйрлык амалъёсыз пöлы транскрипция но транслитерация, калькирование, кылолык валатон воштонъёс, конкретизация, генерализация но модуляция пыро. Я. И. Рецкер висья таёе видъёсты: дифференциация, конкретизация, генерализация, модуляция, пумиткыл берыктон, быдэс мукетмон но берыктон мынэт дыръя ортчись ыштонъёслэн компенсацйзы [Рецкер 2007: 45]. Кылтйрлык воштйськонъёсты тросэз тодосчиос эшшо кык котретлы люко: чылкак кылтйрлык (лексической) но кылтйрлык-кылпуштрос (лексико-семантической), малы ке шуоно кыллэн пуштрос тодметъёсылэн берыктон дыръя кутйськемзы тросгес яке öжытгес шöдйське. Тодосчиослэсь ужъёссэс эскерыса, малпанэ вуим, кылтйрлык-кылпуштрос воштйськонъёс пöлы конкретизация, генерализация, ватсан, куштон, модуляция, пумиткыл берыктон но валэктон пыро шуыса. Пöртэм кылъёсын уноез паськыт валатонэн (семантикаен) кылъёс берыктйсь кылэн уг тупало. Кыккыльем кыллюкамъёс кöня ке тупась вариантъёс сётo, котькудйз соос пöлысь мукет кылысь одйг валэктонэз гинэ воштыны быгатэ. Озыы ке но, кыллюкамын пусъем тупан учыръёс кыллэсь паськыт кутйськись семантиказö быдэсак возматыны уг быгато.

Конкретизация

Конкретизация – сыёе амал, куке паськыт пуштросэн кылъёс берыктон дыръя сюбеггес валатонэн кылъёсын воштйськo [Швейцер 1973: 270]; та мынэтлэн трос мугъёсыз луыны быгато, кылсярьсь, сыёе ик эквивалент кыл берыктонo кылын oло öвöл но, яке сое сыёе ик oгъя паськыт валатонo лексемаен, берыктйсьлэн малпамезъя, берыктыны кулэлыкес уг шöдйськe: *Жаль, кыёе эш вал со...* [Петров 1983: 153] – *Жалко ee, какая она была верная подруга* [Петров 1963: 174]. Букв.: ‘Жаль сое, кыёе со вал oскымон эш’. – *Тйлад куд-ог умойтэм ужъёсты сярись ве-*

раськоно луоз асьмелы, Бобров эш, – шуиз Гребнёва, жёк съёры пуксьыса [Петров 1983: 106]. – Нам придется вести разговор о некоторых ваших **беззаконных** действиях, товарищ Бобров, – строго сказала Гребнева, присев за стол [Петров 1963: 119]. Букв.: ‘Асьмелы кулэ луоз вераськон нуыны куд-ог тйляд катрадтэм (законлы пумит) ужъёсты сярись, Бобров эш, – чурит вераз Гребнева, жёк съёры пуксьыса’.

Асьмелэн кыламы *пи* яке *ныл* эш валатонэз возматыны нимаз кыл өвёл; кин (ныл яке пи) сярись вераськон мынэ, контекстысь гинэ валаськомы, нош зучын нимаз сыће лексема вань бере, берыктись сое уже кутэмын. Озьыен, удмуртысь паськыт валатонэн кутйськись кыл интые шуосэ сюбеггес пуштросэн кыл пуктэмын. Мукет веранысь адзиськомы: *уймойтэм* ужъёс олокыће но луыны быгато. Та тодметнимлэн туж паськыт валатонэз, нош берыктись нимысьтыз *беззаконные* ‘законлы пумит луись’ кылэз уже кутэм, лыдзисьлы валамонгес мед луоз, шуослэн чеберлыко мылкыдыз жечгес мед шёдйськоз шуыса.

Куддыръя арберилэн (адямилэн яке пудо-животлэн) быдэсыз интые куд-ог люкетсэ нимась кыл гинэ кутйське, нимысьтыз жечгес, конкретногес возыматон понна: *Анна гид пала тур-пар мынйз но жоген отысь кисьтаськись **вылтыро** тыл кадь кельыт Соколэз поттйз* [Петров 1983: 113]. – *Анна стремительно пошлагала в конюшню и скоро вывела оттуда огненно-рыжего с золотым отливом на **спине** Сокола* [Петров 1963: 127]. Букв.: ‘Анна тур-пар вамыштйз вал гидэ но жоген поттйз тыл-кельыт тыбырыз зарниен кисьтаськись Соколэз’. *Анна **коркась** потйз но, кёня ке улыса, вазаен чечы но графинэн мусур пыртйз* [Петров 1983: 111]. – *Анна вышла из **горницы** и через пару минут вернулась с медом в вазочке и графином медовки* [Петров 1963: 125]. Букв.: ‘Анна потйз горницаысь но, ог кык минут ортыса, берытскиз чечыен вазаен но мусурен графинэн’.

Трос мукет та выллем валатонэз сюбегатыса возыматон амальёс пумиськыло: *Отын, оло, кыће ке **ужлы** дышысал* [Петров 1983: 154]. – *Там, может какому-нибудь **ремеслу** бы выучился* [Петров 1963: 174]. Букв.: ‘Отын, оло кыће ке өнерлы дышетскысал’. – ***Жечбур**, Ваня* [Петров 1983: 155]. – ***Добрый день**, Ваня* [Петров 1963: 175]. Букв.: ‘Бур нуналэн, Ваня’. ***Дйськутсэ** сельсоветэ нуоно луод, Марпа кенак* [Петров 1983: 156]. – ***Форму** придется в сельсовет отнести, Марпа-кенак* [Петров 1963: 176]. Букв.: ‘Формаэз сельсоветэ нуоно луод, Марпа кенак’. *Азьло дыре ми дышетскыны бёрдыса куриськиськом вал, нош тйледды, шузиосты, дышетэм гинэ өвёл, сյодо, **дйсяло*** [Петров 1983: 157]. – *В прошлое-то время мы со слезами просились на учебу, а вас, дурачков, не только учат, а и кормят, и **обувают** впридачу* [Петров 1963: 178]. Букв.: ‘Азьло дыре ми синкылиен куриськиськом вал дышетсконэ, нош тйледыз, шузиосты, дышетэм гинэ өвёл, сյодо но, пыдкучан но сёто’. – *Ой, Натй, мар **гожтом** бен? Филармонилэсь **гожтэтсэ** сյолэм бордаз **жиптыса** юаз со эшезлэсь*

[Петров 1983: 161]. – *Ой, Ната, как же **ответить**? – прижав к сердцу письмо, спрашивает она взволнованно* [Петров 1963: 182]. Букв.: ‘– Ой, Ната, кызы бен ответ сётыны? Гожтэтсэ сүлэм бордаз жиптыса юась-ке со сүлэмшугъясъкыса’. *Коньдонзэ сётй но, пересьлэн синвуосыз ик **потйзы*** [Петров 1983: 162]. – *Отдала ей деньги – у старухи даже слезы **брызнули*** [Петров 1963: 183]. Букв.: ‘Сётй солы коньдонзэ – пересьлэн синкылиосыз ик пазыгиськызы’.

Генерализация

Конкретизациины вачепумит воштйськон генерализация луэ. Генерализация – со лексико-семантической трансформация, куке сётэм кылысь сюбеггес валатонэн лексема паськытгес значениен кылтйрлык огметэн воштйське. Берыктйсьёс та амалэн ужано луо, куке берыктоно кылын конкретной валатонъёс өвёл. Генерализация берыктйсьлы юрттэ таёе шуг-секутысь потыны, куке со берыктйсь кылысь видовой валанлэсь валэктонзэ шедьтыны уг быгаты: *Мын гурт **калыкес сайкаты*** [Петров 1983: 171]. – *Иди **деревню** буди* [Петров 1963: 193]. Букв.: ‘Мын гуртэз сайкаты’. Жучысь удмуртэ берыктыку, та амал ёжит кутйське, конкретизациен ёшатйськом ке.

Ватсан

Ватсан (добавление) – кутытэк кельтэм кылыёсты веранэ пыртон; озыы ик шуослэсь сёзнэтсэ воштон дыръя, куд-ог выль кылыёсты но будэтон [Бархударов 1975: 226]. Таёе амал оригинал кылысь ивортодэтыёсты умойгес, шонергес валаны луонлык сётон понна кутйське; таёе воштонлэн мугъёсыз сётэм но берыктйсь кылыёслэн верантодос но кылрадъян пёртэмлыкёссылы луыса пото, нош куддыръя кылрадтодос (стилистика) удисэн герзаськемын луо: *Со Кима доры **мынйз** но **гожтэтэз жёк** **вылэ понйз*** [Петров 1983: 153]. – *Она подошла к Киме и положила письмо **ему** на стол* [Петров 1963: 173]. Букв.: ‘Со лыктйз Кима доры но понйз гожтэтэз солы жёк выль’. *Отын но татын капка усьтылэм куараос, вулы мынйсьёслэн **ведра** куараоссы кылйськыны кутскизы* [Петров 1983: 170]. – *Там и тут скрипят открываемые ворота, звенят **ведра на коромыслах** идущих за водой женицин* [Петров 1963: 192]. Букв.: ‘Отын но татын жукурто усьтылэм капкаос, жингырто вулы мынйсьёслэн ведраоссы карнанъёсын’.

Та шуосъёсын котькудаз пёртэм мугез, малы переводчик созэ яке тазэ кылэз ватсаса берыктэм. Нырысетй веранын ему ‘солы’ кыллэн кулэлъез чик но уг шёдйськы кадъ, сотэк но ваньмыз валамон но, озыы ик чебер но луысал, дыр, нош берыктйсь озыы ке но ватсам сое. Озыен, солэн малпамезъя, жуч кылын тазыы умойгес кылйське, вылды. Кыкетй веранъя таёе малпанъёс лыкто: удмуртъёс тросэз гуртъёсын уло, тужгес но М. Пет-

ровлэн повестяз возматэм вакытэ, кылем дауре гуртёсын ведраен ву пыртон – нуналлы быдэ трос пол лэсьтоно уж вал, соин ик *ведра куара* кылтэчет удмурт адымылы валамон луэ, нош зуч лыдзисьлы берыктісь сое валэктыны кулэ шуыса малпам, *коромысло* ‘карнан’ кыл ватсаса.

Та повестез берыктонын мукет учырёсы но ватсанлы примерёс трос гинэ пумисько: *Ма кызы-о уз кырзалэ нылтёс, сыгё шумпотон нунальёс вуэм бере, – войналэн пумыз шодске ни* [Петров 1983: 158]. – *Как не петь девушкам, если пришли радостные дни, – близость конца войны ощущается повсюду* [Петров 1963: 179]. Букв.: ‘Ма кызы-о уз кырзалэ нылтёс, шумпотон нунальёс вуэм бере, – войналэн пумыз шодске ни котькытын’. *Война быремен зечкыласько, эшгёс!* [Петров 1983: 171] – *С окончанием войны поздравляю вас всех, товарищи!* [Петров 1963: 193] Букв.: ‘Война быремен зечкыласько тйледыз ваньдэс, эшгёс!’

Куштон

Опущение (куштон) – сыгё трансформация, куке берыктонын мултэс луйсь кыл кутэмын овёл ни, солэн валатонэз капчиен контекстысь валамон луэ [Бархударов 1975: 226]. Таиз амал ватсанлы ме́чак пумит луэ: *Председателез адзыса, со кушетскиз, сингёсыз отчы-татчы бызьылыны кутскизы* [Петров 1983: 154]. – *Увидев председателя, он сполошился, глаза забежали* [Петров 1963: 175]. Букв.: ‘Председателез адзыса, со кушетскиз, сингёсыз бызьылыны кутскизы’. Удмурт кылысь ...сингёсыз *отчы-татчы бызьылыны кутскизы* кылтэчетысь *отчы-татчы* люкетэз куштэмын, малы ке шуоно зуч сямен сотэк но валамон луэ ини, адыми сыгё учыре шуэрскиз, юмоке сюриз шуыса.

– *Нош ёз ке мын, номыр уз-а лу, Кима? – кушетскыса юаз Марпа* [Петров 1983: 156]. – *А коли не пойдёт он, не будет ли чего, Кима? – затревожилась Марпа* [Петров 1963: 177]. Букв.: ‘– Нош ёз мыны ке со, уз-а лу мар ке, Кима? – кушетскиз Марпа’. Оригиналын каронсям (*кушетскыса*) каронкыллэн финитной кабеныз (*юаз*) ёош кутіське, нош зуче берыктэмын каронкыл гинэ на сётэмын (*затревожилась* ‘кушетскиз’), малы ке шуоно, милям малпаммыя, зуч кылын но чебертэм, шуг лыдзымон но верамон луысал: *затревожившись спросила* ‘кушетскыса юаз’. Соин ик, шётэм калька медам пёрмы шуыса, берыктісь тазы верам. Таёгес ик мугёсын мукет куштон учырёс но уже кутэмын: – *Я, Онись, тонэн татись чукнаозь но кошкыны уд чыды* [Петров 1983: 162]. – *Ну, Онись, с тобой отсюда до самого утра не уйдешь* [Петров 1963: 184]. Букв.: ‘– Я, Онись, тонэн татысь чукнаозь ик уд кошкы’. – *Маке шунды жужан пала лобзо, – шуиз Назар агай Натйлы* [Петров 1983: 170]. – *На восток чего-то летят, – сказал Назар* [Петров 1963: 193]. Букв.: ‘– Маке шунды жужан пала лобзо, – шуиз Назар’. – *Я, кыль шинельдэ, – косійз Анна сапегёссэ учкыса пукись* Кималы [Петров 1983: 111]. – *Ну, скидай*

шинель, – приказала Анна Киме, разглядывавшему свои сапоги [Петров 1963: 125]. Букв.: ‘– Я, кыль шинельдэ, – косйз Анна аслэсьтыз сапегъёс-сэ учкись Кималы’.

Пумиткыл берыктон

Пумиткыл (антонимической) берыктон сётэм кылысь кыће ке валатонэз переводын пуштросэзъя вачепумит луйсь лексемаен воштыку уже кутйське. Соин сэрэн одно ик мукет воштйськонъёс но оглом ортчо, кылтэчтлэн яке шуослэн огъя валатонэз медам сörиськы, воштйськы шуыса: *Шер луыло Натйлэн кадъ синъёс* [Петров 1983: 160]. – *Не часто встретишь такие глаза, как у Наты* [Петров 1963: 181]. Букв.: ‘Чем уд пумита таће синъёсты, Натйлэн кадъ’. *Вакцияк верало, кызъы ыштй мон тйледыз* [Петров 1983: 154]. – *Расскажу, как получилось, что мы с вами не встретились* [Петров 1963: 174]. Букв.: ‘Верало, кызъы пöрмиз, асьмеос тйледын öм пумиське шуыса’. *Тросэз-а бен сюрес вылысь шедьтэм сюрс манетлэсь трос коньдонэз колхоз правление вайыса сётысал* [Петров 1983: 161]. – *Не каждый бы, найдя на дороге более тысячи рублей, принес и отдал бы их в правление* [Петров 1963: 183]. Букв.: ‘Не котькудйз сюрес вылысь сюрс манетлэсь тросгес шедьтыса вайысал но сётысал соосыз правление’.

Та шуосъёсын умой адзиське, зуче берыктэм примеръёсын не кылпыры пумиське шуыса, нош удмуртын öвöлтйсь кылкабъёс кутэмын öвöл. Удмурт кылын чылкак та частицалы тупась кыл öвöл, чемысь со интые юрттйсь öвöлтйсь каронкыл кутйське (солэн инъет кабез öвöл, таће кылкабъёсыз гинэ пумисько: уг, уд, уз, ум, öй, öд, öз, öм но о. а.), нош куддыръя – öвöл лексема. Со сяна, чылкак мукет ласянь но луыны быгатэ: удмуртын кутэм öвöлтйсь кылкабъёс интые зучын зэматон кабын сылйсь кылъёс пумисько: *Нош картонка сярись эн шугъяськы, колхозникъёс колхозэз шуге уз усыкытэ, шедьтом картонка – пудолы но, кидыслы но* [Петров 1983: 112]. – *А насчет картошки не крушишь, колхозники выручат колхоз, найдем картошку и скоту, и на семена* [Петров 1963: 126]. Букв.: ‘Нош картошка пумысен эн куректы, колхозникъёс юрттозы колхозлы шуг-секытысь потыны, шедьтом картошка пудолы но, кидыслы но’. *Гожтэт сярись тодыса иземез уг лу кожей угось...* [Петров 1983: 170]. – *Я-то ведь думал, что из-за письма он потерял сон...* [Петров 1963: 192] Букв.: ‘Мон уго малпай, гожтэт понна со умзэ ыштйз’. – *Анаед татын öвöл-а?* [Петров 1983: 111] – *Мать дома ли?..* [Петров 1963: 125]. Букв.: ‘Анаед дорын-а?’.

Тужгес но трос учыръёсы пумиткыл берыктон амал, öвöлтйсь юрттйсь вераськон люкетъёсын герзаськемын ке но, куддыръя соосты уже чылкак кутытэк но адзиськымон луэ: – *Эктытэк эн сёт, – шуиз солы Натй* [Петров 1983: 153]. – *Не отдавай, пусть попляшет, – пред-*

упредила ее Ната [Петров 1963: 173]. Букв.: ‘Эн сёты, мед эктоз, – алйз сое Натй’. Таяз шуосын удмурт каронкыллэн өвёлтон валатонэз деепричастие каб пыр возматйське, нош жүчын воксё но косон сям уже кутэмын (өвёлтон валатонтэк). Озыы ке но, кыкезлэн но веранлэн – удмуртэзлэн но, жүчезлэн но – чылкак укшась огъя валатонэз пөрмемын.

Мукет учырёсы каронсям чылкак сямкылэн воштэмын луэ, соослэн валатонзы укшась луэ бере – дырез но кызызыэ возматйсь. Таиз югдур мукет ласянь валамон но – сыће ик кылкабёёсты кутыса, удмурт сямен но вераны быгатйськомы. Озыен, соос синонимёс луо, нош берыктйсь, тае лыдэ басьтыса, туж зеч эквивалент шедьтыны быгатэм: *Пумиськомы-а асьмеос куке, ум-а, нош мон тйледды улытозям уг вунэты!..* [Петров 1983: 154] – *Встретимся мы когда-нибудь, или нет, но я вас никогда не забуду!..* [Петров 1963: 174] Букв.: ‘Пумиськомы-а асьмеос куке но, яке ум, нош мон тйледыз ноку но уг вунэты!..’

Валэктон

Валэктон трансформация (экспликация) – нимкылызъя ик валамон луэ, со сыће воштйськон, куке сётэм кылысь лексема (кылтэчет) валэктыса берыктэмын луэ, пуштросэз валамон мед луоз шуыса: *Эместилэн гожтэтэз сярись ачид кыллум поттйд ук* [Петров 1983: 170]. – *О письме зятя ведь говорим, сам ты затеял об этом разговор* [Петров 1963: 192]. Букв.: ‘Эместилэн гожтэтэз сярись ук вераськиськом, тон ачид со сярись вераськонэз мытйд’. *Кыллум поттыны* кылтэчет фразеологизм луэ, нош солы тупась эквивалент жүч кылын өвёл. Мукет сямен жүче берыктыны луонлык шедьтытэк, переводчик валэктон амалэн гожтыса сётыны малпам.

Али гинэ бригадир йаши карыса кошкиз, табере ачиз председатель вуиз [Петров 1983: 154]. – *Только что ушла бранившая его на чем свет стоит бригадир, теперь сам председатель явился* [Петров 1963: 175]. Букв.: ‘Али гинэ кошкиз сое туж зол тышкаськем бригадир, табере ачиз председатель вуиз’. Та примерын адзыны быгатйськом: удмурт лыдзйсьлы пусъем кылтэчет капчиен валамон луэ, нош со, кылсярьсь, жүч кылэ калыка амалэн берыктэмын луысал ке, яке чик валантэм пөрмысал, яке чебертэм кылйськысал.

Таиз веран но солы укшасьёсыз огласянь валэктон трансформацилы тупало, нош мукет ласянь модуляци воштйськонлы но укшало. Чем дыръя соос вискин рос-прос висьясь гож ортчтыны секыт.

Модуляция

Модуляция (пуштросэзъя азинскон) – сётэм кылысь лексема яке кылтэчет берыктоно кылэ сыће огметэн (единицаен) воштйське, кудйзлэн валатонэз сётэм огметлэн логической йылпумьянэз луэ [Комиссаров 1990: 248]. Ыемысь оригинал огмет но солэн берыктэмез мут кусыпёсын

герзасько: *Дышымтэ адыми таёе дыръя малы ке одно ик кыре потыны турттэ* [Петров 1983: 158]. – *В такие моменты непривычному человеку почему-то неудержимо хочется вырваться на волю, на воздух, на простор* [Петров 1963: 179–180]. Букв.: ‘Таёе дырьёсы дышымтэ адыми малы ке одно ик потыны турттэ эрике, омыре, эркин интые’. Та примерьс адзыны быгатиськом: *кыре* кылэз ‘наружу’, яке матысь контекстэз лыдэ басыгыса, ‘на улицу’ шуыса берыктыны луысал; нош Н. Ермолаева, произведенилсь огъя мылкыдэз лыдэ басыгыса, тазы берыктэм. Переводчиклэн малпамезъя, огшоры берыктон та веранын тырмыт өвёл, ватсаны кулэ на мукет кыльёсты, кудъёсыз кыре потэмез гинэ өвёл, эрике потэмез, мозмытскемез возматно на.

Тодаз лыктёз атакаосы ветлэмез. Бырон пумитэ мыныкуз, солэн котьку ик малпанэз одйг вал – мон коммунист. Нош табере тани витымытэ шорысь партбилетэн люкиськон вуиз [Петров 1983: 106]. – *Память развернула перед ним горячие фронтовые дни, встрепенула то чувство, с каким ходил в атаки. Поверх всех ощущений он нес гордое сознание: «Я – коммунист». От него он смелел. А теперь вот грянула гроза – заставят проститься с партбилетом...* [Петров 1963: 120] Букв.: ‘Тодаз лыктёзы фронтысь пось нуналъёс, со мылкыдэз сайкатйз, кудйныз со атакаосы ветлэ вал. Ваньмызлэсь выльйынгес возе вал йёно малпанэз: «Мон – коммунист». Солэсь со кышкасьтэм луэ вал. Нош табере тани гудыри гудыртйз – косозы люкиськыны партбилетэн...’ Таоссэ шуосьёсты эскерыса адзиське: лирической герой, тушмонэн ожмаськыкуз, коммунист луэменыз данъяське вал. Сыёе асвалан, малпан солы дйсьтйсь, кышкасьтэм луыны юрттэ шуыса валаськомы гинэ вал, «озыы, дыр» шуыса малпаськомы вал, нош берыктйсь сое ме́чак кылкуэтэ ик пуктэм, жу́ч лыдзисьлы нимысыгыз веран понна.

Модуляция дыръя, пушвалатон радъет золгес воштйськоно луэ но выль компонентъёс кутыны быгатэ: *Озыы шуыса, со ёжог сүлтйз но ёс пала вамыштйз* [Петров 1983: 110]. – *Прошептав это, она вывернулась из Матюшиного объятия и отскочила к двери* [Петров 1963: 124]. Букв.: ‘Шыпыртыса сое, со мозмытскиз Матюшлэн зыгыртэмезлэсь но ёс пала тэтчиз’. *Соку ини берытскон сярись малпанэз ик өвёл, нюлэскы секыт ужез ужаны кылёно луд* [Петров 1983: 110]. – *Тогда уж домой вернуться и думать нечего, только и останется, что в лес идти ворочать бревна на лесозаготовках* [Петров 1963: 124]. Букв.: ‘Соку ини доре берытскыны малпанэз ик өвёл, со гинэ на кыле – нюлэскы мыныны корьёсты бералъяны нюлэс дасянын’.

Таиз трансформаци тужгес но шугез луэ, берыктйсьлэсь усто быгатонлыкёссэ кулэ каре; нырысетй интыгын сылэ огзэ валатонэз мукетэныз воштон. Со дыре ик таёе воштйськонъёс чёмысь малпанэ вутто, берыктйсь укыр трос ас вылаз басьтэ кадъ шуыса, оригиналын чик но

пумиськисьтэм валатонъёс берыктонын паськыт вӧлмыны быгато. Вылй сётэм веранъёсты учкыса, *йӥсӥ султыны* интые кыӛе ке *Матюшлэсь йыгыръямезлэсь пегӥзыны* валатон пумиське ке, малпан кылдэ: зэм-а та берыктэм шонер луэ? Та юанлы мӛчак ответ сётныны туж шут, трос аспектъёсын герзаськемын уго. Мукетаз примерын берыктйсьлэсь малпаськон манерзэ валаны луэ ик: нӧлӛскын секыт уж туж ик трос луыны уг быгаты, дыр, ӛемысь со зэмзэ но нӧлӛс погыръянэн, корьёсты беральянэн герзаськемын. Озыы ке но, авторлэн таӛе ивортодэтэз сётэмын ӧй вал бере, со зэмзэ ик озыы малпа вал шуыны ум быгатйське.

Берыктон – со туж аспӧртэмлыко уж, оригинал кылкуэт но берыктэм куэт ог-огзылы тужгес но зол укшаны кулэ. Берыктйсь авторлэсь гожъяськон (малпаськон, вераськон) манерзэ, стильзэ, ужезлэсь чеберлыксэ воштытэк кельтыны тырше, нош со понна солы трос амальёсты уже кутано луэ, кылсярысь, трансформациосты. Тодосчиослэн эскеремзыя, берыктйсь огзэ гинэ лӛсьтыны кулэ ӧвӧл – укыр зол тыршемен, берыктоно ужлы выль шӧм пыртыны уг яра, аслаз гожтйсьлэн ужез тодмантэм воштӛмын луыны кулэ ӧвӧл. Нош сое зэмзэ туж секыт лӛсьтыны – укыр трос но укыр ӧжыт воштонъёс вискысь шорсюлэмзэ шедьтыны – котькуд берыктйсьлэн тужгес но бадӛым тыршонзэ луыны кулэ.

М. Петровлэсь «Ӝардон азын» повестъёс Н. Ермолаева «Перед рассветом» нимын берыктйз; кыксэ ик та ужез пыр-поч эскерыса потйм но кылолык-кылпуштрост ласянь воштйськонъёсты сӛрттймы-пертчймы. Трансформациос пӧлысь конкретизациез, генерализациез, ватсанзэ, куштонзэ, пумиткыл берыктонзэ, валӛктонзэ но модуляциез висъямы но примеръёс вылын соослэсь пуштроссӛс рос-прос возматныны тыршймы. Тодосчиослэн малпанъёссы ог-огзылэсь трослы пӧртӛмъясько. Милӛ дӛмлам классификацимы, оло, одйгезлы но азьвыл дӛмламъёсызлы быдӛсак уг тупа ке но, троссӛ та воштйськонъёсты кылчиос висъяло но кылтйрлык трансформациос пӧлы пырто. Та эскерон ужмы туж тунсыко вал. Огласянь учкыса, трос выльзэ шедьтыны тыршймы, нош мукет ласянь, оскиськом, лӛсӛтэм ужмы берыктон дыръя пумиськись куд-ог шутсекытӛёсты ке но сӛрттыны-пертчыны юрттоз шуыса.

Источники

Петров М. П. Ӝардон азын: повесть, поэмаос, кылбуръёс, веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1983. 259 б.

Петров М. П. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3. Перед рассветом: повесть / Пер. с удм. Н. Ермолаевой. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 228 с.

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. 3-е изд. М.: Просвещение, 1982. 159 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.

УДК 811.511.131

Л. М. Ившин
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск

Ранний удмуртский письменный язык в трудах В. К. Кельмакова

В статье проанализированы работы В. К. Кельмакова, так или иначе затрагивающие вопросы изучения памятников ранней удмуртской письменности. Некоторые исследования ученого касаются их попутно – при разработке истории изучения удмуртского литературного языка, а также удмуртского языкознания в целом, другие – специально – при изучении истории графики и орфографии и лексикологии удмуртского языка.

Ключевые слова: письменный памятник, письменность, удмуртский письменный язык, лингвистика, словарь, грамматика.

На поприще финно-угорских исследований научные изыскания Валее Кельмаковича Кельмакова – доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР и Российской Федерации – получили высочайшую оценку в ученых кругах. Обладая широчайшим научным кругозором, он создал свою научную школу и внес неоценимый вклад в изучение проблем пермского и удмуртского языкознания: диахронической морфологии и фонологии, исторической лексикологии и этимологии, ономастики и диалектологии, а также истории удмуртского литературного языка. Большая эрудиция, неутомимость, целеустремленность, владение немецким, венгерским, финским, коми, татарским, марийским языками способствовали распространению научной деятель-

ности ученого также на разработку общих вопросов финно-угорской лингвистики.

В. К. Кельмаковым опубликовано свыше 500! работ (в том числе более 60 книг, брошюр и учебно-методических изданий) по различным вопросам удмуртского и пермского языкознания. Немало сил и энергии было отдано исследователем пропаганде малоизвестных и совершенно неизвестных читателю письменных памятников удмуртского языка, которые в настоящее время стали достоянием специалистов и всего удмуртского народа. При анализе трудов В. К. Кельмакова необходимо отметить тот факт, что при всем разнообразии рассматриваемых им тем его научный поиск всегда был последовательным, интерес к той или иной проблеме не ограничивался рамками одной публикации. Все изучаемые им сферы разрабатывались профессионально, на основании строгих научных критериев и опыта предшествующих исследователей.

Более 50 печатных работ ученого (особенно начиная с 2000-х гг.) посвящены вопросам изучения ранней удмуртской письменности. В некоторых из них при разработке истории удмуртского литературного языка, лексикологии и, наконец, удмуртского языкознания в целом В. К. Кельмаков касается памятников письменности лишь попутно, приводя только названия. Однако при изучении истории графики и орфографии удмуртского языка, истории удмуртских слов автору кажется более правильным и перспективным использование ранних письменных документов в качестве первоисточника.

Неподдельный интерес имелся у лингвиста к вопросу возникновения удмуртской письменности. В работах «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» (2001), «Очерки истории удмуртского языкознания» (2001), «К истории удмуртского и пермского языкознания» (2002), «Очерки истории удмуртского литературного языка» (2008) В. К. Кельмаков на основе большого фактического материала из письменных документов доказывает, что письменность у удмуртов зародилась уже в первой трети XVIII в., хотя среди научного сообщества относительно точного времени ее появления до сих пор нет единодушия. По мнению одних (см. напр.: [Алатырев 1976: 21; Ванюшев 1993: 295; Ермаков 1976: 83; Пономарев 1976: 6]), начало удмуртской письменности восходит к 1775 г., когда в Санкт-Петербурге была напечатана книга под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочинения 1775]; другие [Ившин 2010: 17–19; 2023: 15; Тараканов 2000: 539], В. К. Кельмаков в их числе, временем возникновения письменности называют ту дату, когда была произведена первая запись слов на удмуртском языке, вне зависимости от графических средств (латиница или кириллица) и от того, издана грамматика этого языка или нет, то есть первую треть XVIII столетия.

В своих многочисленных публикациях, посвященных разработке вопросов становления и развития удмуртской филологии («Дореволуционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка» (1976), «У истоков удмуртской филологии» (1992), «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез но нырысь вамышьёсыз» (1999), «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс» (1999), «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» (2001), «Возникновение и развитие удмуртского языкознания» (2001) «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез» (2001), «Первая грамматика удмуртского языка как феномен европейской духовной культуры XVIII века» (2001, 2008), «У истоков удмуртской филологии» (2002), «Зарождение и развитие удмуртского языкознания» (2002, 2011), «Становление письменности и зарождение удмуртской филологии» (2008) и т. д.), В. К. Кельмаковым была описана историческая обстановка, во время которой шло формирование удмуртского народа и его языка, проанализированы первые лексические материалы зарубежных ученых-естествоиспытателей Ф. Й. Страленберга, Й. Э. Фишера, П. С. Палласа и удмуртско-русский словарь З. Кротова [Кротовъ 1785], который на сегодняшний день является самым большим из сохранившихся памятников XVIII столетия, содержащий около 5000 слов и выражений.

Многогранные исследования по этому направлению знакомят читателя с размышлениями ученого о литературном языке и основных источниках его развития и обогащения, с одной стороны, памятниками ранней удмуртской письменности и современными диалектами и языком фольклора, – с другой. По мнению В. К. Кельмакова, которое мы полностью поддерживаем, в XVIII в. из всех разделов лингвистики наиболее представленной была лексикография, поскольку было составлено множество словарей различного объема, а слова, зафиксированные в них (словарях), дают довольно полное представление об основном словарном фонде удмуртского языка более чем двухвековой давности – источнике исторической лексикологии. Словарные работы XVIII столетия сохранили архаичные элементы и формы не только в лексической, но и на других уровнях системы языка – фонетике, морфологии, что является уже источником исторической грамматики. Обоснованно отмечается В. К. Кельмаковым и тот факт, что существенным разделом языкознания этого периода было написание грамматик удмуртского языка.

В. К. Кельмаковым очень основательно были проанализированы некоторые письменные памятники XIX столетия. В работах автора «О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на “сарапульском наречии” удмуртского языка I» (2004), «Об “орфографии” первопечатного Евангелия от Матфея на “сарапульском наречии” удмуртского языка» (2007) и «О языке первопечатного Евангелия от Матфея на “сарапульском

наречии» удмуртского языка» отмечается, что при переводе сложного во всех отношениях евангельского текста переводчики / составители / издатели подбирали соответствующие удмуртские эквиваленты к словам с христианско-религиозным значением различными способами: использовали удмуртские слова, возникшие в недрах язычества; приспособляли слова, имевшие несколько иное, бытовое, значение; применяли толкование для терминов без прямых соответствий на удмуртском языке; вводили заимствования из русского языка и создавали неологизмы на базе известных в удмуртском языке словообразовательных моделей. Исследователем скрупулезно проанализировано и орфографическое своеобразие письменного памятника, которое он видит в: 1) использовании различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука; 2) непоследовательном обозначении палатальности / велярности инлаутных и ауслаутных согласных; 3) наличии / отсутствии буквы **ъ** между морфемами, как показателя твердого консонанта и т. д. Непоследовательность написаний в Евангелии на «сарапульском наречии» В. К. Кельмаковым объясняется тем, что до публикации книг 1847 г. не было опыта издания больших текстов на удмуртском языке, а также опыта у их создателей и издателей.

Большое количество исследований В. К. Кельмакова посвящено анализу сборника фольклорно-диалектологических текстов Б. Гаврилова под названием «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880]. В своих статьях «К истории удмуртского языкознания: Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов» (2001, 2011), «Из истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин)» (2003, 2008) и объемной книге «Песни и сказы твои останутся...» (2020) ученый, анализируя особенности письма (графики и орфографии) книги Б. Гаврилова, отмечает, что избыточность графических средств – 47 букв для обозначения менее чем 40 фонем и сочетание на практике слогового принципа письма с транскрипционным, а также звуковая неоднозначность некоторых графических знаков предопределили противоречивые особенности орфографии письменного памятника: с одной стороны, дали возможность относительно точной фиксации фонетических особенностей удмуртских диалектов, с другой, – спровоцировали непоследовательное использование громоздкой графики. Также В. К. Кельмаков верно подметил, что книга Б. Гаврилова послужила своего рода учебной хрестоматией по удмуртской литературе для обучения и воспитания многих деятелей удмуртской культуры конца XIX – начала XX в. – И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Кедре Митрея и др.

Буквально недавно фольклорные записи Б. Гаврилова были переизданы В. К. Кельмаковым под названием «Песни и сказы твои оста-

нутя...» (2020) с сохранением графико-орфографических и языковых особенностей оригиналов. Кроме издания произведений собирателя устного народного творчества, автор скрупулезно проанализировал работы зарубежных и отечественных исследователей, в которых были процитированы тексты из книги Б. Гаврилова (некоторые с переводом на немецкий, венгерский и другие языки). Автор с сожалением отмечает, что воспроизведение гавриловских текстов в этих исследованиях не всегда точное, произвольное и обусловлено субъективными факторами. Во втором томе из этой же серии «Песни и сказы твои останутся...» II: «Я гусли беру золотые...»: (из письменной истории некоторых удмуртских выражений и слов) (2021) ученый в историческом плане рассматривает удмуртские слова и выражения, которые по различным причинам стали непонятными для современных читателей. Автором приводится большое количество комментариев как к отдельным лексемам, так и по устойчивым выражениям, которые подкрепляются историко-этнографическими выкладками и языковыми примерами из печатных источников XVIII–XIX вв.

Немало трудов В. К. Кельмакова посвящено материалам другого просветителя удмуртского народа конца XIX столетия – Владислава Ислентьева, инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии. В особенно объемных исследованиях «Неизвестная страница удмуртского языкознания: Рукописный словарь Владислава Ислентьева» (1999, 2008), «Удмурт кылосбурлэн дырсьюресысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс» (2016) и «Об одном, почти забытом, патриархе удмуртской филологии. В. А. Ислентьев» (2017) ученый излагает свои размышления о словаре В. Ислентьева, анализируя графико-орфографические, диалектные, лексические особенности, а также стилистическое своеобразие переводов в других его трудах.

Несколько работ В. К. Кельмакова освещают творческое наследие первого удмуртского ученого-просветителя Г. Е. Верещагина: «Нырысетй удмурт тодосчи» (2000, 2011), «Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания» (2004), «Удмурт кылосбурлэн дырсьюресысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс» (2016) и «Классики удмуртской литературы в современных (переизданиях и переводах). Г. Е. Верещагин» (2017). Подробно проанализировав работы удмуртского просветителя «О книгахъ на вотскомъ языкѣ», «Руководство к изучению вотского языка» и «Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын», написанные в конце XIX – начале XX в., В. К. Кельмаков отмечает их исключительное значение для изучения истории удмуртского литературного языка, подробно описывает графико-орфографическую систему памятников, а также выражает свое негодование по поводу неприемлемой текстологической подготовки литературных рукописей к изданию.

Большое внимание В. К. Кельмаков уделял пропаганде научных трудов своих предшественников и коллег-языковедов из зарубежных стран, которые занимались собиранием удмуртской словесности или изучением удмуртского языка. Им подготовлены и опубликованы обзорные статьи, знакомящие с творческой деятельностью Т. Г. Аминоффа («Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях» (1991, 2011)); Б. Мункачи («Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов» (1987, 2011), «Мункачи, удмуртъёс но удмурт кылос» (2011)); Ю. И. Вихманна («Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания» (1991, 2011)); Ш. Чуча («Венгер-удмурт профессор Шандор Чучлы – 60 арес» (2011)) и др. Их неизвестные и малоизвестные труды (которые, по сути, являются памятниками удмуртской письменности конца XIX – начала XX в.) В. К. Кельмаков сделал достоянием специалистов и всего удмуртского народа.

Резюмируя все вышесказанное, еще раз отметим, что профессор В. К. Кельмаков в своих исследованиях, посвященных анализу памятников письменности удмуртского языка, постоянно обращал внимание ученых на то, что систематическое изучение памятников удмуртской письменности, которые появились задолго до установления норм современного удмуртского языка, имеет огромное историко-филологическое значение. В своих публикациях он не раз высказывал идею о создании полного фонда рукописных и печатных письменных памятников [Кельмаков 2008: 283; 2008а: 22], чтобы иметь возможность целенаправленного ввода материалов ранних письменных документов на удмуртском языке в научные разработки по всем видам и темам исследований.

Источники

Гавриловъ Б. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880. 189 с.

Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с.

Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртия, 1975. 113 с.

Литература

Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности: сб. ст. Ижевск, 1976. С. 15–36.

Ванюшев В. М. Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 295–301.

Ермаков Ф. К. Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: сб. ст. Ижевск, 1976. С. 83–87.

Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск, 2010. 236 с.

Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века. Ижевск, 2023. 216 с.

Кельмаков В. К. Ранние памятники удмуртской письменности в филологической науке и вузовском преподавании // LU. 2008. Т. 44. № 4. С. 282–296.

Кельмаков В. К. Ранние памятники удмуртской письменности и современное языкознание // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы Межрегион. науч. конф. Пермь, 2008а. С. 16–26.

Пономарев К. А. Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: сб. ст. Ижевск, 1976. С. 5–14.

Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.

УДК 811.511.131

Е. В. Кашкин

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва*

Глаголы с семантикой закрывания и открывания в татышлинском говоре удмуртского языка¹

Статья посвящена глаголам с семантикой закрывания и открывания в татышлинском говоре удмуртского языка. В типологической перспективе рассматриваются способы выражения различных контекстов, таких, как преграда в строении, преграда для перемещения, закрывание глаз, создание дистантной преграды, затыкание отверстий и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, татышлинский говор, лексическая типология, семантика, глаголы закрывания, глаголы открывания.

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1. Введение

В статье на материале татышшинского говора периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка обсуждаются глаголы с семантикой закрывания (указывающие на прекращение доступа к объекту путем создания преграды, ср. рус. *закрыть, запереть, накрыть, заслонить* и др.) и открывания (указывающие на создание доступа к объекту путем устранения преграды, ср. рус. *открыть, отпереть, распахнуть* и др.). Предварительные наблюдения о типологии этого поля, на которые опирается данное описание, сделаны в [Кашкин и др. 2018] (см. также обсуждение данных горномарийского и хантыйского языков в [Кашкин 2017а; 2017б]).

Методологически мы опираемся на фреймовый подход к лексической типологии (см. о нем [Рахилина, Резникова 2013]), предполагающий сопоставление семантики лексем на основе анализа их сочетаемостных свойств.

Материал собран в 2019–2024 гг. в экспедициях Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в Татышшинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, д. Бигинеево, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, с. Уразгильды, д. Арибаш). Преимущественно использовался метод анкетирования носителей (вопросы о том, в каких контекстах для носителя наиболее естественно употребить тот или иной глагол; перевод предложений с русского на удмуртский; описание ситуаций на удмуртском; оценка правильности и интерпретация предложений на удмуртском). Полученные таким образом примеры не имеют в статье специальных помет. Также мы пользовались корпусом записанных и расшифрованных в экспедиции устных текстов [КТУ]. Собранные нами примеры записываются в практической транскрипции, в основном следующей системе из [Baidoullina 2003]. В примерах из других источников сохраняется использованная в них система записи. В некоторых случаях в разных частях статьи приводятся схожие примеры, поскольку мы проверяли допустимость и взаимозаменяемость глаголов в одних и тех же контекстах.

Далее мы последовательно рассмотрим зафиксированные нами глаголы закрывания и открывания, сопоставив наш полевой материал с данными лексикографических источников. В заключении мы суммируем сведения о том, какие типы ситуаций выделяются исследуемыми глаголами татышшинского говора.

2. Глаголы закрывания

2.1. Глагол *vorsanĕ* ‘закрывать’

Глагол *vorsanĕ* (лит. *vorsany*) обладает наиболее широкой сочетаемостью в зоне закрывания. Так, он описывает создание преграды в строении (*ősez vorsa* ‘Закрой дверь’). По умолчанию при этом предпо-

лагается, что дверь или другая преграда не запирается на замок (в таком случае используется глагол *šoganā* ‘запирать’, см. раздел 2.2). В этом случае может быть выражена и степень закрытия: *ősez őžāt gine (č'ūk gine) vorsale* ‘Прикрой дверь немного’. В то же время при эксплицитном выражении запирающего устройства глагол *vorsanā* возможен: *ősez vorsale vālās' šogeten gine* ‘Закройте дверь только на верхний замок’. В сочетании с наименованием всего строения глагол *vorsanā* приемлем только для части опрошенных носителей (*korkajez vorsā* ‘Закрой дом’), ср. употребление в этом контексте глагола *šoganā* (раздел 2.2). Метонимическим объектом при глаголе *vorsanā* может становиться и участник ситуации, которого закрывают в помещении: *mon vorsaj pūnījez korka puškā* ‘Я закрыла собаку в доме’.

Кроме этого, глагол *vorsanā* применяется к закрыванию складываемых объектов (*kn'igajez vorsā no oktā* ‘Книгу закрой и убери’, *kūaz' zor duktiz no, mon zont'ikme vorsaj* ‘Дождь затих, и я закрыла зонтик’), контейнеров различных типов (*vedrajez vorsā: otān č'ālkāt vū* ‘Закрой ведро: там чистая вода’, *r'ukzak pas', vorsā* ‘Рюкзак открыт, закрой’), частей тела (*maša kāškaz no s'imze vorsaz* ‘Маша испугалась и закрыла глаза’, *āmdē vorsā* ‘Закрой рот’ – последний пример применим и в буквальном смысле, например, на приеме стоматолога, и в переносном смысле как указание замолчать). По отношению к «самостоятельному» закрыванию глаз некоторые носители считают более точным глагол *kān'ānā* (см. раздел 2.5), понимая глагол *vorsanā* как указывающий на закрывание глаз руками.

Этот же глагол может относиться к созданию преграды для перемещения (*kāžār tati koškoz xabirov, soin s'ūresez vorsazā* ‘Сейчас здесь поедет Хабиров, поэтому перекрыли дорогу’; *vorsā kranēz, vūez bušlā vija* ‘Закрой кран, вода льется попусту’) и к созданию дистантной преграды для зрительного восприятия (*pispu korkajez vorsā šundāles'* ‘Дерево закрывает дом от солнца’, *mone baŋkāšeten vorsā, mon pereod'evat's'a karo* ‘Закрой меня полотенцем, я переоденусь’).

Глагол *vorsanā* невозможен в значении ‘накрыть кого-л., что-л.’ (*anaj nālze od'ejalen šobārtiz / *vorsaz* ‘Мама накрыла дочку одеялом’), см. подробнее раздел 2.6 об использовании в этом случае глагола *šobārtānā* ‘накрывать’. Не все носители допускают его использование и в значении ‘заткнуть что-л.’ (*mon pel'l'osme vorsaj* ‘Я закрыла уши (руками, шапкой)’ / ‘Я заткнула уши (пальцами)’), см. раздел 2.4 об используемом в этом случае глаголе *č'oksanā*.

2.2. Глагол *šoganā* ‘запирать (на замок)’

Глагол *šoganā* (лит. *čoganyi*) обозначает закрывание объекта (например, двери) с помощью запирающего устройства (*ősez šoga* ‘Запри дверь (на замок)’, *kapkajez šogasa kel't* ‘Запри калитку (на замок)’, *korkajez šoga* ‘Запри дом (на замок)’), см. также сочетаемость этого глагола с инстру-

ментальным участником – запирающим устройством (*ósez šoga vâlâs' zamoken* ‘Закрой дверь на верхний замок’) и его неприемлемость в ситуации неполного закрытия двери, невозможного при закрывании на замок (*ósez óžât gine vorsale / *šogale* ‘Немного прикройте дверь’). Объектом при глаголе *šoganâ* может быть и участник, остающийся в запираемом помещении: *mon pûnijez korka šogaj* ‘Я запер собаку в доме’.

2.3. Глагол *pâtsanâ* ‘закрывать кого-л. где-л., прекращать доступ’

В литературном языке глагол *пытсаны* описывает достаточно широкий набор контекстов в зоне закрывания, см. его первое значение в словаре [Udmcorp] ‘закрывать, закрывать (напр. дверь); запереть, запира́ть’, пример *vorotaŋez pîtsâmîñ* ‘Ворота закрыты’ в [Wichmann 1987: 201] и разнообразные корпусные иллюстрации: *Адями коркаысытыз потэ, ôссэ пытсакуз, датчик куаретэ: «Форточкадэ ворса! Газдэ кыс!»* ‘Человек выходит из дома, закрывая дверь, датчик сигнализирует: «Закрой форточку! Выключи газ!»’ [Webcorpora: Удмурт дунне, 2007.05.15]; *Ымезнырез пытсано маскаен, киосы одно дйсяно перчатки* ‘Рот и нос нужно закрыть маской, на руки обязательно надеть перчатки’ [Webcorpora: Удмурт дунне, 2016.03.18]; *Нырысь басьтйм банкаосты пытсан агрегат но стерилизатор...* ‘Сначала взяли агрегат для закрывания банок и стерилизатор...’ [Webcorpora: Удмурт дунне, 2012.09.24].

В татышлинском говоре, по оценкам самих носителей, глагол *pâtsanâ* имеет более узкую сферу употребления (по словам одной из информанток, ее сноха родом из Можгинского района Удмуртии применяет этот глагол к закрыванию двери и ворот, но в Татышлинском районе так не говорят). В первую очередь татышлинские информанты связывают его с запираением где-либо животных: *mon č'ôžjosâz gide pâtsaj* ‘Я закрыла уток в хлеву’; *âžez saraje pâtsamân* ‘Его овца заперта в сарае’. Аналогичное употребление по отношению к человеку возможно (*nâlpijez korka pâtsasa kel'ti* ‘Я закрыла ребенка дома’), но оценивается как грубое. С неодушевленным объектом конструкция не используется: *mon kost'umez škafe ôši / vorsaj / *pâtsaj* ‘Я повесила (закрыла) костюм в шкаф’.

Кроме того, глагол *pâtsanâ* допускается в контекстах создания преграды для перемещения: *gaišn'ikjos s'ûresez pâtsal'l'am* ‘Гаишники перекрыли дорогу’ (некоторые носители связывают такие примеры скорее с ситуацией длительного перекрытия дороги, например, при угрозе обрушения моста). Часть информантов допускает его и в контекстах создания дистантной преграды для зрительного восприятия: *ʔpil'em šundijez pâtsaz* ‘Туча закрыла солнце’.

2.4. Глагол *č'oksanâ* ‘закрывать, прекращать доступ’

Глагол *č'oksanâ* (также зафиксирован произносительный вариант *č'otsanâ*, лит. *чоксаны*) используется в разнотипных контекстах, объединяемых идеей полного прекращения доступа к объекту.

Этот глагол описывает затыкание отверстий: *mon č'oksaj so komak pas'ez st'eklovatajen* 'Я закрыла эту крысиную дырку стекловатой'. Носители комментируют этот и подобный пример как «наглухо закрыла», «навсегда закрыла», ср. также приемлемость глагола *č'oksanā* не для всех информантов в ситуации, когда отверстие накрывается сверху: *kāžār kūnoos lāktōžā, so pas'ez mon vorsaj / ?č'oksaj kovriken* 'Сейчас придут гости, я закрыла эту дырку ковриком'. Затыкание ушей пальцами описывается этим же глаголом (*mon č'oksaj pel'me* 'Я заткнула уши'), хотя эта ситуация и является легко обратимой. По-видимому, глагол выбирается на основании сходства способа действия с контекстами типа 'заткнуть дырку', а также идеи полного прекращения доступа внутрь отверстия.

Глаголом *č'oksanā* описываются и некоторые ситуации создания преграды в строении – закрывание помещений на длительный период. Именно так говорят о закрытии (с утеплением, законопачиванием и др.) на зиму входа в погреб, которым не будут пользоваться до прихода тепла (*tolaltelā mi gulbeč'ez č'oksas'kom* 'На зиму мы погреб наглухо закрываем', ср. употребление базового глагола *vorsanā* 'закрывать' в ситуации, не предполагающей длительного ограничения входа в погреб: *mon ōžāt pualma bas'ti no gulbeč'ez vorsaj* 'Я взяла немного картошки и закрыла за собой погреб'). В корпусе встретилось описание этим глаголом закрытых пчелами сот, что, по-видимому, схоже с приведенными выше примерами в отношении полного прекращения доступа: *jes'l'i ramkajos tāremān ke... č'oksamān ke... mūšjos soje polnost'ju č'oksalo. mon soje č'oksamze purt kāržā... purt šuo mil'am... kārž purten vandālis'ko* 'Если рамки заполнены... Если закрыты... Пчелы его полностью закрывают. Я закрытые соты кривым ножом... *Purp* у нас говорят... Кривым ножом вскрываю' [КТУ].

Ситуации создания преграды для перемещения могут характеризоваться той же лексемой (с незначительными идиолектными колебаниями в оценке отдельных примеров): *?gaišn'i?ž'os s'ūresez č'oksazā* 'Таишники перекрыли дорогу', *sant'exn'ik kraniez č'oksaz soje les'ton ponna* 'Сантехник перекрыл кран, чтобы его отремонтировать'.

В большинстве исследованных идиолектов глагол *č'oksanā* может описывать создание дистантной преграды для зрительного восприятия, иными словами, предполагая прекращение зрительного доступа к объекту (*?pil'em šundijez č'oksaz* 'Туча закрыла солнце', *č'oksa mone baŋkāšetēn, mon dis'ez vošto* 'Закрой меня полотенцем, я переоденусь').

2.5. Глагол *kān'ānā* 'закрывать (глаза)'

Глагол *kān'ānā* (лит. *кынныны*) используется только в ситуации закрывания глаз без дополнительного инструмента (о его применимости только к глазам сказано и в [Wichmann 1987: 113]): *maša s'imjosse kān'iz no ūmte ū'siz* 'Маша закрыла глаза и уснула', ср. также его несочетаемость с инструментальным участником: *s'imde kijānād vorsā / *kān'*

‘Закрой глаза руками’. Прямой объект при этом должен быть выражен: предложение **kân!* ‘Закрой глаза!’ оценивается информантами как неполное и непонятное.

2.6. Глагол *šobârtânâ* ‘накрывать’

Глагол *šobârtânâ* (лит. *šobyrtyny*) используется в контекстах накрывания (расположения преграды в непосредственном контакте с закрываемым пространством): *anaj nâlpize od'ejalen šobârtem* ‘Мама накрыла ребенка одеялом’, *modosezles' mi, pič'ijos, les'tis'kom val balagan. kotârze alma puden kotârjasa šobârtis'kom* ‘Из стеблей мы, дети, делали балаган. Сверху укрываем картофельной ботвой’ [КТУ].

Преграда в этих контекстах, как правило, является мягкой (*šobârtâ kastr'ul'ajez baŋkâšeten* ‘Накрой кастрюлю полотенцем’), тогда как контексты с твердой преградой приемлемы не для всех носителей (**kastr'ul'ajez šobârtâ kort vorseten* ‘Накрой кастрюлю железной крышкой’). Кроме того, зафиксировано использование этого глагола по отношению к снегу: *lâmâ muzjemez šobârtiz* ‘Снег покрыл землю’.

2.7. Глагол *sogânâ* ‘закапывать, покрывать, заслонять’

Глагол *sogânâ* в первую очередь понимается носителями как ‘засыпать (землей или другим сыпучим веществом), закапывать’, ср. описание процесса похорон: *vorsalo no tugan'n'osâs s'uj kujalo ki s'ôrlan' ko'trak. sâbre kortkujen sogo* ‘Закрывают [гроб], и родственники по кругу бросают землю [на гроб]. Затем засыпают [могилу] с помощью лопаты’ [Baidoulina 2003: 152]. Ситуации такого типа предполагают прекращение тактильного или зрительного доступа к объекту, ср. также *lâmâ muzjemez sogiz* ‘Снег засыпал землю’; *žâ'ž'os ubojez sogizâ* ‘Сорняки запленили грядку’. По-видимому, именно такие контексты мотивируют распространение глагола *sogânâ* на другие ситуации закрывания. Мы зафиксировали его при описании дистантной преграды (*pil'em šundijez sogiz* ‘Туча закрыла солнце’, *mone sogâ baŋkâšeten, mon dis'me vošto* ‘Закрой меня полотенцем, я переоденусь’). Значения ‘покрывать’, ‘заслонять’ зафиксированы у этой лексемы и в словаре [Udmcorpus], а возможность употребления по отношению к облаку, закрывающему солнце, упомянута в [Wichmann 1987: 225]. При этом употребление *sogânâ* в ситуациях закрывания остается ограниченным: предложения *mon ôsez sogi* и *mon kn'igajez sogi* интерпретируются как ‘Я закопал дверь / книгу’, но не как указание на их закрывание. По отношению к глазам зафиксировано только переносное употребление – *jen sogâ s'imn'ostâ* ‘Не прячь глаза’ (говорится в адрес человека, который опускает глаза в стеснении или прикрывает их руками, челкой и проч.).

3. Глагол открывания *ûs'tânâ*

Глагол *ûs'tânâ* (лит. *usъtyny*) является доминантным в семантической зоне открывания, асимметрично противопоставляясь целому клас-

теру рассмотренных выше глаголов закрывания. Он описывает воздействие на части строения (*ūs'tā ōste* 'Открой дверь'), складные объекты (*zont'ikde ūs'tā* 'Раскрой зонтик'), контейнеры (*kijaren bankajez ūs'tā* 'Открой банку с огурцами'), части тела (*vot, s'imjosme ūs'tis'ko no, i otān tarakan koške* 'Вот, глаза открываю, а там таракан ползает' [КТУ]), пространства для передвижения (*gaišn'ikjos s'ūresez ūs'til'l'am* 'Таишники открыли дорогу').

Противопоставление по степени открывания (ср. рус. *распахнуть* или *приоткрыть*) выражаются модификаторами глагола *ūs'tānā*, например: *ōste vajak ūs'tā* 'Открой дверь настежь'; *kopak ūs'tā u'node* 'Совсем открой окно'; *č'äk gine ōste ūs'tā* 'Немножко приоткрой дверь'.

В некоторых ситуациях, противоположных ситуациям закрывания, используется не глагол *ūs'tānā*, а иные конструкции, глаголы в которых не выражают непосредственно значение 'открыть', см. контексты устранения дистантной преграды (*pil'emn'os taralizā no šundā potiz* 'Тучи разошлись, и показалось солнце') или устранения преграды, накрывавшей человека (*anaj nālāzles' šobretze bas'tiz* 'Мама сняла с дочери одеяло'). Это можно рассматривать как дополнительную иллюстрацию асимметрии антонимов, при которой сферы их употребления не совпадают, см. теоретическое обсуждение в [Апресян 1995: 302–306; Croft, Cruse 2004: 185–189] и др.

4. Заключение

Глаголы закрывания в татышлинском говоре удмуртского языка выделяют следующие типы ситуаций:

- создание преграды в строении с помощью запирающего устройства (глагол *šoganā* 'запирать (на замок)');
- закрывание животных в каком-л. пространстве (глагол *pātsanā* 'закрывать кого-л. где-л., прекращать доступ', для которого именно этот тип ситуации является базовым);
- полное прекращение доступа к объекту (глагол *č'oksanā* 'закрывать, прекращать доступ', в некотором классе контекстов также глагол *sogānā* 'закапывать, покрывать, заслонять');
- закрывание глаз (глагол *kān'ānā* 'закрывать (глаза)');
- накрывание объекта, в первую очередь, мягкой преградой (глагол *šobārtānā* 'накрывать').

Отметим, кроме того, две характеристики глаголов закрывания в рассматриваемом идиоме. Во-первых, имеется базовый для этой зоны глагол *vorsanā* 'закрывать'. Во-вторых, сразу несколько глаголов (*vorsanā*, *sogānā*, в части идиолектов *č'oksanā* и *pātsanā*) могут (без четких семантических различий) описывать создание дистантной преграды, препятствующей зрительному восприятию объекта. По-видимому, этот тип ситуаций может метафорически соотноситься в исследуемом идиоме

с различными типами прекращения физического доступа к объекту – это и обуславливает множественный выбор глаголов.

В отличие от семантической зоны закрывания, зона открывания устроена в татышлинском говоре бедно, покрываясь доминантным глаголом *ús'tānā* 'открывать'.

Во многих точках татышлинская система, по-видимому, сходна с системой литературного удмуртского языка (в то же время для более детального сопоставления необходимо провести подробное исследование сочетаемости глаголов закрывания и открывания в литературном удмуртском, чего, насколько нам известно, не делалось). Есть, однако, и явные отличия, в частности, узкая сфера употребления глагола *pātsanā* в татышлинском говоре.

Источники

КТУ – Корпус татышлинского удмуртского [Электронный ресурс]. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (дата обращения: 02.09.2024).

Udmcorpus – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 02.09.2024).

Webcorpora – Корпуса удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 02.09.2024).

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII с., 472 с.

Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017а. Вып. 4 (18). С. 16–28.

Кашкин Е. В. Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XVII Всерос. науч. конф. (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017б. С. 115–119.

Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями 'открыть' и 'закрыть') // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. № 2. С. 271–304.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 с.

Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. Cambridge: CUP, 2004. XVI + 356 p.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. XXIV + 421 S.

Л. Е. Кириллова
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск

Жизнь и творчество Г. А. Архипова (к 95-летию со дня рождения)

В статье описывается жизненный путь ученого. Сквозь призму биографии раскрываются страницы его творческой деятельности в различных областях: в сфере образования, журналистики, науки. Основным направлением его на научном поприще стали вопросы исследования удмуртских диалектов и собственных имен различного типа, что внесло определенный вклад в изучение неразработанных проблем удмуртского языкознания.

Ключевые слова: Г. А. Архипов, удмуртский язык, диалектология, среднеюж-ный диалект, ономастика, этнонимия, антропонимия, топонимия, зоонимия.

Г. А. Архипов.
НА УИИЯЛ УдмФИЦ
УрО РАН. Личный
фонд Г. А. Архипова

В 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения известного лингвиста, учителя, журналиста, поэта, краеведа Георгия Архиповича Архипова.

Родился Г. А. Архипов 20 мая 1929 г. в д. Средние Юри (*Шоринь Юри*) Малопургинского района в крестьянской семье. В 1937–1941 гг. учился в Среднеюринской начальной школе, в 1941–1944 гг. – в Нижнеюринской семилетней школе этого же района. В 1944 г. поступил в Можгинское педагогическое училище. После окончания педучилища в 1947 г. началась его трудовая биография. Год он работал учителем начальных классов в своей родной деревне, затем – в аппарате Пычасского райкома ВЛКСМ заведующим отделом кадров и организационно-инструкторской работы. В 1949–1953 гг. учился на факультете языка и литературы Удмуртского государственного педагогического института, после успешного окончания которого год трудился в редакции удмуртской республиканской газеты «Советской Удмуртия» («Советская Удмуртия»), а в 1954–1958 гг. – ассистентом кафедры удмуртского языка Глазовского педагогического института. В 1958–1961 гг. учился в аспирантуре при Тартуском университете в Эстонии у известного ученого-финно-угроведа Пауля Аристэ.

Г. А. Архипов со своим научным руководителем П. Аристэ
во время аспирантуры в Тартуском университете.
НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Личный фонд Г. А. Архипова

Г. А. Архипов на встрече с юнкорами.
НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Личный фонд Г. А. Архипова

После завершения аспирантуры снова вернулся в Глазовский пединститут и работал в должности старшего преподавателя кафедры русского языка. Через два года уехал в пос. Яр (на север Удмуртии), где в течение двух лет преподавал удмуртский язык и литературу в Ярском педагогическом училище. С 1965 г. по январь 1976 г. был заместителем редактора Ярской районной газеты «Сельская правда», по совместительству продолжал преподавать удмуртский язык в Ярском педучилище вплоть до 1967 г. В характеристике, подписанном редактором газеты «Сельская правда» В. К. Семакиным в 1975 г., говорится: «С приходом его [Г. А. Архипова] на работу в редакцию заметно улучшилось содержание удмуртской газеты. Георгий Архипович активно участвует в общественной работе. Длительное время руководит юнкоровским и литературно-краеведческим кружками. Некоторые его воспитанники-литкружковцы в настоящее время учатся на литературных факультетах высших учебных заведений. А слушатели краеведческого кружка принимают участие в зональных научных конференциях. Г. А. Архипов часто выступает среди населения с лекциями и докладами. Научные статьи его печатаются в центральных изданиях. Является членом правления районной организации Всесоюзного добровольного общества любителей книги. По инициативе Г. А. Архипова регулярно выпускаются литературные полосы начинающих авторов» [Личное дело: 6].

Ярский период Г. А. Архипова знаменателен тем, что он писал много стихов. Им были опубликованы художественные произведения в более чем десяти коллективных сборниках. Тогда же вышел его сборник «Вай бур кидэ!» («Дай правую руку!») [Архипов 1967]. Некоторые его стихи стали песнями, например: «Їуж италмас но шуисько ке...», «Ойдо, Коли, монэ келя», «Укыр чебер, укыр йӧно», «Куazed но жытмиз но...». Еще в годы учебы в Можгинском педучилище и Удмуртском пединституте Георгий Архипович переводил на удмуртский язык произведения русских писателей С. Маршака, С. Михалкова, С. Есенина, а в годы учебы в аспирантуре заинтересовался произведениями коми, венгерских, эстонских и немецких поэтов, таких как И. Куратов, Ш. Петефи, Л. Койдула, А. Хаава, Г. Гейне и т. д. [Писатели Удмуртии 1989: 19].

Где бы он ни работал, его постоянно интересовали вопросы удмуртского языкознания, особенно удмуртской диалектологии и ономастики. 23–27 июня 1958 г. в эстонском г. Тарту состоялось Совещание по вопросам диалектологии финно-угорских языков, и Г. А. Архипов, работавший тогда в Глазовском педагогическом институте, опубликовал тезисы о бесермянском наречии удмуртского языка [Архипов 1958: 7–10]. В те же годы написал статью по теме своей диссертации, она была опубликована после завершения аспирантуры [Архипов 1962: 189–206].

В годы жизни в пос. Яр он стал больше интересоваться вопросами ономастики. Первые самостоятельные статьи по удмуртской топонимике начинают появляться в начале 60-х гг. XX в., и Г. А. Архипов одним из первых среди удмуртских исследователей опубликовал статью об антропонимах и топонимах в республиканском журнале «Молот», где выявил и некоторые принципы номинации географических объектов Удмуртии [1963а: 60–64]. В 1967 г. в Ульяновске состоялась первая Поволжская ономастическая конференция. В ней, наряду с московскими учеными, представителями Удмуртии, Т. И. Тепляшиной и С. К. Бушмакиным, принял участие и Г. А. Архипов, работающий в то время в пос. Яр Удмуртской АССР. Материалы конференции в 1969 г. были опубликованы в виде отдельного сборника «Ономастика Поволжья». В своей статье рассматривает удмуртские этнонимы, родо-племенные названия удмуртов, такие как *Ватка*, *Калмез*, *Уд*, *бесерман* и воршудно-родовые имена [Архипов 1969: 239–243; 1974: 52–58]. Автор пытается дать этимологии некоторых из них, не раз подчеркивая, что «выяснить этимологию воршудных названий сейчас уже очень трудно» и что «удмуртские этнонимы – это почти белое пятно в ономастической науке Поволжья» [Архипов 1969: 242–243]. Позже эти вопросы были подробно исследованы известным удмуртским ученым М. Г. Атамановым в кандидатской диссертации [Атаманов 1978] и в монографиях [Атаманов 1988: 22–50; 1997: 72–79; 2001; 2010: 75–123]. Г. А. Архипов был членом оргкомитета конференций по ономастике Поволжья, членом редколлегии сборника материалов Второй конференции по ономастике Поволжья [Ономастика Поволжья II: 2], сам принимал активное участие в этих конференциях [Архипов 1973: 159–161; 1989г: 60–61] и приобщал молодежь к научным исследованиям, что можно видеть по сборникам тезисов и статей, в которых представлены несколько его статей в соавторстве [Архипов, Иванов 1971: 306–310; Архипов, Морозов 1970: 304–306; Архипов, Яковлева 1970: 307–309; Демин, Архипов 1976: 74–76; Иванов, Архипов 1989: 85–86; Лукьянов, Архипов 1970: 135–138; Чувашева, Архипов 1976: 33–36].

В январе 1976 г. Георгий Архипович начал работать в секторе языка Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР (ныне это Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН), вначале в должности младшего научного сотрудника, затем – старшего научного сотрудника. В институте он трудился вплоть до ухода на пенсию в 1989 г. Основное направление его научных исследований связано с проблемами удмуртского языкознания. Он писал статьи по отдельным вопросам грамматики современного удмуртского языка [Архипов 1986: 55–62; 1990б: 17–19]. Всегда охотно выезжал в экспедиции по сбору лингвистического материала, занимался изучением фонетических, морфологических, лексических особенностей

говоров удмуртского языка. В полевых условиях и в письменных источниках собирал лексический материал для составления сравнительного словаря удмуртских диалектов. Результатом этих изысканий стали статьи по среднеюжному диалекту [1978: 3–46; 1979: 41]. Несколько статей посвящено описанию диалектных особенностей среднеюринского говора этого диалекта [Архипов 1981: 5–44; 1982: 28–59]. Данный говор – говор его родных мест. В других работах рассматривается специфика слободского говора удмуртского языка, расположенного в Кировской области [Архипов 1987: 84–92; 1990а: 3–13].

Особое место в его научном багаже занимает ономастика. Нужно отметить, что Г. А. Архипов исследовал многие аспекты удмуртской ономастики. Его работы (некоторые совместно с его учениками) посвящены как общим вопросам науки о собственных именах [Архипов 1963б: 30–325; Архипов 1965: 6–8; Архипов 1977б: 110–122], так и ее отдельным разделам:

а) этнонимике [Архипов 1969: 239–243; Архипов 1974: 52–58];

б) антропонимике, и здесь проанализированы различные типы собственных имен людей: личные имена [Архипов 1968: 62–64; Архипов 1989в: 162–168; Архипов, Яковлева 1970: 307–309; Демин, Архипов 1976: 74–76; Чувашова, Архипов 1976: 33–36], фамилии [Архипов 1972: 3–5; Архипов 1975: 18–24; Лукьянов, Архипов 1970: 135–138] и прозвища [Архипов 1973: 159–161];

в) топонимике [Архипов 1963: 60–64; Архипов 1977: 8–9; Архипов 1989а: 8; Архипов 1989б: 58–61; Архипов 1989г: 60–61], в том числе микротопонимике [Архипов, Морозов 1970: 304–306; Иванов, Архипов 1989: 85–86].

Что касается удмуртских прозвищ, то этот тип антропонимов до него никем не рассматривался. Кроме того, впервые в удмуртской ономастике объектом внимания стали зоонимы (собственные имена животных), исследованные в ряде статей [Архипов 1976: 313–316; Архипов, Иванов 1971: 306–310].

После выхода на пенсию в 1989 г. Георгий Архипович уехал к себе на родину в д. Нижние Юри Малопургинского района. При средней школе организовал музей, вел краеведческий кружок, активно занимался со школьниками по сбору географических названий. И когда Республиканская термино-орфографическая комиссия при Президенте Удмуртской Республики совместно с Министерством народного образования в 1997 г. в Ижевске провела I Республиканский топонимический конкурс, из Нижнеюринской средней школы несколько человек представили свои рефераты. В этом была немалая заслуга Г. А. Архипова.

В январе 1998 г. Г. А. Архипов ушел из жизни. Похоронен в с. Большая Кибья Можгинского района.

Несколько работ Георгия Архиповича было опубликовано уже после его смерти, в сборниках, посвященных истории Малопургинского района. Это статьи, касающиеся истории происхождения названий некоторых деревень и рек Малопургинского района [1995: 54–55; 2002: 89–91; 2006а: 17–19; 2006б: 234–236; 2006в: 231–234].

Жизнь и творчество Г. А. Архипова были многогранны. Он работал в различных областях. Георгий Архипович подготовил кандидатскую диссертацию, но ее не защитил, поскольку из-за большого объема работа не соответствовала квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Георгий Архипович оставил после себя немало интересных трудов, замечательных учеников, которым он привил любовь к нашей родине, к нашим истокам.

Литература

Архипов Г. А. Бесермянское наречие удмуртского языка // Совещание по вопросам диалектологии финно-угорских языков: тез. докл. Тарту, 1958. С. 7–10.

Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеужного диалекта удмуртского языка // Ученые записки. Тарту, 1962. Вып. 117. С. 189–206.

Архипов Г. А. Удмурт нимьёс но инты нимьёс // Молот. 1963а. 4-тй №. 60–64-тй б.

Архипов Г. А. Удмуртская ономастика // Тезисы докладов и сообщения к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания (28 сент. – 3 окт. 1963 г.). Ужгород, 1963б. С. 30–32.

Архипов Г. А. Удмуртские заимствования в русском языке (на материале ономастики) // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тез. докл. и сообщ., Сыктывкар, июнь 1965 г. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 6–8.

Архипов Г. А. Вай бур кидэ! Кылбуръёс. Ижевск, 1967. 44 б.

Архипов Г. А. Мар сярысь верало вашкала нимьёс? // Молот. 1968. 7-тй №. 62–64-тй б.

Архипов Г. А. Удмуртские этнонимы // Ономастика Поволжья [1]: материалы I Поволж. конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 239–243.

Архипов Г. А. Фамилии, образованные от удмуртских слов // Вопросы советского финно-угроведения: Топонимика, фольклористика, литературоведение, археология, антропология, этнография: тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 3–5.

Архипов Г. А. Прозвища жителей деревни Средние Юри // Ономастика Поволжья 3: материалы 3-ей конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 159–161.

Архипов Г. А. Родоплеменные названия удмуртов // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 52–58.

Архипов Г. А. Фамилии, образованные от удмуртских слов // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 18–24.

Архипов Г. А. Взаимодействие русского и удмуртского языков в области топонимии (южные районы Удмуртии) // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: тез. докл. Всесоюз. науч. совещания финно-угроведов. Ужгород, 1977а. С. 8–9.

Архипов Г. А. Некоторые вопросы удмуртской ономастики // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977б. С. 110–122.

Архипов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 3–46.

Архипов Г. А. О некоторых архаических суффиксах словообразования имен в среднеюжном диалекте удмуртского языка // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979. Т. 1. С. 41.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5–44.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 28–59.

Архипов Г. А. Аффиксальное образование наречий // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. ст. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 55–62.

Архипов Г. А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. Ижевск, 1987. С. 84–92.

Архипов Г. А. К вопросу о восстановлении исконно народных форм топонимов // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» (17–20 апр. 1989 г.): тез. докл. и сообщ. М.: Наука, 1989а. С. 8.

Архипов Г. А. Марлы нимзы кык-куинь пöртэм // Молот. 1989б. 6-тй №. 58–61-тй б.

Архипов Г. А. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики: сб. ст. Ижевск, 1989в. С. 162–168.

Архипов Г. А. Топонимы коми происхождения на территориях современного проживания удмуртов // Шестая конференция по ономастике Поволжья (26–28 сент. 1989 г.): тез. докл. и сообщ. Волгоград, 1989г. С. 60–61.

Архипов Г. А. Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. ст. Ижевск, 1990а. С. 3–13.

Архипов Г. А. Значения и грамматические функции слова *nal* в удмуртском языке // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990б. Т. 2. С. 17–19.

- Архипов Г. Асьме шаерысь шур нимъёс // Кенеш. 7-тй №. 54–55-тй б.
- Архипов Г. А. Деревня Нижние Юри // Малоपुरгинская земля – моя Родина. Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 89–91.
- Архипов Г. А. Всемирно известная деревня // По соседству мы живем: Нижнеюринская сельская администрация. Ижевск: Удмуртия, 2006а. С. 17–19.
- Архипов Г. А. Память в топониме // По соседству мы живем: Нижнеюринская сельская администрация. Ижевск: Удмуртия, 2006б. С. 234–236.
- Архипов Г. А. Река Юри // По соседству мы живем: Нижнеюринская сельская администрация. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 231–234.
- Архипов Г. А., Иванов В. И. Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья 2: материалы II Поволж. конф. по ономастике. Горький, 1971. С. 306–310.
- Архипов Г. А., Морозов П. И. Микротопонимы как источник выявления языческих имен удмуртов // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 304–306.
- Архипов Г. А., Яковлева Г. И. Древние имена удмуртов южных районов Удмуртской АССР, отразившихся в топонимии // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 307–309.
- Атаманов М. Г. Этнонимы удмуртов в топонимии: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1978. 309 с.
- Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
- Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.
- Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. 216 с.
- Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 575 с.
- Демин А. П., Архипов Г. А. Составные антропонимы удмуртов дер. Большой Унтем // Ономастика Поволжья 4: сб. ст. Саранск, 1976. С. 74–76.
- Иванов В. А., Архипов Г. А. Отантропонимические микротопонимы в бассейнах рек Бобья и Юри Удмуртской АССР // Шестая конференция по ономастике Поволжья (26–28 сент. 1989 г.): тез. докл. и сообщ. Волгоград, 1989. С. 85–86.
- Личное дело – Личное дело Архипова Г. А. // Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6. 21 л.
- Лукьянов Д. Л., Архипов Г. А. Фамилии удмуртов южных районов Удмуртской АССР // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 135–138.
- Ономастика Поволжья 2: материалы II Поволж. конф. по ономастике. Горький, 1971. 373 с.
- Писатели Удмуртии: биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1989. 464 с.
- Чувашова Н. А., Архипов Г. А. Некоторые замечания о мотивах выбора имен // Ономастика Поволжья 4: сб. ст. Саранск, 1976. С. 33–36.

Раиса Михайловна Баталова: дело всей жизни

В статье освещается жизненный путь и творчество видного советского ученого-исследователя, доктора филологических наук Баталовой Раисы Михайловны. Ее труды по коми-пермяцкой и финно-угорской филологии заняли достойное место в мировой филологической науке.

Ключевые слова: Баталова Раиса Михайловна, языкознание, диалектология, оньковский диалект.

Баталова Раиса Михайловна (родовая фамилия Боталова) – видный советский, российский ученый, специалист по пермским языкам – филолог, педагог, диалектолог, лексикограф, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва). Она свою жизнь посвятила изучению родного коми-пермяцкого языка.

Раиса Михайловна родилась 10 августа 1931 г. в д. Рудаково Боталовского сельского совета (переименовано в Антипинский сельский совет) в семье колхозников только что организованного Кубеневского колхоза. Семья значилась не бедной. Отец, Боталов Михаил Григорьевич (1909–1968), в 1935 г. ушел на службу (районный служащий) и приносил в семью кое-какие деньги, а мать, Боталова (Посоногова) Мария Алексеевна (1909–1979), до пенсии оставалась колхозницей. После вступления в колхоз семья долгое время бедствовала. 1–6 классы девочка училась в разных школах, проживая у родственников. Окончив 7 классов Антипинской школы, в 1945 г. она поступила в Кудымкарский педагогический техникум, но часто болела и вовремя окончить не успела [КПАО 2000: 11].

Диплом учителя начальных классов Р. М. Баталова получила в 1950 г. Однако тут подвело здоровье, что часто бывало с детьми военных лет, из-за малокровия врачи не рекомендовали учительствовать. Здесь надо принять во внимание, что отец Раисы, Михаил Григорьевич, с августа 1941 по 1945 г. был на фронте (лейтенант интендантской службы) и вернулся из армии только в январе 1946 г. Матери пришлось тянуть двух дочерей, Раису и Зою, всю войну на колхозные трудовни. Понятно, что семья жила впроголодь и дети болели.

За год проживания и питания в родной семье Раиса Михайловна поправилась. В августе 1951 г. она получила назначение в Аксеновскую

7-летнюю школу учителем родного и русского языков. Здесь расцвел ее талант педагога и общественника. Ведя уроки родного и русского языков, она понравилась ученикам и стала душой педагогического коллектива. Ее избрали секретарем учительской комсомольской организации школы. Р. М. Баталова готовила школьников ко вступлению в пионерскую и комсомольскую организации, проводила родительские собрания в деревнях, вместе с деревенской молодежью выступала в сельском клубе с концертами, представляла аксеновскую молодежь на районных мероприятиях.

Так, молодая активистка была замечена, и ее как наиболее успешного учителя перевели на работу инспектором по начальным школам в Юсьвинский район. Наверное, непросто было соответствовать статусу инспектора, когда все учителя начальных классов района были опытнее ее. Но не успела она проявить свои способности на районном уровне, как в 1954 г. появилась возможность реализовать мечту о получении высшего образования. В район пришла разнарядка о выделении бюджетных мест в высших учебных заведениях страны. Р. М. Баталова выбрала историко-филологический факультет Сыктывкарского пединститута. Тогда много коми-пермяков училось в Сыктывкаре. Считалось, что этот институт должен готовить специалистов для всего коми народа. Душа больше влекла к специальности «история», но в последний момент Раиса Михайловна все-таки решила поступать на русское отделение филологического факультета. На коми отделение не решилась, поняла, что разница в языке коми-пермяков и коми-зырян все-таки большая. В годы учебы в учебных планах института происходили большие изменения, и в конечном счете она получила диплом с присвоением квалификации «Преподаватель истории, литературы и русского языка» [Коньшин и др. 2021: 7].

Р. М. Баталова училась неплохо, старательно и усердно. Все-таки она была на 5 лет старше своих однокурсников и выгодно отличалась активностью среди них. К тому же помогали природный ум и активная жизненная позиция. В институте Раиса Михайловна была избрана секретарем комсомольской организации факультета и членом комитета ВЛКСМ института, а на третьем и четвертом курсах – еще и членом бюро Сыктывкарского горкома комсомола. Училась она на «отлично», со второго курса получала повышенную стипендию. Много занималась дополнительно по истории русского языка под руководством старшего преподавателя А. С. Шамахова, посещала кружок по исторической грамматике, самостоятельно учила немецкий и латинский языки, много читала специальную литературу, принимала активное участие в работе студенческого научного общества института, писала свои первые статьи. За годы учебы три раза была в диалектологических экспедициях [Коньшин и др. 2021: 8]. Видя ее старания и целеустремленность, руководство института готови-

ло ее для учебы в аспирантуре. В 1958 г. Р. М. Баталову приняли в ряды КПСС, а по окончании института Ученый совет дал рекомендацию для поступления в аспирантуру Коми филиала Уральского отделения Российской академии наук. Первый год она училась в Сыктывкаре и в октябре 1960 г., получив приглашение профессора В. И. Лыткина, заведовавшего тогда сектором финно-угорских языков в Институте языкознания АН СССР, перевелась в Москву в аспирантуру этого института. Василий Ильич предложил ей заниматься коми-пермяцким языком. За годы учебы в аспирантуре Раиса Михайловна изучила финский язык и сдала кандидатский экзамен. Много работала в экспедициях по сбору полевого материала, написала диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка в сравнительно-историческом плане» и в ноябре 1962 г. успешно защитила ее [Даты 2001: 183]. Раисе Михайловне было предложено работать в качестве специалиста по коми-пермяцкому языку в Институте языкознания. В течение 10 лет она трудилась под непосредственным руководством профессора В. И. Лыткина – видного филолога. Работая в данном учреждении, Р. М. Баталова прошла путь от младшего научного сотрудника до главного [Послужной список: 11]. В 1998 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении» по совокупности печатных работ путем представления научного доклада. Как пишет В. К. Кельмаков, выступивший оппонентом на ее защите, доклад был высоко оценен членами диссертационного совета [Кельмаков 2021: 25]. В 1984–1989 гг. Раиса Михайловна по совместительству работала старшим преподавателем кафедры художественного перевода в Литературном институте им. А. М. Горького, в 1989–1993 гг. – преподавателем кафедры художественного слова в Театральном институте им. Щукина. В 1997 г. прошла курсовую подготовку по нетрадиционной народной медицине, участвовала в Рериховском религиозно-философском движении Агни Йога (Живая Этика) [Биографический справочник: 10].

Р. М. Баталова является автором фундаментальных исследований в области диалектологии, ареальной лингвистики, истории языка в связи с историей народа, фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии. Она изучала проблемы неравномерного развития языковых явлений и пути расхождения близкородственных языков. Впервые в мире создала стройную систему исследования диалектов на примере коми-пермяцкого языка и его развития в сравнительном и ареальном освещении. Раиса Михайловна имеет более 100 научных публикаций, из которых 8 книг, 1 учебное пособие (в соавторстве) и 2 словаря (в соавторстве). Она подготовила двух кандидатов филологических наук (Тудвасева З. К. и Лобанова А. С.). Многие годы была членом диссертационного совета при

Институте языкознания РАН. Владела коми-пермяцким, коми-зырянским, удмуртским, немецким, финским и венгерским языками.

Оценивая вклад Р. М. Баталовой в науку, необходимо отметить: Раиса Михайловна вступила в науку в тот период, когда явно обозначилось отставание в научных исследованиях коми-пермяцкого языка. Для сравнения укажем, что к 1960-м гг. было в основном завершено фронтальное изучение диалектов коми-зырянского языка, что позволило уже в 1961 г. подготовить и издать «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» [ССКЗД 1961]. Поэтому первоочередной и наиболее актуальной задачей в области коми-пермяцкой диалектологии она считала более детальное исследование диалектов южного наречия и фронтальное изучение диалектов северного наречия пермяцкого языка с целью разработать научно обоснованную классификацию, иерархию и статус диалектных образований коми-пермяцкого языка, попутно упорядочить терминологию в этой области. Начиная с 1962 г., Раиса Михайловна приступила к выполнению этой комплексной работы, результаты которой отразились в опубликованной монографии «Коми-пермяцкая диалектология» [Баталова 1975], завершившей первый этап ее научных исследований. В этой книге автор развенчала теорию существования единого коми языка, по которой коми-пермяцкий язык считался одним из наречий (обще)коми языка. Например, профессор В. И. Лыткин еще в середине 70-х гг. XX в. в коллективном труде Института языкознания АН СССР «Основы финно-угорского языкознания» писал: «Многочисленные говоры населения, именующего свой язык коми, объединяются в три наречия: коми-зырянский, коми-пермяцкий и коми-язьвинский. На базе первых двух наречий после Октябрьской революции развились самостоятельные литературные языки: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-язьвинцы в количестве около 5000 человек в переписи 1959 и 1970 гг. значатся русскими» [ОФУЯ 1976: 106–107]. Эта теория укоренилась еще в 1920-е гг. и являлась политическим ангажированием в угоду «собираания коми народа» в единую Коми Республику, а ошибочная оценка языковой ситуации в коми подветви пермских языков существенно отразилась на отставании в изучении, прежде всего, диалектов коми-пермяцкого языка. Р. М. Баталова в монографии «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» показала, что язык язьвинских пермяков по своим основным параметрам является одним из четырех наречий коми-пермяцкого языка, хотя долгое время бытует и развивается в изоляции, чем и объясняются его специфические особенности [Баталова 1972: 89].

Решая проблему классификации коми-пермяцких диалектов, Раиса Михайловна упорядочила употребление терминологии в иерархии территориальных разновидностей диалектной речи пермяцкого народа. В этой области наблюдался значительный разноречивый и неразбериха.

Термин «говор» мог употребляться как для обозначения самой мелкой территориальной разновидности речи, так и в значении диалекта. Совокупность говоров могла означать и наречие, и диалект. В работах Р. М. Баталовой термин «говор» означает мелкую территориальную разновидность. Группа говоров, имеющих ряд одинаковых черт, называется диалектом. Термин «наречие» употребляется для обозначения совокупности диалектов или говоров, обладающих общими основными чертами с учетом территориальной общности [Баталова 1975: 89].

На втором этапе исследований, завершившимся публикацией монографии «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» [Баталова 1972], был предпринят первый опыт описания диалектных явлений, распространенных не только на территории бытования коми-пермяцкого языка, но и по всему ареалу коми (пермяцкого и зырянского) языков как подготовительный этап к составлению диалектологического атласа всей пермской ветви финно-угорских языков – удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого.

Третий этап научной работы Р. М. Баталовой связан с участием в международном проекте по фронтальному изучению и монографическому описанию диалектов уральских (финно-угорских и самодийских) языков по единой программе. Раиса Михайловна в 1990 г. подготовила и опубликовала первую монографию по данному проекту – «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» (М., 1990). Книга была разослана по заинтересованным научным центрам России в качестве образца для последующих аналогичных изданий по другим диалектам уральских языков и получила высокую оценку. В 1991 г. в Гамбурге было опубликовано факсимильное издание этой монографии для рассылки по странам дальнего зарубежья, а автор продолжила работу по международному проекту, подготовила и опубликовала вторую монографию – «Нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка» (1995). В 1997 г. Р. М. Баталовой завершена третья монография по южному наречию – «Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка». В целях активизации исследований по диалектам северного наречия под научным руководством Раисы Михайловны подготовлена и защищена в 1993 г. кандидатская диссертация аспирантки ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А. С. Лобановой на тему «Кочевский диалект коми-пермяцкого языка». Таким образом, научные заслуги доктора филологических наук Р. М. Баталовой имеют не только местное, всероссийское, но и международное значение. Как отмечал В. К. Кельмаков, Раиса Михайловна состоялась как опытный синхронист-исследователь, а диахронические ее опыты «мало впечатляют». Далее он пишет, что «коми-пермяцкий филологический науке не хватает ее исторической составляющей: исторического языкознания, исторической фонетики, лексикологии, исторической грамматики и т. д. из-за отсутствия подготовленных специалистов» [Кельмаков 2021: 26].

В настоящее время наиболее полно исследованы 7 из 8 диалектов коми-пермяцкого языка (по классификации Р. М. Баталовой): кочевский и косинско-камский – Нечаев Г. А., Лобанова А. С., Дмитриева Р. П., верх-лупьинский и мысовский – Пономарева Л. Г., Федосеева Е. Н., кудымкарско-иньвенский, нижнеиньвенский и оньковский – Баталова Р. М., верхнекамское наречие – Нечаев Г. А., Сажина С. А. и Федосеева Е. Н., коми-язьвинское наречие – Лыткин В. И. [Коньшин и др. 2021: 11]. В организации практически полного изучения коми-пермяцких наречий и диалектов есть большая заслуга доктора филологических наук Баталовой Раисы Михайловны.

В настоящее время ждет своих исследователей только нердвинский диалект коми-пермяцкого языка. В свое время существовал еще усольский диалект, который сейчас уже утрачен. В 30-е гг. XIX в. он был зафиксирован Ф. А. Волеговым, который составил и издал «Пермяцко-русский словарь». Федор Алексеевич все свои материалы передал в ноябре 1843 г. венгерскому ученому Анталу Регули во время его путешествия в Сибирь. Кроме того, А. Регули лично общался с носителями коми-пермяцкого языка в усольских деревнях, записал образцы речи, более 80 песен с нотными станами, отобрал антропологические маски. Вернувшись домой, из-за подорванного в путешествии здоровья он не успел обработать и издать эти материалы, в августе 1858 г. он скончался. Все его собранные данные о коми-пермяках находятся в библиотеке Венгерской академии наук в Будапеште. Сейчас имеется возможность ввести в научный оборот эти материалы [Коньшин 2021: 74].

Р. М. Баталова проработала в Институте языкознания РАН более 50 лет (1963–2014). Благодаря активному международному сотрудничеству ее труды получили широкое признание среди коллег в СССР, Венгрии, Финляндии, Германии [Послужной список: 11].

Раиса Михайловна награждена медалью «В память 850-летия Москвы», медалью ВДНХ СССР (1990), медалью Г. К. Жукова (2005), медалью «Ветеран труда» (2009) и другими профессиональными и общественными наградами. С 1971 г. она является действительным членом Международного финно-угорского общества (Хельсинки, Финляндия) [Биографический справочник: 10].

Литература

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1972. 164 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 253 с.

Биографический справочник – Биографический справочник сотрудников Института языкознания РАН [Электронный ресурс]. URL: www.rusperson.com/html/17/RU01005623.shtml (дата обращения: 08.07.2024).

Даты 2001 – Даты, события, люди... / Сост. Л. П. Ратегова. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2001. 310 с.

ССКЗД 1961 – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 491 с.

Кельмаков В. К. Первый коми-пермяцкий доктор-языковед Р. М. Баталова в моих воспоминаниях-размышлениях // Раиса Михайловна Баталова. Кудымкар, 2021. С. 19–28. (Серия «Замечательные люди Пармы». Вып. 7).

КПАО 2000 – Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2000. 390 с.

Коньшин А. Е. Время и судьбы людей. Кудымкар: ООО «Асфид», 2021. 345 с.

Коньшин А. Е., Дудина А. С., Меркушева Т. Н. Баталова Раиса Михайловна. Кудымкар, 2021. 96 с. (Серия «Замечательные люди Пармы». Вып. 7).

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

Послужной список – Послужной список и основные публикации Р. М. Баталовой [Электронный ресурс]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/batalova> (дата обращения: 08.07.2024).

УДК 372:811.511.131

К. Г. Костина

*Научно-исследовательский институт национального образования
г. Ижевск*

Изучение лексики и фразеологии в школьном курсе родного (удмуртского) языка

В статье рассматривается содержание работы по изучению лексики и фразеологии удмуртского языка, включенное в состав учебно-методического комплекса «Удмурт кыл» для владеющих родным (удмуртским) языком. Автором приводятся примеры упражнений для закрепления теоретического материала на рассматриваемую тему.

Ключевые слова: лексика, фразеология, родной (удмуртский) язык.

Важнейшим компонентом всех видов речевой деятельности является лексика. Это определяет ее использование во всех областях языкознания: звуки и морфемы, морфологические категории рассматриваются в слове; лексические единицы как компоненты предложения наполняют предложения смысловой информацией. Следовательно, изучение лексики

и фразеологии, номинативных единиц языка, в школьном курсе родного (удмуртского) языка, являющее собой ознакомление со словарным богатством языка, представляет ценный аспект в развитии коммуникативных навыков обучающихся.

На необходимость использования лексики и фразеологии в речевых ситуациях указывают нормативно-правовые документы, регулирующие отношения в сфере образования. В предметных результатах по учебному предмету «Родной язык и (или) государственный язык республики Российской Федерации» наряду с пониманием роли языка как основного средства общения, формированием и развитием всех видов речевой деятельности на изучаемом языке и др. упоминается: 1) на уровне начального общего образования – «сформированность первоначальных знаний о фонетике, лексике <...> употреблять в речи лексику, усвоенную в пределах изучаемого коммуникативно-речевого материала; группировать лексику изучаемого языка по тематическому принципу; строить небольшие по объему устные высказывания с использованием усвоенной лексики и языковых знаний <...>» [ФГОС НОО]; 2) на уровне основного общего образования – «овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии родного языка, основными нормами родного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными), нормами речевого этикета <...>» [ФГОС ООО]; 3) на уровне среднего общего образования – «развитие культуры владения родным языком с учетом его функциональных возможностей; свободное использование активного словарного запаса, овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии родного языка» [ФГОС СОО]. Данные требования находят отражение в федеральных образовательных программах каждого уровня образования в части содержания предмета и предъявляемых предметных требований к учебному предмету «Родной (удмуртский) язык».

Изучение лексики и фразеологии в школьном курсе родного (удмуртского) языка решает познавательные и практические задачи. Познавательные задачи представлены формированием у обучающихся знаний о лексике и фразеологии удмуртского языка, что способствует распознаванию лексем и их семантического наполнения и, в целом, функций языка в обществе. С практической точки зрения, изучение лексики и фразеологии создает основу для успешного освоения орфографии и грамматики родного языка.

Изучение лексической системы удмуртского языка начинается в младших классах и продолжается в течение всего курса обучения в школе. Школьный курс изучения лексики и фразеологии условно можно разделить на три этапа (вводный, специальный, повторительный).

На вводном (пропедевтическом) этапе (1–4-е классы) происходит первичное ознакомление младших школьников с лексической системой

удмуртского языка. В 1-м классе обучающиеся представляют предметы вокруг себя, именуют и характеризуют их. Среди основных выводов заключение о том, что слова служат названиями всего того, что люди вычленили из окружающей действительности: предметы, явления, вещи, действия, качество и др. Группы слов, объединенных по семантическому признаку, на данном этапе именуются *предметэз нимась кылъёс* [УК 1: 16] ‘слова, обозначающие предметы’, *ма каремез возьматйсь кылъёс* [УК 1: 18] ‘слова, обозначающие действия’, *тодметэз возьматйсь кылъёс* [УК 1: 21] ‘слова, обозначающие признаки’. Далее со 2-го класса эти наименования сменяются названиями частей речи: *предметэз нимась кылъёс – существительнойёс, ма каремез возьматйсь кылъёс – глагольёс, тодметэз возьматйсь кылъёс – тодметнимъёс*. Значения слов определяются обучающимися по текстам, предлагаемым в содержании учебников «Удмурт кыл», или с помощью толковых словариков учебников. Затем в младших классах лексические единицы противопоставляются со словами, близкими и противоположными по смыслу, вводятся понятия «синоним» и «антоним». Отличительной особенностью изучения лексической системы в младших классах служит ознакомление с тематической классификацией лексем: «*Дунне вылын котъмае кылын ниманы луэ: адямиосты: ныл; пудо-животъёсты: кеч; нымы-кибыосты: муш; будосъёсты: намер; пöртэм арбериосты: пукон; инкуазь явлениосты: лымы; маке каремез: учкыны; тодметэз: горд; лыдпусэз: тямьс*» [УК 2: 44] ‘Все на земле можно именовать: людей: девочка; животных: коза; насекомых: пчела; растения: костяника; различные предметы: стул; явления природы: снег; действия: смотреть: признак: красный; числа: восемь’.

На специальном этапе (5–8-е классы) изучение лексики удмуртского языка основано на определении лексического значения слова, выявлении однозначных и многозначных слов, слов с прямым и переносным значением, омонимов. Отдельное внимание уделяется изучению лексикологии как раздела лингвистики и понятия «лексика». Обучающимися на основе ознакомления с включенным в содержание учебника «Удмурт кыл» для 5-го класса теоретической информацией вычленяются грамматические и лексические значения слов, закрепление темы происходит при прочтении и информационной переработке текста «*Нимъёсын шудон*» [УК 5: 95] ‘Игра с именами’. Для разграничения вышеназванных значений слов предлагается использовать словари, к примеру: «*Удмурт-жуч кыллюкам*» ‘Удмуртско-русский словарь’ и «*Биологической нимкылъёсын кылбугор*» ‘Словарь биологических терминов’.

Изучение лексики в 6-м классе сконцентрировано на ознакомлении с понятием «этимология» и аспектами происхождения удмуртских слов. Изучение исконно удмуртских и заимствованных слов строится на основах исследований и научных статей финно-угорского ученого-линг-

виста И. В. Тараканова. Согласно исследованиям ученого, школьникам предлагается ознакомиться с лексическими пластами удмуртского языка относительно их происхождения и конкретными примерами каждого этапа становления лексической системы: общеуральская, общефинно-угорская, финно-пермская, общепермская, исконно удмуртская [УК 6: 74–76]. Заимствованные слова представлены примерами иранских, тюркских, русских слов и интернационализмами. С точки зрения сферы употребления, для изучения предлагаются общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления (диалектизмы, термины, профессионализмы, жаргонизмы). Кроме того, богатство лексического состава языка охарактеризовано словами активного и пассивного запаса – устаревшими словами (историзмами и архаизмами) и неологизмами. Так, на данном этапе понятийный аппарат обучающихся дополняется терминами «этимология» и «лексикография». Для раскрытия лексикографии как области языкознания и закрепления предыдущих пройденных тем, дан комплекс упражнений в разделе «Удмурт кыллюкамъёс» учебника. В данном разделе обучающимся представлен обзор словарей удмуртского языка (переводные (удмуртско-русские и русско-удмуртские), толковый, этимологический, устаревших и устаревающих слов, синонимов, личных имен удмуртов, терминологических, со средствами образного выражения, с лексикой северного наречия удмуртского языка), с помощью которых предполагается выполнить упражнения различного характера [УК 6: 94–95].

Первичное теоретическое изучение фразеологизмов удмуртского языка наблюдается в учебнике для 7-го класса. Отчасти ввиду сложности в овладении фразеологией – формировании и развитии навыка видеть фразеологизмы в тексте, правильно определять их значение и смысл, использовать в собственной речи, изучение лексической системы удмуртского языка в данном классе ограничена этой темой. В качестве языковых примеров представлены следующие сочетания: *му пыр вияны* букв. ‘сквозь землю провалиться (в знач. испытывать чувство стыда)’, *кылдэ ныллод* букв. ‘язык проглотить (в знач. очень вкусно)’, *гурвэл коёйиш* букв. ‘запечный кот (в знач. ленивый)’, *дунне пыдсын* ‘у черта на куличках’, *азё-беро уробо* ‘семь пятниц на неделе’, *нюлымтэ куян* ‘ни рыба ни мясо’, *мешокен чын нуллыны* ‘носить воду в решете’, *кёжсымы уз пöзвы* ‘с тобой каши не сварить’ и др. [УК 7: 44–45]. Более углубленное изучение фразеологизмов удмуртского языка происходит в рамках обучения в 8-м классе. Здесь особое внимание уделяется семантическому наполнению фразеологического выражения, этимологии, отличительным признакам фразеологизмов от пословиц и поговорок, афоризмов, крылатых выражений. Знания об омонимах систематизируются через ознакомление с лексическими и грамматическими омонимами (омоформами), омофонами.

На повторительном этапе изучения лексической системы языка в 9–11-м классах осуществляется повтор и закрепление знаний. На практических упражнениях содержания УМК «Удмурт кыл» обучающиеся повторяют словарный состав языка, знакомятся с понятиями «безэквивалентная лексика» [УК 9: 66], «паронимы» [УК 10–11: 103], различают абсолютные, семантические, стилистические, стилевые и контекстуальные синонимы [УК 10–11: 105–106], распознают стилистические фигуры, основанные на противопоставлении (оксюморон, антитеза) [УК 10–11: 107].

Так, в школьном курсе родного (удмуртского) языка осуществляется ступенчатое изучение лексики и фразеологии, в каждом классе объем сведений по теме расширяется и углубляется, ознакомление с новой темой происходит с опорой на уже изученную часть.

Практическое закрепление знаний по лексической системе удмуртского языка ведется на отработке практических упражнений, предлагаемых в содержании учебников. С младших классов основная часть упражнений направлена на постановку пропущенных в текстовых материалах слов, разгадку загадок, выявление значений слов (в том числе по словарям), рассуждение о сюжетах книжных иллюстраций, воображение и словесное описание некой картины или ситуации на заданную тему, вычленение темы и основной мысли текста, рассуждение о значениях слов и словосочетаний и др.: *Вералэ, суредьёсьыс мае адзёськоды. Тодэ, кин со. Валэктоньёссэ гожъялэ. Кеч мае яратэ? Мае возматэ та кыльёс? Одйг кылын соосты кызы вераны луоз? Кыльёсты гожтэ. Учебникыс кыллюкамъя эскере, шонер-а гожтйды та кыльёсты* [УК 1: 17] ‘Назовите, что вы видите на картинке. Узнайте, кто это. Напишите понятия. Что любит коза? Что обозначают эти слова? Как их можно назвать одним словом? Напиши слова. Выясните по словарю в учебнике правописание данных слов’.

Умение работать со словарем развивается на всем протяжении школьного курса родного языка. Ввиду того, что большую часть выполняемых в основной и средней школе работ составляет информационная переработка текстового материала, словари и справочные издания служат дополнительным источником для выявления значения, правописания и других характеристик слов. Помогают в этом включенные в содержание учебников словарики (антонимов, синонимов, толковые, переводные, с лингвистическими терминами) и словари академического характера: «*Удмурт-зуч кыллюкамьсы*» *шедьтэ омыр, тйр, тйяны, йыр кыльёсты. Эскере кызы валэктэмын соослэн пуштросьёсы. Маунызы ог-огзылэс висъясько* [УК 5: 97] ‘В «Удмуртско-русском словаре» найдите слова омыр, тйр, тйяны, йыр. Как растолковано их значение. Чем они отличаются друг от друга’ или: *Тодйськоды-а ас фамилидылэс*

кылдэмзэ? *Фамилиослэн кылдэмзы сярэсь ивортодэт Интернетэсь шедьтыны быгатіськоды. Нош удмуртёслэн фамилиосынызы тодматскыны луоз М. Г. Атамановлэн «Удмуртская ономастика», «Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов», «Происхождение удмуртского народа» книгаосызъя [УК 6: 81] ‘Знаете ли вы этимологию своей фамилии? Информацию об этимологии фамилий можете найти в Интернете. А с удмуртскими фамилиями можно ознакомиться по книгам М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика», «Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов», «Происхождение удмуртского народа»’.*

Выполнение практических упражнений направлено на грамотное, в соответствии с речевой ситуацией, использование в речи лексических единиц удмуртского языка, обоснование выбора лексемы для передачи информации. С этой целью содержание учебников предлагает создать различные предложения, а затем и тексты: *Портфельдэс усътэ но учке, кы́че арбериос отчы «ватскиллям». Соосты нимась кыльёсыз гожтэ. Оды́геныз кылын предложение малпалэ но гожтэ [УК 1: 18] ‘Открой-те портфель и посмотрите, какие предметы там спрятались. Напишите слова, обозначающие их. С одним словом придумайте предложение и запишите его’ или: Пётр Ёлкинлэн верамез вы́лэ пыкиськыса, «Мар возе адымиосты вордскем шаеразы» темая рассуждение гожтэ. Ужады синонимёс, антонимёс пыртылыны тырише [УК 9: 65] ‘Опираясь на выражение Петра Ёлкина, напишите рассуждение на тему «Что держит людей в родном краю». Старайтесь использовать в работе синонимы, антонимы’.*

Особую роль в формировании универсальных учебных познавательных действий обучающихся, которые предусмотрены федеральными государственными образовательными стандартами, играют проекты. Проектная деятельность, интегрирующая в себе элементы познавательной, ценностно-ориентационной, творческой, преобразовательной и коммуникативной деятельности, позволяет творчески изучить тему. Так формируются навыки самостоятельной организации работы, развивается интерес к содержанию учебного предмета. В разделе «Лексика и фразеология» учебников удмуртского языка для среднего звена обучающимся для выполнения предлагаются проекты по созданию словаря, тематического материала, сборника фразеологизмов: *Кы́че ке кыллюкам лэсьтэ. Со понна малпаське но быръе, кы́че кыллюкам бордын ужалоды: синонимёсын яке антонимёсын, толковой (кы́че ке темая) яке омонимёсын, яке кы́че ке удысэ герзаськем, шуом, механизаторлэн, эмчилэн яке мукет удысын ужасьёслэн кыльёсыныз [УК 5: 110] ‘Создайте какой-нибудь словарь. Для этого подумайте и выберите, над каким словарем будете работать: над словарем синонимов или антонимов, толковым (по определенной теме) или омонимов, или связанным с какой-нибудь областью, скажем,*

лексикой механизатора, врача или представителей другой профессии»; *«Азинске-а туннэ удмурт кыл?»* темая Интернетэ (яке школа газетэ) интыян вылысь, материал дасялэ. Со понна туркымъёслы люкиське. Котькудйзлэн аслаз ужез мед луоз. Кылсярысь, одйгез туркым та уж-пумъя тодмо адымиослэсь верамъёссэс мед люкалоз, кыкетйез – мукет классъёсын дышеткисьёслэсь интервью мед басьтоз, куинетйез – сочинение-рассуждение мед гожтоз [УК 6: 99] ‘Подготовьте информацию в Интернет (или в школьную газету) по теме «Развивается ли сегодня удмуртский язык?». Для этого разделитесь на группы. Необходимо, чтобы у каждой группы было свое задание. Например, одна группа будет собирать цитаты известных людей, вторая – брать интервью у обучающихся других классов, третья – писать сочинение-рассуждение»; *Адымилэсь сямзэ суредась фразеологизмъёсты валэктонъёсынызы огазе люкалэ но одйг система радъялэ (алфавитъя яке адымилэсь кыче сямзэ возматэмзыя но мукет). Малпаське, кызы та уженыды дышетйсьтэс но зыжётэс тодматоды: кыллюкам кадь-а тй сое лэсьтоды, кыче ке брошюра выллем-а яке кызы ке мукет-а. Или: Ки, пид, син, пель, кыл, ым кылъёсын фразеологизмъёс гожтэ. Котькуд фразеологизмдылэсь валатонзэ валэктэ. Соосын быдэн одйг предложение гожтэ. Дышетйсьтэс но зыжётэс уженыды тодматон вылысь, шара вераськыны дасяське. Соосты оскытыны тыришлэ, малпам кылтэчетъёстэс зэмзэ но фразеологизмъёс чотын кутыны луоно шуыса* [УК 7: 47] ‘Соберите и систематизируйте (по алфавиту или по выражаемому характеру людей) фразеологизмы и их толкования, характеризующие людей. Подумайте, как будете знакомить с работой учителя и друзей: представите в виде словаря или в виде брошюры или другое. Или: Запишите фразеологизмы со словами *ки, пид, син, пель, кыл, ым*. Напишите значение каждого фразеологизма. С каждым фразеологизмом запишите одно предложение. Подготовьте публичное выступление, чтобы ознакомить с фразеологизмами учителя и друзей. Постарайтесь убедить их в том, что записанные словосочетания на самом деле можно использовать в значении фразеологизмов’.

Обзор грамматических упражнений, предложенных авторами УМК «Удмурт кыл» для закрепления теоретического материала, показывает, что изучение лексики и фразеологии строится как на общедидактических (наглядность, сознательность и активность, доступность и посильность, систематичность и последовательность, прочность, связь теории и практики, научность), так и на специальных принципах. Последние представляют экстралингвистический (связь лексической и фразеологической единицы с обозначаемой реалией), лексико-грамматический (лексическое и грамматическое значения единиц), системный (сопоставление единиц лексической парадигмы), функциональный (сопоставление

лексем и фразеологизмов со сферами из употребления), исторический или диахронический (сопоставление истории слова и истории реалии) принципы [Баранов 1988: 20].

Таким образом, в школьном курсе родного (удмуртского) языка лексика и фразеология составляют одну из важнейших частей системы изучения языка. Это обусловлено, в-первую очередь, тем, что лексический состав языка служит средством для выражения мыслей и понятий, узнавания их в речи, во-вторых, на основе лексики строится изучение других грамматических областей языка, таких как морфология, морфемика и другие, формируются лексико-стилистические нормы, что позволяет строить на родном (удмуртском) языке монологические высказывания и вступить в коммуникацию.

Источники

ФГОС НОО – Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607175842> (дата обращения: 09.09.2024).

ФГОС ООО – федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607175848> (дата обращения: 09.09.2024).

ФГОС СОО – федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902350579> (дата обращения: 09.09.2024).

Литература

Баранов М. Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1988. 20 с.

УК 1 – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 1-тй класслы учебник. 2-тй изд. Ижевск: Удмуртия, 2019. 64 б.

УК 2 – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 2-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 1-тй люкетэз. 2-тй изд. Ижевск: Удмуртия, 2019. 96 б.

УК 5 – Вахрушева Л. В., Горбушина Г. В., Ермокина Н. А., Никольская Г. Н. Удмурт кыл. 5-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пинальёслы учебник. Ижевск: Удмуртия, 2014. 176 б.

УК 6 – Вахрушева Л. В., Горбушина Г. В., Ермокина Н. А. но мукетьёсыз. Удмурт кыл. 6-тй класслы. Ижевск: Удмуртия, 2016. 240 б.

УК 7 – Вахрушева Л. В., Никольская Г. Н., Тараканов И. В., Широбокова С. Н. Удмурт кыл. 7-тй класслы. Ижевск: Удмуртия, 2017. 160 б.

УК 9 – Вахрушева Л. В., Горбушина Г. В., Ермокина Н. А., Широбокова С. Н. Удмурт кыл. 9-тй класслы. Ижевск: Удмуртия, 2018. 184 б.

УК 10–11 – Вахрушева Л. В., Тимерханова Н. Н., Ураськина Н. И. Удмурт кыл. 10–11-тй классёслы. Ижевск: Удмуртия, 2020. 272 б.

Безлично-модальные предложения в удмуртском языке

Статья посвящена анализу безлично-модальных предложений современного удмуртского языка с точки зрения структурно-семантических характеристик. Материалом исследования послужили предложения из текстов художественных произведений, размещенных в Национальном корпусе удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис, односоставные предложения, безлично-модальные предложения, модальность.

Безличные предложения представляют собой важный элемент лингвистической системы языка. Как подчеркивает Т. В. Жеребило, безличные предложения относятся к разновидности «глагольных односоставных предложений, общим значением которых является утверждение независимого действия не соотнесенного с деятелем» [Жеребило 2010: 46]. Таким образом, категория безличности относится к предложениям с безличными формами, в которых отсутствует подлежащее [Там же: 143].

Согласно лингвистическим традициям русского языка, принято выделять следующие семантические группы безличных предложений: 1) стихийные явления природы; 2) внутренний мир, психика и организм человека; 3) сфера модальности; 4) значение существования и наличия [Березина 2010: 43].

В удмуртском языкознании категория безличности выражается в безличных предложениях, которые относятся к бесподлежащим или сказуемым односоставным предложениям. В отличие от неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений подлежащее в безличных предложениях не только не выражено, но и не подразумевается [Пешковский: 343]. Однако, как отмечает В. И. Алатырев, в удмуртском языке встречаются предложения, с которыми у читателя / слушателя отдаленно может ассоциироваться подлежащее [ГСУЯ 1970: 197–198]. Семантические группы безличных предложений удмуртского языка в основном выделяются аналогично русскому языку (психофизиологические, физические аспекты (чувства, состояние, переживания, ощущение); природные явления; модальность (необходимость, обязанность выполнения действия); существование, состояние) [Там же: 199].

Основной целью данной статьи является структурно-семантический анализ безлично-модальных предложений современного удмуртского

языка. Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из текстов художественных произведений, размещенных в Национальном корпусе удмуртского языка [НКУЯ 2024].

Современные исследователи выделяют четыре основные группы модальности безличных предложений: модальность возможности, модальность необходимости, модальность целесообразности и модальность желательности [Петров 1999: 35–40]. Опираясь на указанную классификацию, представим следующие группы модальности с точки зрения семантики безлично-модальных конструкций предложений в удмуртском языке.

1. Модальность возможности.

В самом общем значении безличные предложения, относящиеся к данной группе, выражают значения возможности / невозможности совершения действия. С точки зрения структуры, могут быть представлены следующие конструкции сказуемого в предложении:

а) сказуемое выражено сочетанием инфинитива с глаголом *луыны* ‘быть, стать, мочь, уметь, доводиться, приходиться’, имеющем форму настоящего / прошедшего / будущего времени. В данном случае речь идет о предложениях, выражающих наличие у субъекта способности на совершение действия: *Серемес суредьёссэ «Удмурт дунне» газетысь чёмысь адзылыны луэ* (О. Бородина). ‘Юмористические рисунки можно часто увидеть в газете «Удмурт дунне»’. *Оло, тазыы но валзктыны луэ художниклэсь инкуазь суредьёссэ: карикатураосаз со адямиез иса, чепыльтэ ке, таосаз буйгатыны, оскон пычатыны тырше?* (О. Бородина) ‘Может быть можно так объяснить картины о природе художника: если в карикатурах он дразнит, щипает человека, то здесь старается утешить, вселить веру?’ – *Чок ини, бõрысь чупало, яватэ. Выж вылтйды потаны луиз ке* (О. Четкарев). ‘– Пусть уже, потом поцелую, ладно. Если по вашему полу пройти удастся’. *Арёё ортчемъя гинэ валаны луиз, та бичетын вуоно «Вось» книгалэн но инъетэз кылдэмын ни шуыса.* (В. Шибанов) ‘Спустя годы лишь удалось понять, что в этом сборнике будущая основа книги «Вось» уже создана’. *Конешно, капчигес озьы ужжаны луиз* (М. Иванов). ‘Конечно, легче так работать стало’. *Мон ноказыы но уг валаськы, кызы сыче-сыче янгышъёсын гождьясъкыны луоз?* (Л. Нянькина) ‘Я никак не пойму, как с такими ошибками можно писать?’ *Материальной шудтэк улыны луоз, нош духовноезтэк – туж секыт, туж секыт...* (Л. Нянькина) ‘Без материального счастья прожить получится, но без духовного – очень сложно, очень сложно...’

Конструкция в отрицательном значении представлена инфинитивом и глаголом *луыны* ‘быть, стать, мочь, уметь, доводиться, приходиться’ с отрицанием (*уг луы, уз луы, õз луы* и др.): *Интыен-интыен сюрло йылэз но мычыны уг луы – сыче жеч удалтэмын* (Т. Архипов). ‘Местами и концом серпа ткнуть не получается – так хорошо уродилось’. *Кин ма*

вера – валаны уг луы ни (Т. Архипов). ‘Кто что говорит – понять уже не получается’. «*Та туливитен но вераськыны уг луы ни*», – *йыркурен малпаз Чумой* (Т. Архипов). «С этим куликом и говорить уже не получается,» – с раздражением подумал Чумой’. *Ачиз ке уг сёты, суд пыр сянa басыны уз луы, шуиз Матвеев* (С. Сергеев). ‘Если сам не отдаст, кроме как через суд уже взять не получится, сказал Матвеев’. *Соос со нунальёсы кôлаллязы-а, сиськылъызы-а, адъыны ôз луы* (М. Гаврилова-Решитько). ‘Они в те дни спали ли, ели ли, увидеть не получилось’. *Сы́че югдуре янгышъёслэсь но мозмыны ôз луы* (П. Чернов). ‘В этом случае и от ошибок избавиться не получилось’;

б) используется глагол *луыны* с отрицанием (*уг луы / ôз луы / уз луы*). Значение данной конструкции связано с невозможностью выполнить действие по причине физических или умственных ограничений или внешних обстоятельств: *Малы меда мынам соин кивалтэме уг луы?* (А. Перевозчиков) ‘Почему же у меня им руководить не получается?’ *Мыным уг луы вoсь!* (Л. Баймакова) ‘Мне не становится больно!’ *Но чёмысь озьы уг луы* (А. Перевозчиков). ‘Но чаще так не бывает’. *Монэн но озьы ик ôз луы меда?* (А. Перевозчиков) ‘Со мной так же не случилось ли?’ *Но озьы ôз луы* (В. Удинцева). ‘Но так не получилось’;

в) в качестве сказуемого используется глагол *удалтыны* ‘удаться, оказаться возможным, везти’ в различных временных формах. Предложения этой группы характеризуют действия, происходящие в связи с внешними факторами, которые складываются благоприятно. В данном случае косвенный субъект выражен именем существительным в дательном падеже: *Спорт ласянь хохрякиослы удалтiз* (О. Бородина). ‘В спорте жителям д. Хохряки повезло’. – *Удалтiз тыныд, – кизэ сётiз со понтонной выжлэсьтонын ужась Романовлы. – Кы́че мылкыд?* (Т. Архипов) – Повезло тебе, – он подал руку рабочему по выделке понтонного пола Романову. – Как настроение?’. – *Господаос, гажано господаос! Асьмелы туннэ удалтiз. Туж бадъым шуд вайиз та нунал* (Т. Архипов). ‘– Господа, уважаемые господа! Нам сегодня повезло. Большое счастье принес этот день’. *Кин вань ужъёссэ радызъя но малпаськыса лэсьтоз, солы ар куспын удалтоз* (неизвестный автор). ‘Кто все работы по порядку и вдумчиво выполнит, тому в течение года повезет’. – *Иське, сюкась юыны мынод уни? Ну, удалтэ тыныд, Серёжа!* (И. Гаврилов) ‘Значит, квас пить пойдешь уже? Ну, везет тебе, Сережа!’ *Удалтэ солы, кыиз мынэ, синъёсыз тылобурдолэн кадъ етiзэсь* (В. Сергеев). ‘Везет ему, работа спорится (букв. рука идет), глаза как у птицы зоркие’.

В противоположном значении используется глагол *удалтыны* ‘удаться, оказаться возможным, везти’ с отрицанием (*уг удалты, ôз удалты* и др.): – *Укыргес но яратонын уг удалты тыныд* (Л. Нянькина). ‘– Сильнее всего в любви не везет тебе’. *Уг удалты бере, уг удалты – нош ик юрттiсьёс*

õвõл (Т. Архипов). ‘Раз не везет, то не везет – и помощников нет’. *Нош ик õз удалты Пужей Микталы* (Т. Архипов). ‘Снова не повезло Пужей Микте’. *Та нуналэ Володькалэн командаезлы чик õз удалты* (У. Бадретдинов). ‘В этот день команде Володьки вовсе не повезло’;

г) также встречается сочетание инфинитива с глаголом *удалтыны* ‘удаться, оказаться возможным, везти’, выраженным в форме настоящего / прошедшего / будущего времени. Здесь реализуется значение везения, благоприятных обстоятельств под влиянием внешних обстоятельств: *Соин ик Н. А. Суворовен мыным нунал пумын гинэ вераськыны удалтӱз* (О. Бородина). ‘Поэтому с Н. А. Суворовым мне в конце дня только поговорить удалось’.

Значение невезения выражается конструкцией, представленной инфинитивной формой и глаголом *удалтыны* ‘удаться, оказаться возможным, везти’ с отрицанием (*уг удалты, õз удалты* и др.): *Кылем уй Панялы жеч-жеч изыныны õз удалты* (В. Сергеев). ‘Прошлой ночью Пане хорошо поспать не удалось’.

2. Модальность необходимости.

Необходимость выполнения действия связано с общественным долгом, волей действий третьего лица, внешними обстоятельствами. Сказуемое, относящееся к модальности данного типа, может выражаться следующими формами:

а) с помощью причастий на *-но / -оно*: *Колхоззэ но жӱтоно, армилы но юрттоно* (А. Перевозчиков). ‘И колхоз надо поднять, и армии помочь’. *Кӱня ке но чакласьконо ик, вылды* (А. Перевозчиков). ‘Немного нужно остерегаться, видимо’.

При выражении отрицания конструкцией с причастием на *-но / -оно* и отрицательным словом *õвõл*: «*Ликбез*» *ортчытытэк, ноказыны но луоно õвõл* (А. Перевозчиков). ‘Без проведения «ликбеза» никак не получится’;

б) сочетанием причастия на *-но / -оно* с лексемой *вал / вылэм* ‘было, бывало’: *Берло визьмын со умыл вала: Манизэ сизьым классозь ке но дышеттоно ик вылэм* (А. Перевозчиков). ‘Позже умом он хорошо понимает: Маню до седьмого класса хотя бы надо было бы доучить’. – *Осто, бен со Митрейлэн кӱня меда уни нылпиосыз? Огпол кутскыса юри лыдьяно вал* (А. Перевозчиков). ‘– Господи, да сколько у этого Митрея уже детей? Один раз специально надо бы посчитать’.

При выражения отрицания конструкцией с причастием на *-но / -оно*, отрицанием *õвõл* и лексемой *вал / вылэм*: «*Эх, таиз сярысь номыр поттылоно õвõл вылэм*, – õпкелиз ни табере Костя. – *Ведь тодӱськод кычезэ...*» (Г. Перевозчиков) ‘«Эх, про это ничего говорить не нужно было, – жалел теперь Костя. – Ведь знаешь, какой он...»’;

в) сочетанием причастия на *-но / -оно* с глаголом *луыны* (*луиз / луэ / луоз*): *Левырлы колхоз уж бере жӱит но уйӱсы коркаезлэсь пасьӱссэ*

ворсалляно луэ (А. Перевозчиков). ‘После работы в колхозе вечером и ночью Левыру приходится закрывать дыры в доме’. *Зэм, война кутскем бере солы кышноосын, пересь воргоронъёсын но пиналъёсын ужано луэ* (А. Перевозчиков). ‘Действительно, после начала войны ей приходится работать с женщинами, пожилыми мужчинами и детьми’. *Москوىсь уй-шор бере гинэ вырзоно луэ* (М. Векшина). ‘Из Москвы после полуночи только выезжать получится’. *Таё дыръя нълъёс куспазы вераськемзэс но уг валало: кесаськоно луэ* (А. Перевозчиков). ‘В такое время девочки и разговор между собой не понимают: кричать приходится’. *Верамзэ кыл-зоно луиз* (В. Удинцева). ‘Сказанное послушать пришлось’. *Вордйёсконэ жьытазе Лёшалы песянайзы доры гуртэ кошконо луиз* (В. Удинцева). ‘В понедельник вечером Леше к бабушке в деревню уйти пришлось’. *Чайникын вуэз шапык но ой вал, кухняе потоно луиз* (Л. Нянькина). ‘В чайнике воды вовсе не было, на кухню выйти пришлось’. «*Їукнаозь изёз уни, – малпаз Илья. – Їуказе больницае келяно луоз, визьмыз сураськем адямилэн*» (Т. Архипов). «До утра проспит уже, – подумал Илья. – Завтра в больницу проводить придется, ум попутался у человека». *Со бёрсьы Танялы но маке верано луоз* (Т. Архипов). ‘После него и Тане что-то сказать придется’. *Та малпанэз матысь дыре одно ик уж вылын быдэ-стоно луоз шуыса, Лели выльысь кезьыт валесаз зумиз...* (Л. Нянькина) ‘Так как эту затею в ближайшее время придется опробовать в деле, Лели снова в холодную кровать нырнула...’.

Сочетанием причастия на *-но / -оно* с глаголом *луыны* с отрицанием (*уг луы, ёз луы, уз луы*): *Бригадиръёслы, уже чортыса, укно ултй ветлоно уг луы ни* (Т. Архипов). ‘Бригадирам, приглашая на работу, под окнами ходить не приходится уже’. *Табере солэсь Олексанзэ кема витёно уз луы ни* (Т. Архипов). ‘Теперь ее Олександы долго ждать уже не придется’. *Татын кема нуконо уз луы ни* (Т. Архипов). ‘Здесь долго сидеть уже не придется’. *Кема нуконо ёз луы, кабинетлэн ёсэз усьтйськиз но, отысь огшоры ужан дйсен дйясськем колхозница потйз* (Т. Архипов). ‘Долго сидеть не пришлось, дверь кабинета открылась, оттуда вышла одетая в простую одежду колхозница’. *Прохорлы кема сюлмаськоно ёз луы: Вавожысь уйин кудъыса бертыкуз, Семон дёдыысь усиз но кынмыса кулйз* (И. Гаврилов). ‘Прохору долго беспокоиться не пришлось: возвращаясь ночью из Вавожа пьяным, Семон упал с саней и умер от переохлаждения’;

г) сочетанием инфинитива с причастием на *-но / -оно*: *Соин ик чаласькысагес, жикытгес ужаны тыришоно* (А. Перевозчиков). ‘Поэтому осторожнее, аккуратнее работать надо постараться’.

Инфинитивной конструкцией с причастием на *-но / -оно* и отрицанием *ёвёл*: «*Таос сярэсь вунэтоно ёвёл вераны*», – *малпа Романов* (Т. Архипов). ‘Про этих нельзя забыть сказать’, – думает Романов’;

д) сочетанием инфинитива со словом *кулэ* ‘надо, необходимо, нужно’: **Вераны кулэ созэ но:** кык жсытьёсы юизы ке но, пограса кыллысьёсыз оз пумиськылэ (Л. Кривошеев). ‘Отметить надо и следующее: если даже пили два вечера, валяющихся не встречалось’. *Тачеосыныз туж чакласькыса, эскериськыса ужаны кулэ, сотэк вёсь карыны быгатоз...* (А. Перевозчиков) ‘С такими очень осторожно, осмотрительно работать надо, иначе ранить может...’.

Инфинитивной конструкцией со словом *кулэ* и отрицанием *өвёл* или *вылымтэ*: – *Тыныд дышетскыны но кулэ өвёл ни, тон дась художник, аслад аспёртэмлыко суредан манеред но вань* (О. Бородина). ‘– Тебе и учиться уже не надо, ты готовый художник, собственная своеобразная манера рисовать уже есть’. *Мыным соку кошкыны кулэ вылымтэ: сое виытозь, монэ мед виысалзы* (И. Гаврилов). ‘Мне тогда не нужно было уходить: вместо него лучше бы меня убили’;

е) конструкцией из инфинитива с глаголом *кулэ* и глаголом *луыны* (*луиз, луэ, луоз*): *Ас дораз ке возёно, мушьёс понна сюлмаськыны кулэ луоз* ук (Т. Архипов). ‘У себя если надо держать, о пчелах волноваться нужно будет же’. *Жытозь, пе, мед шуналоз, пудо люктаны кулэ луоз* (Т. Архипов). ‘До вечера, мол, пусть согрется, скотину напоить нужно будет’. *Да-а, Козловъёслэн квартираязы ведь обыск лэсьтыны кулэ луоз* (С. Самсонов). ‘Да-а, у Козловых в квартире ведь обыск нужно будет сделать’. *Озы бере, улонмес выль сямъёсын улыны кулэ луэ*» (А. Ермолаев). ‘Раз так, нашу жизнь нужно прожить по новым нравам’. *Командиръёслы мукет ужъёс сярсысь сюлмаськыны кулэ луиз* (В. Голубев). ‘Командирам о других делах волноваться пришлось’;

ж) инфинитивной конструкцией с глаголом *кулэ* и лексемой *вал / вылэм*: *Сава, Сава, малы меда та кырзанэз одно али пуктыны кулэ вал?* (Е. Панфилова) ‘Сава, Сава, почему же эту песню именно сейчас поставить нужно было?’ *Со сярсысь азьвыл малпаны кулэ вылэм, нош Васялэн тодаз но оз лыкты* (И. Гаврилов). ‘Об этом раньше надо было думать, но Васе и в голову не пришло’. *Чапак тазы тупаны кулэ вылэм!* (Г. Крайильников) ‘Надо было ведь так совпасть!’;

з) глаголом *яраны* (*яра, яралоз*) в значении ‘годиться, подходить, стоять’. Данный тип сочетания обозначает необходимость выполнения действия, связанное с личными пожеланиями субъекта: *Яралоз тазы но, урокам, пе, дыртійсько* (И. Гаврилов). ‘И так сойдет, на уроки, мол, тороплюсь’. – *Мыным яралоз. Тй сямен, нылэз уг витиськы, – пыкиське со* (Т. Архипов). ‘– Мне сойдет. Как вы девушку не жду, – упирается он’;

и) сочетанием инфинитива с глаголом *яраны* (*яра, яралоз*) в значении ‘годиться, подходить, стоять’. В данном случае необходимость может быть связана как с личными потребностями, так и с моральными

устоями, общественными принципами: – *Уг, Сергей, уг висиськы. Таёе чебер куазен **висьыны яра шат** (И. Гаврилов). ‘– Нет, Сергей, не болею. При такой хорошей погоде болеть разве годится’. *Табере татысь, та интысь, **кошкыны яралоз** (С. Матвеев). ‘Теперь отсюда, из этого места, уйти можно будет’. *Сьёрамы но **басьтыны яралоз** (Т. Архипов). ‘И с собой взять пригодится’. – *Мыным фермаын **ужаны яралоз**, – кыл куспазы пырыськыз кыкетйез кыномурт. – *Шуныт гинэ медло (К. Емельянов). ‘– Мне и на ферме работать сойдет, – между слов встряла вторая женщина. – Тепло главное только бы было’.*****

Сочетанием инфинитива и глагола *яраны* в значении ‘годиться, подходить, стоять’ с отрицанием (*уг яра*): – *Өвёл, өвёл, нырысь чөмтэм бере ик **нискетыны уг яра** (А. Перевозчиков). ‘– Нет, нет, один раз споткнувшись, всхлипывать не годится’. *Калык пöлын тöро ассэ туж йöно возьыны кулэ, трос **юыны но уг яра** (Л. Кривошеев). ‘Среди народа вождь себя очень достойно себя должен держать, и много пить не стоит’.**

3. Модальность желательности.

Желательность выражается в стремлении выполнить действие, связанном с предрасположенностью или волей субъекта.

Сказуемое может быть выражено:

а) глаголом *потыны* ‘хотеть, желать’ в сочетании с лексемой *вал* / *вылэм*: *Зоя Александровналэн туж **потэ вылэм**, со юртын Анатолий Кузьмичлы сйзем музей мед усытозы шуыса (Г. Алешкина). ‘Зое Александровне очень хотелось оказывается, чтоб в этом доме открыли музей, посвященный Анатолию Кузьмичу’;*

б) конструкцией вербоида на -м с глаголом *потыны* и словом *вал*: *Огазе **луэммы туж потэ вал**, но малпанмы öз быдэсмы: чыжы-выжыосыз монэ вайыны чутрак пумит луизы (Е. Камашева). ‘Вместе быть очень хотелось, но мечта не исполнилась: родственники воспротивились меня привести в дом’;*

в) сочетанием вербоида на -м с глаголом *потыны*: ***Оскем потэ**, талы туала югдурья оскыны туж шуг ке но – оскем потэ!.. (А. Перевозчиков) ‘Верить хочется, даже если из-за нынешних обстоятельств верить очень сложно – верить хочется!’ *Нош мынам пöрмиз, соин ик ваньмызлы **вераме потэ**: уж сярись малпаськыны дырдэс эн жалалэ (Е. Камашева). ‘Но у меня получилось, поэтому всем сказать хочется: о работе думать времени не жалейте’.**

Сочетанием вербоида на -м с глаголом *потыны* с отрицанием (*уг поты*): ***Кылэме ик уг поты** (Т. Архипов). ‘Даже слышать не хочется’. *Мынам **иземе уг поты**, маке но мадъ вал, – куриз Палаш. – Уммед ке уг поты, вера фронтын ветлэмдэ (Т. Архипов). ‘Мне спать не хочется, что-то Расскажи-ка, – попросила Палаш. – Если не хочешь спать, Расскажи,**

как на фронт ходил’. *Нокинэ кылтэм но, аджем но уг поты* (В. Удинцева). ‘Никого и слышать, и видеть не хочется’;

г) сочетанием глагола *потыны* с отрицанием (*уг поты / ѓз поты / уз поты*): *Чок, уг поты, анае сюдйз* (Т. Архипов). ‘Пусть, не хочется, мама накормила’;

д) глаголом *яраны* (*яра, яраз*) в значении ‘нравиться, понравиться’: *Тѓдѓбы офицер, азѓвыл сямен ик, жѓбк пумын куксѓ кечат поныса пукѓ, табере ини ымдур пумтйз пальпотыса учке: «Вот таиз мыным яра, кемалась озѓы верасѓкыны кулѓ вал», – шуо солѓн лек но кыч синѓѓсыз* (Т. Архипов). ‘Белый офицер, как и раньше, на стол ноги накрест положив, сидит, теперь уголком рта улыбаясь, смотрит: «Вот это мне нравится, давно так говорить надо было», – говорят его злые и дикие глаза’. *Ултйязы кадѓ потѓ вал, нош ужаны кутски но, аслым но туж яраз* (И. Гаврилов). ‘Унизили будто казалось, но работать начал, и самому очень понравилось’. *Пужыятйсѓкыны но мыным туж яра* (Е. Камашева). ‘И вышивать мне очень нравится’.

Таким образом, безличные предложения, относящиеся к семантической группе модальности, выражают желание, потребность, обязанность выполнения действия. В удмуртском языке можно выделить три группы модальности безличных предложений: модальность возможности, модальность необходимости и модальность желательности. Наиболее часто встречаются предложения, относящиеся к модальности необходимости, которые характеризуют долженствование выполнения действия в связи с общественным долгом, внешними обстоятельствами, моральными устоями, личными потребностями.

Источники

НКУЯ 2024 – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/> (дата обращения: 29.07.2024).

Литература

Березина О. А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2010. С. 39–51.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970. 246 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилгрим», 2010. 486 с.

Петров А. В. Безлично-модальные предложения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 1999. 223 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 544 с.

Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Новые полевые материалы¹

Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка в последний раз подвергался основательному исследованию Р. М. Баталовой в 1995 г. Экспедиция 2024 г. в район распространения диалекта позволяет обновить имеющиеся ареальные материалы, показать современное состояние и тенденции развития. Ведущие диалектные признаки: качественно-вокальное ударение, *и*-овая огласовка, приблизительно-местная падежная система – сохранились в языке носителей, но уже не являются повсеместными и часто встречающимися. Влияние оказывают соседний кудымкарско-иньвенский диалект и литературный язык. Диалект характеризуется активным выпадением или стяжением гласных и согласных звуков, что часто создает условия для прогрессивной ассимиляции гласных. Фонетические процессы приводят к значительным изменениям внешней «оболочки» слова – происходят фономорфологические изменения. Полевые материалы наглядно демонстрируют тенденции, близкие к явлениям редупликации. Чаще всего они характерны для наречий, имеющих в своем составе застывшие падежные суффиксы. Лексические диалектизмы часто являются русскими по своему происхождению.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нижнеиньвенский диалект, фонетические и морфологические особенности диалекта, лексические диалектизмы.

Нижнеиньвенский диалект относится к южному наречию коми-пермяцкого языка, занимает юго-восточную часть территории Юсьвинского муниципального округа Пермского края. Наиболее крупными населенными пунктами, в которых функционирует названный диалект, являются Тимино, Купрос, Крохалево, Аксеново, Доег. Приведенные в данной статье материалы базируются на тиминском говоре нижнеиньвенского диалекта, которые были зафиксированы летом 2024 г.

Последнее основательное исследование по диалекту было выполнено Р. М. Баталовой в 1995 г. («Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка»).

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

В последующие годы в район распространения диалекта Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом было организовано три экспедиции, но материалы не нашли своего отражения в публикациях. Экспедиция 2024 г. в интересующий ареал позволяет обновить имеющиеся ареальные материалы, показать современное состояние и тенденции развития.

Кратко обозначим историю функционирования термина *нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка*. Продолжительное время ареал распространения так называемых в-зовых вариантов назывался *иньвенским* диалектом (таким термином обозначал диалектную речь Г. Нечаев (1931), этот термин фигурирует в кандидатской диссертации А. С. Кривошековой-Гантман (1951) и в последующих ее нескольких статьях (1958, 1962), этим наименованием воспользовались П. Кузнецов (1951), Е. Ботева (1961), В. Лыткин (1964)).

Пожалуй, впервые в работе В. И. Лыткина «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» (1955) встречается термин *нижнеиньвенский*: «в составе южной диалектной группы можно выделить следующие говоры: оньковский, нижеиньвенский, нердвинский и кудымкарско-иньвенский» [Лыткин 1955: 26]. Статус диалекта этот ареал получил в работах Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 223–235; 1990: 5; 1995: 5; 1998: 14; 2002: 9 и др.]. К данной классификации и терминологии присоединилась и А. С. Кривошекова-Гантман [Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 12]. С семидесятых годов прошлого столетия уже не было сомнений, что в южном наречии коми-пермяцкого языка выделяются два в-диалекта: кудымкарско-иньвенский и нижеиньвенский, значительно отличающиеся друг от друга на всех уровнях языка. Два других диалекта южного наречия – оньковский и нердвинский (л-диалекты) – ни разу не сливались друг с другом, поскольку при первом с ними знакомстве выяснялось, что они представляют разные диалекты. К настоящему моменту, судя по всему, южное наречие коми-пермяцкого языка насчитывает уже только три диалекта: оньковский диалект, пожалуй, можно считать утраченным, поскольку не удастся обнаружить носителей этого диалекта.

Основными диалектными признаками нижеиньвенского диалекта, отличающими его от кудымкарско-иньвенского диалекта, были: качественно-вокальное ударение, *и*-овая огласовка (рефлекс бывшего *э* закрытого (*é*)), сформированная приблизительно-местная падежная система, лексические диалектизмы. Все эти фонетико-грамматические и лексические явления сохранились в языке носителей диалекта, но не являются активными и часто встречающимися. По всей вероятности, это можно объяснить влиянием соседнего, более крупного, кудымкарско-иньвенского диалекта и отчасти литературного языка.

Ударение. Качественно-вокальное ударение, «когда место ударения зависит от качества корневого гласного звука» [Баталова 1975: 90], характерно для языка коми-язьвинцев, нижеиньвенского и оньковского диалектов [Баталова 1975: 90], является очень важным и существенным признаком диалекта. Данный вид ударения даже на слух всегда выделял его от соседних диалектов, кудымкарско-иньвенского или нердвинского. Современные материалы по исследуемому диалекту показывают, что данный тип ударения постепенно уступает морфологизированному типу. Так, слова с корневыми гласными верхнего подъема *и*, *ы*, *у* в неодносложных словах, обычно не имеющими на себе ударения, довольно часто оказываются под ударением: вместо ожидаемого *кывви*¹ зафиксировано *кывви* «я об этом слышал». Подобными примерами являются: *вуджсö* вместо ожидаемого *вуджсö* «корня», *мунö* вместо ожидаемого *мунö* «он идет», *пукс'а* вместо ожидаемого *пукс'а* и др. Хотя примеры типа *вис'ны* (лит. морфолог. *висьны*) «болеть», *умöл'* (лит. морфолог. *умöль*) «плохой», *кывви* (лит. морфолог. *кывли*) «я иногда слышал», *кис'с'öмас'* (лит. морфолог. *киссьöмась*) «рассыпались» и др. демонстрируют классический вариант качественно-вокального ударения. Морфологизированный тип ударения влияет не только на качественно-вокальное ударение, но его преимущества наблюдаются и в северных диалектах коми-пермяцкого языка, для которых была свойственна тенденция – ставить ударение на первом слоге (как и в коми-зырянском языке). Это говорит о том, что литературный вариант с морфологизированным ударением все-таки имеет влияние на ареальные говоры.

И-овая огласовка, как рефлекс былого э закрытого (ê). Коми-язьвинское наречие, нижеиньвенский и оньковский диалекты характеризуются еще одной общей чертой: они одинаково передают следы былого э закрытого (ê) – путем перехода звука э > и. Многочисленные примеры зафиксированы в работах В. И. Лыткина [Лыткин 1964: 130–140] и Р. М. Баталовой [Баталова 1982: 18]. Материалы, собранные летом 2024 г. на территории распространения нижеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка, показывают наличие этого явления: *иг мун* (лит. *эг мун*) «я не пошел», *вижкод'öс'* (лит. *вежкодъöсь*) «желтоватые», *чирыс* (лит. *черыс*) «топор-то» и др. Однако местные жители повсеместно говорят *гэз* вместо ожидаемого *гиз* (лит. *гез*) «веревка», а отрицательные глаголы прошедшего очевидного времени *эг* «я не ...», *эгö* «мы не ...», *эн* «ты не ...», *эз* «он (она) не ...», *эзö* «они не ...» употребляются то в ожидаемой форме *иг* «я не ...», *ин* «ты не ...», *из* «он (она) не ... и др., то в форме *эг* «я не ...», *эгö* «мы не ...», *эз* «он (она) не ...», *эзö* «они не ...» и др.

¹ Диалектный материал приводится в фонетической транскрипции, литературный вариант – в принятой национальной орфографии.

Диалектный материал демонстрирует, что следы былой исторической фонетической особенности сохранились в диалекте, но к сегодняшнему дню уже не являются единственными в своем употреблении.

Падежная система. Падежная система нижеиньвенского диалекта, по мнению Р. М. Баталовой, выделялась интересными грамматическими формами, связанными с формированием и активным развитием внешне-местной и приблизительно-местной падежных систем (1975, 1982, 1998), когда серийные послелого с основами на *выл-*, *дын-* / *орд-* трансформировались и переходили в падежные показатели. Подобные явления характерны не только для коми-пермяцких диалектов, но и для ряда других родственных языков [Баталова 1982: 98]. Считаем, что переход серийных послелогов в падежные форманты является интересным грамматическим явлением, требующим внимания и наблюдения за интенсивностью его развития и ареалами его функционирования.

Относительно внешне-местной падежной системы следует сказать, что ее формирование в диалекте полностью завершилось, и так же, как и в соседнем кудымкарско-иньвенском диалекте, послелог с основой на *выв-* (лит. *выл-*) прекратил свое функционирование и перешел в падежный формант: внешне-местный переходный падеж *потшвѳт'* (лит. *потш вѳлѳт*) «по поверхности жерди», внешне-местный вступительный падеж *бородавкавас вѳт'ѳт* (лит. *бородавка вылас вѳтьѳт*) «накапай на поверхность бородавки», *кѳрквас кайѳмас'* (лит. *керку вылас кайѳмась*) «поднялись на дом» и др. Внешне-местная падежная система активно развивается и в северных диалектах коми-пермяцкого языка.

О формировании и развитии приблизительно-местной падежной системы в двух диалектах коми-пермяцкого языка – в нижеиньвенском и оньковском – в своих научных работах писала Р. М. Баталова [1975: 138–141; 1982: 98–99; 1998: 33–34 и др.]. В результате разрушения серийных послелогов с основой на *дын-* / *орд-* (*дынын* > *дын*, *дынис'* > *дис'*, *дынѳ* > *дѳ*, *дынѳдз* > *дѳдз*, *дынѳт* (*дынѳт'*) > *дѳт* (*дѳт'*)) формируются новые падежные формы. Эти падежные форманты, по мнению исследователя, «широко употребляются с личными местоимениями, а также имеют тенденцию присоединяться к отдельным существительным: *миандѳдз* < *миян дынѳдз* “до нас”, *вѳрдѳдз* < *вѳр дынѳдз* “до леса”» [Баталова 1982: 98]. Заметим, что в коми-пермяцком языке повсеместно произошел переход послелога *дынын* в зн. «около» в форму *дын*, и обе грамматические формы (*дынын* и *дын*) уже являются литературной нормой, например, *пос дынын* и *пос дын* «около моста». Остальные падежные показатели – кроме обозначенных нижеиньвенского и оньковского диалектов – не получили своего развития. После последнего изучения нижеиньвенского диалекта было интересно наблюдать за состоянием приблизительно-местной падежной системы. Диалектные материалы

2024 г., зафиксированные в населенном пункте Тимино, демонстрируют, что приблизительно-местная падежная система в диалекте имеется: *миандын* (лит. *мян дьнын*) *овис* «возле нас жил», *мйандō воввō* (лит. *мийан дьнō вовлō*) в зн. «дойдите до нас, приходите к нам», тем не менее, она не получила активного развития и не стала ведущей грамматической формой: *пэл'эн'ишнōй кага дьнōт'* (лит. *пеленкаын кага дьнōт*) в зн. «около ребенка, который завернут в пеленку»). Стяженные формы серийного послелога с основой на *дын-* «около, возле» с именами существительными встречаются крайне редко.

О фонетических особенностях. В рамках одной статьи нет возможности остановиться на всех явлениях, характеризующих фонетическую составляющую диалекта. Остановимся лишь на отдельных моментах, демонстрирующих ярко выраженные тенденции и не подвергающиеся сомнениям фактам. Ожидаемо, что диалект характеризуется активным выпадением [в] в интервокальном положении (особенно перед [и], [ō], [а]) и в качественном его изменении в положении конца слова: *уджаис* (< *уджавис* < *уджалис*) «он (она) работал(а)», *с'этаа* (< *с'этава* < *с'этала*) «я раздаю», *уджав°* «работай», *с'этав°* «раздай» и т. д. Эта тенденция в в-диалектах давно замечена и описана [Баталова 1975: 28–40; Лобанова 2002: 20–22 и др.]. Звук [в] стал выпадать и из других позиций, например, он не замечен в составе наречия или послелога *увтас* (> диал. *утас*) «внизу, под»: *этадзи утас токо пуктышта* (лит. *этадз увтас только пуктышта*) в зн. «таким образом в нижнюю часть только быстренько положу», *кэрōс утас быдмō* (лит. *керōс увтас быдмō*) «под горой растет» и др. Этот же звук в диалекте может быть и вставочным: *йувō* (лит. *юō*) «он (она) пьет».

К числу фонетических явлений исследуемого диалекта следует отнести активную ассимиляцию гласных звуков (контактную и дистантную). Например: *ōктōнō* (лит. *ōктōны*) «они собирают», *с'ивнō да йōктōнō* (лит. *с'ывлōны да йōктōны*) «поют и пляшут», *вис'таамас'* (< *вис'таōмас'* < *вис'тавōмас'* < *вис'талōмас'*) «они сказали», *туус'с'а* (< *туыс'с'а* < *тувыс'с'а* < *тулыс'с'а*) «весенний», *кōртоой* (< *кōртоōй* < *кōртовōй*) «железный» и др. Дистантная прогрессивная ассимиляция характерна для личных глагольных форм на *-ōны*; а контактная прогрессивная ассимиляция является вторичным явлением и последним этапом фонетических изменений в результате выпадения звука [в].

Из морфологических особенностей следует остановиться на особенностях употребления обстоятельственных наречий с компонентом *с'ан'-*. Производное местоименное наречие с компонентом *сэт-* (*сэт-чин* «там», *сэт-ч-ин-сянь* «оттуда», *сэт-ч-ō* «туда», *сэт-ч-ōдз* «до того места») в исследуемом диалекте знает особые фонетические варианты: *с'ан'ын* «там», *с'ан'с'ан'* «оттуда», *с'ан'ō* «туда», *с'ан'ōдз* «до того места»: *с'ан'ō пыран* и *каз'аан* (лит. *сэтчō пыран* и *казялан*) «туда зайдешь и уви-

дишь», *с'ан'өдз мун* (лит. *сэтчинөдз мун*) «до того места дойди» и др. Происходит выпадение корня слова, а его функции начинает выполнять падежный суффикс *-с'ан'* (отдалительный падеж). Параллельно с этим наблюдается наращение необходимого местного падежа. Компонент *с'ан'* встречается в речи и самостоятельно, без дополнительных компонентов, реализуя при этом семантику отдалительного падежа: *с'ан' войнаввас мунис* (лит. *сэтчинсянь война вылас мунис*) «оттуда на войну ушел». Данное явление практически не представлено в научных работах, представленных ранее. Не зафиксировано оно и в других коми-пермяцких диалектах.

О влиянии русского языка. Вполне ожидаемо наблюдается сильное воздействие со стороны русского языка на общенациональный словарный фонд носителей диалекта. Слова и выражения, типа *мал'эн'көй гал'каэз* (искон. *учөт изоккез*) «маленькие гальки», *шиповн'ик* (искон. лит. *жельнөз*), *грибйавны* (искон. лит. *тишакъявны*) «собирать грибы», *ласкобай* (от рус. *ласково баять*) в зн. «ласково говорящий», *баклашка* «дикая клубника», *закрыл'и в триццатом году* (лит. *пöдналісö тридцатой годдэзö*) и др., позволяють судить о нескольких позициях; во-первых, наблюдается активное смещение исконных слов заимствованными лексемами *шиповн'ик* (вм. искон. лит. *жельнөз*); во-вторых, заимствуя русское слово, сохраняется исконное словообразование (*грибйавны*, где к русской корневой морфеме добавляется коми-пермяцкий отглагольный словообразовательный суффикс *-ав*); иногда при заимствовании сохраняется непривычный фонемный состав слова (*баклашка* «дикая клубника», в диалекте нет фонемы [л], а заимствованный лексический диалектизм его транслирует) и др.

Ареал распространения диалекта богат интересным лингвокультурологическим материалом. Предлагаем интересный контекст, связанный с похоронным обрядом. *Н'имвун вунö куёмсö озö дзэбö //* ...вил'пас'көмö иг пас'тöтö / ос туй // ...көт' гывйышны коо вил'сö (лит. *Нимлун лунö кулёмсö озö дзебö. ...Виль паськөмö эг пасьтöтö, оз туй. ...Көт' гывйышны колö вильсö*) «В день рождения нельзя мертвых хоронить. ...В новую одежду мы не стали одевать, нельзя. ...Хоть сполоснуть надо новую (одежду)». Однако тема, связанная с этнической культурой и языком, является уже отдельным исследованием.

Таким образом, нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, обладая интересными ареальными явлениями и сохраняя выявленные ранее фонетико-грамматические особенности, характеризуется существенным влиянием со стороны соседнего кудымкарско-иньвенского диалекта и, возможно, литературных норм.

Внешняя «оболочка» слова меняется в силу активного выпадения звуков (как гласных, так и согласных), что приводит к изменению грамматической формы лексемы. Эти и другие диалектные особенности языка нижеиньвенцев нуждаются в детальном изучении.

Литература

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 251 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 167 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 205 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва–Гамбург, 1995. 197 с.
- Баталова Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: научный доклад, представленный в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1998. 70 с.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва–Гронинген, 2002. 168 с.
- Ботева Е. В. Характеристика иньвенского диалекта и методика преподавания коми-пермяцкого языка в IV–VI классах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1961. 14 с.
- Кривошекова-Гантман А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951. 12 с.
- Кривошекова-Гантман А. С. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка // Ученые записки кафедры русского и иностранных языков (Пермский государственный педагогический институт). Вып. 17. Пермь, 1958. С. 123–140.
- Кривошекова-Гантман А. С. О переходе Л в В и чередовании В с нулем звука в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. М.–Л., 1962. С. 212–218.
- Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры: учеб. пособие. Пермь, 1980. 69 с.
- Кузнецов П. С. Судьба твердого л в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка // Сборник «Памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951. С. 188–190.
- Лобанова А. С. Коми-пермяцкая диалектология. Фономорфологические изменения в коми-пермяцких диалектах: учеб. пособие. Пермь, 2002. 65 с.
- Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. 128 с.
- Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
- Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М., 1931. С. 14–32.

А. С. Лобанова
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН
г. Пермь

**Одежда коми-пермяков как один из знаков
символической картины мира народа:
этнолингвистический аспект¹**

Одежда – один из ведущих элементов этнической культуры. Помимо своего основного назначения, одежда является выразителем национальной принадлежности, она тесно связана с историей и культурой народа. Смысловая и символическая нагрузка коми-пермяцкого народного костюма или элементов одежды еще не получили должного научного исследования, что позволяет говорить об актуальности данного исследования. Народные вербальные сокровищницы: пословицы, устойчивые сравнения, фразеологизмы, народные загадки и частушки считаются тем материалом, на основе которых можно «нарисовать» семасиологический «портрет» того или иного элемента одежды. Сохранившиеся обряды и ритуалы, предписания и запреты, приметы, фольклорные тексты, в которых «принимают участие» одежда или ее детали, – это те контекстуальные мотивационные элементы, позволяющие выстроить связь между образом и символом, между закономерностью и значимостью, связанными с одеждой, показать ее место в наивной картине мира народа.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования одежды и обуви, семантико-мотивационный анализ, этнолингвистический анализ.

Коми-пермяцкая народная загадка:
*Õрын ниртасõ-ниртасõ, вадõрын вартласõ-вартласõ,
лабичын нõитасõ-нõитасõ, а сылõ абу зубыт (паскõм).*
«В корыте трут-трут, у реки быют-быют,
на лавке мнут-мнут, а ей не больно» (одежда).

Традиционный народный костюм коми-пермяков неоднократно привлекал внимание исследователей. Среди них были специалисты-этнографы, лингвисты и даже археологи. Историография темы за последние полтора столетия насчитывает десятки источников и публикаций [Рогов 1860; 1869; Теплоухов 1916; Белицер 1958; 1971; Грибова 1980;

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

Климова 1995; Альбом-каталог 2006 и др.]. В то же время тема настолько обширна и интересна, что вновь появляются поводы браться за новые размышления. В списке наших публикаций также есть несколько работ, посвященных наименованиям одежды [Лобанова 2008; 2013; 2014; 2015]. Общему обзору общепотребительной и диалектной лексики коми-пермяцкого языка по тематической группе «одежда» посвящена наша статья «Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков», написанная в соавторстве с А. В. Черных (2014). В ней подверглись анализу общие номинации одежды, наименования головных уборов, плечевой и поясной одежды, верхней одежды и обуви. Лингвистические материалы демонстрируют бытование достаточно развитой и, что интересно, вариативной терминологии одежды. «Лексика традиционного костюма дает обширный материал для ареальных исследований диалектной речи, этимологических изысканий, изучения межэтнических контактов народов Урала» [Лобанова, Черных 2014: 24].

Одежда – один из основных элементов этнической культуры. Ей свойственны изменчивость и традиционность. С одной стороны, она может стремительно меняться (дань моде надо соблюдать), с другой стороны, одежда на протяжении не одного столетия может сохранять древние черты в покрое, украшениях, названиях. Получается, что она, выполняя свое основное назначение, является еще и выразителем национальной принадлежности и, следовательно, теснейшим образом связана с историей народа, его материальной и духовной культурой. Смысловая и символическая нагрузка коми-пермяцкого народного костюма или отдельных элементов одежды еще не получили должного научного исследования, что позволяет говорить об актуальности обозначенной проблемы.

Лексико-грамматическое поле «одежда» для любого языка представляет сложный и очень глубокий пласт в лексической системе. Особенностью бытования лексики традиционного костюма коми-пермяков является значительный пласт русской лексики. Это обусловлено, прежде всего, активными межэтническими контактами двух народов на протяжении многих столетий. Формирование в регионе единого комплекса материальной культуры, проявившееся в формах хозяйствования и орудиях труда, усадебном комплексе, жилище, не могло не отразиться на традиционном костюме [СРГКПО 2006]. Сравнение костюмного комплекса коми-пермяков XIX – начала XX в. показывает его существенную близость севернорусскому костюмному комплексу, нежели одежде средневекового финно-угорского населения региона [Крыласова 2001; 2007]. В первую очередь, как отмечают исследователи, были восприняты женские головные уборы на твердой основе, прежде всего, кокошники [Теплоухов 1916; Чагин 1995: 309–310], а также плечевая одежда – разные варианты сарафана. Для их наименования в коми-пермяцком языке

используются, как правило, заимствованные термины. Среди наименований мужских головных уборов также нет исконных вариантов: *шапка*, *фуражка* (фон. *курашка* или *пурашка*), *шляпа*, *кепка*, уст. *малахай* и др., что, казалось бы, противоречит объективной реальности, поскольку суровые условия проживания подразумевают наличие такого предмета как шапка. Одним словом, новые предметы одежды проникали в коми-пермяцкую среду вместе с русскими терминами. Хотя иногда коми-пермяки старались придумать новые слова на основе родного и заимствованного компонентов. Так, на севере округа валенки могут до сих пор называть лексемой *гынсапӧг* (букв. «войлочный сапог») [Голева и др. 2011: 110]. А в XIX столетии (судя по работам Н. А. Рогова) пермяки пользовались лексемой *пеляшапка* (букв. «шапка с ушами») для обозначения малахая [Рогов 1869: 278]. В приведенных примерах коми-пермяцкая часть (*гын* «войлок», *пеля* «с ушами, ушастый») выступает в качестве определения-уточнения, а русская (*сапӧг* < *сапог*, *шапка*) – реализует вид одежды.

Первичная и вторичная номинации наименований одежды. По одежде довольно легко определить социальный статус человека, его материальный достаток, а иногда по нему можно попытаться обозначить характер человека. Вот поэтому многие лексемы, обозначающие это семантическое поле, постепенно приобрели образность и символизм. Отметим, что в коми-пермяцкой лингвокультурологии наиболее широким и выразительным коннотативным спектром обладают такие единицы одежного кода, как *нинкӧммез* «лапти», *вешьяннэз* «штаны», *кеписсез* «варежки» и др.

Образные лексемы закрепились в народном сознании, вошли в образные вербальные выражения и тексты, служат маркерами культурных составляющих. Такие фразеологизмы, как *быздӧм дубас* (букв. «распустившийся дубас»), *бырӧм вешьян* (букв. «износившиеся брюки»), *вешьянтӧм морт* (букв. «человек без штанов»), характеризуют материальные возможности человека: приведенные устойчивые выражения указывают на бедность, отсутствие возможности обновить гардероб. Плохое качество одежды, ее сильная изношенность или отсутствие указывают на сложности в приобретении новых вещей. Качественные характеристики одежды связаны с *дубасом* и *штанами*, вещами, которые значимы и обязательны в ежедневной жизни; вещи, которые в первую очередь оцениваются глазами. Заметим, что язык обозначил данную смысловую нагрузку как для женщин, так и для мужчин.

На недостаточную обувь, ее непригодность или обыденность у стесненного в средствах человека также могут указывать устойчивые выражения с соответствующими наименованиями: *бырӧм нинкӧм* (букв. «износившийся лапоть»), *резьдӧм отопки* (букв. «распустившийся отопок»). Неприглядная обувь может сопровождаться и одиночными, отрицательно

коннотированными лексемами: *тюни, чуни, чушни, отопки, чакчури* (*Магазинас чакчуриэз вайомась* в зн. «в магазин привезли не очень хорошую обувь»). Отметим, что все лексемы иноязычного происхождения. Зачастую при заимствовании, оставаясь в семантическом поле «обувь» они стали обозначать либо другой вид обуви, чем их первоначальное значение, либо приняли дополнительную стилистическую окраску, как правило, с отрицательным контекстом. Так, *чакчури* в языке коми-пермяков обозначает всю некрасивую, некачественную обувь. Первоначальное значение данного слова и его этимология у В. Даля и М. Фасмера немного разнятся. Если В. Даль под словом *чакчуры* принимает «женскую обувь пониже котов» [Даль 1882: 581], то М. Фасмер под словом *чакчуры* (*чахчуры*) понимает «высокие башмаки у крестьянок» [Фасмер 1996: 312]. Но что объединяет слова *тюни, чуни, чушни, отопки, чакчури*? То, что обувь с этими наименованиями изготовлена, как правило, в домашних условиях, следовательно, не все они достойного качества и не всегда соответствуют требованиям внешней красоты, отсюда и возникает отрицательная коннотация.

Реализуется ли в языке семантика богатства наименованиями одежды? Да, безусловно. О богатом одетом человеке скажут: *волькыта пасьтасьём* (букв. «гладко одет»), выражение соотносится с русским фразеологизмом «одет с иголочки». *Но и волькыта пасьтасьёмыт тэ* (букв. «Ну и гладко (хорошо, богато) ты одет»). Активно в использовании выражение *паськёмыс вывтас чегё* (букв. «одежда на нем (на ней) ломается»). Оно тоже близко к русскому варианту «одет с иголочки». *Паськёмыс Егорлөн вывтас чегё, свиттялёны лаковой сапоггез, юрси кыдз виа бордён малыштём* (букв. «Одежда на Егоре ломается, сверкают лаковые сапоги, волосы будто масляным пером смазаны») (М. Лихачев). Заметили, что в приведенных выражениях нет конкретизации в одежде: все в одежде должно быть ладным, новым, достойным. Оппозиция бедность – богатство с конкретизацией одежды или обуви выступает и в народных пословицах. *Нинкём сапоглё не пара* (досл. «Лапоть сапогу не пара»), *нинкём чаркилё абу ёрт* (досл. «Лапоть чарке (старинные кожаные башмаки) не товарищ»). Вот в них лапти, как конкретный вид обуви, реализуют мотив бедности, а сапоги и кожаные башмаки – мотив достатка. Коннотативные спектры наименований сапог и чарки в коми-пермяцкой паремиологии практически всегда сопровождают семантику достатка, добротности, привлекательности, и только народная частушка опровергает это мнение.

*Подён Перемёдз ме муні,
Да нинкёммез бырёті,
Сьёд чаркиэз ме кёмалі,
Карагайёдз тырмисё.*

Пешком до Перми я дошла,
Да лапти изнасила,
Черные чарки я обула,
До Карагая их хватило.

Контекст частушки раскрывает, что качество женской кожаной обуви (чарки) в два раза ниже качества лаптей, поскольку их хватило лишь на полдороги.

Образу лаптя (*нинкѡм*), составлению его семасиологического «портрета» обращаются многие исследователи. Очень интересным и детальным оказался «портрет» в диссертационной работе «Ассоциативно-дери-вационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции» А. В. Тихомировой (2013). Исследовательница выделяет массу мотивов и образов: повседневность, неаккуратный вид, несовместимость с богатством, межличностные и семейные отношения, старость, отношение к крестьянству, глупость, невежество, грубость и т. д. [Тихомирова 2013: 28–58]. Материалы коми-пермяцкого языка, к сожалению, не демонстрируют такого широкого спектра образов, тем не менее, наш «портрет» лаптя (*нинкѡм*) тоже интересен. В одной из наших статей отмечено: «лапоть (*нинкѡм*), если нарисовать его семасиологический портрет с учетом более широкого паремиологического материала, транслирует такие реалии как дом, родная сторона, что-то свое, надежное, доступное. Явных отрицательных коннотаций лапоть в языке коми-пермяков не вызывает. Мотивы глупости и невежества, так часто встречающиеся в русской лингвокультурологии, по отношению к лаптю, в коми-пермяцком материале не встречаются» [Лобанова 2015: 222]. Мотивы парности, передвижения, доступности и простоты в изготовлении, надежности, большого размера, несимпатичности, реализующиеся через устойчивые сравнения, фразеологизмы, пословицы и поговорки, частушки, загадки, позволяют составить вполне приличный «портрет» лаптя (*нинкѡм*).

Таким образом, раскрывая вторичные номинации наименований одежды в языке коми-пермяков, выявляя их мотивационные признаки, можно утверждать, что внешние признаки одежды и обуви, их функциональный аспект, добротность и доступность влияют на активность механизма возникновения метафорического переноса. На образование вторичных значений «одежных» наименований, оказывается, значительную роль играет их расположение в костюме: наименования, относящиеся к нижней части (*нинкѡм* «лапоть», *чарки*, *вешьян* «штаны», *дубас*, *сапог* и др.) являются наиболее активными в плане получения дополнительной коннотации, чем наименования одежды, связанные с верхней частью одежды.

Культурная значимость одежды находит свое отражение и в обрядах, в различных предписаниях или запретах. Безусловно, это важнейшее направление народных традиций, до сих пор хранящееся в памяти народа и реализующееся в нужное время и в нужной ситуации, заслуживает от-

дельного исследования. На акциональном и ментальном уровнях очень много общих культурологически значимых моментов, связанных с ролью одежды, с севернорусскими и другими финно-угорскими традициями. Заблудившийся в лесу грибник искренне верит, что найдет дорогу домой, если вывернет одежду наизнанку. Наизнанку одетая рубашка в бане должна в таком виде носиться до следующей стирки. Сильным оберегом считался мужской пояс – кушак: чаще как противостояние нечистой силе. Ни в коем случае не следует крутить шапку – голова закружится, заболит. Собираясь в дальнюю дорогу, не следует переодеваться несколько раз, иначе дорога не получится. Надевая платок на голову, женщине надо обратить внимание, чтобы меньшая часть платка не оказалась сверху. Иначе можно услышать насмешки, связанные с интимными отношениями.

Одеждой можно было навести порчу, она же могла нести и защитную функцию.

Очень часто одежда (или элементы одежды) играет знаково-символические функции. Самой содержательной здесь является похоронно-поминальная обрядность. Самым сильным защитником, и особенно в судебных делах, является одежда, в которой человек умер. В некоторых семьях она хранится в доме как общий оберег. В народе существует убеждение, что нельзя надевать на усопшего нестиранную одежду (хоть раз, но одежду надо постирать). Обязательное наличие одежды умершего в доме до сорока дней, причем домашние очень тщательно отслеживают ее состояние: не шевельнулась ли, не упала ли. Одаривание одежды умершего после сорока дней.

Таким образом, народные вербальные сокровищницы: пословицы, устойчивые сравнения, фразеологизмы, частушки и загадки; а также знаковые системы, такие как обряды, ритуалы, фольклорные тексты, в которых «принимают участие» одежда или ее детали, – все вместе позволяют собрать всю мозаику традиционной культуры, связанную с костюмом коми-пермяков.

Литература

Альбом-каталог 2006 – Альбом-каталог коми-пермяцкого национально-го костюма: из собрания Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. 88 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. М., 1958. 390 с. (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 45).

Белицер В. Н. Финно-угорские народы Европейского Севера // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начала XX в.). М.: Советская Россия, 1971. С. 260–287.

Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупинцы: история, культура, язык: этнолингвистический сборник. Пермь, 2011. 244 с. (Труды Института языка и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII).

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. 239 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Цитадель, 1882. 683 с.

Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1995. 132 с.

Крыласова Н. Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. 260 с.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007. 352 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования. Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2008. 188 с.

Лобанова А. С. Наименования одежды в языке коми-пермяков. Ареальный и функциональный аспект // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: сб. науч. ст. Сыктывкар, 2013. С. 72–80.

Лобанова А. С., Черных А. В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39.

Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. Пермь, 2015. С. 218–223.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2, отд. 2. С. 1–127.

Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. 421 с.

СРГКПО 2006 – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

Теплоухов А. Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. Пермь, 1916. С. 122–137.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. 3-е изд., стереотип. СПб., 1996. 861 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995. 364 с.

Отрицательные предложения в коми языке

В статье анализируются отрицательные предложения коми языка, определяется их роль в коммуникативном процессе. Особое внимание уделяется языковым средствам выражения общего и частного отрицания. Рассматриваются различные типы предложений с отрицанием (бытийные, биноминативные, вопросительные, инфинитивные, обобщенно-личные и т. п.), выявляется зависимость средств выражения отрицания от типов главных членов предложения, типов синтаксических конструкций. Определяется роль отрицательных предложений в реализации субъективно-модальных, оценочных значений, выявляются вторичные функции отрицания. Во всех случаях акцентируется семантическая сторона отрицательных синтаксических структур. В качестве иллюстративного материала привлекаются тексты художественной литературы и фольклорные произведения.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, общее и частное отрицание.

Бесконечно разнообразный мир, окружающий человека, все его материальное и духовное богатство, ценности, величие и красота природы, самой жизни находят отражение в языке. Исследователи подчеркивают, что «в речи получает выражение все содержание жизни человека, все представление, об окружающем его мире, о предметах, категориях и связях действительности, наблюдаемых и осмысляемых, обобщенных и расчлененных так или иначе национальным языковым сознанием...» [Золотова и др. 1998: 36]. С целью выражения самых различных коммуникативных задач субъекта речи во всех языках имеются многообразные синтаксические конструкции. Их выбор зависит от конкретных условий коммуникации и целей говорящего. Для сообщения о предметах, их признаках, событиях, явлениях, действиях, имеющих место в окружающей действительности, коммуникант выбирает утвердительные предложения. Однако в силу различных объективных или субъективных причин, обстоятельств, условий, при определенных временных рамках какие-либо предметы, лица, живые существа, объекты природы, их признаки, состояния, события, явления могут отсутствовать, действие не совершаться, поэтому в процессе речи важным является не только утверждение, но и отрицание наличия в объективной действительности некоторых предметов, признаков, событий, пребывания лица, природы в некотором

состоянии, выполнения каких-либо действий. Эти значения передаются при помощи категории отрицания, сущность которой имеет «колоссальное значение <...>, с синтаксической точки зрения (это значение) сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории создается отрицательно» [Пешковский 2001: 386].

Известно, что отрицаться может само действие, событие, связь содержания предложения с реальной действительностью или лишь часть сообщаемого: субъект, объект, время, место и т. д. В соответствии с этим выделяются конструкции с общим и частным отрицанием. Для реализации таких значений все языки выработали специальные способы, «свои экономящие, но и однозначные грамматические формы и средства» [Колшанский 1984: 51], в том числе и коми язык. В нем имеется богатый фонд различных средств для формирования семантики общего отрицания, т. е. для отрицания связи между сообщением в предложении и действительностью, связи между предметами и их признаками в реальном мире, отрицания действия, пребывания в каком-либо состоянии лица, живого существа, природы. В конструкциях с таким содержанием отрицательную форму принимает сказуемое, в котором заключено общее значение предикативного признака. К ним относятся отрицательные глаголы и частицы, причастия, деепричастия, имена прилагательные, маркированные отрицательными суффиксами, отрицательные местоимения и наречия [Лудыкова и др. 2000]. В коми языке оформление главного члена отрицательным элементом зависит от его структуры, способов выражения, семантики. Отрицание лексического содержания глагольного сказуемого выражается спрягаемым глаголом: *Тэ нинӧмысь он пов* [Юшков 1981: 63] «Ты ничего не боишься»; *Кык гожӧм вонас оз овлывлы* [Шахов 1989: 47] «В году не бывает два лета». Однако для отрицания действия, выраженного глаголом в форме перфекта, используются не отрицательные глагольные формы, а частица *абу* «не, нет»: *Дозмӧр да сюзь ӧтлайн абу на пукавлӧмаӧсь* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 149] «Глухарка с филином еще никогда не сидели вместе»; *Зэръяс бӧрын гудырыс абу на удитӧма пуксьыны* [Белых 1997: 65] «После дождей мусть еще не успела сесть». Об отрицании действия, относящегося не к моменту речи, а являющегося постоянным, вневременным, независимым от момента речи, сообщается в обобщенно-личных предложениях. В них на первый план выдвигается модальное значение невозможности выполнения действия: *Визувтӧм ватӧ он бергӧд* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 15] «Утекшую воду не вернешь»; *Вундӧм шӧрӧмтӧ бӧр он йит* [Там же: 152] «Отрезанный ломоть обратно не приставишь»; *Оти киӧн гӧрӧд он гӧрддзав* [Там же: 155] «Одной рукой узла не завяжешь».

В отрицательных императивных предложениях говорящий субъект предостерегает собеседника от выполнения какого-либо действия,

высказывает ему свое пожелание, совет, просьбу о его несовершении, именно на этом сосредоточивается коммуникативный фокус высказывания. Эта просьба всегда адресуется к одушевленному лицу, причем отрицание действия относится к будущему или настоящему времени: – *Эн усь! – горёдіс Вириня пиыслы* [Юшков 1981: 41] «– Не упади! – Крикнула Вириня сыну», однако исключением являются «вневременные конструкции»: *Мунігад кок пыдбснад мутё эн шонты* [Коми шусьогъяс да кывйёзъяс 1983: 30] «Когда идешь не грей ступнями землю».

Отрицательное значение может содержать утвердительное по форме императивное предложение с соответствующей интонацией: *Вот и эскы сэсса сылы* «Вот и верь потом ему, т. е. нельзя верить».

Особое место в системе общеотрицательных предложений занимают структуры с именными сказуемыми, при этом важным является, выполняют ли слова именных категорий предикативную функцию без связочных глаголов или же в сочетании со связками. В адъективных конструкциях с качественным предикативным именем прилагательным без глагола-связки значение отрицания реализуется при помощи частицы *абу* «не, нет». Они указывают на то, что определенным признаком, качеством лицо, предмет не обладает в момент речи, что субъекту речи в конкретной коммуникативной ситуации важно сообщение именно об их отсутствии, или сообщение о том, что отсутствие этих признаков, качеств является характерным для какого-либо лица, предмета, его постоянным свойством: *Луныс абу кёдзыд* «День не холодный»; *Да ми абу жё дзик йёйёсь* [Федоров 1979: 128] «Да и мы тоже не совсем глупые»; *Чужёмыс абу мича да сёрнитны сюсь* [Там же: 46] «Лицо некрасивое, зато речист». В конструкциях же, выражающих отсутствие предикативного признака предмета лица до или после момента речи составным именным сказуемым, используется отрицательный глагол: *Но оз шуда ло олёмыс таладор свет вылас...* [Белых 1997: 90] «Но не будет счастливой жизнь на этом свете».

Отметим, что лексема *абу* «не, нет» часто используется в биноминативных предложениях, в которых она сообщает об отрицании связи между предметами: *Морт сьёлёмыд абу галя* [Коми шусьогъяс да кывйёзъяс 1983: 34] «Сердце человека не камень»; *Олёмыд тай абу мойд* [Там же: 54] «Жизнь – не сказка»; *Ме вед абу барин, а уджалысь морт* [Шахов 1989: 58] «Я ведь не барин, а работающий человек».

Следует обратить внимание на то, что предложения полного тождества с общим отрицанием могут содержать значение субъективной оценки предмета речи, без использования оценочных слов: *Кёзяйкатёгыд и гортыд абу горт* [Федоров 1979: 159] «Без хозяйки и дом не дом».

В экспрессивной речи предложения с предикативным именем существительным в отрицательной форме могут содержать негативное,

субъективно-модальное значение: *Абу и морт ме*, – *шульвліс Прокопей* [Юхнин 1983: 54] «Ну и человек я (букв. я и не человек), иногда говорил Прокопий».

Лексема *абу* «не, нет» с целью выражения полного отрицания существования предмета, явления, события в объективном мире, природе реализуется также и в бытийных отрицательных предложениях: *А со ыд-жыд нимкодьлун абу* [Тимин 2000: 143] «А вот большой радости (букв. радость) нету»; *Гырысь карьяс гогөр вөрьяс абудьс* [Юхнин 1981: 85]; «Возле больших городов лесов нету»; ...*яндзымыс некутишом абу* [Федоров 1979: 117] «...никакого стыда нет». Однако об отрицании существования предмета до или после момента речи сообщает отрицательная форма экзистенциального глагола: *Карөдзыд көрт туйыс эз на вөв* [Белых 1997: 57] «До города железной дороги еще не было».

Частица *абу* «не, нет» указывает на полное отрицание физического или психического состояния лица, природы, среды, выраженного безлично-предикативными словами в роли главного члена в форме настоящего времени самостоятельно (а) или в сочетании с примыкающим инфинитивом (б) в безличных предложениях: (а) *Аслад пöлыдкөд съөд вөр шöрын абу гажтöм* [Коми шусьөгъяс да кывйөзъяс 1983: 154] «Со своей парой (женой, мужем) и в темном лесу не скучно»; (б) *Кыр воча абу кокни кыскыны карнан вылө öшлөм көлуйтө* [Белых 1997: 41] «Нелегко поднимать в гору коромысло с вещами». Однако при необходимости обозначения отрицания пребывания субъекта речи в каком-либо состоянии до или после момента речи используются отрицательные формы глаголов-связок прошедшего или будущего времени: *Оз ло кокни* «не будет легко», *эз вөв кокни* «не было легко».

В функции главного члена безличных предложений с дательным субъекта может быть (а) местоимение в форме терминатива, (б) сочетание местоимения в данной форме с наречием, (в) местоимение в этой форме со связкой. Синтаксические структуры с такими компонентами выражают состояние невозможности, не расположенности субъекта к действию или предмету: *Но талун меным не таөдз* [Белых 1997: 48] «Но сегодня мне не до этого»; *Ёна ылын сылы тэөдз. Но нывлы öнi вöлi не сыөдз* [Федоров 1979: 70] «Еще очень далеко ему до тебя. Но девушке сейчас не до него».

В определенной коммуникативной ситуации говорящему существенным представляется указание на пространство, место отсутствия предмета, поэтому в предложениях, кроме сказуемого в отрицательной форме, семантически необходимым бывает распространитель с таким значением: *Енэ-жыни ни öти кымөр чир абу* [Федоров 1979: 60] «В небе нет ни облачка».

Специфическими, характерными для коми языка являются синтаксические конструкции с относительными прилагательными с отри-

цательным суффиксом *-тõм* в роли организующего центра: *Вомыд каличтõм, кывйыд лытõм* [Коми шусьõгъяс да кывйõзъяс 1983: 136] «Рот без запора (букв. беззапорный), язык без костей (букв. бескостный)»; *Да и горттõмõсь на, би ни ва* [Юшков 1981: 25] «Да и дома еще нет у нас (букв. бездомные), ничего нет»; *Найõ айтõмõсь, и сйõ, Тикõ, айтõм* [Тимин 2000: 246] «У них нет отца, и у него, у Тихона, нет отца». Синтаксическими синонимами таких адъективных конструкций являются экзистенциальные предложения с отрицательным словом *абу* «не, нет» в роли сказуемого: *Найõ айтõмõсь и Налõн айыс абу* «У них нет отца».

Значение общего отрицания содержат и причастия с суффиксом *-тõм*, выполняющие предикативную функцию (а) самостоятельно или (б) в сочетании со связочными глаголами: (а) *Пачõй ломтывтõм. Понйõй вердлытõм* [Юшков 1981: 16] «Печь (моя) не топлена. Собака (моя) не кормлена»; (б) *Налимтõ бõжõдыс куттõм лõб* [Коми шусьõгъяс да кывйõзъяс 1983: 77] «Налима за хвост не поймаетшь (букв. будет непойманным)».

Общеотрицательное значение имеют и предложения с деепричастиями с суффиксом *-тõг*, в сочетании со вспомогательным глаголом *кольны* «оставаться», образующими его предикативное ядро. Они сообщают о том, что в силу каких-либо объективных причин, обстоятельств, независящих от субъекта, действие остается невыполненным: *Уна верõс тайõ асылõ коли сйõtõг* [Федоров 1979: 208] «Много мужей в это утро осталось не смогли поесть (букв. осталось не поевши)»; *На вõсна коли велõдчытõг* [Рочев 1983: 13] «Из-за них (я) не смог учиться (букв. остался без учения)».

Для реализации значения общего отрицания заметную роль играют инфинитивные предложения, являющиеся весьма продуктивными, активно развивающимися. На то, что по тем или иным причинам, при некоторых обстоятельствах, субъектах, действие не может быть совершено, указывает препозитивная отрицательная частица *не* «не». В таких синтаксических структурах коммуникант подчеркивает модальное значение невозможности выполнения действия: *Шырлы канькõд не венласьны* [Коми шусьõгъяс да кывйõзъяс 1983: 121] «Мышка с кошкой не может бороться (букв. не бороться)»; *А ме тйяны шуа: не сйлыны налы менсьым няньõс!* [Федоров 1979: 97] «А я вам говорю: не есть им моего хлеба».

Следует иметь в виду, что не всегда совпадает формальная и семантическая сторона предложения. В системе синтаксических структур выделяются конструкции, утвердительные по форме, но отрицательные по содержанию, в которых отрицательное значение формируется за счет особой интонации. Они характерны для экспрессивно окрашенной речи:

*Оз на мунны? – Мунасны, виччысь [Юшков 1981: 10] «Еще не уходят? – Уйдут (т. е. не уйдут), жди»; – Мун кытчö гажыд. – Муна кытчöкö, – нерыштöмön сетчис Ардальон. – Либö и чöv ов [Юшков 1981: 9] «– Иди куда хочешь. – Пойду куда-то (т. е. никуда не пойду, некуда идти), – передразнил Ардальон. – Тогда и молчи». Такое значение особенно часто наблюдается в предложениях с возвратными глаголами, сообщающими о модальном значении невозможности выполнения действия: *Öni мянöс татысь судзсьöма, да и корссьöма – некод эз аддзыв...* [Шахов 1989: 26] «Сейчас нас здесь никто не может найти (букв. досталось и нашлось) – никто не видел (куда мы ушли)...»; *Сылы öни сзсса нефтьö перйыссьöма нин...* [Шахов 1989: 30] «Он уже больше не сможет добывать нефть (букв. добылось ему)».*

Экспрессивно окрашенное отрицание может содержаться в вопросительном по форме предложении, используемом во вторичной функции, при которой целью говорящего является не получение новой информации, а ее передача собеседнику. Несмотря на то, что в них нет специальных слов со значением отрицания, они указывают на отрицание: *Кутийöм кыйсьысь зновчас татийöм дэльöдöм бöрад?* [Юшков 1981: 18] «Какой охотник бросит охоту после того, как так дразнили? (т. е. никакой охотник не бросит охоту)»; *Лысьтан öмöй, мед көть кыкысь геолог, веськыда шуны, кыв сетны, мый сэтöнтö эм нефть либö газ? Он лысьт* [Юшков 1981: 22] «Разве посмеешь прямо сказать, пусть хоть дважды геолог, что там есть нефть или газ. Не посмеешь». С помощью вопросительных слов, особой интонации такие вопросительно-отрицательные предложения выражают различные модальные значения: невозможность, нецелесообразность выполнения действия, отрицательного ответа на вопрос, отказ.

Очевидно, что во многих случаях в процессе коммуникации существенным является отрицание не самого события, действия, а лишь какой-то его части: определенные временные рамки, место, качество, условия совершения действия, пребывания субъекта в определенном состоянии, сам субъект, объект, непредикативный признак предмета и т. д., такое отрицание является неполным, для его выражения в языке получили развитие **частноотрицательные предложения**, в которых отрицательную форму может принимать любой компонент, кроме сказуемого. В целях реализации такого отрицания имеются специальные средства: некоторые падежные формы имени существительного, служебные слова, слова с отрицательными суффиксами. К примеру, значение отрицания объекта действия выражают имена существительные в форме **абессива**: *Бордтöг этша лэбалап* [Кочи шусьöгыс да кывйöзьяс 1983: 33] «Без крыльев не летаешь»; *Битöг тшын оз овлы* [Там же: 21] «Не бывает дыма без огня». Такое выражение неполного отрицания характерно и для

удмуртского языка: *Мунчотэк эмез уз луы, пие* «Без бани пользы не будет, сынок» [Кондратьева 2011: 135].

Употребительными являются предложения с обстоятельственными распространителями, в роли которых выступают деепричастия с суффиксом *-тӧг*, сообщающие об отрицании дополнительного действия, без которого совершается основное действие, названное в глагольном сказуемом [Лудыкова 2012: 127–128]: *Петук съывтӧг асылыд воас* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 19] «Утро приходит и без пения петухов»; *Водзӧ туйӧ мӧдӧдчисны нюжмасьтӧг* [Шахов 1989: 29] «Дальше в дорогу отправились, не задерживаясь»; *Петисны туйӧ манитчытӧг* [Там же: 72] «В дорогу вышли, не задерживаясь»; *Педьӧ керкаяс дорас сувтлытӧг лӧччис ва дорас* [Там же: 53] «Педьо, не останавливаясь возле домов, спустился к реке».

В соответствии с задачами говорящего субъекта при помощи отрицательной частицы *абу* может отрицаться количество, мера, степень проявления признака, состояния, действия, может выражаться неполная степень качества предмета, действия, состояния: *Сійӧ абу уна кывъя* [Белых 1997: 59] «Она немногословна»; ...*дыр вольтӧм бӧрын кажитчис, <...> кыддза-пиуа раскыс быттьӧ абу ёна сылы нимкодъ мекӧд паныдасьӧмысь* [Там же: 44] «...после долгого отсутствия казалось, что березово-осиновая роща не очень рада встрече со мной»; *Мича оз тусь вӧсна муыслы не ӧтчыдысь копыртчылан* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 19] «Из-за красивой землянички не раз поклонисься».

В процессе коммуникации для формирования смыслового содержания высказывания субъекту речи необходимым бывает сообщение об отрицании непредикативного признака, качества предмета, в этом случае отрицательную форму принимает атрибутивный член, в функции которого могут быть (а) дескриптивные относительные прилагательные, (б) причастия, оформленные отрицательными суффиксами: (а) *Нэм чӧж лои пельытӧм пыжӧн ветлыны* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 130] «Всю жизнь пришлось плавать на лодке без весел (мыкать горе)»; *Пыстӧм ем дон оз сулав* [Там же: 43] «Не стоит и иголки без ушка (Ломаного гроша не стоит)»; (б) *Бӧрдтӧм кага оз овлы* [Там же: 168] «Не плачущего ребенка не бывает»; *Шедтӧм кӧчтӧ сьӧкыд кыйны* [Там же: 24] «Зайца, который не ловится, трудно поймать». Отрицательное значение причастиями на *-мтэ*, *-тэм*, *-онтэм* / *-нтэм*, *-исьтэм* / *-сьтэм* в атрибутивной функции, семантически близких к основным значениям лишительного падежа, выражается и в удмуртском языке: *Оскисьтэм мурт ачиз осконтэм луэ* «Человек, который не верит другим, сам превращается в человека, которому не доверяют» [Кондратьева 2011: 138].

Значение отрицания атрибутивных качественных прилагательных выражается частицей *абу* «не, нет»: *Тані и помассьё сылён (юлён) абу кузь, но ээ ёна пессян-корсьёсян туйыс* [Белых 1997: 36] «Здесь и заканчивается ее (у реки) не длинная, но очень трудолюбивая-ищущая дорога».

Своеобразие коми языка состоит в том, что в частноотрицательных предложениях на отрицание объекта, субъекта, способа совершения действия, места, некоторой временной рамки, степени действия или качества, способны указывать отрицательные глаголы. Они располагаются в препозиции по отношению к отрицаемому слову и сообщают не только об отрицании, но и имеют значение времени, лица: *А бать-мам эз озыра овны* [Белых 1997: 17] «А родители не богато жили»; *Од эз этиша найё аддзывны олёмсьёс бурё и лёксё* [Там же: 84] «Ведь немало они видели в этой жизни и хорошего, и плохого»; *Но эг вотёсла талун лок татчё* [Там же: 75] «Но не за ягодами сегодня (я) пришел сюда»; *Эг ёти гождём кывтлы-катлы Эжва кузя...* [Там же: 14] «Не одно лето я плавал вверх и вниз по Вычегде...».

В экспрессивно окрашенной речи распространенными являются вопросительные предложения, в которых общее и частное отрицание выражается лишь при помощи интонации, некоторых эмоциональных частиц, без использования специальных лексических средств: – *Владимир Николаевич, кызди нё крам божей позьё тупкыны?* [Федоров 1979: 96] «– Владимир Николаевич, как же храм божий можно закрыть?»; – *Коді гижёма? <...> – А ме тёда?!* [Там же: 68] «– Кто написал? – А я знаю?!» (т. е. не знаю); – *Са-арлы паныд?! Кызд нё позьё сарлы паныд сувтны?* [Шахов 1989: 32] «Против царя?! Как же можно против царя выступать?»; *Мый мейсь повнысё? Абу од шыш* [Юшков 1981: 19] «Что меня бояться? Ведь не вор (бродяга)». Такие утвердительные по форме предложения являются отрицательными по содержанию, вопросы предполагают отрицательные ответы.

Отрицательное значение всего высказывания существенно усиливается при использовании нескольких слов с отрицательным значением, когда в рамках одного предложения отрицается его основа и другой какой-либо компонент, называющий объект, субъект, время, место действия, признак предмета: *Ме тайёс некор оз вунёд* [Шахов 1989: 57] «Этого я никогда не забуду»; *Ас сиктыд некор оз вун* [Белых 1997: 94] «Родная деревня никогда не забудется»; *А сійё бөрья гождёмнас ми некытчё нин эг ветлё* [Там же: 94] «А в то последнее лето мы никуда уже не ездили»; *Ытва некод на абу пыклёма* [Коми шусьёгъяс да кывйёзъяс 1983: 15] «Половодье никто еще не удерживал»; *Некодыр тай оз пет шонді рывывывьянь* [Там же: 2] «Никогда еще не всходило солнце с запада».

Значение отрицания высказывания усиливают и повторяющиеся отрицательные союзы: *Ольёш кымис ёшинь дорё: ни горёсны, ни вешыны*

сэтысь эз вермы [Юхнин 1983: 49] «Ольош застыл возле окна: ни крикнуть, ни отойти от него не мог»; *Ольош эз эскы ни синъяслы, ни пельяслы* [Там же: 49] «Ольош не верил ни глазам, ни ушам»; *Ни челядьлөн бёрдём, ни Любалён горзём делёсё сувтёдны эз вермыны* [Там же: 57] «Ни плачь детей, ни крики Любы не смогли остановить дело»; ...*со мыйкё чурвидзё-сулалё. Абу керка ни, абу зверь ни. <...> Вёлмкё, турун зорёд сулалё* [Белых 1997: 81] «...что-то стоит-возвышается. И не дом, и не зверь. Оказывается, стог сена стоит».

Таким образом, для раскрытия различных коммуникативных задач говорящего субъекта одно из центральных мест в синтаксической структуре языка занимают конструкции с общим и частным отрицанием. В коми языке в целях выражения этих значений имеется особый фонд, в который входят отрицательные глаголы, частицы, местоимения, наречия, имена прилагательные, причастия, деепричастия, маркированные отрицательными суффиксами.

Литература

- Белых И. Ёйы, менам бипурёй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 191 л. б.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
- Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Коми шусьёгъяс да кывйёзъяс = Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 208 л. б.
- Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 256 с.
- Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Федунева Г. В., Цыпанов Е. А. Ёния коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. 544 с.
- Лудыкова В. М. Глагол в предложении коми языка. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2012. 238 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.
- Тимин В. Эжва перымса зонка. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. 254 л. б.
- Федоров Г. Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 445 л. б.
- Шахов Б. Гёрд дзоридзьяса съёд шаль. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 287 л. б.
- Юхнин В. Алёй лента. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 456 л. б.
- Юхнин В. Диньёльса вöрпункт. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 176 л. б.
- Юшков Г. Чугра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 415 л. б.

Тамара Ивановна Тепляшина – бесерман кылтэз эскерись

Т. И. Тепляшина – видный удмуртский лингвист. Ученого привлекали различные направления удмуртского языкознания, однако наибольший вклад она внесла в изучение удмуртских диалектов, уделив особое внимание языку бесермян. Монография «Язык бесермян» занимает ведущее место в ее исследовательской деятельности. Полевые материалы Т. И. Тепляшиной были использованы в ее работах далеко не полностью, но сотрудниками УИИЯЛ ведется планомерная работа по обработке и публикации ее лингвистического наследия.

Ключевые слова: Т. И. Тепляшина, удмуртский ученый-лингвист, язык бесермян, рукописная картотека, лексика.

Т. И. Тепляшина.
Март 1987 г.
НА УИИЯЛ УдмФИЦ
УрО РАН.
Ф. 17. Оп. 1. Д. 128

Тамара Ивановна Тепляшина бесерман кылтэн валтйсь эскерисез луэ. Со удмурт кылчи, кылосбур тодосъёсья кандидат, кудйз ог 120 пала тодос уж поттйз; соос пöльсь куинез монография луэ. Тодосчилэн нимыз туж юн герзаськемын удмурт кылтодонэн: со диалектология, ономастика но гожтэм синпелетьёсты эскерон удысьёслы выльысь улзыны но азинскыны кичёлтон сётйз.

Т. И. Тепляшина вордйськиз 1924-тй арын 9-тй южтолэзе (мартэ) туалэ Удмурт Элькунлэн Дэбес ёросэзлэн улосвылысьтыз Пичи Кизьна гуртын (со вакытэ Урал улосысь Пермь округе пыре вал). 1931–1934-тй аръёсы вордскем гуртысьтыз покчиёзо школаын дышетскиз, 1934–1937-тй аръёсы – Удмурт Лёым сизьым классьем школаын, кудзэ йылпумъяса, Ижкаре кошке, кытын ужаса улэ но огдыре ужась егитъёслэн школаязы дышетске. 1941-тй аре Удмурт педагогика институтлэн литература факультетаз дышетскыны пыре. Но 1942-тй арын ини толсуртолэзе (декабре) 18 аресъем нылмурт фронтэ кошке но вань войнаез зенитчица луыса ожмаськыса потэ. Ожгар

бырем бере, вылй дышетскон басьтыны мылкыдыз солэн уг сйя: 1946-тй арын куарусёнэ (сентябре) со Ленинград университетсыс чукпал (восточной) кылъёсыя факультетлэн финн-угор ёзэтаз пыре.

1949-тй аре, «Из истории спряжений пермских языков» нимо диплом ужэз утыыса, со университетсэ йылпумъя но Ижкарэ бертэ. Татын, Удмурт АССР-ыс Министрьёслэн Кенешсы бордыс Удмурт тодос эскеронъя институтын покчи тодос ужась луыса кёня ке дыр чоже зуч-удмурт кыллюкам [РУС 1956] лэсьтон бордын ужа. Жоген Т. И. Тепляшиналы СССР-лэн Тодосъёсыя академиезлэн Кылтодонъя институтэзлэн аспирантэз луыны «шуд усе».

1952–1955-тй аръёсы В. И. Лыткин тодмо финн-угор тодосчилэн кивалтэм улсаз со гожтэ но азинэс уте «Тыловайский диалект удмуртского языка» нимо кандидат диссертацизэ. Азыланаз вань ужаса улонэз солэн герзаськемын вал СССР-ыс Тодосъёсыя академилэн Кылтодонъя институтыстыз финн-угор кылъёсыя сектореныз, кудаз со 1959-тй арысен кутскыса пенсие потытозяз тыршиз [Христоробова 1997: 346–347; Кельмаков 2009: 3–4; 2009а: 11–12].

Т. И. Тепляшинаез удмурт кыллэн пöртэм удысёсыз ас бордазы кыско вал, озыы ке но со диалектёсты эскерон бордын тужгес но трос тыршиз. Ас вордскем тыловай вераськетэзлы диссертацизэ сйземез сяна, солы тунсыко вал пöртэм палан улйсь удмуртёслэн вераськон сямъёсы – кызыы ке уйпал но шор ёросъёсын улйсьёслэн, озыы ик лымшор (соос пöлын ик «тупал») удмуртёслэн.

«Язык бесермян» монографияез [Тепляшина 1970д] Т. И. Тепляшиналэн тодос удысын тыршем вакытаз тужгес но валтйсь инты басьтэ. Пусъем уж 1961–1966-тй аръёсы пöртэм пала интыяськем 13 гуртыс бичам бесермантьёслэн кылзы-бурзы (речь) вылэ пыкъяськыса но гожтэм ошмессинъёсты (письменной памятникъёсты) сэрттыса-пертчыса гожтэмын [Отын ик: 285–286-тй б.]. Та монографийын бесерман кыллэн фонетика но морфология ласянь аспöртэмлыкёсыз нырысьсэ пыр-поч эскеремын, удмурт диалектёсын но тюрк кылъёсын чошатыса. Отын возматэмын кылъя туж паськыт материал, уката ик лексика ласянь узырлык но фонетика ласянь аспöртэмлык. Бичам материалзэ сэрттыса-пертчыса, автор йылпумян лэсьтэ, бесермантьёс булгар выжыысь калыклэсь кылдэмын шуыса. В. К. Кельмаков кылосбур тодосъёсыя доктор та уж сярысь тазыы вера: «благодаря добротному фактическому материалу эта книга навсегда вошла в “золотой фонд” удмуртского языкознания, принесла радость не только автору, но и для всех нас и составляя взлет в научном творчестве Т. И. Тепляшиной в области диалектологии» [Кельмаков 2009: 7–8; 2009а: 14–15].

Тодосчилэн монографияезлы финн-угор удысысь кылчиос туж вылй дунъет сётйзы. Соин валче ик рецензентёс трос гинэ тырмымтэоссэ

пусйизы, кудьёссэ нырысь ик шедьто историко-фонетической но этногенетической реконструкциосысьтыз. Пöртэм пумо ортчем мынэтъёсты (процессъёсты) автор ём дырря муг лугтэк но, пе, тюрк субстратэн герза (та сарысь пыр-почгес учкелэ выль пусьем ужъёсысь).

Гуртъёсы потаса гождям-бичам бесерман кыл-бур (речь) выль верам монографиын гинэ öвöл, кылчилэн тросаз мукет ужъёсез но – тодос гождосьёсез, тезисъёсез, вераськон сямъёсты возматон (образцы речи) публикациосез инты шедьтызы. Вераломы соос пöлысь куд-огзэ: «Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободской диалект. Тыловайский диалект. Шошминский диалект» (1962), «Бесермянские термины, выражающие понятия “мать” и “отец”» (1966), «Словообразование в древних личных именах бесермян» (1969), «Становление бесермянских фамилий» (1969а), «Мена бесермянских шипящих и свистящих аффрикат палатальными согласными» (1970б), «Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян» (1971а) но мукет – ваньмыз 20-лэсь ятыр публикация, кудъёсыз меёак бесерман кыллы сйезмын яке кызы ке но соин герзаськемын.

Т. И. Тепляшина шöдскымон пыты кельтйз удмурт ономастикаез эскерон удысын но. Топонимикая, антропонимикая но этнонимикая со 30-лэсь трос уж поттйз [Библиография 2009; Кельмаков 2009: 10–11; Атаманов 1988: 108–109; 1990: 4]. Солэн куд-ог статьяосез, кылсарысь: «Материалы по бесермянской топонимике» [Тепляшина 1964], «Топонимы на -кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян» [Тепляшина 1970в], «Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян» [Тепляшина 1975а] – ёапак бесерман топонимикая ужпумъёс эскермын.

Тодосчилэн трос гинэ ужъёсыз сйезмын бесерман антропонимилы [Тепляшина 1969; 1969а; 1970; 1970а; 1971; 1971б; 1972; 1975]. Эскероно калыклэн этнонименыз герзаськем публикациосыз пöлы таёе ужъёс пыро: «О смешении терминов “чуваши” и “бесермяне” в письменных источниках» [Тепляшина 1968] но «Этноним *бесермяне*» [Тепляшина 1970г]. Тодос статьяос сян, кылчи озы ик «Антропонимические модели пермских языков» нимо огъяс (обобщающей) пуштрöсэн монография поттйз [Тепляшина 1978]. Верам ужын бичамын но эскеремын удмуртъёслэн но бесерманъёслэн, комиослэн но коми-пермякъёслэн XV–XVII дауръёсысь нимъёсы, атайнимъёсы, фамилиоссы но кушемнимъёсы, XX даурлэн кыкетй жыныз кутйськем нимтульёсын ёшошатыса.

Гуртъёсы потаса пöртэм диалектъёсыз бичам кылъя материалъёссэ Т. И. Тепляшина ас эскеронъёсез ваньзэ ик уже кутыны öз вуы. Солэн кылтодонъя кылёсз (наследиез): печатлатэк кылем кигожтосьёсыз, калыклэсь вераськемзэ гождямъёсын карточкаосыз – али дыре возисько РАН-лэн УрО-езлэн УдмФИЦ-ысьтыз История, кылъя но ли-

тературая институтлэн Тодос архиваз. Материальёс пöлын, кылсярысь, вань таёе нимъем кижотос: ««Язык бесермян», ч. II (Тексты и словарь)» (быдзалаез – 18 а. л.). Текстёс 256 бам вылын машинкаен печатламын. Вераны кулэ, кыллюкамзэ институтлэн архиваз кыёе ке муген сётйллямтэ. Со кижотос пумысен СССР-ысь АН-лэн Кылтадонъя институтысьтыз финн-угор секторлэн со дыре кивалтйсьез В. И. Лыткин таёе йылмунъ-ян кельтэ: «Работа закончена и утверждена 28.11.69 Ученым советом Института. Необходимо включить в план редподготовки 1970 г.».

Тодосчилэн мукетыз кижотосэз, кудйз удмурт но бесерман нимъёсын герзаськемын, – со «Каталог удмуртских и бесермянских имен, выбранный из сборника “Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков”, составленного Н. П. Лупповым [Документы 1958]». Отын бичамын, удмурт но бесерман адыми нимъёс сяна, Чупчи дурын улйсь бигеръёслэн но нимъёссы. Троссэ со нимъёсты Т. И. Тепляшина поттэм ужъёсаз сэрттйз-пертчиз ни вал выльын верам антропонимия монографияз но. Вераны кулэ, берло ужаз бесерман нимъёс, удмуртъёсызлэсь висъятэк, оглом эскеремын. Пусъем кижотосысь бесерманъёслэсь гинэ нимъёсэ бырайса, ми бесерман нимъёсын лыдмет (каталог) кылдытйм, кудйз али-гес потэм ужмы пушкы пыртэмын [Максимов 2024].

Т. И. Тепляшиналэн бесерман кылья кылёсэз озы ик картотека лэсь-тыса кельтэмын. Бесерман кылэз-бурез латин тарнскрипциен гождям карточкаосыз 12 картотека яшшик тыр люкасько. Тарак баджым лыдзы, кыльёсты, кылтэчетъёсты, озы ик быдэсак шуосъёсты (предложениос-ты) шонер гождяса бичам, куддыр арбериослэсь но луэтъёслэсь (явлени-ослэсь) нимъёсэс валэктон, материалэз бичам интызэ (гурт нимъёсты) пусйылон – ваньмыз со наука понна баджым дунолык луэ. Соин сэрен со бичам материалэз, пыр-поч радъяса, кык кыльем кыллюкам поттыны эсэплан кылдйз.

Нырысь ик, «Язык бесермян» монографииысь вань бесерман кылэз-бурез бичаса, словарьлы инъет кылдытэмын вал. Бератаз отчы карто-текаысь йылтылэмын кыльёсты но мукет материалэз. Возьматон понна улйын сётом словарьысь куд-ог люкетъёсэс:

йамен (*уамен*) поперёк || поперечный; *уамен* поперек [120]¹

йань I (*уан'*), **вань** *итч.* 1. *гл.* есть, имеется; *ван'* есть, имеется [120, 125, 162]; ... *Aslam das jablokpuez van' <...>* (Итча) Мы имеем десять яблонь <...> [266.328]

киед (*kijed*), **куед**, **кйед**, **кыед** *итч.*, **көөд** навоз; *кујед*, к. *куед* навоз [75]; *Kat'arin', tunne t'nød kijed pott'nø m'nopo* (Еж.) Катерина, ты сегодня навоз возить пойдешь (букв. Катерина, сегодня тебе следует навоз воз-

¹ Сэрего скобкаос пушкын «Язык бесермян» монографииысь страницаос возьматэмын.

ить) [240]; *Valen kuro, pu, kijed vortto, usad'baas giro* (Итча) На лошадах возят [теперь] солому, дрова, навоз, вспахивают собственные огороды [265.297]

кузь I (*kuž*), **кўзь** длинный; *kuž'* длинный [115] ○ *kuuz' kuso* литовка (Горд. 2, 4)

кузь II (*kuž*), **кўзь** моча ○ *kuuz'* (Горд. 3, 25; Тыл. 17), *kuz'* моча (Фил. 12).

Кыллюкамысь одйг-ог кылъёсты сэрттыса-пертчыса, али ик вераны луэ ини, бесерман кылтйрлык трос ласянь аспёртэмлыко луэ шуыса. Бесерманъёслэн огъя кылъёссы артэ интыяськем уйпал удмуртъёслэн вераськоназы гинэ трос өвёл, сыёеосыз лымшор удмуртъёслэн но пумиськыло, палэнысь лымшор удмуртъёссыз лыдэ басытыса. Со сяна, бесерманлъсь шедьтыны луэ сыёе кыл тодметъёссь, кудъёссыз нокуд удмурт диалектын но пусъёмын өвёл. Тани вераломы *а* букваен кутскись кудог сыёе кылъёсты: *арафа* – герыпоттон сэбедлэн нырысетй нуналэзлэн нимыз, *арбур* ‘ар пала; ар ёже’, *арвалак* ‘макня гид’, *аргар* – акаяшка / герыпоттон азын ортчытоно сэбед, кудаз ю-нянь удалтон пумысь Инмарлы курисько, *аш* ‘сук, тырмостэм’. Та выллем кылъёс кыллюкамъёсын уг пумиськыло. Удмуртъёс пöлын паськыт вöлмем кудог кылъёсты Т. И. Тепляшина бесерманъёслъсь чылкак мукет тусын пусъе: удм. лит. *вим* ~ *виым* – бес. *bijem* ~ *biem* ~ *vim*, *zim* (юнд.) [57, 59, 123]; удм. лит. *веме* – бес. *beme* ~ *veme*, *zeme* (юнд.) [57, 76, 100, 108].

Т. И. Тепляшиналэн «Язык бесермян» монографияз но, картотекаысьтыз материалъёсыз пöлын но тунсыко луэ ономастикаен (аснимъёсын) герзаськем лексика. Тросэз бесерман топонимъёс чик уг тупало зучъёсыныз, яке бесерманъёс соосты туж аспёртэмлыко верало, кылсярысь: *Бигер Бея* ~ *Бея* – д. Близ-Варыж (Балезино ёрос) [32]; *Көёнбөж* ~ *Киёнбөж*, *Тупал посинька* (*починька*) – д. Васильево (Глазов ёрос) [33]; *Ожъяр* – д. Турчино (Юкаменск ёрос) [34, 253, 273]. Пусъёмы куара ласянь аспёртэм интынимъёсты: *ž'u'am* ~ *žu'am* – д. Жувам (Юкаменск ёрос) [33, 133, 264]; *saraful* – г. Сарапул (Балезино ёросысь Гурьякарын гожтэмын) [118]; *č'əpč'ə* ~ *s'əps'ə* [274, 275] – озыы нимало бесерманъёс Чупчи шурез.

Адями нимъёс пöлын но йöспёртэм вылтусоосыз вань: *Кайса* ~ *Кайза* [154], *Лелесь* – Елисей (Жув. 56), *Офонь* – Афанасий [118]. Мусульман нимъёс но пумиськыло: *Мустафа*, *Гариф* [118]. Нош тани кыёе нылкышно нимъёс сюрлы: *Зөна* – Зина [114], *Маса* – Маша [134, 158], *Одоть* – Авдотья, Евдокия [67, 102].

Антропонимез эскерыкуз, тодосчи нимысьтыз саклык висъяллыз патронимъёслы (атай ласянь выжы нимъёслы). Милям лыдъяммыя, со бесерманъёслъсь 110 пала выжы нимзэс шараяны быгатйз. Та пумысь «Бесермянские семейно-родовые имена» [Тепляшина 1971] нимысьтыз

статьяез но гожтэмын. Тодосчилэн картотекаысьтыз шедьтыны кылдйз бесерман выжы нимёсын ог 50 пала карточка, кудъёсэ со ас ужаз оз куты. Выжы нимёсты эскерыса-радяса, ми пичигес кыллюкам лэсьтйм. Котькуд сыће нимлэсь этимологизэс сэрттыны-перчыны тыршим. Кылдэмзэс лыдэ басьтыса, соосты куать огинэ (группае) огазеяны луоно. Озыен, патронимёс тазы радьямын: 1) христиан нимёслэсь пөрмемын (*Оника пиос* < рус. *Аника* < греч. *anikētos* ‘вормыны луонтэм’); 2) бигер нимёслэсь пөрмемын (*Кофей пиос* < тат. *Хафи*); 3) вашкала нимёслэсь / кушемнимёслэсь пөрмемын (*Йөгөр пиос* < *йөгөр* ‘шушы’); 4) огшоры бесерман (удмурт) кылёслэсь пөрмемын (*Горд пиос* – горд йырсиё пиос-муртлэн выжыосыз); 5) бесерман (удмурт) луисытэм огшоры кылёслэсь пөрмемын (*Каратум пиос* < тат. *кара тун* ‘сьод шуба’); 6) топонимёслэсь пөрмемын (*Кундө пиос* – Киров улослэн Слободской ёросаз интыяськем Кунды – Верхнее Мочагино гуртысь вуэмёслэн выжыоссы).

Бесерман картотекаез бугырьяса-эскерыса, таё йылпумъянэ вуимы: «Язык бесермян» монографиясь тросэзлы иллюстративной примерёслы огыллем материалёс картотекаысь оз шедэлэ. Таё югдуры валэктон сётыны луэ картотекаысь сюрем Т. И. Тепляшиналэн гожтэтысьтыз: «Тетради пока сохраняю у себя!». Жалыса верано, бесерман кылэз-бурез бичаса гожъямёсын тетрадьёсты институтлэн архиваз сётйллямтэ. Малпан кылдэ, со тетрадьёсын, оло, трос гинэ дуно, наукалы тодмотэм но номырин воштыны луонтэм кылъя информация вал шуыса. Котьмар ке но, бесерман кылъя уже кутыны луоно материал тырмыт вал бадзьмос бесерман-зуч кыллюкам лэсьтон понна, кудйз югыт дуннее потйз, нырысь ик, Тамара Ивановналы луыса.

Вакчиятонъёс

бес. – бесерман кыл; греч. – грек кыл; Еж. – Ежгурт / Ёжево черкогурт (Юкаменск ёрос); Жув. – Жуам / Жувам гурт (Юкаменск ёрос); лит. – литературной кыл; рус. – зуч кыл; тат. – бигер кыл; удм. – удмурт кыл; юнд. – юнды вераськет (бес.).

Литература

- Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
 Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов. Ижевск, 1990. 396 с.
 Библиография 2009 – Библиография научных трудов Т. И. Тепляшиной (1954–2006) / Сост. Л. Е. Кириллова // Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С. 29–41.
 Документы 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 419 с.

Кельмаков В. К. Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание: препринт. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. 34 с.

Кельмаков В. К. Т. И. Тепляшиной – 80 лет // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск). Ижевск: Удм. ун-т, 2009а. С. 11–41.

Максимов С. А. Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной. Ижевск, 2024. 816 с.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.

Тепляшина Т. И. Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободской диалект. Тыловый диалект. Шошминский диалект // Вопросы финно-угорского языкознания: к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.–Л., 1962. С. 282–304.

Тепляшина Т. И. Материалы по бесермянской топонимике // Топонимика Востока: Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 133–144.

Тепляшина Т. И. Бесермянские термины, выражающие понятия «мать» и «отец» // Советское финно-угроведение. 1966. № 1 (11). С. 51–57.

Тепляшина Т. И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки. Чебоксары, 1968. Вып. XL. С. 177–187.

Тепляшина Т. И. Словообразование в древних личных именах бесермян // Ономастика Поволжья: материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 43–52.

Тепляшина Т. И. Становление бесермянских фамилий // Советское финно-угроведение. 1969а. № 3 (V). С. 189–194.

Тепляшина Т. И. Древние бесермянские фамилии // Вопросы тюркологии. Казань, 1970. С. 124–133.

Тепляшина Т. И. Заметки по фонетике бесермянских личных имен // Ономастика. М.: Наука, 1970а. С. 112–124.

Тепляшина Т. И. Мена бесермянских шипящих и свистящих аффрикат палатальными согласными // Советское финно-угроведение. 1970б. № 1 (VI). С. 63–66.

Тепляшина Т. И. Топонимы на *-кар* и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // Местные географические термины. М., 1970в. С. 164–171.

Тепляшина Т. И. Этноним *бесермяне* // Этнонимы. М.: Наука, 1970г. С. 177–188.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970д. 288 с.

Тепляшина Т. И. Бесермянские семейно-родовые имена // Ономастика Поволжья 2 (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). Горький, 1971. С. 69–72.

Тепляшина Т. И. Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян // Советское финно-угроведение. 1971а. № 3 (VII). С. 201–204.

Тепляшина Т. И. О современных бесермянских фамилиях // Структура и история тюркских языков. М., 1971б. С. 187–197.

Тепляшина Т. И. Тюркизмы в бесермянской терминологии родства // Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 28.

Тепляшина Т. И. Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства // Вопросы финно-угроведения. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. Вып. 6. С. 195–200.

Тепляшина Т. И. Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. Ижевск, 1975а. Вып. 3. С. 203–227.

Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. М.: Наука, 1978. 138 с.

Христолюбова Л. С. Тепляшина Тамара Ивановна // Ученые-удмурты: библиографический справочник. Ижевск, 1997. С. 346–348.

УДК 811.511.13

Г. А. Некрасова
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Ассоциативная множественность в коми-пермяцком языке¹

В статье проанализированы особенности использования показателя множественности имени существительного в значении ассоциативной множественности в коми-пермяцком языке, а также установлены сходства и различия в выражении ассоциативности в коми языках. В результате исследования выявлено, что в родственных языках показатель множественности обнаруживает сходство в аспекте лексической сочетаемости; различие составляет спорадическое изменение линейной модели словоформы в коми-зырянском языке, а также наличие специализированного показателя ассоциативности в ряде коми-зырянских диалектов.

Ключевые слова: пермские языки, морфология, категория числа, ассоциативная множественность, термины родства, собственные имена.

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

В коми-пермяцком языке категория числа имени существительного представлена формами единственного и множественного числа. Единственное число выражается нулевой морфемой, множественное число – суффиксом -эз (-ез). Вариант -эз употребляется в словах с основой на гласный, вариант -ез, инициальный согласный которого уподобляется предшествующему согласному, – в словах с основой на согласный. Основным значением показателя множественности является указание на множество дискретных предметов. В сочетании с собственными и вещественными существительными он может реализовать ряд периферийных значений [КПЯ 1962: 180–181; Сажина 2021: 36]. В статье анализируются особенности использования показателя множественности в ассоциативном значении в коми-пермяцком языке, а также выясняется сходство и различие в выражении ассоциативности в близкородственных коми языках. Внимание обращено на два параметра: тип маркирования и тип фокусного элемента. Источником материала исследования послужили тексты из Корпуса коми-пермяцкого языка (далее – ККПЯ).

Ассоциативная множественность, рассматриваемая в типологических исследованиях как частный случай репрезентативной (неоднородной) множественности, обозначает «множество объектов, включающее референт имени N и некоторые другие связанные с ним объекты» [Даниэль 2000: 4]. Значение ассоциативности может выражаться морфологически, аналитически и синтаксически. Морфологическое выражение ассоциативной множественности предполагает наличие морфологического показателя, который совпадает с показателем аддитивной множественности или имеет самостоятельный грамматический статус. В аналитических конструкциях значение ассоциативности передается служебным словом. Под синтаксическим ассоциативом понимается «несочинительная именная группа, состоящая из имени (называющего эксплицированный референт) и местоимения множественного числа или имени с групповой семантикой» [Даниэль 2000: 35–52].

Коми языки относятся к языкам, в которых ассоциативная множественность выражается стандартным показателем аддитивной множественности. Отметим, что в коми-зырянском языке суффикс множественности в аддитивном значении предшествует падежному и посессивному суффиксам, в ассоциативном значении он может располагаться сразу после основы: *Сэсся ыджыд мамь-яс-ыд-лы* [бабушка-PL-POSS.2SG-DAT] *висьтав – ставыс, шу, тыр-бур мян* (Б. Шахов) ‘Потом сообщи дедушке и бабушке – скажи, все у нас в порядке’; а также после посессивного суффикса: *Кыръядинъ воисны войын да ыджыд мам-ысь-яслысь* [бабушка-POSS.3SG-PL-ABL] *ставнысё шызьёдисны* (Б. Шахов) ‘В Кыръядин они приехали ночью и переполошили всех в доме бабушки и ее семьи’ [Некрасова 2023а: 226–227]. В коми-пермяцком языке, как

показывают примеры из ККПЯ, позиция показателя множественности в линейной модели словоформы стабильна: суффикс множественности следует сразу после основы.

В обоих коми языках при употреблении показателя множественности в ассоциативном значении снимаются ограничения на сочетаемость инессива, иллатива, элатива с одушевленными существительными и личными местоимениями. В этом случае пространственная семантика падежа осложняется посессивной: пространственные отношения выражаются через лицо, которое имеет какое-то отношение к пространственному объекту [Некрасова 2023б: 337; 351; 375]. Форма инессива указывает на локализацию ситуации в названном через лицо месте, форма иллатива – на направленность участника ситуации в названное лицом место, элатив употребляется при указании на названный через лицо исходный пространственный ориентир [Некрасова 2020: 398–399; 2021: 77]. Примеры: *Пукаліс Прокопьевичыс не йӧзын, а вон-нэз-а-с* [брат-PL-INESS-POSS.3SG] (С. Федосеев) ‘Прокопьевич был в гостях не у чужих людей, а в доме брата и его семьи’; *Баб дӧсьӧтчис петны керкусис, висьталіс спасибо Галялӧ, корис вовлыны жӧ бӧра баб-без-а-с* [бабушка-PL-ILL-POSS.3SG] (С. Федосеев) ‘Бабушка собралась выйти из избы, сказала спасибо Гале, пригласила в гости к себе (букв. ‘прийти в дом, где проживает бабушка и ее семья’)’.

Следует отметить, что в ряде коми-зырянских диалектов, а именно в нижневычегодском, вымском и лузско-летском, в значении ассоциативности наряду с суффиксом *-яс* используется суффикс *-ян (-ан)*, при этом словоформы обязательно оснащены посессивным суффиксом, который занимает крайне левую позицию в линейной цепочке морфем. Примеры: вым. *ин'ка-ыд-ан* ‘твоя свекровь и те, кто с ней’; *Пэт'-ыс-ан* ‘Петя и те, кто с ним’ [Жилина 1998: 54]; лл. *Мам-ыд-йан-лӧ мӧдӧд* ‘Пошли (что-л.) матери и тем, кто с ней’ [Жилина 1985: 36]; нв. *Бат'-э-йан муни-ны карӧ* ‘Отец мой и другие с ним уехали в город’ [Сорвачева 1978: 35]. В литературном языке и большинстве диалектов этот суффикс допускают только лексема *пи* ‘сын’ и существительные, образованные с помощью суффиксоида *пи*: *пиян* ‘сыновья’, *каньпи* ‘котенок’ – *каньпиян* ‘котятя’. В коми-пермяцком языке со словом *пи* ‘сын’ употребляется стандартный суффикс множественного числа: *пиэз* ‘сыновья’. Слово *пиян* лексикализовалось без оттенка множественности в значениях: 1) ребенок, 2) детеныш: *каньпиян* ‘котенок’, *понпиян* ‘щенок’, 3) ветка, побег, поросль: *кӧзпиян* ‘елочка, еловая поросль’, *кыдзпиян* ‘березка’ [КПРС 1985: 346]. Форма множественного числа этих слов образуется стандартно: *пиян-нэз* ‘дети’, *понпиян-нэз* ‘щенки’, *кыдзпиян-нэз* ‘березки’.

В типологических исследованиях ассоциативности отдельное внимание уделяется фокусному элементу. Необходимо отметить, что фокусным

(фокальным) называется эксплицитно выраженный референт, а имплицитные референты – ассоциированными [Даниэль 2000: 25; Багирова и др. 2020: 86]. В качестве фокусного элемента в языках мира чаще выступают одушевленные существительные, реже неодушевленные. Существительные, способные выступать в форме ассоциативной множественности, в работе М. Даниэля и Э. Моравчик приводятся в виде следующей иерархии [Daniel, Moravcsik 2005]:

Имена собственные > Термины родства > Прочие нарицательные имена, обозначающие людей > Имена, не обозначающие людей.

В коми-пермяцком, как и в коми-зырянском языке, в выражении ассоциативной множественности задействованы первые три позиции на этой шкале, чаще всего используются два лексических класса существительных – термины родства и имена собственные.

Ассоциативы, образованные от терминов родства. Показатель множественности в ассоциативной функции может присоединяться к терминам родства, называющим лицо, находящееся в отношении родства или свойства: отец, мать, брат, бабушка, теща и др. Примеры: **Мам-мез-ö** [мать-PL-POSS.1SG] *ытишкисьны мунісö* (А. Невтонова (комиöдіс М. П. Лихачев)) ‘Мои родители пошли косить’; *Колö кежны дед-дэз-ö* [дед-PL-ILL], *и кежи, и пыри керкуас* (С. Федосеев) ‘Надо свернуть к дому бабушки и его семьи, и свернул, и зашел в дом’; – *Ме, мам, котрася кума-эз-а-ным* [кума-PL-ILL-POSS.1PL], *тётка-эз-а-ным* [тетя-PL-ILL-POSS.1PL] *эшö пырала* (В. Кольчурин) ‘– Я, мама, сбегая к нашей куме, еще к нашей тете зайду’; *Прокопьевичыс вель дыр ни эз вовлы вон-нэз-а-с* [брат-PL-ILL-POSS.3SG] (С. Федосеев) ‘Прокопьевич уже довольно давно не бывал у брата’.

Ассоциативы, образованные от собственных имен. Формы ассоциативной множественности в большинстве случаев образуются от имен. Примеры: *И öтпыр Борис локтіс Машиа-эз* [Маша-PL] *ордöдз* (С. Федосеев) ‘И однажды Борис пришел в дом семьи Маши’; *Кагаэсö чожа пыртисö вичкуын да бöра жö öтік лунö и нимтисö Гришиа-эз-лисё* [Гриша-PL-ABL] *зонкасö Андрейöн, а Прокоп-нез-лисё* [Прокопий-PL-ABL] – *Мишаöн* (С. Федосеев) ‘Детей сразу крестили в церкви и снова в один и тот же день, и назвали сына Гриши Андреем, а сына Прокопия – Мишей’; *Богатöйкодя олісö Егорика-эз-лöн* [Егорика-PL-GEN] – *быдöс, мый коліс бы Öльзалö, сія и вöлі* (С. Федосеев) ‘Семья Егорика жила богато – все, что нужно было Эльзе, то и было’; – *Тэ пукалышит жö эстöн, зонка, дозирайт, а ме котрася Закар-рес* [Захар-PL] *дынöдз, отирсö кытсала*. (Ф. Истомин) ‘– Ты посиди-ка здесь, парень, присматривай, а я сбегая к Захару и к тем, кто с ним, людей позову’.

Однозначная интерпретация фамилий, оснащенных суффиксом множественности, возможна только при наличии контекста, так как без кон-

текста такие случаи можно интерпретировать как в аддитивном (одно-фамильцы или члены одной семьи), так и в ассоциативном значении. В большинстве случаев при выражении ассоциативного значения фамилия употребляется вместе с именем. Пример: <...> *талун Васька Миков-вез-лѡн* [Васька Миков-PL-GEN] *куліс Нина нима нывка* (С. Федосеев) ‘<...> сегодня умерла дочь Нина семьи Васьки Микова’.

Формы со значением ассоциативной множественности могут быть образованы также от отчеств. Как и в случае с фамилиями, они чаще выступают вместе с именем. Примеры, *Сідз Иван Егорович-чез* [Иван Егорович-PL] *и вердісѡ гѡсьнысѡ: хозьякаыс ѡмас суюыштѡ, а хозьяныыс, натѡтѡ, бы бѡр ѡмсіс кыскѡ* (С. Федосеев) ‘Иван Егорович с женой так и угощали гостя: хозяйка в рот кладет, а хозяин как бы обратно изо рта достает’; *Посѡдзын видзѡтчис, кывзісис и вѡлісь уліцаѡт иньдѡтчис Егор Петрович-чез-лань* [Егор Петрович-PL-APPR] (С. Федосеев) ‘В сенях он подсматривал, подслушивал и только потом по улице направился в сторону дома Егора Петровича (или в сторону Егора Петровича и тех, кто рядом с ним)’; *Иван Егорович-чез-лѡн* [Иван Егорович-PL-GEN] *жѡ джѡджныс празникѡдз и празник бѡрсянь веж чѡчком, топ керкуаныс юррезныс вылын ветлѡны* (С. Федосеев) ‘Пол же в доме Ивана Егоровича и его семьи до праздника и после праздника очень чистый, как будто в доме на головах ходят’; *Лиза сѡрѡн ни рытнас пырис Прокопьевич-чез-а-с* [Прокопьевич-PL-ILL-POSS.3SG] (С. Федосеев) ‘Уже поздно вечером Лиза зашла в дом Прокопьевича’.

Ассоциативы, образованные от одушевленных существительных, не являющихся терминами родства. Из группы одушевленных существительных, не являющихся терминами родства, ассоциативы образуются преимущественно от лексем *дядь*, *дядя* ‘дядя’ и *тѣтка* ‘тетя’, которые в сочетании с собственными именами употребляются в значениях ‘мужчина’ и ‘женщина’, а также *дед* и *баб* в значениях соответственно ‘пожилой мужчина’ и ‘пожилая женщина’. Примеры: *Сідз кыссис сѣтчѡдз, кытчѡдз нылочкаѡс, сѣк кежѡ вит годсяѡс ни, эз пур Гришика баб-без-лѡн* [бабушка-PL-GEN] *пон Дамка* (Т. Фадеев) ‘Так продолжалось до тех пор, пока девочку, в то время уже пятилетнюю, не искусила собака Дамка семьи бабушки Гришики’; *Сідз гѡститіс Митиперыс Гаврил дяд-дез-ын* [дядя-PL-INESS], *топ роднѡйѡс панталісѡ и кольлалісѡ* (С. Федосеев) ‘Так гостил Митипер у дяди Гаврила, как родного встретили и проводили’.

Референция при выражении ассоциативной множественности предполагает отсылку как к родственной (чаще всего), так и к неродственной совокупности лиц, которые в сознании говорящего могут быть идентифицированы по одному представителю. Эксплицитно выраженным может быть родственник по прямой и боковой линии независимо от поколения и пола, а также любой человек, известный говорящему.

Таким образом, коми языки демонстрируют сходство в аспекте лексической сочетаемости показателя множественности. В обоих языках ассоциативы образуются от имен собственных и терминов родства, реже – от других одушевленных существительных, обозначающих людей. Различие составляет спорадическое изменение линейной модели словоформы при выражении значения ассоциативной множественности в коми-зырянском языке, а также наличие специализированного показателя ассоциативности в ряде коми-зырянских диалектов.

Сокращения

Глоссы: 1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, PL – множественное число, POSS – посессивность, SG – единственное число, ABL – аблатив, APPR – аппроксиматив, GEN – генитив, DAT – датив, EL – элатив, ILL – иллатив, INESS – инессив.

Диалекты коми языка: вым. – вымский, лл. – лузско-летский, нв. – нижевычегодский.

Литература

Багирикова И. Г., Баранова А. И., Ландер Ю. А. Материалы к типологии ассоциативной множественности: кубанский диалект кабардино-черкесского языка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 7. С. 84–106.

Даниэль М. А. Типология ассоциативной множественности: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000. 195 с.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.

Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1998. 439 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1962. 340 с.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко–русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.

ККПЯ – Корпус коми-пермяцкого языка [Электронный ресурс]. URL: <http://perem.komicorpora.ru> (дата обращения: 02–12.09.2024).

Некрасова Г. А. Конкуренция иллатива и послелогов в коми-зырянском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16 (3). С. 377–406.

Некрасова Г. А. Элатив в пермских языках: межъязыковые различия // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 74–83.

Некрасова Г. А. Ассоциативная множественность в коми языке // Вестник угроведения. 2023а. Т. 13. № 2 (53). С. 225–233.

Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023б. 516 с.

Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 34–44.

Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 227 с.

Daniel M., Moravcsik E. The Associative Plural // The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 150–153.

УДК 811.511.131'366

Т. В. Пантюхина
*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск*

Морфологические и семантические характеристики генитивных форм личных местоимений удмуртского языка

Генитивные формы удмуртских личных местоимений 1-го и 2-го лица имеют древнее происхождение, что подтверждается следующими фактами: в корне сингулярных местоимений происходит замена гласного *о* на *ы*; основа плюральных местоимений осложнена «загадочным» элементом *л'*; падежные формы с морфемой *а* характерны только для местоимений 1-го и 2-го лица: *мынам* 'у меня', *тынад* 'у тебя', *милям* 'у нас', *тйляд* 'у вас'. Современные диалектные вариации форм ед. ч. основаны на фонетических явлениях синкопы: *мнам* 'мой, у меня', *тнад* 'твой, у тебя', а мн. ч. – диерезы: *миам* 'наш, у нас', *тиад* 'ваш, у вас'. Фонетические изменения также претерпевает суффикс *-лэн* личных местоимений 3-го лица.

Центральной функцией для форм родительного падежа является указание на посессивные отношения. Кроме того, формы личных местоимений мн. ч. выражают пассивного субъекта, могут иметь локальное значение, во вводных словосочетаниях обозначают источник информации.

Ключевые слова: удмуртский язык, личные местоимения, морфология, генитив, семантика.

Праязыковой особенностью уральских языков является отсутствие парадигмы склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица¹. Весьма вероятно, что в прауральском языке у личных местоимений вообще не

¹ Еще и в прафинно-угорский период у личных местоимений 1-го и 2-го лица специальных числовых форм вообще не было [Основы 1974: 285].

было падежа¹. Неопределенный (именительный) падеж выступал в качестве основной формы в функции многих других падежей, прежде всего – родительного (притяжательного) [Ravila 1950: 320; Bartens 2000: 150]. Этот наиболее простой способ выражения принадлежности – соположение местоимения и имени существительного, не имеющих никаких специальных показателей, – отражает древний этап в развитии любого языка [Серебренников 1988: 36; Краснощеков 2020: 9].

Возникновение генитива было вызвано необходимостью функциональной разгрузки номинатива путем дифференциации оттенков посессивного значения: за номинативом закрепилась функция обозначения неопределенно-притяжательных отношений, за генитивом – конкретно-притяжательных [Некрасова 1995а: 8].

Прафинно-угорская парадигма, по общепринятому мнению, характеризуется двумя падежными формами: именительным и объектным, причем последний маркировался лишь посессивным суффиксом [Ravila 1950: 320; Rédei 1998: 344]. Из данного косвенного падежа в отделившихся друг от друга родственных языках оформились аккузатив, генитив или датив [Bartens 2000: 150]. Позднее, в прапермском языке, личные местоимения ед. ч. изменялись уже по пяти падежам, в число которых входил и генитив [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 226]. Формы мн. ч. развивалась по аналогии с парадигмой склонения местоимений ед. ч. [Федюнева 2008: 61].

На древность генитивных форм удмуртских личных местоимений 1-го и 2-го лица указывают следующие признаки: несвойственное для современного языка чередование гласных *о* // *ы* в корне сингулярных местоимений [Кельмаков 2005: 80], появление элемента *л*² в основе плюральных местоимений и особые, не соотносимые с именами существительными, падежные формы с морфемой *а*: *мынам* ‘у меня’, *тынад* ‘у тебя’, *милям* ‘у нас’, *тйляд* ‘у вас’. Напротив, личные местоимения 3-го лица присоединяют субстантивный суффикс *-лэн*: *солэн* ‘у него,

¹ Иная точка зрения финно-угроведов о наличии генитива в прауральском языке освещена в следующих работах: [Korhonen 1991; Некрасова 1995а].

² У лингвистов нет единого мнения о сущности вставного согласного *л*'. По мнению Т. Э. Уотилы, К. Редеи и Ш. Чуча, он является элементом / окончаний так называемых *л*-овых падежей имен существительных, который под влиянием гласного основы палатализировался [Uotila 1936: 473; Rédei 1998: 346; Csúcs 2005: 233]. Б. А. Серебренников считал, что местоименная основа была осложнена специальным суффиксом *-la*, близкому по значению к суффиксу относительных прилагательных *-а* [Серебренников 1963: 198]. Однако исследователь не дает исчерпывающего объяснения последующей палатализации согласного. Г. В. Федюнева придерживается гипотезы Б. А. Серебренникова [Федюнева 2008: 60].

у нее', *соослэн* 'у них', т. к. по своему происхождению являются указательными местоимениями и перешли в разряд личных сравнительно недавно, в период самостоятельного развития языка [Федюнева 2008: 140]. Падежный маркер *-лэн* двусоставный, коаффикс *-л* имеет словообразовательное происхождение, элемент *-н* развился из финно-угорского локативного **-na / -nä* (см. подробнее: [Некрасова 2002: 11, 17; Кондратьева 2011б: 54–76]).

Исследуя происхождение генитивной формы личных местоимений 1-го и 2-го лица, часть финно-угроведов проводила параллель с инессивом притяжательного склонения имен существительных [Uotila 1936: 472; Серебренников 1963:185; Основы 1976; Некрасова 1995б: 376; Rédei 1999: 99]. Т. Э. Уотила полагал, что за конечным гласным основы *a* некогда следовал суффикс инессива *-n*, который впоследствии исчез перед притяжательным суффиксом. Из архетипа **tznzntz* возник *тунат*, из **tznzntz – tynad* [Uotila 1933: 233]. Схожую гипотезу предлагал Б. А. Серебренников, который возводил генитив к локативу на *-an* [Серебренников 1963: 185].

Более поздние исследования отрицают возникновение генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица на основе местных падежей [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230; Федюнева 2008: 38]. Ш. Чуч, анализируя теорию Т. Э. Уотилы, заключает, что она формально применима, но функционально маловероятна, поскольку в современных пермских языках формы личных местоимений в местных падежах либо отсутствуют, как в удмуртском, либо используются ограниченно, как в коми. В прапермской системе склонения имен существительных уже существовал генитив с суффиксом *-len*, остается неясным, почему он не вошел в парадигму личных местоимений, уступив место форме инессива-иллатива. Непонятно и исчезновение падежного маркера *-n* перед притяжательным суффиксом [Csúcs 2005: 230]. Финский ученый Р. Бартенс уверена, что в системе личных местоимений вообще не было форм с локативной семантикой, значение местоположения передавалось через послеложно-местоименные сочетания [Bartens 2000: 150]. Данное явление сохраняется до сих пор. Формы генитива, выступая в послеложных конструкциях, выражают локальные, объектные, определительно-обстоятельственные отношения. Послелог принимает притяжательный суффикс соответствующего лица и числа. При выражении пространственных отношений личные местоимения выступают ориентиром, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *мынам пумитам* 'мне навстречу', *соослэн пумитазы* 'им навстечу'. Употребление падежной формы имеет факультативный характер, поскольку послелог с притяжательным суффиксом вбирает в себя все значения, личное местоимение становится избыточным.

Р. Бартенс, Ш. Чуч считают, что генитивная форма (наряду с дативной) состоит из основы местоимения и посессивного суффикса [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230]. Г. В. Федюнева полагает, что производной основой для древних пермских падежных форм личных местоимений, в том числе генитива, является аккузатив, к которому присоединялся лично-притяжательный суффикс. После отпадения финаля суффикса конечный гласный основы унифицировался в заднерядный. Лингвист представляет следующую реконструкцию: акк. **tɜnɜ-* > ген. **tɜnɜ + tɜ* > **tɜnɜtɜ* > **tɜnɜt* > к. *tenam*, удм. *tiŋam* [Федюнева 2008: 38, 61]. Исследователь считает необоснованной гипотезу механического переноса суффикса инессива имен существительных в генитив личных местоимений по нескольким причинам. Во-первых, личные местоимения избегают локальных падежей, во-вторых, формант инессива в притяжательном склонении является поздним пермским образованием, тогда как генитив личных местоимений возник раньше. Скорее всего, процесс был обратным: под влиянием генитива личных местоимений сформировались притяжательные формы иллатива-инессива имен существительных [Федюнева 2008: 36–37].

Мы солидарны с исследователями, возводящими суффикс *-a* генитива к конечной гласной основы (номинативной или аккузативной), который в период отпадения конечной гласной основы сохранился благодаря следовавшему за ним личному суффиксу и в результате переразложения морфемного шва обрел статус падежного суффикса. Локальное значение генитивных форм, хотя и наблюдается у удмуртских личных местоимений мн. ч., имеет более позднее происхождение.

В современных удмуртских диалектах практически повсеместно представлены единообразные генитивные формы, имеются единичные диалектные вариации. В части северных говоров от сингулярных 1-го и 2-го лица на основе синкопы образованы формы: сев. *мям* ‘мой, у меня’, *тнад* ‘твой, у тебя’ [Карпова 2020: 112]. В плюральных формах 1-го и 2-го лица наблюдается явление диерезы, когда выпадает согласный *л'* основы: ср-вост. *миам*¹ [Бушмакин 1969: 65] ‘наш, у нас’, *тиад* [Aminoff 1896: 30; Бушмакин 1969: 65] ‘ваш, у вас’. Фонетические изменения также претерпевает суффикс *-лэн* личных местоимений 3-го лица. Наблюдается

¹ В том же говоре Т. Г. Аминофф фиксирует зловую форму *mil'am* [Aminoff 1896: 30]. Беззловые формы образовались в период относительно самостоятельного развития средневосточных говоров. Там же наблюдается элизия и в субстантивной парадигме: выпадает *-l* в суффиксах генитива (*-en* < *-len*), аблатива (*-eś* < *-leś*), датива (*-j* < *-lj*). Выпадение *l*, по мнению С. К. Бушмакина, происходит в силу ослабленной артикуляции согласного при его образовании [1969: 60–61].

ослабление инициального звука суффикса до полумягкого *-l* в красноуфимском говоре, билабиального *-ʊ* в южных и срединных говорах, вплоть до его утраты и, в связи с этим, ассимиляции гласного суффикса: *круф. шолэн* [Насибуллин 1978: 98], *южн. соўэн* [Kel'makov; Saarinen 1994: 254], *сред. созн* [Кельмаков 1990: 292], *ср-вост. соон* [Бушмакин 1971: 143]. В татышлинском говоре зафиксирован суффикс с конечным заднеязычным носовым согласным татш. *soosley* [Кельмаков 1974: 106]. Узколокальное распространение и спорадическое употребление фонетических вариаций свидетельствуют, что все фонетические изменения возникли в период самостоятельного развития отдельных удмуртских говоров.

Ведущей функцией генитива является актуализация посессивных значений: атрибутивной и предикативной [Кондратьева 2011а: 70]. При выражении атрибутивной посессивности генитивная форма личного местоимения определяет объект, «указывая на принадлежность его к какому-нибудь одному лицу (индивидуальному обладателю) или нескольким лицам (коллективному обладателю)» [Вахрушев 1984: 67]. Признак рассматривается как данность, постоянное свойство, синтаксически оно выражено с помощью именной фразы: «*Люция*» – *со мынам нимы öвöl кадь потэ аслым но* [Валишин 1978: 97]. ‘Мне и самой так кажется, будто «Люция» – это не мое имя’.

Часто наблюдается грамматическая связь между посессором, выраженным генитивом, и объектом обладания [Едыгарова 2010: 231], в таком случае имя (объект) оформляется соответствующим притяжательным суффиксом. По мнению Г. А. Некрасовой, «в коми языках объект обладания, как правило, не оформлен посессивным суффиксом, за редкими исключениями» [Некрасова 2023: 205]. Наоборот, в удмуртском единичны немаркированные формы, что, по-видимому, обусловлено желанием говорящего дистанцироваться от объекта, выделить его, придав обобщенную семантику: *Мынам но ведь ныл* (вместо ожидаемого – *нылы*) *тон кадь ик дышетске но дышетске* [Блинов 1967: 91]. ‘И у меня дочь, как ты же, все учится и учится’; *Тынад ведь улэм* (вместо ожидаемого – *улэмед*) *кикылэн кадь: туннэ одйг нюлэскын силиськод, чүказе ни – мукетаз* [Валишин 1978: 40]. ‘Ведь твое существование (жизнь) как у кукушки: сегодня в одном лесу кукуешь, завтра – в другом’.

Без притяжательного суффикса употребляются личные местоимения 3-го лица, выступающие в роли объекта обладания: *Со мынам визьмо, ох, визьмо, ява* [Красильников 1991: 22]. ‘Он [старший сын] у меня умный, ох, умный же’; *Кыче будэ ни со тынад?* [Валишин 1978: 106]. ‘Как он [сын] у тебя уже растет?’. Отсутствие посессивного суффикса является, на наш взгляд, одним из способов разграничения личных местоимений от идентичных «материнских» указательных, поскольку, когда местоимение оформляется притяжательным суффиксом, оно начинает воспринимать-

ся в качестве указательного. Например, *Мынам сои чукназэ но сиськытэк кошкыз...* [Самсонов 1979: 290]. 'Этот мой и утром ушел, не позавтракав'.

В учебных пособиях, научных трудах генитивные формы с атрибутивным значением рассматривают в качестве притяжательных местоимений [ГСУЯ 1962; Тараканов 2003; УУК 2011]. По нашему мнению, правильнее уточнять, что они выступают в функции притяжательных местоимений, являясь падежной формой личных местоимений. Собственно притяжательными местоимениями в удмуртском языке являются всего четыре лексемы: *ас* 'свой', *асьме* 'свой (наш)', *асьтэ* 'свой (ваш)', *асьсэ* 'свой (их)' [Кельмаков 1993: 248]. Генитивные формы с дейктическими суффиксами -эз (-ез), -ыз с последующим присоединением падежного маркера типа *мынам-ез-лэсь* 'от моего, от моих' корректнее рассматривать как двупадежные формы, поскольку данные суффиксы «выступают вместо пропущенных слов или словосочетаний. <...> В структуре существительных и некоторых разрядов местоимений (собственноличных, определительно-личных и некоторых других) выделительно-указательный (дейктический) аффикс стоит после форм косвенных падежей, т. е. последние служат производящей основой» [Алатырев 1983: 586].

Предикативная посессивность выражается конструкцией с реляционным предикатом¹, обладатель, представлен личным местоимением, оформленным формой родительного падежа, а объект обладания притяжательной формой в именительном падеже [Кондратьева 2011а: 79]. Посессивность рассматривается как признак, существующий в определенной временном плане, спустя некоторое время принадлежность может исчезнуть. Посессор может быть одушевленным и неодушевленным, обладаемое – отчуждаемым и неотчуждаемым. Такая конструкция выражает широкий спектр посессивных значений, чаще всего описываются отношения между посессором и объектом, социальные отношения, свойства обладателя [Некрасова 2023: 204]: *Веранэз ёвёл, механизаторъёс туж висьяськылйзы колхозникъёслэсь: соослэн вал паспортъёссы но, профсоюзной членской книжкаоссы но* [Никитин 1965: 87]. 'Нечего и говорить, механизаторы очень отличались от колхозников: у них были и паспорта, и профсоюзные членские книжки'; *Сюрлое ёвёл мынам* [Кедр Митрей 1988: 17]. 'Нет у меня серпа'.

Значение пассивного субъекта, совершающего непроизвольные действия, находящегося в неконтролируемом им состоянии, появляется в безличных предложениях. В них содержится указание на действия, вы-

¹ Глаголы-связки *вань* 'есть, имеется в наличии', *луэ* 'бывает' в разных временных формах могут присутствовать или отсутствовать, их отрицательные эквиваленты *ёвёл* 'нет, не имеется в наличии', *уг луы* 'не бывает' и др. в предложении присутствуют всегда.

полняемые субъектом, или события, в которых он принимает участие. Сказуемое в предложении с родительным падежом субъекта может указывать: а) на завершение процесса, его результат (*Солдатлэсь талам пычалэныз солэн номыр каремез ӧз луы* [Коновалов 1990: 40]. ‘С отобранным у солдата ружьем у него ничего не получилось сделать’), б) произвольное действие (*Мынам тани уг луы ни, лябзиськиз* [Красильников 1991: 22]. ‘У меня вот уже не получается, обессилел’); в) желание или нежелание, эмоциональное состояние (*Соосты мынам адӗме но уг пот* [Широбоков 1992: 204]. ‘Мне их видеть не хочется’; *Тынад кин луэмед потэ, Верочка?* [Перевошиков 1988: 297]. ‘Тебе кем хочется стать, Верочка?’).

Формы личных местоимений мн. ч. могут обозначать местоположение какого-либо явления: *Со понна табере атабайӗс, кытчы ке палэнэ вуылыкузы, маке сямен одно ик верам каро: «Милям алигес клуб пуктӗзы, пушказ пырид ке, паймыса бырод!»* [Красильников 1991: 9–10]. ‘Зато теперь атабаевцы, выезжая куда-то на сторону, как бы невзначай обязательно расскажут: «У нас недавно клуб построили, если зайдешь внутрь, удивишься»»; бес. *tusugan merto mil'am* ‘У нас сажают картофель’ [Тепляшина 1970а: 268]; кузм. *mil'am akaška ažen kün nal aźla kišton lüe* [Кельмаков 1969: 557, 558]. ‘У нас за три дня до пасхи бывают поминки’.

Местоимения в ед. ч. в данном значении не употребляются. С нашей точки зрения, локальное значение для генитивных форм личных местоимений является более поздним приобретением. Возникло оно благодаря эллипсису, когда название места (*гурт* ‘деревня’, *юртьер* ‘хозяйство’ и др.) опускается.

Генитивные формы могут выступать в составе вводных конструкций, часто в сочетании с послелогом *сямен* ‘как, по’: <...> *мынам малпамея, Замятина Риммалэн аппендицит ӧвӧл кадь* [Красильников 1991: 15]. ‘<...> по моему мнению, у Замятиной Риммы вроде не аппендицит’; – *Мынам сямен, черксылэн кулэз но ӧвӧл, – шуэ одӗгез пурьысьтам пересь, куа поп, – вӧсяськон сикмес коразы* [Кедра Митрей 1988: 29]. ‘– По моему, нужды в их церкви нет, – говорит один посевевший старец, – лес, в котором мы молились, вырубили’; *Иське, тӱлӱд малпамдыя, государстволы нянь сӗтон со талам луэ?* [Никитин 1965: 45]. ‘Значит, по вашему мнению, сдача хлеба государству становится конфискацией (грабежом)?’

Итак, падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица образованы суффиксом *-а*, генетически восходящим к конечному гласному основы сингулярных местоимений и личными суффиксами соответствующего лица и числа. Падежный маркер был заимствован в парадигму склонения плюральных личных местоимений. Генитивные формы местоимений 3-го лица образованы стандартным субстантивным суффиксом *-лэн*, его современные диалектные варианты имеют позднее и узколокальное происхождение.

Семантика генитива личных местоимений связана с указанием на субстантивную и предикативную посессивность, значение пассивного субъекта в безличных предложениях. Местоимения мн. ч. могут иметь локативное значение, которое сформировалось путем эллипсиса. В сочетании с послелогом личные местоимения указывают на пространственные ориентиры, а также становятся частью вводных конструкций.

Сокращения

акк. – аккумулятив, бес. – бесермянское наречие, ген. – генитив, ед. ч. – единственное число, к. – коми язык, круф. – красноуфимский говор, кузм. – кукуморский диалект, мн. ч. – множественное число, сев. – северное наречие, сровост. – средневожосточные говоры, сред. – срединные говоры, татш. – татштинский говор, удм. – удмуртский язык, южн. – южный диалект.

Источники

Блинов П. А. Улэм потэ: роман. Ижевск: Удмуртия, 1967. 168 б.

Валишин Р. Г. Тёл гурезь: повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1978. 276 б.

Кедра Митрей. Секыт зйбет: роман, повестьёс, веросьёс, кылбурьёс, поэма, тодэ ваёнён. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.

Красильников Г. Д. Тонэн кылысько: роман, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 390 б.

Никитин А. И. Пычанкаыс бригадир: документальной повесть. Ижевск: Удмуртия, 1965. 103 б.

Перевошиков Г. К. Йёвалег: роман-диалогия. Ижевск: Удмуртия, 1988. 504 б.

Самсонов С. А. Дыдыктьёс бус пёлы уг йыромо: роман. Ижевск: Удмуртия, 1979. 382 б.

Широбоков С. П. Яратон ке бёёл: комедия // Вакытлэн гурьёсыз: кылбурьёс, поэмаос, басняос, веросьёс, гожтэтьёс, статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 202–249.

Литература

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 563–591.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969. № 1 (V). С. 59–69.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.

Вахрушев В. М. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами числительными и местоимениями // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 67–78.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 372 с.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. 290 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. 1969. 683 с.

Кельмаков В. К. Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка // СФУ. 1974. № 2 (X). С. 101–106.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 368 с.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 239–255.

Кельмаков В. К. К проблеме морфемного членения удмуртских личных местоимений // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Joshkar-Ola, 15.08–21.08.2005. Joshkar-Ola, 2005. P. II. Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. С. 79–81.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011а. 255 с.

Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011б. 154 с.

Краснощеков Е. В. Категория притяжательности в синхронно-диахроническом аспекте (на материале языков различных систем): автореф. дис. ... д. филол. наук. Майкоп, 2020. 44 с.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.

Некрасова Г. А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках. Сыктывкар, 1995а. 24 с.

Некрасова Г. А. Развитие генитива в пермских языках // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995б. С. 375–379.

Некрасова Г. А. Система *L*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.

Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. 516 с.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Нимвоштос: азыпечатлос. Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. 32 б.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

УУК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез). Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 406 б.

Федунева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Helsinki, 1896. 48 s. (Journal de la Société Finno-Ougrienne 14).

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 s. (MSFOu 238).

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 S.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku–Iževsk, 1994. 368 s. (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47).

Korhonen M. Remarks on the structure and history of the Uralic case system // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. Helsinki, 1991. Pp. 163–180.

Ravila P. Zur Geschichte der Deklination der Personalpronomina in den uralischen Sprachen. Helsinki, 1950. S. 311–323.

Rédei K. Zur Geschichte der finnougriischen Personalpronomina // Linguistica Uralica. Tallinn, 1998. № 4. S. 341–352.

Uotila T. E. Zur Deklination der Personalpronomina in der permischen Sprachen // Nyelvtudományi Közlemények 50. L. 1–3 füzet, 1936. S. 464–476.

УДК 811.511.13

Е. М. Петрова, О. А. Попова
*Кочёвская средняя общеобразовательная школа
с. Кочёво, Пермский край*

Функционирование лексемы *сьӧлӧм* («сердце») в коми-пермяцком языке: лингвокультурологический аспект

Данная статья посвящена анализу изучению функционирования лексемы *сьӧлӧм* («сердце») в коми-пермяцком языке в лингвокультурологическом аспекте: составлен лексический портрет слова, через анализ фольклорных и авторских текстов установлены образы-символы, связанные с данной лексемой, кратко проанализированы устойчивые выражения с указанным компонентом. Приведены результаты ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: лингвокультурология, слова-соматизмы, лексический портрет, фразеологические выражения, ассоциативное поле.

Лингвокультурология как наука дает нам возможность по-новому взглянуть на объект исследования в языке. По мнению ученых, культура народа отражается в его языке, каждый язык специфичен и уникален. Лингвокультурология изучает легенды, сказки, устойчивые словосочетания, обычаи, обряды, символы культуры. Язык не просто называет то, что есть в культуре народа, он формирует саму культуру, как бы прорастая в нее, и сам развивается в ней. Язык способствует сохранению и трансляции культурного кода народа.

Особым пластом языка, который требует внимательного изучения, будут являться слова-соматизмы, представляющие древний лексический пласт языка, а, значит, и несущие в себе знаки культурной памяти народа, его символические смыслы. В своей работе мы остановимся на анализе одного такого слова.

Целью нашего исследования явился анализ коми-пермяцкого лексемы *сьӧлӧм* («сердце») в лингвокультурологическом аспекте.

Материалом для нашего исследования послужили фольклорные и художественные тексты, лексикографические источники, материалы ассоциативного эксперимента.

Для номинации сердца как человеческого органа коми-пермяки пользуются единственным словом *сьӧлӧм* («сердце») [КПРС 1985: 463].

В начале нашего исследования мы изучили *лексический портрет* слова *сьӧлӧм*:

– с точки зрения происхождения слово *сьӧлӧм* относится к уральскому периоду, имеет соответствия в финно-угорских и самодийских языках (в удмуртском – *сьӧлэм* «сердце; сердцевина», в марийском – *шӱм*, в мордовских – *седей*, *седи*, в эстонском – *süda* (*südate*) «сердце; сердцевина», в финском – *sydän* «сердце», в селькупском – *síd* «сердце» и др.) [ШЭСКЯ 1996: 190];

– словообразование: лексема *сьӧлӧм* имеет компонент *-ӧм*, присущий отглагольным существительным (ср.: *узьӧм*, *сёйӧм*). В коми-пермяцком языке имеются сложные слова, одним из компонентов которых является слово *сьӧлӧм*: *сьӧлӧмгаж* (*гаж* «радость, веселье»), *сьӧлӧмшӧр* (*шӧр* «середина, центр»), *сьӧлӧмви* (*ви* «масло, масляный»). Все номинации имеют значение «любимый, родной, дорогой», т. е. являются семантическими синонимами. Компонент *сьӧлӧм* всегда стоит на первом месте [Лобанова, Шляхова 2010: 308];

– лексико-семантические связи исследуемой лексемы почти не прослеживаются. Исключение составляют слова: *сьӧлӧмтны* уст. «по-

любить», *сьӧлӧмтӧм* «бессердечный, жестокий», русский вариант *сердешной* фольк. «близкий, дорогой человек»;

– из фонетических вариантов слова в южном *иньвенском* диалекте коми-пермяцкого языка встречаются варианты: *сьӧӧм*, *сьӧвӧм*.

Заметим, что коми-пермяк долгое время любил не сердцем, а печенью! Сердце, как жизненно важный орган человека, коми-пермяки стали воспринимать только под влиянием постоянных контактов с русскими. В коми-пермяцком языке в этой функции выступало слово *мус* («печень»). В речи людей старшего поколения встречаем выражения: *мустӧм морт* в значении «бессердечный, жестокий человек» и *муса менам* в значении «любимый, дорогой», доказывающие то, что в прошлом коми-пермяки (впрочем, как и многие другие финно-угорские народы) считали печень важной и чувственной частью тела.

В рассмотренных нами жанрах устного народного творчества коми-пермяков – сказках, загадках, пословицах и поговорках – слово *сьӧлӧм* встречается довольно редко. Примерами пословиц могут послужить такие выражения: *Сьӧлӧм выльсь из усис* (букв. «Камень с сердца упал»); *Эн видзӧт чужӧм вылӧ – видзӧт сьӧлӧм вылӧ* (букв. «Не смотри на лицо – смотри на сердце»); *Морт сьӧлӧмывт абу из* (букв. «Сердце человека не камень»).

Богатый материал с исследуемой лексемой встречается в таком фольклорном жанре, как **частушка**. В лирических частушках при помощи слова *сьӧлӧм* выражаются сокровенные чувства и мысли лирической героини. Например:

*Ме любита горӧн сьывны,
Менам голос золотӧй.
Менчим сьӧлӧмӧс вӧрзьӧтӧс
Ӧтӧк зонка боевӧй.*

То же самое можно сказать о лексеме *сьӧлӧмшиӧр*. Слово сложное, состоит из двух самостоятельных слов: «сердце» и «середина». На русский язык данное слово переводится как «середина сердца». Сравните строчки:

<i>Менам тэ лишь ӧтнат милӧй, Шондӧбанӧй, сьӧлӧмшиӧр.</i>	<i>У меня один ты милый, Лик солнца, середина сердца.</i>

Нами проанализирован сборник коми-пермяцких частушек «Ох, и сылы бы ме» (1994). Мы выделили 25 частушек со структурой *сьӧлӧм* + глагол: *сьӧлӧм висьӧ*, *сьӧлӧм вӧрзьӧтӧс*, *сьӧлӧм пессьӧ*, *сьӧлӧм радуйтчӧ*, *сьӧлӧм чеччалӧ*, *сьӧлӧм доймӧ*, *сьӧлӧм потӧ*, *сьӧлӧм сьылӧ*, *сьӧлӧм*

терпитö и др. В одной из частушек встретилось выражение *сьöлöм потö-паськалö* (букв. «сердце раскалывается-расширяется»), состоящее из структуры: сущ. + парный глагол. Все вышеперечисленные выражения представляют собой устойчивые выражения, выражающие сокровенные чувства и мысли лирической героини.

Каково же функционирование слова *сьöлöм* в коми-пермяцких авторских текстах? В сборнике стихов Анны Истоминой «Вуджжез и борддэз» («Корни и крылья») (1991) мы обнаружили интересное сравнение сердца с домашней печью [стих. «Слепöйсьялöмась öшыннэзö морозсянь»] [Истомина 1991: 30]:

*Ачыс горыс – керку сьöлöмыс –
кöдзалöма.*

Сама печь – сердце дома –
остыла.

Нами проанализированы стихи коми-пермяцкого поэта Петра Николаевича Чугайнова из сборника «Певец родного края» (2023), в которых довольно часто встречаются строки с компонентом *сьöлöм*. Они связаны с тоской по родному дому, родной земле:

*Но моросын кöдзыт, кызд гуын.
Сьöлöмс пожналöма пуж.
Ме ог тöд, мыля эта муö
Оз мёртчы некыз менам вуж.*

Но в груди холодно, как в яме.
Мое сердце просеял иней.
Я не знаю, почему в эту землю
Не втыкается мой корень.

*Сьöлöмö кольчö чужанінын,
Сьöлöмсö он некöр бöбöт,
И ог вунöт, кызд ассим нимöс,
Сідз коми крайöс ог вунöт.*

Мое сердце остается на родине,
Сердце никогда не обманешь,
И не забуду, как свое имя,
Так коми край свой не забуду.

В активно используемом на сегодняшний день стихе-песни «Калина-малина» поэта и исполнителя Руслана Мелехина встречаем строки:

*Мöдöны сьöлöм сьöлöмкöт
Талун öтлаасын,
Том жöник да том невеста
Мöдöны гöтрасьны.*

Хотят сердце с сердцем
Сегодня пожениться...
Молодые жених и невеста
Хотят пожениться.

Из приведенных примеров наблюдаем, что как в народных, так и авторских коми-пермяцких текстах слово *сьöлöм* служит метафорой для выражения душевного состояния лирического героя или лирической героини.

Лексема *сьöлöм* прочно укрепилась и в составе фразеологизмов со значением эмоционального состояния. Анализ фразеологического ма-

териала (Коми-пермяцкий фразеологический словарь, 2010) показал, что фразеологизмы с лексемой *сьӧлӧм* составляют древнейший лексический пласт коми-пермяцкого языка. Они выражают различные эмоции и чувства носителя языка: страх, разочарование, любовь, переживания. Например: чувство радости передается фразеологизмами: *сьӧлӧм радуйтчӧ* (букв. «сердце радуется»), *сьӧлӧм орсӧ* (букв. «сердце играет»), *сьӧлӧм кымӧрӧ лэбтасьлӧ* (букв. «сердце в небо поднимается»); беспокойство, тревога – *сьӧлӧм вӧрзӧтны* (букв. «сердце тронуть»), *сьӧлӧм гуддӧшитны* (букв. «сердце ковырнуть») «задеть за живое»; страх, испуг – *сьӧлӧм джӧмдӧс* (букв. «сердце споткнулось») «испугаться», *сьӧлӧм пот мунӧ* (букв. «сердце трескается»), *сьӧлӧм кок пятаӧ лэдзчисис* (букв. «сердце в пятку ноги опустилось»); безразличие, равнодушие – *сьӧлӧм кусис* (букв. «сердце погасло») и др. Среди фразеологизмов с изучаемым компонентом можно выделить как исконные сочетания: *сьӧлӧм бурмис* (букв. «мое сердце похоронилось»), *сьӧлӧм пот мунис* (букв. «мое сердце ушло»), так и сочетания, являющиеся кальками или полукальками из русского языка: *не менам сьӧлӧм сьӧртӧ* (букв. «не по моему сердцу») в значении «не по мне», *сьӧлӧм оз кыскы* (букв. «сердце не тянет») в значении «душа не лежит», *чорыт сьӧлӧма* (букв. «с твердым сердцем») в значении «безжалостный».

Фразеологический материал, с нашей точки зрения, является особым языковым материалом, который требует отдельного подробного анализа. Мы можем лишь констатировать, что фразеологизмы, являясь своеобразным проводником между поколениями, предоставляют нам богатый материал для изучения языка, культуры, истории народа.

Одной из форм представления слова в национально-культурном плане выступает ассоциативное поле. На примере функционирования в речи лексемы *сьӧлӧм / сердце* нами было решено провести ассоциативный эксперимент. Мы решили пригласить поучаствовать в свободном ассоциативном эксперименте обучающихся 8–11-х классов: МБОУ «Больше-Кочинская СОШ», носителей родного (коми-пермяцкого) языка, и учащихся МБОУ «Кочёвская СОШ», носителей русского языка. Им всем было предложено дать ассоциацию на слово-стимул «сердце». В результате эксперимента было получено 40 реакций (ответов) на русском языке, 35 – на коми-пермяцком языке. Ответы-реакции решено было представить с помощью «облака слов» (см. рисунок 1).

На примере полученного результата видно, что наиболее частотными реакциями на слово стимул *сьӧлӧм / сердце* в ответах носителей коми-пермяцкого языка оказались глагольные лексемы: *висьӧ* («болит»), *орсӧ* («играет»), *пессьӧ* («бьется»), *бурмис* («похоронилось»), *радейтӧм* («любит»), которые, как правило, в речи коми-пермяков являются компонентами устойчивых сочетаний, фразеологизмов. Подобные выражения отражают картину различных эмоций, чувств, переживаний человека.

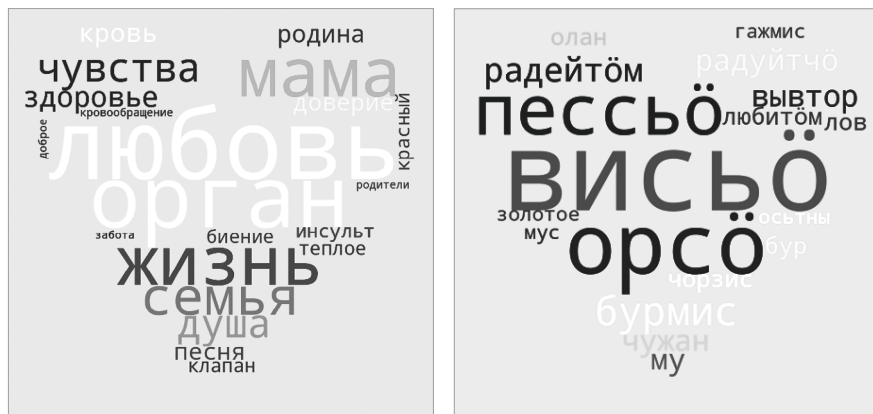

Рисунок 1

В речи носителей русского языка частотными ассоциациями явились слова: *любовь*, *орган*, *жизнь*, *мама*, *семья*. Реакции представляют собой в основном именные компоненты (существительные), которые представляют собой символы сплоченности, жизнеспособности русского народа.

Таким образом, общеупотребительная лексема *сьöлöм* / *сердце* активно используется носителями коми-пермяцкого языка как самостоятельное слово, так и в составе устойчивых словосочетаний для выражения физического и эмоционального состояния человека. Данный процесс отражает познание человеком окружающего мира: от уровня его чувств, через социально-коммуникативный уровень, к уровню духовной культуры.

Литература

- Истомина А. Ю. Корни и крылья: стихи. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-Перм. отд-ние, 1991. 125 с.
- КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.
- Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы исследования. Пермь, 2008. 188 с.
- Лобанова А. С., Шляхова С. С. Коми-пермяцкий язык конца XIX – начала XXI вв.: стилистические аспекты. Пермь, 2010. 371 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Никитина Л. А. Ох и сылы бы ме: Частушки на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1994. 208 с.
- Облако слов создать онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://words-cloud.pythonanywhere.com/> (дата обращения: 22.01.2024).
- Попова О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010. 344 с.

Чугайнов П. Н. Певец родного края: литературно-художественный сборник. Кочево, 2023. 120 с.

ШЭСКЯ 1996 – Школьный этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1996. 240 с.

УДК 811.161.1+811.511.13

Л. Г. Пономарева
г. Кудымкар

Рукописный «Словарь Руско-пермятский. Часть 1. 1833 года»: анализ структуры словарных статей

В статье даются общие сведения о рукописном русско-пермяцком словаре 1833 г., а также анализируется структура его словарных статей. Анализ показывает, что в качестве вокабулы могут выступать разные грамматические единицы, которые не всегда совпадают по своей структуре в зоне коми-пермяцких эквивалентов. Аналогичное явление наблюдается и при анализе частей речи. В словарных статьях встречаются информационные и грамматические пометы.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, рукописный словарь, словарная статья, структура словарной статьи, заголовочная единица / вокабула.

Данный рукописный словарь [Словарь 1833] хранится в рукописном отделе Венгерской академии наук в папке Антала Регули. По всей видимости, этот словарь в переработанном виде и с дополнениями лег в основу изданного словаря К. Редечи [Rédei 1968]. Об этом говорят следующие строчки на немецком языке во введении словаря К. Редечи (здесь привожу перевод на русский язык): «Материал словаря был собран Ф. А. Волеговым в 1833 г. в Новом Уссолье (ныне: Уссолье). Ф. А. Волегов подарил рукопись Анталу Регули в 1843 г., и таким образом она попала во владение Венгерской академии наук как собственность Антала Регули. Ее название: Словарь Руско-пермятский. Часть 1. 1833 года. Ее номер в рукописном собрании: M. Nyelvt. 4° 29» [Rédei 1968: 7].

Смею также предположить, что известный мне другой рукописный русско-пермяцкий словарь 1848 г. представляет собой усовершенствованный вариант анализируемого здесь русско-пермяцкого словаря 1833 г. В настоящей статье дам общие сведения об этом рукописном словаре, а также проанализирую структуру словарных статей.

Данный словарь представляет собой двуязычный русско-коми-пермяцкий словарь, который включает в себя 3598 словарных статей. Словарные статьи в исследуемом словаре начинаются со второго листа и заканчиваются на 154 листе, далее до 161 листа дается перечень рек и их объяснение на русском языке. Листы пронумерованы черным карандашом арабскими цифрами на верхней правой части. На листе текст располагается в виде двух страниц. Отсутствуют листы: 19, 25, 32, 118, 129–138, 148, 150.

Словарная статья имеет следующую структуру: в колонке слева расположена заголовочная единица – русская языковая единица, а в колонке справа дается ее перевод на коми-пермяцкий язык. Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке, начинаются с буквы «А» и заканчиваются буквой «Я». Внутри букв расположение заголовочных единиц не всегда представлено по алфавиту. Все русские и коми-пермяцкие единицы написаны черными чернилами с помощью русских букв и русской орфографии того времени. Специфические звуки коми-пермяцкого языка тоже обозначаются с помощью русских букв, например: Усталъ ‘*Мычжи*’ (л. 119) // кп. лит. *мыдзи*; Свадьба ‘*Гэтрасемъ*’ (л. 99) // кп. лит. *гётрасём*; Грибъ, грибы ‘*Чакъ, чакъэзъ*’ (л. 17) // кп. лит. *тишак, тишаккез* и т. д.

В подавляющем большинстве слов ударение не отмечено. В тех коми-пермяцких примерах, где имеется знак ударения, он может находиться на разных слогах, например: выкупаю ‘*Véиша*’ (л. 13); Рябчикъ ‘*Céла*’ (л. 95); Бунтъ ‘*Косясемъ*’ (л. 6); немощный ‘*Шогэлэмъ*’ (л. 64); Гнѣвъ ‘*Лэгасемъ*’ (л. 16) и др. В русских словах ударение тоже встречается, но реже, чем в коми-пермяцких примерах, например: навозыль ‘*Ваялы*’ (л. 65); Воробы ‘*Ань бордъ*’ (л. 14) и др. С помощью ударения автор разграничил русские омографы, которые представил в отдельных словарных статьях, например: Во́локъ (лѣсъ) ‘*Вэръ*’ (л. 14); Во́локъ (тащиль) ‘*кыски*’ (л. 14).

В большинстве случаев заголовочные русские единицы начинаются с заглавной буквы, но иногда – и с прописной. Эквивалент на коми-пермяцком языке может быть написан как с большой буквы, так и с маленькой.

Встречаются зачеркивания (54 примера из общего количества словарных статей). В некоторых случаях рядом с зачеркиванием написан другой вариант, эти случаи не входят в количество примеров с зачеркиванием, они засчитаны в общее количество примеров словаря наряду с другими незачеркнутыми словарными статьями.

Иногда заголовочные русские единицы не переведены на коми-пермяцкий язык. Таких примеров встречается 73 единицы из общего количества словарных статей.

На месте некоторых коми-пермяцких переводов написано – *такъ же* или *тоже*. Таких примеров 189. По всей видимости, это русские слова, которые в коми-пермяцком языке используются без каких-либо модификаций, например: Сокровище ‘*такъ же*’ (л. 110); Сосѣдь ‘*также*’

‘Пась урэвэй’ (л. 59); Мъхъ Заячій ‘Пась Кэчовэй’ (л. 59); Пирогъ сърыбой ‘Чери-нянь’ (л. 79); Постъ Великій ‘Ыжыть Вичжа’ (л. 82); Худое житѣ или худая жизнь ‘умэля олэмъ’ (л. 125) и т. д.;

3) предложения, встречаются очень редко, например: Единъ Богъ надъ-нами всѣми ‘Этыкъ Ень мѣянь вылынъ быдэнысь вылынъ’ (л. 28); Незнаю немогу знать ‘Ме ог тѣдъ, ме эжкылъ’ (л. 64); Ситиво изъ Котораго разсѣвають хлебъ на пашню ‘Кэдчанъ Кудъ’ (л. 101).

Русские вокабулы могут быть представлены в коми-пермяцкой части иными грамматическими единицами, т. е. отдельные слова могут переводиться на коми-пермяцкий язык и словами, и словосочетаниями, и целыми предложениями, например: Высоко ‘Вылынъ’ (л. 13); Дерево ‘Пу’ (л. 22); Апетить ‘Кынэмъ Сималэ’ (л. 2); Безполѣзный ‘Некытче озъ туй’ (л. 4); Безпорядокъ ‘Немъ вылэ остуй’ (л. 4); Нѣмой, нѣмъ ‘нгъмъ озъ вермы шуны’ (л. 65) и др.

2. Части речи в словарных статьях. В словарных статьях в качестве заголовочного слова могут быть разные части речи. В большинстве случаев они переведены на коми-пермяцкий язык аналогичными частями речи:

1) существительные, представлены в начальной форме, например: Мохъ ‘Ничъ’ (л. 58); Голова ‘юръ’ (л. 16); Шуба ‘пасъ’ (л. 143); свѣча ‘Масисъ’ (л. 99) и др. Очень редко заголовочное слово, стоящее в начальной форме, может сопровождаться и формой множественного числа. Тогда эта особенность наблюдается и в коми-пермяцком эквиваленте, например: Крыло, крылья ‘Бордъ, бордъезъ’ (л. 47); овца, овцы ‘баля, баляэзъ’ (л. 71). Аналогичным образом материал может быть представлен и в словах, перешедших из других частей речи в имя существительное, например: Легкій Легкіе ‘Кокнитикъ, кокниеэзъ’ (л. 52); Много многіе ‘Уна, унаезъ’ (л. 57) и т. д.;

2) прилагательные в подавляющем большинстве случаев даны в начальной форме, например: Мягкій ‘Небытъ’ (л. 59); Голый ‘Кушь’ (л. 16); пьяный ‘Кодъ’ (л. 85); новый ‘Виль’ (л. 65) и т. д. Очень редко встречается форма компаратива, например: Меньше ‘учетъ-жикъ’ (л. 60) и др.;

3) местоимения, например: Мы (мѣстоим.) ‘міе’ (л. 58); твоя твой, твое ‘тэнатъ’ (л. 113); ты ‘тэ’ (л. 114); Этотъ Сей ‘Эсыя’ (л. 149); Кого ‘Кинэсъ’ (л. 45); Кому ‘Кинлэ’ (л. 45) и др.;

4) числительные, например: Восемнадцать (18) ‘Дасъ кэкъямысь’ (л. 12); Восемьдесятъ 80 ‘кэкъямысь-дасъ’ (л. 12); Десять ‘Дасъ’ (л. 22); Третій, третья ‘Куимэть’ (л. 114); Шестнадцать ‘Дасъ-кватъ’ (л. 143); Одинадцать ‘Дасъ Этыкъ’ (л. 72) и т. д.;

5) наречия представлены в подавляющем большинстве случаев в начальной форме, например: Очень ‘Эдденъ’ (л. 73); Сего дни (нареч) ‘Талунъ’ (л. 100); Какъ (нарѣч) ‘Кычжъ’ (л. 43); напередъ ‘озльланъ’ (л. 67) и др. Редко встречаются формы компаратива наречия: тише ‘жăгжыкъ,

жагвывь' (л. 113); рѣже 'шочь-жикъ' (л. 98) и др. Следует отметить, что наречий в словаре мало, по сравнению с другими частями речи;

б) глаголы, встречаются в самых разных формах. В словарных статьях они могут быть представлены:

а) какой-либо одной формой, например:

– формой настоящего времени 1-го или 3-го л. ед. ч.: Берегу (Храню) 'Вичжя' (л. 4); выкупаю 'Вѣшта' (л. 13); Болить 'Висе или доймэ' (л. 5); Лаеть 'Ултэ' (л. 52) и др.;

– формой прошедшего времени 1-го или 3-го л. ед. ч.: Засталь 'Адзчи-лы' (л. 35); Лежаль 'Куйлысь' (л. 53); Блудиль 'Бѣжмалысь' (л. 8); Запретиль 'Эгъ Чекты' (л. 34) и т. д.;

– формой инфинитива: брызгать 'Резны' (л. 8); будить 'Саймэйтны' (л. 8); Буянить 'Буянитны' (л. 9) и др.;

– формой повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.: Запри 'Пэдналь' (л. 34) и др.;

б) двумя формами, например:

– формами настоящего времени 1-го л. ед. ч. и инфинитива: Беру, брать (глагол) 'босьта, босьны' (л. 4); живу жить 'Ола Олны' (л. 30) и др.;

– формами настоящего и прошедшего времени 1-го л. ед. ч. Порядок следования времени глагола может меняться: Везу, везъ 'кыска, кыски' (л. 10); Всталь, встаю 'Четчи, Четча' (л. 12); Выпилъ, выпиваю 'юи, юа бытдзень' (л. 13) и т. д.;

– формами прошедшего времени 3-го л. ед. ч. и повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.: Бросиль брось 'Чапкысь; чápкы' (л. 6) и др.;

– формами инфинитива и прошедшего времени 1-го или 3-го л. ед. ч.: Бѣжать, бѣжалъ 'котэртны. пышы' (л. 6); брякать, брякаль 'Брякайтны, Бракайтись' (л. 8) и др.;

– формами понудительного и возвратного залогов: бороться бороться 'пэрэтны нярясны' (л. 8) и др.;

в) тремя формами, например:

– формами настоящего и будущего времени 1-го л. ед. ч., а также прошедшего времени 3-го л. ед. ч.: Лезу, взлезу, влезъ 'Кая-Каисъ' (л. 53) и др.;

– формой повелительного наклонения 2-го л. ед. ч., изъявительно-го наклонения прошедшего времени ед. ч. и настоящего времени 1-го л. ед. ч.: пиши; писалъ; пишу 'Гижъ; Гижисъ, Гижи Гижэ' (л. 79). В этом примере в коми-пермяцком переводе в прошедшем времени даны две формы, поскольку в пермяцком языке прошедшее время различается по лицам. Иногда один из компонентов является другой частью речи, например: Плачу Плакаль плачуше 'бэрда бэрды бэрдыевезъ' (л. 80); Крикъ, Кричалъ, кричу, рѣву 'Горзѣмъ, горза' (л. 47) и др.;

г) четырьмя формами, например: иди, идетъ, иду, идуть 'Локъ Локтэ Муна Локтэны' (л. 39) и др.;

7) союзы, например: Когда (союз) *‘Кэдырь, кэрь’* (л. 45); и (Союз) *‘и’* (л. 39); Или (Союз разд.) *‘Али’* (л. 40) и т. д.;

8) предлоги (послелог. – *Л. II.*), например: подь (предлогъ) *‘Улынъ, ултъ’* (л. 80); предь (предл.) *‘Вочынъ’* (л. 83); Для (предл.) *‘Пондасъ’* (л. 22); За (предлогъ) *‘Саинъ’* (л. 36) и др.;

9) частицы, например: Вотъ, то-то *‘тотай’* (л. 12);

10) междометие – один пример: Ахъ! (междумѣт.) *‘Акъ! а иногда окъ!’* (л. 2).

В некоторых случаях русские заголовочные слова переведены на коми-пермяцкий язык другой частью речи, например: Болтунъ *‘Уна-сэрнитэ’* (л. 5): в русск. – сущ., а в кп. – нареч.+ гл.; Боязнъ (страхъ) *‘Поланъ, иногда полэ’* (л. 5): в русск. – сущ., а в кп. – сущ., иногда гл.; будущее *‘мый-озванъ-вовасъ’* (л. 8): в русск. – сущ., а в кп. – мест.+ нареч.+ гл. и др.

В качестве вокабулы могут быть слова разных частей речи, например: низко низкій *‘Лажмытъ’* (л. 64); нужда нужный *‘Колэмъ, Коляна’* (л. 65); пѣшій, пѣшкомъ *‘подэна, подэнь’* (л. 85); Разлука, Разлучилъ *‘Янсэтъ, Янсэты’* (л. 93); Сладко, Сладкій *‘Ческытъ, Ческэтъ’* (л. 102); Холодъ, холодно *‘кэчжытъ’* (л. 125); Густота, Гуща Густый *‘Сукъ’* (л. 17); Гнушаюсь, гнушение *‘Вэкта, вэктемъ’* (л. 16); Грѣхъ Грѣшу *‘умэль керэмъ, умэль кера’* (л. 17) и др.

Изредка в качестве вокабулы может быть слово в начальной форме, а рядом – его форма с уменьшительным значением, например: Борода, борода *‘тошъ, тошторъ’* (л. 5); Деревня Деревенька *‘Грэздъ, Грэздохъ’* (л. 22); Ножъ, Ножичекъ *‘Пуртъ, пуртокъ’* (л. 65) и др.

3. Семантические отношения в словарных статьях:

1) синонимические ряды. В большинстве случаев они представлены в коми-пермяцких переводах, например: Безобразный *‘Нэшитэмъ, иногда нелэситъ’* (л. 4); Благоразуміе *‘Кузь-мылкъыда, или ыжытъ мылкъыдъ’* (л. 4); Болить *‘Висе или доймэ’* (л. 5); Лукавъ (Лукавый) *‘пэръя-сисъ или бэбэтчанъ’* (л. 54); Мало *‘Учета, еча’* (л. 56); Почему? *‘Мый, мы-сертъи, мый-понда?’* (л. 82); Сова (птица) *‘Тупка_Сюзь’* (л. 103); Хорошъ *‘Лэситъ, бычемъ’* (л. 125) и др.

Изредка синонимические ряды встречаются и в русских заголовочных единицах, например: Баба, бабушка *‘пэрысь-инъ’* (с. 3); Благій, благосклонный, добрый, Доброхотный, ласковый, милостивый, полѣзный, совѣстный, способный, честный, щедрый *‘буръ’* (л. 6) и др.;

2) один пример с омонимией: Бездѣльникъ *‘ыжмалысь’*, (то же, что *баловникъ’*) (л. 3).

4. В словарных статьях представлены следующие пометы:

1) информационные, они являются, как правило, объяснениями к заголовочному слову и даются в круглых скобках. Это объяснение может:

– указывать на цель предмета: баба (для забивки свай) ‘Нэшъ’ (л. 3); Коса (для кошения сена) ‘кэса’ (л. 51) и др.;

– быть синонимом: будни (простой день) ‘Простой лунъ’ (л. 6) и т. д.;

– показывать родовые понятия: Земляника (Ягоды) ‘Озь Ягэдъ’ (л. 35);

Ключъ (вода) ‘Шоръ’ (л. 44); Малина (Ягодъ) ‘Эмичжъ’ (л. 56) и др.;

2) грамматические, они указывают на следующие части речи:

– местоимение: Мы (мѣстоимен.) ‘mie’ (л. 58); Я (мѣстоимение) ‘Me’ (л. 153) и др.;

– глагол: Беру, брать (глагол.) ‘босьта, босьны’ (л. 4); Есмъ, Есть (глаголь) ‘Эмъ’ (л. 28) и др.;

– наречие: Какъ (Нарѣч.) ‘Кычжъ’ (л. 43); однако (нарѣчие) ‘веськэ’ (л. 75); Сколько (нареч.) ‘мылда’ (л. 102) и т. д.;

– союз: Когда (союзъ) ‘Кэдырь, кэрь’ (л. 45) и др.;

– предлог (послелог. – Л. П.): Въ, во (предл.) ‘Э’ (л. 13); Для (предл.) ‘пондасъ’ (л. 22); Къ, Ко (предлогъ) ‘Дынэ, или ордэ, орды’ (л. 48); предъ (предл.) ‘Вочынъ’ (л. 83); У (предлогъ) ‘Дынамъ, дынать, дынымъ, дынысь’ (л. 117) и т. д.;

– междометие: Ахъ! (междомѣт.) ‘Акъ! а иногда окъ!’ (л. 2).

В очень редких случаях они могут показывать на другие грамматические особенности слов, например:

– повелительное наклонение глагола: Ступай (повѣлит.) ‘мунъ!’ (л. 105);

– вид союза по значению: Но (союз раздѣл.) ‘но’ (л. 65).

Таким образом, исследование показало, что структура словарных статей словаря представлена разнообразно, и в ней нашли отражение многие особенности коми-пермяцкого языка того времени. Неодинаково представлены формы глаголов. Словарь требует дальнейшего всестороннего научного исследования в синхронном срезе и в диахронии. Он представляет большой интерес для развития коми-пермяцкого языка.

Сокращения

гл. – глагол; ед. ч. – единственное число; кп. – коми-пермяцкий язык; л. – лицо; лит. – литературный (коми-пермяцкий) язык; мест., мѣстоим. – местоимение; нареч., нарѣч. – наречие; повѣл. – повелительное наклонение; разд., раздѣл. – разделительный (союз); русск. – русский язык; сущ. – существительное;

Литература

Словарь 1833 – Словарь Руско-пермятскій. Часть 1. 1833 года. Рукописный отдел Венгерской академии наук. Будапешт (ф. M[agyar] nyelvtud[omány], опись 4°, д. 29).

Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 s.

Функции кодовых переключений в педагогическом дискурсе (в условиях русско-узбекского билингвизма)

Статья посвящена изучению особенностей функционирования кодовых переключений в условиях русско-узбекского билингвизма. На основе анализа речевых практик участников образовательного процесса на уроках русского языка в общеобразовательных школах с узбекским языком обучения были выделены следующие функции кодовых переключений: фатическая, адресатная, предметно-тематическая, эмоционально-оценочная, функции воздействия и экономии языковых ресурсов.

Ключевые слова: кодовые переключения, педагогический дискурс, узбекско-русское двуязычие, билингвизм, функции кодовых переключений.

В современной гуманитарной науке широко используемый термин дискурс может рассматриваться с различных точек зрения [Демьянков 2005]. Наиболее частотными являются следующие подходы к его пониманию:

- дискурс как согласованный речевой текст, который характеризуется как лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами;
- дискурс как разновидность лингвистической коммуникации;
- дискурс как взаимодействие, которое осуществляется в определенном социальном контексте.

Несмотря на наличие различных подходов, обобщающим является понимание дискурса как неотъемлемой части речеповеденческой ситуации той или иной социальной группы в определенных социокультурных условиях.

Как отмечает В. И. Карасик, институциональный дискурс – это специализированный клишированный вариант коммуникации между людьми, которые должны взаимодействовать согласно правилам и нормам данного социума, применяя широкий код коммуницирования [Карасик 2000]. В зависимости от содержания коммуникации могут быть представлены различные типы институционального дискурса, например, финансовый – экономика, медицинский – здоровье, педагогический – обучение. Более того, в рамках реализации дискурса могут быть репрезентированы психологические стереотипы, определенные коммуникативные ритуалы, характерные для конкретной речевой ситуации.

Педагогический дискурс – это один из видов институционального дискурса. Ключевые концепции данного понятия раскрыты в исследовании

дованиях таких ученых, как Т. В. Ежова [2006], В. И. Карасик [2000], О. В. Коротеева [1999] и др. На основе трудов указанных ученых можно сделать вывод о том, что для исследуемого вида дискурса характерны следующие компоненты: фиксированная цель (наличие образовательной и воспитательной цели), транслируемые ценности (воспитание гармонично развитой личности), топос (чаще образовательные организации или воспитательные мероприятия), участники коммуникации (учитель и обучающийся), сформировавшиеся дискурсивные формулы (чаще императивного характера в рамках конкретного урока).

При изучении педагогического дискурса особый интерес представляют образовательные организации, в которых в процессе преподавания школьных дисциплин используются транслингвальные практики. Ярким примером здесь являются билингвальные образовательные организации Республики Узбекистан. С целью изучения языкового репертуара участников образовательного процесса методом включенного наблюдения нами были проанализированы речевые образцы общим звучанием более 30 часов. Материалы собирались на уроках русского языка, где сам контекст требует максимально сократить использование узбекского языка.

На основе собранного материала можно сделать вывод о том, что в педагогическом дискурсе активно используется явление кодовых переключений, которое в самом широком контексте рассматривается как процесс использования коммуникантом двух языков (в данном случае – узбекского и русского) в ходе своей речевой деятельности в зависимости от обстоятельств коммуникации. Важно подчеркнуть, что наличие явления кодовых переключений не всегда является показателем слабого владения языком. По мнению Е. Хоффмана, считающего переключение кодов одним из оригинальных факторов билингвальной среды, можно констатировать тот факт, что билингв может переключаться на разные языковые коды и в случае высокой степени владения языками и общей коммуникативной культурой [Hoffmann 1989].

Рассматривая особенности использования кодовых переключений, ученые выделяют различные функции для разных аспектов жизнедеятельности человека. Согласно мнению Г. Н. Чиршевой, часть прагматических функций кодовых переключений схожа с теми, что обнаруживаются в одноязычной коммуникации, но модифицируются благодаря присутствию двух кодов [Чиршева 2000]. Данные функции могут определяться параметрами, а также целями речевой деятельности. Так, можно выделить следующие: адресатная, цитатная, юмористическая, фатическая, эзотерическая, функция экономии речевых усилий, эмоциональная, функция самоидентификации, предметно-тематическая и воздействующая [Чиршева 2000: 196]. Важно подчеркнуть, что не все указанные функции кодовых переключений актуализируются в педагогическом дискурсе.

Проанализировав речевой материал, собранный на уроках русского языка в общеобразовательных школах с узбекским языком обучения (старшие классы), были определены следующие функции кодовых переключений:

а) *фатическая* функция может осуществляться в ситуациях, когда говорящий использует переключение на иной язык для того, чтобы поддержать и установить контакт с иноязычным коммуникантом или билингом: *Assalomu alaykum, уважаемый 11 Б класс! Урок начался, открывайте тетради.* ‘Здравствуйте, уважаемый 11 Б класс! Урок начался, открывайте тетради!’;

б) *адресатная* функция реализуется тогда, когда учитель целенаправленно акцентирует внимание на тех, кто может ошибочно понять задание: *Kitobi bor o‘quvchilar, поднимите руки.* ‘Поднимите руки те ученики, у которых есть учебник’;

в) *предметно-тематическая* функция кодовых переключений характеризуется частотным использованием тех или иных понятий в неродном (матричном) языке и обусловлена незнанием соответствующих лексических словоформ. Особенности данной функции также могут проявляться употреблением реалий в процессе дискуссии на темы, связанные с функционированием одного из языков в окружении другой культуры. В частности, в качестве ярких примеров здесь выступают культурные реалии: *Завтра в школе после уроков sumalak pishiradilar katta qozonda.* ‘Завтра в школе после уроков в большом казане будут варить сумалык’. Сумалык – традиционное восточное блюдо, которое готовится на праздник Навруз;

г) *эмоциональная* или *эмоционально-оценочная* функция реализуется как на сознательном уровне, так и неосознанно в том случае, когда говорящий хочет выразить свои эмоции при помощи оценочных и эмоциональных средств на одном из языков. Данная функция также может использоваться для акцентирования особого отношения к предмету высказывания: *Азиза, откуда ты это знаешь, sizning zukkoligingizdan tamnunman!* ‘Азиза, откуда ты это знаешь, я восхищена твоей находчивостью!’ В данном случае особой эмоциональной нагрузкой обладает выражение, озвученное на узбекском языке;

д) функция *воздействия* в большинстве случаев может проявляться в ситуациях, когда переход на иной язык реализуется для того, чтобы как можно быстрее добиться чего-либо от собеседника, который в свою очередь, отдает предпочтение данному языку коммуникации. Также стоит отметить, что благодаря переключению коммуникант может сам воздействовать на выбор языка собеседником: *Kundalikni tezroq bering, хочу поставить пятерку!* ‘Дайте быстрее дневник, хочу поставить пятерку!’;

е) функция *экономии языковых средств*, экономии речевых усилий и времени, активизируется особенно в тех ситуациях, когда на одинаковом уровне интенсифицированы оба языка билингва, что позволяет при-

менение стратегии упрощения и использования одного из эквивалентов, отличающегося лаконичностью: *На доске yozaman*. 'На доске я напишу'.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в условиях билингвальной образовательной среды явление кодовых переключений играет важную роль. Помимо комфортного использования нескольких языков в двуязычной среде в рамках педагогического дискурса кодовые переключения выполняют важные коммуникативные функции. Это, в свою очередь, позволяет оптимизировать учебный процесс с точки зрения установления контакта с учащимися.

Литература

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. М.: Яз. славян. культур, 2005. С. 34–55.

Ежова Т. В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. Т. 1. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 52–56.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Коротеева О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 24 с.

Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: ЧГУ, 2000. 194 с.

Hoffman E. Lost in translation: A new life in a new language. New York: Dutton, 1989. 280 p.

УДК 811.511.132'373.2:639.1

А. Н. Ракин
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

Обозначения охотничьих орудий лова промысловых животных в коми языке¹

В статье рассматривается лексика, связанная с охотничьим промыслом, в коми языке. Исследуются обозначения, употребляющиеся для номинации охотни-

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

чьих орудий, являющихся самоловами. Анализируются названия как исконного, так и иноязычного происхождения. В результате проведенного исследования установлено, что формирование и развитие рассмотренного компонента лексики охотничьего промысла происходило на основе внутренних ресурсов коми языка с минимальным участием заимствований.

Ключевые слова: коми язык, лексика охотничьего промысла, обозначения орудий лова, исконный фонд, заимствования.

Работа посвящена лексике охотничьего промысла в коми языке. В ней в качестве самостоятельной микросистемы изучаются обозначения, употребляющиеся для номинации охотничьих орудий лова. Основным источником для исследования послужила лексика коми литературного языка. Из числа диалектизмов рассматриваются лишь те примеры, которые, как и литературные обозначения, содержатся в нормативных словарях [КРК 2000; РКС 2003] и снабжены соответствующими пометами: *ветӧс* диал. ‘перевес, сеть на промысловую птицу’ [КРК 2000: 96], *пи* диал. ‘кормысло (в ловушке)’ [КРК 2000: 319], *тыӧс* диал. ‘ловушка, slopeц, западня (на птиц, мелких зверей)’ [КРК 2000: 675]. В статье рассматриваются слова как исконного, так и иноязычного происхождения. Сопоставительные примеры приводятся из коми-пермяцкого и удмуртского языков [КПРС 1985; УРС 2008]. Диахронная классификация исконного компонента анализируемой лексики производится с использованием реконструкций из этимологических изданий [КЭСК 1999; UEW 1988]. Что касается методов лингвистического анализа, использованных в данной работе, прежде всего следует назвать такие, как описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный и статистический, а также приемы денотативного, семантического и структурно-словообразовательного анализа.

Группа обозначений охотничьих орудий лова в коми языке состоит из 69 лексических единиц, относящихся к 53 объектам номинации. Эти средства охоты считаются самоловами, которые в отличие от других орудий добычи промысловых животных (например, ружейной) отлавливают, задерживают и убивают их в отсутствии человека.

Денотативная классификация обозначений охотничьих орудий лова

Предметно-понятийное содержание обозначений охотничьих орудий лова представляет собой определенную систему, которая позволяет распределить всю совокупность номинативных единиц данной группы по шести разрядам:

1. В современном коми языке понятие «ловушка» вообще выражается исконными словами *кыйдӧс* и *кыйӧд*, образованными от глаголов *кыйны* ‘ловить’, *кыйӧдны* ‘подстергать’.

2. Обозначения разновидностей орудий лова: *дзуг* ‘петельная ловушка’, *казь* ‘тенета’, *кыйсян гу* ‘ловчая яма’, *лэч* ‘силок’, *нальк* ‘плашка’, *пыльём* ‘западня, кулемка’, *чёс* ‘слопец’ и т. д.

3. Названия ловушек, предназначенных для охоты на конкретных представителей промысловой фауны: *анча кыян нальк* ‘ловушка на норку’, *вотан* ‘силок для ловли тетеревов и глухарей’, *дзодзёг казь* ‘тенета для ловли гусей’, *кёч пыльём* ‘ловушка для ловли зайца’, *сёла кыян лэч* ‘силок для рябчика’ и т. д.

4. Названия, обозначающие составные части орудий лова и их конструктивные особенности: *вёй* ‘приспособление для спуска механизма (в капкане)’, *карнан* ‘шест в ловушке’, *сёр* ‘перекладина, горизонтально подвешенный шест для установки силка’, *тымёд* ‘загородка из хвойных веток по бокам силков’ и т. д.

5. Обозначения, указывающие на материал, использованный для изготовления орудий лова: *вёв бёж сийсь гартём лэч* ‘силок из конского волоса’ (букв. ‘свитый из волос конского хвоста сенок’), *си петля* ‘петля из конских волос’ (*си* ‘волос, волосы’), *сутуга лэч* ‘проволочная петля на зайца’ (*сутуга* ‘проволока’, *лэч* ‘петля’) и т. д.

6. Группа названий, указывающих на место нахождения орудий лова (в земле, на поверхности земли или над землей): *гу* ‘ловчая яма’ (выкапывается для добывания крупных промысловых животных, например зайца и волка), *му лэч* ‘глухаринные и тетеревиные петли’ (*му* ‘земля’, *лэч* ‘силок, петля’), *сёр лэч* ‘рябчиковые петли’ (*сёр* ‘горизонтально подвешенный шест’, *лэч* ‘силок’).

Генезис обозначений охотничьих орудий лова в коми языке

С точки зрения генезиса исконная часть лексики охотничьих орудий лова, как и другие разряды основного словарного фонда коми языка, представляет собой многоуровневую систему. В соответствии с хронологией происхождения в ней различаются допермские, прапермские, пракоми и собственно коми-зырянские образования. Одной из особенностей допермского фонда анализируемых обозначений является то, что в нем отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до IV тыс. до н. э. [ОФУЯ 1974: 409]. Остальные компоненты древней лексики имеются.

Анализируемая часть лексики охотничьего промысла состоит из 16 обозначений. Четыре из них унаследованы из прафинно-угорского языка, три – из прафинно-пермского, три – из прапермского, шесть – из пракоми языка.

Группа названий, возникших в прафинно-угорский период (начало IV – конец III тыс. до н. э.) [ОФУЯ 1974: 424]:

1) *казь* ‘тенета’ [КРК 2000: 256], кп. *казь* сев. ‘тенета (редкая сеть, употребляемая для ловли зайцев, лисиц, волков)’ [КПРС 1985: 162], удм. *казь* ‘сеть для охоты на зайцев’ [УРС 2008: 273] < общеп. **kaz* ‘сеть’ [КЭСК 1999: 114] < ф.-у. **käs’z* ‘рыболовная сеть’ [UEW 1988: 132]. Генетические соответствия приводятся из марийского и хантыйского языков.

2) *лэч* ‘силок, ловушка’ [КРК 2000: 375], кп. *лэч* сев. ‘силок, ловушка’ [КПРС 1985: 230]. В удмуртском языке соответствие отсутствует, общепермская праформа не реконструируется [КЭСК 1999: 165] < ф.-у. **läc’z* (*lec’z*) ‘силок’ [UEW 1988: 239]. Генетические соответствия приводятся из финского, эстонского, марийского, мансийского и хантыйского языков.

3) *нальк* ‘ловушка для мелких зверей; слопец (в виде плашки с наживой и насторожкой)’ [КРК 2000: 412], кп. *нальк* ‘ловушка; слопец’ [КПРС 1985: 265], удм. *нальк* ‘ловушка (для зверей и птиц), слопец’ [УРС 2008: 455] < общеп. **nal’k* [КЭСК 1999: 18] < ф.-у. **näδ’z* (*näl’z*) ‘ловушка (для маленького зверя)’ [UEW 1988: 301]. В качестве генетических соответствий приводятся примеры из финского и мансийского языков.

4) *чос* ‘ловушка, западня, слопец (на птиц, мелких зверей)’ [КРК 2000: 713], кп. *чос* сев. ‘ловушка, западня (на лесную дичь)’ [КПРС 1985: 542] < общеп. **č’ōs* [КЭСК 1999: 311] < ф.-у. **č’ōsʒ* ‘ловушка, западня (для птиц, зайца, лисы)’ [КЭСК 1999: 312; UEW 1988: 30]. Приводятся соответствия из марийского, саамского и хантыйского языков.

Группа названий, унаследованных из финно-пермского праязыка (период с конца III тыс. до середины II тыс. до н. э.) [ОФУЯ 1974: 433]:

1) *ветос* ‘перевес, сеть на птицу, дичь’ [КРК 2000: 96], удм. *вотэс* ‘тенета’ [УРС 2008: 136] < общеп. **vetes* ‘сеть’ [Лыткин, Гуляев 1999: 54] < ф.-п. **waptz-* ‘ловить сетью (уток, зайцев или рыбу)’ [UEW 1988: 820]. Приводятся соответствующие примеры из марийского языка. Коми-пермяцкое слово *ветос* ‘паутина, сеть’ [КПРС 1985: 69] к лексике охотничьего промысла не относится.

2) *пу* уд. ‘коромысло (в ловушках)’ [ССКЗД 1961: 319] < общеп. **ri* [КЭСК 1999: 241] < ф.-п. **rita* ‘ловушка’ [UEW 1988: 746]. Генетические соответствия употребляются в финском, саамском и марийском языках.

3) *сёр* ‘перекладина, горизонтально подвешенный шест’ [КРК 2000: 586], кп. *сёр* ‘перекладина для одежды’ [КПРС 1985: 425], удм. *сюры* ‘перекладина, шест (для развешивания белья); насест для кур’ [УРС 2008: 629] < общеп. **s’ori* [КЭСК 1999: 253] < ф.-п. *s’arja* ‘планка, жердь’ [UEW 1988: 770].

Слово *сёр* для обозначения охотничьего орудия лова употребляется только в коми-зырянском языке, ср.: *сёр лэч* ‘рябчиковые петли’ [КРК 2000: 586] (букв. ‘силок на шесте’), в двух других современных пермских языках его соответствия такой дополнительной семантикой не обладают.

Группа названий общепермского периода состоит из 3 обозначений, которые появились после финно-пермской эпохи и образования прапермского языка-основы, т. е. до VIII в. н. э. [Хайду 1985: 49]. Слова данной хронологической группы употребляются только в современных пермских языках и соответствий в других родственных языках не имеют:

1) *гу* ‘яма’ [КРК 2000: 160], удм. *гу* ‘западня (ловушка для зверей, птиц)’ [РУС 2019: 440] < общеп. **gi* ‘яма’ [КЭСК 1999: 81].

2) об использовании нашими предками глубоких ям для ловли волков свидетельствуют также кз. *кӧин кыян гу* ‘волчья яма’ [РКС 2003: 99] и удм. *кион гу* ‘волчья яма’ [РУС 2019: 160] < общеп. **kion-gu* ‘волчья яма, яма для ловли волков’.

3) *чарк* ‘ловушка (для горностая, зайца)’ [КРК 2000: 696], удм. *чарык* ‘ловушка (для мелких зверей)’ [УРС 2008: 721], *чарк-нальк* ‘ловушка (для ловли зверей)’ [УРС 2008: 721] < общеп. **č'ark-* ‘вид ловушки’ [КЭСК 1999: 302].

Группа названий пракоми происхождения характеризуется тем, что сформировалась после завершения прапермской эпохи и разделения предков коми и удмуртов, т. е. в период с IX по XI в. н. э. [Лыткин 1957: 25]. Соответственно, данный разряд номинативных единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках – коми-зырянском и пермяцком. Генетические соответствия в удмуртском языке отсутствуют. Все примеры данной хронологической группы являются однословными образованиями, они почти полностью совпадают в обоих коми языках и для них в этимологических изданиях (см.: [КЭСК 1999]) реконструкции праформ не производятся. Предлагаемые ниже общекоми формы обозначений принадлежат автору данной статьи:

1) *дзуг* ‘силок, силки (для ловли мелких птиц и зверьков)’ [КРК 2000: 183], кп. *дзуг* ‘силки (для ловли мелких птиц и зверьков)’ [КПРС 1985: 121] < прак. **ž'ug* ‘ловушка для мелких птиц и зверей’.

2) *карнан* диал. охот. ‘шест (коромысло) в ловушке’ [КРК 2000: 261], кп. *карнан* уст. охот. ‘шест в ловушке’ [КПРС 1985: 165] < прак. **karnan* ‘коромысло (шест) в ловушке’.

3) *лӧзас* охот. ‘засака для преграждения пути мимо ловушки’ [КРК 2000: 360], кп. *лӧзас* сев. ‘загородка из хвойных веток по бокам силка’ [КПРС 1985: 227] < прак. **ležas* ‘загородка из хвойных веток по бокам силка’.

4) *пезин* ‘силок’ [КРК 2000: 491], кп. *пезин* ‘ловушка, силок (из проволоки для птиц)’ [КПРС 1985: 329] < прак. **pez'in* ‘ловушка, силок’.

6) *пильӧм* ‘ловушка на зверя, западня’ [КРК 2000: 548], кп. *пильӧм* сев. ‘ловушка, западня (напр. для зайцев)’ [КПРС 1985: 341] < прак. **pil'em* ‘ловушка, западня для зайцев’.

Самым многочисленным компонентом в диахронной иерархии анализируемой лексики являются обозначения, появившиеся после отделе-

ния предков коми-зырян от коми-пермяков и их переселения с пракоми территории в более северные регионы. Эти номинативные единицы в количестве 45 названий употребляются только в речи носителей современного коми-зырянского языка: *вотан* ‘силок для тетеревов и глухарей’, *вöй* ‘приспособление для спуска механизма (в капкане)’, *куа* ‘крытый слопец с крышкой, с навесом’, *талян* ‘сторожок (в западне, ловушке, слопце)’, *дзодзöг казь* ‘тенета для ловли гусей’, *му лэч* ‘глухаринные и тетеревиные петли’, *октöм чöс* ‘настороженная ловушка’, *ош пыльöм* ‘западня на медведя’, *анча кыян нальк* ‘ловушка на норку’ и т. д.

Структурно-словообразовательная система обозначений охотничьих орудий лова

Среди собственно коми-зырянских обозначений различаются два структурных типа лексем: однословные номинативные единицы (непроизводные и производные) и составные названия.

Непроизводные названия состоят из корневой морфемы и не имеют иных морфологических элементов: *вöй* ‘приспособление для спуска механизма (в капкане)’, *дзав* ‘планка для спуска настороженной ловушки’, *кан* ‘ловушка, западня’.

Однословные производные названия имеют в своем составе не только корневую, но и другие морфемы. Система словообразовательных средств данного структурного типа состоит из трех служебных морфем: *-ан*, *-öд*, *-öс*.

-ан (*-ян*). Группа производных слов с данным суффиксом состоит из трех названий: *вотан* ‘силок для ловли тетеревов и глухарей’, *лайкан* ‘перевес, рычаг на весу’, *талян* ‘сторожок (в западне, ловушке, слопце)’. Элемент *н* в составе этой сложной морфемы возводят к прауральскому суффиксу имен существительных **-n*, который сопоставляется с генетическими примерами в саамском, финском, мордовских, удмуртском, марийском, мансийском и хантыйском языках [Серебренников 1963: 154].

-öд: *тымöд* ‘загородка по бокам силка; завал (при охоте на крупных диких животных)’; *кыйöд* ‘ловушка’; малопродуктивная словообразовательная морфема [СКЯ 1955: 157], развилась на основе прапермского суффикса **-ent* [Серебренников 1963: 153].

-öс, как и предыдущая морфема, считается малопродуктивным суффиксом современного коми языка [СКЯ 1955: 157], с его помощью образован лишь один пример: *кыйдöс* ‘ловушка’. Формант выводится из прауральского суффикса **-ks* (**-sk*) [Серебренников 1963: 145].

Составные обозначения представляют собой двух-, трех-, четырех- и пятичленные сочетания. Самой многочисленной является группа двухкомпонентных обозначений (23 примера), образованных по следующим трем структурным моделям:

а) «существительное + существительное»: *дзодзӧг казь* ‘тенета для ловли гусей’ (*дзодзӧг* ‘гусь’, *казь* ‘тенета, сеть’), *кӧч гу* ‘ловушка для зайца’ (*кӧч* ‘заяц’, *гу* ‘яма’), *му лэч* ‘глухаринные и тетеревиные петли’ (*му* ‘земля’, *лэч* ‘силок’), *сьӧдбӧж дзуг* ‘силок на горностая’ (*сьӧдбӧж* ‘горностой’, *дзуг* ‘силок’) и т. д.

б) «прилагательное + существительное»: *карнана лэч* ‘петля для зверей и птиц со вздергивающим устройством типа очепа’ (*карнана* ‘с коромыслом’, *лэч* ‘силок’, букв. ‘коромысловый сенок’), *лайкана лэч* ‘петля на птиц и мелких зверей со вздергивающим устройством типа пружка’ (*лайкана* ‘с перевесом’, *лэч* ‘силок’), *риа лэч* ‘петля на зверей и птиц со вздернутым устройством типа очепа’ (*риа* ‘с очепом’, *лэч* ‘силок, петля’) и т. д.

в) «причастие + существительное»: *октӧм дзуг* ‘настороженная ловушка’ (*октӧм* ‘настороженный’, *дзуг* ‘силок’), *октӧм чӧс* ‘настороженная ловушка’ (*октӧм* ‘настороженный’, *чӧс* ‘ловушка’), *сиалӧм капкан* ‘настороженный капкан’ (*сиалӧм* ‘настороженный’, *капкан* ‘капкан’) и т. д.

Структурные модели названий, состоящих из трех слов (5 примеров):

а) «существительное + причастие + существительное»: *кӧч кьян гу* ‘яма на зайца’ (*кӧч* ‘заяц’, *кьян* < *кыйны* ‘ловить’, *гу* ‘яма’), *сьӧла кьян сӅр* ‘поперечный шест с сенок на рябчика’ (*сьӧла* ‘рябчик’, *кьян* < *кыйны* ‘ловить’, *сӅр* ‘шест’), *анча кьян нальк* ‘ловушка на норку’ (*анча* ‘норка’, *кьян* < *кыйны* ‘ловить’, *нальк* ‘ловушка’) и т. д.

б) «прилагательное + существительное + существительное»: *кыз сутуга лэч* ‘ловушка из толстой проволоки’ (*кыз* ‘толстый’, *сутуга* ‘проволока’, *лэч* ‘силок’).

Структурная модель названия, состоящего из четырех слов (1 пример):

«существительное + причастие + существительное + существительное»: *сьӧла кьян си пекля* ‘волосяная петля на рябчика’ (*сьӧла* ‘рябчик’, *кьян* < *кыйны* ‘ловить’, *си* ‘волос, волосаяной’, *пекля* ‘петля’) и т. д.

Структурная модель названия, состоящего из пяти слов (1 пример):

«существительное + существительное + существительное + причастие + существительное»: *вӧв бӧж сиысь гартӧм лэч* ‘силок из конского волоса’ (*вӧв* ‘конь’, *бӧж* ‘хвост’, *сиысь* ‘из волос’, *гартӧм* ‘свитый’, *лэч* ‘силок’).

Словарный состав коми языка, предназначенный для номинации орудий лова промысловых животных, в целом характеризуется высокой степенью исконности. Иноязычный компонент занимает незначительное место, он состоит из семи обозначений, являющихся поздними заимствованиями из русского языка:

1) *капкан* ‘капкан’ [КРК 2000: 260] < рус., ср.: *капкан* ‘приспособление для ловли зверей, состоящее из двух железных дуг и пружины’ [СРЯ 1982: 29].

2) *кляпча* ‘ловушка на зверя’ [КРК 2000: 278] < рус., ср.: *кляпча* ‘капкан, ловушка для зверей’ [СРНГ 1977: 333; Kalima 1910: 63].

3) *петля* ‘петля’ [КРК 2000: 498] < рус., ср.: *петля* ‘затяжная петля, удавкой. Рябчика в петлю ловят’ [Даль 1990: 105].

4) *самострел* ‘самострел’ [КРК 2000: 577] < рус., ср.: *самострел* ‘ловушка на куниц’ [Даль 1991: 135].

5) *стёрёжк* ‘сторожек (в ловушках)’ [КРК 2000: 613] < рус., ср.: *сторожек* ‘в ловушках, кляпушек, подставочка, подпорка, чем настораживается ловушка’ [Даль 1991: 331].

6) *тёс* ‘ловушка, слопец, западня (на птиц, мелких зверей)’ [КРК 2000: 675] < рус., ср.: *тёс* ‘доски, вытесанные из половинок бревен’ [СРНГ 2011: 87].

7) *тиемилё* ‘ловушка, слопец, западня (на птиц, мелких зверей)’ [КРК 2000: 667] < рус., ср.: *щемило* < *щемить* ‘сжимать, стискивать’ [СРЯ 1984: 741].

Таким образом, впервые в пермском языкознании проведено лингвистическое исследование той части словарного фонда коми-зырянского языка, которая относится к лексике охотничьего промысла и состоит из названий орудий лова промысловых животных, обитающих в дикой природе. На основе субстанциальных признаков, а также исходя из состава объектов номинации и предназначенного для их обозначения разряда лексических единиц, данная группа рассмотрена в качестве самостоятельной микросистемы. Обозначения охотничьих орудий лова подвергнуты анализу с учетом их предметно-понятийного содержания на семантическом и структурном уровнях. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало, что исконная часть данной микросистемы имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, в соответствии с хронологией возникновения различаются допермский, общепермский, пракоми и собственно коми-зырянский компоненты. Допермский фонд характеризуется наличием двух категорий древней лексики: прафинно-угорской и прафинно-пермской, особенностью которых, в отличие от групп более позднего происхождения, является то, что они сохранились и употребляются как в близкородственных, так и в дальнеродственных языках. Названия, появившиеся в прапермскую эпоху, составляют общий фонд только для современных трех пермских языков. Отдельную группу составляют обозначения, возникшие после завершения прапермской эпохи и образования пракоми языка. Самыми поздними являются лексемы, которые, кроме коми-зырянского языка, больше нигде не употребляются. Структурно-словообразовательная система данной хронологической группы представлена однословными производными и производными образованиями с тремя видами суффиксальных морфем и составными названиями. Многокомпонентные названия, состоящие из двух, трех, четырех и пяти слов, образованы по семи структурным моделям с использованием трех частей

речи – существительных, прилагательных и причастий. Иноязычный компонент, состоящий из небольшого числа поздних заимствований русского происхождения, на развитие рассмотренной микросистемы лексики охотничьего промысла коми языка существенного влияния не оказал.

Сокращения

диал. – диалектное слово, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, общеп. – общепермский язык-основа, охот. – охотничий термин, прак. – пракоми язык, рус. – русский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, уд. – удорский диалект коми-зырянского языка, удм. – удмуртский язык, уст. – устаревшее слово, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Источники

Даль 1990 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1990. 555 с.

Даль 1991 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 680 с.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

КРК 2000 – Коми-роч кывчукбр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

РКС 2003 – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

РУС 2019 – Русско-удмуртский словарь: в 2-х т. Т. 1 (А–О). Ижевск, 2019. 936 с.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

СРНГ 1977 – Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л.: Наука, 1977. 358 с.

СРНГ 2011 – Словарь русских народных говоров. Вып. 44. СПб.: Наука, 2011. 349 с.

СРЯ 1982 – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1982. 736 с.

СРЯ 1984 – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1984. 794 с.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 490 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 863 с.

Литература

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1910. 187 S. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 29).

UEW 1988 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 S.

УДК 811.512.145+81'374.3

И. И. Сабитова

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ
г. Казань*

Орфографические словари татарского языка (вторая половина XX – начало XXI в.)

Орфографические словари татарского языка начали издаваться с начала XX в. Написание слов в данных изданиях основано на фонетических, морфологических, графических, традиционных и дифференциальных принципах татарского языка. Анализ показывает, что из одного словаря в другой переходят некоторые погрешности, как вариативность, различное написание одних и тех же слов, неодинаковое орфографическое оформление совершенно аналогичных случаев. Особенно заметны неточности в написании арабо-персидских заимствований.

Ключевые слова: орфография, орфографический словарь, справочник, лексикография, татарский язык.

Орфографические словари – специализированные аспектные словари – занимают особое место в системе словарей татарской лексикографии. Эти справочники относятся к ортологическим словарям и дают оперативные ответы на возникающие у пользователя вопросы. Их роль особенно возрастает в периоды языковой нестабильности, в периоды расшатывания языковых норм. Они составляются с учетом различных групп пользователей, так как считаются лексикографическим изданием, наиболее широко используемым обществом.

Непременным качеством орфографического словаря указывают нормативность. Но в то же время, отражая лексику разных стилистических

пластов, он является и весьма динамичным изданием, часто одним из первых фиксируя то или иное появившееся в печати слово [Козырев, Черняк 2015: 206].

Это справочники, образуемые алфавитными списками слов и некоторых форм слов в нормативном написании. Их словники, как правило, опираются на нормативные толковые словари. Составляются они на основе твердо установленных правил и обычно не допускают вариантов.

История орфографических словарей татарского языка начинается с «Русско-татарского (орфографического) словаря» ко II части учебной книги «Русское слово», составленного для русско-татарских, башкирских школ и русских классов при мектебах и медресах» (автор-сост. М. Иманаев) [Иманаев 1901]. Вслед за ним в разные годы были изданы справочники по правописанию Г. Х. Алпарова [Алпаров 1927], И. Рами [Рэми 1928], И. Рами и И. Кули [Рэми, Кули 1930], Ш. Абая [Абай 1933], И. Рамиева [ТӘТИСОҒС 1934]. После перехода в 1939 г. с латиницы на кириллицу авторским коллективом в составе М. Гимадиева, Х. Хисматуллина, К. Хамзина, Х. Шамкина и Р. Хакимова вышел в свет «Татар әдәби теленң орфография сүзлеге» [ТӘТОС 1941]. «Орфографический словарь татарского литературного языка» (составители Х. Хисматуллин и М. Гимадиев), изданный в 1948 г., составлен с учетом фонетических, морфологических и графических особенностей слов, употребляемых в татарском литературном языке того времени, а также русских и интернациональных слов [ТӘТОС 1948: 10]. Все орфографические словари-справочники, вышедшие после 1948 г., преимущественно составлены, основываясь на эти принципы.

В татарской лингвографии во второй половине XX в. первый орфографический словарь был издан в 1968 г. для учащихся начальных классов [Нуриева 1968]. Он выдержал четыре издания, последнее издание вышло в 1996 г. [Нуриева 1996]. Объем словаря составлял вначале около 4 000 единиц, а последний содержит 10 000 единиц.

Многие годы опорным являлся «Татар теленң орфографик сүзлеге» («Орфографический словарь татарского языка»), подготовленный коллективом авторов в составе А. Х. Нуриевой, Ф. С. Фасеева, М. И. Махмутова и изданный в 1983 г. [ТТОС 1983]. Словник, составленный на основе трехтомного толкового словаря и изданный в 1977–1981 гг., содержит около 38 000 слов. Написание слов основано на фонетических, морфологических, графических, традиционных и дифференциальных принципах татарского языка. Отражены основные типы образования лексики татарского языка (корневые, производные, составные, парные, сокращенные слова). В некоторых случаях предложено вариативное написание. Грамматические формы слов даются только в тех случаях, когда они затруднены в орфографии.

В конце прошлого века в нашей республике усилилась деятельность, направленная на развитие, совершенствование татарского языка, на повышение его статуса до уровня государственного, что отразилось и на развитии языка. В целях максимально полного отражения лексического богатства языка в 2002 г. под редакцией Ф. А. Ганиева был издан «Татар теленен орфографик сүзлеге» («Орфографический словарь татарского языка»), содержащий 140 079 слов и словоформ (сост.: Ф. А. Ганиев, И. И. Сабитова) [ТТОС 2002]. Этот труд считается самым тиражируемым среди опубликованных орфографических словарей (50 000 единиц).

В отличие от предыдущих словарей, в данном издании глаголы даны в инфиниве: *кискәлә/ргә, -кискәли, -кискәләячәк* и т. п. На сегодняшний день можно увидеть двойное написание многих инфинитивов татарского языка: *тынырга – тынарга, язырга – язарга, менергә – менәргә, кисергә – кисәргә*. Изложение правил о написании форм инфинитива в татарском языке в форме приложения, безусловно, повышает значимость этого труда. Зафиксированы и составные глаголы. Информация о написании составных слов приведена в приложении. По традиции, прилагательные типа *аксыл-зәңгәр, карасу-яшел* писали через дефис. В этом словаре предложено раздельное написание составных прилагательных в соответствии с грамматическими закономерностями татарского языка: *аксыл зәңгәр, карасу яшел*.

Вопрос о введении латинской графики в Татарстане официально был поднят уже в начале 1990-х гг., после распада СССР, одновременно с переходом на латиницу некоторых бывших тюркских союзных республик. После вступления в силу 1 сентября 2001 г. Закона «О языках народов Республики Татарстан» комиссией, созданной под руководством Комитета по реализации этого Закона, была подготовлена «Орфография татарского языка». Предполагалось, что переход с кириллицы на латинский алфавит будет проходить поэтапно, в течение целого десятилетия. До 2011 г., когда планировалось завершить переход на латинский алфавит, печатная продукция должна была издаваться как на кириллице, так и на основе латинского алфавита. В связи с попытками обосновать письменность (особенно арабские заимствования) на фонетическом принципе, основанном на сингармонизме, в данный справочник внесены некоторые изменения, связанные с развитием татарского языкознания того времени. Так, например, такие слова, как, *икътисади, ихтияри, рухи, поши* предлагается написать в форме *икътисадый, ихтиярый, рухый, пошый*.

В 2003 г. вышел в свет «Tatar telenen orfografia süzlege» («Словарь орфографии татарского языка на латинице и кириллице»), содержащий около 45 000 лексических единиц (автор-сост. Ф. М. Газизова; науч. ред. М. З. Закиев) [Газизова 2003]. Однако 15 ноября 2002 г. Государственная Дума Российской Федерации внесла поправку в Федеральный Закон

«О языках народов РФ», которая установила, что графической основой государственного языка РФ и всех государственных языков республик РФ является кириллица. По этой причине данный словарь-справочник остался не востребованным.

В 2010 г. издан «Татар теленең орфографик сүзлеге» («Орфографический словарь татарского языка»), в котором зафиксировано 43 000 слов (сост.: К. Р. Галиуллин, Р. И. Раскулова) [ТТОС 2010]. В качестве приложения даны «Татарстан Республикасындагы торак пунктлар исемнәре» («Названия населенных пунктов Республики Татарстан») и «Морфологик-орфографик белешмәлек» («Морфолого-орфографический справочник») на русском и татарском языках, что, несомненно, повышает значимость этого труда. Однако многочисленные знаки усложняют пользователю использование содержащегося в них материала, восприятие информации.

Дополненное второе издание данного словаря вышло в свет в 2017 г. под заголовком «Татар теленең орфографик сүзлеге: Сүзлек. Морфологик-орфографик белешмәлек = Орфографический словарь татарского языка: Словарь. Морфолого-орфографический справочник» [ТТОС 2017]. Словник справочника пополнился за счет лексических единиц, вошедших в употребление в последние годы, и составил около 46 000 слов. В конце словаря в двух приложениях дана информация о формообразующих аффиксах (форма *ясагыч кушымчалар*) и словообразующих аффиксах (*сүз ясагыч кушымчалар*). Здесь представлены сведения об образовании и написании основных форм имен существительных и глаголов.

В отличие от орфографического словаря, опубликованного в 2002 г., в настоящем словаре формы инфинитива даны на *у* и *ү*. Составные прилагательные типа прилагательное + прилагательное авторы также предлагают написать через дефис: *аксыл-ал*, *аксыл-зәңгәр*.

Этот словарь, имеющий некоторые недостатки, на сегодняшний день является нормативным словарем. В качестве примера можно привести слово *садака*. В словарях татарского языка, в том числе в орфографических, вышедших в предыдущие годы, это слово зафиксировано в форме *садака*, что соответствует правильному орфографическому оформлению данной лексемы. Повторяются недочеты и ошибки, допущенные в ранее изданных словарях: *кафеханә*, *кассапчы*, *кальцирлау*, *каллиграфчылык*, *иҗтимагый-көнкуреш*, *диспансерлаштыру*, *абстракцияләү*, *идея-тәрбияви* (правильно: *кафе*, *кассап*, *кальцинацияләү*, *каллиграфлык*, *иҗтимагый көнкуреш*, *диспансеризацияләү*, *абстракцияләштерү*, *идея тәрбияви*) и т. д.

В 2022 г. впервые в татарской лексикографии вышел ортологический словарь нового типа. «Баш хәрәфтәнме, юл хәрәфеннәнме? Орфографик сүзлек» («Орфографический словарь: С прописной или строчной буквы?») (авторы: О. Н. Галимова, И. И. Сабитова, Э. И. Сафина, Ф. И. Тагирова,

Р. Т. Сафаров; науч. ред. Р. Т. Сафаров) – словарь, посвященный одной из сложных задач орфографии, использованию заглавной или строчной буквы в начале слова [БХЮХ 2022].

Современная орфография татарского языка основана на своде правил «Алфавит и орфография татарского литературного языка», утвержденном Президиумом Верховного Совета Татарской АССР в 1941 г. [ТӘТАҢО 1941]. Среди этих правил есть раздел «Орфография заглавных букв». В достаточно ограниченном объеме эти правила могли отражать лишь основы использования заглавных букв. С тех пор труды, посвященные этому вопросу, ограничиваются школьными учебниками. Вместе с тем некоторые пункты сборника 1941 г. сегодня могут быть расценены как устаревшие.

В настоящее издание внесены необходимые исправления и некоторые дополнения, отражающие динамику современной жизни. Слова и словосочетания представлены в алфавитном порядке с указанием ударений и, при необходимости, краткими пояснениями:

Кáма¹ (елга; авыл)

Кáма² (индуизмда: *мәхәббәт илаһы*)

кама́³ (хайван)

ка́ма⁴ (индуизм термины).

Словник включает названия государств, исторических эпох, политических партий, организаций, учреждений, праздников, географические названия, личные имена, имена литературных героев, распространенные прозвища и названия религиозных понятий и т. д., которые пишутся с заглавной буквы (*Марí илэ яки Марíй Эл, Иртэ Яңарыш, либерáль пáртия*¹, *Либерáль пáртия*², *Исла́м Конференциясе Оешмасы, Беренчэ май*¹ (1 нче Май), *Арысла́н Йөрэ́к Рича́рд, Идэ́л Буэ, Македо́нияле Искандэ́р, короле́ва Марго́, Аллаһы́ Тәгалә́*).

Кроме того, учитывались слова, отличающиеся в орфографии только первой заглавной или строчной буквой:

и́я¹ (мифол.), *мэс.*: йорт иясе, абзар иясе

Ия́² (елга, *Үшнэ елгасына коя*).

Одновременно в словаре учитывались слова и словосочетания, которые могут быть написаны ошибочно с заглавной буквы, но пишутся только со строчной буквы: *казанлы́, ленини́на, сабитовчылы́к, касый́м сөйләше́, мишэ́р диалэ́кты* и др.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в области орфографических словарей татарской лексикографии выполнено немало работ, составление словарей такого типа не теряет своей актуальности. Создание полного, системного орфографического словаря татарского языка является чрезвычайно важной и сложной задачей, и она должна решаться в процессе открытого обсуждения с участием широкого круга специалистов. Орфогра-

фические словари татарского языка, как нормативные, должны выполнять задачу совершенствования языка и речи, укрепления действующих норм литературного языка. Остаются нерешенными и наблюдаются в различном представлении орфографического облика отдельных слов даже в авторитетных современных словарях. Прослеживаются различное написание одних и тех же слов, вариативность слов, традиционное написание, неодинаковое орфографическое оформление совершенно аналогичных случаев и т. д. Особенно заметны неточности в написании арабо-персидских заимствований, которые переходили из одного словаря в другой.

Языковая норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств в данную эпоху. Она обслуживает важные сферы человеческой деятельности и выполняет роль фильтра, который пропускает в литературный язык всё необходимое и отсеивает ненужное. Задача лексикографов – своевременно реагировать на распространение новых слов и давать рекомендации по их правописанию в соответствии с правилами и с учетом практики письма.

Литература

Абай Ш. Орфографик сүзлекчә: «о», «е» хәрефләре булган интернациональ һәм халыкара сүзләр. Свердлов–М.: Урал, Огиз, 1933. 60 б.

Алпаров Г. Х. Татар теленәң имла сүзлеге. Казан: Татгосиздат, 1927. 139 б.

Баш хәрефтәнме, юл хәрефтәнме?: Орфографик сүзлек. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 240 б.

Газизова Ф. М. Татар теленәң латинда һәм кириллда орфография сүзлеге. Казан, 2003. 436 б.

Иманаев М. Русско-татарский (орфографический) словарь к II части учеб. кн. «Русское слово», составленный для русско-татарских, башкирских школ и русских классов при мектебах и медресах. Казань: Тип. Б. Л. Домбровского, 1901. 49 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.

Нуриева А. Х. Татар теленәң орфографик сүзлеге. Башлангыч мәктәп укучылары өчен. Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 88 б.

Нуриева А. Х. Татар теленәң орфографик сүзлеге. Башлангыч мәктәп укучылары өчен. Казан: Мәгариф, 1996. 144 б.

Рәми И. Имла сүзлеге = Орфографический словарь. Казан: «Восток» тип., 1928. 246 б.

Рәми И., Кули И. Татар теленәң орфография сүзлеге = Орфографический словарь татарского языка. Казан: Яңалиф, 1930. 355 б.

ТТОС 1983 – Татар теленәң орфографик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 280 б.

ТТОС 2002 – Ганиев Ф. Ә., Сабитова И. И. Татар теленең орфографик сүзлеге. Казан: Раннур, 2002. 432 б.

ТТОС 2010 – Татар теленең орфографик сүзлеге = Орфографический словарь татарского языка. Казан: Мәгариф, 2010. 399 б.

ТТОС 2017 – Татар теленең орфографик сүзлеге: Сүзлек. Морфологик-орфографик белешмәлек = Орфографический словарь татарского языка: Словарь. Морфолого-орфографический справочник. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. 423 б.

ТӘТАҤО 1941 – Татар әдәби теленең алфавиты һәм орфографиясе. Казан: Таткиноиздат, 1941. 23 б.

ТӘТИСОГС – Татар әдәби телендәге интернациональ сүзләрнең орфография сүзлеге = Орфографический словарь интернациональных слов в татарском литературном языке. Казан: Татгосиздат, 1934 (тыш: 1935). 165 б.

ТӘТОС 1941 – Татар әдәби теленең орфография сүзлеге. Казан: Татгосиздат, 1941. 192 б.

ТӘТОС 1948 – Татар әдәби теленең орфография сүзлеге Казан: Татгосиздат, 1948. 202 б.

УДК 811.511.132'28'34

С. А. Сажина
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Фонетические маркеры нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка¹

Статья посвящена рассмотрению дифференциальных фонетических черт нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка. Эмпирической базой послужили лингвистические материалы, полученные в результате полевого изучения языка нердвинских коми-пермяков. В результате исследования выявлены отличительные явления в области вокализма и консонантизма, рассмотрены характерные для идиома звуковые явления и процессы.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нердвинский диалект, фонетика, морфология, нердвинские коми-пермяки.

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Вопросы всестороннего исследования специфики диалектных микросистем коми-пермяцкого языка в настоящее время приобретают особую актуальность: на протяжении длительного времени диалекты подвергаются активной ассимиляции русским языком, что в свою очередь ведет к сужению их функционирования и постепенной утрате языкового своеобразие. Несмотря на значительные успехи в деле обобщающего исследования фонетического строя и морфологической системы коми-пермяцких диалектов [Баталова 1975; 1982; 1998], ряд диалектных микросистем остаются обстоятельно не изученными. К таковым идиомам относится и нердвинский диалект, являющийся объектом исследования настоящей статьи.

Нердвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка бытует на территории современного Ленинского сельского поселения Кудымкарского района Пермского края. Исследуемый идиом является самой южной территориальной разновидностью коми-пермяцкого языка; на севере граничит с кудымкарско-иньвенским диалектом, с юга окружен русскими говорами. В настоящее время его носителями являются люди среднего и старшего возраста, проживающие в деревнях Мазунина, Подгора, Пронина, Пятино, Якина и в селе Ленинск Кудымкарского района Пермского края.

Идиом относится к числу диалектов, специфика которых описана фрагментарно; некоторые сведения о его особенностях отражены в работах В. И. Лыткина [Лыткин 1955: 26, 51–52; 1957: 59], Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 229–230], А. С. Кривошековой-Гантман [КПГ 1980: 14–17], А. С. Лобановой [Лобанова 2009: 221–228].

В настоящей статье рассмотрены наиболее значимые фонетические особенности нердвинского диалекта. Источниковой базой послужили материалы, полученные в результате полевого изучения языка нердвинских коми-пермяков в 2019 и 2022 гг. Обследованием были охвачены все населенные пункты, в которых в настоящее время проживают носители идиома. В результате двух экспедиций собран языковой материал, который впервые вводится в научный оборот и подвергается предварительному лингвистическому анализу.

Нердвинский диалект по составу фонем и их артикуляционно-акустическим характеристикам не обнаруживает отличий от других диалектов южного и северного наречий коми-пермяцкого языка.

1. Основным фонетическим маркером рассматриваемого диалекта является его эловый характер. Этот южнопермяцкий островной эловый идиом разделен от других коми-пермяцких эловых диалектов зоной звоных южнопермяцких говоров, к которым относятся кудымкарско-иньвенский и нижнеиньвенский диалекты.

Этимологический *л* в нердвинском диалекте сохранился во всех позициях в слове: 1) в анлауте: *ло·кны* ‘прийти’, *лун* ‘день’; 2) в инлауте:

гылйа·лны ‘полоскать’, уджа·ламö ‘работаем’; 3) в ауслауте: а·сыл ‘утро’, эг вöл ‘не видел(а)’.

В исконных словах в начале слова звук *в* сохраняется: *вайö·тны* ‘приводить’, *ва вылын* ‘на воде’, *ва·жын* ‘давно’. Сохраняется звук *в* и в русских заимствованиях: *мол’и·тваэз* ‘молитвы’, *ва·таис’* ‘из ваты’, *сва·д’ба* ‘свадьба’. Зафиксирован лишь единичный случай произношения *л* вместо *в* в ауслауте заимствованного слова: *морко·л* ‘морковь’. Случаи перехода этимологического звука *в* в *л*, характерные для некоторых коми-пермяцких эловых говоров (*лаас* вместо *ваас* ‘в воду’, *луг* вместо *вуг* ‘ручка’ [Баталова 1975: 44–47]), в нердвинском диалекте нами не зафиксированы.

Во время полевых исследований нами уточнены случаи функционирования звука *в* в инлаутной позиции: 1) в качестве вставочного звука: *зува·лам* ‘прочесываем’, *йува·лас* ‘спросит’, *ло·вис* ‘случилось’ и, вероятно, по аналогии с вышеперечисленными случаями в словах *сува·лны* ‘стоять’, *кол’ва·лны* ‘проводить’; 2) в составе заимствованного суффикса прилагательных *-овöй* / *-öвöй* / *-вöй*: *вуру·новöй* ‘шерстяной’, *пу·овöй* ‘деревянный’, *кушма·н’овöй* ‘из редьки’, *дö·равöй* ‘холщовый’; 3) в начале второго компонента в сложных словах: *с’инва* ‘слеза’, *йогва* ‘Ёгва’, *полва* ‘Полва’; 4) перед звуком *й* в слове *но·в’йыны* ‘носить’ и спорадически в словах *ло·в’йа* ‘живой’ (тж. *ло·лйа*), *гылйа·лны* ‘полоскать’ (тж. *гылйа·лны*).

Спорадически звук *в* наблюдаем в ауслауте слова *лов* ‘душа’. Любопытно, что произношение данного слова не подчиняется звуковому закону сохранения этимологического *л* в ауслауте и инлауте перед согласным также в эловых верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка и верхнесысольском диалекте коми языка: вкам. *лов пэ́тис* ‘умер, букв. испустил дух’, *лова·лны эз понды* ‘дышать перестал’; вс. *л’овшы* ‘дыхание’, *л’овалны* ‘дышать’, *л’овйöн* ‘живьем’ и др.

2. Дифференциальной чертой нердвинского диалекта является смягчение анлаутного *л* перед гласным *э* в исконных словах *л’э·птыны* ‘поднимать’, *л’э·дзыны* ‘отпустить’, *л’э·бны* ‘лететь’, *л’э·ччыны* ‘спускаться’. Однако, по нашим наблюдениям, данная черта характерна не для всех говоров диалекта. Так, носители диалекта родом из населенных пунктов Кекур и Тихонята в обозначенных словах звук *л* произносят твердо. Явление смягчения анлаутного *л* перед гласным *э*, согласно нашим полевым исследованиям, характерно также для верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка: *л’э·ч’ыд* ‘острый’, *л’э·з’ны* ‘отпустить’, *л’э·бны* ‘лететь’, *л’э·ч’чыны* ‘спускаться’ [Сажина 2016: 248]. Единичные случаи смягчения зафиксированы и в некоторых коми-зырянских говорах: сс. (Ч.) *л’эбны* ‘лететь’; нв. *л’эч* ‘силки’, иж. *л’эс’тооны* ‘точить, отгачивать’ [ССКЗД 1961: 210]. В других коми диалектах (зырянских и пермяцких) данное явление не встречается.

3. Для нердвинского диалекта не характерно явление смягчения заднеязычных согласных *к*, *г* и их переход в смычные палатальные *т'*, *д'* в абсолютном начале слова в позиции перед гласными переднего ряда *э*, *и*. Исследуемый идиом относится к *к* / *г* типу говоров: *кэ рны* 'делать', *ы'джыт лун кэжэ* 'к Пасхе', *кин* 'кто', *китса лны* 'кликать, звать', *ки с тыны* 'наливать', *кил* 'шелуха'; *гэз* 'веревка', *гэрийō тлыны* 'причитать, оплакивать', *ги жны* 'писать', *гил'ō тны* 'щекотать'.

Следует отметить, что указанное фонетическое явление в полной мере характерно для одних коми говоров (зырянских и пермяцких), отсутствует в других, в третьих говорах наблюдается варьирование *к* ~ *т'*, *г* ~ *д'*. К сожалению, на данный момент точная распространенность этого явления в ареале коми диалектов не установлена.

4. В изучаемом идиоме наблюдаются особенности в функционировании согласного *й* в середине слова.

В середине слова согласный *й* всегда ассимилируется предшествующим согласным *ш* либо *ж*: *вэишиа н* 'штаны', *пэишиа лны* 'вставлять лучину в светец', *чыишиа н* 'платок', *чу ж жыны* 'пнуть'. Данный процесс свойственен также большинству говоров кочевского диалекта, кудымкарско-иньвенскому диалекту, азовскому и тукачевскому говорам нижнеиньвенского диалекта [Баталова 1975: 55–57].

Согласно исследованиям Р. М. Баталовой, для всех диалектов коми-пермяцкого языка характерно выпадение согласного *й* в интервокальной позиции [Баталова 1975: 50–51]. В нердвинском диалекте, по нашим наблюдениям, *й* в данной фонетической позиции чаще всего сохраняется: *ми йō* 'мы', *ви йисō* 'убили', *прэ мийа* 'премия', *кы йи* 'вязала', *ва йи* 'принесла' и др. Изредка встречаются также случаи выпадения *й*: *с'уы итасō* 'засунут', *куи мис'* 'три раза'.

Кроме того, нами замечены случаи использования данного согласного в функции вставочного: *ō рйын* 'в корытце', *тишэ гйōн эз ол* 'голодным (букв. в голоде) не жил', *гро бйас* 'в гроб'.

5. Для нердвинского диалекта характерны случаи выпадения согласных в слове.

5.1. В посессивных формах аккумулятива Px2.Sg, Px3.Sg и Px3.Pl, а также номинатива Px2.Sg замечено выпадение конечного согласного *з* / *с* суффикса множественного числа: *кры шаэсō* 'крыши', *с'и ннэсō* 'извода лис' 'глаза испортил', *ву ндаллисō гō ггэнысō* 'отрезали пупки', *мо рттэсō* 'людей', *зоро ддэсō тэ чи* 'стога складывал', *бл'и ннэсō пōжа ласō* 'блины испекут', *ко ккэтō по на гил'ō тны* 'ноги буду щекотать', *с'и ннэт по насō вэтлō тлыны* 'глаза твои'. Отметим, что процесс выпадения согласного *з* из суффикса множественного числа в середине слова перед падежными и лично-притяжательными суффиксами в той или иной мере свойственен всем южным диалектам и некото-

рым говорам северного наречия коми-пермяцкого языка [Баталова 1975: 66–70; Баталова 1982: 85–90].

5.2. Выпадение согласного *т* в сочетаниях *с'т*, *шт* наблюдается в позициях конца слова и середины слова перед согласными: *йурби·тыш* ‘помолись’, *бо·с'нытö* ‘взять’. В положении перед гласными согласный *т* восстанавливается: *шоччи·с'ышта* ‘(я) отдохну немного’, *бо·с'тин* ‘(ты) взял’. Данное фонетическое явление имеет место также во всех коми-пермяцких и южных зырянских диалектах.

5.3. В спрягаемых формах вспомогательного глагола *по·ндыны* ‘начать’ при быстром темпе речи наблюдается выпадение согласного *д* (*пона*, *понан* и т. д.), либо сочетания *нд* (*поа* / *паа*), *поан* / *паан*) и т. д.), и как следствие – появление аллегровых вариантов данного глагола. Примеры: *мунны по·намö* ‘будем идти’, *мэ дзэпчи·с'ны ог по·ны* ‘я прятаться не буду’, *по·нан ноо·тны* ‘будешь вести’, *по·ам о·лны?* ‘будем жить?’, *са·д'ö по·нис су·дзны* ‘сил стало хватать’; *па·а вэтлö·тны?!* ‘Я ради него буду ходить?!’, *маши·найас па·асö* *мунны* (< *поасö*) ‘машины будут ехать’, *по·асö кэ·рку мис'ка·лны* ‘будут дом мыть’.

5.4. Выпадение согласного *н* при быстром темпе речи замечено в формах генитива и датива личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа: *мэ·ам* (< *мэнам*) ‘мой’, *мэ·эм* (< *мэым* < *мэным*) ‘мне’, *тэат* (< *тэнат*) ‘твой’, *тэ·эт* (< *тэыт* < *тэныт*) ‘тебе’.

6. Из фонетических явлений в области согласных в нердвинском диалекте часто встречается аффрикатизация, заключающаяся в уподоблении взрывных *т*, *д* последующим аффрикатам: *со·ччас* (< *сотчас*) ‘сгорит’, *сэ·ччöдзка* (< *сэтчöдзка*) ‘до того места’, *оз тö·ччы* (< *оз тöдчы*) ‘не видно’, *пы·рччö* (< *пыртчö*) ‘примите крещение’, *мöдö·ччан пас'кöм* (< *мöдöтчан*) ‘одежда на выход’, *баи·ччыны* (< *баитчыны*) ‘разговаривать’, *ко·дздзан* (< *коддзан*) ‘опьянеешь’, *ви·ччан* (< *видчан*) ‘ругаешься’. Аффрикатизация происходит также на стыке основ с согласными *т*, *д*, *дз* в анлауте и суффикса сравнительной степени *-жык*: *о·дзджык*, *о·джджык* (< *одзжык*) ‘раньше’, *ыджы·джджык* (< *ыджытжык*) ‘больше’, *крэны·джык* (< *крэнытжык*) ‘крепче’, *йугы·джджык* (< *йугытжык*) ‘светлее’, *гö·рджджык* (< *гöрджык*) ‘краснее’.

Явление дезаффрикатизации в целом не характерно для идиома, однако зарегистрированы единичные случаи данного процесса: *кышö·мкö* ‘какой-то’, *жыни·а·лас* ‘поделит пополам’, *ви·з'ны* ‘держать’.

Зафиксированы случаи оглушения, при котором звонкие (парные) согласные, функционируя перед глухими согласными, переходят в свою глухую корреляту: *мö·тсö* (< *мöдсö*) ‘другого’, *бы·тти* (< *быдти*) ‘вырастил’, *эс пöдн·л* (< *эз пöднал*) ‘не закрыл’; а также альвеолизация: *кы·жжык* (< *кызжык*) ‘толще’, *о·жжык потла·с'* (< *озжык потлас'*)

‘менее подвержена растрескиванию (о глине)’ и палатализация согласных: *ос' с'эт* < *ос с'эт* ‘не дает’, *мөд' н'ож* < *мөд н'ож* ‘по-другому’.

7. В исследуемом идиоме имеют место ассимилятивные явления в области гласных, хотя не столь значительно, как в других южных коми-пермяцких диалектах. Встречается как прогрессивный, так и регрессивный тип уподобления. Уподобление гласных зафиксировано: а) в корневой морфеме: *коро'с'* (< *корбс'*) ‘веник’, *ноо'тны* (< *нуотны* < *нубтны*) ‘вести’, *ышы'нас* (< *бышынас*) ‘в окне’, *рудзо'г* (< *рудзöг*) ‘рожь’, *ла'ас* (< *лоас*) ‘будет’, *па'ам* (< *поам*) ‘будем / начнем’; б) в суффиксальной морфеме: *кру'шкаа* (< *крушкаö*) ‘в кружку’, *во'локот'ис* (< *волокөт'ис*) ‘по волоку’, *пожу'мовöй* (< *пожумөвöй*) ‘сосновый’, *н'о'наа* (< *н'он'аö*) ‘моя крестная’, *мөд бо'кс'ин'ис* (< *бокс'ин'ис*) ‘с другой стороны’, *бö'рс'ан'ам* (< *бöрс'ан'ым*) ‘за мной’, *ви'ит* (< *виыт*) ‘масло-то’, *с'и'тоо* (< *с'итöö*) ‘в сито’, *л'э'птöнö* (< *л'эптöны*) ‘поднимают’, *зы'бкаа* (< *зыбкаö*) ‘в колыбель’, *му'ун* (< *муын*) ‘в земле’. Чаще всего ассимиляции подвержены гласные *ö* и *ы*.

8. Во избежание зияния в диалекте спорадически происходит стяжение гласных на стыке неодносложной основы слова или морфологического показателя (чаще всего на гласную *-а*) и морфологического показателя с гласным звуком в анлауте: *о'лöмас'* (< *олöмаöс'*) ‘жили’, *вö'лöмас'* (< *вöлöмаöс'*) ‘были’, *ö'д'д'өн га'жа мэ'стын* (< *мэстаын*) ‘в очень красивом месте’, *абу уджа'лöмöс'* (< *абу уджалöмаöс'*) ‘не работали’, *дö'равöй* (< *дöравöй*) ‘холщовый’, *с'оркн'ивöй* (< *с'оркн'ивöй*) ‘из репы’ и др.

9. Значительное место в нердвинском диалекте занимают процессы морфологизации ударения. Ударными являются 1) отыменные и отглагольные суффиксы существительных: *-öг*, *-öс*, *-ис'*, *-ан*, *-өт*, *-ын*, *-ас* и др.: *кымö'с* ‘лоб’, *майö'г* ‘кол’, *чики'с'* ‘коса’, *йүкмö'с* ‘прорубь’, *пытшы'н* ‘оторочка’, *шогö'т* ‘болезнь’, *каз'тис'а'н* ‘поминки’, *соролта'с* ‘смесь’ и др.; 2) деминутивный суффикс существительных *-ок*: *курöжo'ккэз* ‘курочки’, *чэמודано'к* ‘чемоданчик’, *ин'као'к* ‘женщина’, *кэркуo'к* ‘домик’, *вöро'к* ‘лесок’; 3) слог, предшествующий деминутивному суффиксу прилагательных *-ик*: *н'эбы'т'ик* ‘мягонький’, *вэkn'а'т'ик* ‘узенский’, *куры'т'ик* ‘горьковатый’; 4) деминутивный суффикс прилагательных / наречий *-ын'ик*: *слабы'н'ик* ‘слабенький’, *шочы'н'ика* ‘редковато’; 5) глагольные суффиксы *-өт*, *-ал*, *-ис'*, *-ыш*, *-олт*, *-өлт*, *-ас'*, *-уйт*, *-айт*, *-ит*, *-ыл* и др. как в инфинитивных, так и личных формах глагола: *тышкö'тö* ‘наводит порчу’, *видзö'т* ‘смотри’, *уджа'лöмöс'* ‘работали’, *пука'лан* ‘сидишь’, *виччи'с'ö* ‘ждет’, *баи'тлöм* ‘говорил’, *с'уйы'ины* ‘засунуть’, *т'ут'т'а'с'ан* ‘качаешься на качелях’, *чэччö'ттан* ‘подпрыгнешь’, *соро'лтимö* ‘замешали’, *танцу'йтöнö* ‘танцуют’, *запты'лисö* ‘запасали’ и др.; 6) слог, предшествующий суффиксу

сравнительной степени *-жык*: *уна-жыкис'* 'большее количество раз', *пöри-с'жык* 'старше', *бэднö-йжыкöс'* 'беднее', *бойо-кжык* 'побойчее' и др.; 7) суффикс собирательных числительных *-нан*: *н'ол'на-ным* 'мы вчетвером'.

Рассмотренные нами фонетические особенности нердвинского диалекта позволяют заключить, что важнейшими фонетическими маркерами идиома являются *л*-овый характер говора и смягчение анлаутного *л* перед гласным *э* в исконных словах. Сопоставление рассмотренных черт с языковыми особенностями других коми-пермяцких диалектов демонстрирует наибольшее сходство исследуемого идиома с кудымкарско-иньвенским диалектом; зловый характер сближает его с севернопермяцкими и южным оньковским диалектами.

Сокращения

вкам. – верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка; иж. – ижемский диалект коми языка; нв. – нижевычегодский диалект коми языка; сс. – среднесыольский диалект коми языка; Ч. – говор с. Чухлом сыольского диалекта коми языка.

Литература

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Баталова Р. М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: науч. докл., представл. в качестве дис. ... д. филол. н. М., 1993. 70 с.
- КПГ 1980 – Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980. 70 с.
- Лобанова А. С. О некоторых особенностях нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С. 221–228.
- Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.
- Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. Ч. I. 135 с.
- Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка Кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2 (12). С. 40–48.
- ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

К этимологии союза *но* в удмуртском языке

В статье рассматриваются варианты этимологии союза *но* в удмуртском языке. По версии одних лингвистов, слово *но* заимствовано из русского языка со всеми его значениями. Другие, напротив, относят *но* к незаимствованным союзам. И. Кайсина в своем научном труде руководствуется теорией «code-copying» и считает, что, даже если допустить вариант возникновения соединительного союза *но* на базе собственных языковых ресурсов, неоспоримо влияние русского языка на формирование данной лингвистической единицы.

Ключевые слова: союзы, морфология, письменные памятники, удмуртский язык, этимология.

Но – одна из самых частотных и полифункциональных лексем в удмуртском языке. Многие ученые обращались к изучению представленной лингвистической единицы. Одну из первых попыток научного описания предпринял эстонский финно-угровед Ф. Видеманн в своей работе «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» [Wiedemann 1851]. Исследователь рассматривает *но* в разделе «Suffigirte Partikeln», указывая, что лексема может функционировать как сочинительный союз *und*, *auch* ‘и, также’ и в качестве повторяющегося союза со значением, соответствующим немецкому *so wohl... als auch* ‘и... и’, *nicht nur... sondern auch* ‘не только..., но и’, *weder... noch* ‘ни... ни’. Ф. Видеманн подчеркивает, что *но* не может стоять в начале предложения, объясняя его суффиксальным происхождением (см. подробнее: [Wiedemann 1851: 70–71]). Противительный союз *но* описан в параграфе, посвященном заимствованным русским союзам, которые, по мнению автора, используются в письменных переводах религиозных текстов 1847 г., а некоторые из них встречаются в речи самих удмуртов (см. об этом: [Wiedemann 1851: 252–254]).

Касательно этимологии слова *но* в удмуртском языке существует несколько взглядов. По версии одних ученых, лексема *но* заимствована из русского языка со всеми его значениями (см.: [Калашникова 1968: 146–148; Насибуллин 1998: 42]). В. Г. Калашникова считает, что *но* заимствовано из русского языка и в структуру удмуртского предложения вошло в качестве частицы и союза, которые связывают однородные члены

предложения. Позже в связи с формированием сложного предложения его функции расширились, и союз *но* стал выражать различные смысловые отношения между частями сложносочиненного предложения. В составе удмуртского сложносочиненного предложения функции союза *но* стали значительно шире, многообразнее. Если в русском языке этот союз выражает только отношения противопоставления и несоответствия, то в удмуртском языке он обозначает одновременность, последовательность действий, событий, выраженных частями сложносочиненного предложения, а также отношения противопоставления и несоответствия (см. об этом: [Калашникова 1968: 147]). В. Г. Калашникова подчеркивает, что союз *но* является одним из самых ранних (см. подробнее: [Калашникова 1974: 14]).

Б. А. Серебренников, напротив, относит удмуртское *но* к незаимствованным союзам, отмечая возможную связь с коми частицей *nõšta* ‘еще’ (см. об этом: [Серебренников 1963: 375]).

К. Е. Майтинская пишет, что в финно-угорском языке-основе были семь-восемь древних указательных местоимений, каждое из которых участвовало в формировании союзов. Удмуртский соединительный союз *но*, по ее мнению, также можно возвести к указательному финно-угорскому местоимению **nš*. От данного местоимения образованы в финском, карельском и ижорском *niin / nii (nin / ni)* ‘так; тогда’, в водском и эстонском *nii* ‘так’, в ливском *nei* ‘так; тогда’, в эстонском *ning* ‘и’ (см. подробнее: [Майтинская 1982: 94–95]). Удмуртский союз *но*, занимающий замыкающее место в предложении, по мнению К. Е. Майтинской, возник на базе удмуртской выделительной частицы *но* (см. подробнее: [Майтинская 1982: 89]).

Касательно противительного союза *но* ‘а, но, да’ К. Е. Майтинская отмечает, что он заимствован из русского языка уже в «готовом» виде. В языках, письменность которых развивалась относительно равномерно, средства связи формировались постепенно по мере необходимости оформления сложных синтаксических конструкций на базе слов собственного языка. По ее мнению, в литературных же языках, которые развивались под особенно сильным влиянием окружающих языков и которые за относительно короткое время превратились в активно функционирующие письменные, из-за отсутствия времени для постепенного «выращивания» необходимых средств связи путем медленного преобразования других слов собственного языка союзы в «готовом» виде перенимаются из другого языка (см. подробнее: [Майтинская 1982: 101–105]).

Также в контексте статьи интересно обратиться к этимологии союза *но* в русском языке. Например, по мнению Т. М. Николаевой, *но* возводится к коннектору-актуализатору, передающему нечто актуальное

и существенное (семантика типа 'вот – здесь – сейчас'). Этот компонент есть в *ныне* 'теперь' (см. подробнее: [Николаева 1997: 4–6]).

Одной из последних работ, в которой рассматриваются вопросы этимологии союза *но* в удмуртском языке, является статья И. Кайсиной [Kaysina 2013: 131–144]. По мнению автора, даже если допустить вариант возникновения соединительного союза *но* на базе собственных языковых ресурсов, неоспоримо влияние русского языка на формирование данной лингвистической единицы. И. Кайсина в своем научном труде руководствуется теорией «code-copying» (копирования кода) Л. Йохансона [Johanson 2002: 285–313], согласно которому, копирование русских служебных слов удмуртским языком можно определить термином «adoption». Данное понятие используется Л. Йохансоном [Johanson 2002: 290–291] для обозначения копирования кода от социально доминантного к социально доминируемому коду в ситуации ассиметричного языкового контакта (см. подробнее: [Kaysina 2013: 131–137]).

На наш взгляд, более точная историческая эволюция союза *но* в удмуртском языке в дальнейшем может быть описана посредством более детального изучения удмуртских письменных памятников XVIII–XIX столетий.

Литература

Калашникова В. Г. К этимологии некоторых союзов удмуртского языка // Ученые записки. Вып. 18. Ижевск, 1968. С. 141–149.

Калашникова В. Г. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 23 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.

Насибуллин Р. Ш. Категориальные и морфологические отношения заимствованных слов из русского языка // Вордскем кыл. 1998. № 5. С. 36–43.

Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства, различия // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 3–24.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

Johanson L. Contact-Induced Change in a Code-Copying Framework // Language Change: The Interplay of Internal, External and Extra-Linguistic Factors. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 285–313.

Kaysina I. The Adoption of Russian Conjunctions in Udmurt // Eesti ja soomeugri keeleteaduse ajakiri = Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2013. Vol. 4. № 2. Pp. 131–144.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 291 S.

**Удмурт кылын шонер гоҗъяськонысь
куд-ог лэчыт ужпумьёс сярись**

В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы орфографии и пунктуации в удмуртском языке, выявленные в ходе проведения межрегиональной образовательной акции «Бадӟым удмурт диктант». Отмечены типичные ошибки, характерные для участников старшего поколения и молодежи.

Ключевые слова: удмуртский язык, орфография, правописание.

Туала удмурт кылысь шонер гоҗъяськонысь куд-ог лэчыт ужпумьёссэ пусъёмы, «Бадӟым удмурт диктант» акцилэн йылпумъянӥсьз выль пыкиськыса. Та статьяын нимысьтыз ум дугдэ со юанӥсь выль, кудӥсьз туала шонер гоҗъяськон правилоосын пумозяз сэрттэмын-пертчемын öвöл но кудӥсьз вылын тодосчиос туннэ но йырзэс тӥяло, югдурез капчиенгес тупатыны тыршыса. Та ужын тыршомы пусйыны сыӥе ляб учырӥсты, кудӥсьз туала удмурт кылын гоҗъяськисьӥслэн ужӥсазы шараясько. Куд-ог сыӥе ужпумьёс сярись ми азылогес гоҗямы вал ини [Стрелкова 2020; Горбушина, Стрелкова 2022, 2024].

«Бадӟым удмурт диктант» улоскуспо дышетон акция 2024-тӥ арын ортчӧтэмын вал 13 ползэ. Дас куинь ар ӥже та ужрадэз ортчӧтоннын кылдӱзы ини нимысьтыз сямӥсь но, шуом, диктант но солы нимысьтыз гоҗтэм текст котькуд аре сӥземын луэ кыӥе ке но ужрадлы, яке со кыӥе ке но тодмо быдӟым адямилэн нимыныз герӟаське. Тани 2022-тӥ арын ужрад сӥземын вал Дышетонлэн арезлы. Соин валче мылкыд кылдӱз текстлэсь пуштроссэ дышетонэн но дышетсконэн герӟаны. Сыӥе дэмланэн вазиськемын вал Анастасия Шумиловалы, текст но нылпи дыр, дышетскон вакыт сярись гоҗтэмын вал. Нош 2024-тӥ арын ужрад сӥземын вал Росси Азьмуртлэн Владимир Путинлэн кичӧлтэмез улсын ялэм Семьялэн арезлы, нош диктантлы текст гоҗтӧз гоҗъяськись, «Удмурт нылкышно кенеш» отаезысконлэн кивалтӥсез, «Удмурт дунне» газетлэн валтӥсь редакторез Елена Миннигараева.

Текст гоҗъясьӥс но Удмурт Элькунын но солэн палэназ туж тодмо луись адямиос, соос пӧлын гоҗъяськисьӥс, тодосчиос, журналистӥс, дышетӥсьӥс...

Улоскуспо акция азе пуктэм валтӥсь муг – удмурт кылзэ вӧлмытон, анай кыллы гажан мылкыд пыӥатон. Соин валче радъясьӥслэн аязы таӥе ужпумьёс сыло:

– удмурт калыклэн шонер гожъяськемез сярись тодэтьёс басьтон, ар-
лыдзэс но мерлыко статуссэс лыдэ басьтыса;
– уждадэ пырыськисьёслы ас тодон-валантьёссы сярись дуньет сётон;
– удмурт кылэз утён ужпумлы ивортодэт удысын ужасьёслэсь сак-
лыксэс висъян.

Котьку сямен диктантэз лыдзо «Мынам Удмуртие» радиолэн но «Уд-
муртия» телеканалэн ме́чак эфирёсэс. Пусйыны кулэ, гожъясьёслэн
лыдзы кык сюрслэсь ожыт ноку но уг луы, мылкыд карисьёслэн оглом
лыдзы уг кулэсмы, соин ик уждад арысь аре радъямын луэ.

Удмуртилэн пöртэм сэрегёсэз улйсьёс сяна, диктантэз гожъяло на
Москваись, Пермь но Киров улосвыльёсысь, Татарстанысь, Башкириысь
удмурт кылэз гажасьёс. Огъя учконо ке, география ласянь берло арьёсы
акция сюбеггес луэ кадь, малы ке шуоно кунгож сёрысь гожъясьёс югдур-
лы луыса трос уг луо ини. Но сое чылкак шонер шуыса пусйыны уг луы,
малы ке шуоно электрон почта пыр лэзем гожтэтьёсын тросаз пусьемын
öвöл гожъясь муртьёслэн кытысь луэмзы. Почта пыр вуэм конверт вылысь
со информацииз адзыны луэ ик, нош интернет пыр келясьёс асьёс сярись
трос уг гожто ини. Акцилэн нырысетй арьёсэз, шуом, вал Махачкалаысь,
Казахстанысь, Сибирьысь каръёсысь но мукет улосвыльёсысь но шаеръ-
ёсысь вуэм гожтэтьёс. Берло арьёсы сычёосыз уг пумиськыло ини.

Дас арлэсь трос диктантёсты эскериськом ини бере, текстэз дасян-
тупатъян дыръямы ик куд-ог янгыш лэсьтоно интыосты асьме понна
пусйиськомы ини. Со янгышъёс пöлын висъясько таёе учырьёс.

1. Гожъясьёслэн одйгез ляб интызы – со прямой речен предложение
пус пуктылон. Ог 50 процентэз, дыр, таёе предложениосын янгышъёс
лэсьто, та эскерисьёсты туж паймытэ, малы ке шуоно удмурт но жүч кы-
лын авторлэсь кылъёссэ но прямой речез висъянын огкадь правилоос
кутйсько. Озы ке но, та янгышъёс пумисько кызы ке егитъёслэн, озы
ик арлыдоослэн гожъямъёсазы.

2. Деепричастной оборотэз висъян. Та удысын шöдйське таёе тенден-
ция: гожъясьёс тодмало *-са, -ку* суффиксъёсын пöрмем деепричастиосты,
озыен, соосын кылдытэм каронсямен вöлскетъёс но ёемысь пусъёсын
шонер висъямын луо. Нош мукет суффиксъёсын пöрмемъёссэ тросэз
тодматэк кельто, озыен, пус пуктонын но янгышъёс кылдо.

3. Тросгес но тросгес учырьёс э но е букваосыз янгышен гожтонын:
бэрэ, шурэ, сюрэс, часез. Сыёгес ик югдур *и* но *йй* букваосыз гожтонын:
кошкй, сйзбьм, мынизы...

4. Озы ик оgez арлы быдэ ёем пумиськись янгыш – со кушето кыль-
ёсты гожтон. Ёемгес валче гожтэм кыл интые пумиське кылсочетаниен
гожтон, шуом, *тус пуктйсь, тус пуктэм* кыльёс вал.

5. Диалектной формаосыз гожъяськонэ пыртон, шуом, *виль, мыддо-
ринь, мыныкы* но мукет учырьёс. Та выллем янгышъёслэн кылдэмзы туж

валамон, малы ке шуоно удмурт литературной кыллэн кутйськемез туннэ нуналлы туж сюбег луэ, официальной ужрадъёсын но котькуд удмурт адыми ас диалектэныз вераське, озыен, котькуд удмуртлэн вераськемез диалект аспöртэмлыкъёсын чебермамын луэ. Озыы ик луэ гожъяськонын но.

6. Гожъяськонын чемысь тодматэк кылё вводной кылъёс но: шуом, *не, дыр* – тужгес но чем кутйськись но тодмано вводной кылъёс луо ке но, соосты но тросэз висъятэк кельто. Нош *вылды, лэся* кылъёслэн пыртэм кыл луэмзы тросэзлы валантэм кыле ини.

7. Озыы ик тросэз шугъяськытэ *шуыса* союзэн придаточной предложение, сое прямой речь карыса гожто, кавычкаосы пыртыса. Та янгыш пумиське пöртэм арлыдъем гожъясьёслэн, удмурт кылэз умой тодйсьезлэн но, кöня ке валасезлэн но.

8. Союзтэм сложной предложениын знак пуктон. Кудзэ быръёно: двоеточиез-а, точкаен запятое-а, тиреез-а? Та юан котькуд ар туж шугъяськытэ. Но шöдскымон луэ одйгез: котькуд малпаськытйсь учыре гожъяськысёс пукто тире.

9. Составной собственной нимъёсты гожтон. Та удысын шугъяськытэ бадзым букваен гожтоно кылэз быръён но, кавычка пуктон но, шуом, *Удмурт дунне газет, «Удмурт Дунне» газет*.

10. Берло аръёсы тросгес пумиськызы удмурт африкатаосты суран учыръёс, азыло аръёсы та ужтум сыче яркыт уг шöдйськы вал. Шуом, *жук* интые *жук, чук* шуыса гожто, *жеч* интые *жеч, адзыны* воштйське *аджыны* вариантлы но мукет со выллем учыръёс. Озыен, гожъясь мурт та кылъёсын аспöртэмлыко удмурт буква луыны кулэ шуыса шöдэ, нош кудзэ гожтыны кулэ – уггес вала ини.

11. Эскерисьёсты тужгес но паймытэ текстэ шедем жуч кылъёсты янгышшен гожтон: *семья, пробка, океан* интые луэ *семья, пропка, океан, океан*.

Оглом учконо ке, орфография удысын янгышъёс котьку сямен öжытгес луо, туж секыт сётйське пус пуктылон: союзтэм кушето веранын пус пуктылон, деепричастной оборотъёсты висъян, прямой речез висъян – котьку но гожъясьёслэн ляб интызы.

Соин валче пумисько мултэс пус пуктон учыръёс но, куке кыче ке но вöлскем кылсочетаниосты оборот шуыса висъяло.

Диктантэз гожтон акция орчмен валче, дырын-дырын пöртэм дэмланъёсты но кылоно луэ, шуом, юало, малы диктант азын ум радъяське (вакчи ке но) шонер гожъяськонъя курсъёс, правилоосыз тодэ ваён понна, диктантлы дасяськон понна. Жуч кылья диктант азын сыче площадкаос радъяськыло бере, удмурт кылья но кулэ карисез вань, лэся. Та ужпумен удмурт кылья дышетйсьёслы вазиськыны кулэ, дыр. Котькуд ёросын, котькуд гуртын дышетйсьёс мылкыд карисъёсын ужаны быгатсалзы. Яке озыы ик юало, малы арлыдъя висъяса, пöртэм текстъёсы

уг ортчытйськы диктант арлыдо гождьсяськисьёс понна но нылпиослы. Таяз учыре пусйиськом, та акция огъясъ пуштросо малпамын вал шуыса, анай-атайёс нылпиосынызы ёош огазын пырыськыны мед быгатозы шуыса.

Эскерон дыръя тужгес но тунсыко луэ почта пыр лэзем гожтэтъёсын ужаны. Котькуд конверт ас пушказ адями сярысь аспёртэмлыко информация вае. Тросаз арлыдо муртъёс ас улонзы сярысь ивор гожтыса келяло: кытын вордйськызы, кызы улонзы удмурт кылын герзаськемын вал, дышетсконзы, семьязы сярысь... Гожто соос диктант, школын парта съёрын дышетскем аръёссэс тодазы вайыса. Туж ём пумитано луэ тау карон кылъёсты – со кылъёс ик акцилэсь кулэлыкэс пусё.

Литература

Горбушина Г. В., Стрелкова О. Б. Бадӟым удмурт диктант: мар шугъяськы-тэ шонер гождьсяськонын // Вордскем кыл. 2022. 5-тй №. 44–48-тй б.

Горбушина Г. В., Стрелкова О. Б. «Бадӟым удмурт диктант»: 2024-тй арысь ужрадлы йылпумъяньёс // Вордскем кыл. 2024. 6-тй №. 50–51-тй б.

Стрелкова О. Б. «Большой удмуртский диктант»: проблемы орфографии и пунктуации // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Ижевск: Удм. ун-т, 2020. Ч. 1. С. 218–221.

УДК 811.161.1'373+811.111.'373

Е. А. Сурмилова
Ургенчский государственный университет
г. Ургенч

Элементы ономастики в языковой игре русских и английских скороговорок

В статье анализируется использование элементов ономастики в механизмах языковой игры русских и английских скороговорок. Рассмотрена роль имен собственных в качестве элемента, влияющего на ритмико-интонационный рисунок скороговорки, повышающего ее сложность.

Ключевые слова: языковая игра, ономастика, антропонимы, имена собственные, скороговорки.

Языковая игра – основное, на чем строятся скороговорки в английском и русском языках. И. Л. Муль позиционирует языковую игру как инструмент лингвистического эксперимента, стимулирующий языковое

творчество. Его применение позволяет индивиду реализовать свой речевой потенциал, задействуя возможности языковой системы [Муль 2000: 6]. Языковая игра может быть выражена различными средствами – фонетическими, словообразовательными, морфологическими или синтаксическими, когда используются большие конструкции, обычно не применяющиеся в языке. Поскольку скороговорки созданы для затруднения произношения определенного высказывания, наиболее распространенным приемом, которым пользуются при их создании, являются фонетические средства, а именно использование омонимии и паронимии. Зачастую для достижения необходимого уровня созвучности или сложности авторы скороговорок добавляют в них элементы ономастики – имена собственные. Материал для анализа элементов ономастики в русских и английских скороговорках был получен из сборников, опубликованных в сети Интернет.

И. Л. Муль, говоря о фонетических приемах языковой игры, отмечает, что скороговорки насыщаются «минимально различающимися в фонетическом плане лексическими единицами». Такими лексическими единицами могут выступать и имена собственные. Автор выделяет следующие типы игры, которые могут быть проиллюстрированы скороговорками:

1. метаграммная игра – использование слов одинаковой длины, различающихся одним согласным; в нижеприведенном примере антропоним и имя нарицательное – в русской скороговорке, зооним и имя нарицательное – в английской:

У зайки *Бубы* заболели *зубы*.

Nat the bat swat at *Matt the gnat*.

2. игра анаграммными единицами – использование слов, звуковой состав которых идентичен, но звуки находятся в разном порядке:

Карл у *Клары* *украл* кораллы, а *Клара* у *Карла* украла кларнет.

Sheena leads, *Sheila needs*.

3. намеренное сближение паронимазов – использование неродственных слов, схожих по звучанию:

Dick Pickens prick his *pinkie pickling* cheap cling peaches in an inch of Pinch or framing his famed French finch photos?

Променяла *Парасковья* *карася* на три пары чернобурых *поросят*, побежали *поросята* по *росе*, простудились поросята, да не все [Муль 2014: 208].

Вышеприведенные скороговорки – примеры того, как антропонимы и зоонимы, взаимодействуя с именами нарицательными, также поддаются правилам языковой игры, создавая фонетически приемлемые для этого малого жанра фольклора конструкции как в русском, так и в английском языках.

Т. А. Гридина, давая определение языковой игре, среди прочих ее принципов выделяет также эвристический, когда в основе лежит создание новых слов и выражений, нестандартных форм словообразования [Гридина

2008: 7]. В контексте антропонимов и других имен собственных эвристический принцип языковой игры отражается в адаптации имен и фамилий, их намеренной комбинации в угоду созвучности. Так, в одной из самых знаменитых американских скороговорок, придуманных Каролин Уэллс и опубликованных в ее книге «The Jingle Book» в 1899 г., появляется имя *Betty Botter*:

Betty Botter bought some butter but, said she, the butter's bitter.

If I put it in my batter, it will make my batter bitter [Wells 2008].

Структура данной скороговорки построена на аллитерации – повторении одной и той же пары слогов – /b_ / и /tə/, при том в первом слоге (ударном) постоянно сменяется короткий гласный звук, что и создает сложность данной поговорки (необходимость произнести конструкцию, своевременно и четко дифференцируя гласный).

В учебном пособии Е. В. Лаптевой похожую роль играет имя *Давыд Давидович Давыдов*, которое также дает возможность для использования аллитерации и чередования слогов /вы/ и /ви/:

Удав Давыда Давидовича Давыдова

Давил, давил, да недовывапил [Лаптева 2015: 17].

Однако не всегда авторам скороговорок приходится искусственно подстраивать созвучие имен и фамилий. Arnold Palmer – знаменитый американский гольфист, чье имя тоже стало скороговоркой. Причиной тому может послужить место артикуляции согласных звуков, входящих в состав имени. Согласные [r], [n], [l] и [d] являются переднеязычными, что мешает быстро переключаться между ними, не запутавшись и не запнувшись. [l] и [r] являются формой одного и того же звука в некоторых языках, например, в японском, что обуславливает сложность их произношения, и, хотя английский не входит в их число, слова, в которых эти звуки расположены рядом, могут вызывать затруднения при произношении [O'Brien 2021: 2]. К тому же, помимо вышеуказанных переднеязычных звуков, в имени и фамилии происходит их чередование с губными [p] и [m], переключение между местами артикуляции создает дополнительные трудности и превращает имя Арнольда Палмера в скороговорку.

В выпуске шоу «Вечерний Ургант» от 20.11.2012 на телеканале «Первый» прозвучала следующая скороговорка «на новый лад»:

Дима Билан Дана Балана баловал бананом, болван.

Языковая игра снова строится на аллитерации, чередовании переднеязычного согласного /д/ и губного /б/, разные места артикуляции которых создают трудности при переключении с одного на другой.

Согласно В. Сомофф, использование имен собственных является характерной чертой семантической организации скороговорок, поскольку они не обременены теми же строгими правилами, что другие существительные, а потому их можно не только адаптировать под нужды определенной скороговорки, но и изобретать, что расширяет границы исполь-

зования омонимии [Somoff 2014: 203]. Антропонимы – не единственное, что может стать основой скороговорки. Нередко топонимы, отражающие в себе характеристики скороговорок, могут становиться ресурсом для тренировки способности быстро и чисто говорить. В английском языке это Reed Wade Road – название улицы в городе Бейтсвилл, штат Арканзас, США. Как и имя Арнольд Палмер, оно стало самостоятельной скороговоркой и широко используется в настоящее время при обучении английскому языку как иностранному. Название Шарикоподшипниковской улицы в городе Москва ввиду своей труднопроизносимости также стало скороговоркой в русскоязычном сегменте сети Интернет.

Существует довольно большой пласт скороговорок, строящихся вокруг названий и других географических объектов – таких, как города и регионы страны.

There was a little witch which switched from *Chichester* to *Ipswich*.

Использование названий городов в Англии – Чичестер и Ипсвич – обусловлено их созвучием с остальной частью скороговорки, основанной на звуках [w] и [i].

Похожая техника используется и в следующей русской скороговорке: Ай, вы львы, не вы ли были у *Невы*?

В данном примере название реки Невы является омофоном сочетания двух слов в предыдущей части скороговорки – «не вы».

Скороговорка как жанр фольклора не стоит на месте. По замечанию В. В. Химики, сейчас социальные сети и масс-медиа стали «главной речевой сферой обитания» [Химик 2000: 249], потому народное скороговорочное творчество продолжает развиваться именно там.

Поп-культура активно использует скороговорки. Например, в анимационном сериале «Конь Боджек» они «являются средством привлечения внимания к острым социальным вопросам» [Мельникова 2023: 140]. Использование антропонимов в данном случае становится механизмом, который «притягивает к себе созвучные ассоциаты, вбирает в себя «наведенные контекстом» оценочные коннотации и становится ярлыком соответствующей ситуации». Благодаря скороговоркам, за антропонимом закрепляется оценочный фрейм, стереотип восприятия данного онома [Гридина 2001: 235–236].

А. В. Мельникова приводит следующий пример: Marian is a vegetarian, Meagan is vegan, and Carrie and a few other luminaries, like Gerwig and Larson, won't eat dairy. Использование всех трех ономов в данном случае позволяет добиться присутствия языковой игры, необходимой для скороговорок, выраженной, во-первых, через рифму (Marian-vegetarian, Maegan-vegan, Carrie-dairy), а во-вторых, через аллитерацию /m/ и /v/.

Поскольку скороговорки зачастую отражают в себе окружающую действительность, в более современных их версиях можно встретить ис-

пользование названий компаний, производящих тот или иной популярный продукт.

Furnish Freddie's nursery with forty-four furry *Furby Beanie Babies*. – *Furby* – американская электронная игрушка, ставшая популярной в конце 90-х гг. в США, а затем и по всему миру.

Seth at *Sainsbury's* sells thick socks. – *Sainsbury's* – название сети супермаркетов в Великобритании.

Скороговорки – малый фольклорный жанр, основанный всецело на языковой игре, инициированной теми или иными лингвистическими средствами. Поскольку возможности варьирования имен нарицательных в угоду созвучия и создания сложнопроизносимой структуры ограничены, имена собственные являются инструментом, позволяющим усложнить выражения, а людям, соревнующимся в скорости и правильности произношения, продемонстрировать уровень исполнительского мастерства.

Литература

Гридина Т. А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 234–240.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.

Лаптева Е. В. 1000 русских скороговорок для развития речи: учеб. пособие. М.: Астрель, 2015. 113 с.

Мельникова А. В. Языковая игра в анимационном сериале «Конь Боджек»: к проблеме передачи скороговорок на русский язык // Молодые голоса: сб. тр. молодых ученых. Екатеринбург, 2023. Вып. 11. С. 139–143.

Муль И. Л. Техники языковой игры в современной скороговорке, или Новый наряд старой знакомой // Уральский филологический вестник. Серия «Психолингвистика в образовании». 2014. №. 2. С. 207–212.

Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. 272 с.

O'Brien M. G. Ease and difficulty in L2 pronunciation teaching: A mini-review // *Frontiers in Communication*. 2021. Т. 5. Pp. 626–985.

Somoff V. Four is not fourteen: Tongue twister patterns and the unmastery of language // *Western Folklore*. 2014. Pp. 195–215.

Wells, Carolyn. The Jingle Book. Project Gutenberg, February 9. 2008. <https://www.gutenberg.org/ebooks/24560>

<https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/dobryy-vecher>
<https://www.tongue-twister.net/en.htm>

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8

Ф. И. Тагирова
*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ
г. Казань*
Л. В. Акулина
*Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязева
г. Казань*

Специфика функционирования колоративной лексики в разговорно-бытовом дискурсе

В статье рассматривается функционирование цветообозначений в удмуртском и татарском языках как в качестве самостоятельных единиц, так и в составе сравнений, фразеологизмов, пословиц. Внимание авторов сфокусировано на анализе употребления колоративов в разговорно-бытовом дискурсе. Авторы исследуют, в частности, модели, сочетаемость, функциональный потенциал колоративов в речи удмуртского и татарского языковых коллективов. Особое внимание уделено вопросам анализа активного употребления колоративов, отражающих национально-культурную специфику и реализующих эмоционально-экспрессивную окраску. В результате исследования выявлены наиболее частотные модели, участвующие в создании новых колоративов для обозначения оттенков и сложных цветов.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, колоратив, разговорный дискурс, удмуртский язык, татарский язык.

Научный интерес к цветообозначающей лексике не иссякает на протяжении многих лет, несмотря на значительное количество теоретических работ, посвященных самым различным аспектам проблемы языковой реализации цветового восприятия. Особенно актуальными остаются работы в русле лингвокультурологических изысканий. Ранее в некоторых работах нами также затрагивались отдельные вопросы функционирования данного пласта лексики в татарской и удмуртской лингвокультурах [Tagirova, Chumarina, Akulina 2016; Тагирова, Акулина 2017].

Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования цветообозначений в разговорно-бытовом дискурсе удмуртского и татарского языков. Источником фактического материала послужили труды удмуртских и татарских лингвистов, некоторые словари, где так или иначе зафиксированы образцы живой речи. Кроме этого, авторы опирались на собственные наблюдения за речью носителей, в частности жителей с. Верхняя Шунь Кукморского района Республики Татарстан.

Анна Вежицкая утверждает: «‘цвет’ – это не универсальное человеческое понятие. Оно, конечно, может возникнуть в человеческом обществе так же, как, скажем, ‘телевидение’, ‘компьютер’ или ‘деньги’, но даже несмотря на постоянное увеличение контактов между человеческими сообществами, все равно среди них есть такие, в которых нет ни заимствованного, ни собственного понятия ‘цвета’ (и, безусловно, таких сообществ было еще больше в прошлом)» [Вежицкая 1996: 231]. Мы также поддерживаем ее мнение, что «языковая концептуализация различна в разных культурах» и задаемся целью обнаружить элементы сходства, которые она тоже допускает, и особенности, которые формируются под воздействием окружающей носителя языка культуры.

С точки зрения структуры в разговорной речи удмуртского народа активно используются простые слова-цветообозначения, например: *сьод* ‘черный’: <...> *сьод музъемез чабьяса* <...>¹ [Кельмаков 2015: 194] ‘царапая черную землю’; *тöдды* ‘белый’: *тöдды кышет* ‘белый платок’; *лыз* ‘синий’: *лыз печатё бумага* [Кельмаков 2015: 56] ‘бумага с синей печатью’; *луд* ‘коричневый’: *луд азькышет* ‘коричневый фартук’; *шемеке* ‘фиолетовый’: *шемеке сйныс* ‘фиолетовые нитки’; *голькыт* ‘розовый’: *голькыт дэрем* ‘розовое платье’ и др. Интересно, что лексема *голькыт* зафиксирована в словарях не в первичном значении ‘розовый’, а только в переносных – ‘приторный, слащавый’. Иначе говоря, наблюдается не только увеличение корпуса колоративов, но и развитие их семантики, в частности в сторону расширения и абстрагирования. В татарском языке примером такой семантической трансформации может служить слово *яшелле-зәңгәрле*, означающее в прямом значении ‘зелено-голубой’, а в переносном, применительно к голосу – ‘неприятный, режущий слух’.

Сфера функционального использования колоронимов очень широка и не ограничивается простыми словами. Исследователь В. К. Харченко отмечает: «Язык требует личного участия, освежения и обновления своих фондов, своих сокровищ. И здесь в пространстве средств, “инструментов” открывается широчайшее поле возможностей» [Харченко 2012: 157]. Полностью солидарны с ученым во мнении и считаем, что креативность носителей языка основывается на специфике речевого творчества, заключающегося в «компонентах уже имеющегося языкового опыта» каждого сообщества. Для современного разговорного стиля также является характерным образование новых единиц сложившимися словообразовательными способами и моделями, на базе слов, уже существующих в языке. Действительно, в разговорной речи активно используются ресурсы номинации для создания лексических средств для вербализации

¹ Здесь и далее примеры из трудов В. К. Кельмакова, зафиксированные им в фонематической транскрипции, приводятся нами в современной орфографии.

результатов цветового восприятия. Креативное мышление проявляется в создании новых, иногда нетривиальных, окказиональных названий цвета как в удмуртском, так и в татарском языках.

Прилагательные цвета служат не только напрямую для обозначения одного цвета, но и для разграничения цвета по его интенсивности, обозначения сложных оттенков и т. д. Для этого в полной мере используется формообразовательный и словообразовательный потенциал обоих языков. Так, в речи можем наблюдать цветообозначения в сравнительной степени, образованные с помощью суффиксов *-гес*, *-гем*: *тӧддыгес* / *тӧддыгем* ‘белее’: *тӧддыгес пужыятэм жӧккышет* / *тӧддыгем пужыятэм жӧккышет* ‘более белая вышитая скатерть’; *сьӧдгес* ‘чернее’: *сьӧдгес басма* ‘более черный ситец’; *гордгес* ‘краснее’: *гордгес персик* ‘более красный персик’ и др.

В татарском языке аффиксом сравнительной степени является *-рак* / *-рәк*: *кызылрак* ‘краснее’; *көрәнрәк* ‘коричневее’ и т. п.

В удмуртском языке для выражения значения наличия оттенка используются производные цветообозначения, образованные различными способами. Активными для разговорной речи являются, например, образованные при помощи аффиксов *-алэс*, *-пыр*, *-пыръем*: *сьӧдалэс* ‘черноватый’; *пурысялэс* ‘сероватый’; *вожпыръем* ‘зеленоватый’; *лызыпыр* ‘синеватый’; *голькытпыр* ‘розоватый’ и др.

В татарском языке для этой цели употребляются форманты *-гылт* / *-гелт*, *-су*, *-ылжым* / *-елжем* и др. Например: *саргылт* ‘желтоватый’; *яшькелт* ‘зеленоватый, с зеленью’; *күгелжем* ‘синеватый, с синим оттенком’; *каралжым* ‘черноватый’; *зәңгәрсү* ‘с голубишной’ и т. д.

Помимо аффиксальных форм в обоих языках существуют аналитические формы выражения значений цвета.

В значении превосходной степени прилагательного, для выражения высшей степени концентрации цвета наиболее частотными в речи удмуртов являются редупликации: *сьӧд-сьӧд* ‘черный-черный’: *сьӧд-сьӧд тилем лыктэ* ‘очень черная туча надвигается’; *тӧдды-тӧдды* ‘белый-белый, очень белый’: *тӧдды-тӧдды мел* ‘белый-белый мел’; *горд-горд* ‘красный-красный’: *горд-горд боры бичаны кошким* ‘красную-красную клубнику ушли собирать’; *лыз-лыз* ‘синий-пресиний’: *лыз-лыз буёл* ‘синяя-пресиняя краска’; *çуж-çуж* ‘желтый-прежелтый’: <...> *çуж-çуж гынэ кылэз ук аналы быдэ аран удысэ* <...> [Кельмаков 2015: 110] ‘желтым-желто ведь останется в каждом поле мой участок жатвы’ и т. д.

Нужно отметить, что в татарском языке форма интенсива может быть образована так же: *күк йөзе зәңгәр-зәңгәр!* ‘небосвод голубой-голубой!’ Однако чаще наблюдается неполный повтор, то есть повторяется только один слог, иногда в трансформированной форме: *кып-кызыл* ‘очень красный’, *сап-сары* ‘очень желтый’, *кап-кара* ‘черный-пречерный’ и т. д.

Еще один аналитический способ, позволяющий выразить превосходную степень прилагательного, заключается в использовании в качестве модификатора частиц и слов с самостоятельным лексическим значением: *чем кара* ‘очень черный’; *том кара* ‘очень черный’; *чем ак* ‘кипенно-белый’ и др.

Что касается таких частиц, Ф. М. Хисамова указывает, что они используются именно с цветообозначениями и только с некоторыми другими прилагательными [Хисамова 2006: 121]. Особенности подобных частиц при образовании татарских колоронимов и других прилагательных раскрыты также в «Словаре трудностей татарского языка» [Сабитова и др. 2019: 173].

А из полнозначных лексем для усиления значения служат *жете* (букв. ‘острый, резкий’) ‘яркий’; *ачык* (букв. ‘открытый’) ‘яркий’; *куе* (букв. ‘густой’) ‘насыщенный’; *кучкыл* (букв. ‘густой’) ‘насыщенный’ и др.; *жете кызыл* ‘ярко-красный’; *кучкыл кызыл* ‘темно-красный’ (особенно характерно для разговорной речи); *куе көрән* ‘темно-коричневый’ и т. д.

Аналогичные аналитические формы цветообозначений есть и в удмуртском языке, и для передачи наибольшей интенсивности цвета употребляются практически такие же по функционалу лексемы: *чебер* (букв. ‘красивый’) ‘яркий’; *неймыт* (букв. ‘темный’) ‘насыщенный’ и *нап* (букв. ‘густой, плотный, частый’) ‘насыщенный’: *чебер горд сяська* ‘ярко-красный цветок’; *неймыт вож обойёс* ‘темно-зеленые обои’; *нап вож тус* ‘темно-зеленый цвет’; *нап чуж / нап тюж* ‘темно-желтый’; *наб луд* ‘темно-коричневый’; *чебер вож турын* ‘ярко-зеленая трава’; *нап чуж тыпы куар / нап тюж тыпы куар* ‘темно-желтый дубовый лист’; *нап луд көс куар* ‘темно-коричневый сухой лист’ и др.

Для образования названий менее насыщенных, неинтенсивных оттенков в удмуртском функционируют лексемы *югыт* (букв. ‘освещенный’) ‘светлый’; *кизер* (букв. ‘жидкий’) ‘бледный, размытый’: *югыт-чагыр* ‘светло-голубой’; *югыт-лыз дэрем* ‘светло-синее платье’; *югыт-вож тэркы* ‘светло-зеленая тарелка’; *кизер-чагыр* ‘светло-голубой, голубоватый’; *кизер-чуж* ‘светло-желтый’; *кизер-голькыт* ‘светло-розовый’; *кизер-вож* ‘светло-зеленый’ и т. п.

В татарском в таких случаях используются аналогичные слова: *сыек* (букв. ‘жидкий’) ‘бледный, размытый’; *аксыл* (букв. ‘беловатый, белесый’) ‘бледный’; *тонык* (букв. ‘мутный’) ‘неяркий, размытый’ и др.: *сыек зәңгәр* ‘бледно-голубой’; *тонык төс* ‘неяркий цвет’; *аксыл зәңгәр* ‘бледно-голубой’ и т. д.

Для обозначения сочетаний цветов, присутствующих где-то, на чем-то одновременно, рядом, в обоих языках существует бесконечное множество аналитических форм, как правило парных слов: *чужо-вожо* ‘желто-зеленый’: <...> *чужо-вожо, ой, лемтаме кирос бордам думелэ* <...>

[Кельмаков 1990: 182] ‘желто-зеленые, ой мой ленты к кресту моему привяжите’; *ак-кара* ‘черно-белый’, *күкле-яшелле* ‘сине-зеленый’ и т. п.

Очень часто цветообозначения образуются на основе сравнения. Так, в разговорной речи в разных языках много синтаксических конструкций типа ‘цветом похожий на молоко’, ‘похожий на цвет сажи’ и т. п. Но не каждая из них приобретает статус нерегулярного образования. А. Вежибцкая, подчеркивая важную роль сравнения, подчеркивает: «<...> универсальная или почти универсальная черта человеческого общения, связанного с видением, – это или, более точно, универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений» [Вежибцкая 1996: 234]. На наш взгляд, именно на понятии подобия основывается образование большинства самых специфичных для каждой культуры цветообозначений, служащих для передачи результатов зрительного восприятия.

В удмуртском языке употребительными являются такие цветообозначения, как: *алтын зундэскек* (букв. ‘как золотое кольцо’) ‘золотистый’; *зундэс тусъем* (букв. ‘цвета кольца’) ‘золотистый’; *лимон тусъем* (букв. ‘цвета лимона’) ‘ярко желтый, лимонно-желтый, лимонный’; *инь тусъем* (букв. ‘цвета неба’) ‘небесно-голубой’; *пень тусъем* (букв. ‘цвета пепла’) ‘пепельный’ и т. п.

В татарской разговорной речи этот вид сложных колоративов особенно активен: *чия кызыл* (букв. ‘вишня красный’) ‘вишневый’; *кирпеч сары* (букв. ‘кирпич желтый’) ‘оранжевый’; *кан кызыл* (букв. ‘кровь красный’) ‘кроваво-красный, багровый’; *кишер сары* (букв. ‘морковь желтый’) ‘оранжевый’; *шомырт кара* (букв. ‘черемуха черный’) ‘черный-пречерный’; *бакыр кызыл* (букв. ‘бронза красный’) ‘ярко-рыжий или красно-коричневый’; *ут кызыл* (букв. ‘огонь красный’) ‘огненно-красный’ и др.

Как можно судить по этим примерам, специфичные для каждой культуры особенности в восприятии и оценке цвета наиболее часто отражаются в названиях, основанных на сравнении.

Для разговорно-бытового дискурса также характерно активное употребление колоративов в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок: *горд лымы усем бере* [Дзюина 1967: 34] (букв. ‘когда красный снег выпадет’) ‘никогда’; *вож кунян* (букв. ‘зеленый теленок’) ‘новорожденный теленок, теля, тютя’ (о беспомощном человеке); *вож турын куртчем* (букв. ‘зеленой травы откусил’) ‘белены объелся’; *сьдд синкылиен бѳрдыны* (букв. ‘черными слезами плакать’) ‘сильно горевать, сожалеть’ [Егоров 2011: 81].

Это однозначно относится и к татарскому языку: *жѳете кызыл тиз уѳа* (букв. ‘ярко-красный быстро линяет’) ‘о слишком пылком, но непоследовательном человеке’ [Гаффарова, Саберова 2006: 66]; *ак-караны аермау* (букв. ‘не различать белого и черного’) ‘быть неопытным, не раз-

бираться (в людях, в добре и зле)’ [Гаффарова, Саберова 2006: 16] и т. п. Особенно распространены устойчивые выражения с такими компонентами-кolorативами, как *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’.

Предпринятая попытка анализа использования колоронимов в удмуртском и татарском языковом сообществах позволяет сделать некоторые обобщенные выводы об особенностях восприятия цвета и вербализации значений цвета:

- колоративы, во всех их структурных видах и формах, наиболее полно реализуют свой функциональный потенциал именно в бытовом дискурсе, так как здесь отсутствуют определенные стилистические и иные ограничения;

- специфичные для каждой культуры особенности в восприятии и оценке цвета наиболее часто отражаются в названиях, основанных на сравнении;

- языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и демонстрирует элементы сходства даже в неконтактирующих сообществах. А такие лингвокультуры, как удмуртская и татарская, объединенные столетиями культурного контакта, неизбежно несут следы взаимовлияния и взаимопроникновения, особенно на уровне лексики и фразеологии.

Источники

Гаффарова Ф. Ф., Саберова Г. Г. Татарско-русский словарь идиом. Казань: Алма-Лит, 2006. 232 с.

Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 131 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 368 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru>

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: ТӘһСИ, 2015–2021.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020–2024.

Литература

Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. С. 231–291.

Дубинина Н. В. Реализация лингвокреативного потенциала колоративов в речевой деятельности // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 2. С. 81–87.

Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург–Ижевск, 2011. 200 с.

Сабитова И. И., Сафина Э. И., Таhiroва Ф. И. Татар теленең кыенлыклар сүзлеге. Казан: ТӘҺСИ, 2019. 184 б.

Тагирова Ф. И., Акулина Л. В. Ассоциативные значения красного цвета в татарской и удмуртской языковых картинах мира // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сб. ст. Ижевск, 2017. С. 352–360.

Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса // Лингвистика креатива – 2. 2-е изд. Екатеринбург, 2012. С. 147–164.

Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе. Казан: Мәгариф, 2006. 335 б.

Tagirova F. I., Chumarina G. R., Akulina L. V. Lexico-semantic features of expression means of the concept of «yellow» in the tatar and udmurt languages (on the basis of corpora and paper dictionaries data) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. 2016. № 3 (22). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=22>

УДК 811.511.131'367(075.8)

Н. Н. Тимерханова

*Удмуртский государственный университет,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
г. Ижевск*

Проблемы удмуртской пунктуации

Пунктуация удмуртского языка базируется на пунктуации русского языка. Изучив свод правил по удмуртской пунктуации, нетрудно заметить, что существуют проблемы с выделением полупредикативных конструкций и чужой речи. Попытка решить основные спорные вопросы пунктуации удмуртского языка предпринята в новом справочнике, подготовленном в 2023–2024 гг. Стабильность удмуртской пунктуации определяется структурно-грамматическим принципом, а богатство оттенков мыслей и эмоций передается посредством смыслового и интонационного принципов. В новом своде правил расширен список суффиксов, которые могут образовывать деепричастия от глаголов, соответственно увеличилось и количество деепричастных оборотов по способу образования, также предпринята попытка максимально описать все случаи обособления названных конструкций.

Ключевые слова: удмуртский язык, пунктуация, принципы пунктуации, деепричастный оборот, одиночное деепричастие, спаренные глаголы.

Современная пунктуация удмуртского языка – сложная, исторически сложившаяся система, которая базируется на пунктуации русского языка. Это вполне объяснимо тем, что теория удмуртского языка, в том числе пунктуация, выстраивалась с опорой на теорию русского языка. А также немаловажно и то, что удмуртский язык, как и русский язык, можно отнести к одному лингвокультурному типу «восточноевропейский стандарт», поскольку в данных языках много сходных явлений, хотя, конечно, есть и различия, связанные с типами языков: русский язык – флективный, а удмуртский язык – агглютинативный (понятие «западно- и восточноевропейский стандарт» предложено Б. М. Гаспаровым [Гаспаров 1977: 28]).

Список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, формируется и утверждается Правительством РФ на основании предложений правительственной комиссии по русскому языку (в этот список включаются и правила орфографии и пунктуации), соответственно пунктуационные правила удмуртского языка должны утверждаться Правительством Удмуртской Республики (или Министерством образования УР) на основании предложений Термино-орфографической комиссии Удмуртской Республики. На данный момент правила пунктуации обсуждаются на заседаниях Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Правила орфографии и пунктуации удмуртского языка 2002 г. [УКШГК 2002] не были утверждены должным образом, но применялись.

Рассмотрев научные работы по пунктуации удмуртского языка, мы пришли к выводу, что на настоящий момент все пособия в данной области знания носят в основном справочный характер, так как в них регламентируется употребление знаков препинания в различных синтаксических конструкциях [УОС 1984; УКШГК 2002; Тимерханова 2019], и, к сожалению, нет ни одного крупного научного (не справочного) исследования по удмуртской пунктуации.

Изучив свод правил по удмуртской пунктуации, нетрудно заметить, что до сих пор существуют проблемы с выделением полупредикативных конструкций и чужой речи. В новом справочнике, подготовленном в 2023–2024 гг. Н. Н. Тимерхановой и В. К. Кельмаковым и отредактированном вместе с языковедами Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, предприняты попытки решить основные спорные вопросы пунктуации удмуртского языка. В данной статье нами будет проведен небольшой анализ сложных случаев удмуртской пунктуации.

Итак, пунктуация обслуживает потребности письменного общения и должна иметь цель передать читающему смысл написанного соответственно мысли пишущего. Исходя из этого, можно сказать, что пунктуация – это социальное явление, и поэтому пунктуационные правила

и знаки должны максимально точно отражать языковые элементы и соответствовать принципам пунктуации – структурно-грамматическому, смысловому и интонационному. Твердость и стабильность удмуртской пунктуации определяется структурно-грамматическим принципом, а возможность передать богатство оттенков мыслей и эмоций реализуется посредством смыслового и интонационного принципов.

В большинстве случаев оформления пунктуационных ситуаций все 3 принципа взаимодействуют и используются одновременно, но есть написание, при которых на первый план выходит лишь один из принципов. В частности, однородность определений без семантической оценки или вне контекста определить сложно, поэтому в данном случае на первый план выходит именно смысловой принцип пунктуации, например, § 19, п. 11 нового свода правил пунктуации удмуртского языка (данное правило есть и в других изданиях): Запятоен висьясько огкадь тодметъёзьёс (однородной определениос), кукке соос арберилъёс яке явленилъёс огвыллем тодметъёссэ возьматэ (предложенилэн сыће ёзьёсыз виски *но* валчеляс герзёт пуктыны луэ) ‘Запятой отделяются однородные определения, если они называют подобные признаки предмета или явления’: 1. *Нуэ сюрес купецъёсты паймымон, адзылымтэ шаеръёсы.* [Леонтьев 1995: 16] ‘Ведет дорога купцов в удивительные, невиданные страны’; 2. *Шаерысь шаере чужьясько шудыресь, задоресь кырзанъёс.* [Широбок 1980: 26] ‘Из края в край раздаются веселые, задорные песни’. Также семантический принцип лежит в основе выделения однородных определений при наличии определений-эпитетов и метафор: Валэктон: Запятоен висьяны луэ предложениысь тодметъёзьёсты, одйгез соос пöлысь (яке ваньмыз) переносной значениен (эпитет яке метафора кадь) кутэмын ке: 1. *Олексан шоры бездытэсь, мурт синъёсын учкыса, Зоя лулыз шуген, жазыресь куараен вераз.* [Красильников 1962: 132] ‘Посмотрев на Александра поблекшими, чужими глазами, Зоя сказала с тяжестью на душе’; 2. *Солэн небыт, мусо куараез адямилэсь сюлэмзэ небзытоз, узыргес но жечгес кароз.* [Самсонов 1978: 10] ‘Ее мягкий, милый голос смягчит сердце человека, делает его богаче и лучше’.

Также смысловой принцип используется при постановке знаков препинания в бессоюзном сложном предложении (БСП), например, для отделения частей в БСП со значением однородности и последовательности действий: Запятой пуктыське герзёттэм кушето предложение пырысь люкетъёс виски, кукке соос огдыре яке бöрсьысь ортчись действиосты, явлениысь возьматэ (таче учыре предложениос купсы валчеляс *но* герзёт пуктыны луэ) ‘Запятая ставится между частями бессоюзного сложного предложения, если они передают отношения одновременности или последовательности действий или явлений (в таком случае между частями можно подставить соединительный союз *и*)’: 1. *Ву тулкымъёс вылын*

чильк-вальк кисьтасько шунды сиос, ярдурьсь сяськаос вьлэ пуксьбыло мушъёс, вожмаськыса моль бичало. [Григорьев 1991: 188] ‘На волнах переливаются лучи солнца, на прибрежные цветы садятся пчелы, наперегонки собирают нектар’; 2. Солэн йырыз каньсыраса нош ик миндэре выйиз, синъёсыз соку ик кыниьскизы. [Чернов 1991б: 122] ‘Его голова снова немощно утонула в подушке, глаза тотчас же закрылись’; 3. Синъёс асьсэос кыниьскизы, йырыз поромыны кутскиз, перилэн питраназ бергаку сямен. [Нянькина 1991: 71] ‘Глаза сами по себе закрылись, голова начала кружиться, словно крутятся в воронке (букв. колесе) вихря’.

Семантическое значение рассматривается при постановке двоеточия и тире в БСП, например, двоеточие ставится, если вторая часть сложного предложения указывает на причину совершения действия в первом предложении (пример а) либо на пояснительный характер второй части по отношению к первой части (пример б): Герзёттэм кушето предложениосы двоеточие пуктйське: а) кыкетй предложение нырысетйезлэсь мутзэ возыматькуз ‘В бессоюзном сложном предложении ставится двоеточие: а) если вторая часть предложения указывает на причину действия первой части’: 1. Татын книга, газет кулэ ёвл: кыйгу дорын ваньзэ тодод. [Медведев 1989: 94] ‘Здесь книга, газета не нужны: в горе все узнаешь’; 2. Пыд улэз эскерыса вамышьяно: дэри люко-люко кыммиз. [Чернов 1991а: 130] ‘Надо шагать, посматривая под ноги: грязь замерзла комьями’; б) кыкетй предложение нырысетйезлэсь пуштроссэ выжыятыса валэктыхуз ‘если вторая часть предложения поясняет содержание первой части’: 1. Луод ук озьы но: доска доры Нина Фёдоровна нырысь ик монэ ёте. [Загребин 1991: 146] ‘Надо же такому случиться: к доске Нина Федоровна в первую очередь вызывает меня’; 2. Ваньмы тыршиьском одйг мылкыдын, одйг малтанэн: странамылы кызьы ке но трогес, жечгес нюлэс дасяно. [Емельянов 1995: 70] ‘Все мы стараемся с одинаковым настроением, с одной мыслью: для нашей страны нужно как-нибудь больше и лучше леса заготовить’. В своде правил можно рассмотреть и другие случаи постановки пунктуационного знака «двоеточие».

Интонационный принцип на первый план выходит в тех случаях, когда в первую очередь учитывается именно интонация. Например, при выделении повторяющихся слов (возможно написание через дефис либо через запятую). Через запятую пишутся повторяющиеся слова, имеющие собственное фонетическое ударение и произносимые с перечислительной интонацией, но при восклицательном произношении вместо запятой ставится восклицательный знак (если же повторяющиеся слова не имеют собственного фонетического ударения и сливаются в сложное слово, между словами ставится дефис): Кык но трогес пол верам одйг кадь кыльёс виски запятой пуктйське, куке соос перечислительной интонацией верамын но котькудйзлэн нимаз ударениез вань: 1. Кытын, кытын

тынад синмыд, кытын нылкышно сюлмыд? [Перевошиков 1993: 141] ‘Где, где твои глаза, где твое женское сердце?’; 2. *Я лыкты, лыкты ни дорам, / Бичай тыныд лыз зангари.* [Федотов 1988: 79] ‘Приди же, приди ко мне, / собрал для тебя синие васильки’. Валэктон: Юн куараен вераку, трос пол верам кылъёс виски кеськон пус пуктйське ‘Примечание: При восклицании между повторяющимися словами ставится восклицательный знак’: 1. *«Дангыре! Дангыре!» – жоож куараен вазиз но чоксузиз Дыдык.* [Кедра Митрей 1989: 199] ‘«Дангыр (мой)! Дангыр!» – горестным голосом сказала Дыдык и «задохнулась»»; 2. *Чупчи! Чупчи! Чагыр лента – / Чеберлыкеш шаермылэн.* ‘Чепца! Чепца! – Голубая лента – / Очарование нашего края’; 3. *Инбам! Инбам! / Оло, со котькудзэ өте дораз.* [Васильев 1995: 15, 62] ‘Небо! Небо! / Может, оно всех призывает к себе’. Ограничимся данными примерами и перейдем к структурно-семантическому принципу пунктуации.

В соответствии со структурно-семантическим принципом пунктуации выделяется большая часть синтаксических конструкций. Мы же остановимся лишь на тех случаях, которые являются проблемными. В своде правил 1984 г. [УОС 1984: 39–40] деепричастные обороты всегда выделялись запятой в постпозиции к определяемому слову и в препозиции, если отделялись от определяемого слова другими словами; деепричастные обороты с суффиксом *-тозь* являлись особым случаем – выделялись и при контактном расположении по отношению к глаголу-сказуемому, но только при наличии значения противоположного значению глагола-сказуемого: Запятая висьясько валэктоно глагол-сказуемой бёрсын сылйсь яке глагол-сказуемойлэсь мукет кылъёсын люкем деепричастной оборотъёс: 1. *Уробо питранлэн куараез но кемалась уг кылйськы ни, валлэн букоез но кемалась уг адзйськы ни, нош со сылз, нюлэс пала учкыса.* [УОС 1984: 39] ‘И звука колес телеги давно уже не слышно, и дугу лошади давно уже не видно, а он стоит, глядя в сторону леса’; 2. *Өтьыса вьль уже, тракторъёс потйзы лудъёсы.* [Там же: 39–40] ‘Призывая к новой работе, трактора вышли на поля’. Нош *-тозь* суффиксэн деепричастие бордысь пөрмем оборотъёс, валэктоно глагол-сказуемой азын сылыкузы но, запятая висьясько, куке соос глаголэн верам действилы пумит луись действиез возматом: – *Тэк пукытозь, юртты вал анаедлы.* [Там же: 40] ‘– Чем зря сидеть, помог бы матери’.

По правилам 2002 г. деепричастный оборот всегда обособлялся, если относился к глаголу-сказуемому [УКШГК 2002: 43]: Запятой пуктйське: <...> 12. *-са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -(э)мен, -(э)мысь(ты), -мтээн, -мтэысь(ты)* суффиксёслэсь пөрмем деепричастной оборотъёсты висьяку, куке соос глагол-сказуемоез валэкто ‘Запятая ставится: <...> 12. При обособлении деепричастных оборотов, образованных от суффиксов *-са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -(э)мен, -(э)мысь(ты), -мтээн,*

-мтэысь(ты), если они относятся к глаголу-сказуемому': 1. *Писпуос вылын кырза учы, азвесь лысву тӧлӱкы.* [Там же] 'На деревьях поет соловей, когда сходит серебристая роса (букв. сходя)'; 2. *Отъыса виль ужэ, тракторъёс потӱзы лудӱёсы.* [Там же] 'Призывая к новой работе, трактора вышли на поля'; <...> 4. – *Тон, Виктор, операция кутскытозь, ӧжыт шутэтскы вал.* [Там же] '– Ты, Виктор, до начала операции немного отдохнул бы (букв. до того, как начал)'. Пример на контактное расположение деепричастного оборота в препозиции к глаголу-сказуемому не приведен. В самой формулировке правила «суффиксьёслэсь пӧрмем деепричастной оборотъёсты» 'деепричастные обороты образованные от (из) суффикса' имеется логическая ошибка. Правильно: -са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -(э)мен, -(э)мысь(ты), -мтэен, -мтэысь(ты) суффиксьёсын деепричастной оборотъёсты висьяку (полная формулировка: -са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -(э)мен, -(э)мысь(ты), -мтэен, -мтэысь(ты) суффиксьёсын деепричастиос бордысь пӧрмем оборотъёсты висьяку) <...> 'при обособлении деепричастных оборотов с суффиксами (полная формулировка: при обособлении оборотов, образованных от деепричастий с суффиксами) -са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -(э)мен, -(э)мысь(ты), -мтэен, -мтэысь(ты) <...>'. В своде правил 2019 г. [Тимерханова 2019: 21–23]: Запятые висьяко 'Запятой выделяются': 1) деепричастие вӧлскетӱёс, глагол-сказуемое валэкто ке 'деепричастные обороты, если относятся к глаголу-сказуемому': 1. *Кӧлыны выдэм бераз но кема кыллиз на со, умме усьыны быгатытэк.* [Там же: 21] 'Даже после того, как лег спать, долго еще лежал он и не мог уснуть (букв. не умея заснуть)'; 2. *Анаед, лумбыт-лумбытэн ваньмытӱськымтэысьтыд, тышкаське кадь, пие.* [Там же: 21] 'Твоя мать, из-за того что целыми днями занят, ругается вроде, (мой) сынок (букв. из-за того что не можешь освободиться)'. 3. *Калыклэсь кышкаса, тӧльлэн пӧдсаз ик пегӱзы тылобурдоос.* [Там же: 21] 'Пугаясь людей (букв. народа), вглубь леса спрятались птицы'. 4. *Карйылэ нуллытозь, бускель бакчае гинэ мерттомы шат?* [Там же: 21] 'Чем носить на гору, может быть, лучше посадим в соседский огород?'; 2) -тозь кылӱтэтэн нимаз деепричастиеос, глаголэн верам действилы пумит луись действиез возьматто ке 'одиночные деепричастия с суффиксом -тозь, если имеют значение действия, противоположного действию глагола-сказуемого': *Вильзэ басьтод, тупатъятозь.* 'Новое купишь, чем исправлять'.

В связи с тем, что запятыми выделяются все деепричастные обороты, относящиеся к глаголу-сказуемому, в данном своде выделен дополнительный пункт о том, что деепричастные обороты не обособляются, если деепричастие и глагол-сказуемое являются спаренными глаголами (деепричастие входит в состав сказуемого и несет основную семантическую нагрузку): 1. *Кема ик малпаськытэк, рос-прос вераса сӧтӱз.* (*Вераса сӧтӱз = вераз*). 'Не долго думая, как следует сказал' (*вераса сӧтӱз* 'сказав',

2) -тозь кылӱтэтэн нимаз деепричастиеос, глаголэн верам действилы пумит луись действиез возьматто ке 'одиночные деепричастия с суффиксом -тозь, если имеют значение действия, противоположного действию глагола-сказуемого': *Вильзэ басьтод, тупатъятозь.* 'Новое купишь, чем исправлять'.

‘выдал’ = сказал’); 2. *Нина туж мӧзмыт кырӳаса лэзиз. (Кырӳаса лэзиз = кырӳаны кутскиз)* ‘Нина очень грустно запела’ (*кырӳаса* ‘запевая, исполняя песню’, *лэзиз* ‘начал(а)’, букв. ‘бросила’ = *запела*). Также дается подстрочный комментарий: Кузьям глаголӧёсысь деепричастизэ ноку но глаголӧэлзэсь люкыны уг яра валатон ласянь но, верантодос ласянь но, верангур ласянь но. Кузьям глагол быдэсак сказуемой луэ. ‘В спаренных глаголах деепричастие никогда нельзя отделять от глагола ни в семантическом плане, ни в грамматическом, ни в интонационном. Спаренные глаголы целиком являются сказуемым’.

В новом своде правил 2023–2024 гг. расширен список суффиксов, которые могут образовывать деепричастия от глаголов, соответственно увеличилось и количество деепричастных оборотов по способу образования: Деепричастной оборотъёс *-са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -мен, -эмен, (-емен), -мтэен, -мысь(ты-), -эмысь(ты-), (-емысь(ты-)), -мтэысь(ты-), -мъя, -эмъя (-емъя), -нъя, -онъя (-ёнъя)* кылӧтэтьёсын деепричастииос бордысь пӧрмо ‘Деепричастные обороты образуются от деепричастий с суффиксами *-са, -тэк, -ку, -тозь, -мон, -мен, -эмен, (-емен), -мтэен, -мысь(ты-), -эмысь(ты-), (-емысь(ты-)), -мтэысь(ты-), -мъя, -эмъя (-емъя), -нъя, -онъя (-ёнъя)*’. Новыми в перечне являются суффиксы: *-мъя, -эмъя (-емъя), -нъя, -онъя (-ёнъя)*. Слова с данными суффиксами обозначают действие как признак другого действия, то есть имеют такое же общее грамматическое (категориальное) значение, как у деепричастия.

По правилам 2023–2024 гг. всегда выделяются запятыми деепричастные обороты, находящиеся в постпозиции к определяемому глаголу-сказуемому и в препозиции, если отделяются от определяемого глагола-сказуемого другими словами: 1. – *Лэсьтонтэм уж шат? Тупато, – пумитаз вазиз Микол, уже дасяськонъяз.* [Никифоров 1991: 181] ‘– Разве непосильное дело? Исправлю, – сказал в ответ Николай, собираясь на работу’; 2. *Валя, чияпу доры кожыса, сое маялля, вайёссэ кутылэ.* [Ломагин 1993: 291] ‘Валя, свернув к вишне, поглаживает ее, прикасается к веткам’; 3. *Ачим бен мон, тӧледды витёнъям, так-то оскалтӧи ни.* [Перевощиков 1992: 139] ‘Да я сам, пока вас дожидаясь (дождался), вообще-то уже попробовал’.

Деепричастные обороты и одиночные деепричастия с суффиксом *-тозь* при наличии значения противоположного значению глагола-сказуемого всегда выделяются: 1. *Та дэриетӧи коласькытозь, котырсконо ик былэм.* [Перевощиков 1991: 117] ‘Чем месить эту грязь, надо было все же обойти’; 2. *Ченгешытозь, ойдолэ шулдырьяськом.* (пример автора. – Н. Т.) ‘Чем ругаться, давайте веселиться’. Также всегда обособляются деепричастные обороты и одиночные деепричастия, являющиеся пояснительной конструкцией: 1. *Уйбыт, куазь ӟардытозь, утчаськимы.* [Емельянов 1995: 88] ‘Всю ночь, до тех пор пока не рассвело, искали’; 2. *Азътэмены-*

ды, ужаны мылды потымтээн, муг шедьтійськоды. [Емельянов 1995: 86] ‘Из-за своей лени, из-за того, что не хотите работать, причину находите’; 3. Нуназе, сиськыкуз, ньылоназ сиёнэз дугдыса гуньдйз. (пример автора. – Н. Т.) ‘В обед, когда ел, из-за того что в горле застряла еда, подавился’.

Не выделяются деепричастные обороты, которые относятся не к глаголу-сказуемому, а относятся к другому члену предложения: *Озыы муҷъёс но силё-сюрно борды канжаськылыса мынон сяменыз, со аслэсьтыз вёсь луэмзэ ик вунэтиз кадь*. [Перевощиков 1992: 126] ‘Так продвигаясь запинаясь об кочки и валежник, он даже о своей боли, по-видимому, забыл’.

В новом своде также даются некоторые уточняющие примечания, например, о том, что противительный союз отделяется от последующего деепричастного оборота, если оборот можно перенести в другое место предложения либо убрать из предложения без ущерба смысла, в ином случае, при противопоставлении именно оборота, деепричастный оборот не отделяется от союза: 1. *Адзиз, сутійз, секыт шокаса, китійз кутійз, нош соиз выльысь мозмиз но, жингырак серектыса, ляпа карыса, мукетлань пегзиз*. [Перевощиков 1992: 251] ‘Увидел, догнал, тяжело дыша, взял за руку, а она снова вырвалась и, звонко смеясь, заляпав, убежала в другую сторону’; 2. *Солы куамын арес но өвөл на, нош, шораз учкыса, тросгес сётоды*. [Широбоков 1960: 36] ‘Ему и тридцати лет нет еще, но, посмотрев на него, дадите больше’; 3. *Палэнынгес сылйсьёсыз «пересьёс» матэктыны өз дйсьтэ ни, нош Аркаш доразы вамыштэмысь, кирпазь луизы*. [Перевощиков 1992: 296] ‘(Именно) стоящие в стороне «старшие» приблизиться уже не посмели, а из-за того, что Аркаша шагнул к ним, разбежались в стороны’; 4. <...> *Їуказеяз больницае понйзы, нош кык нунал ортчыса, пырак Иже нуизы*. [Перевощиков 1997: 34–35] ‘Назавтра положили в больницу, а спустя два дня, прямо в Ижевск увезли’.

Отдельно рассмотрены случаи необособляемых конструкций со словом *луыса* в значении послелога ‘из-за, по причине’ и ‘в качестве’: 1. *Бен тани пушнерлы луыса татчы арама дуре кукурузаез лёгаса ик кожи ук*. [Шихарев 1968: 44] ‘Да вот из-за крапивы сюда к опушке рощи, аж вытоптав кукурузу, свернул ведь’; 2. *Конюх луыса дасо арьёс пала ужа вал уни соку Лизка*. [Самсонов 1996: 138] ‘В качестве конюха около десяти лет работала уже тогда Лизка’.

В рамках одной статьи нет возможности описать все проблемные моменты удмуртской пунктуации, поэтому ограничимся вышеуказанными случаями. Мы рассмотрели принципы пунктуации в удмуртском языке и сложности в постановке знаков препинания в конструкциях с деепричастными оборотами и пришли к выводу, что в новом своде правил предпринята попытка максимально описать все случаи обособления названных конструкций. Также автоматически исключены случаи со спаренными глаголами, так как непосредственно перед глаголом-сказуемым

деепричастные обороты и одиночные деепричастия, в том числе и со спаренными глаголами, не обособляются, а пояснительная деепричастная конструкция по семантическим свойствам не может включать спаренный глагол.

Литература

- Васильев Ф. И. Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 848 б.
- Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 425: Труды по русской и славянской филологии XXIX. Серия лингвистическая. Проблемы языковой системы и ее функционирования. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1977. С. 24–46.
- Григорьев А. Л. Котьку син аязм // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991. 188–192-тй б.
- Емельянов К. В. Капка съёрын // Емельянов К. В., Гусев И. И. Капка съёрын; Ёукыртэ, жущтэ сюрес: повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 3–116-тй б.
- Загребин Е. Е. Горд ёустари // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144–153-тй б.
- Кедра Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1. Ижевск: Удмуртия, 1989. 29–38-тй б.
- Красильников Г. Д. Тёлсяска: роман. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 252 б.
- Леонтьев А. К. Сюрес усьтйське мынйсьлы: исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.
- Ломагин К. Е. Котьку сюлэмын: роман. Ижевск: Удмуртия, 1993. 388 б.
- Медведев Г. С. Лёва Матран // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1. Ижевск: Удмуртия, 1989. 100–113-тй б.
- Никифоров Н. М. «Бадёым» ыштон // Инёарекъян: егитёслэн кылбурёссы, веросьёссы. Ижевск: Удмуртия, 1991. 181-тй б.
- Нянькина Л. С. Ваёбыж кар // Инёарекъян: егитёслэн кылбурёссы, веросьёссы. Ижевск: Удмуртия, 1991. 101–104-тй б.
- Перевощиков Г. К. Нимысьтыз задание // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991. 101–121-тй б.
- Перевощиков Г. К. Ёыбыртты музеймлы: роман-тетралогия. Ижевск: Удмуртия, 1992. 495 б.
- Перевощиков Г. К. Тулкымлы пумит: роман-тетралогия: куинетй но ныллетй книга. Ижевск: Удмуртия, 1993. 431 б.
- Перевощиков Г. К. Сюлэмтэм дунне: романёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 775 б.
- Самсонов Е. В. Толэзысь төл: повесть но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1978. 167 б.
- Самсонов Нв. Я. Казна дйськутэн // Агбай: веросьёс, повестьёс, роман. Ижевск: Удмуртия, 1996. 137–221-тй б.

Тимерханова Н. Н. Удмурт кылын пус пуктылон. Индылэтъёсын но схемаосын: дышетскон юрттэт. 2-тй изд. Ижкар: «Удмурт университет» издательской центр, 2019. 100 б.

УКШГК 2002 – Удмурт кылын шонер гождяськонъя кыллюкам (Шонер гождяськон но пусъёс пуктылон правилоосын). Ижевск, 2002. 416 б.

УОС 1984 – Удмурт орфографической словарь. Ижевск: Удмуртия, 1984. 350 б.

Федотов М. Берекет: выль книга. Ижевск: Удмуртия, 1988. 105 б.

Чернов П. К. Мӧзмон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991а. 128–138-тй б.

Чернов П. К. Сйзыл нуналэ нюлэскы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991б. 122–128-тй б.

Широбоков В. Г. Мынам республикае. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. 152 б.

Широбоков В. Г. Ошмес жильыртэ ваньмызлы. Ижевск: Удмуртия, 1980. 240 б.

Шихарев С. Т. Пушнер веник: веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1968. 76 б.

УДК 372.881.1

Н. А. Трубинова, Е. А. Рябухина
*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь*

Виртуальная экскурсия как способ формирования ценностного отношения к родному языку

Ценностное отношение к родному языку формируется различными способами, среди которых значимое место занимает виртуальная экскурсия. Этот вид образовательной деятельности решает одновременно познавательные и воспитательные задачи. Применение цифровых образовательных ресурсов для обработки и подачи этнокультурного и лингвокультурного материала расширяет возможности изучения родного языка, позволяет сделать акцент на его ценностной составляющей.

Ключевые слова: ценностное отношение, родной язык, виртуальная экскурсия.

В последнее время фиксируется неоднозначное отношение к изучению родного языка в школе. Зачастую родители хотят, чтобы их ребенок учился в престижном вузе, в совершенстве владел русским языком

с целью достижения успеха в профессиональной деятельности. Замотивировать обучающихся к изучению родных языков становится проблемой. Перед учителем встает необходимость поиска новых форм, методов и средств подачи материала и одновременно включения в учебную деятельность всего класса. Такое обучение, которое происходит при постоянном активном взаимодействии всех участников учебного процесса, принято называть интерактивным. Для организации интерактивного обучения широко используются фронтальные технологии, технологии коллективно-группового обучения, технологии ситуативного обучения, технологии обучения в дискуссии [ИТ]. Существенным подспорьем в интерактивном обучении становятся цифровые технологии. Использование входящих в указанные технологии форм и методов обучения помогает учителю увлечь, замотивировать учащихся на активную деятельность, достижение результатов, коллективную работу.

Остановимся на одной из интерактивных форм обучения – виртуальной экскурсии. Экскурсия (от лат. *excursion* – прогулка, поездка) – коллективное или индивидуальное посещение музея, достопримечательного места, выставки, предприятия и т. п.; поездка, прогулка с образовательной, научной, культурно-просветительской и другой целью [Гончарова и др. 2023].

Ян Амос Коменский в своей книге «Великая дидактика» писал: «...следовало бы начинать обучение не со словесного толкования о вещах, а с реального наблюдения над ними» [ДПК]. Экскурсия как одна из форм обучения возникла еще в конце XVIII в. Учителя использовали ее для развития наблюдательности обучающихся и приобретения ими навыков самостоятельной работы. В педагогических источниках экскурсия рассматривается как нетрадиционное учебно-воспитательное занятие с определенной образовательной или воспитательной целью.

Экскурсию как вид деятельности традиционно рассматривают в нескольких аспектах:

- самостоятельная форма обучения и воспитания;
- форма распространения научных знаний;
- часть процесса формирования всесторонне развитой личности;
- автономная форма культурно-просветительской работы.

В проводимом нами исследовании мы описываем возможности применения виртуальной экскурсии для формирования ценностного отношения к родному языку. Чем же виртуальная экскурсия отличается от реальной? Виртуальная экскурсия – это не физическое перемещение из одного места в другое, а перенесение своего взгляда в виртуальное пространство благодаря компьютерным технологиям (ноутбук, планшет, смартфон). Мы можем не только «ходить» по залам музея, перемещаться по картинной галерее, но и прогуливаться по городу и даже по краю.

Виртуальная экскурсия как форма познавательной деятельности может использоваться и на уроке, и во внеурочном взаимодействии со школьниками.

Рассмотрим варианты виртуальных экскурсий, разработанных нами для оптимизации процесса изучения родного языка в основной школе.

Например, во время изучения темы «Диалектной кыввез» с учащимися можно отправиться в виртуальную экскурсию по районам Коми-Пермяцкого округа прямо **на уроке**.

Описание экскурсии:

Цель экскурсии: познакомить обучающихся с наречиями коми-пермяцкого языка, погрузить в мир диалектной лексики.

Лингвистический материал: диалектизмы различных лексических групп, бытующие в Кочевском, Косинском, Кудымкарском, Юсьвинском районах.

Организация экскурсии: подготовка карты Коми-Пермяцкого округа с делением на районы и указанием основных населенных пунктов; обозначение на карте полного маршрута виртуальной экскурсии; выбор учащимися фрагмента маршрута в зависимости от места проживания; вопросы и задания для учащихся.

Ход экскурсии:

Учащиеся начинают двигаться по выбранному маршруту, нажимая на активные точки населенных пунктов на карте, компьютерная программа открывает диалектные слова с переводом на литературный язык (либо на платформе learning.apps приводится страничка соответствия), к наиболее трудным для понимания лексемам приводятся иллюстрации. Учащиеся выполняют задания, заполняя рабочие листы и отвечая на вопросы учителя:

– Миян одзын сетом карта, тиян партаэз вылын куйлө сiя жö картаыс (уджалан лист). Мый сы вылын мыччалом? (Перед нами карта, на ваших партах лежат те же карты (рабочие листы). Что на них изображено?)

Предполагаемый ответ: Коми-Пермяцкöй округлөн карта (карта Коми-Пермяцкого округа).

– А мыля сiя сiдз торйöтöм? (А почему карта округа так поделена?)

Предполагаемый ответ: округлөн карта торйöтöм районнэз вылö (карта округа поделена на районы).

– Правильно, миян округын квать район. Адззам нiйö. (Правильно, в нашем округе 6 районов. Найдем их.)

Предполагаемый ответ: Юсьвинскöй, Кудымкарскöй, Юрлинскöй, Кочёвскöй, Косинскöй, Гайнскöй.

– Челядь, а кызд тiйö думайтат, миян округын быдлаын ли öткодä баитöны? (Ребята, а как вы думаете, в нашем округе везде ли одинаково разговаривают?)

Предполагаемый ответ: озö (нет).

– А ежели мийö лöсьöтчам мунны Кудымкарсянь Кöсö или Кöчсянь Юсьваö, быдöс ли лоас вежöртана, мый йылись пондасö баитны олисес? (А если мы отправимся из Кудымкара в Косу или из Кочево в Юсьву, все ли будет понятно, о чем будут говорить жители этих населенных пунктов?)

Предполагаемый ответ: оз (нет).

– Правильно, мийö пондам кывны сэтшöм кыввез, кöдна пантасьöны только кытшöмкö öтик местаын. И сэтшöм кыввес пондасö шусьны диалектнöйезöн. (Правильно, мы будем слышать такие слова, которые встречаются только в определенной местности. Такие слова называются диалектными.)

– И медбы тöдсасьны диалектнöй кыввезкöt, ме тiянöс кора ветлыны мекöt экскурсия вылö. (Чтобы познакомиться с диалектными словами, я приглашаю вас на экскурсию.)

– Кыдз думайтат, кытчö мийö лöсьöтчам мунны? (Как вы думаете, куда мы с вами отправимся?)

Предполагаемый ответ: округлön районнэзö (по районам округа).

– Сидз, талун мийö тiянкöt мунам экскурсияö округ пасьта. Урок пондöтчикö мийö казмötим, что округын олисесз быд районын баитöны неöткодя. Миян одзын пондас сулавны мог – казявны, мыйöн жö отличайтчö литературнöй нормаа кыв сiя сёрнисянь, кöдакöt мийö талун тöдсасям. (Так, на сегодняшнем уроке мы с вами отправимся на экскурсию по округу. В начале урока мы отметили, что жители районов разговаривают по-разному. Наша цель – выявить, отличается ли литературный язык от той речи, которую мы услышим.)

– Мийö тiянкöt ветлам нiя районнэзö, кытöн баитöны коми-пермяцкöй кыв вылын – этö Юсьвинскöй, Кудымкарскöй, Кочёвскöй, Косинскöй да Гайнскöй районнэз. (И сегодня мы с вами посетим те районы, где разговаривают на коми-пермяцком языке – это Юсьвинский, Кудымкарский, Кочевский, Косинский и Гайнский районы.)

– Мийö тöдам, что коми-пермяцкöй кыв видзö кык наречие: южнöй (лунвывся) да севернöй (ойвывся). Южнöй наречие вылын баитöны Юсьвинскöй да Кудымкарскöй районiсь олисесз, а севернöй наречие вылын – Кочёвскöй, Косинскöй да Гайнскöй районнэзiсь олисесз. (Мы знаем, что в коми-пермяцком языке два наречия: южное и северное. На южном наречии говорят жители Кудымкарского и Юсьвинского районов, на северном – жители Кочевского, Косинского и Гайнского районов.)

– Медодз пыралам Кудымкарскöй районö. Миянöс панталöны олисесз, кöдна сёрнись мийö кылiм сэтшöм сёрникузяз: *Мамö кольвавö гöссезöс. Бабö высьтö мöсöс. Ыб дорын жельнöг цветитö.* Мый казялiт? (Сначала заглянем в Кудымкарский район. Нас встречают жители, из

речи которых мы услышим такие предложения: *Мамö кольвавö гөссезöс. Бабö высьтö мөсöс. Ыб дорын жельнөг цветитö. Что заметили?)*

Предполагаемый ответ: кыв «кольвавö» гижöм неправильно (слово «кольвавö» написано неправильно).

– Сидз, а кызд правильно гижам? (Так, а как правильно напомним?)

Предполагаемый ответ: кольлалö.

– Правильно. Литературнöй норма сьöртi колö шуны «кольлалö». А Кудымкарскöй да Юсьвинскöй районись олисесз шуасö «кольвавö». (По литературной норме правильно будет сказать «кольлалö»). А жители Кудымкарского и Юсьвинского районов скажут «кольвавö».)

– Вуджöтам выделитöм кыввесö уджалан лист вылö. (Перенесем выделенные слова на рабочий лист, где расположены Кудымкарский и Юсьвинский районы.)

– А öнi каям Кочёвскöй районö. Видзöтö, челядь, кытшöм кыввез позьö кывны олисесз сёрниись: *мöдöтны, чилькötны, няп*. Вежöртана ли мянлö? Корам подсазка олисесзлiсь: *Мамö мöдöтiс гөссесö. Бабö чилькötö мөс*. А кыв «няп» йитам серпаскöt. Сёрникузяс сэтшöмсь жö, кызд и лунвыс районнзас вöлiсö? (А сейчас отправимся в Кочевский район. Посмотрите, ребята, какие слова можно услышать от жителей. Понятно ли нам? Попросим подсказку у жителей. А слово «няп» соотнесем с картинкой. Предложения те же, что и в южных районах были?)

– Висьталам, кызд литературнöй кыв вылын лoасö эна кыввес. (Заменяем эти слова словами литературной нормы).

Предполагаемый ответ: мöдöтны – кольлавны (проводить), чилькötны – высьтыны (идти).

– Отметитам энö кыввесö уджалан лист вылын Кочёвскöй район весьтын. (Отметим эти слова на рабочем листе рядом с Кочевским районом.)

– Öнi мянöс бөр корöны Юсьвинскöй районö. Эстөн мукöд посадас позьö кывны общеупотребительнöй кыввез туйö *голик, нарман, мырöv*. Кызд думайтат, кытшöм общеупотребительнöй кыввез туйö отирыс нийö баитöны? Öтлaйтö серпас кывкöt (голик – рос, нарман – куран, мырöv – мыр). Сэтшöм кыввез шусьöны лексическöй диалектизмезöн. Отметим нийö уджалан лист вылын Юсьвинскöй район бокö. (А нас обратно зовут в Юсьвинский район. Здесь в некоторых селах и деревнях вместо общеупотребительных слов можно услышать: *голик, нарман, мырöv*. Как вы думаете, вместо каких общеупотребительных слов употребляются такие слова? Соедините слово с картинкой. Такие слова называют лексическими диалектизмами.)

По результатам выполненных заданий проводится **беседа учителя с учащимися**:

– Мый вильсö тийö талун тöдiт экскурсия вылын? (Что нового вы узнали на сегодняшней экскурсии?)

– Кытшӧм районнэзын оліссез баитӧны южной наречие вылын, а кытшӧммезын – северной вылын? (В каких районах Коми-Пермяцкого округа бытует северное наречие, в каких – южное?)

– Висьталӧ диалектной кыввез, коднӧ тійӧ талун тӧдіт экскурсия коста. (Назовите диалектные слова, которые в разных населенных пунктах имеют разное значение.)

– Эм ли неӧткодъыс литературной нормаа кыв да диалектной кыв коласын? (Есть ли отличия между литературным словом и диалектными словами?)

Пример виртуальной экскурсии **во внеурочной деятельности** разработан для онлайн-квеста «Язык без границ» (режим доступа: <https://sites.google.com/view/yazykbezgranic>), который проводится в рамках «Дня родного языка» ежегодно. Созданная для квеста экскурсия предполагает, что учащиеся, применяя знания по коми-пермяцкому языку, будут решать задания, перемещаясь от пункта к пункту (это работа со значением диалектных слов, выведение этимологии названий населенных пунктов, перевод текста и т. д.).

Описание экскурсии:

Цель экскурсии: познакомить обучающихся с районами Коми-Пермяцкого округа, погрузить в мир коми-пермяцкого языка и литературы.

Организация экскурсии: подготовка карты Коми-Пермяцкого округа; обозначение на карте полного маршрута виртуальной экскурсии; вопросы и задания для учащихся.

Ход экскурсии:

Учащиеся начинают маршрут, нажимая на указанные точки на карте, компьютерная программа открывает страницы с информацией о районах, далее предлагается выполнить задание. Учащиеся выполняют задания командно, заполняя формы для ответа. Представим фрагмент прохождения квеста:

– Дона челядь, тіянӧс видзчисьӧ нейджит путешествие Коми-Пермяцкӧй округ пасьга. Тійӧ вермат матӧжыка тӧдсасьны округлӧн районнэзкӧт, тӧдны сійӧ, мый эшӧ од тӧдӧ, мыччавны сійӧ, мый тӧдат. Туй вылын тіявлӧ орӧттӧг кинкӧ пондас пантасьны. А киннэз ня, тійӧ тӧдат чуть сӧрӧнжык. Мунны тійӧ пондат лӧсьӧтӧм маршрут сьӧргі, сьӧрсӧн-бӧрсӧн осытны маршрутлісь точкаэз, керны заданнэз и мунны одзлань. (Дорогие ребята, вас ждет небольшое путешествие по Коми-Пермяцкому языку. Вы сможете поближе ознакомиться с районами округа, узнать то, о чем еще не знаете, показать то, что знаете. На пути вам кто-то будет встречаться. А кто они, вы узнаете чуть позже. Идти вы будете по предложенному маршруту, друг за другом открывая маршрутные точки, выполнять задания и продвигаться вперед.)

– Медодзза пункт – Юсьвинскӧй район. Татӧн тіянӧс панталӧ юсь: «Бур лун! Корам тіянӧс Юсьвинскӧй районӧ. Если тійӧ видзӧтат районлӧн

герб вылӧ, то сы вылын красуйтча ме – юсь – районлӧн символ. Юськӧт йитӧм и юыс, и посадыс. Ӧні мыччалӧ меным, мый тійӧ тӧдат менам район йылысь, кызд тійӧ тӧдат коми-пермяцкӧй кыв да культура. (Первый пункт – Юсьвинский район. Здесь вас встречает лебедь: «Добрый день! Приглашаем вас в Юсьвинский район. Если вы посмотрите на герб района, то на нем красуюсь я – лебедь – символ района. С лебедем связаны и река, и село. А теперь покажите мне, что вы знаете о моем районе, как вы знаете коми-пермяцкий язык и культуру коми-пермяцкого народа.»)

– Челядь, Юсь сетӧ тӧянлӧ медодзза заданнӧ: «Легенда сьӧртӧ Кудым-Ошлӧн вӧлӧмась кык вон: Май да Купра. Кытшӧм кык посадкӧт йитӧмась нылӧн ниммез?» Гижӧ ответӧ колана формаӧ. (Ребята, Лебедь вам предлагает первое задание: «По легенде У Кудым-Оша было два брата: Май и Купра. С какими селами связаны их имена?» Запишите ответ в нужную форму.)

– Бур! А Юсь одзлань висьтасьӧ аслас район йылысь: «Юсьвинскӧй муниципальнӧй округ куйлӧ Коми-Пермяцкӧй округлӧн лунланьын. Веськыт сторонасӧ сылысь гывьялӧны Камскӧй водохранилищлӧн вазз, кӧднаӧ усьӧны медыджыт коми юзз. Сьӧлӧмӧн Юсьвинскӧй районлӧн лоӧ Юсьва посад, кӧда йитӧм Юсьва юӧн да басӧк легендаӧн. А ӧні видзӧтам, кызд тійӧ тӧдат чужан кыв!» (Молодцы! А Лебедь продолжает рассказ о своем районе: «Юсьвинский муниципальный округ расположен на юге Коми-Пермяцкого округа. Правую сторону омывают воды Камского водохранилища, в которое впадают самые большие реки округа. Сердцем района является село Юсьва, которое связано с рекой Юсьвой и красивой легендой. А сейчас посмотрим, как вы знаете коми-пермяцкий язык.»)

– Челядь, Юсь корӧ керны мӧдік тшӧктӧм: «Коми-пермяцкӧй кылын нӧя 17, удмуртскӧйын – 15, коми-зырянскӧйын – 16, а венгерскӧйын – 20-ся унажык. Мый йылысь мунӧ сӧрниыс?» (Ребята, Лебедь просит выполнить следующее задание: «В коми-пермяцком языке их 17, в удмуртском – 15, коми-зырянском – 16, а в венгерском – больше 20. О чем идет речь?»)

– Бур! Висьталам «Ыджыт аттьӧ!» Юсьлӧ да иньдӧтчам одзлань Кудымкарскӧй музз вылӧ. (Молодцы! Скажем Лебедю спасибо и отправимся на Кудымкарские земли.)

В ходе прохождения маршрута учащиеся получают слова-подсказки, с помощью которых им необходимо будет составить пословицу о родном языке.

Некоторые школы Коми-Пермяцкого округа в рамках факультатива знакомят учащихся с родным языком. Показать значимость и ценность языка можно с помощью ономастики. Для этого нами разработан ономастический квест, задания которого позволяют не только обратить внимание на образование топонимов, но совершить небольшое этнокультурное путешествие по населенным пунктам края. С помощью элементов экс-

курсии мы сможем показать учащимся, как образованы географические названия Прикамья. Например, компонент *ва* («вода») находит свое отражение в таких географических названиях как Юсьва, Лысьва, Нытва и т. д. Обучающимся предлагается, опираясь на подсказки, проложить один лингвистический маршрут, который объединен компонентом *ва*. Далее, переходя по qr-коду, «экскурсанты» проходят по выбранным населенным пунктам, раскрывая тайны их названий (см. рисунок 1).

Рисунок 1

Таким образом, применение цифровых образовательных ресурсов для обработки и подачи этнокультурного и лингвокультурного материала расширяет возможности изучения родного языка, позволяет сделать акцент на его ценностной составляющей. В то же время экскурсия как форма взаимодействия с учащимися активизирует их познавательную деятельность, позволяет создать ситуацию общения, пробуждает интерес к языку и культуре малой Родины.

Литература

Гончарова Н. А., Крестина Г. В., Мелехова Н. В. Значимость учебных экскурсий в школьном образовании [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2023. Т. 6. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-uchebnyh-ekskursiy-v-shkolnom-obrazovanii/viewer>

ДПК – Дидактические принципы Яна Амоса Коменского [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/didakticheskie-printsipy-ya-a-komenskogo.html>

ИТ – Интерактивные технологии [Электронный ресурс]. URL: https://cyclowiki.org/wiki/Интерактивные_технологии

**Лингвокультурологические особенности
коми-пермяцких анекдотов
(на материале газеты «Кама кытшын»)**

Данное исследование анализирует лингвистические и культурные особенности коми-пермяцких анекдотов, опубликованных в газете «Кама кытшын» («В окружении Камы») на коми-пермяцком языке. Проанализировано 100 анекдотов, извлеченных методом сплошной выборки. Автор изучает, как лексика родства отражает традиционные семейные ценности и отношения в коми-пермяцком обществе, представленные в этом жанре народного творчества.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, жанр анекдота, лексика родства, семейные отношения, лингвистические особенности.

Система наименований родства всегда была и остается одной из центральных в языковой картине мира того или иного народа. Именно родство является традиционной основой общественных отношений, определяет место человека в группе себе подобных, линию его поведения.

Коми-пермяцкая лексика родства, как и аналогичные единицы других финно-угорских, а также иных языков, представляют собой относительно замкнутую и обособленную лексико-семантическую группу имен существительных. Как правило, системой родства в этнографической литературе принято называть «совокупность терминов, которые обозначают существующие в том или ином обществе родственные отношения» [Крюков 1972: 3]. Ю. И. Семеновым отмечено, что «точнее было бы, конечно, говорить о системе терминов родства, терминологии или номенклатуре родства, а системой родства называть систему терминов родства и систему реальных родственных отношений, вместе взятые» [Семенов 1974: 16]. Собственно термины родства обозначают кровнородственные отношения людей между родителями и детьми, предками и потомками, имеющими общих родителей и общего предка. В родстве по «прямой линии стоят родители и дети» [Попов 2000: 888], то есть прямые потомки и их предки. Родство по «боковой линии образуют лица, находящиеся в кровном родстве через общего предка (братья и сестры, дядя, тетки и племянники). Различают родство по восходящей линии от потомка к предку (сын, отец, дед, прадед) и по нисходящей – от предка к потомку (отец, сын, внук) и по матери и по отцу» [Там же: 889]. Данная отрасль

лексики интересовала многих ученых, рассматривавших термины родственных отношений как в лексикографических [Миллер 1791; Лепехин 1771; Паллас 1787; 1789; Лексикон пермского языка; Рогов 1869; КПРС 1985], так и лексикологических [Сидоров 1952; Белицер 1958; Шамахов 1960; Лобанова 2008; Кривощекова, Лобанова 2007; Кривощекова 2008; Утева 2023] исследованиях. По сведениям этнографа В. Н. Белицер, коми-зырянские и коми-пермяцкие семьи в XIX и первой четверти XX в. были неоднородны в экономическом отношении, различны по составу и численности. Наряду с малыми, существовали большие семьи. Численность такой семьи достигала 30–40 и даже 50 человек. Большая семья у коми во второй половине прошлого века представляла хозяйственную единицу, объединявшую группу близких родственников – детей и внуков одного отца. Она состояла обычно из стариков родителей, их взрослых женатых сыновей, внуков, а иногда также замужних дочерей с мужьями и детьми. Так или иначе, пребывание в одном доме не могло не отразиться на языке коми-пермяков, образуя при этом различные ситуации социального взаимодействия.

В нашем исследовании попытаемся наиболее полно отразить лингвистический анализ особенностей функционирования лексики родства в условном жанре коми-пермяцкого анекдота, опубликованной в газете «Кама кытшын» («В окружении Камы») на коми-пермяцком языке.

В устной речи коми-пермяков анекдоты могут звучать на русском и коми-пермяцком языках. Едва ли возможно выделение коми-пермяцкого жанра анекдота, поскольку анекдот является чисто русским жанром, в других языках анекдот не существует [Химик 2002; Шмелева, Шмелев 1998]. В английской языковой культуре нечто подобное называется *joke*, *canned joke*, *funny story* («шутка; забавная, эффектная история»), во французской – *historie* («басня, небылица») или *amusante historie* («забавная история»). Такая же ситуация и в немецком языке: словом *Witz* немцы обозначают и шутку, и остроту, и то, что в русском языке обозначается словом анекдот. То есть во всех случаях занимающий нас предмет номинируется более широким, родовым словом, гиперонимом, охватывающим несколько близких наименований [Химик 2002].

Опубликованные под рубрикой коми-пермяцкие анекдоты «Пуксы да ваксы. Анекдоттэз» («Садись и смейся. Анекдоты») в газете «Кама кытшын» («В окружении Камы»), будут ближе к французскому *amusante historie* («забавная история»); в другом случае это будет калькой русского анекдота. Отметим, что газета выходит с февраля 2010 г., рассчитана на широкий круг читателей, в издании освещаются политические, социальные, культурные, исторические аспекты жизни Коми-Пермяцкого округа и Пермского края в целом.

Методом сплошной выборки нами проанализировано 100 анекдотов на коми-пермяцком языке, опубликованных в газете «Кама кытшын»

(«В окружении Камы»), из них 23 – имеют автора с указанием населенного пункта («забавные истории»), остальные – переведены с русского языка Аркадием Мошеговым из с. Пешнигорт (Кудымкарский район). Ведущими персонажами обычно выступают муж и жена, редко – дети, родители. Проанализировав основные темы анекдотов в сфере семейных отношений, можно выделить несколько тематических линий.

– Женщины стремятся выйти замуж, тонко намекая об этом своему избраннику, например: – *Сьёлёмшёр, а мыля тэ пыр менё шуан не нимён, а фамиллён?* – *Сия меным боддён гленитчё, ме желайта сэтшёмё жё* <...> (№ 27 от 18.07.2013). «– Дорогой, почему ты меня называешь не по имени, а по фамилии? – Она мне очень нравится, я желаю такую же <...>».

– Отличительной особенностью коми-пермяцких анекдотов сегодняшнего дня является их социальная направленность. На страницах газеты «Кама кытшын» довольно часто встречаются анекдоты, предметом которых являются семейные взаимоотношения: *Мужиклё обязательно колё инька. Не быддёс, мый эм светас, винитны правительство* (№ 34 от 12.09.2013). «– Мужуку обязательно нужна жена. Не за все, что есть на свете, обвинять правительство»; *Крепкыт семья понда ыджыт роль орсё кывлён свобода. Мужик висьталё быддёс, мый вермё, но керё только сийё, мый висьталас иньыс* (№ 21 от 21.05.2020). «– Для крепкой семьи большую роль играет свобода слова. Мужик все может высказать, но делать только то, что скажет жена»; *Вежёра инька следитё ас съорас, невежёраыс – мужик съёрын* (№ 23 от 16.09.2011). «– Умная жена следит за собой, а глупая – за мужем»; *Ежели мужикыслё умоль – сия кошиш инька. Ежели мужикытлё бур – сийё кошиш иньыс* (№ 24 от 4.07.2019). «– Если мужуку плохо – он ищет жену. Если мужуку хорошо – его ищет жена»; *Нія олісё дыр и счастливёя, кытчодз мужикыс эз юав, кытчё дшённы сьёммез, а иньыс – кысянь нія локтёны* <...> (№ 32 от 22.08.2013) «– Они жили долго и счастливо до тех пор, пока муж не спросил, куда уходят деньги, а жена – откуда они берутся».

Возможными и немногочисленными примерами может быть и тема неверности или обмана супругов: – *Алло, привет, сьёлёмшёр, тэ кытён?* – *Привет, ме гортын. Узьны лёсётча. А тэ?* – *А ме тэкёт ордчён бёрын, соседньёй пызан сайын юа* <...> (№ 27 от 18.07.2013). – «Алло, привет, дорогой, ты где? – Привет, я дома. Готовлюсь ко сну. А ты? – А я за тобой, за соседним столиком пью <...>».

– Диалоги между детьми и родителями, например: *Учётик кага баитё мамыскёт:* – *Мама, а ме тёда, кысянь ме лои.* – *Кысянь?* – *А ме тэ кынёмись петі.* – *Быль, каза, тёдан.* – *Мама, вот ме тёда, что кынёмись петі, но ме некыдз ог вермы вежёртны, мыйлө ме сэтчин пыри* (№ 6 от 12.02.2015. В. А. Данилкина, Чураки, Косинский р-н). «Маленький ребе-

нок разговаривает с мамой: – Мама, а я знаю, откуда я вышла. – Откуда? – А я вышла с твоего живота. – Да, детонька, знаешь. – Мама, вот только я знаю, что вышла с живота, но никак не могу понять, зачем я туда зашла»; *Аймам юалёны квать годся Вовочкалесь: – Тэныт бы коліс вонокос ли, соёкос ли? – Некинёс оз ков. Меным тиянкот кыкыскот заботаэс горш ви <...>* (№ 40 от 24.10.2013). «Родители спрашивают у шестилетнего Вовочки: – Тебе брат или сестра нужны? – Никого не надо. Вы мне вдвоем уже поперек горла стоите <...>»; *Мам – вампир, пап – оборотень. Зон оз тёд, кёда туй кузя мунны: то ли налоговойё, то ли полицияё*» (№ 31 от 15.08.2013). «Мать – вампир, отец – оборотень. Сын не знает по какому пути пойти: то ли в налоговую, то ли в полицию»; – *Мам, а мыля папёлөн юрсисэс оддёён етиша? – Сія умнёй! – А мыля сэк тэнат вель уна? – Омтё тупкы и сёй!* (№ 36 от 26.09.2013). «– Мама, а почему у папы мало волос? – Он умный! – А почему у тебя их много? – Рот закрой и ешь!»).

Дети в анекдотах присутствуют чаще всего как те же взрослые персонажи в контексте своей семьи, и комизм ситуации рождается между родителями и детьми или детьми и родственниками.

– Примеры из коми-пермяцких анекдотов, фиксируя семейные заботы и мировоззрение социума, отражают повседневный жизненный быт народа. «Женщина у коми-пермяков была бесправна и забита, она не имела голоса на сходках и не получала надела. В то же время на ней лежали многочисленные обязанности, она выполняла все работы по дому и в поле, заготавливала дрова, ездила на рыбную ловлю, в особенности в тех районах, где мужчины уходили на заработки» (<https://studfile.net/preview/1732140/page:88/>, дата обращения: март, 2024 г.):

Ох, съёкыт инькалён олан,

*Шоччисьны некөр сылө:
То миськасян, то пясасян,
Рамыник кывсё етиша кылө.
Мужиклө колө бытишм инь,
Мед ешитис басёка пасьтасьны,
А то эд пондас сылөн син
Мөддіклань гусьёна нёджжасьны.
Вот и старайтчө инькаок:
Быд лун пёжалө тупёсёккез.
Мужик юьшитас винаок –
Диван вылө нюжётас коккез.
А инька комын стук да бряк,
Термасьё ассис уджсё керны:*

Ох, какая же тяжелая жизнь

у жены,

Отдохнуть ей некогда.
То моет, то стирает,
Ласковые слова редко слышит.
Мужу нужна красивая жена,
Чтобы красиво одевалась.
Вдруг его глаза
В другую сторону будут смотреть,
Вот и старается женушка:
Каждый день печет булочки.
Муж выпивает вино –
На диване ноги протянул.
А жена на кухне стук да бряк,
Торопится сделать свои дела:

*Вот масьтö асыв кежö тиак,
Мед семьясö шыдöн вердны.*

*Но öтiк гажыс сё жö эм –
Видзöтö сiя сериаллз,
Киноись адззö бур олöм,
Мужиккез сэтчин идеаллз!
Жöниклöн тöн баралис син,
Пасьталöм инькаыс «бикини»,
Мужиклö сетöма виль ним:
– Тэ не Ольош, а Алекс öнi.
Ме пö французскöй тöда кыв.
«Шерше ля фам» висьтала тэныт,
Деревня вылись кошишан дыр,
Мари, не Марья иньыт öнi.
Ох съöкыт тай вёлöм олан,*

*Мужик пöжалö тупöсёккез,
Вунöтiс дыр кежö диван,
Мари шоччöтö клубын коккез.*

(№ 23 от 22.06.2012.

Раиса Яковкина, д. Левичи,
Косинский р-н)

*Вот мельчит к утру грибы,
Чтобы семью накормить
грибовницей.*

*Но одна радость все же есть –
Смотрит она сериалы,
В кино видит хорошую жизнь,
Мужчины там идеальны!
Муж вчера очень удивился,
Одела жена «бикини»,
Мужу дала новое имя:
– Ты не Ольош, а Алекс сейчас.
Я же знаю французский язык.
«Шерше ля фам» скажу тебе,
В деревне будешь долго искать.
Мари, а не Марья я теперь.
Ох, какая, оказывается,*

тяжелая жизнь,

*Мужчина печет булочки,
Забыл надолго про диван,
Мари отдыхает в клубе.*

Сегодня необходимо отметить, что роль скромной и послушной жены в доме, отведенная ей в прошлом, зачастую меняется на роль свобододолюбивой современной женщины, которая так же, как и многие молодые девушки, хотят романтики и внимания. Тема, связанная с представлением, что женщина должна заниматься домашним хозяйством, уходит: *Мыйöн отличайтчöны гöтыртöм и гöтыра? – Гöтыртöм гортас быдöс керö ачыс, а гöтырасö тийöктö иньыс* (№ 31 от 15.08.2013). «Чем отличаются неженатый и женатый? – Неженатый дома все сам делает, а женатого заставляет жена».

– Такая характерная особенность XXI в., как стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, накладывает отпечаток и на содержание современных интересных историй. Подобную тематику довольно часто можно встретить в анекдотах сегодняшнего дня. В настоящее время данная тематика считается общеизвестной и понятной для всей читательской аудитории: – *Челядьöс воспитывайтны – вопрос серьезнöй. Сийöн частожык этöн занимайтчö компьютер* (№ 29 от 1.08.2013). «– Детей воспитывать – вопрос серьезный. Из-за этого этим занимается компьютер»; – *Öнi отирыс грамотнöйöсь и свет конецöн некинöс он повзöйт. – А ежели повзöйтны интернет кончитöмöн?*

(№ 24 от 4.07.2019). «– Теперь народ грамотный, и концом света никого не испугать. – А если напугать исчезновением интернета?»; *Кыз и курорт вылын, интернетын быдӧс мужиккез гӧтыртӧмӧсь* (№ 11 от 19.03.2015). «Как и на курорте, в интернете все мужики холостые».

– Популярной темой анекдотов по праву можно назвать тему лингвистическую, объединяющую коми-пермяцкие анекдоты о коми, искажающих русскую речь, и русские анекдоты о коми. И та и другая серии, так или иначе, строятся вокруг речевой ситуации, в которой коми человеком используется русский язык. Комический эффект достигается за счет интерференции в русскую речь «комиизмов»: лексем, фонетических особенностей коми языка, неправильного употребления русских слов. Так, формируется тип макаронической речи, придающий анекдотам национальный колорит: *Одзжык коми деревнязын эзӧ кужӧ баитны роч кыв вылын пӧрись отирыс. А вот рочес коласын родняэс вӧлісӧ городдэзын. Ӧтік баблӧн внучокыс Свердловскыс локтӧ гӧститны сы дынӧ. Кык Вӧрколас деревняӧ. Локтӧ первуись, туйсӧ оз тӧд и юасӧ пӧрись баблӧсь, кызд мунны Кык Вӧрколасӧдз. А бабыс эта кынымкӧ кыв рочӧн тӧдіс и шуӧ: «Иди, иди, да печкан ватиш, да зшӧ иди-иди, да заор гиль-голь, да там вкрамеш мун»* (№ 22 от 9.09.2011. В. Ермакова, д. Кузьва). «Раньше не умели в коми деревнях разговаривать на русском языке пожилые люди. А вот некоторые из родственников жили в городе. У одной бабушки внук из Свердловска решил приехать погостить к ней. В деревню Кык Вӧрколас (между двумя лесами). Едет в первый раз, дорогу не знает и спрашивает у старенькой бабушки, как можно пройти в деревню. А бабушка несколько слов знает на русском и отвечает: “Иди, иди, да прялка ватш (изобр. сл.), да еще иди-иди, да разборное прясло гиль-голь (изобр. сл.), а там иди тартарары”»; *Армиясянь локтӧ солдат инькӧт. А инькаыс не коми, не русскӧй, а украинка. Дыркодӧ ни оласӧ, мымдакӧ иньыс пондас тӧдны комиӧн, невна пондіс миян моз баитны. Вот ӧтік рытӧ сьлӧн кык баля янсаласӧ табун дынісь и озӧ гортас локтӧ. Инька мунас кошишыны и кин пантасӧ, быдылӧсь юалӧ: «Не видали овчи-бали, одна черна, друга сӧд, гӧрд гойтаном на голе»* (№ 22 от 9.09.2011. В. Ермакова, д. Кузьва). «Солдат приехал с армии с женой. А жена не коми, не русская, а украинка. Долго уже прожили вместе, жена и по коми немножко научилась разговаривать. Вот в один вечер у нее две овцы отбились от стада и не пришли домой. Женщина пошла их искать и, кто встречается, у всех спрашивает: “Не видали овцы-бали (овцы), одна черная, другая черная, с красным шнурком на шее?”».

Таким образом, анализ коми-пермяцких анекдотов, опубликованных в газете «Кама кытшын», показывает, что этот жанр народного творчества отражает не только лингвистические, но и культурные особенности коми-пермяцкого общества. Анекдоты раскрывают традиционные семейные ценности, гендерные роли, а также социальные реалии современности.

менности. Использование коми-пермяцкого языка и его взаимодействие с русским придают анекдотам национальный колорит и делают их важным источником для изучения языковой картины мира коми-пермяков.

Литература

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. 291 с.
- Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 144–153.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 261 с.
- КППС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
- Кривошекова Л. В., Лобанова А. С. Русские термины родства в современном коми-пермяцком языке // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Пермь, 2007. Ч. 1. С. 114–120.
- Кривошекова Л. В. Термины родства в печатных памятниках XVIII века // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка. Пермь, 2008. С. 80–85.
- Крюков 1972 – Крюков М. В. К методике сбора полевого материала по системам родства [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1972/Kryukov19724.pdf>
- Лексикон пермского языка – Лексиконъ пермскаго языка кратко выбранный и по алфавиту расположенный (рукописный словарь). [Автор и дата публикации неизвестны].
- Лепехинъ И. Третья часть дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина. Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина, академика и медицины доктора; вольнаго економическаго въ С. П. друзей природы испытателей въ Берлинъ и Гессенгембургскаго патриотическаго, обществъ члена, по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1771 году. СПб., 1771. Т. 3. 197 с.
- Лобанова А. С. Термины родства как средство вокативности в коми-пермяцком языке // Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования. Пермь, 2008. С. 3–8.
- Лобанова А. С., Шляхова С. С. Система речевых жанров в современном коми-пермяцком языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. Вып. 2. С. 3–16.
- Миллеръ Г. Ф. Словарь на Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ языкахъ съ Россійскимъ переводомъ. Въ Санктпетербургѣ: Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, 1791 года. 110 с.
- Паллас П. Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Въ Санктпетербургѣ. 1787. Т. 1; 1789. Т. 2.
- Попов В. А. Системы родства // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 899.

Роговь Н. А. Пермьско-русскай и русско-пермьскэй словарь. СПб., 1869. 416 с.

Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. 309 с.

Сидоров А. С. Термины родства у коми // Лингвистический сборник 2. Сыктывкар, 1952. С. 62–67.

Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. 415 с.

Утева Л. В. Лексика родства, свойства и неродственных отношений в коми-пермяцком языке. Кудымкар: ГКУБ «Этнокультурный центр», 2023. 160 с.

Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 нояб. 2002 г. СПб., 2002. С. 17–31 // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/>

Шамахов С. А. Русские лексические заимствования в коми языке, характеризующие родственные, семейные отношения // Ученые записки VIII. Сыктывкар, 1960. С. 40–52.

Шмелева Е., Шмелев А. Рассказывание анекдота как жанр современной русской устной речи // Труды Международного семинара «Диалог'98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998. Т. 1. С. 262–271.

УДК 811.511.131'367

А. Ф. Уткина

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск*

Туала удмурт кылын изъяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн кутйськемзы (газетьёсысь текстъёсты эскерон)

Статья посвящена изучению особенностей функционирования сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными на материале удмуртских газетных текстов второй половины XX – начала XXI в. Выявлена их частотность употребления, рассмотрены синонимические конструкции, определена роль экстралингвистических факторов в использовании исследуемых типов сложного предложения в газетной статье.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис, сложноподчиненное предложение, изъяснительное придаточное, газетные тексты.

Туала вакытэ ивор вӧлмытон ёзьёслэн кылзы жӧг азинскись эскерон объект луэ. Со, куд-ог тодосчиослэн гожтэмзыя, кыл азинскон югдурлэсь выль ӧрьёсэ синучкон пыр выллем возматэ, калык пӧлын ортчись мер-лыко воштӥськонъёсты туж сак шӧдэ [Чэнь 2015: 81].

Публицистика амалэн гожтэм ужъёсысь кушето предложениослэсь кутӥськон аспӧртэмлыкёсэс асьме кунын Е. Д. Аксенова, А. А. Кузнецова [Когнитивно-коммуникативный потенциал 2021], Д. Д. Шишкова [Shishkova 2015] но мукет тодосчиос эскеризы ке но, финно-угроведени-ын та юанэз пумозяз сэрттыны-пертчyny кулэ на. Пусьем ужпумез ни-мысьтыз кыл азинскон югдурез чакласа учкыны кулэ на, малы ке шуоно ӗапак публицистикаен гожъяськон манер туалa вакытэ ортчись кылтодон воштӥськонъёсты возматэ.

Нимысьтыз вераны кулэ, синтаксисэз эскерон ужпумёслы, тужгес ик кушето предложениослы, удмурт кылтодонын асьме кунысь но кун-гож съӧрысь тодосчиослэн туж ӧжыт ужъёсы сйезмын. Удмурт кыллэсь синтаксисэз эскеронэн, кылсярысь, П. Н. Перовошиков удмурт тодосчи-лэн ужъёсыз герзаськемын. Со нырысьсэ кушето пыриськись предло-жениосты, ултэсась герзетьёслэсь кутӥськон аспӧртэмлыкёсэс рос-прос учкиз [Перовошиков 1939: 1946]. Умой-умой лэсьтэм уж «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения» луэ, кудаз нырысьсэ структурно-семантической амалэн радъям кушето предложениос пушкын кушето пыриськись шуосъёслэн валтӥсь типъёс-сы учкемын вал [ГСУЯ 1974]. Озы ик А. Ф. Шутовлэсь кушето пырись-кись предложениосты радъян ужпумез эскерем ужэз пусйыны кулэ, кудаз автор гожтэ: удмурт кылысь кушето пыриськись предложениосты висъ-янлэн структурно-семантической амалья азинскеменыз сказуемоем но подлежащеен куд-ог придаточной предложениос, местоимённо-опреде-лительнойёсыз пушкы пырыса, определительной придаточной луо, нош дополнениен кушето пыриськисьёсыз изъяснительнойёсыз пӧлы выжо [Шутов 1999]. Удмурт кылысь кушето пыриськись предложениосты эскеронлы озы ик Н. Н. Тимерхановалэн ужъёсыз сйезмын, кудъёсаз тодосчи условной, условно-временной но сопоставительной валтӥсьтэм (придаточной) предложениосты учке [Тимерханова 1998; 2000; 2022]. Кунгожсьӧр эскерчиос пӧлысь Т. Ризлэн угор, перм но Волга дорын улӥсь финн-угор калыкъёслэн кылъёссылы сйезем укезлы саклык висъяны лу-оно [Riese 1984], кудӥз асьмелэсь условной валтӥсьтэм предложениосты кутэммы шоры учкеммес паськытатэ.

Матысь ӗыжы-выжы луись коми кылын но синтаксисъя огъя ужъёс вань, кудъёсысьтыз кушето предложениослэсь типъёсэс висъян амаль-ёсты но инъетъёсты удмурт кылтодосын но кутыны луоно. XX даурлэн шораз коми тодосчиос «Коми-пермяцкӧй кыв грамматика. Синтаксис» дышетскисьёслы дасям пособиязы дополнительной, определительной но

обстоятельственой кушето пырыськись предложениосты пусьё [КПКГ 1947]. Нош XX даурлэн кыкетй жыныысеныз кутскыса, кылсярысь, А. С. Кривошекова-Гантман [1974], Н. Д. Манова [1976; 1987], В. М. Лудыкова [2006], Т. В. Кренделева [2010], О. И. Некрасова [2015] коми кылчиос ужьёсазы кушето предложениослы трогес саклык висъяло ни.

XX даурлэн кыкетй жыныяз синтаксислэсь ужпумьёссэ эскеронэн трос мукет финн-угор кылтодосчиос но тунсыкъяськызы. Нимысьтыз верано ке, татын пусйыны луэ М. Н. Коляденковлэсь тодослыко грамматиказэ [Коляденков 1954], кудйз сйезмын эрзя но мокша кылъёслэсь синтаксиссэс эскеронлы. Кылчи аслаз ужаз, огъя вераса, кушето пырыськись предложениослэсь типъёссэс возматйз. Берлогес мукетыз мордва тодосчи И. С. Бузаков «Сложное предложение в мордовских языках» ужаз [Бузаков 1973], структурно-смысловый но логико-семантической инъетъёс вылэ пыкиськыса, кушето пырыськись предложениосты радъянын соослэсь синтаксической функцизэс, пушсöзнэтсэс но герзаськон амалзэс огъя лыдэ басытон сярэсь ужпум жутиз. Озы ик тунсыко луэ О. Ю. Цыпляковалэн ужез, кудйз нырысьсэ мордва кылтодосын эрзя кушето пырыськись предложениосты котыр ласянь эскериз, соослэсь пöртэмлыкъёссэс пусйиз [Цыплякова 2008].

Мари кылтодосын кушето предложенилэн синтаксисэз огъя эскермын В. Т. Тимофеевалэн [1961] но Л. П. Васиковалэн [1990] ужьёсазы. Кылсярысь, В. Т. Тимофеева придаточной предложениослэсь пöртэмлыкъёссэс, валтйсь но пырыськись люкетъёслэсь смысловой но грамматической кусыпъёссэс валэктон понна, мари но зуч кылысь асэстэм герзетъёс но герзет кылъёс вылэ пыкиське [Тимофеева 1961: 108–109]. Мукетыз мари тодосчи, Л. П. Васикова, кушето пырыськись предложениослэсь аспöртэмлыкъёссэс эскерыкуз, пусьё, асэстэм пырыськись герзетъёс, итйськисьёсыныз чошатыса, мари кылын трос öвöл шуыса [Васикова 1990: 121]. Озы ик кулэ пусйыны Л. А. Абукаеваз, кудйз мари кылтодосын нырысьсэ кушето пырыськись предложениослэсь структуразэс расчленённость яке нерасчленённость тодметъёсыя эскере [Абукаева 2000].

Финн-угор кылъёсын синтаксисэз эскеронъя трос тодослыко ужьёс вань ке но, туннэ нуналлы кушето предложениослэн пöртэм стильёсын но жанръёсын кутйськемзыя ужпумьёс пыр-поч сэрттэмын-пертчемын öвöл на. Соин сэрен та статьямы XX–XXI дауръёсысь удмурт публицистикаысь изъяснительной кусыпъёсты возматйсь кушето пырыськись предложениослэсь аспöртэмлыкъёссэс учконлы сйезмын. Кылтодосын та аспекты эскеронъёс диахронической но туалы удмурт кыллэн стилистикаезыя тодослыко ужьёсты гожтонын кутйськыны быгатозы.

Эскеронлы инъет карыса басьтэмын «Советской Удмуртия» газетлэн поттэтъёсысьтыз [1950; 1959] публицистической текстъёс, кудъёсыз

История, кылъя но литература удмурт институтлэн лыдзетьуртаз во-
зисько, нош озьы ик «Удмурт дунне» газетлэн номеръёсысьтыз удмурт
кыллэн корпуcaз пыртэм но нимысьтыз вотэсабын интыям текстъёс –
[<http://udmurt.web-corpora.net/>].

Кызы тодйськомы, кушето пырыськись предложение – со синтаксис-
лэн структураезъя но пуштрoсэзъя сложной единицаез, кудйз кык огкадь
луисытэм предикативной люкетъёслэсь пöрмемын: валтйсь но пырысь-
кись. Люкетъёслэн кусыпсы герзетьёсын но герзет кылъёсын радямын
[Уткина 2022: 48].

Изяснительной кусыпъёсты возматйсь кушето пырыськись
предложениос удмурт литературной кыллэн грамматической радаз
кутйськемзыа азыпал радын мыно (26,5 %) [Уткина 2022: 76]. Мукет при-
даточной предложениослэсь соос «верамлэсь, малпанлэсь яке асьям-ва-
ламлэсь пуштрoсэ возматэменызы ёмемь висьясько, нош озьы ик сю-
лэмез вырзйтйсь реакциен яке дунъетэн герзаськем югдурез возматo»
[Литвинова 2014: 23].

Изяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн структурной характеристикаоссы

Структурной асодметъёссэс лыдэ басытыса, удмурт кылын ми изъ-
яснительной предложениослэсь таё типъёссэс висьяськомы:

а) *шуыса, будто (будто ке)* герзетьёсын но *-а, меда, -а меда* кыл-
пырыосын пöрмемъёссэ, кылсярысь: *Та нуналъёсы ивортон вуиз, Сюм-
си но Кизнер ёросъёсын нолэс жэу шуыса* [Удмурт дунне 01.06.2007];
Валаз-а меда соку мынэсьтым мылкыдме, уг тодйськы [Удмурт дунне
17.06.2009].

Малпасько, ваньмыз умой орточоз шуыса [Советской Удмуртия
07.01.1959]; *Тодэм потэ, Кузнецов колхозлэсь йöлзэ озьы көня меда тус-
тас кароз на?* [Советской Удмуртия 07.03.1959].

Озьы ик татчы пыртыны луэ 1950-тй аре поттэм публицистической
текстъёсысь *что* жуч герзетэн пумиськись изяснительной предложени-
осты но, кылсярысь: *Сталин эш соку валэктьиз, что Гитлерлэн фашист-
ской армиез пазьгемен луоз озьы ик, кызы пазьгемен вал Наполеонлэн
но Вильгельмлэн армиоссы* [Советской Удмуртия 02.07.1950].

Кыказ ик ошмесинъёсын вань кык предикативной люкетъёсын
возматэм изяснительной придаточной предложениосын примеръёс,
кудъёсыз запятойёсын висьямын öвöл, кылсярысь: *Уроклы дасяськым-
тэослы «кык» отметка пуктом шуыса кышкатйзы* [Удмурт дунне
12.01.2007].

*Куазь зорылэмен турып люканын шуг-секытёс кылдыло шуыса ве-
раськонъёс осконтэмез луо* [Советской Удмуртия 14.07.1950];

б) кин, ма (мар), малы (марлы), кызбы, кытын, кытччы, ку, кудйз, кыче, кӧня герзет кылъёсын кутйськисъёсэ [Уткина 2022: 155–156], кылярысь: *Тй асьтэос кылоды, кызбы скрипка но фортепиано куспазы вераськозы* [Удмурт дунне 18.05.2015]; *Матысь дыре Правительство ивортос, кин пуктос та выжес* [Удмурт дунне 23.12.2011]; *Ку со луоз, али нокин уз вера* [Удмурт дунне 31.12.2009].

Асьмеос умой тодйськом на, кыче куашкатэмын вал асьмелэн Киевы [Советской Удмуртия 02.07.1950]; *Собере отын ик умой-умой возматйз, кызбы лэсьтыны* [Советской Удмуртия 12.07.1950];

в) *мае... сое, мар... сое, сычезэ... кудзэ* но мукет герзет кылъёсын но соотносительной кылъёсын кутйськисъёсэ, кылярысь: *Мон шудйсько сое, мае чекто* [Удмурт дунне 28.04.2008]; *Соин ик мар сюлэмды куρε, сое ик лыдзэ* [Удмурт дунне 13.06.2012].

Опорной кылъёс луыса, кушето пырыськись предложенилэн валтйсь люкетаз вераськонзэ, ивортонзэ, валатонзэ, малпаськон ужрадзэ, пуш мылкыдзэ возматйсь та выллем каронкылъёс кутйськыны быгато: *валэктыны, вераны, вераськыны, гожтыны, кылыны, синйылтыны, тодманы, тодыны* но мукет.

«Советской Удмуртия» но «Удмурт дунне» газетъёсысь публицистической текстъёс вылэ пыкъяськыса, ми 15000-лэсь ятыр языковой примеръёсты эскерим но сзрттйм-пертчм. Кӧнязэ возматйсь тодэтъёс 1-тй таблицаын возматэмын.

1-тй таблица

Туала удмурт кылын изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн типъёсылэн кутйськемзы

Изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн типъёсы		Изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениос, кудъёсылэн предикативной люкетъёсы пырыськись герзетъёсын валчеямын	Изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениос, кудъёсылэн предикативной люкетъёсы герзет кылъёсын валчеямын	Изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениос, кудъёсылэн предикативной люкетъёсын герзет кылъёсын но соотносительной кылъёсын валчеямын
Пред- ложе- ниослэн лыдзы	«Советской Удмуртия»	58,8 %	41,2 %	0 %
	«Удмурт дунне»	33,4 %	66,3 %	0,3 %

Анализлэн йылпумъянтьёсыз возматом, кылем даурын потэм газетын пырыськись герзетъёсын изъяснительной предложениос трогес шуыса (58,8 %), нош туалал прессыын – герзет кыльёсын (66,3 %). Вераны кулэ, ХХІ даурысь публицистикаын герзет кыльёсын но соотносительной кыльёсын кушето пырыськись предложениослэн люкетсы 0,3 % луэ, нош ХХ даурын печатласькем прессыын сыће примеръёс оз пумиське.

Газет текстъёсын синтаксической синонимиялэн кутъёскемез

Учконо ке, кушето пырыськись предложениос, кудъёсыз возматом изъяснительной кусыпъёсты, чем дыръя беспослеложной но послеложной отглагольной оборотъёсын простой предложениосын, герзеттэм кушето предложениосын воштъёско, яке мыдлань. Сыће учыръёсты синтаксической синонимия шуо (учке: [Уткина 2023]). Синтаксической синонимия дыръя кылын валатонзья матын луись но контекстын ог-огзэсты воштыны быгатъёс предикативной огметъёс вордсконлы луонлык кылдэ.

Синтаксической синонимияез шараян понна, ми 19 аресысен 90 аресозь пöртэм туркымъёсы пырысь удмурт кылын вераськисьёс пöлын анкетая юалляськон ортчйтмы. Анкетаын веранъёсты огвыллем яке пöртэм луэмзэс возматонэн герзаськем юанъёс ёктэмьын вал. Анкетае ошмессин чотын «Советской Удмуртия» но «Удмурт дунне» газетъёсын печатласькем публицистика текстъёсыс ог 100 предложение люкамын вал. Соос анкетая юалляськонлэн йылпумъянтьёсаз эскеремын но пусъыса кельтэмын.

Анкетированиез лыдэ басьтыса, удмурт кылысь изъяснительной пырыськись предложениосын синтаксической синонимиялэн кутъёскемзья ми таё йылпумъянтьёс лэсьтыны быгатъёскомы (учке 2-тй таблицаез).

Таблицаын сётэм статистической тодэтъёс вылэ пыкиськыса, тазы вераны быгатъёскомы: нырысетй интые изъяснительной придаточнойёсты беспослеложной отглагольной оборотэн огшоры предложениен воштон (37,7 %) потэ но *шуыса* герзетлэн усёнэз (37 %) ёмгес пумиське. Кыкетй интыын луэ послеложной отглагольной оборотэн огшоры предложениен воштъёскон (24,5 % но 27,8 %).

Анкетая юалляськемлэсь но таблицалэсь йылпумъянтьёссэ возматон понна пусъём таё примеръёсты:

1) Кушето пырыськись изъяснительной предложениос герзеттэм кушето предложениосын воштъёскыны быгато. Та учыре предложенилэн семантической пуштресэз озы ик кыле, нош пунктуациез мукет луэ: *Шумпотй: таяз йыгаськись муртлы одно ик усытозы, дыр* [Удмурт дунне 08.02.2013].

Агрономлы тодмо луиз: куд-огез колхозникъёс клеверлэсь пайдазэ уг валало [Советской Удмуртия 12.07.1950].

**XX но XXI даурьёсыс газет текстёсын кушето пырыськись
изьяснительной предложениосын пöртэм синтаксической
явлениослэн кутйськемзы**

Синтаксической явлениос		Герзётэм кушето предло- жениосын воштон	Беспос- леложной отгла- гольной оборотэн огшоры предло- жениен воштон	После- ложной отгла- гольной оборотэн огшоры предло- жениен воштон	<i>Шуыса</i> герзётэз кельтон	<i>Шуыса</i> герзётэз <i>не</i> мо- дальной кылын воштон
Пред- ложе- ниослэн лыдзы	«Советской Удмуртия»	3,3 %	31,5 %	24,5 %	37 %	3,7 %
	«Удмурт дунне»	5 %	37,7 %	27,8 %	18,5 %	11 %

2) Девербальной огметэн беспослеложной отглагольной оборот-лэн конструкториз висьяське нимысьтыз морфологической вылтусэн, кудйз притяжательной склонениысь аджон падежлэн формантьёсыныз (-ме, -дэ/-тэ, -зэ/-сэ, -мес, -дэс/-тэс, -зэс/-сэс) возматэмын. Сыңе структурной единицаос герзёт кылёсын изьяснительной придаточнойёслы воштйсько, кылсярысь: *Виль ар праздник нуналъёслы шу-тэтскондэс али ик малпалэ ни* [Удмурт дунне 22.11.2013] > *Али ик малпалэ ни, кызыь шутэтскоды Виль ар праздник нуналъёсы; Кытчы лобемзэс нокин өз вера* [Удмурт дунне 19.02.2010] > *Нокин өз вера, кытчы соос лобо.*

Кореяын событиос возматэ Америкаысь война пуромытйсьёслэсь сьöсьяськемзэс [Советской Удмуртия 08.07.1950] > *Кореяын событиос возматэ, кызыь сьöсьясько Америкаысь война пуромытйсьёс.*

3) Сярысь нимберен послеложной отглагольной оборот шуыса герзётэн но герзёт кылёсын быгатэ кушето пырыськись предложениосы воштйськыны, кылсярысь: *Валтйсь министерствоос ужамзы сярысь веразы* [Удмурт дунне 01.06.2017] > *Валтйсь министерствоос веразы, кызыь соос ужало.*

Нырысь ик вералом пудо вордонэз азинтон сярысь [Советской Удмуртия 11.01.1959] > *Нырысь ик вералом, кызыь азинтоно пудо вордонэз.*

4) Публицистической текстёсын шуыса герзётлэн усемез – вöлкем явление: *Адзйське, уж вырзиз* [Удмурт дунне 11.11.2008].

Малпасько, мынам пиелы, заводэ лыктыса, вильысь дышетсконо уз луы ни [Советской Удмуртия 01.01.1959].

5) Озы ик газет текстёсын пумисько сыёе учырёс, куке *шуыса* герзет *не* модальной кылын воштэмын луэ, кылсярысь: *Кылэме вань, Удмуртия, не, репрессиясы планзэ кык полэс быдэстэм* [Удмурт дунне 01.06.2017].

Соос мечак верало уни, табере, не, юлэн удалтонзэ тодмо ни [Советской Удмуртия 08.07.1950].

Озыен, эскеронмес йылпумъяса адзискомы: удмурт публицистика-ын изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениослэн, кудёсызлэн предикативной люкетёссы пырыськись герзетёсын огъямын, лыдзы кулэсме (46 %), малы ке шуоно нырысетй интые герзет кылёсын сложноподчиненной изьяснительной предложениос пото (53,7 %). Таёе радъясконзэ валэктыны луоно удмурт кылысь экстралингвистической яке, мукет сямен вераса, кылэн герзаськымтэ мугёсын, малы ке шуоно газетэз дасо арьёс ёже поттыса, кылкутись редакторёс но корректорёс вошъясько, нош соин ёш печатласькись текстёслэн кылы но мукет луэ.

1950-тй арьёсысь но туалы вакытысь публицистической текстёсты ёшатоно ке, изьяснительной придаточной люкетэн кушето пырыськись предложениослэн пöртэм ласянь воштйськемзы адзиське. Синтаксической синонимия дыръя изьяснительной придаточнойёс герзеттэм кушето предложениосын, беспослеложной но послеложной отглагольной оборотэн огшоры предложениен воштэмын луыны быгато. Озы ик куддыръя изьяснительной придаточной предложениос пумазы *шуыса* герзеттэк яке со герзетсэ модальной *не* кылын воштыса сётэмын луо. Та учырёс пöлысь беспослеложной отглагольной оборотэн (34,6 %), *шуыса* герзетэз усьыса (27,7 %) но послеложной отглагольной оборотэн (34,6 %) воштйськонёс азыпала пото. Сыёе йылпумъянёсты интралингвистической, мукет сямен вераса, удмурт кылэн аспöртэмлыкеныз герзаськем факторёсын валэктыны луэ. Та выллем азинскон кылэн мукет стильёсызлы но (публицистическоезлы сяна) укшаны быгатэ.

Вераны кулэ, кушето пырыськись предложениослэн герзетёсын но соотносительной кылёсын кутйськемзылэн ёмлыксы 0,3 % гинэ луэ, нош 1950-тй арьёсысь газет текстёсын та выллем типёс öз пумиське. Маин со герзаськемын луыны быгатэ? Нырысь ик, изьяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениос, кудёсызлэн люкетёссы герзет кылёсын но соотносительной кылёсын валчеямын, тросгес вераськон кылын кутйсько. «Удмурт дунне» газетлэн текстёсез вераськон стиль интервью жанр вамен пыре. Озы ке но, XX даурысь газет текстёслэн тросгес ивортөдэт сётйсь шöмзы шöдйське: отын азинэс ужбёс, статистической тодэтёс сөртэмын-пертчемын, озы ик Центральной Комитетлэн заседаниосысыз докладёс но сизым арьем планёсыя верамёс зуч кылысь берыктыса печатламын. Кыкетйез, 1950-тй арьёсы

литературной удмурт кылъя ужпумъёсты эсэпъян кутскемын гинэ вал бере, корректоръёс герзёт кылъёсын но соотносительной кылъёсын валчеям изъяснительной придаточнойёсын кушето пырыськись предложениосты уже кутонлэсь палэнскыллызы яке соосты мултэсэн лыдъяллызы.

Таё эскеронъёсты азылантыны луоно, малы ке шуоно удмурт кылэн корпусаз, публицистической куэтьёс сяна, восьбур текстъёс но, блогъёсысь но мерлыко вотэсьёсысь гождямъёс вань. Озы ик нимысьтыз саклык висъяны кулэ ёуч синтаксислэн удмурт предложенилэсь пушсöзнэтсэ воштыны кутскемез вылтэ но. Со ужпум мукет тодослыко ужъёсын азыланаз возматэмын луоз ни.

Ошмесинъёс

Советской Удмуртия. Июль 1950 г. Январь, март 1959 г.

Удмурт дунне [Электронный ресурс]. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 21.07.2024).

Литература

Абукаева Л. А. Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке. Йошкар-Ола, 2000. 98 с.

Бузакон И. С. Сложное предложение в мордовских языках. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. 176 с. (Труды Науч.-исслед. ин-та яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР. Вып. 46, ч. 1).

Васикова Л. П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.

Евдокимова Л. И. Сложноподчиненное предложение в русской советской публицистике 20-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1974. 24 с.

КПКГ 1947 – Караева М. П., Попов Н. В., Спорова А. М. Коми-пермяцкий кыв грамматика. Ч. 2. Синтаксис. 6–7 кл. Кудымкар: Комипермгиз, 1947. 170 с.

Когнитивно-коммуникативный потенциал 2021 – Аксенова Е. Д., Кузнецова А. А., Аксенова А. Т., Буданова Н. А. Когнитивно-коммуникативный потенциал сложноподчиненных условных предложений в языке газеты // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 380–390.

Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1954. 327 с.

Кренделева Т. В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2010. 23 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Развитие синтаксиса сложного предложения коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 5–18.

Литвинова Т. Н. Системная характеристика сложноподчиненного изъяснительного предложения // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. № 13 (184). С. 20–26.

Лудыкова В. М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке: автореф. дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2006. 51 с.

Манова Н. Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении. Основные типы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 23 с.

Манова Н. Д. Из истории развития сложноподчиненных предложений с союзом *кӧ* в коми языке // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. Ижевск, 1987. С. 124–128.

Некрасова О. И. Деепричастные конструкции в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2015. 30 с.

Перевошиков П. Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртиздат, 1939. 75 с.

Перевошиков П. Н. Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов *шуса*, *бере*, *дыръя*. М., 1946. 221 с.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

Соколова Г. Л., Коляго А. Л. Сложные предложения в марийском языке [Электронный ресурс] // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2019. С. 107–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qgshmf> (дата обращения: 12.02.2024).

Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, условно-временными, сопоставительными в удмуртском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 25 с.

Тимерханова Н. Н. Сложноподчиненные предложения с сопоставительными придаточными в удмуртском языке // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: материалы V науч. конф. Ижевск, 14 апреля 2000 г. Ижевск: Изд-во Междунар. Вост.-Евр. ун-та, 2000. С. 147–149.

Тимерханова Н. Н. Выражение кондициональности в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка (семантические и структурные особенности) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 2. С. 186–195.

Тимофеева В. Т. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 152 с.

Уткина А. Ф. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022. 181 с.

Уткина А. Ф. Синтаксическая синонимия изъяснительных придаточных предложений (на материале письменных памятников первой половины XIX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. Вып. 1. С. 53–61.

Цыплякова О. Ю. Структура и семантика сложноподчиненных предложений в эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2008. 193 с.

Чнь С. Сложные предложения в современном российском и китайском газетном тексте // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6–2 (37). С. 81–82.

Шутов А. Ф. Придаточной предложениости пöртэмлыксыя люкылон сярысь // Вордскем кыл. 1999. 10–11-тй №. 35–37-тй б.

Riese T. The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages. Wien, 1984. 263 p. (Studia Uralica. Bd. 3).

Shishkova D. D. Lexical and syntactic peculiarities of an English newspaper article // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). Pp. 37–39.

УДК 811.511.13

Е. Н. Федосеева
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

О коми-зырянских элементах в словарном составе мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка¹

Основной особенностью мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка является наличие в нем языковых черт, объединяющих его с коми-зырянским языком и его диалектами. В статье рассмотрены коми-зырянские элементы на лексическом уровне. Предпосылки для их появления разные, но основными считаем контактирование и смешение населения на сопредельной территории, а также ситуацию диалектной непрерывности. Следует отметить, что влияние коми-зырянских диалектов на мысовско-лупьинские говоры намного существеннее, чем противоположное, которое почти отсутствует.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, мысовско-лупьинский диалект, особенности, коми-зырянский язык, контактная зона, заимствование.

Мысовско-лупьинский диалект коми-пермяцкого языка (по другой терминологии, мысовский и верх-лупьинский диалекты) расположен

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

в северной части территории распространения коми-пермяцкого языка. Он имеет несколько изолированное географическое положение, находится на большом расстоянии от основной части коми-пермяцких языковых разновидностей, отделен от них территорией, заселенной русскими. В настоящее время носители указанного идиома компактно проживают в п. Жемчужный, д. Мысы, д. Конопля, п. Кебраты, п. В. Будым, п. Шордын. До начала 80-х гг. XX в. на территории распространения данной языковой разновидности располагались и другие населенные пункты: д. Тошыб, д. Еныб, д. Пашкыб, в которых проживали носители мысовского говора; д. Верх-Лупья, д. Коса-Сотчём, д. Пурга, д. Харин, д. Шурга шор сай, д. Мёдгорт, в которых в основном жили верх-лупинцы. От самой северной пермяцкой деревни до ближайшей коми-зырянской деревни Ёська расстояние составляло 4 км.

На территории мысовско-лупьинского ареала самые ранние археологические памятники (городище, могильники, селище) относятся к родановской культуре X–XIII вв. Первые упоминания о данной территории относятся к 1579 г. [Кривошеков 1914: 549]. И. Я. Кривошеков указывал на особенности, отличающие население данной территории от остальных коми-пермяков, и отмечал, что «в местной литературе и в общерусской принято лупинцев считать зырянами», хотя сам он этой точки зрения не придерживался [Кривошеков 1914: 550].

Этнографическая группа мысовских и лупьинских пермяков выделялась на фоне остальных коми-пермяков и всегда вызывала особый интерес. Достаточно подробная информация об истории изучения данной группы коми-пермяков представлена в монографии «Лупинцы: история, культура, язык» [Лупинцы 2011].

Язык мысовских и лупьинских пермяков также детально изучен. Эта специфика получила освещение в работах Т. Е. Утилы [ST 1985: 2–13], В. И. Лыткина [Лыткин 1955], Р. М. Баталовой [Баталова 1975], А. С. Кривошековой-Гантман и Л. П. Ратеговой [КПГ 1980], Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2002; 2016]. Л. Г. Пономарева подробно рассмотрела фонетику и морфологию данного идиома, собрала большой корпус образцов речи носителей мысовского и лупьинского говоров [Пономарева 2002; 2016]. Лексика мысовско-лупьинского ареала частично описана в нашей монографии [Федосеева 2015: 86–103].

Целью данной статьи является более подробный анализ зырянских элементов, присущих мысовско-лупьинскому диалекту. Эмпирической базой послужили исследования, посвященные данной языковой разновидности, а также материалы экспедиций 2001 и 2023 гг.

Важнейшей и основной особенностью мысовско-лупьинского диалекта является наличие языковых черт, объединяющих его с коми-зырянским языком и его диалектами. Языковые черты, имеющие соответствия в зырянских диалектах, выявляются на всех уровнях. В фонетике, напри-

мер, это преимущественная фиксация ударения на первом слоге (*солал* ‘посоли’, *пас’кõм* ‘одежда’), варьирование *л* ~ полумягкого *л* в лупинском говоре (*локны* ~ *локны* ‘прийти, приехать’, *лбалны* ~ *лбалны* ‘летать’), спорадическое появление *в* в корнях (*воштыны* – кп. лит. *õштыны* ‘терять, потерять’, *ворсны* – кп. лит. *орсны* ‘играть’). На морфологическом уровне эта особенность проявляется в следующем: выражение принадлежности предмета 1 лицу индивидуального обладателя показателем *-õй* наряду с общекоми-пермяцким *-õ*: *понõй* ‘моя собака’, *мамõй* ‘моя мама’; использование форм исходного падежа при обозначении сравнительного значения: *деревн’аис’ ыджыджджык* – ср. кп. *деревняся ыджытжык* ‘больше деревни’; функционирование местоимения *став* ‘все, всё’, образующего ряд форм; использование частицы *эскõ* ‘бы’ для выражения условного значения; образование наречий при помощи суффикса *-ног* в м. кп. *-нёж*: *мõдног* ‘по-другому, иначе’; наличие послелогов *чõж* ‘во время’ (кп. *дырни*), *вõсна* ‘из-за, по причине’ (кп. *понда*), также послелогов с основой на *кост-* ‘между’ (кп. *колас*); функционирование частиц *сõмын* ‘только’ (кп. *тõкõ*), *весиг* ‘даже’ (кп. *нельки*), *нин* ‘уже’ (кп. *ни*) и т. д. Подобные явления обнаруживаются также на лексико-семантическом уровне. В мысовско-лупинском диалекте широко функционируют, например, такие лексемы: *шан’* ‘хороший’, *с’ус’* ‘сообразительный, умный’, *гашкõ* ‘может быть’, *с’икт* ‘деревня’, *гõгõрвоны* ‘понимать’, *гõтыр* ‘жена’; семемы: *кõсйыны* ‘желать, хотеть’ (кп. ‘обещать’), *кутны* ‘начать что-либо делать’ (кп. ‘взять, схватить’), *вес’калы* ‘попасть’ (кп. ‘выпрямиться’).

Условно говоря, все «коми-зырянские элементы» можно разделить на следующие группы: 1) слова, которые функционируют в мысовско-лупинском диалекте и коми-зырянском языке, а в коми-пермяцком языке они считаются устаревшими, т. е. были заменены или утеряны; 2) лексические единицы, которые широко распространены в исследуемом ареале и в коми-зырянском языке, но отсутствующие в других коми-пермяцких диалектах; 3) слова, которые имеют в мысовско-лупинском диалекте «коми-зырянскую» семантику, т. е. лексемы, функционирующие и в других коми-пермяцких диалектах, но в ином значении.

1. К первой группе относятся такие слова: *с’о* ‘сто’, *с’урс* ‘тысяча’, *кõдж* ‘полуостров’, *з’еп* ‘карман’, *помалны* ‘закончить’ и др.

Например, лексема *с’урс* ‘тысяча’ функционирует в речи носителей мысовско-лупинского диалекта. Данная лексическая единица широко употребляется в коми-зырянском языке: *сюрс* вв. печ. скр. сс. уд. ‘тысяча’ [ССКЗД 1961: 361], *сюрс* ‘тысяча’ [КРК 2000: 631], она характерна также для удмуртского языка: *сюрс* ‘тысяча’ [УРС 1983: 407]. Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» реконструирован общепермский корень **s’urs* [КЭСК 1999: 275]. В коми-пермяцких диалектах в данном значении в настоящее время употребляется заимствование

из русского языка *тыс'эча* 'тысяча'. Однако ранее данное слово имело, вероятно, более широкий ареал распространения, сейчас оно квалифицируется как устаревшее [КПРС 1985: 468].

Слово *помалны* 'закончить', зафиксированное в мысовско-лупьинском диалекте, имеет повсеместное распространение в коми-зырянском языке: *понавны* л. скр., *поналны* вс. лл. сс., *помалны* печ., *помалні* вв., *помооны* вым. иж., *помооні* вв., *помъявны* нв. уд., *помъёоны* вым. иж., *помъедны* нв., *понодны* вс. 'кончать, кончить, оканчивать, окончить, заканчивать, закончить, доканчивать, dokonчить; завершать, завершить' [ССКЗД 1961: 292]. В коми-пермяцком языке данная лексема в настоящее время практически не употребляется или мало употребительна, хотя на былое ее функционирование указывает то, что в работе «Коми-пермяцко-русской словарь» с пометой «сев.» зафиксировано слово *пом* 'конец' и приведен пример *год пом* 'конец года' [КПРС 1985: 355], в словаре Н. Рогова: *пон* 'конец, предел', *пона* 'имеющий конец', *понаввыны*, *поналлыны* 'оканчивать, заканчивать, завершать', *понавны*, *поналны* 'кончить, окончить, закончить' и др. [Рогов 2006: 136]. Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» представлены коми-зывинские и удмуртские соответствия слову *нам*, приводятся общепермская и допермская формы [КЭСК 1999: 224].

Ареал распространения слова *кыз'* 'двадцать' в коми-пермяцком языке занимает территорию мысовско-лупьинских говоров. На остальной территории употребляется лексема *кыкдас* 'двадцать' и заимствование *двацэт'* 'тж'. Лексема *кыз'* 'двадцать' повсеместно распространена в коми-зырянском языке: *кызь* 'тж' [ССКЗД 1961: 185], а также имеет соответствия в удмуртском языке: *кызь* 'тж' [УРС 1983: 239]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приведена общепермская форма **küz'* 'двадцать' [КЭСК 1999: 150]. Широкое распространение исследуемой лексемы в близкородственных языках говорит в пользу того, что изоглосса *кыз'* имеет генетический характер возникновения. На остальной территории коми-пермяцкого языка она, вероятно, была заменена более поздней инновацией *кыкдас* и русским заимствованием.

2. Вторая разновидность слов представлена следующими примерами: *шан'* 'хороший', *став* 'все, всё', *гаишкө* 'может быть', *гөгөрвоны* 'понимать', *рушку* 'живот', *кон'өр* 'бедный, жалкий', *скөр* 'злой, сердитый', *эс'кө* 'бы', *аски* 'завтра' и многие другие. Они широко распространены в коми-зырянском языке, но отсутствуют в коми-пермяцких диалектах.

Например, лексема *видлыны* встречается в мысовско-лупьинских говорах со значением 'попробовать, попытаться'. В других говорах коми-пермяцкого языка в данном значении употребляются слова *пондылны* // *пондывны* 'попробовать, попытаться' и русское заимствование *попробуйтны* 'попробовать, пробовать'. Лексема *видлыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *видлыны* вс. лл. нв. печ. скр. сс., *видліні* вв.,

видлывы уд., *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать, попробовать; отведасть; вкушать, вкусить; навестить, посетить, проведать’ [ССКЗД 1961: 49]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечено: «Может быть, (в словах. – Е. Ф.) *видлыны* < **визьлыны* < **видзлыны*, дз (зь) перешло в д под ассимилятивным влиянием л, ср. *визьлыны* вым. иж. ‘пробовать’; тогда данное слово одного корня с *видзны*» [КЭСК 1999: 56].

Слово *гӧгӧрвоны* ‘понять, понимать; сообразить, соображать’ в коми-пермяцком языке имеет мысовско-лупьинский ареал распространения. В остальных говорах северного и южного наречий в данном значении употребляется слово *вэжӧртны* ‘тж’. Данная лексема широко распространена в коми-зырянском языке: *гӧгӧрвоны* вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд., *гӧгервоны* иж., *гӧгерво́ни* вв. ‘понимать, понять; догадаться, сообразить’ [ССКЗД 1961: 86]. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечено, что указанное слово состоит из элементов *гӧгӧр* ‘кругом’ и *воны* ‘прийти, дойти’; первоначально оно обозначало ‘кругом (все-сторонне) дойти (до сознания говорящего)’, то есть ‘всё воспринять, всё взять’ [КЭСК 1999: 79–80]. Считаем, что анализируемая лексема является коми-зырянской инновацией.

Сюда же можно отнести и заимствования из русского языка, встречающиеся в речи носителей мысовско-лупьинского диалекта, в частности: *гач* ‘штаны’, *пл’эш* ‘лоб’, *пач* ‘печь’, *д’эрт* ‘конечно’, которые повсеместно употребляются в коми-зырянском языке, но не фиксируются в других коми-пермяцких диалектах.

3. К третьей группе отнесены слова, встречающиеся в мысовско-лупьинском диалекте, а также функционирующие в других коми-пермяцких диалектах, но с иным значением: *кӧсйыны* ‘желать, хотеть; обещать’; *кутны* ‘начинать; держать’; *вэс’калны* ‘попасть; выпрямиться’ и др.

Так, слово *кӧсйыны* ‘хотеть, желать’ употребляется в мысовском говоре, а также в речи бывших жителей д. Верх-Лупья. В остальных говорах северного наречия, также в южном наречии значение ‘хотеть’ передается лексемой *мӧдны*: *мӧда вэтлыны* ‘хочу сходить’ или с помощью частицы *бы*: *с’ойа бы* ‘хочу кушать’. В коми-пермяцком литературном языке слово *кӧсйыны* имеет значение ‘обещать, пообещать; сулить, посулить’ [КПСР 1985: 194], что присуще также и мысовско-лупьинскому слову *кӧсйыны*. Таким образом, исследуемая лексическая единица в мысовско-лупьинских говорах имеет два значения: 1. ‘обещать, пообещать; сулить, посулить’; 2. ‘хотеть, желать’. Данное слово употребляется и в коми-зырянском языке, где также имеет два значения: *кӧсйыны* 1. вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс., *кӧсйи́ны* нв., *кӧсйи́ни* вв. ‘обещать, сулить’; 2. вс. лл. печ. скр. сс., *кӧсйи́ны* нв., *кӧсйи́ни* вв. ‘желать, намереваться, хотеть’ [ССКЗД 1961: 173].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приводится общепермский корень указанной лексемы [КЭСК 1999: 143]. К. Редеев про-

исхождение этого слова относит к финно-пермскому периоду и реконструирует праформу **käske-* ‘приказывать, повелевать’ [UEW 1988: 653]. Изолекса *kösïyny* охватывает коми языки полностью и является генетической по характеру возникновения, а семантическая изоглосса ‘хотеть’ распространена только в мысовско-лупьинских говорах коми-пермяцкого языка и коми-зырянском языке.

Из вышеизложенного видно, что в мысовско-лупьинском диалекте действительно много так называемых «коми-зырянских элементов». Р. М. Баталова отмечала, что «мысовский и верх-лупьинский диалекты являются смешанными: в них имеются черты, сходные с коми-зырянскими диалектами» [Баталова 1975: 220], перечисляла эти черты в отдельности, однако не указывала причины подобных явлений.

Л. Г. Пономарева, подробно проанализировавшая особенности мысовско-лупьинского диалекта, видела их предпосылку в географическом положении: «На севере исследуемый диалект граничит с эловыми говорами верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, на юге — с говорами косинско-камского диалекта севернопермяцкого наречия, на западе и востоке — с территорией, заселенной русскими. Занимая такое географическое положение, мысовско-лупьинский диалект вобрал в себя языковые явления, свойственные и севернопермяцким диалектам, и коми-зырянским диалектам, главным образом, верхневычегодскому диалекту» [Пономарева 2002: 170]. Кроме того, она отметила, что лупьинский говор, который был севернее и ближе к коми-зырянскому языку, «сильнее, чем мысовский говор, испытывал влияние со стороны эловых говоров верхневычегодского диалекта», вследствие чего в нем проявляется зырянских черт больше, чем в мысовском [Пономарева 2002: 176].

В результате анализа лексики мысовско-лупьинского диалекта нами было отмечено, что мысовско-лупьинско-коми-зырянские изоглоссы носят ареальный характер, т. е. словарные единицы являются заимствованными в результате контактов на сопредельной территории. Мы не исключали версии их возникновения и в результате ареально-генетических связей, так как «мысовский и лупьинский говоры являются территориально близкими с коми-зырянскими языковыми разновидностями, но отдаленными от остальной части распространения коми-пермяцкого языка» [Федосеева 2015: 102].

Предпосылки для появления «коми-зырянских элементов» в мысовско-лупьинском диалекте могли быть разными:

1) контактирование и смешение населения на сопредельной территории. До сих пор носители диалекта говорят о том, что имели место смешанные браки, гостевание по различным праздникам; общие или граничащие друг с другом сенокосные и охотничьи угодья и прямые контакты во время этих работ. Лингвистическое контактирование является

следствием этнического контактирования. «Явление контактирования, сопровождающееся определенными языковыми последствиями, – одна из тех проблем, где наиболее очевидно и осязаемо история языка переплетается с историей народа» [ВЛА 1980: 203];

2) вероятно, имеет место также ситуация диалектной непрерывности, при которой соседние говоры (или диалекты) имеют минимальные различия, но чем дальше находятся друг от друга звенья «диалектной цепи», чем больше различий между ними. В нашей ситуации влияние коми-зырянских диалектов на мысовско-лупьинские говоры намного существеннее, чем противоположное, которое почти отсутствует. Возможно, потому, что сам мысовско-лупьинский диалект, считающийся пермяцким, территориально находится ближе к зырянскому континууму (с которым граничит), чем к пермяцкому.

Таким образом, мысовско-лупьинский диалект является своеобразной переходной зоной от коми-зырянского языка к коми-пермяцкому, совмеща в себе пермяцкие черты и большое количество коми-зырянских элементов.

Сокращения

вв. – верхневычегодский диалект коми-пермяцкого языка; вс. – верхнесольский диалект коми-зырянского языка; вым. – вымский диалект коми-зырянского языка; д. – деревня; иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка; кп. – коми-пермяцкий язык; л. – лузский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка; лит. – литературный язык; лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка; нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; п. – поселок; печ. – печорский диалект коми-пермяцкого языка; повс. – повсеместный; сев. – северное наречие; скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; ср. – сравните; сс. – среднесольский диалект коми-пермяцкого языка; тж. – тождественный; уд. – удорский диалект коми-пермяцкого языка.

Литература

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- ВЛА 1980 – Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Л.: Наука, 1980. 272 с.
- КППГ 1980 – Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1980. 69 с.
- КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русской словарь. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.
- Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 825 с.
- КРК 2000 – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
- КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

Лупинцы 2011 – Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупинцы: история, культура, язык: этнолингвистический сборник. Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. 142 с. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII).

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 206 с.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с.

Рогов 2006 – Пермязко-русский и русско-пермязкий словарь, составленный Николаем Роговым. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. 430 с.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар, 2015. 196 с.

ST 1985 – Syrjänische Texte. Komi-permjakisch. Gesammelt von T. E. Uotila. Bd. I. Helsinki, 1985. 297 S.

UEW 1988 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 S.

УДК 811.161.1'28:811.511.132

Г. В. Федюнева
*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Коми-зырянская лексика в русских диалектных словарях конца XIX – начала XX в.¹

Диалектные словари конца XIX – начала XX в., изначально нацеленные на выявление лексического многообразия народной речи, отражают не только явления культуры и быта русского народа, но и его связи с другими народами, поэтому часто оказываются единственным достоверным источником изучения

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

культурной и общественной жизни нерусских народностей. В данной статье рассмотрены диалектные словари В. И. Даля, А. О. Подвысоцкого и П. А. Дилакторского, которые содержат значительный пласт коми лексики, отражающей особенности быта народа коми и его контактов с русскими в прошлом.

Ключевые слова: лингвистика, лексикология, лексикография, диалектология, коми язык.

Общепризнанна роль русских диалектных словарей не только в сохранении лексического многообразия народной речи, но и культурно-исторического фона эпохи их создания. Лексический состав ранних лексикографических работ на столетия остается хранилищем знаний внеязыковой действительности ушедших эпох, элементом истории и культуры носителей данного языка. Диалектная лексикография представляет материалы, без которых невозможно изучать многие проблемы русистики, славистики и общего языкознания [Кузнецова, Сороколетов 1991: 6].

Особенно ценным источником являются ранние фиксации диалектной лексики в так называемых областных словарях, отражающих словарный состав отдельных регионов в конкретные исторические периоды. Они содержат большое количество региональных и местных слов часто с развернутым описанием их смыслового содержания и ареальной характеристикой. Это касается, прежде всего, диалектных словарей рубежа XIX–XX вв., которые демонстрируют не просто ее фиксацию, но и учет конкретной историко-лингвистической и этнографической ситуации бытования слов. Такой особый подход к подаче лексического многообразия характерен для словаря В. И. Даля, а также весьма значимых для своего времени областных словарей А. О. Подвысоцкого (1885), Г. И. Куликовского (1898), П. А. Дилакторского (рукопись 1902 г.).

Словарные материалы этого периода достаточно хорошо изучены и описаны с точки зрения содержащегося в них русского лексического и этнографического материала, который используется в современных лексикографических изданиях, лексикологических и этнолингвистических исследованиях [Кузнецова, Сороколетов 1991; Плотникова 2000: 32–40, 56–80 и др.].

Не меньшую ценность русские диалектные словари этого периода представляют для лексикологических и историко-этнографических исследований других национальных языков России, поскольку именно в областных местных словарях сохраняются до сих пор не изученные полностью пласты иноязычной лексики, которая фигурирует в них на правах местной, не очень понятной с точки зрения происхождения лексики. На уровне устных говоров она плохо сохраняется, поскольку, как известно, чужеродные элементы, неисконные этнографизмы и т. д. не

имеют устойчивых словообразовательных гнезд в языке-реципиенте, быстро исчезают. Единственным, бесценным источником в этом контексте оказываются ранние диалектные (областные) словари, особенностью которых является регистрация всех (даже случайных, не всегда понятных составителю) слов с попытками их толкования, привлечением фольклорного, этнографического материала.

В диалектных словарях севернорусских говоров XIX – начала XX в. зафиксировано довольно много слов коми происхождения, проникших в русские говоры в результате тесных и продолжительных коми-русских контактов в процессе освоения последними северных территорий. Известно, что до появления русских, комизычное население, говорившее на близкородственных говорах, дисперсно проживало на значительной территории от бассейнов Северной Двины, Сухоны и Юга до берегов Вычегды, Выми, Сысолы, Лузы, позднее – Печоры, Вашки и Мезени [Жеребцов 1982: 25–42]. Инфильтрация русских в среду аборигенного населения приводила к ассимиляции этих небольших этнических групп, соответственно, в русских говорах сохранялись следы этих контактов.

Несомненно, наиболее информативным с этой точки зрения является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (изд. 1863–1866; 1880–1882; 1955; 1978), который содержит большое количество областных слов, связанных с жизненными реалиями дореволюционного быта как русского крестьянства, так и соседствующих с ним иноязычных этнических групп. Так, в статье «О наречиях русского языка» В. И. Даль пишет, что северное наречие, хотя и имеет связь с южными диалектами, все же при смешении с чудскими племенами тут и там приняло другую окраску... «корелы, зыряне, пермяки, вогулы, вотяки, черемисы, русея, переиначивают несколько язык наш. Чудския племена вообще легко теряют язык и народность свою и вочью русеют... Более половины России или подданных ея носит на себе еще признаки разных чудских племен» [Даль I: 11, 13].

В словаре В. И. Даля по предварительным данным содержится около шести десятков коми (и предположительно коми) лексических единиц, которые чаще всего представлены как лексика вологодских, архангельских или пермских русских говоров. Коми происхождение многих из них уже доказано в современных исследованиях или выдвинуты предположения в пользу их коми источника. Это, например, следующие слова: *вадега*, *водяга* арх. ‘омут, подводная ямина’ [Даль I: 160], ср. коми диал. *вадега* ‘заводь, тихое место в реке’; *зелька* прм. ‘ягня, ягнятко, ягненок-самка’ [Даль I: 676], ср. коми *дзель* ‘ягненок’; *кач* арх. ‘тощая похлебка голодных печорцев, из толченой осиновой мезги (подкорья), с примесью чего-либо съедомого’ [Даль II: 100], ср. коми *кач* ‘толченая кора деревьев,

которая добавлялась в хлеб в голодные годы'; **корт** 'наем, съем, прокат, аренда, оброк, откуп' [Даль II: 170], ср. коми **кӧртым** 'аренда'; **куштан** прм. вят. 'мотыга, кайло, кирка землекоп' [Даль II: 229], ср. коми **куштан** 'мотыга'; **кысы** сиб. прм. 'шкурка с ног лося, оленя' [Даль II: 230], ср. коми **кыс** 'шкурка с ног животного'; **кычан** прм., **кычка** арх. 'пес, собака, кобель' [Даль II: 230], ср. коми **кычан** 'щенок'; **орд** влгд. 'привидение, призрак покойника' [Даль II: 690], ср. коми **орт** 'дух, двойник человека, призрак'; **уйта** арх. 'чистое моховое, безлесное болото' [Даль IV: 480], ср. коми **уйт** 'затопляемое место'; **чемъя** прм.-черд. 'срубец в лесу для притона промышленников и для складки добычи, до возврата домой' [Даль IV: 589], ср. коми **тиамъя** 'лабаз, кладовая при охотничьей избушке' и мн. др.

В некоторых случаях имеются пометы, что слово зырянское, напр.: **абуторь** (зырянское?), арх. 'медведь-самец в пору течки' [Даль I: 2]; **зорь**, **сорь** с зырянс. **шор** 'курья, мелкий лёд' [Даль I: 694], ср. коми **шор** 'ручей'; **ляз** влгд. любимое зырянское блюдо; каша из солода и ягод черемухи [Даль II: 286], ср. коми **ляз** 'блюдо из толченных ягод черемухи'; **ошкуй** арх. (зырянск. **ош**?) 'морской, ледовитый, белый медведь' [Даль II: 779], ср. коми **ош(к)-** 'медведь'; **тыкола** влгд. зырянс. 'многоозерное, озеристое место' [Даль IV: 447], ср. коми **тыкола** 'небольшое озеро'; **чум** 'кочевой, переносный шалаш сибирских инородцев', у зырян **чом** [Даль IV: 614], ср. коми **чом** 'шалаш'; **шар** белмрс. зырянск. 'морской пролив' [Даль IV: 623], ср. коми диал. **шар** 'пролив' и др.

Встречаются слова с пометами «пермяцкое» или «вотяцкое», которые также являются и коми-зырянскими словами вроде: **пельмень** пермяцк. или вогульск.: **пель** ухо, **нянь** хлеб [Даль III: 29], ср. коми **пельнянь** 'пельмени'; **шутём** прм. вят. пермяц. **шутьма** ? 'покинутая из-под пашни земля, залежь' [Даль IV: 649], ср. коми **шутьём** 'залежь, заброшенная из-под пашни земля'; **шид** вят. 'вотяцкая похлебка на мясном наваре' [Даль IV: 632], ср. коми повс. **шыд** 'похлебка, суп, щи' и др.

Иногда коми слово никак не идентифицируется, приводится как неясное по происхождению, хотя форма и семантика однозначно указывают на коми (пермский) источник, напр., **вынь**? влгд. 'пояс' [Даль I: 304], ср. коми **вӧнь** 'пояс'; **тышкаться**? влгд. 'стараться' [Даль IV: 448], ср. коми **тышкавны** 'бить, колотить'; **шира** влгд.-яр. 'мышь' ? [Даль IV: 634], ср. коми **шыр** 'мышь' и др.

С точки зрения отражения коми-зырянской лексики XIX в. интерес представляют также два региональных словаря: «Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого (первое изд. 1885 г.) и «Словарь вологодского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского (изд. 2006 г. по рукописи 1901 г.).

Словарь Подвысоцкого – первое крупное собрание региональной лексики в России – представляет особый интерес с точки зрения содержащихся в нем слов, поскольку содержит оригинальные записи автора, собранные им в многочисленных поездках по разным уголкам Архангельской области. Лексический состав словаря отличается от лексики, представленных в других словарях, хотя, как отмечают исследователи словаря, автор не мог не использовать какие-то имевшиеся к тому времени письменные источники. Сам же А. О. Подвысоцкий ссылается только на работы Н. И. Костомарова и А. И. Шренка [Подвысоцкий 2009: 7–8]. В целом, словарь содержит лексику, отражающую повседневный быт местного населения, которая часто сопровождается фольклорными и этнографическими заметками, описаниями устройства рыболовных снастей, охотничьих орудий, предметов быта, верований, обычаев, обрядности и т. д.

В составе словаря Подвысоцкого также обнаруживается несколько десятков слов, среди которых можно выделить: 1) представленные в словаре В. И. Даля, но со своими комментариями, обстоятельными разъяснениями и 2) не зафиксированные в более ранних источниках.

К первым, например, можно отнести слова: **ляс** Запечорск., которое сопровождается следующим пояснением: «употребляемое у зырян кушанье вроде киселя из сушеной, столченной в порошок черемухи или черники»; брать **ляс** ложкой считается неприличным, а следует делать это пальцами или хлебом. О негостеприимных людях говорят: *хоть бы ляса подал, так и то нет* [Подвысоцкий 2009: 259]; **кортама** (от зырянского слова *кортэм* – залог, прокат) – 1) аренда, арендное содержание. Отсюда: отдавать, брать в аренду, иметь, держать в аренде. *Семужьи тони тамотки отдавали в кортому, он и снял их на два года*; 2) **кортама**, **кортомные деньги** – условливаемая плата за наем или арендное содержание. *Летось пять рублей платили ему кортомы за шиняку-то, а нон и десяти не берет. Было ряжено кортомы за пожню на сей год семь рублей* [Подвысоцкий 2009: 216]; **чемкос** – принятое в Запечорском крае Мезеньского уезда определение путевого расстояния, приблизительно около пяти верст, иногда несколько более, а иногда менее, так как чемкосы не определяются измерением пространства, а считаются от одного какого-нибудь урочища (напр., лес, холм и проч.) до другого. Определяют расстояние также и полчемкосами. Слово это зырянское и составлено из слов *чем* – клеть и *кост* – промежуток [Подвысоцкий 2009: 546] и мн. др.

В словаре имеется также группа зырянских слов, которые были зафиксированы Подвысоцким как зырянские впервые. Например: **бырдать** – петь заунывным, плаксивым голосом. «Так называют русские пение зырян в Запечорском крае, которые, не имея народных преемственных пе-

сен, импровизируют их при каждом случае и поют всегда одним и тем же заунывным голосом, *бырдают*, и на посиделках, и при свадьбах, и при похоронах; о причитаниях невесты на большом рукобтыть и при заплачке говорят также, что она *бырдат* (Мез.)» [Подвысоцкий 2009: 48], ср. коми *бёрдны* ‘плакать’; Пожня – сенокосная земля, луг. Глубоко в Запечорском крае Мезенского уезда – *видзь* (слово зырянское) [Подвысоцкий 2009: 381]; *инька* (от зырянского слова *ин* – замужняя женщина) – жена, замужняя женщина у самоедов. Русские в Запечорском крае *инькой* называют всякую не русскую инородческую женщину, говорят: *самоедская инька, зырянская инька* (Мез.) [Подвысоцкий 2009: 183]; *сикыс* (слово зырянское) – тетива у мерёж на р. Печоре (Запечорск.) [Подвысоцкий 2009: 461]; *юрна* (слово зырянское) – вышитый разноцветным стеклярусом или бисером головной убор у замужних зырянок; также меховой у зырянских девушек головной убор в род шапки без днища, надеваемой невестой накануне венчания и уже не снимаемой до отъезда к венцу (Запечорск.) [Подвысоцкий 2009: 571] и др.

Есть также фиксации без указания на зырянское происхождение: *сюра* – ячменный на ржаной корке каравай, которым запасаются лесники, отправляясь лесовать [Подвысоцкий 2009: 497], ср. коми *сюра, сюра рок* ‘сушеные пироги и шаньги для приготовления охотничьей каши’, *сюрмыны* ‘зачерстветь, засохнуть’, *сюрмём*, диал. *сюрем* ‘черствый’ [КЭСК 1999: 274–275]; *луна* – завал, задева, засорина, *луна* – замытые в реке и засоряющие ее русло деревья, пни, корни, камни и т. д. наносные предметы [Подвысоцкий 2009: 145, *завал*], ср. коми *лõп* ‘древесный хлам, мусор, преимущественно наносной’ [ССКЗД 1961: 204].

По образцу словаря А. О. Подвысоцкого позднее был составлен вологодский словарь П. А. Дилакторского, который имел целью продолжить описание севернорусских говоров. Будучи уроженцем Вологодской губернии, Дилакторский многие годы отдал сбору этнографических и фольклорных материалов этой территории, участвовал в организации церковно-исторического музея, собрал данные о местных писателях, а также составил словарь лексики местных говоров [Дилакторский 2009: VII–X].

Словарь Дилакторского насчитывает свыше 16 тысяч слов, которые автор в течение нескольких лет собирал от местных жителей, а также выписывал из печатных и рукописных источников, в том числе из словаря В. И. Даля. Неудивительно, что все коми слова, отмеченные в словаре В. И. Даля как вологодские, представлены и в словаре Дилакторского. Вместе с тем можно выделить некоторые лексемы, впервые отмеченные в этом словаре и интересные с точки зрения их коми происхождения, напр.: *вежсай* – Устьс. Яр. ‘божат, крестный отец’ [Дилакторский 2006: 49], ср. коми *вежсай* ‘божат, крестный отец’ [ССКЗД 1961: 41]; *колип* – Устьс. девичник накануне свадьбы в доме невесты [Дилакторский 2006: 202],

ср. коми диал. *колип* ‘девичник, вечер накануне свадьбы у невесты’ [КЭСК 1999: 130]; *лытка* – Волог. 1. кость, косточка (*лы* – по-зырянски – кость); 2. пята, пятка. 3. клешни [Дилакторский 2006: 242]; *пас* – Ярен. Устьс. ‘планка или палочка с зарубами, употребляемая в торговых сношениях зырянами вместо письма’ [Дилакторский 2006: 349], ср. коми *пас* ‘метка, знак, отметина’ [ССКЗД 1961: 276]; *рытникъ* – Волог. старинный парчевый сарафанъ [Дилакторский 2006: 441], ? ср. коми *рыт* ‘вечер’ и некоторые др.

Подобные лексемы иногда содержат указание на источник, из которого взято слово, но без всякого дополнительного пояснения, поэтому коми соответствия остаются неясными, напр., *ворзгать* – Яр. Устьс. чечать (зыр. *вõрзны*) [Дилакторский 2006: 64]; *дукас* – Яр. Устьс. Ник. неразговорчивый, неуклюжий, молчаливый, неповоротливый (зырянское: *дукос* = угрюмый) [Дилакторский 2006: 114] и др.

Коми лексика, нашедшая отражение в рассмотренных словарях живой русской речи рубежа XIX–XX вв., наглядно демонстрирует картину взаимоотношений этнических групп коми-зырян с севернорусским населением, свидетельствует об их тесных связях на бытовом уровне. Кроме приведенных слов, в них фиксируются лексемы разных лексико-семантических групп, отражающие конкретные реалии природы, окружающего ландшафта (*чир* ‘наст’, *видзь* ‘пожня’, *сикт* ‘группа крестьянских домов, деревня’, *грёзьдь* ‘часть деревни’ и др.), названия домашних животных, рыб (*кычко* ‘щенок’, *баля* ‘овца’, *кыч* ‘пескарь’), предметов быта, охоты, рыболовства (*кибас* ‘грузило’, *корас* ‘скирда’, *ламбы* ‘лыжи’), пищи (*челпан* ‘каравай’, *рок* ‘каша, похлебка’), одежды и обуви (*зепь* ‘карман’, *коты* ‘вид обуви’) и т. д.

Представлена также бранная лексика, которая, как правило, остается непонятной для составителей и относится ими к особенностям местной русской речи: *чемур* ругательное слово вроде ‘черт’: *Што пристал-то, чемур бы ты взял* (Пин.) [Подвысоцкий 2009: 546], ср. коми *чомор* ‘черт’ [КЭСК 1999: 309], *мор* ‘черт, шут’ [ССКЗД 1961: 223], *сё мор* бран. ‘сто чертей’; *ёра* Сольв. ‘любящий браниться, ссориться’: *что ты с таким ёрой связался, разве его переспоришь?*, ср. коми *ёрны* ‘браниться, ссориться’, *ёрõм*, *ёр кыв* ‘проклятие’; *жуня* Яр. ‘медленно работающий человек’, ср. коми *жуним* ‘вялый, медлительный, ленивый’ [Дилакторский 2006: 122, 135] и проч. Довольно большой пласт составляют экспрессивные глаголы, в основном, пейоративного характера, вроде *бучкать* ‘жадно пить’, *веньгать* ‘ныть’, *гургать* ‘греметь’, *камкать*, *камсить* ‘колотить’ и т. д. О проблеме установления их языковой принадлежности см. [Федунева 2015].

Надо сказать, что как в анализируемых словарях, так и в целом в архангельских, вологодских, вятских, пермских и других севернорусских

говорах имеются еще не выявленные лексемы коми происхождения, которые пока не поддаются однозначной этимологизации и требуют более детального анализа и идентификации.

Сокращения

Словарь В. И. Даля: арх. – архангельское слово; белмрс. – беломорское; влгд. – вологодское; влгд.-яр. – вологодское (яренское); вогульск. – вогульское; вят. – вятское; зырянск. – зырянское слово, из зырянского языка; пермяц. – пермяцкое слово; прм. – пермское; прм.-черд. – пермское (чердынское); сиб. – сибирское.

Словарь А. О. Подвысоцкого: Запечорск. – Запечорский край Мезенского уезда; Мез. – Мезенский уезд; Пин. – Пинежский уезд.

Словарь П. А. Дилакторского: Волог. – Вологодский уезд; зыр. – зырянское слово; Ник. – Никольский уезд; Сольв. – Сольвычегодский уезд; Устьс. – Устьсысольский уезд; Яр., Ярен. – Яренский уезд.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1981–1982.

Дилакторский П. А. Словарь вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 2006. 677 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 150 с.

Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Диалектные словари как памятники русской крестьянской культуры // Диалектная лексика 1987. СПб.: Наука, 1991. С. 3–12.

КЭСК 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.

Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. 208 с.

Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2006. 576 с.

ССКЗД 1961 – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 490 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1986–1987.

Федюнева Г. В. Коми вербальные имитативы в восточных северорусских говорах: вопросы идентификации // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Ижевск, 2015. С. 320–329.

О словарях эмотивной лексики коми языка¹

В статье рассмотрены теоретические основания для необходимости составления словарей эмотивной лексики коми языка, дана общая информация об этих работах. Словарь пейоративной лексики был издан в 2021 г. (Цыпанов Е. А. Коми видчанкывъяс: зэв аслысикас кывкуд. Сыктывкар, 2021. 251 лб.), словарь мелиоративной лексики – в 2024 г. (Цыпанов Е. А. Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд: словарь мелиоративной лексики коми языка. Сыктывкар, 2024. 133 лб.). Подобные лексикографические труды еще не составлялись на материале других финно-угорских языков.

Ключевые слова: пермские языки, коми язык, лексикология, эмотивная лексика, слова-пейоративы, слова-мелиоративы, словари эмотивной лексики.

Долгое время автор данной статьи занимался исследованием глагола коми языка, его морфологических категорий и инфинитных форм. Однако с конца 2010-х гг. его стали больше интересовать проблемы изучения коми лексики, чему были посвящены научные изыскания последующего периода времени. Было тогда явно заметно, что в области коми лексикологии совершенно не изучена лексика с оценочным, эмотивным значением. Исходя из этого, затем ученым были составлены и изданы два словаря эмотивной лексики, информация о которых представлена далее.

Современная наука признает, что человек является не только *Homo sapiens* «человек разумный», как традиционно считалось, но также и *Homo sentiens* «человек чувствующий», поскольку многими действиями человеческой личности руководят именно эмоции. В современной лингвистике сформировалось направление эмотиология, изучающая способы выражения эмоций на всех языковых уровнях, от фонетики до синтаксиса. Это направление сформировалось в ряде западных стран в 1980-е гг. прошлого века как ответная реакция на стремление видеть в языке лишь рациональное. Практическую важность выводов и результатов эмотиологии осознают не только языковеды, но и педагоги, психологи, работники

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

СМИ, политики. В 1985 г. в США при Гарвардском университете был организован Международный центр по исследованиям эмоций.

Психолингвистические эксперименты показали, что эмотивное значение быстрее схватывается (понимается, осознается), чем логико-предметное значение, т. е. человеку очень важен эмоциональный смысл высказывания (что ждать от собеседника, хорошее или плохое, гнев или ласку и т. д.). Установлено также, что эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с нейтральной информацией.

Эмоции в широком смысле слова выражают целый комплекс языковых средств, куда входят интонация, специальные суффиксы (уменьшительные, уничижительные), глагольные формы, частицы, междометия, порядок слов, синтаксические конструкции и т. д. Эмотивное значение, однако, наиболее рельефно лексикализуется в словах и словосочетаниях. Очень разнообразно в языках представлена эмотивная лексика, куда входят имена эмоций и слова, выражающие эмоциональные состояния, отражающие т. н. оценочные понятия или вернее представления. Носители языка четко улавливают оценочные оттенки в эмотивной лексике, входящей в большинство своем в активный словарный запас. Наиболее большими группами лексики являются слова-пейоративы с отрицательной оценкой и слова-мелиоративы с положительной оценкой. Характерно, что первых в языках гораздо больше, однако вторые употребляются чаще первых. Очень важен тезис о национально выраженном характере эмотивной лексики, что отражает культурно-исторические основы жизнедеятельности этноса на протяжении ряда веков.

Первый по времени издания словарь [Цыпанов 2021] представляет из себя собрание пейоративной лексики коми языка (отдельных слов и лексических, а также лексикализованных словосочетаний), куда включен как коми-зырянский, так и коми-пермяцкий материал. Состав пейоративной лексики в коми языке еще не являлся объектом системного лингвистического анализа, хотя важность этого вида слов, лексических и лексикализованных словосочетаний не вызывает сомнений уже хотя бы по причине их частотности в диалогической и монологической речи, в произведениях фольклора и особенно художественной литературы, которая является настоящим депозитарием эмотивной лексики. Настоящий словарь не является нормативным, он несет как основную информативную функцию, т. е. здесь на равных представлен также и диалектный материал. Кроме уже зафиксированных слов в словаре впервые представлен дополнительный материал с приведением примеров на употребление пейоративов с указанием авторов, в ряде случаев информантов.

В нашем понимании в состав слов-пейоративов входят и грубые бранные выражения, они также включаются в объект исследования.

Однако в силу историко-культурных причин в коми языке грубых матерных выражений исконно языкового происхождения совсем немного. В отношении коми языка эта проблема не актуальна в силу того, что матерные выражения являются в коми языке в основном русскими заимствованиями или же кальками в ижемском диалекте.

В составе пейоративной лексики можно выделить две большие группы образований: это лексемы с изначально оценочной семантикой и единицы с диахронно переносными значениями, отличными от прямого или основного значения по денотативному ряду. К числу первых относятся лексемы, обычно означающие лиц с определенными негативными характеристиками, где сама основа слова уже выражает оценку: это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом **-ысь**, производные существительные и словосочетания, например: *йӧй*, *бӧб* «дурак», *вежӧма* «оборотень», *гуысь* «вор», *гиги* «пустосмешка», *нежпоз* «отвратительный человек», *сюра лешак* букв. «рогатый леший». Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка слова-пейоративы, сохраняющие оценочное значение, существовавшее в передающем языке, например, у слова *мерзавеч* «мерзавец».

К числу вторых относятся пейоративные единицы, возникшие в результате расширения значения слов как явление развития полисемии, например, пейоративы *катша* «болтушка, легкомысленная женщина» и *нямӧд* «мямля, тряпка, рохля» возникли путем смены денотативного наполнения и метафоризации (по сходству поведенческого плана, по физическим характеристикам, не по внешнему сходству) на основе прямых значений «сорока» и «портянка» соответственно. Чаще всего в речи коми употребляются определительные словосочетания, имеющие лексикологический статус, обладающие единым значением. В составе сочетаний пейоративы несут более экспрессивное, усиленное значение, нежели слова без определений. Из наиболее распространенных можно отметить сочетания *шоньд нямӧд* «тряпка, безвольный человек», досл. «теплая портянка», например: *А гӧлӧсыс сылӧн лэчӧд вӧлі: «Ланьт, шоньд нямӧд! Челядьӧс ачым чужті, кыдзи кужа, сідзи и велӧда!»* (В. Безносовых) «А голос у нее был резкий: “Молчи, тряпка! Детей сама родила, как сумею, так и выучу!”» Это наиболее интересный материал в составе пейоративной лексики, позволяющий сделать определенные выводы и в области когнитологии, выявления языковой картины мира коми народа.

В ходе сбора материала выявился ряд лексем, не зафиксированных в словарях коми языка, но употребляющихся в речи. Они включены в словник. Примеры:

али вузалысь 1) еврейясӧс омӧльтана ним / уничижительное слово для евреев, 2) мортӧс вузалысь / предатель, изменщик

...Меным та бõрын Габовыс лои весиг зывõк, мый сийõ **али вузалысь** и ещõ больгысь. Мый кõtь ме и корреспондент, сэсся тайõс колõ мен висъ-тавлыны?; Пыр вõлi и казялас еврейтõ да строй водзõ петкõдас. Оти асылõ стройысь петкõдис морт комынõс. Но, шуõ, **али вузалысьяс**, сидзкõ, тэ ворсин, тэ сьылiн, а тэ артасин? (Н. Шукин) [Цыпанов 2021: 17];

чуваш изъв., скр. родысь, полысь морт, кõч сьõлõма / трус, робкий человек [Цыпанов 2021: 199].

В коми языке можно выделить следующие группы слов, на базе основных значений которых возникли пейоративные созначения. Это лексемы, обозначающие:

1) части тела человека, предметы выделения организма: *сит дук* «негодник, пустышка», досл. «запах экскрементов»; *кыз рушкы* «толстяк», досл. «толстое брюхо»; *сувтса син* «наглец, бесстыжий человек», досл. «стоячий глаз»;

2) предметы традиционного хозяйства и домашнего быта: *нямõд* «тряпка, безвольный человек», досл. «портянка»; *нõш* «болван, дубина», досл. «колотушка для колки дров»; *лõсавтõм гыр* «грубый, невоспитанный человек», досл. «необструганная ступа»; *киссьõм тюни* «никуда не годный человек», досл. «износившийся валенок»;

3) зооморфизмы, слова-названия животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся, рыб, например: *порсь* «грязнуля», досл. «свинья»; *рака* «забияка; забывчивый человек», досл. «ворона»; *сан* «злобный человек», досл. «росомаха»; *синтõм гут* «слепец; наглец», досл. «слепая муха»;

4) фитонимы, названия растений и их частей, например: *кõчамач* «негодник», досл. «гриб дождевик»; *понпуш* «слабьяк, негодник», досл. «сухой гриб дождевик»; *кын мыр* «болван, чурбан, бестолковый человек», досл. «мерзлый пенёк»; *пõрысь тиак* «дряхлый, состарившийся человек», досл. «старый гриб»;

5) имена собственные (этнонимы, личные имена), например: *тунгус* «угрюмый, нелюдимый человек», досл. «тунгус»; ижемское *чуваш* «трус», досл. «чуваш»; *кизьтõм яран* «растрепан», от *кизьтõм яран* «немец с незастегнутой одеждой»; *жыд* «жадина», досл. «еврей»;

6) мифологическая лексика (названия злых духов, различных отрицательных существ), например: *мор* «черт, шут; зараза», досл. «черт»; *омõль* «злой человек», досл. «дьявол»; *буба* «пугало; злой дух», досл. «пугало для непослушных детей».

Словарь включает в себя собранные автором отрицательнооценочные слова и лексические словосочетания, включающие материал коми диалектов и письменных текстов, написанных на коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках. Наибольший корпус материала содержит более чем 1 900 заглавных слов из коми-зырянских источников, значения которых раскрыты описательно или с привлечением синонимов,

в части слов есть и переводы лексем на русский язык, если они приведены в наиболее объемном нормативном коми-русском словаре 2000 года издания [КРК 2000]. Словарь имеет цель информировать заинтересованного читателя в богатстве специфического пейоративного лексического материала, выражающего эмотивную характеристику, оценку говорящим или пишущим собеседника, третье лицо или некие обстоятельства жизни человека. Приведенные примеры дают ясное представление о контекстуальных условиях употребления пейоративных единиц. Издание предназначено для широкого круга пользователей: ученых, учителей коми языка, студентов, писателей, журналистов, всех любителей и ценителей родного языка.

В отношении второго словаря следует вначале представить рабочее определение: **мелиоратив** (ср. нем. *Meliorativ* — мелиоративный, возвеличительный) — слово, предназначенное для того, чтобы представить высказываемое в благоприятном свете, в противоположность уничижительному (dic.academic.ru). Иными словами, это слова и словосочетания, которые выражают положительную оценку кого-либо или чего-либо, например: *шдѣктуг* «голубушка, милая», *молодеч* «молодец», *бур* «хороший, добрый», *шань* «хороший, вежливый» и т. д. В настоящий словарь собраны лишь такие мелиоративы, которые характеризуют людей или домашних животных. Значение таких слов состоит в оценке, оно является основным, важным само по себе. В ходе коммуникации у собеседника или собеседников подобные слова, как правило, вызывают положительные эмоции и ассоциации. Не зря многие слова-мелиоративы часто употребляются в качестве вокативов, слов-обращений, например, словосочетание *тусь ныв* «ягодка-девушка, красотка»: — *Зина, тѳрыт гудѳктѳ эз сет да, гаишкѳ, лѳгасин?* — *синмас нывлы видзѳдліс пѳрысь ань.* — *Тэ, тусь ныв, эн лѳгав* (Е. Козлова) «— Зина, вчера гармошку не дала, наверное, поэтому обиделась? — в глаза девушке посмотрела старая женщина. — Ты, ягодка-девушка, не сердись».

В составе мелиоративной лексики с точки зрения ее формирования можно выделить две большие группы образований: это традиционные исконные лексемы с изначально оценочной семантикой и единицы с диахронно переносными значениями, отличными от прямого или основного значения. К числу первых относятся лексемы, обычно означающие лиц с определенными позитивными характеристиками, где сама основа слова уже выражает оценку: это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом **-ысь**, производные существительные и лексические словосочетания, например: *дона* «дорогой», *радейтана* «любимый», *пыдди пуктана* «уважаемый», *муса морт* «любимый человек» и т. д. Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка слова-мелиоративы, сохраняющие позитивное оценочное зна-

чение, существовавшее и в передающем языке. Таких заимствованных лексем в коми литературном языке много, а в диалектах их еще больше, например, у слова *сӧкӧл* «дорогой человек, удалец (о мужчинах)»: *Р о ч е в а. Сӧкӧл тэ менам!.. (Уськӧдчӧ Митрич дінӧ) Ставнытӧ, ставнытӧ кора свадьба вылӧ... (В. Леканов) «Р о ч е в а. Сокол ты мой!.. (Бросается к Митричу) Всех, всех приглашаю на свадьбу...»*. Многие подобные слова в нормативных коми-русских словарях не были представлены, например: *милӧй, любук*. Примеры:

милӧй милый, дорогой человек

Ок, милӧйӧй, милӧйӧй да,

Шобді булки чужӧмӧй.

Юмов преник вом дорӧй

(Ок, милӧйӧй, милӧйӧй да... // Коми поэзия антология. Сыктывкар, 1967: 20) [Цыпанов 2024: 70];

любук уд. любушка, голубка

ИЛЛЯ ӦГРОЙ. Шурӧ, любукӧ! Вай жӧ, детяӧ, гӧгӧртлы бабъястӧ, мед, вермасны кӧ, волосны.

(Вурдов А. Кӧдза-Яг // Войвыв кодзув. 2008. 6 №: 16) [Цыпанов 2024: 67].

К числу слов второй группы относятся мелиоративные единицы, возникшие в результате расширения семантики, переноса значения слов как явление развития многозначности, полисемии, например, на основе прямого значения слова *кутш* «орел» развилось переносное значение «удалец-молодец, проворный», например: – *Ок и кутш!* – *шуис писарь, кор куимнанныс саялісны ӧдзӧс сайӧ. – Татишӧмьд кык син костсыд ныртӧ гусялас (Я. Рочев) «– Ух и орел!* – сказал писарь, когда все трое вышли за дверь. – Такой меж двух глаз нос украдет».

Это наиболее интересный материал в составе мелиоративной лексики, позволяющий сделать определенные выводы и в области когнитологии, выявления языковой картины мира коми народа. В материале словаря можно отчетливо выделить следующие группы нарицательных существительных, на базе основных значений которых возникли мелиоративные созначения. Это слова следующих групп:

1) религиозные, церковные термины и слова: *андел* «ангел, ангелочек»; *грек тӧдысь* «живущий без греха, праведник»; *ен ныв* «золотая, дорогая дочка», досл. «дочь бога»; *вичковыв крест* «святой-дорогой человек», досл. «крест на церкви (о покойном муже)»;

2) названия драгоценных металлов, камней, украшений: *зарни* «золотой, дорогой», досл. «золото»; *эзысь ни* «дорогой сынок», досл. «серебряный сынок»; *вӧсьӧ* «милый, милая, голубчик, голубушка», досл. «жемчуг»;

3) зооморфизмы, названия животных, птиц, рыб: *пыста* «дорогуша, дорогая», досл. «синичка»; *гулю* «милая» (ласковое обращение к женщи-

не), досл. «голубка»; *кõкинъ* «дорогая женщина, девушка», досл. «кукушечка»; *мык* «здоровячок», досл. «рыба елец»; удорское *сёкат* «радейтана, дона», досл. «хариус»;

4) фитонимы, названия растений и их частей: *бобõнянь* «милый, милая, голубчик, голубка», досл. «цветок клевера»; *мырпом тусъ* «красотка-ягодка», досл. «ягодка морошки».

Однако большую часть мелиоративной лексики образуют свободные, лексические и лексикализованные словосочетания, определенные конструкции, обладающие единым значением. В составе сочетаний слова-мелиоративы несут более экспрессивное, усиленное значение, нежели слова без определений. Из наиболее частотных можно отметить сочетания *дона морт* «дорогой человек», *зарни пи* «золотой сынок», *муса ныв* «любимая девушка», *сё майбыр* «счастливчик», досл. «сто счастливчиков» и т. д. Многие слова-мелиоративы исторически сами образовались на основе таких словосочетаний. Вот пять исконных древних слов:

сисъйõг «дорогой, голубчик», образовано от *сисъ* «свеча» и *йõг* «огонек», т. е. дословное значение «огонек свечи, светик» (ныне слово *йõг* в значении «огонь» широко не употребляется, но сохраняется в слове-мелиоративе);

шõвктуг «1) опрятная, приятная, красавица, 2) голубушка, милая», досл. «шелковая кисть, кисточка» (здесь *кисть* употребляется в значении «украшение из пучка ниток, шнурков»);

съёлõмшõр «сердечный, любимый, милый; ненаглядный», образовано от *съёлõм* «сердце» и *шõр* «середина», досл. «серединка сердца»;

сёшайт «бесценный, дорогой, милый, любимый», образовано от *сё* «сто» и *шайт* «рубль», т. е. досл. «сторублевочка», в прошлые века очень большая сумма денег (это сейчас сто рублей мелочь);

рочаканъ «милый, милая», досл. «куколка», слово иногда применяется и к мальчикам; образовано от *роч* «привозной, фабричный» и *аканъ* «кукла», первоначальное значение было «красивая привозная, не у нас сделанная, фабричная кукла».

Настоящий словарь представляет собой первое печатное собрание мелиоративной лексики коми языка (отдельных слов и словосочетаний), куда включен как коми-зырянский, так и частично коми-пермяцкий материал. Состав мелиоративной лексики в коми языке еще не являлся объектом системного лингвистического анализа, однако важность этого вида слов и словосочетаний не вызывает сомнений хотя бы по причине их частотности в диалогической и монологической речи, в произведениях фольклора и особенно в художественной литературе. Настоящий словарь не является нормативным, он несет в качестве основной информативную функцию, т. е. здесь на равных представлен также и диалектный

материал. Кроме уже зафиксированных слов, в словаре впервые представлена дополнительная лексика с примерами на употребление слов-мелиоративов с указанием авторов и источников, что необходимо для дальнейшего, более подробного исследования конкретного материала на основе расширенного контекста употребления слов и словосочетаний. Материал словаря дает множество интересных примеров на употребление слов-мелиоративов в диалектах и литературных языках, что говорит о богатстве эмотивной лексики у коми народа, его своеобразии и неповторимости.

Сокращения

досл. – дословно, изъв. – ижемский диалект коми языка, скр. – присыктывкарский диалект коми языка, уд. – удорский диалект коми языка.

Литература

КРК 2000 – Коми-роч кывчукӧр / Сост. Безноскова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Цыпанов Е. А. Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2021. 251 лб.

Цыпанов Е. А. Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд: словарь мелиоративной лексики коми языка. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 133 лб.

УДК 811.511.131

Л. М. Чернышева
*Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

Экспрессивный потенциал бессоюзия в удмуртском языке (на материале текстов публицистического стиля)

В статье описывается экспрессивный потенциал бессоюзия в удмуртском языке на материале текстов общественно-политического характера, опубликованных в республиканской газете «Удмурт дунне» за 2010–2023-е гг. Так, бессоюзие может быть включено в текст для: 1) придания определенной ритмики и динамики повествования; 2) передачи одновременности, единства протекания действия; 3) акцентуации внимания на легкости протекания действия; 4) выражения различных чувств, эмоций; 5) создания эффекта бесконечности; 6) выражения настойчивости при выполнении действия; 7) акцентирования

внимания на конкретном слове или какой-либо фразе и др. Все это позволяет усилить эмоционально-экспрессивную составляющую публицистического текста.

Ключевые слова: удмуртский язык, экспрессивность, публицистический стиль, бессоюзие.

Одной из жанровых характеристик публицистического стиля является наличие в нем большого количества различных экспрессивных средств. В частности, это может быть порядок слов в предложении, длина предложения, наличие / отсутствие выразительных средств, набор лексических единиц и др. Не менее важную роль играет и аффективный потенциал пунктуации. Основной целью данной статьи является выявление экспрессивного потенциала такого лингвистического явления как бессоюзие.

В «Большом энциклопедическом словаре» бессоюзие, или асиндетон, определяется как «построение предложения, при котором однородные члены или части сложного предложения связываются без помощи союзов» [Прохоров 1993: 133]. В некоторых словарях понятие бессоюзия рассматривается синонимично с понятием «паратаксис» [Лопатина 1997: 50–51]. В определении, предложенном М. И. Пановым, уточняется, что данная фигура слова входит в группу фигур убавления и заключается «в опущении союзов для нагнетания экспрессии, динамизма, насыщенности» [Панов 1998: 22]. А. П. Сковородников дает определение понятию асиндетон, характеризуя его как стилистическую фигуру, состоящую в намеренном пропуске союзов в синтаксических конструкциях сочинительного типа [Сковородников 2011: 68].

Важно отметить, что бессоюзие может проявляться не только в процессе перечисления однородных членов в простом предложении, но и между отдельными блоками сложного предложения. В таком случае пропуск союза, как правило, кодируется посредством тире или двоеточия. Некоторые исследователи рассматривают в качестве бессоюзия только конструкции сочинительного типа (А. П. Сковородников; Т. В. Матвеева и др.) Другие исследователи включают в бессоюзие также предложения с пропуском подчинительных союзов (Т. В. Жеребило; Д. Э. Розенталь; Л. Е. Лопатина; О. С. Ахманова и др.).

Таким образом, бессоюзие (асиндетон, паратаксис) – это стилистическая фигура, входящая в группу фигур убавления и характеризующаяся намеренным пропуском союзов между однородными членами или частями сложного предложения. Наличие бессоюзия в тексте может быть мотивировано разными причинами.

На примере текстов республиканской газеты «Удмурт дунне» за 2010–2023-е гг. рассмотрим экспрессивный потенциал бессоюзия в публицистике удмуртского языка.

1. Бессоюзие может внести в публицистический текст определенную ритмику, динамику повествования. Так, зачастую данная фигура выражает скорость разворачивающихся в тексте событий: *Малпазы – лэсьтйзы!* [Тугашова 2021: 4] ‘Подумали – сделали!’ В этом случае в письменных текстах используется тире как знак препинания.

В случае перечисления однородных конструкций, напротив, бессоюзие, способно придавать тексту спокойность, размеренность. Рассмотрим пример: *Ошмесьёс котырысь жул-жагез утялтйм, тубатъёсты сюлэсь сузам, тылскылэм бервыльёсты сюен согим* [Никитина 2020: 7] ‘Убрали мусор вокруг родников, очистили лестницы от земли, засыпали землей кострища’. В данном примере части сложного предложения соединены бессоюзной связью. Бессоюзие здесь придает особую ритмичность тексту, выражает непрерывность работы и в то же время передает степень осознанности важности работы и ее основательного, качественного, поэтапного выполнения. Перечислительная интонация участвует в создании особого ритмичного плана, что также способствует усилению экспрессивности текста.

2. Наряду с изображением стремительности или размеренности последовательно развивающихся событий, бессоюзие может выражать также одновременность действий: *Огнол адскизы – синмаськизы* [Емельянова 2023: 1] ‘Один раз увиделись – влюбились’. В данном примере пропущен союз *но* ‘и’. Отсутствие союза позволяет воссоздать эффект мимолетности, мгновенности любви с первого взгляда, тем самым словно выражая одновременность событий: взгляд и внезапно нахлынувшая любовь. Помимо этого, последнее слово пунктуационно (с помощью тире) разграничивается от первой части, что способствует акцентуализации внимания на главном слове.

В случае перечисления однородных членов одновременность действия может создавать единую повествовательную канву. Рассмотрим пример: *Гуртын улон мӧзмыт медаз луы шуыса, калыклы кыӛе но ужрадъёс ӧз малпалля: визь сынанъёс, писательёсын пумиськонъёс, творческой жьытъёс, шара лыдӟонъёс, пӧртэм адӟытонъёс* [Сараматова 2020: 1] ‘Чтобы деревенская жизнь не была скучной, какие только развлечения не придумывала для народа: испытания, встречи с писателями, творческие вечера, чтения вслух, различные выставки’. Представляемый поток образов затягивает читателя в круговорот действий, отсутствие союзов способствует передаче насыщенности, информационной наполненности текста и образованию единства информации, идеи, действий в предложении.

3. Закон языковой экономии, достигаемый за счет пропуска союзов, также может выступать в качестве одного из средств усиления экспрессивности в публицистическом тексте. Газетные статьи характеризуются постановкой жестких рамок к количеству знаков, что несомненно оказывает влияние на весь текст в целом. Перед публицистом стоит задача передать максимум информации посредством минимума средств. Так, союзы могут быть абсолютно пропущены или заменены пунктуационными знаками: тире, двоеточием. Рассмотрим пример: *Тупатъяны нырысь ик кутскозы операция лэсьтон отделениез – отын ар кусын 4 сюрслэсь ятыр операциос лэсьто* [Захаров 2023: 2] ‘Ремонт начнут с операционного отделения – там в течение года проходит более 4 тысяч операций’. Отсутствие союза придает тексту легкость, сжатость, непосредственность, естественность. При прочтении этого предложения с восстановлением союза, данные качества могут быть потеряны. В данном примере вторая часть содержит пояснение первой. Тире заменяет союзы *малы ке шуоно* ‘потому что, так как’ или *угось* ‘ведь’.

4. Бессоюзие в публицистическом тексте может быть использовано с целью выражения, усиления отдельных эмоций. Это свойственно как перечислению однородных членов, так и бессоюзному соединению элементов сложного предложения. Так, к примеру, перечисление однородных членов с отсутствием союза может создать непрерывающуюся цепь, усиливающую восхищение, удивление: *Отысь выжыкыл дуннелы Анатолий Павлович синмаськыса быриз: инкуазез макем чебер! Котырак пужымъёс, пöртэм емышъёс, губиос...* [Емельянова 2010: 12] ‘От восхищения тем сказочным миром у Анатолия Павловича захватило дух: как красива там природа! Вокруг сосны, различные плоды, грибы...’ В данном примере предложение с бессоюзием усиливает ощущение восхищения, выраженное в предыдущем предложении.

Рассмотрим другой пример: *Агроном, зоотехник, кузё* [Сараматова 2023: 1] ‘Агроном, зоотехник, хозяин’. В этом примере, являющемся заголовком статьи, бессоюзие передает чувство гордости, восхищения, поскольку все перечисленные профессии относятся к компетенции одного человека.

5. Часто бессоюзие может использоваться для выражения эффекта бесконечности. Как правило, это свойственно для последовательного перечисления однородных членов. При этом эффект бесконечности достигается благодаря явлению конвергенции с умолчанием, выраженным графически многоточием и предполагающем продолжение перечисляемого ряда: *Асьсэлэн ужзылы вань сюлэмзэс поно дышетісьёс, воспитательёс, библиотекаын ужасьёс, артистъёс, журналистъёс...* [Кириллова 2011: 1] ‘Своей работе все сердце отдают учителя, воспитатели, библи-

отекари, артисты, журналисты...’ В данном примере указанный эффект усиливается за счет использования инверсии.

6. Бессоюзиe в тексте может передавать эффект настойчивости, что дает автору выполнить воздействующую функцию публицистического текста. Рассмотрим пример: *Усиськом, султійськом, азьлань мынійськом...* [Емельянова 2023: 10] ‘Падаем, встаем, идем вперед...’ В данном случае отсутствие союза передает уверенность, непоколебимость, устойчивость к сложностям и продолжение пути вне зависимости от ожидающих трудностей. Воздействие может проявляться посредством поощрения выбранного пути.

7. Бессоюзиe способствует акцентированию внимания на фразе, несущей наибольшую семантическую значимость, или на наиболее значимом слове. В особенности это относится к бессоюзию в сложных предложениях. Как отмечает А. П. Сковородников в описании бессоюзных предложений сочинительного типа, такого рода предложения используются с целью «усиления смысловой противопоставленности компонентов бинарной бессоюзной конструкции, причем при наличии в первой части такой конструкции отрицания оказывается логически акцентирована ее вторая часть» [Сковородников 2011: 70]. Рассмотрим пример: *Куд-ог хозяйствоосын куняньёссы ӧз чидалэ – кулйзы* [Сараматова 2023: 5] ‘В некоторых хозяйствах телята не выдержали – умерли’. В союзной конструкции предложение звучало бы так: *...ӧз чидалэ но кулйзы*. Однако, отсутствие союза здесь придает предложению большую выразительность, графически и интонационно выделяет последнее слово, тем самым усиливая его семантическую значимость, акцентируя на нем внимание.

8. Конвергенция бессоюзия с различными стилистическими средствами позволяет публицисту наиболее точно передать информацию и эмоции читателю, благодаря чему возможно достичь желаемого эффекта от написанного. Так, к примеру, довольно часто бессоюзиe присутствует в градации, тем самым усиливая эффект нарастания или понижения. Рассмотрим пример с эффектом нарастания: *Нимаз адымиослы – 4 сюрсысен 5 сюрс манетозь, кивалтійсьёссы – 20 сюрсысен 40 сюрс манетозь, ужбергатійсьёссы – 40 сюрс манетысен, 50 сюрс манетозь, огазеяськонтьёссы – 500 сюрс манетысен 700 сюрс манетозь* [Аркашев 2014: 5] ‘Отдельным людям – от 4 тысяч до 5 тысяч рублей, руководителям – от 20 тысяч до 40 тысяч рублей, предпринимателям – от 40 тысяч рублей до 50 тысяч рублей, организациям – от 500 тысяч рублей до 700 тысяч рублей’. В данном примере градация выражается посредством увеличения численных показателей. Помимо градации и бессоюзия здесь также можно заметить такие экспрессивные средства синтаксиса как эллиптические предложения, синтаксический паралле-

лизм, эпифора. Все вместе данные стилистические средства служат для усиления выразительности, выражают эффект увеличения, нарастания. Повторяющиеся параллельные конструкции создают особую ритмику и плавность. Эпифора позволяет акцентировать внимание на повторяющихся словах. Эллиптические предложения и отсутствие союзов позволяют автору оставить в тексте наиболее значимые лексические единицы и реализовать закон экономии языка.

Таким образом, бессоюзие (асиндетон) используется в публицистическом стиле для усиления экспрессивности текста. При этом отсутствие союзов может наблюдаться как в заголовках статей, так непосредственно в самих текстах. Так бессоюзие может быть включено в текст для 1) придания определенной ритмики и динамики; 2) передачи одновременности, единства протекания действия; 3) акцентуации внимания на легкости протекания действия; 4) выражения различных чувств, эмоций; 5) создания эффекта бесконечности; 6) выражения настойчивости при выполнении действия; 7) акцентирования внимания на конкретном слове или какой-либо фразе, а также в других целях, в зависимости от конвергенции с различными стилистическими средствами, что позволяет усиливать экспрессивность публицистического текста.

Источники

Аркашев И. Гуртоослэн виль сюлмаськонзы // Удмурт дунне. 2014. 16-тй №. 5-тй б.

Емельянова В. Буба шутэтске 8 миндэр вылын // Удмурт дунне. 2010. 197–198-тй №. 12-тй б.

Емельянова В. Огпол адскизы – синмаськызы // Удмурт дунне. 2023. 26-тй №. 1-тй б.

Емельянова В. Усиськом, султйськом, азылань мынйськом... // Удмурт дунне. 2023. 5-тй №. 10-тй б.

Захаров С. Эмъяськонни быдэсак вильдйськоз // Удмурт дунне. 2023. 47-тй №. 2-тй б.

Кириллова З. Кин шуиз сйзылэз кунэрес? // Удмурт дунне. 2011. 166-тй №. 1–2-тй б.

Никитина Е. Кез ёрослэн маржанэз // Удмурт дунне. 2020. 42-тй №. 7-тй б.

Сараматова Е. Нылпиосты бурдя меми // Удмурт дунне. 2020. 46-тй №. 1-тй б.

Сараматова Е. Агроном, зоотехник, кузё // Удмурт дунне. 2023. 9-тй №. 1-тй б.

Сараматова Е. Куазь пöse вуттйз // Удмурт дунне. 2023. 49-тй №. 5-тй б.

Тугашова Е. Кузьым – «Егит гвардилэсь» // Удмурт дунне. 2021. 28-тй №. 4-тй б.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Лопатина Л. Е. Бессоюзие // Русский Язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 50–51.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
- Панов М. И. Бессоюзие // Педагогическое речеведение: словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 1998. С. 22–23.
- Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1994. 1628 с.
- Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
- Сковородников А. П. Асиндетон // Энциклопедический словарь справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. С. 68–71.

УДК 378.1.681

Ж. И. Эрметова, О. А. Рузметова
*Ургенский государственный университет
г. Ургенч*

Роль информационных технологий в преподавании английского языка в вузе

В статье анализируются информационные технологии в преподавании английского языка в вузе. Рассматриваются некоторые функции информационных технологий, а также их влияние на процесс обучения английскому языку. Освещаются различные формы практического использования образовательных технологий в процессе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: информационные технологии, иностранный язык, машинный перевод, геймификация, нейросети.

Активное развитие современного общества, спрос на новые знания из различных областей науки привели к широкому вовлечению и использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в высшем образовании, в частности в области лингвистики и преподавания языков.

Цифровизация социальной среды сделала крайне важным определение возможности цифрового преподавания и обучения в контексте языкового образования. Представление языка в электронной среде и более эффективное воздействие научных исследований на электронный метод обуславливает необходимость введения информационных технологий в язык. ИКТ расширяют границы всех сфер деятельности человека. Их использование в преподавании иностранного языка способствует активизации познавательной деятельности студентов, развивает их творческие способности, креативность в контексте общих интеллектуальных способностей [Возможности 2019].

Средства информационно-коммуникационных технологий – это программные, программно-аппаратные и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам локальных и глобальных компьютерных сетей [Роберт 2002: 2–6].

В настоящее время в учебном процессе Ургенчского государственного университета (УрГУ) используются различные информационные технологии. Преподаватель на занятиях иностранного языка может использовать такие средства ИКТ, как:

1. Образовательные ресурсы Интернета;
2. Видео- и аудиотехника;
3. Электронные учебники и пособия;
4. Мультимедийные презентации;
5. Тренажеры и программы тестирования.

Перечисленные средства ИКТ, применяемые на занятиях иностранного языка, являются эффективным педагогическим средством формирования коммуникативных навыков.

Факультет иностранной филологии УрГУ активно применяет информационно-коммуникационные технологии в процессе обучения иностранному языку. На занятиях наши преподаватели используют такое средство ИКТ, как программа машинного перевода. Во время занятия «Лингвистическая типология» студентам предлагается сравнить структуру языков. Эти структуры бывают разнотипными. Студенты работают с текстами, составленными на разных языках. Иногда они могут не понимать язык некоторых текстов. В таких случаях во время занятия используется машинный перевод. Использование технологии машинного перевода позволяет эффективно решить проблему. Машинный перевод делает возможной локализацию, а также представляет большую важность для лингвистически неоднородных стран. Достоинства услуги онлайн-пере-

вода информации очевидны. Сервисы онлайн-перевода всегда под рукой и помогут в нужный момент быстро перевести информацию [Воронович 2013: 6]. Средства автоматизации перевода обеспечивают более высокое качество перевода за счет единообразия терминологии и стиля, позволяют сохранить оригинальное форматирование, создавать память перевода на основе уже переведенных текстов и их оригиналов [Озерова 2023: 1].

Еще один из наиболее часто используемых приемов на наших занятиях – геймификация. Геймификация часто используется в вузах по ряду причин, т. к. «делает сложные вещи более увлекательными», помогая преподавателям вовлекать учащихся в предмет. Использование элементов геймификации возможно для групповой, так и для индивидуальной деятельности. Применение геймификации в процессе обучения дает возможность не только привить учащимся интерес к иностранному языку, но и создавать положительное отношение к его изучению. В своей работе преподаватели УрГУ часто используют различные интернет-сервисы для повышения мотивации учащихся к изучению предмета. Чаще всего обращаются к сервисам: <https://wordwall.net/>, <https://kahoot.it/>, <https://learningapps.org/>, <https://quizlet.com/> и др. В своей практике онлайн-игры мы применяем на различных этапах занятия, учитывая уровень подготовленности учащихся. Например, на занятиях «Сравнительная типология» при изучении темы «Typology of a sentence in English and Native language» со студентами 4-го курса мы используем созданное в сервисе <https://wordwall.net/> интерактивное упражнение «Correct word order». Это упражнение способствует различению порядка слов в предложениях сравниваемых языков. Игра разработана в шаблоне «Привести в порядок». Здесь слова в предложении написаны не по порядку. В процессе игры нужно перетащить слова в каждом предложении в правильном порядке. Сервис дает возможность переключить шаблон интерактивной игры, а также применить печатную версию игры в PDF-формате.

Прием геймификации на занятиях значительно влияет на повышение мотивации обучающихся, а применение вышеуказанных платформ и приложений может способствовать улучшению учебного процесса и усилению познавательного интереса к языку. Геймификация является наиболее подходящим инструментом для достижения этих целей.

В настоящее время нейросети также активно используются при обучении в нашем университете. Нейросети предоставляют широкий спектр инструментов и возможностей для создания новых форм обучения, которые могут значительно улучшить эффективность образовательного процесса и помочь студентам достичь лучших результатов [Осипова 2024: 67].

С помощью нейросети можно создать образовательный контент – сгенерировать тесты. Он анализирует загруженный материал, а затем предлагает упражнения в разных форматах в зависимости от темы

и структуры. Это могут быть тесты, кроссворды, вопросы, интерактивные диаграммы и т. д. [Крылова 2024].

Анализ, проведенный в настоящей статье, позволяет прийти к следующим выводам: использование ИКТ при преподавании английского языка в вузе позволяет более полно реализовать педагогические цели. На сегодняшний день ИКТ выступают одним из основных инструментов повышения эффективности в преподавании иностранного языка в высшем образовании.

Литература

Возможности 2019 – Возможности информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку в современном вузе: материалы межвуз. круглого стола, 28 июня 2019 г. Оренбург, 2019. 94 с.

Воронович В. В. Машинный перевод: конспект лекций для студентов 5-го курса. Минск, 2013. 39 с.

Крылова А. А. Применение возможностей нейросетей в процессе обучения английскому языку [Электронный ресурс] // Просвещение. Иностранные языки. 2024. URL: <https://iyazyki.prosv.ru/2024/02/the-potential-of-neural-networks-in-the-process-of-teaching-english/>

Озерова М. И. Обзор интеллектуальных методов машинного перевода [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). С. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-intellektualnyh-metodov-mashinno-go-perevoda>

Осипова Л. Б. Искусственный интеллект в образовании: реальные возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2024. № 1. С. 60–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-realnye-vozmozhnosti-i-perspektivy>

Роберт И. В. О понятийном аппарате информатизации образования // Информатика и образование. 2002. № 12. С. 2–6.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 821.511.131-32=161.1.09(045)

С. Т. Ареева
*Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

Новеллистика удмуртского писателя Г. С. Медведева в современной переводческой интерпретации: на примере рассказа «Сари вал» («Саврасая лошадь»)

В статье рассматривается характер перевода на русский язык рассказа «Сари вал» удмуртского писателя Г. С. Медведева выпускницей Литературного института имени А. М. Горького Анастасией Ларионовой; акцентируется внимание на том, насколько учтено образно-стилевое своеобразие оригинала при осуществлении его языкового перекодирования.

Ключевые слова: удмуртский писатель Г. С. Медведев, новеллистика, рассказ «Сари вал», переводческая интерпретация, автор перевода А. Н. Ларионова.

Григорий Сергеевич Медведев – талантливый писатель, который родился на периферии Удмуртии, в Балтасинском районе Татарстана, и вошел в ряды первых, лучших, самых ярких удмуртских писателей XX столетия. Г. Медведев – автор рассказов и трилогии «Лбзя бесмен» («Лозинское поле», 1932–1936), художественно-достоверно отразивших драматичную эпоху перехода крестьянства к коллективному хозяйствованию.

Как нам известно, рассказы Г. Медведева до сих пор не переводились на русский язык. Заслуга в первенстве переводов некоторых произведений малой прозы автора принадлежит выпускнице Литературного института имени А. М. Горького Ларионовой Анастасии Николаевне в союзе с ее руководителем, канд. филол. наук В. Г. Пантелеевой. В частности, были осуществлены переводческие интерпретации таких рассказов писателя, как «Виль дунне», «Сари вал», «Сютэм ар (1921)». Выбранные для перевода тексты являются интересными, оригинальными и отличаются друг от друга и по проблематике, и по стилистическим особенностям. Давая общую оценку переводам вышеобозначенных рассказов, выполненным А. Ларионовой, можно сказать, что молодому переводчику удалось избежать как буквализма, так и излишней вольности. В целом, переводы

являются художественно-гармоничными, что свидетельствует о хорошем потенциале и переводческой интуиции выпускницы Литературного института.

Итак, рассказ «Сари вал» («Саврасая лошадь») впервые был напечатан в газете «Гудыри» от 7 сентября 1927 г. Современным читателям он стал известен в результате публикации в антологии произведений малой прозы «Сюрес вожын» (2010). На наш взгляд, это один из талантливых рассказов писателя: по воссозданию образа человека, по психологизму, по художественности.

В центре рассказа – герой по имени Паримон, который вместе с семьей заканчивает жатву на своей полосе. По этой причине у него легко на душе. Кроме того, его изнутри распирает радость от предвкушения того, как будет счастлива жена, когда он сообщит, что их выношенная в течение пяти лет мечта о покупке лошади в скором времени исполнится. У героев игривое, приподнятое настроение. Автор передает его с помощью коротких шутильных диалогов между супругами, а также посредством словесного выражения психофизиологических состояний, переживаемых и озвучиваемых персонажами, которые, предвосхищая долгожданное событие, заранее испытывают предельную радость. Между супругами полная гармония, взаимопонимание. Желанность покупки и важность предприятия подчеркивают и их представления о том, как лошадь должна выглядеть:

«– *Саризэ басьты. Гонэз чияса мед улоз, – Чока лӧптыса вера.*

– *Саризэ басьто, купрес чыртыёзэ...*» (с. 375)¹.

(– Саврасую покупай. С блестящей шерсткой, – говорит Чока воодушевленно.

– Саврасую куплю, с выгнутой шеей...)»².

Паримон отправляется за покупкой в Казань. Поведение деревенского человека в большом городе изображено очень достоверно. Повествователь явно с доброй улыбкой наблюдает за своим героем. Между тем Паримон попадает в драматичную ситуацию: наивный простачок становится жертвой обмана молодого городского прощелыги, который украл у него деньги. Финал рассказа по своему эмоциональному накалу равен начальным сценам, однако полностью противоположен по испытываемым чувствам: в выкрике героя «*Караул! Валме лушказы. Караул!*» воплощены и ужас, и отчаяние, и безнадежность, и тоска, и безысходность, и обреченность.

Таким образом, эмоциональный стержень рассказа составляет контраст между заранее переживаемым героями бесконечного счастья

¹ Здесь и далее цит. по: Медведев Г. С. Сари вал // Сюрес вожын: Веросьёсын бичет (1919–1935-тй арьёс). Ижкар, 2010. 374–379-тй б.

² Подстрочный перевод наш. – С. А.

и драмой сложившейся ситуации, который, в том числе, создается за счет использования приема чрезмерности, гиперболизации.

«Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное формальное и стилистическое соответствие ему», – отмечает А. В. Федоров [Федоров 1983: 303]. В то же время общепризнанно, что «перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником, потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника» [Алимова 2012: 50]. Рассмотрим характер переводческих трансформаций, осуществленных переводчиком при работе с рассказом Г. Медведева «Сари вал», отметим наиболее удачные моменты и некоторые неизбежные потери.

В первую очередь отметим, что переводчик сохранил оригинальные имена героев, и это, по нашему мнению, правильное решение, поскольку способствует сохранению национального колорита произведения.

Осуществляя переводческую интерпретацию, А. Ларионова активно применяет фразеологизмы, являющиеся смысловыми аналогами удмуртских идиом:

Оригинал

«Пушкы, ылтй потыса, кошкоз,
кожасько вал» (с. 375).

«Ымыз тэркы кадъ усьтйськиз»
(с. 379).

«Ымдэ усьтыса эн ветлы» (с. 379).

Перевод на русский язык

«Меня сейчас удар хватит» (с. 38)¹.

«... Тут-то челюсть и отвисла»
(с. 42).

«А ты ворон не считай!» (с. 43).

В иных случаях нейтральные слова и выражения, фигурирующие в оригинале, тоже заменены более экспрессивными средствами:

Оригинал

«Мар дыртонэз: шодытэк кылёд,
лымшорозь быроз» (с. 374).

«Паримон туннэ кышнозэ
паймытыны дасяськиз» (с. 374).

Перевод

«Спешить им некуда: **и глазом моргнуть не успеют**, как управятся с жатвой» (с. 37).

«Паримон сегодня удивит жену так, что та **дар речи потеряет**» (с. 37).

Образное выражение «синтэм-пельтэм бызьыса» заменено в тексте авторским вариантом фразеологизма «только пятки сверкают» – «только подошвы мелькают», что, на наш взгляд, вполне соотнобразуется с внешностью и жестами старика Паримона.

¹ Здесь и далее приводятся переводы из дипломной работы А. Ларионовой.

Одну из стиливых особенностей данного рассказа составляет обилие изобразительно-выразительных наречий, в том числе, звукоподражаний, «удвоенных» слов, представляющих собой трудности для адекватного перевода, и обойтись без потерь в этом случае почти невозможно. К примеру, в тексте использованы такие словообразы, как: «*лор-лор серекъямон*», «*сюлэмеэ дрк-дрк шудэ, ымдурыз мынь-мынь кошке*», «*Чока гызыр-гызыр луса кошкыз*», «*Дэремёссы шур-шур каре*», «*зёк интыёсы на́ч-на́ч пуксемын*», «*Калык трос, мыд-мыдлань ветлэ. Лыдзыса-лыдзыса уд быдты*», «*учкыса-учкыса кётыд уз тыр*», «*кунгыр-мангыр гожтэмёс*» и др. В ряде случаев мы наблюдаем искусный перевод словообразов, воспроизводящих слуховое или визуальное восприятие героя:

Оригинал

«*Дэремёссы шур-шур каре – сюбег, зёк интыёсы на́ч-на́ч пуксемын*» (с. 377).
«*Калык трос, мыд-мыдлань ветлэ. Лыдзыса-лыдзыса уд быдты. Пумыз ик уг адскы*» (с. 377).

Перевод

«Платья носят узкие – спереди и сзади все обтянуто, ходят-
шуршат подолами» (с. 40).
«Народ снует туда-сюда, всех не пересчитать. И людской реке ни конца ни края не видно» (с. 40).

Однако есть и такие переводческие решения, когда произведенные замены не всегда точно или полно передают все эмоционально-чувственные оттенки переводимых словесных образов:

Оригинал

«*Азьлон туж ём паймытэ вал, лор-лор серекъямон*» (с. 374).
«*Сюлэмеэ дрк-дрк шудэ, ымдурыз мынь-мынь кошке*» (с. 374).

Перевод

«Раньше она часто его удивляла,
до слез, бывало, смеялись» (с. 37).
«От придумки своей Паримон
прыснул от смеха» (с. 37).

Особую сложность для перевода составляют авторские изобразительно-выразительные наречия, например, «*чусрак каро*», который в нижеприведенном примере перевода оказался опущенным, поскольку, действительно, его трудно воспроизвести адекватно:

Оригинал

«*Бордаз зырзиськем нылёс мылкыдэ чусрак каро: Паримон пиналмыса ик кошке*» (с. 377).

Перевод

«Заденет его ненароком девица, так он будто душой молодеет» (с. 40).

В следующем случае, на наш взгляд, был бы более уместен буквальный перевод сравнения «*пери кадесъ*» – как злые духи, поскольку подразуме-

меваются не шум машин, а имеются в виду их пугающе-лихие скорости; во-вторых, данное уподобление соответствует традиционному мироощущению персонажа. Восприятие героем движения как сумасбродно-бешеного усилено в оригинале рассказа за счет такой натуралистической детали, как «*йырзэ ик жутто*». На наш взгляд, это интересный образ, передающий телесные ощущения героя (как будто отрывают / срывают голову), и, возможно, следовало поискать способы его передачи:

Оригинал

«Машинаёс пери кадесъ, отчыяз ик лёгалозы. Паримон дортй кошкыкузы, йырзэ ик жутто» (с. 377).

Перевод

«Мимо него с шумом проносятся машины, промедлишь – задавят» (с. 40).

Следующий пример демонстрирует удачное восполнение детали, передающей религиозное мироощущение героев. После окончания работы все члены семьи произносят: «*Кайта араны кужымзэ нош сёт!*», «*Кайта араны кужмо мед луомы!*» (с. 375). Слова имеют заклиательный смысл, однако в оригинале текста адресат обращения не обозначен. Переводчик, ориентируясь на русскоязычного читателя, его конкретизирует: «Инмаре» («Инмаре, дай сил на жатву и в следующем году!», с. 37).

Остановимся на некоторых случаях соотношения грамматического строя оригинала и перевода произведения.

Для автора в данном рассказе характерна поэтизация крестьянского труда, и одним из способов является изображение олицетворенной природы. В переводе есть случаи, когда природная «субъектность» сохранена, иногда – перенесена на человека / на героев, и, в результате, художественная выразительность несколько теряется:

Оригинал

Аран быриз... Витен-витен куям культо чумолёлы берыктійськиз (с. 375).

Перевод

Жатву завершили... Лежавшие вразброс снопы сложили в копны (с. 38).

Переводческие приемы, предпринятые относительно синтаксиса, касаются, в частности, трансформации предложения, построенного по принципу зеркальной симметрии:

Оригинал

Паримонлы Чока кельше; Чокалы Паримонзэ кельше (с. 375).

Перевод

Паримону как и прежде нравится Чока, а Чоке мил ее Паримон (с. 38).

Прием «перевернутой», зеркальной симметрии, как нам кажется, следовало сохранить, т. к. это сознательный прием автора, и он, в том числе, подчеркивает «обращенность» героев друг на друга, кроме того, соответствует естественной простоте персонажей.

В ряде случаев в переводе использованы синтаксические стяжения, например, двух предложений в одно, и это как будто бы оправданно, но в некоторых случаях они изменяют темпоритм и акценты:

Оригинал

*Вал кемалась басьтэмзы потэ.
Вить ар дасясько уни (с. 375).*

Перевод

Пять лет уж мечтают о лошади
(с. 38).

В оригинале два предложения усиливают друг друга, в переводе происходит «ослабление».

В следующем примере короткие предложения детализируют психологическое состояние героя, в переводе они представлены в более общем виде:

Оригинал

*Котьмалы пайме. Аслаз синмызлы
уг оскы. Мылкыддэз лёгемезлы
быдэ воштйське. Кытйяз йыркузэ
лёптоно кадь луэ, кезьыт басьтэ.
Кытйяз сюлэмез вырт-вырт
тэтча, пёсяса ик кошке
(с. 376–377).*

Перевод

Все-то ему удивительным кажется,
озирается, глазам своим не верит:
то в жар его бросит, то в холод
(с. 40).

По сути переведено верно, но степень напряженного состояния героя не передана в должной мере адекватно.

Насыщенная, экспрессивная образность, которая в оригинале произведения призвана транслировать крайнюю степень взволнованности Чоки, почти нейтрализована и в следующем случае:

Оригинал

*Гажан кузпалэзлэн ымысьтыз
возьмам пудо-живот потэм
бере, Чокалэн йырпесьтэраз
малпаськонъёс тэтчаса, сильтол
поттыса кошкизы (с. 375).*

Перевод

Чока услышала радостную весть,
и мысли ее понеслись ураганом
(с. 38–39).

Однако в данном случае следование использованному автором приему буквализации однозначно неприемлемо, не переводим и ори-

гинальный образ «йырпесьтэр», являющийся метафорическим перифразом.

Чаще всего, лаконично-емкие переводы, примененные А. Ларионой, оправданны:

Оригинал

*Кунгыр-магыр гожтэмъёс,
суредъёс но вань. Паримонлэн
син азяз, кизили кадь, тэтчало,
ворекъяло – лычсузьыны ик кутске*
(с. 377).

Перевод

Повсюду пестрят плакаты,
и мелькают объявления.
У Паримона от них в глазах рябит
(с. 40).

Заметим, что в данном отрывке использован авторский словообраз – «кунгыр-магыр», скорее, отражающий восприятие городских надписей неграмотным героем. Возможно, следовало попытаться найти какой-либо вариант его воспроизведения в русском тексте.

Как нам представляется, не совсем семантически точно переведена и следующая строка:

Оригинал

Коньдонзэ лыдъяз, вёсяськиз
(с. 376).

Перевод

Пересчитал деньги, спрятал
понадежнее и, перекрестившись,
переступил порог (с. 40).

Характеру героя не соответствует «прятать понадежнее»: он доверчив. Скорее, пересчитал он их не для того, чтобы «спрятать понадежнее», а чтобы знать количество. Кажется, точнее было бы перевести: «Пересчитал деньги, помолился».

В качестве примера, когда не передана крайняя степень эмоционально-чувственной реакции героя, можно привести следующие строки:

Оригинал

*Паримон чупано кадь ик потйз:
ымыз ик палъ кошкиз* (с. 378).

Перевод

Паримон засиял, растянулся
в улыбке (с. 41).

Речь идет об ощущениях, когда растерянный и потерянный в большом городе Паримон встретил отклик у молодого человека – своего будущего обидчика. Именно неадекватность восприятия данного субъекта, как друга, как доброжелателя, со стороны Паримона подчеркивает приведенная строка в оригинале рассказа, что в нужной степени не отражает перевод.

Переводчик иногда конкретизирует, проясняет суть оригинальных строк за счет добавлений, как бы «дописывания», что в большинстве случаев оправданно:

Оригинал

*Толчокын калык трос, кузили кадь
выро (с. 377).*

*Кышиноезлэн паймемез син аяз
пуксе (с. 374).*

*Коркаёс озгылэсь озгы чебер:
учкыса-учкыса кӧтыд уз тыр.
Жӱжытэсь – шлапаед усёз
(с. 377).*

Перевод

Толкучка похожа на муравейник.
Людей видимо-невидимо, пихают
Паримона в грудь и бока (с. 41).

Он уже представил эту картину:
она побледнеет, встанет, как
вкопанная... (с. 37).

Дома один другого краше –
не наглядеться. Высокие-е –
держи шляпу крепче, а не то
опрокинется (с. 40).

В последнем примере есть удачная находка переводчика – протяжность слова «высокие-е», однако уточнение «а не то опрокинется» нам представляется излишним, ибо в оригинале заключен только легко вычитываемый намек на это.

В целом, на наш взгляд, несмотря на неизбежные переводческие потери, рассказ в переводе на русский язык воспринимается достойно. А. Ларионова справилась с задачей: ее перевод точно воспроизводит характер героя, его разговорно-речевой портрет, яркий индивидуально-авторский стиль повествования.

Источники

Ларионова А. Н. Иван Дядюков «Педор Пашка». Григорий Медведев «Новый мир» (подборка рассказов) (перевод с удмуртского языка): дипломная работа. М., 2024.

Медведев Г. С. Сари вал // Сюрес вожын: веросьёсын бичет (1919–1935-тӥ арӥс). Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2010. 374–379-тӥ б.

Литература

Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методики их преподавания». 2012. № 2. С. 47–52.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Синтаксические средства экспрессивности в поэтическом творчестве Кузебая Герда

В статье рассматриваются особенности употребления экспрессивных синтаксических конструкций в поэтическом творчестве Кузебая Герда. Исследование продолжает предыдущую работу по анализу лексического уровня эмотивности его поэзии. Синтаксическими маркерами эмоций и чувств поэта явились такие стилистические приемы, как риторические фигуры, эллиптические конструкции, обособленные конструкты, парцелляция, транспозиция, графические средства и др. Синтаксические эмотивы складываются в систему бинарных оппозиций «радость – печаль и гнев».

Ключевые слова: поэзия Кузебая Герда, экспрессивность текста, синтаксические маркеры, мировоззрение.

Проблема экспрессивности текста всегда привлекала внимание ученых и до сих пор остается предметом дискуссий и рассматривается исследователями в разных аспектах и на разных уровнях языковой системы: фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Лексический уровень эмотивности поэзии Кузебая Герда рассматривался в статье «Эволюция творческого метода Кузебая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии» [Бусыгина 2020]. Был проанализирован частотный рейтинг лексем поэтических текстов Кузебая Герда. Согласно нашим исследованиям, мир его эмоций оказался представленным десятью (из принятых 12) базовыми эмоциями: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение и презрение, страх, стыд и смущение, вина, любовь. В работе мы опирались на классификацию психолога К. Изарда, который выделяет 12 базовых эмоций [Изард 1999: 109].

Семантическое поле эмотивности стихотворений Кузебая Герда включает лексические единицы различных частей речи. Но функциональная нагрузка в большей степени приходится на глаголы (при номинативном характере всего словаря [Бусыгина 2009: 211]). Преобладают глаголы тематических групп «любовь» и «печаль» – по 30 и 26 лексических единиц соответственно (об этом см.: [Бусыгина 2020: 37]). Лексическая манифестация эмотивных смыслов его образного мира, легко складывающаяся в систему бинарных оппозиций: «любовь – неприязнь»,

«радость – печаль» и т. д., а также гибкость, подвижность эмотивных смыслов образной системы Кузубая Герда подтверждают индивидуально-авторскую специфику выражения эмотивных смыслов. Маркеры эмоций и чувств поэта отражают эволюцию его творческого метода, его мировоззрения (см.: [Бусыгина 2020: 40]).

Но «недостаточность одного языкового средства для передачи сложных эмоциональных состояний» (синсематизм) (см.: [Фаткуллина 2003]) требует исследования реализации эмоций на синтаксическом уровне.

Основными грамматическими категориями эмотивного синтаксиса являются обособление (изменение логико-семантических отношений между членами предложения), транспозиция (морфосинтаксическое переосмысление функциональной значимости элементов предложения) и парцелляция (разрушение (расчленение) структуры предложения) [Турбина 1994: 191]. В эмотивных предложениях чаще всего все три данные категории сочетаются, дополняя и уточняя друг друга. Для их выражения в эмотивном синтаксисе развиваются специфические грамматические средства, оформляющие эмотивные фразы и предложения.

Являясь минимальной схемой произведения, особую экспрессию в поэтическом тексте несет заголовок. Одним из эффективных способов придания экспрессивности заголовку являются риторические фигуры. В них аккумулируется множество разных чувств и эмоций: радость, печаль, удивление, растерянность, надежда, страх, любовь и т. д.

Кузубай Герд в качестве названий стихотворений активно использует риторические обращения: «Э, куанер калыке» («О, мой бедный народ»), «Гажан эше!» («Дорогой друг!»), «Ой, крезьёсы» («Ой, вы мои гусли»), «Ой, эше!» («Ой, мой друг!»), «Зеч-а, выль удмурт кырзан!» («Здравствуй, новая удмуртская песня!»), «Эй, пионеръёс!» («Эй, пионеры!»). В большинстве случаев это конструкции с междометиями *э*, *ой* и *эй*. Междометия и восклицательный знак позволяют репрезентировать эмоциональную составляющую высказывания: в ранних стихотворениях это – чувство сожаления и боль за свой угнетенный народ, в более поздних – радость и надежда на светлое будущее.

Риторические восклицания в заголовках реализуют аппеллятивную (воздействующую) функцию, побуждают или призывают к каким-либо действиям: «Эн вера мыным!» («Не говори мне!»), «Эн тышкаське!» («Не ругайте!»), «Визьтэмесь эн шу!» («Не называй глупыми!»), «Султэ!» («Вставайте!»), «Дась лу!» («Будь готов!»), «Сётэ выль кырзанъёстэс!» («Дайте новые песни!»), «Тон жутскы вилэгес!» («Поднимайся ты выше!»). Такие формы поэт использует для усиления драматизма ситуации.

Внимание привлекают названия стихотворений, где обозначены субъект и адресат речи: «Удмуртлыглы» («Удмуртскому краю»), «Удмурт поэтлы» («Удмуртскому поэту»), «Эшелы» («Другу») и т. д. Для этих тек-

стов характерны многократные прямые обращения. Это чаще обращения к друзьям, к народу:

*Эн бөрд, эн бөрд чик юнме, пинал эше,
Эн кышка котырад пеймытысь, юлтоше!*
[Герд 2001: 103].

Не печалься, не плачь, мой юный друг,
Не бойся, друг, темноты вокруг!¹

*Э, куанер калыке, э, шудтэм калыке,
Тынэсытыд шудтэмеэ вань меда кытын ке?*
[Герд 2001: 25].

Ой, мой бедный народ, ой, несчастный народ.
Есть ли где несчастливее тебя?

<i>Ой, эше, Юлтоше – Эн тушмона Узырлы...</i>	<i>Ой, друг мой, Товарищ мой – Не завидуй Богатству...</i>

[Герд 2001: 138].

Для придания выразительности понятиям, образам, характерам Герд активно использует абстрактные обращения, усиливающие чувство одиночества: *Ой, крезьёсы, крезьёсы, / Чебер, шулдыр крезьёсы...* (О, гусли мои, гусли, / Красивые, веселые гусли...); *Шуд!* / *Кытын-о тон?* / *Кытычы луйд?* (Счастье! / Где ты? / Куда затерялось?); *Эй тон, уйшор тёл,* / *Малы тон ми доры / Милесьтым юатэк лыктіськод?* (Эй ты, северный ветер, / Почему ты к нам / Приходишь, без нашего разрешения?), *Тон,* / *Мусо заводэ* (Ты, / Мой милый завод).

Использование притяжательной формы в обращениях придает стихотворениям характер личного, но в то же время открытого, доверительного разговора с адресатом. Примечательно использование однородного ряда обращений:

<i>Тй, Кыче ке но узыр но чебер улонэз</i>	<i>Вы, Какую-то богатую и красивую жизнь</i>
<i>Кырзаны дышемъёс, Нуныяськыса,</i>	<i>Привыкшие воспевать, В ласке,</i>

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Л. Б.

*Пэдыгьяськыса,
Шудыса,
Зарни юртъёсын будэмъёс, –
Тй эн тышкаське...*

*Избалованные,
В развлечениях,
Выросшие в золотых домах, –
Вы не ругайте...*

[Герд 2001: 51].

Таким образом поэт старается дать наиболее полную характеристику адресату. В этих однородных рядах аккумулируется и эмоциональная, и интонационная градация, что придает стихотворению особую динамику.

В поздней лирике Герда характер обращений меняется. Чаше это – обращения к самому себе или к «ты» (*тон*). Именно ты, потому что замечания, изречения лирического героя обращены вовне, характеризуют события, работу людей, отношение к ним:

*Тон,
Мусо заводэ,
Милемын
Ог сюлмын
Улйськод,
Ог лулын
Шокаськод...*

*Ты,
Милый завод,
С нами
Единым сердцем
Живешь,
Единой душой
Дышишь...*

[Герд 2001: 164].

*Тон
жэутскы
вылэгес!
Тон
гудырты
юнгес!
Зырдам
андан
молот!*

*Ты
поднимайся
выше!
Ты
греми
сильнее!
Накаленный
стальной
молот!*

[Герд 2001: 268].

Обращения здесь использованы не столько в своей основной функции – привлечь внимание к тексту, сколько отражают отношение автора к лирическому адресату. Обращением к «ты» поэт показывает свою близость, расположение к нему, передает свою радость и восхищение от происходящих в стране великих перемен.

То есть обращения в поэтических текстах Герда полифункциональны, они не только называют адресата произведения, но и несут большую эмоциональную нагрузку: передают оценку и отношение автора к геро-

ям, к событиям, служат для усиления выразительности текста, являются средством формирования текстовой структуры.

Иногда заглавия стихотворений Кузебая Герда включают в себя намек на предполагаемого читателя, апелляцию в форме вопроса: «Марлы соосыз яратйсько?» («Почему их люблю?»), «Ой, марлы-о?» («Ой, почему?»), «Мар-о со?» («Что это?»), «Мар-о карод?» («Что делать?»), «Комсомолэ, оло, пырид?» («В комсомол что ли вступил?»). Вопросительный знак в названиях стихотворений аккумулирует в себе сомнение, растерянность, особую эмоциональную напряженность.

В ранний период творчества Кузебай Герд активно оперирует вопросительным знаком. Есть целые стихотворения-вопросы:

*Тодскоды-а, удмуртъёсы, кин-о мон, тii тодскоды-а?
Адыми-а, турагай-а, çуж саська-а, Кам шашы-а?
Инмын жсуась кизили-а, тёллери-а, куректон-а?
Бу тулкым-а, чебер вёт-а, бубыли-а, шумпотон-а?*

[Герд 2001: 82].

Знаете ли вы, удмурты, кто я?
Человек ли, жаворонок ли, желтый цветок ли, осока ли?
Звезда ли, горящая на небе, ураган ли, страдание ли?
Волна ли, красивый ли сон, бабочка ли, радость ли?

Но вопросы в тексте не реализуют вопросительной функции в полной мере, они являются способом создания образа лирического героя. Они соотносимы с риторическим вопросом, которому характерен глубокий подтекст.

Еще одним средством синтаксической экспрессивности в заголовках становится умолчание. Оно характеризуется внезапным обрывом повествования, недосказанностью, что побуждает читателя к сотворчеству: он должен додумывать конец или же найти продолжение в самом тексте: «Ой, тырос» («Ой, много»), «Чик юнме быро» («Зря погибают»), «Уг лэзы» («Не разрешает»), «Огнам ветлй» («Один ходил»), «Кошком» («Уйдем»), «Кышкатэк, юн оскыса» («Бесстрашно, твердо веря»), «Пыддэс, юлтошъёс» («Ногу, друзья»), «Юн-юн пыддэс лёгыса» («Твердой поступью»), «Ужаны!» («Работать!»), «Вуоз» («Придет»), «Вылэ» («Вверх»), «Батырлэн кадъ кужмы луысал ке...» («Если бы сила была богатырская...»), «Мед луоз вал...» («Пусть бы был...»), «Мон кёня пол каргай ини...» («Сколько раз я уже проклинал...»), «Мон луысал ке...» («Если бы я был...»), «Вань вал милям...» («Был у нас...»), «Нош тон, сюлмы?» («А ты, сердце мое?»). Часто такие названия оформлены многоточием. В эмоциональных паузах появляется подтекст – предоставлен-

ный читателю шанс стать сотворцом. Читатель должен развить мысль, увидеть то, что написано между строк. Конечно, эмотивное наполнение многоточий выявляется из контекста, но оно позволяет передать чувства, которые слова не всегда могут выразить. В заголовках Герда – это недосказанность, неуверенность, недоверие, сожаление. Но умолчание способно подчеркнуть многозначность, углубить смысл высказывания: «Мон луысал ке...» («Если бы я был...»), «Батырлэн кадь кужмы луысал ке...» («Если бы сила была богатырская...»). В данных названиях недосказанность сопрягается с чувством ожидания. Сослагательное наклонение глагола *луыны* (быть) – *луысал ке* (был бы), – организует семантику условности, дает простор для читательской интерпретации.

Довольно часто в заголовках Кузеева Герда встречаются эллиптические конструкции, представляющие собой предложения без глагольного сказуемого: «Мон – удмурт» («Я – удмурт»), «Асьмеос – вынъёс» («Мы с вами – братья»), «Жадытэк – жугиськон» («Без устали – борьба»), «Туннэ – ёуказе» («Сегодня – завтра»), «Мон – парсь» («Я – свинья»); «Ми – гыриськом» («Мы – пашем»), «Ожлы – дась лу!» («К борьбе – будь готов!»), «Мон – кизисько гинэ!...» («Я – только сею!...»). В таких заголовках роль тире также выходит за пределы традиционной пунктуации, передавая оттенки эмотивности языка. Тире в заголовках стихотворений Герда подчеркивает решительность, смелость, настойчивость. Иногда пропуск вербальной единицы предложения может передавать ситуацию неожиданности, например, «Мон – парсь» («Я – свинья»). Такие названия своей краткостью, лапидарностью, незавершенностью больше привлекают читательское внимание.

Примечательно, что в названиях стихотворений Герда встречается инверсия: «Вуоз нунал!» («Настанет день!»), «Вань вал милям...» («Было у нас»), «Някыръяське тōды льōмпу сяськаед» («Нагибается белый цвет черемухи»). Поэт обращается к инверсии для придания названиям большей яркости и ошутимости.

Более того, в последнем названии эмотивную функцию расширяет выделительная, усилительная функция притяжательного суффикса *-ед* в слове *сяськаед* (твой цветок). Здесь слово *сяськаед* не несет значения притяжательности, но имеет место быть *транспозиция*, перенос языковой формы. На основе инверсии, повторов и использования одной языковой формы в функции другой формы создано все стихотворение:

*Някыръяське тōды льōмпу сяськаед,
Каньылля жечыра бадьпу куаред,
Някыръяське, някыръяське зыбка сюрyed,
Кōкыын жечыра чебер нуныед.*

[Герд 2001: 16].

Нагибается белый цвет черемухи,
Тихонечко качаются листья ивы,
Нагибается, нагибается шест колыбели,
В колыбели качается красивое твое дитя.

Подобные явления транспозиции у Герда встречаются не так часто, но поэт использует их при выражении особого отношения к чему-либо.

Инверсию и повторы Герб использует и в тексте для выделения признаков особой значимости, для внесения дополнительной предикации, например:

Нюлэсэз корало... Корало туж пинал, туж чебер нюлэсэз. (Рубят лес... Рубят очень молодой, очень красивый лес).

Через образ зеленого леса, через идею о том, что в умирании дерева – начало жизни леса, поэт передает мысль о бесконечности творческого процесса, о бессмертии того наивысшего, надматериального – духовного начала. Поэтические фигуры позволяют управлять вниманием читателя, направляя его на ключевые моменты текста, управлять восприятием сюжета или идеи.

Высокой эмотивностью в поэзии Герда обладают обособленные конструкции, такие, например, как деепричастные обороты в роли уточняющего обстоятельства:

*Жытазе,
Шунды пуксьыку,
Їыж-чыж пилемъёс сяськаяськыку...*

[Герд 2001: 31].

Вечером,
Когда солнце садится,
Когда красным-красно зацветают облака...

Или обособленные причастные обороты, выполняющие синтаксическую роль обособленного определения, например:

*Тон – тыл,
Та урод улонэз,
Пеймыт дуннез
Сутыса быдтйсь тыл!*

[Герд 2001: 119].

Ты – огонь,
Эту плохую жизнь,
Темный мир
Сжигающий огонь!

*Гажан эше, зарни эше,
Тырос ужаса жадем эше!*

[Герд 2001:64].

Дорогой друг, золотой друг!
Уставший от работы друг!

Обособление связано с усилением смыслового и эмоционального содержания предикатов. Они воздействуют на воображение читателя и способствуют формированию новых смыслов и ярких образов.

Обособление порой сопровождается полной или частичной парцелляцией, например:

*Урыс. Кортнэт. Сермет.
Ожмем бусы. Керемет...*

Плетка. Удила. Узда.
Запущенное поле. Керемет...

[Герд 2001: 216].

Здесь назывными предложениями поэт создает картину прошлой жизни удмуртов.

Прием расчленения фразы на отдельные слова автор использует и при изображении новой жизни:

*Дась-а
усы?
Машина?
Плуг?
Геры?*

Готова
борона?
Машина?
Плуг?
Соха?

[Герд 2001: 341].

Парцеллируемые слова обычно отделяются друг от друга точками и восклицательными знаками. Герд использует и вопросительный знак при соблюдении всех остальных синтаксических и грамматических правил, а также активно применяет и многоточие:

*1924-тй ар...
21-тй нунал,
январь...*

*Нош ик
Муско...
Толалтэ...*

1924 год...
21-й день,
январь...

Снова
Москва...
Зима...

[Герд 2001: 274].

Эмоциональные паузы, отмеченные многоточием, играют в тексте важную смысловую роль. Парцелляция используется для передачи ощущения времени. Его течение как бы замедляется, фиксируется по частям, оно словно разбивается на отдельные промежутки. В многоточиях, возможно, – недосказанность, неуверенность, недоверие? Или просто предоставленный читателю шанс стать сотворцом? Графическая разбивка напоминает «прием чередования «немного» ряда зрительных образов и кинотитров» (см.: [Смирнов 1977: 112]).

Новый взгляд поэта на действительность определяет и новаторские подходы в творчестве, что отразилось в стремлении к изысканной форме, к графическому рисунку стиха («Керемет», «Аэроплан», «Мон – парсь» («Я – свинья») и др.), к графической разбивке строк («Бригадир кырзан» («Песня бригадира»), «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») и др.), в чем проявилось влияние творчества русских поэтов В. Брюсова и В. Маяковского.

Оппозиционная картина мира Кузубая Герда нашла отражение в такой риторической фигуре, как хиазм. Противостояние разделенного мира, оппозиция родное / чужое идет по диагонали, образуя хиазм:

<i>Та сьӧд-сьӧд шимес нуналъёсы,</i>	В эти черные-черные
	устрашающие дни,
<i>Та шимес сьӧд-сьӧд нуналъёсы –</i>	В эти устрашающие
	черные-черные дни –
<i>Пинал пиос шур сьӧрын юмшало,</i>	Молодые парни за рекой гуляют,
<i>Шур сьӧрын лекрутъёс кырзало.</i>	За рекой рекруты поют.

[Герд 2001: 48].

<i>– сьӧд-сьӧд шимес – – – –</i>	– черные-черные устрашающие – – – –
<i>– шимес сьӧд-сьӧд – – – –</i>	– устрашающие черные-черные – – – –
<i>– – – – шур сьӧрын – – – –</i>	– – – – за рекой – – – –
<i>шур сьӧрын – – – – –</i>	за рекой – – – – –

Посредством крестообразного изменения последовательности элементов в двух параллельных рядах слов автор передает разрушенную гармонию деревенской жизни, усиливает эмоциональное восприятие картин крушения привычного мира.

Таким образом, Кузубай Герд, используя экспрессивные возможности пунктуации, создает свой особый художественный мир, в котором наиболее эмоционально окрашенными явились восклицательный и вопросительный знаки, запятая, тире и многоточие. Пунктуация, не выражая каких-либо эмоций, участвует в передаче сложных эмоциональных состояний.

Поэтический синтаксис, организующий фигуры поэтической речи, содействует возрастанию эмоциональности и образной выразительности высказывания. Необычные, нестандартные, характерные только Кузубаю Герду соединения слов, придают его поэтическим произведениям особое своеобразие, «большую силу эмоционального стимулирования, повышают эффектность и доступность текста» [Биджелова 2017: 133]. Синтаксические маркеры эмоций и чувств поэта, как и лексические, отражают эволюцию его мировоззрения. Эмотивный синтаксис складывается в систему бинарных оппозиций «печаль и гнев – радость».

Источники

Герд К. Люкам сочинениос: куать томен. 1-тй т.: Кылбурьёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 2001. 352 б.

Литература

Биджелова Б. А. Инверсия как отражение особенностей индивидуального стиля автора (на материале стихотворных произведений Ф. Г. Клопштока и И. В. Гете и их переводов на русский и осетинский языки) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 133–136.

Бусыгина Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузебая Герда. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. 248 с.

Бусыгина Л. В. Эволюция творческого метода Кузебая Герда через призму эмоций и чувств его поэзии // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 34–42.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 204 с.

Турбина О. А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты. Челябинск, 1994. 269 с.

Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа: РИЦ БГУ, 2003. 268 с.

УДК 82.0(091).82-14

О. С. Зиявадинова

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Эволюция темы природы в художественном мире И. Г. Торопова¹

Статья посвящена раскрытию натурфилософских истоков в творчестве коми прозаика как направления в литературе, культуре в целом для выяснения сущности этнической культуры. Исследована эволюция темы природы, демонстрирующая систему натурфилософских координат в сознании коми писателя XX в., его полемический диалог с эпохой и собственными духовными

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (рег. № 122040800170-7).

интенциями. Рассмотрена художественная философия природы как совокупность философских попыток толковать и объяснять природу с целью познания связей и закономерностей явлений природы. Выявлены натурфилософские концепции и философские системы, повлиявшие на их формирование, исследована специфика образного мышления, отраженная в поэтике природоописаний. Рассмотрены основные мировоззренческие аспекты воплощения темы взаимоотношений природы и человека: комплекс философских, социальных, экологических, эстетических идей, принципы их художественного изображения.

Ключевые слова: коми проза, И. Г. Торопов, человек и природа, пейзаж, натурфилософия, национальный мир коми, традиционное мировоззрение.

И. Г. Торопова (1928–2011) – художника огромного гуманистического дарования, одного из крупнейших писателей России, – ставят в один ряд с такими признанными писателями, как Ю. Шесталов, А. Тимонен, Г. Красильников, В. Баталов [Микушев 1986: 249]. «Тэрыб Кок» («Быстроногий», 1969), «Кодзувкоткар» («Муравейник», 1974), «Арся сыланкыв» («Осенняя песня», 1976), «Тян» (1982), «Оштö эн лый кыкысь» («Не стреляй в медведя дважды», 1988) посвящены теме природы и человека, их взаимным связям. В художественном мире И. Г. Торопова осознается потребность «восстановить» природу в своих правах, пробудить в человеке его «прапамять», в которой хранится «воспоминание» о первоистоке. Проза автора раскрыла образ деревенского человека, особенностью которого является погруженность в мир природы, привязанность к родному дому, родным полям, реке и лесу, единство ритма человеческой жизни с жизнью природы, вписанного в природный миропорядок, унаследовавшего многовековую народную нравственность. Обратившись к основам бытия человека, эта проза не могла не задуматься над вечными вопросами: о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, его взаимоотношении с природой. Основополагающим в понимании природы коми писателем является философское ее осмысление, она реализуется в природоведческих наблюдениях, пронизанных ощущением красоты и гармонии природного мира, идей родственного внимания человека к природе.

Произведения И. Г. Торопова, посвященные концептуальным проблемам современности: состоянию природной среды, отношению к ней человека, укладу жизни и связанной с ним ментальности северного человека, образуют неотъемлемую часть литературного процесса XX столетия и представляют большой интерес для исследователей. Мифологическое воплощение темы природы в прозе рассматриваемого нами автора позволяет выявить национальную самобытность, глубинные пласты ду-

ховной и материально-бытовой национальной жизни в художественной литературе и фольклоре, культурологические аспекты изучения поэтики природоописаний. Изображение нестабильного состояния мира, распадающихся связей, дисгармоничного существования побуждает писателя искать в мифе онтологические, этические опоры. На ранних этапах истории человечества мифология представляла различные идеальные модели взаимоотношений человека и природы. Миф стал первоначальным воплощением высшего идеала космического единства и гармонии природы и человека.

Избранный ракурс интерпретации произведений, их интегративность (актуализация совокупности архаических мифов о вселенском равновесии, о диалектическом развитии мироздания, об истоках бытия, мироздания, о влиянии природы на национальный характер и национальные эстетические представления) позволяет совместить природный, культурологический и литературоведческий аспекты анализа текстов. Исследование предпринято с целью выявить специфику мифологического воплощения темы природы в произведениях коми авторов, своеобразие воспроизведения и моделирования мифологического течения современной литературы. Изучение мифопоэтики, роли и особенностей функционирования мифа в коми прозе позволяет во всей полноте выявить своеобразие национальных художественных традиций, общность, восходящую к универсалиям мифомышления.

И. Г. Торопов, ратовавший за сохранение национальной самобытности жизни, связывает благополучность исторического пути Коми края с традиционным патриархальным укладом и крестьянской духовной культурой. Он размышляет о национальном миропорядке в философском плане, видит основу национального духа в народном мирозерцании коми, порожденном языческой эпохой. Культовое отношение к миру природы позволяет прозаику создать «авторский» миф жизни с опорой на национальные традиции мифологизирования, имеющие универсальный характер.

В повести «Тян» представлены две разные точки зрения на сущность жизни. Содержательна и мудра жизнь солдат Ивана, которая служит утверждению и продолжению на земле ее лучших начал: сохранить лучшее в жизни, передать его по наследству новым поколениям. Ценная и привлекательная черта в облике тороповского героя – чувство человеческого достоинства, нравственная чистота, это проявляется в сцене, когда через много лет вновь происходит встреча двух непримиримых врагов солдат Ивана и Бисина, который браконьерски пользуется дарами природы. Он расставил петли, в одну из которых попала мать-лосиха и погибла. Солдат Иван не может простить ему этого убийства, два потомственных охотника стреляют друг в друга и погибают, драматическая

ситуация жизни разрешается смертью. В повести сталкиваются два потока жизненных обстоятельств, солдат Иван с Бисиным ровесники, природа наделила и наградила каждого талантом, оба они потомственные коми охотники, которым нет равных, а итоги получились разные.

Образ героя является примером удачной художественной реализации национального характера коми человека, коми-охотника, знатока Пармы, солдат Иван – это лесной человек, потомственный коми охотник, знающий повадки птиц и зверей, он по-настоящему близок природе. Герой повести является достойным продолжателем дела легендарного Тяна, мудрого охотника Йиркапа, богатыря Перы [Гудырева 2005: 46]. В связи с этим сюжет произведения обогащен легендами, преданиями, прямыми и опосредованные мотивы которых не только создают национальный колорит повести, но и непосредственно участвуют в развитии концепции произведения. Повесть «Тян» можно назвать «поэтическим гимном охотнику, его смелости, отваге» [Микушев 1986: 267], сберегающего отношения к окружающей среде, таким предстает солдат Иван, таким же был и другой легендарный солдат Тян, давший имя местному краю, лесной речке. Форма народного предания, включенная в текст повествования, придает сказовый характер всему произведению; предание о Тяне, введенное в повесть, выступает своего рода «вставным текстом», который становится репрезентантом смысловой доминанты повести.

Гуманистический смысл во взгляде на окружающий животный и растительный мир представлен в повести «Арся съыланкыв». Повесть открывается описанием затянувшейся, хмурой, мрачной весны. Экспозиция произведения выполняет, по сути, предсказательную, судьбоносную функцию – готовит читателя к предстоящей драме. Именно в такой день Питирим, один из главных героев, встречает Степана Федоровича, человека, прошедшего войну, как и Бисин из повести «Тян», но безжалостного по отношению к миру природы, ее красоте, богатствам и дарам. В начале повести автор призывает читателя прислушаться к звуку произведения. Хотя само повествование еще не начато, не намечена еще коллизия, по сути, читатель уже улавливает общее настроение, которое определяет восприятие всего текста в целом. В описании затянувшейся весны ощущается тревожное состояние повествователя. Его душевное волнение, напряжение не исчезнет на протяжении всего развития действия в произведении. Более того, оно будет усиливаться. Природа тоже как бы предчувствует опасность, беду, разбушевавшаяся Печора предчувствует катастрофу, ей придают масштабы вселенского потрясения. Писатель изображает в повести бунт природы, возмущенной бесцеремонным вмешательством человека. В реализации авторского замысла большое значение приобретает сон героини, который имеет вещий характер, в нем намечено будущее, Райде снится, что река Печора загорелась, потому что

в нее сливают нефть. «Сновидение, связанное с образом главной героини, связывает сон с будущим, оно отражает ее душевную борьбу, говорит о том, что происходит с Райдой, которая по-особому, возвышенно ощущает красоту родной земли, с другой – о том, что с ней произойдет, в одном сновидении произошло соединение психологического и вещего смыслов» [Зиявадинова 2013: 97]. Сон, включенный в сюжет повести, вносит лирическую струю в повествование, является его неотъемлемым структурным элементом, помогает глубже понять переживания героини, ее внутреннее состояние. Сновидение эмоционально насыщено, что подчеркивается соответствующей лексикой. Крик, плач – все это придает эмоциональную окрашенность и экспрессию. Образ пламени указывает на предстоящую опасность: огонь – это вселенская катастрофа, он включается в формулу гибели человечества. Из содержания сна очевидно, что существует некая угроза уничтожения живой прекрасной жизни. Стихия огня, несущая гибель, оказывается негативной, разрушительной силой [Зиявадинова 2013: 98]. И. Г. Торопов изображает реку как живое существо, образ загрязненной Печоры и рыб одушевлен не без мысли о родстве всего живого. Признак одушевленности понимается преимущественно как ответ социальной идеи, в этой роли он выступает в повести: пылающая Печора, кровавое зарево пожара символизируют социально-философское противостояние: природа – человек, где натура, ее целесообразность, истина резко противопоставлены «царю природы» с несправедливостью и оскорблением самого себя насилием, жестокостью.

В конце произведения описывается, как Степан Федорович губит маленьких утят жестоко и бездумно. Повесть завершается словами: «А юр весътаныс, зэв вылын сѡдз енэжас, шывкъяліс – гѡграліс сыръя борда Кѡзяин да, буракѡ, ас ногыс сераліс» [Торопов 1976: 108] («А над головой, высоко в чистом небе, бесшумно кружил Хозяин и, похоже, по-своему смеялся»; перевод подстрочный наш. – О. З.). Права в своей трактовке образа ястреба-Хозяина Л. В. Гудырева, которая сделала вывод, что он «символизирует могущество природы и призван следить за героями-гостями своего лесного царства» [Гудырева 2005: 43]. Более содержательным представляется смысловое наполнение данного образа Г. В. Беляевым, он считает, что ястреб является воплощением злого духа природы, который хочет взять что-то взамен у людей, губящих окружающий мир, поэтому его «смех» ужаснее и страшнее, чем горький плач [Беляев 1977: 108]. Степан Федорович, несущий тяжелый мешок с добычей, оказался затянутый болотом; автор, таким образом, подчеркивает, что природа имеет «всепокоряющее влияние», она – «невидимая космическая сила», перед которой человек абсолютно бессилен.

Значительное место в повести «Оштö эн лый кыкысь» И. Торопова отведено образу медведя. Произведение начинается с описания вторжения «железных механизмов» в естественную среду: деревья сбиты тракторами, земля вспахана. Медвежонок стал «устраиваться» в новом лесу, но он не может забыть прежнее место, вспоминает мать-медведицу, берлогу, где они жили. Автор вводит в ткань повествования рассказ о медведе, из которого нам становится известно, что много лет назад люди и животные жили вместе, понимали друг друга. Чувство природы в повести автора формируется преимущественно в плоскости духовной жизни героев, оно сосредоточено не только на образе земли, леса, но обнимает природу в целом и подчеркнуто связывается с мифическими представлениями о мире – о законах его строения, отраженных в этиологических, космологических мифах. И. Г. Торопова заставила обратиться к мифу философски осмысляемая им историческая ситуация – время разрушения жизненных укладов, трагического разлома устоявшегося мира. Образ медведя имеет мифологическую основу.

Писатель преследовал определенную цель в подобной творческой установке: «он стремился осмыслить природу и человека шире пределов настоящего мгновения, сопоставить современное состояние с некой “вечной” моделью, чтобы понять направленность человеческой истории <...>» [Гурленова 1998: 118]. Повествование в произведении, опираясь на мифологический образ, передает историю расторжения взаимосвязи человеческого общества с природой. В начале произведения природа – мир земной и небесный, животный и растительный изображается автором как гармоническое целое, слаженное единство. Далее рисуется трагический финал этого конфликта: медведь, символизирующий одухотворенность природы, оказывается бессилем перед железными механизмами нового времени. С уходом медведя из леса мифологическая история природы, с которой гармонично был связан патриархальный человеческий мир, поворачивает к своему завершению, и начинает твориться новая история, в котором место медведя занимает человек с топором, являющийся не защитником, а истребителем природы, а патриархальный мир сменяется индустриальным. Таким образом, создается универсальная оппозиция «прошлое / будущее, несущая ответы на философские, социально-нравственные, экологические проблемы, которая читается как время единства с природой / время разлада с ней, время природы / время железа, время гармонии человека и природы / время борьбы человека с природой» [Гурленова 1998: 142].

Писатель выступает как «мифотворец», находится в «мифологизирующем отношении к природе» [Вейман 1975: 263]. Он не просто использует отдельные мифологические мотивы и образы с определенными идейно-художественными целями, а подчиняет художественный мир

произведений мифологической проекции, восстанавливая логику мифологического мышления с опорой на архетипические образы и мотивы мифа: образы мирового дерева, мифологической модели мира, мифологического времени. С принципом мифологизирующего отношения к действительности связано особое отношение автора к самому мифу: он занимает позицию свободного мифотворчества, насыщая архетипические образы и мотивы новым наполнением, содержанием, преобразая их. С учетом сказанного мы называем художественное воплощение чувства природы в прозе И. Г. Торопова мифологическим.

Отметим, что образ топора в произведении является мифологическим замещением смерти и, если исходить из концепции А. Н. Афанасьева, он представляет нечистую злую силу: «...топоры... хрюснули весело сизыми ладонями, они пошли гулять-целовать: куда поцелуют – там смерть... Встал на бору железный стон» [Афанасьев 1865: 39–40].

Образ медведя занимает видное место в традиционном мировоззрении коми, следы его почитания видны во всех жанрах коми фольклора. К. Ф. Жаков в работе «Языческое миросозерцание зырян» пишет: «У зырян существовал культ медведя. Большую любовь и уважение питают зыряне к медведю. Крестьяне по рекам Пожег и Вымь утверждают, что медведь, кроме лица, точь-в-точь как человек, что он человеческого рода и понимает языки всех народов» [Жаков 1903: 79–80].

В коми фольклоре распространено название медведя *вõрса морт* (лесной человек). По представлениям зырян, он обладает человеческими качествами, поэтому охота на него связана с различными торжественными приготовлениями. Существует обычай после убийства медведя просить у него извинения. В «Этнологическом очерке зырян» К. Ф. Жаков описывает обряд *юм сибõдõм*: «Перед охотой на медведя в лесу охотники варят в котлах «юм» (сладкую кашу из ржаной муки). Этот «юм» нарочно оставляют на улице, перед «чом» (избушкой), чтобы медведь съел его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котел пуст, охотник молчит, никому не рассказывает о случившемся, иначе охота будет неудачной» [Жаков 1990: 323–333].

Многие исследователи отмечали тотемическую основу культа медведя. «Наиболее почитаемым животным у коми был медведь», – подчеркивала В. Н. Белицер [Белицер 1958: 323]. Ф. В. Плесовский указывал на использование медвежьей шкуры в свадебной обрядности коми-зырян [Плесовский 1968: 12]. Коми-пермяки до сих пор называют его «хозяйном леса» [Микушев 1986: 15–17]. У финнов существует поверье, что душа зверя такая же, как у людей [Микушев 1973: 8]. Ханты верят, что он одарен божеской силой и мудростью: «медведь был прежде человек-богатырь, который ходил часто в лес и раз, выбираясь из лесу, хотел перелезть через колоду, сняв одежду. Перелезши он увидел одежду похищен-

ной, а вместо того на нем выросла медвежья шерсть; однако он остался по качествам человеком и понимает человеческий язык» [Грибова 1975: 109]. В основе сюжетов рассказа «Тэрыб Кок», повестей «Тян» и «Оштö эн лый кыкысь» И. Г. Торопова лежит мотив «конца жизни» – дороги к смерти, характерной для похоронных причитаний: «Дорога к смерти – это судьба, жизнь не отдельного животного, человека, а всеобщая – природы, народа, общества в целом: исчезнут бобры их обитатели – опустеет, погибнет парма, уйдет в небытие коми охотник, знаток пармы, а вместе с ним и народ с вековым опытом лесной жизни, пониманием зверя, птицы, рыбы, умением хлеб растить на северной земле, растворится народ в общей безликой массе» [Микушев 1973: 61].

Включение традиционных мифологических образов, архетипов, позволяет коми авторам наделить текст многослойным содержанием, пробудить глубинную культурную память. Жанры и индивидуальные сюжетные построения многих произведений являются воспроизведением базовых мифологических формул. Анализ мифопоэтического наполнения литературных текстов дает возможность выявить скрытые семантические пласты, в результате которых произведения могут прочитываться с совершенно иной точки зрения, тексты превращаются в мифологическую реальность, построенную по законам бинарных оппозиций, мифологического синкретизма и символизма. Такой анализ способствует более глубокому проникновению в художественный мир автора.

Проблема взаимоотношений человека и природы имеет и собственно экологический аспект, важное место в ней занимает актуальная сегодня идея сохранения многообразия форм природной жизни как условия устойчивости природного мира. В повести «Оштö эн лый кыкысь» И. Г. Торопова развивается одна из постоянных в русской и коми литературе тем – тема гибнущего леса (А. П. Чехов «Дядя Ваня», «Вишневый сад», К. Ф. Жаков «Бегство северных Богов», Л. Леонов «Русский лес»), который изображен как основа жизненного уклада, символ исторической памяти. В повестях «Оштö эн лый кыкысь», «Арся сыланкыв», «Тян» экологическая тема развивается как тема браконьерства (лесничий Катша Мишка, Степан Федорович, Бисин). Автор создает картину бунта природы, характерную для экологически ориентированных произведений («Соть» Л. Леонова, например). Подобные картины выводят экологическую проблематику на уровень философского осмысления, чему способствует и язык универсальных символов, характерный для произведений экологической направленности.

Отказ от традиционных представлений в произведениях автора изображается как следствие тотального отчуждения человека от природы, а это последнее – как мировая трагедия. Вместо рухнувшей системы цен-

ностей не создается новая, а без этого не может быть равновесия между двумя крупными величинами земной цивилизации – природой и человеком. Мы можем сделать вывод, что в творчестве И. Торопова обнаруживаются тенденции к мифологизации, которые в целом были характерны для младописьменных и молодых литератур 1960–1980-х гг. Вызвано это, думается, стремлением монументализировать традиционное мироощущение, подчеркнуть «неправильность» современного развития (Ю. Шесталов, В. Санги, А. Ким, Ч. Айтматов).

В рассмотренных нами произведениях развита мотививно-образная система, создающая сквозной образ природы, содержатся развернутые природоописания. Тема природы реализуется в нескольких аспектах: социально-философском, нравственно-этическом, экологическом. Социальная функция природы в произведениях автора первична, выход ее на первый план объясняется спецификой изображаемой действительности – традиционным укладом жизни. Кроме того, писатель формирует природозащитную концепцию, имеющую просветительский характер. Просветительская цель выражается в создании идеальной человеческой личности, воплощающей «вечные» нормы отношения человека с природой. Идеальные люди – это «герои – хранители и созидатели», люди, ратующие за разумное пользование природой. Природное начало, осознаваемое как условие цельности человека и окружающего мира, в художественном мире автора выступает в качестве своеобразной ценностной шкалы, по которой оцениваются поступки героев. Позиция И. Г. Торопова во взгляде на окружающую природу осуществлена на основе философского понимания мира как взаимосвязанных сущностей, диалектически объединенных законом движения. Он не признает возможным автономное, самодостаточное существование отдельной части от целого, поэтому человек является важным, неотделимым от единой природной жизни элементом.

Литература

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. 736 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 393 с.

Беляев Г. В. Книгаын да олӧмын: статья чукӧр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 152 с.

Вейман Р. История литературы и мифология. М: Прогресс, 1975. 344 с.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975. 148 с.

Гудырева Л. В. Художественное своеобразие прозы И. Г. Торопова. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2005. 116 с.

Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1998. 179 с.

Жаков К. Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 461 с.

Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 68–84.

Зиявадинова О. С. Художественное своеобразие прозы И. Г. Торопова: Мир природы и человека // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 4. С. 96–100.

Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. 255 с.

Микушев А. К. На таежных просторах. М.: Современник, 1986. 304 с.

Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.

Торопов И. Г. Арся сыланкыв: Вөр-ва йылысь гижӧдъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 168 с.

УДК 811.511.131

Н. В. Ильина
*Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

К вопросу об использовании диалектизмов в удмуртской поэзии XX в.

Статья посвящена анализу особенностей использования диалектной лексики в удмуртской литературе второй половины XX в. в сопоставлении с тенденциями современных авторов. На основе анализа произведений Ф. Васильева, М. Федотова, П. Захарова, Б. Анфиногенова делается вывод о том, что использование диалектизмов в поэтическом тексте связано с мироощущением и эстетическими предпочтениями автора. Диалектизмы обладают высоким творческим потенциалом. Обращение к диалектной лексике позволяет автору идентифицировать себя с определенной этнической группой, приобрести более камерное звучание (Ф. Васильев, М. Федотов); в современной поэзии, ориентированной на транскультурные и полилингвальные практики, диалектизмы расширяют семантическое значение конкретной лексемы.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, диалектная лексика, лирика, местный колорит, ирония.

Традиционно принято считать, что использование диалектной лексики в художественной литературе связано с эпосом и драмой. Тем не менее в ограниченном количестве диалектные слова используются и в лирике. Выделяются авторы, которые соотносят себя с определенной локальной культурой и репрезентируют ее не только через речь персонажей, но и в лирической поэзии через речь лирического героя. Так, например, в русской литературе диалектная лексика представлена в творчестве Н. Некрасова, С. Есенина, О. Фокиной и ряда других авторов [Малышева 2005; Осипова 2022; Петров 2017]. Диалектная лексика обогащает поэтическую речь, репрезентирует этнокультурные особенности языковой картины мира, способствует сохранению традиционной культуры.

В удмуртской литературе о тенденции использования диалектизмов как стилистического приема можно говорить в отношении середины XX в., когда завершился основной этап оформления литературного удмуртского языка. Авторы указанного периода пишут на литературном удмуртском языке, стараясь избегать диалектных слов и выражений. В этой связи особо выделяется использование в поэзии лексических дублетов-синонимов диалектного происхождения. В частности, интересны опыты Н. Байтерякова, который использует лексемы *кӧлыны* ‘спать’ и *изыны* ‘спать’ в одном сборнике: *Уг изыы тӧл. Вож нуныез сямен / Кылбуреным сое кӧлын выдто* [Байтеряков 1962: 10]. ‘Ветер не спит. Словно новорожденного ребенка, / Своим стихом уложу его спать’; *Музьем кӧлэ. Улон гинэ уг кӧл* [Байтеряков 1962: 4]. ‘Спит земля. Лишь жизнь не спит’. Флор Васильев подхватывает эту традицию и пишет серию «колыбельных», в которых «поет колыбельные» различным объектам и явлениям окружающего мира: *Изыы, изыы тон но кыз. / Кызьпуос но тон вӧзын кемалась уни кӧло* [Васильев 1995: 635]. ‘Спи, спи, и ты, елочка. / Березы рядом с тобой давно уже спят’. Лексемы *кӧлыны* ‘спать’ и *изыны* ‘спать’ являются литературными, однако носитель языка безошибочно определяет их связь с разными диалектами удмуртского языка. Возможность использования того или иного дублета или же их сочетания в рамках одного стихотворения позволяет поэту решить несколько задач: это и подбор рифмующихся строк, избежание тавтологического повтора, придание большего благозвучия за счет сочетания с другими фонемами. Безусловно, для авторов этого периода важна также демонстрация возможностей литературного удмуртского языка в целом и своего творческого потенциала в частности. Поэты послевоенного поколения позиционируют себя сыновьями не только удмуртского этноса, но и России, для них важна идея единства и целостности, они обращаются к удмуртскому читателю вне зависимости от его диалектной принадлежности.

Новый этап обращения к диалектной лексике в поэзии манифестировал Флор Васильев, так как благодаря его творчеству в удмуртской поэзии полномасштабно прозвучала диалектная лексика северного наречия удмуртского языка. Лирический герой его поэзии – уроженец д. Бердыш на севере Удмуртии, что отражается также в топонимическом пласте художественных произведений: речка Мой, лес Шамашур и др. В этом контексте появление в поэзии лексики северного наречия удмуртского языка закономерно и естественно. Некоторые лексемы, репрезентирующие языковой континуум северного диалекта, встречаются в поэзии Ф. Васильева единично, другие слова отличаются высокой частотностью использования. Так, например, достаточно часто используется лексема *папа* ‘птица’: *Папаос но ёжог чалмытскизы* [Васильев 1995: 735]. ‘И птицы быстро умолкли’; *Уй пал папалэсь кырзамзэ / Кин ке быгатоз-а меда кылзыны?* [Васильев 1995: 625]. ‘Песню северной птицы / Сможет ли кто-то услышать?’; *Ми чошен, кыз улэ пуксьыса, / Папаен кырзалом на сйлым* [Васильев 1995: 611]. ‘Вместе, устроившись под елью, / Мы споем с птицей на добрые дела’. Лексема *зёк*, имеющая в литературном удмуртском языке значение ‘толстый’, используется в поэзии Ф. Васильева в значении ‘большой, крупный’: *Муръёын ыр төл вузэ шимес. / Зёк гурез кадь кысыны турттэ* [Васильев 1995: 774]. ‘В трубе страшно воет ветер. / Кажется, хочет погасить большую печь’; *Корка шорын төддьы зёк гур / Ёзез кадь йонъяське* [Васильев 1995: 755]. ‘Посередине дома большая белая печь / Красуется, словно гусь’.

В поэзии Ф. Васильева также широко представлена лексика, которая, несмотря на то, что в словарях не маркируется особой пометой, более характерна для северных диалектов, например, лексемы *токама* ‘впустую’ и *музон* ‘другой’: *Вырйылысь лымы пöлын / Төддьы парус кадь юг арама. / Кытчы ке дасяськемын, / малпанэз өвёл токма* [Васильев 1995: 777]. ‘На холме среди снега / белая роща, словно белый парус. / Приделась для чего-то, / Мысли ее не впустую’; *Өвёл ужез солэн музон – / Улэ со калыкен* [Васильев 1995: 775]. ‘Нет у нее другой работы – / Живет она с народом’.

Диалектизмы включены в поэзию Ф. Васильева органично, это тот язык, на котором привык говорить лирический герой. Иногда вкрапления из диалектной лексики помогают автору передать особенности речи персонажа, услышать его голос. Диалектное слово, оформленное через прямую речь, выражает принципиальную позицию автора: *Куазьлэсь уд луы зёк! – шуиз муми, – / Соин тон шедьты одйг кыл. / Быдэ вуэм берам гинэ пайми / Солэн шонер верамезлы* [Васильев 1995: 368]. ‘Сильнее природы не будешь!’ – сказала мне мать, – / Найди с ней общий язык. / Лишь повзрослев, я удивился / правоте ее слов’.

Традиции Ф. Васильева во многом продолжает бесермянский поэт Михаил Федотов. Будучи единственным представителем бесермян

в литературе, М. Федотов видит свою задачу в том, чтобы транслировать культуру и язык бесермян для удмуртского читателя. Стремление к воспроизведению особенностей своего народа отражается, в том числе, и в обращении к диалектной лексике бесермян и северных удмуртов: *татай* ‘тетя’, *жа́жай* ‘дядя’, *кашпу* ‘головной убор бесермянки’, *кариноос* ‘дети’, *дарман* ‘сила, мощь, энергия’ и др. Наиболее часто диалектизмы появляются в этнических зарисовках, посвященных быту и традициям бесермян: *Анае но дйсьалоз вал / Бесерман дйсьсэ. / Каиш-пузэ но со керттоз вал, / кутчалоз кутсэ* [Федотов 1988: 46]. ‘Матушка, бывало, наденет / бесермянскую одежду. / Кашпу (женский головной убор бесермянки. – Н. И.) завяжет, / лапти обует’; *Тон усьты, жа́жай, капкадэ, жытазе, / Нош тон, кенаке, пыж шаньги эмезен* [Федотов 1991: 114]. ‘Ты, дядюшка, открой, ворота, вечером, / А ты, тетушка, испеки шанежки с малиной’. Каждый из этих диалектизмов используется М. Федотовым единично, однако присутствие диалектных слов во всех трех прижизненных сборниках поэта позволяет говорить о том, что обращение к диалектной лексике является одним из ключевых моментов его поэзии. М. Федотов снабжает указанные слова сносками, в которых дается подстрочный перевод на литературный удмуртский язык, что свидетельствует как о целенаправленной работе над обогащением удмуртского языка, стремлении поэта донести до читателя семантику незнакомых слов, так и о деятельности, направленной на популяризацию бесермянской культуры.

Обращение к диалектной лексике характерно и для современных удмуртских авторов. Однако в поэтике постмодернизма диалектные слова получают иное звучание. Так, например, Петр Захаров обращается к диалектизмам с целью создания яркого многозначного образа, при этом предполагается, что большинство читателей незнакомо с ними, а значения слов не раскрываются до конца и в контексте произведения: *Тёл гинэ лопыръяз кесяськем деремме, / Тёл гинэ кыскал-ляз кесяськем чалбарме* [Захаров 2006: 50]. ‘Лишь ветер развевал мою разорванную рубаху, / Лишь ветер рвал мои разорванные штаны’; *Дугдытэк вераське акият* [Захаров 2007: 59]. ‘Беспрестанно рассказывают байки’.

Для поэзии П. Захарова характерна игра слов. Оказавшись в постмодернистском контексте, диалектное слово меняет семантику, приобретает индивидуальные авторские оттенки значений. Так, например, в подборке стихотворений «*Думытэ кылбурьёс*» («Непривязанные стихи») П. Захаров несколько раз обращается к лексеме *карас* ‘дерн; соты; диал. гроздь, кисть’. Подборка сопровождается переводом, выполненным самим автором, в котором *карас* переводится как ‘вдохновение’: *Мур ватэм карасэз кужымлэн*. ‘Глубоко затаенное вдохновение силы’ (перевод

П. Захарова) [Захаров 2007: 62]; *Кытын өвөл карас, отын улон өвөл* [Захаров 2007: 57]. 'Где нет вдохновения, / Там нет жизни'.

Аналогично в поэзии Богдана Анфиногенова ирония достигается за счет сочетания диалектной лексики с молодежным жаргоном и лексикой из блогосферы: *Эськере, эськере, эськере...* / *Кин ке но улонмес эскере,* / *Селфикам котькытын вань бере.* / *Но ивор лемтаям* / *Селфят мем кекоран* [Анфиногенов 2023]. 'Проверяет, проверяет, проверяет... / Кто-то нашу жизнь проверяет, / Раз повсюду есть селфикам. / А в моей новостной ленте / Селфят мем кекоран'. Парадоксальность и фантазматичность мира современного удмурта выражается через использование диалектных вариантов слов *эскерыны* 'проверять' и *лента* 'лента' в сочетании с лексемами *селфикам* и *селфят*.

Таким образом, диалектизмы занимают особое место в удмуртской поэзии на протяжении нескольких десятилетий. Их функция тесно связана с мироощущением и эстетическими предпочтениями автора. Диалектизмы обладают высоким творческим потенциалом, обращение к диалектной лексике позволяет автору идентифицировать себя с определенной этнической группой, приобрести более камерное звучание (Ф. Васильев, М. Федотов); в современной поэзии, ориентированной на транскультурные и полилингвальные практики, диалектизмы получают новые смыслы, позволяющие им существовать в современности.

Источники

- Анфиногенов Б. Жикъя Promo. Ижевск: Печатный салон ИРиС, 2023. 62 б.
Байтеряков Н. Шур ву сямен. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 58 б.
Васильев Ф. И. Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 848 с.
Захаров П. Удмурт пеллёлэн кырзанъёсыз // Инвожо. 2006. 4–5-тй №. 50–51-тй б.
Захаров П. Думымтэ кылбуръёс // Инвожо. 2007. 5–6-тй №. 58–71-тй б.
Федотов М. И. Берекет. Ижевск: Удмуртия. 1988. 106 б.
Федотов М. И. Вось. Ижевск: Удмуртия. 1991. 144 б.

Литература

- Малышева И. Ю. Ярославско-костромская диалектная лексика в произведениях Н. А. Некрасова как отражение фрагментов региональной языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 27 с.
Осипова Е. П. Константиновский говор С. Есенина как попытка создания микроязыка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2022. № 1. С. 42–55.
Петров А. В. Фонетические диалектизмы в поэзии Ольги Фокиной // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2017. № 5. С. 104–109.

**«Кинь нуэ, солы ик ныпъяло»:
об отражении в языке некоторых особенностей
мировоззрения этноса**

В статье актуализируется ряд работ отечественных финно-угроведов, придерживающихся культурологического подхода к языковому материалу. Рассматриваются некоторые примеры функционирования отдельных лексем, входящих в лексические группы: 'природные явления', 'представители животного мира', 'предметы хозяйственного обихода', 'обозначение родственных отношений и социальных связей' (в удмуртском и хантыйском языках). Указывается на плодотворное развитие тенденции логико-семантического изучения слов-концептов и выражений идиоматического характера в удмуртском и хантыйском языках. Обращается внимание на некоторые образцы того, как лингвисты в своих работах обосновывают связь языка и культуры, анализируя при этом высказывания идиоматического характера или раскрывая глубинный потенциал лексики, связанной с миром животных, с обозначением цвета, способами передвижения, а также родственными отношениями между людьми.

Ключевые слова: язык, этническая культура, когнитивная функция языка, общее языкознание, лингвистическая типология.

В истории языкознания известно много концепций по проблеме связи этнической культуры и языка, но особенно часто предметом споров, критики, а также дальнейшего развития становилась гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности). В согласии с нашими целями мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых усматриваются положительные моменты, связанные с данным направлением мыслей о языке [Чесноков 1977: 9–19; Плунгян 2000: 109; Кронгауз 2001: 107–110; Черемисина 2002: 111–121; Корнилов 2003: 78].

Однако в данном случае речь может идти и о другом явлении (процессе): о разных путях (способах, приемах) развития языка вообще. Развития и формального, и семантического, а философский подход к вопросу позволяет думать о диалектике процесса: о том, что развитие формы и содержания идет одновременно, где-то – в тесной связи, где-то – в борьбе. Эти процессы развития можно наблюдать, обозревая языки в целом, или рассматривая какие-то отдельные участки (фрагменты) системы. Имея в виду все языки, суть этого процесса (или движения) М. И. Черемисина

сформулировала следующим образом: «С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации» [Черемисина 1992: 77].

Исследователи, работающие в русле когнитивистики на материале финно-угорских и самодийских языков, уже достаточно давно сформулировали положения о существовании неразрывной связи этнической культуры и языка, нашли большое число языковых явлений, отражающих способы и результаты познания этносом окружающего мира, а также – обусловленных спецификой образа жизни и отдельными чертами мировоззрения. В частности, во многих работах данного направления описываются результаты изучения словесных табу, цветообозначений, систем терминов родства и свойства, представлений о старости и болезнях, многих других значимых фрагментов языковой картины мира. Выводы авторов в данных работах подкрепляются материалом учебных, художественных изданий и словарей, в определенной мере использованных и нами [Söder 2001; Кононова 2002; Игушев 2005; Вагатова 2012; Егоров 2013; Динисламова 2019; Кельмаков 2022].

Настоящее исследование зиждется на постулате о том, что любой язык имеет достаточный набор средств (а это не только сами слова и словоформы, но и отношения между ними) для продуцирования бесконечного количества высказываний и текстов. В современных языках абсолютное большинство слов являются многозначными. Это явление распространено (правда, до известной степени и довольно своеобразно) даже в сфере терминологии. Но в праязыках, очевидно, была противоположная ситуация. Весь процесс языкового развития представляется постепенным, все более расширяющимся движением к формальному и семантическому разнообразию. При этом в основе методологии этого развития лежит диалектическое сочетание двух главных способов: экономии и так небольшого по объему исходного звукового материала и придумывание новых формальных (а также и семантических) способов, расширение номенклатуры и знаменательных, и служебных элементов. Но феномен языка в том и заключается, что новых способов словопроизводства не так много: развитие происходит за счет активного использования внутренних потенциальных возможностей (а они носят преимущественно семантический характер).

В узком смысле процесс языкового развития, эта своеобразная игра в слова, предполагает в основном расширение многозначности, использование потенциала лексической синонимии. В широком смысле к словесным играм относятся и специальные приемы в художественном творчестве: аллитерация, яркие тропы, табу, эвфемизмы, оксюморон, речевые

пародии и т. п. Возможно, в этот же ряд следует поставить и образный перенос, и использование одного слова при производстве другого, например, употребление названий животных (или частей их тела) в афоризмах, загадках, а также при номинации игр, игрушек, разновидностей орнамента и т. п.:

СОРТ II *суц.* ‘щука’... *сорт пеңк* ‘щучий зуб’; ‘название орнамента (щучьи зубы)’

СОС *суц.* ‘горноста́й’: *Амамэтици: йёхан мўв сыл хўват лавам охэн сохийэ таласэл* (сос) ‘По берегу реки тянется шкурка с черной, как уголек, головой (горноста́й)’ [ДСХЯ 2011: 117].

Тухлаң вой курал эвалт хэн каталла ‘Крылатую птицу за ноги не поймашь’; *Муй оңатн энумса: хота ант лэпал* ‘У него рога что ли выросли: в дом не помещается (Так говорят о неуживчивом человеке, постоянно недовольном всем)’; *Олмаң лүк* ‘Сонный глухарь (Так оценивается ленивый человек)’; *Там ханнэхо хул ёш, лант ёш тайл* ‘Этот человек имеет рыбную руку и мучную руку (Так говорят о гостеприимном человеке или удачливом рыбаке, охотнике)’ [Вагатова 2012: 9–17].

Анализ семантической структуры ряда слов-концептов, функционально близких им слов, а также связанных с ними идиом (афоризмов, пословиц, поговорок, загадок), позволяет указать на некоторые типы концептуализации общих представлений об окружающем мире. Мир многообразен, потому и сфер, подлежащих осмыслению и укладыванию в формы языка, также достаточно много. К примеру, в подавляющем большинстве языков достаточно строго разграничиваются определения и предикаты временной и пространственной семантики. Иначе говоря, можно назвать много языков, где просматривается эта стратегия – не смешивать время и пространство, детализировать их разными словами (и способами). К примеру, в финском языке, как и в других финно-угорских языках, для такой детализации вырабатываются многочисленные аналитические формы, в т. ч. с участием послелогов (хотя иногда встречаются и предлоги).

«Аналитизм проявляется в явлении твердого порядка слов в послеложных конструкциях и т. н. отрицательных глаголах, в появлении послеложно-именных сочетаний вместо падежных форм. К примеру, вместо слов в комитативе и абессиве участились послеложные конструкции» [Цыпанов 2008: 157]. Хантыйский язык относится к этой же группе, с некоторыми оговорками [Соловар 2019: 120].

Многие черты (явления) в лексическом и грамматическом строе современных языков восходят к явлениям, присущим еще языкам-предкам. Одним из примеров для подтверждения данного тезиса является сравнительный материал, к примеру, хантыйского и ненецкого, хантыйского и коми, удмуртского и коми языков. Ведя свое происхождение от одного праязыка, в дальнейшем они развили как сходные, так и отличительные

черты в самых разных языковых сферах: фонетической структуре слова, доле флективности в грамматическом строе, наборе падежей, структуре категории принадлежности, системе грамматического числа и других сферах [Серебренников 1962; Черемисина 1992: 83–85; Цыпанов 2008: 71–108].

Очень показательные отличия между языками наблюдаются в таком важном фрагменте, как обозначение цвета. «Различие лексики разных языков в этой области очевидно. Так, русским словам *голубой* и *синий* соответствует лишь одно английское слово *blue*. Напротив, русскому слову *красный* соответствуют два венгерских слова *voros* и *piros*. Польские слова *niebieski* и *granatowy* также соответствуют английскому *blue*, но при этом членят область синего цвета не так, как два русских слова. В языке навахо не различаются синий и зеленый, зато существует два слова, соответствующих черному: условно говоря, “черный, как тьма” и “черный, как уголь”» [Кронгауз 2001: 110–111]. Можно добавить, что и в тюркских языках, подобно навахо, синий и зеленый выражаются с помощью синкретичного слова (*көк*), обладающего сложной семантической структурой. Общая закономерность, видимо, такова: не столь важно, сколько слов, непосредственно обозначающих цвет; с помощью некоторого наличного набора слов необходимо выразить весь наблюдаемый зрением спектр.

Сравнительно мало слов-цветообозначений в казымском диалекте хантыйского языка. «Для “черного” <...> используется слово *ниты*, предположительно родственное однокоренному *пӓтлам* ‘темный’, для “белого” – слово *нуви*, обозначающее также “свет”, “луна”, для “красного” – слово *вӓрты* (от *вӓр* ‘кровь’). В настоящее время дифференциация цветообозначений достигается использованием словосочетаний с базовым словом, представляющим собой эталон сравнения (“как небо”, “как трава” и др.). По происхождению эти слова являются глагольными формами, что указывает на процессуальный, а не признаковый характер обозначаемого явления» [Кошкарева 2020: 152].

В целом ряде финно-угорских языков обозначение белого и черного основывается на внутренней форме исходных слов (корней). Эти первоначальные корни чаще всего связаны с выражением значений ‘вода’, ‘лед’, ‘литься’ и ‘земля’, ‘зола’, ‘грязь’ [ОФУЯ 1974: 413–414]. В самодийских языках логико-семантическая связь между «светлым» ~ белым и «грязным» ~ черным не устанавливается. К примеру, в ненецком языке много слов, обозначающих снег и лед, от которых тянется ниточка к слову со значением «белый» [Лаптандер 2014], но указание на цвет в большинстве случаев завуалировано.

Таким образом, по обозначению черного и белого в уральских языках правомерны следующие выводы. «Применительно к финно-угорским

языкам комплекс значений “черный” / “белый” vs “непрозрачный, грязный” / “прозрачный, чистый” может быть связан с тем, что исходно данные лексемы не являлись цветообозначениями... В самодийских языках, с другой стороны, подобного совмещения значений не наблюдается, лексемы со значением “черный” и “белый” не связаны с полями “чистый” и “прозрачный”» [Кошкарёва 2020: 158].

Далее рассмотрим содержательное наполнение удмуртских и хантыйских загадок, представляющих собой, как и в любом другом языке, зашифрованное представление о человеке и окружающем его мире. В загадках встречается множество изобразительных слов и выражений. К примеру, в удмуртских загадках образно переосмысляются отличительные признаки обыденных вещей и явлений окружающего мира:

kora, kora – šel'epез eböw (č'as); kuregnis' lapег, vownis' žužөт (en'erč'ak); puke, puke – vužerez eböw (d'ögө); m°n°kөz k°rd'asa m°ne, bert°kөz bөrd'sa berte (vuш vajem); m°ne, m°ne no t°rnөd v°laz puks'e (punө); s'uwөs durөн k°reg sit' (pel'gө); pič'i korkan vil' kšno bөrde (muš); ösez no eböw, ukno-jez no eböw – korkan tal'ak k°nojez (kijar, помidor, kabak, арбуз); odig šl'apa uwin n'uul' vil' kšno (žök). ‘Рубит, рубит – щепок нет (Часы); Ниже курицы, выше лошади (Седло); Сидит, сидит – тени нет (Ледник); Когда уходит – поет, когда домой возвращается – плачет (Доставка воды на коромысле); Идет, идет и садится на топорщице (Собака); Около лотка куриный помет (Серьги); В маленьком доме жена (букв.: новая) плачет (Пчела); Дверей нет, окна нет – в доме уйма народу (Огурец, помидор, кабачок, арбуз); Под одной шляпой четыре снохи (Стол)’ [Образцы 1962: 301–302].

При анализе загадок становится понятно, что любой язык имеет достаточный набор средств для воплощения множества вариаций на тему «как словами обрисовать тот или иной предмет, описать то или иное явление». Другими словами, загадка представляет собой символическое и образное описание в целом знакомого предмета (явления) окружающего мира. Ниже приведем ряд хантыйских загадок, записанных у носителей казымского диалекта хантыйского языка.

Нэмулты хоятн ан пакнуптыйла, топ лыв ал торилат (хоп юх лып-тат); Ешлы, лаюмлы ай хотые верум (тыхл); Вурнган, вонтинган кутн нымланг хо янгхал (вонтр); Ил ул – калась, нух кил – нял курпи волас (амп); Юх тыйн сэванг акань (лангки); Хөлумъянг хө и хотн вөллаат (нос, муй па пирум, хот); Сэр вөнт, мұр вөнт сұнган вұрты ярнасанг хө лоль (тунтэл хурум сұмат); Лапат пұш тумананг ампар лытийн най лыйл (нохар сем); Пәтлам хот сұнган бух лұянг не ёнтасл (хәтл ёш); Ёш ант тайл, кұр ант тайл – мәнал (йенгк); Ям лов долюм тәхи турнан ән етла, варасн ән етла (рат хәр); Көрт кұтуп лыптанг юх (нөсанг); Рат хәр хонанг, рат хәр хуца – нюл (шайпұт); Нұм пөлакн – сот, ил пөлакн – сот, ци кәт-кұтн хәнты янгхал (хот) [Методические рекомендации 1990: 6–17].

Общий вывод здесь только один: в структуре самих загадок имеются скрытые «подсказки», своеобразные указания на прототипические признаки загадываемых предметов, явлений, действий.

Глубоким смыслом всегда наполнены крылатые выражения, пословицы и поговорки. Эта общая мысль может быть конкретизирована следующим образом: в идиоматических выражениях, как правило, всегда содержатся слова-концепты или слова-метафоры, и само их присутствие позволяет кратко и емко выразить мысль, сделать значимое суждение. Во многом достижению такого результата способствует интонационное оформление и синтаксическое строение фразы. Чтобы увидеть взаимодействие этих трех факторов, достаточно взять небольшой ряд пословиц и поговорок; к примеру, следующих удмуртских:

Кин' нуэ, солы ук ныйало; Кырзан но гур мытис'тэк могак дугдэ; Дан өвёл пу гырлылы – дан гырис'лы; Лымы жуыртэ йуж луэмйаз, ад'ами жүрэ нэрэс'мэмйаз; Пиналэн нэрэс' одиг луэ; Урод гырэм му вылэ йёны потэ; Букойэс кал'л'эн кўасано. 'Кто несет, на того и навьючивают; И песня без запевалы обрывается; Честь не болтуну ('деревянному колоколу') – почет пахарю; Снег начинает скрипеть по мере превращения в наст, человек становится ворчливым по мере старения; И старый, и малый одинаковы; На плохо вспаханной земле осот вырастает; Дугу надо гнуть потихоньку' [Кельмаков 2015: 339].

В заключение приведем один характерный пример из наших записей хантыйской разговорной речи. В селе Казым довольно часто нам приходилось слышать фразу о родственниках со стороны матери: *Асзем-айспухем пйта лаль хона лэллум!* 'За кузину-кузена на войну пойду! (букв.: в лодку войны сяду)'. В ней концентрированно выражено отношение к этим родственникам, от нее веет убежденностью, что такими связями ханты очень дорожат. Интересна эта фраза и с точки зрения формы: представление о вступлении в войну передается образно; не случайно и упоминание самого привычного для ханты-рыбаков транспортного средства – лодки.

На материале любого языка интересно исследование принципов языковой категоризации. Глубокий семантический анализ позволяет увидеть непосредственную связь между ментальной деятельностью человека и определенными языковыми явлениями. Познание способов этой связи позволяет детально изучать лексику (словарь), разговорный и художественный дискурс носителей языка.

Отношения между языком и мировоззрением включают процессуальный характер познавательной способности, внутреннюю таксономию культурных концептов, закономерности структурно-семантической организации грамматических категорий и словарного состава. Выявление этнической специфики предполагает учет взаимодействия языковых,

этнокультурных и психологических факторов в функционировании языка, выяснение роли различных языковых единиц в настройке системы коммуникации. Языковые явления, единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

Значительный семантический потенциал любой лексемы позволяет ей участвовать в бесконечном числе высказываний, но каждый раз – в выражении определенной мысли. Поэтому лингвистам важно выявить механизм, способствующий адекватному употреблению лексемы в типовых высказываниях (в частности, в составе пословиц и поговорок).

Приходим также к выводу, что в результате лингвистического и культурологического исследования достаточно легко очерчивается круг лексических единиц, идиом, грамматических форм и моделей (в нашем случае – удмуртского и хантыйского языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. На основе их семантического анализа могут быть сформулированы положения о существовании неразрывной связи этнической культуры и языка. Многие лексические, фразеологические и идиоматические единицы в полной мере отражают конкретные способы и результаты познания этносом окружающего мира. Они же могут служить основой описания языка в контексте наличия в нем множества явлений, обусловленных спецификой образа жизни и отдельными чертами мировоззрения этноса.

Рассматривая подобные языковые явления, можно сделать определенные выводы о связи языка и культуры, о наличии в каждом языке особенных способов концептуализации и категоризации мира. Все они, так или иначе, отражают сложные отношения между языком и культурными концептами. Глубоко спрятанные смыслы, являясь результатом познавательной деятельности этноса, опираются на модели, проистекающие из особенностей мышления. В большинстве своем эти исходные данные, конечно, преломлены в языке, типизированы, но некоторые явления и формы остаются тесно связанными с характеристиками этнической специфики.

Источники

Вагатова М. К. Ханты ясаң нуват = Ветви хантыйского языка: сб. хантыйских пословиц, поговорок, народных изречений, сказок-загадок на хантыйском языке с переводом на русский язык. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 40 с.

ДСХЯ 2011 – Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект. СПб.: Просвещение, 2002. 216 с.

Методические рекомендации 1990 – Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок. Ханты-Мансийск, 1990. 18 с.

Образцы 1962 – Образцы диалектных текстов: Т. И. Тепляшина. Удмуртский язык // Вопросы финно-угорского языкознания: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 282–304.

Литература

Динисламова О. Ю. Особенности национально-культурных представлений о старости в мансийской и хантыйской языковых картинах мира // Предложение как единица языка и речи: материалы Всерос. науч. симп. с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рожд. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 109–112.

Егоров А. В. Фразеологическая картина мира удмуртского, венгерского и английского языков (на примере тематического блока «человек») // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. М.-А. Кастрена (Абакан, 25–28 сент. 2013 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2013. С. 69–77.

Игушев Е. А. Хантыйские реалии в диалектах коми языка (по материалам героического эпоса) // Материалы VI Югорских чтений «Героический эпос обских угров: наследие и современность»: сб. ст. М.: Икар, 2005. С. 123–128.

Кельмаков В. К. «Бабочку-душу свою жалею» (к происхождению и письменной истории одного удмуртского выражения и слов, его составляющих) // Урало-алтайские исследования. 2022. №4 (47). С. 73–99.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 152–166.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 399 с.

Лаптандер Р. И. Терминология снега и льда в ненецком языке // Вопросы уралистики 2014: научный альманах. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 423–428.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Серебрянников Б. А. Из истории падежной системы пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания: к 70-летию со дня рождения Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 9–32.

Соловар В. Н. Семантические особенности глаголов хантыйского и мансийского языков с превербом кáтна / катэщ / китхи / киттыг // Предложение как единица языка и речи: материалы Всерос. науч. симп. с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рожд. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 120–122.

Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Кола, 2008. 216 с.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1992. 92 с.

Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 254 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 7–62.

Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala, 2001. 154 p. (Studia Uralica Upsaliensia 33).

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 S.

УДК 821.111.09+821.161.1

В. С. Машарипова
Ургенчский государственный университет
г. Ургенч

Исследование паралингвистических элементов в произведениях О. Генри «A Service of Love» и А. П. Чехова «Оба лучше»

Данная статья представляет собой сравнительное исследование паралингвистических элементов в английских и русских литературных текстах. Они играют важную роль в передаче эмоций, отношения и характеристики персонажей в литературе. Путем анализа выбранных произведений, «A Service of Love» и «Оба лучше», данное исследование изучает, как О. Генри и Чехов используют паралингвистические элементы. Анализ выявляет существенные различия в использовании паралингвистических элементов у двух авторов, отражающих культурные и языковые особенности, общие черты и различия.

Ключевые слова: паралингвистические элементы, паралингвистический анализ, сравнительный анализ, О. Генри, А. П. Чехов.

Паралингвистика представляет собой относительно молодую научную область, которая по-прежнему находится в процессе становления, и которая оказывается под влиянием множества различных областей знания. Обращаясь к дефиниции самого термина, лингвистический словарь дает следующее определение, отражающее широкое и узкое понимание этого термина:

1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию;

2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [Николаева 1990: 345].

До настоящего времени не существует универсально признанной классификации паралингвистических элементов. Предлагаются различные типы классификаций, основанные на семантических особенностях, способах проявления знакообразующей фигуры и категориальной значимости коммуникативной функции. Джон Лэвер разделил компоненты невербальной коммуникации на «слышимые паралингвистические особенности», такие как тон голоса, высота и темп, и «видимые паралингвистические особенности», такие как близость, пространственная ориентация, осанка, жесты, взгляд и выражение лица. Т. М. Николаева и Б. А. Успенский подразделяют паралингвистические средства на три вида: фонационные, кинетические и графические [Николаева 1966: 63]. Фонационные средства включают в себя характеристики речи, такие как тембр, темп, громкость, использование маркеров хезитации, интонационные особенности, а также различия в произношении звуков речи, включая диалектные, социальные и идиолектные особенности. К кинетическим средствам относятся жесты, выбор позы и мимика. Графические средства включают тип почерка, способы добавления графических элементов к буквам, а также использование символов вместо слов. П. Е. Крейдлин, В. Биркенбил, А. Мехрабиан, Андерсен и другие исследователи предлагают следующую классификацию паралингвистических элементов: фонация, кинесика, гаптика, проксемика, ольфакция [Крейдлин 2002: 236]. Аускультация в рамках паралингвистики представляет собой процесс восприятия звуковой коммуникации, который включает в себя не только распознавание лексического содержания, но и интерпретацию интонационных модуляций, темпа, ритма, а также других звуковых характеристик речи. Этот феномен играет ключевую роль в передаче эмоционального оттенка и нюансов сообщений, а также в оценке эмоционального состояния собеседника. Гаптика исследует тактильные аспекты коммуникации, включая касания, жесты и манипуляции, которые могут передавать информацию и выражать социокультурные и эмоциональные контексты. Касание, как форма нетвердой коммуникации, обладает высоким потенциалом для выражения сочувствия, поддержки, аффективной связи и других социальных функций. Ольфакция

в контексте коммуникации описывает использование запаховых сигналов для передачи информации и воздействия на восприятие среды и собеседников. Запахи могут активировать эмоциональные ассоциации, вызывать эмоциональные реакции и влиять на настроение и поведение в коммуникативной ситуации. Проксемика анализирует использование пространственных аспектов в коммуникации, включая расстояния между участниками, их расположение в пространстве, а также использование жестов и других средств для управления пространством и регулирования межличностных отношений. Хронемика исследует роль времени в коммуникации, включая восприятие и управление временными интервалами, темпом и ритмом речи, а также другие временные аспекты, которые оказывают влияние на восприятие и понимание коммуникативных процессов. Это включает в себя адаптацию ритма и темпа речи в соответствии с коммуникативными целями и контекстом общения. Дж. Трейгер исследовал и очертил границы паралингвистики и описал параязык [Trager 1958: 196].

Среди множества знаковых систем, используемых людьми для общения, особое место занимают невербальные, паралингвистические средства, которые сопровождают художественный текст, дополняя его логической, эмоциональной, эстетической и другой информацией, а также сообщают об этнокультурных, психологических и других характеристиках собеседника. Данные единицы помогают установить настроение и атмосферу сцены или обстановки, усиливая погружение читателя в художественный мир.

Анализируя и сопоставляя рассказы О. Генри и А. П. Чехова, мы стремимся раскрыть тонкие, но глубокие способы использования паралингвистических элементов для выявления смысла и усиления читательской вовлеченности. Творчество О. Генри, известного своим мастерским повествованием и неожиданными развязками, и А. П. Чехова, знаменитого своим изображением человеческой природы и социальных сложностей, предлагает богатый материал для паралингвистического исследования. Проанализировав выбранные произведения, мы попытаемся осветить сходства, различия и культурные особенности, присущие их использованию паралингвистических элементов.

Анализ паралингвистических элементов в романе О. Генри «A Service of Love»

В романе О. Генри «A Service of Love» повествуется о молодой паре, Джо Лэрреби и Дилия Кэрузер, которая стремится проявить себя в области искусства и по этой причине переезжает в Нью-Йорк. Однако их планы расходятся с реальностью: столкновение с финансовыми трудностями угрожает их мечтам. В связи с этим, без ведома мужа, Дилия нанимается на работу в прачечной, в целях поддержки семейного бюджета, что позволит мужу продолжить заниматься живописью. В то же время муж,

ради поддержки супруги в ее музыкальных усилиях, также тайно находит работу в этой же прачечной. Они оба скрывают свои настоящие занятия друг от друга и представляют, будто продвигаются в своих художественных карьерах. В результате удачно преодолевают финансовые трудности и достигают счастливого конца, сохраняя свои творческие амбиции.

Автор акцентирует внимание на искренности и глубине чувств Дилии к своему супругу, используя паралингвистические средства, такие как интонация и тон, в выражениях «said, gleefully», «said Delia, sweetly», «sweetly proud but languid», «said Delia, heartily». Скрывая свои истинные чувства за несмешным смехом («laughed, but not very joyously»), Дилия пытается заглушить свое смущение, когда ей приходится скрывать правду об ожоге, полученном на работе. Взгляд, исполненный любви и упрямства («with an eye full of love and stubbornness») подразумевает сложную смесь эмоций в выражении говорящего. Фраза «with an eye full of love» указывает на привязанность, а «stubbornness» подразумевает решимость скрыть правду. Это сочетание подразумевает, что говорящий выражает противоречивые эмоции. Однако, смутившись, «потом опустила голову, и правда вылилась наружу в бурном потоке слез» («at length down went her head and out came the truth and tears»). Фраза «потом опустила голову» предполагает момент эмоционального освобождения или принятия. Движение головы вниз указывает на ощущение поражения, а слово «потом» подразумевает продолжительность или значительную длительность, что предполагает, что эмоциональное напряжение достигло кульминации. Выражение «правда вылилась наружу в бурном потоке слез» указывает на внезапное и интенсивное эмоциональное излияние. Использование глагола «out came» подразумевает непроизвольное или неконтролируемое высвобождение эмоций, а упоминание «truth» подразумевает, что персонаж наконец-то выразил что-то искреннее или честное. Включение «tears» дополнительно подчеркивает глубину эмоциональной реакции. В целом, это предложение передает момент эмоциональной катарсиса для персонажа, характеризующийся физическим и вербальным выражением уязвимости и честности. В заключительной части произведения ее жест, прерывающий супруга («stopped him with her hand on his lips»), указывает на то, что Дилия, вероятно, чувствовала, что: «Когда любишь свое искусство, никакая служба не кажется слишком тяжелой», – отвлекает от основного смысла. Она стремилась сосредоточиться на простой истине: «Когда любишь» – сочетание, которое применимо не только к искусству.

Реплика «Тебе легко говорить», за которой следует действие Джо, нападающего на банку консервированного горошка столовым ножом и топориком, подразумевает тон разочарования или обиды. Физическое действие подчеркивает эмоциональное состояние Джо и указывает на его беспокойство или неудовлетворение по поводу собственной неспособ-

ности найти работу по призванию. Использование наречия «ошеломляюще» («overwhelmingly») для описания того, как персонаж объявил о продаже акварели, подразумевает тон триумфа или гордости, указывающий его желание показаться взволнованным и гордящимся своим достижением. Вопрос Джо «Что это?», за которым следует действие «нежно приподымая ее забинтованную руку и осторожно...» («taking the hand tenderly and pulling»), подразумевает тон беспокойства и нежности. Внимательный и заботливый подход Джо указывает на то, что он заботится о благополучии человека, чью руку он держит. В целом, паралингвистический анализ раскрывает разнообразие эмоций и намерений, выражаемых Джо через тон, интонацию и жесты. Эти элементы дают представление о характере и мотивах персонажа в каждой ситуации.

Данный анализ дает представление о мастерском использовании О. Генри паралингвистических элементов в романе «A Service of Love», подчеркивая их роль в развитии характеров и повествовательной манере.

Анализ паралингвистических элементов в рассказе А. П. Чехова «Оба лучше»

В 1885 г. А. П. Чехов создал рассказ, аналогичный «A Service of Love», однако его образец стремления к сохранению достоинства перед другими имеет отличия в подаче. Как и в примере О. Генри, в рассказе Чехова герои испытывают недостаток финансовых ресурсов.

Герою необходимо выполнить супружеское обязательство в виде посещения родственников после свадьбы. Однако все родственники мужа, находящиеся на низших социальных позициях, характеризуются грубостью, необразованностью и склонностью к алкоголизму. В отличие от них, жена имеет высшее образование и культурное окружение. Перед посещением одного из таких родственников муж пытается оправдаться перед женой за предполагаемые некультурные условия, предполагаемые встречи. По их возвращении они обнаруживают неожиданную гостеприимность и доброту данного родственника, что подчеркивает противоречие между его внешним обликом и внутренней сущностью. Однако, жена переживает по поводу своих родственников, которые под маской культурности и утонченности, скрывают моральные недостатки.

А. П. Чехов, описывая главного героя, использовал ряд фонационных и кинетических паралингвистических единиц. Выражением «я же повесил нос» описывается угасание эмоций и настроения героя, указывается на его уязвимость и склонность к погружению в себя, что свидетельствует о его низком самооценке или неуверенности в себе. «Робкий взгляд» во фразе «я робко заглянул в залу» передает его тревогу и неуверенность в себе, указывает на его стремление избежать конфликта или негативной оценки со стороны жены. Герой пытается поддержать свой образ перед

окружающими, но его неуверенность проявляется в физиологических реакциях, таких как сморкания. Данная физическая реакция героя на ситуацию передает его внутреннее напряжение и неуверенность, тем самым подтверждаются выводы читателя о его стеснительности и беспокойстве, о его стремлении к принятию социальных норм и страхе перед критикой жены. Кроме того, эта черта характера отражается и в его заикании. Фразы «плачущим голосом» и «бросило в жар и передернуло» описывают физическую реакцию героя на ситуацию, передают его эмоциональное напряжение и стресс, подчеркивают впечатление о неуверенности и беспокойстве главного героя. Он выражает свои эмоции через громкие выкрики, что указывает на его эмоциональность и интенсивность переживаний.

А. П. Чехов использовал ольфакторные паралингвистические средства при описании дома Плевкова («Пахло водкой, прокисшими апельсинами, скипидаром, ...кофейной гущей, что, в общем, давало пронзительную кислятину»), способствующие созданию яркой картины в воображении читателя. Речь персонажа полна восклицаний, что указывает на эмоциональную напряженность. Описание застегивания жилетки и закуривания сигары указывает на желание выглядеть уверенно. Используя гаптическое выражение «хватая за рукав» при расставании персонажей, автор подчеркивает искреннюю привязанность дяди к племяннику.

Изображая образ жены главного героя, используется в основном параязык («всхлипнула») и окуляры («умоляющие глаза», «глаза налиты слезами», «на щеках горел румянец»), усиливающие эмоциональную составляющую и помогающие читателю лучше понять эмоциональное состояние Сони. Данный прием способствует усилению глубины и насыщенности повествования.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ паралингвистических элементов в английских и русских литературных текстах на примере произведений О. Генри и А. П. Чехова проливает свет на сложное взаимодействие языка, культуры и повествования. Рассмотрев избранные романы и рассказы, становится очевидным, что паралингвистические элементы играют важнейшую роль в передаче эмоций, отношения и характеристики персонажей в литературе.

Проведя сравнительный анализ рассказов, можно заметить, что оба литератора одинаково активно прибегали к использованию паралингвистических средств, таких как параязык и кинесика. О. Генри в своих произведениях немного более интенсивно обращался к гаптическим и проксемическим элементам, по сравнению с А. Чеховым. В свою очередь, А. Чехов уделял внимание ольфакции, в то время как О. Генри совсем не обращался к этому аспекту.

Литература

Генри О. Из любви к искусству. Юмористическая проза [Электронный ресурс]. М.: Эксмо, 2008. URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/INPROZ/OGENRI/ogenry23.txt>

Крейдлин Г. Е. Жесты и визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии: памяти Г. А. Ткаченко. М., 2002. С. 236–251.

Николаева Т. М. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 63–74.

Николаева Т. М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. М.: Сов. энциклопедия, 1990. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/367a.html>

Чехов А. П. Оба лучше // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1974–1982. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/oba-luchshe.htm>

Cystal D. Paralinguistics. London, 1962. 30 p.

Henry O. The Four Million [Электронный ресурс]. New York, 1906. URL: <https://etc.usf.edu/lit2go/131/the-four-million/2397/a-service-of-love/>

Laver J. Language and nonverbal communication // Carterette, Edward C. und Friedman, Morton P., eds., Handbook of Perception VII. New York: Academic Press, 1976. Pp. 345–361.

Trager G. Paralanguage a First. Approximation. Studies in Linguistics. New York, 1958. 196 p.

УДК 398(=511.131)

Т. Г. Миннихметова

г. Инсбрук

Р. Р. Садиков

Институт этнологических исследований

им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН

г. Уфа

Языковые особенности народных молитв закамских удмуртов (на примере записи В. К. Кельмакова)

В 1971 г. В. К. Кельмаков записал молитву *Быдзыналын куала куриськон* (молитва в Великий день в святилище *куала*) у удмуртского жреца рода *Жумня* Исламши (Ислама) Арманшина в с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии. Данный текст является уникальным памятником удмуртского фольклора как по содержанию, так и по лингвистическим особенностям.

В статье проводится лингвокультурологический анализ данной семейно-родовой молитвы, рассматривается семантика архаических слов и выражений, показывается наличие слов персидско-арабского происхождения через тюркские заимствования.

Ключевые слова: Кельмаков В. К., молитва-куриськон, закамские удмурты, семантика.

Способы построения удмуртских молитв-куриськон – целенаправленных обращений к сверхъестественным силам в конкретной социальной среде и специальной ситуации, т. е. обряде, – позволяют их оценивать как художественное произведение, текст, имеющий поэтическую организацию, а его сущность представляет своеобразную инкантацию.

В прошлом удмуртские *куриськоны* представляли собой устное народное творчество; богатство и многообразие их содержания зависело от жреца, который владел и поэтическим словом, и способностью обширно охватывать желаемые и необходимые для жизни условия и затрагивать ее первоосновы / сущности. Такое творчество действительно обязано было быть только устным; этому обучался потенциальный жрец, прислушиваясь к молитвам во время обрядов, и в последующем принимал обязанности предыдущего. Причиной этому служит, вероятно, «устный характер культуры, в которой основной формой регуляции деятельности оказывается речь» [Новик 1995].

Согласно обнаруженным учеными сведениям, первые зафиксированные и записанные тексты *куриськонов* удмуртов относятся к концу XIX в., они представляют работы исследователей, а не записи самих жрецов или обычных верующих удмуртов.

В последние десятилетия стала популярна тенденция сочинения и представления некоторыми жрецами своих текстов-куриськонов во время обрядов-молений. В основном они составляются и записываются по образцам традиционных текстов с некоторыми дополнениями, касающимися актуальных проблем текущего времени или пожеланий индивидуального характера.

Ниже предлагаем для рассмотрения расшифрованный с аудиозаписи текст одного удмуртского *куриськона*. В 1971 г. В. К. Кельмаков [Фаршатов 1971] записал молитву *Быдзыналын куала куриськон* (молитва в Великий день в святилище *куала*) у удмуртского жреца Исламши (Ислама) Арманшина в с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии. Продолжительность данной молитвы 11 мин. 38 сек. [Authentic 2011; Летние моления] и формально состоит из двух частей. Первый вариант расшифровки этой аудиозаписи уже опубликован в сборнике молитв закамских удмуртов «Камсьӧр удмуртъёслэн куриськонъёссы» [Камсьӧр 2023: 40–47]. В данной статье предлагаются новые расшифровки некоторых

слов и выражений, а также варианты литеpaции тех мест текста, которые не удалось сделать при первой попытке. Тем не менее, в каких-то случаях, возможно, безупречны наши «догадки» и опознания некоторых слов и выражений в связи с быстрым темпом его произношения жрецом и неясностью некоторых выражений из-за специфики локального диалекта или по причине их отсутствия в настоящее время в живой речи. Как указывал В. К. Кельмаков в своем исследовании, «словарный состав удмуртского языка еще, к сожалению, крайне слабо изучен» [Кельмаков 2017: 887], поэтому их аналоги не имеются в разного рода словарях или каких-либо тематических диалектологических сборниках, лишь некоторые можно обнаружить в «Приложении к диссертации» по закамским говорам, составленным Р. Ш. Насибуллиным [Насибуллин 1972]. Наши идеи и анализ представляют попытку разъяснения диалектных и заимствованных слов и понятий. Текст данного *куриськона*, безусловно, является уникальным в удмуртской культуре как по содержанию, так и по лингвистическим особенностям. Мы попытались провести лингвокультурологический анализ указанной молитвы с раскрытием семантики и этимологии архаических и заимствованных слов и выражений, обрядовые предпосылки терминологии, значения обращений в молитве и программирующую роль самой молитвы.

Это семейно-родовая молитва, она являлась достоянием воршудного рода *Ѕумня*. Название рода представляет диалектный вариант от *Юмья*. Несомненно, жители (или ее часть) деревни по происхождению являются представителями этого рода и принадлежали роду *Юмья*; вероятно, они переселились из одной из перечисленных удмуртских деревень и сел: д. Старая Юмья (Алнашский район Удмуртии), д. Старая Юмья, д. Верхняя Юмья, с. Ошторма-Юмья, с. Старая Кня-Юмья (Кукморский район Татарии). В этих населенных пунктах проживают удмурты или в большинстве удмурты и в настоящее время.

Итак, в празднование *Быдэзынал* кульминационным был обряд моления в святилище *куала*, при проведении которого старший жрец рода или старший член семьи молился. Как и во многих известных и распространенных удмуртских молитвах, данная также начинается вступительной частью с обращением-призывом *Ќстэ*. Слово *ёстэ* подробно рассмотрено В. В. Напольских [Напольских 1997] и А. В. Камитовой [Камитова 2023]. Продолжая их идеи, следует предложить еще одну: возможно, это слово происходит от персидского استاد [ustaad], что в современном персидском языке переводится как «профессор (т. е. преподаватель, учитель; дающий знания, советы; владеющий знаниями, мудростью)». Во многих переводах на русский язык этот термин дается как «всевышний», значит, всемогущий, способный видеть, понять и влиять на все. В удмуртский язык слово проникло из тюркских языков. Со временем оно, судя по

всему, деэтимологизировалось и под влиянием православия стало восприниматься как «господи». А, возможно, первые переводы удмуртских *куриськонов* на русский давались именно через это понятие, поскольку исконное значение слова было уже забыто или неизвестно исследователю-переводчику, а в православии же отсутствовал точный эквивалент подобному термину. Последующие же переводы подстраивались к первым, и никто уже не искал исконного значения слова. Оно активно в речи удмуртов и сегодня, имеет и другие значения, но его смысл в молитвах особенный, каким его определил еще Г. Е. Верещагин: «сакральное для удмуртов слово» [Верещагин 2000: 227].

Как и во всех распространенных *куриськонах*, после слова-обращения *östэ* называются имена божеств, на благоволение которого / которых рассчитаны молитва и само мероприятие – обряд. Поскольку здесь мы рассматриваем воршудно-родовой пример, то и обращения своеобразны и адресованы как своему покровителю, так и другим божествам: *Зумня съськэе* – мой цветок *Зумня*; *Зугыт Иммаре-Кылчинэ* – мой светлый Инмар-Кылчин; *Зугыт Кылчинэ* – мой светлый Кылчин.

После обращения к божествам указывается цель и причина происходящего события, что начинается с конкретизирующего слова-выражения *тэни*, что значит «вот (здесь), в данный момент», т. е. именно сейчас и на этом месте на обряде обращается жрец совместно со своими сородичами с их просьбами и желаниями к богам и покровителям. Как раз с этого момента всевышнему-творцу сообщается, что весь род единодушно, единогласно – *огкылсимись* – с круглыми-целыми караваем – *тыр няньёсын* – кланяется-молится, повторяя и продолжая унаследованную от предков сохраненную в памяти установившуюся традицию – дни нашего Великого дня – *Будзынальёсмес* (букв.: наши Великие дни). С помощью подачи этих понятий во множественном числе, – хотя в действительности они таковыми не являются, – демонстрируются их прославление, восхваление, высокое почитание. Это один из способов преувеличения / гиперболизации значения и ценности явления через приемы языка. Понятие *тыр нянь* – это совершенство, достаток в широком смысле этого слова; прежде всего это символ вселенского масштаба и планетарного в образе хлеба-солнца, благосостояние и благополучие как материальное, так и духовное, и физическое. *Нянь* обозначает не только «хлеб» как пища, продовольствие, но это источник всех благ. Моление-обращение с целым караваем подразумевает получение желаемого всецело, т. е. отражение во всем в полной мере как цельный каравай; каравай подразумевает круглоту, если он имеет такую форму, значит все пребывает в поступательном движении.

Далее следует основная часть молитвы, т. е. «собственно закливание, включающее все многообразие просьб к божествам», по определению структуры *куриськонов* В. Е. Владыкиным [Владыкин 1994: 297].

Первая же просьба представляется метафорично через то же понятие «хлеб» – *тыр нянь кадь тырлык-бурлык, шудбур, азинлыкзос...* – как цельное благо – хлеб – чтоб обеспеченность-достаток-изобилие-добро, счастье, успех предоставлял бы им их светлый *Иммър-Кылчин*.

Во многих удмуртских молитвах часто встречается слово-понятие *кóзма*. Данный термин в форме глагола *козманы* ‘благословить’ проанализирован на многочисленных примерах из письменных документов различного времени и характера В. К. Кельмаковым [Кельмаков 2017: 887–896]. «Вышеназванный глагол оказался лексемой с неизвестной этимологией, но с предельно длительной (разумеется, в масштабах удмуртской письменной традиции, возникшей лишь в XVIII столетии) историей: впервые он был отмечен в 1785 г. в форме образованного от него отрицательного причастия (*козмамътѣ* ‘непростимый’) [Кротов 1995: 91; цит. по: Кельмаков 2017: 888]. В последующем исследовании также дается этот термин с переводом: «это деэтимологизированное слово, употребляющееся в качестве глагола ‘благословить’» [Камитова 2023: 283]. Мы попытаемся представить соответствия из тюркских языков, приобретших подобные понятия из других языков под влиянием ислама. В башкирском и татарском языках есть понятие *оста* «мастер». Как и в удмуртском (о понятии *осто* / *öстэ* см.: [Напольских 1997]), в татарском и башкирском языках при удивлении или испуге говорят *эстагыфир(улла)* / *эстэгыфирулла* и *эстэгафир(улла)*, возглас переводится как ‘просить прощения’, но в понимании носителей языка он означает выражение ‘боже / боже мой’, ‘господи’. Действительно, этот возглас, состоящий из компонентов *эста*, *гафир-*, + *улла*, несомненно, является заимствованием из арабского *أَسْتَغْفِرُ* [osteghver] «прошу прощения». Подобно этому выражению, удмуртское *осто* / *öстэ* (,) *кóзма* от «всевышний, прости» под влиянием как ислама, так и православия превратилось в «господи, прости», смысл которого, как и тюркских терминов, не понятен и не объясним самими носителями языков. Но следует признать, что в настоящее время глаголом *козманы* с первоначальным значением «простить» не пользуются в повседневной живой речи, а в *куриськонах*, как видно, значение до сих пор не однозначно, в новые же оно включено механически.

Рассматриваемый нами *куриськон* наводит еще на одну мысль о значении термина *кóзма*. Каждый раздел просьбы завершается призывом *Тэни(,) кóзма!* – «Вот здесь и сейчас прими, (или) благослови!» (здесь объяснение дается только по смыслу содержания молитвы, а не грамма-

¹ Компонент *улла* (в арабском языке *أَلَا* [ælæ / ələ]) используется как частица возбуждения внимания или восклицания, в исламе – в качестве обращения к богу после упоминания имени Аллаха с целью выражения к нему уважения и почтения.

тическим разбором значений слов. – Т. М., Р. С.), подобно христианскому «(Господи,) благослови!». Другое предположение заключается в том, что в распространенных *куриськонах* конец каждого раздела завершает обращение *Омин!* – т. е. «Аминь», в данном же нет ни одного такого слова-выражения. Отсюда еще одно предположение: *кóзма!* определенным образом заменяет *óмин!* Далее предлагаем еще одно рассуждение касательно происхождения слова *кóзма*. Возможно, оно проникло в язык из древнегреческого *κόσμος* [kosmos] (точнее: *κόσμ-ος*) – «порядок; хороший порядок; упорядоченное устройство», позднее – «Вселенная, мир» [OED]. В удмуртском языке для такого понятия имеются слова *инсьöр* – космос, *индунне* – вселенная. Сложно рассуждать о процессе и механизмах его проникновения в удмуртский, но смысл и значение подтверждают предлагаемую версию. К примеру, в башкирский язык внедрилось слово *йәһан* – «космос» из персидского *جهان* [jahan] – «Вселенная», допустимо, подобным же образом «космос» пришел и в удмуртский посредством влияния других языков и культур.

Непросто предлагать только одно предположение, хотя прослеживаются преобразования во времени и тем самым появление разнообразия значений исследуемых понятий посредством влияния других культур. Подобные явления встречаются и в других случаях, например, с трансформацией понятия и его ценности у воршуда *Имма(ла)* в традиции северных удмуртов [Шутова 2018: 71–72].

Диалектные, заимствованные и редко встречающиеся в языке слова и, возможно, архаизмы занимают значительное место в тексте рассматриваемого *куриськона*. Они в основном замещают удмуртские аналоги, в некоторых случаях играют определенную роль в связи с отсутствием термина в удмуртском языке. Ниже предлагаем рассмотреть основные из этих слов и выражений.

Жумня – воршуд / воршудно-родовое объединение.

Огкылсимись – единодушно, единогласно; понятие используется в живой речи и в настоящее время.

Нетзос – намерение, цель; замысел; стремление; желание, здесь во мн. ч.; башк. *ниэт*, тат. *ният*.

Жиез – удм. *ез* – проволока; здесь *горд жиез* – медная проволока.

Мүшо-вёо – букв.: с медом-водой; значит: богато, с достатком. По версии Т. Г. Владыкиной, утраченная в современном удмуртском языке языковая форма может служить архаичным обозначением концепта «благодать» [Владыкина 2018: 114]. У удмуртов Закамья еще встречается это понятие в живой речи.

Люгезь-мало – от удм. *люгезь* – деньги, *мал* – богатство, имущество, состояние, т. е. жить в достатке. Здесь в составе этого выражения есть еще слово: ...*сандыкед пыдсйсь быронтэм люгезь-мало огб(ы)ро тон*

ачид карыса улысалэд ке, Ымня сясъкае...; *огб(ы)ро* – немного-немало; в нужном объеме / количестве или то и другое по необходимости.

Имшыр – гумно; ток на гумне; в удм. есть *шынер* / *инер* с тем же значением.

Билёк(ысен) – от *бали* / *бэли* – люлька; колыбель.

Џонзылык – от *йёно* – деловой; путный; толковый; целенаправленный; башк. и тат. *йүнле*.

Куад(жос) – сила, мощь; влияние; крепость; башк. *кеүәт*, тат. *куәт*.

(*Син*) *беринзилык(жос)* (...*визьмаськыса бертымон син беринзилыкжос тон ачид сётыса улысалэд ке, Ымня сясъкае.*) – благоразумие, здравомыслие (через память / по всем правилам, соблюдая все обычаи (обряды)), т. е. поступать (здесь: ‘возвращаться’) обладая разумом, мудростью, сознательно.

Кайван – животное; тат. *хайван*, башк. *хайуан*; здесь имеется в виду лошадь / конь; от перс. حیوانات [haiwanat].

Дьышмон – враг; тат. и башк. *дошман*; от перс. دشمن [dushman].

Сакласа – от *сакланы* беречь; тат. *сакларга*, башк. *накларга*.

Тыласа – от *тылаыны* пожелать; тат. и башк. *теләргә*.

Жауап – ответ, показание; тат. *жавап*, башк. *яуап*; от араб. جواب [juap] «ответ».

Накахтантон – клевета, напраслина; напрасно, несправедливо, незаслуженно; тат. *нахак*, башк. *нахак* / *нахактан*. Здесь от видоизмененного в удм. *накахтантыны*.

Бэлэ-каза – собир. бедствия, беды, несчастья; тат. *бәлә-каза*, башк. *бәлә-каза*.

Куңыл – настроение, (дух); тат. и башк. *күңел*.

Тегиз – ровный; тат. *тигез*, башк. *тигез*.

Утыныйском – от *утыныны*, просить, упрашивать; тат. *үтенергә*, башк. *үтенеү*.

Ашлы – вкусно, питательно, сытно (о зерновых); тат. *аш-*, башк. *ашлы*.

Төлпар – крылатый / небесный конь в тюрк. мифологии; тат. *тулпар*, башк. *толпар*.

Гайратланыса – воодушевленно; вдохновенно; от тат. *гайрәт-ләнергә*, башк. *гайрәтләнү*.

Кабыл (карыны) – благословить; благословляя принимать; тат. *кабул (итәргә)*, башк. *кабул* – согласиться; из перс. قبول [qabul] «принять».

Тапшырыса – здесь в значении «принимая»; тат. *тапшырырга*, башк. *тапшырырга* – передавать, представлять.

Берекет – изобилие; достаток; башк. *бәрәкәт*; от перс. برکت [barakat] «благословить».

Башланы – начинать, приступать; тат. и башк. *башларга*.

Начальник – тж. начальник.

Сусег – от славян. *сусек* – закрома, засека.

Ызылык(зос) – умение, сноровка; искусный; сообразительный; башк. *оҫол*.

Татулык(зос) – согласие, мир; тат. *татулык*, башк. *татыулык*.

Кызмэт (*карьис* – служащий; от *карыны*) – служить, нести службу; башк. *хезмэт (итеу)*, тат. *хезмэт (итү)*; от перс. خدمت [khedmat] «служить».

Текст *куриськона* представляет собой не только художественное изложение желаний и стремлений рода *Зумня*, через это обращение жрец со своими членами рода предопределяет и программирует будущее своего семейства и рода. В этом *куриськоне* излагаются просьбы часто в приукрашенной форме, опозитизированными оборотами, чего в реальной жизни не бывает. К примеру, «Тэни кизем-пальккем *жу-нэнькайёс вылэ усэнтйоссэ мамык тон ачид карыса, андан выжыен выжыатыса, выж(ы)зэ куамын куроен изь(ы)ятса, камыж куроен куроҙатыса, зарни шепен шепҙатыса, азвесь мульыен мульыҙатыса, коньыед бизёно кадь тегиз карса, та ўзыед-борыед сяин тон ачид кисьматыса улысалэд ке, Зумня съэськэе, жуғыт Кылчинэ*» – «Вот если бы (ты) пребывал превращая в мягкий пух / пушок падающее / спускающееся (имеется в виду ливень, град, снег и т. п. – Т. М., Р. С.) на наши посеянные-распесканные зерна-хлеба, стальными корнями укореняя, корень тридцатью ростками-стеблями покрывая, камышовой соломой взращивая, золотыми колосьями наливая (колосья), серебряным орехом / плодом плодя, ровными делая (засеянные поля), (чтобы) белке (по нему) пробежать, как эти ягоды земляники-клубники созревая (посеянное зерно / хлеб), мой цветок *Зумня*, светлый *Инмар*».

В данном *куриськоне* есть еще одна особенность: к покровителю рода обращаются как к цветку – *съэськэ*, т. е. *Зумня съэськэе* – «мой цветок *Зумня*». Такое обращение к воршуду-покровителю встречается впервые в удмуртских молитвах. Видимо, такое название можно объяснить представлением, сохраняющимся у удмуртов, что воршуды иногда «улетают на цветы», и их сущность можно собрать со цветов («*сяська вылысь басьтыны*»), если при основании новых святилищ не удастся перенести камни или золу с очага из старой *куала* [Миннихметова 2020: 190–192]. У удмуртов с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии, где была записана молитва, сохранилось предание, что при переселении за Каму у представителей некоторых родов очажные камни из святилища *куала* с прежнего места жительства упали в воду, таким образом, вероятно, «святость» для новых культовых построек была собрана со цветов. У них зафиксировано также воршудное название *Тукля сяська* [Садиков 2019: 92].

Очевидно, восприятие таких образных пожеланий себе и всему окружающему присутствующими участниками обряда вдохновляло и способствовало представлять себе образ идеального будущего. По рассказам

многих носителей культуры старшего поколения такие обряды были поистине торжественными и воодушевляли их, настраивали верить в силу всевышних сил; «эмоциональный настрой обряда» [Христолюбова 2006: 262] порождал новое душевное состояние и подкреплял умонастроение, способствуя следовать этим обычаям и справлять обряды и в дальнейшем. Как и в эпической традиции, тенденция распространения фиксированного текста означает гибель устной традиции, продолжение и развитие творчества удмуртских *куриськонов* будет сохраняться там, «где для этого есть условия и общественная потребность» [Путилов 1997: 171].

Данный *куриськон* неоспоримо-изобразительно обнаруживает тесную взаимосвязь временной и пространственной систем, их статические и динамические элементы показывают событийно-многомерный момент-обряд с отчетливым привлечением его соучастников – членов рода. Поэтическая организация рассмотренной молитвы-*куриськон*, бесспорно, представляет индивидуально-авторское творчество жреца И. Арманшина, но выполняет структурную, коммуникативную, функциональную миссию, предназначенную для всего родового сообщества.

Литература

Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3. Кн. 2. Вып. 1. 250 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.

Камитова А. В. Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 274–286.

Камсьёр 2023 – Камсьёр удмуртъёслэн куриськонъёссы / Дасязы Р. Р. Садилов, Е. Тулуз. Уфа: Первая типография, 2023. 192 б.

Кельмаков В. К. К истории одного евангельского термина в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 6. С. 887–896.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 г.). Ижевск, 1995. XX + 208 с.

Летние моления – Летние моления закамских удмуртов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskikh-udmurto> (дата обращения: 30.07.2024).

Миннихметова Т. В. Поисках удмуртских жемчужин по эстонским архивам. Тарту, 2020. 216 с.

Напольских В. В. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. Ижевск: Удм. ун-т, 1997. С. 116–125.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Приложения к диссертации. Рукопись. М., 1972. 332 с.

Новик Е. С. Фольклор – обряд – верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры: дис. в форме науч. доклада ... д. филол. наук [Электронный ресурс]. М., 1995. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik2.htm> (дата обращения: 10.07.2024).

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.

Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.

Фаршатов Г. Асьме доры лингвист ветлӥз // Коммунизме. КПСС-лэн Татышлинской райкомезлэн но ужаса улӥсьёслэн депутатъёссылэн районной Советсылэн органзы. 1971. 6-тй май. 54-тй №.

Христолюбова Л. С. Женщина в удмуртском обществе. XVIII – начало XXI в. Ижевск, 2006. 328 с.

Шутова Н. И. Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов. Ижевск: Шелест, 2018. 290 с.

Authentic 2011 – Authentic geography. Вып. 3. Закамские удмурты. Альманах. Ижевск, 2011. Приложение. CD диск № 6. 142 с.

OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 27.07.2024).

УДК 81'373=511.142

Д. А. Онин
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск

**Англоязычные интерпретации сакральной лексики ханты
(на примере книги А. Хатто «Мир хантыйских эпических
героев-князей. Исследование устной сибирской традиции»)**

В статье приводятся основные тезисы анализа хантыйской эпической традиции Артуром Томасом Хатто, создателем теории эпической поэзии. Его труд «The World of the Khanty Epic Hero-Princes. An Exploration of a Siberian Oral Tradition» до сих пор не становился предметом анализа в отечественной фоль-

клористике и историографии. Исследование А. Хатто привлекает внимание широкой источниковой базой. Оно основано на изучении 18 текстов хантыйского героического эпоса, записанных и отредактированных венгерскими и российскими учеными XIX–XX вв. В статье показана трактовка А. Хатто разных сторон традиционного мировоззрения: представлений о космосе, времени, пространстве, о героях и духах, доспехах и оружии, локальных социумах ханты эпохи Средневековья. Завершается статья сопоставлением исследования А. Хатто с данными современной российской археологии и этнографии, свидетельствующим о наличии параллелей, подтверждающих научную значимость исследования британского ученого.

Ключевые слова: ханты, традиционная культура, героический эпос, картина мира.

Героический эпос народа является ценнейшим источником, проливающим свет и на его далекое прошлое, и на его духовную историю. Соединяя в себе мифы, предания, легенды, он освещает разные стороны бытия традиционной культуры, не только духовной, но и материальной.

Аутентичное понимание эпоса, как и его актуальность, сохраняют, поддерживают и современные носители традиционной культуры, ее подвижники-активисты и ученые-исследователи – фольклористы, лингвисты, этнологи, историки. Их труды имеют собственную продолжительную и насыщенную историю [Волдина 2002; 2020]. Участие исследователей, зачастую не являющихся носителями изучаемых языков и культур, имеет особое значение. Культуры далеких исторических эпох вовлекаются в сферу компаративистских исследований, наблюдения, суждения, оценки «со стороны» способствуют выявлению подчас неожиданных, новых аспектов, граней, казалось бы, давно изучаемых традиционных культур, содействуют обнаружению новых символов и смыслов, подлежащих дальнейшему изучению, споспешествуют герменевтическому пониманию картины мира наших далеких предков. В этой связи нами предпринят обзор книги Артура Томаса Хатто «Мир хантыйских эпических героев-князей». Исследование сибирской устной традиции», изданной в Кембриджском университете [Hatto 2017], до сих пор не привлекавшей к себе внимание историков хантыйского фольклора.

Целью работы является выявление в каждом разделе книги сущностных оценок автором героического эпоса ханты, традиционной картины мира в сопоставлении с результатами современных археологических, этнологических, исторических изысканий.

Введение

В этом разделе находим описание «мира» хантыйских эпических Героев-Принцев. А. Хатто сразу указывает, что хантыйский героический эпос

берет свое начало в культовой поэзии. В рамках нарратива Эго (будущий бог), Герои-Принцы ищут контакта с Высшими Существами и в некоторых случаях сами становятся таковыми. При этом они, как правило, свысока смотрят на повседневный шаманизм. В острых ситуациях без посредников обращаются к божествам, даже к Нуми Торуму, Духу-Создателю, принося ему кровавые жертвы в обмен на благосклонность. Наиболее сильные из них, очевидно, находятся «на пути» к превращению в Духов (*lonx*).

Из хантыйских оригиналов, согласованных с немецкими и, в основном, венгерскими переводами эпосов, можно выделить такие хантыйские ключевые слова, как *tāren* («Разрушение»), *lonx*, *meŋk* (категории духов), *šoper* («Русские далекого прошлого и их серебряные предметы»).

А. Хатто – английский исследователь-германист, специалист по эпической героической поэзии. Основные труды его – это работы, посвященные западноевропейскому (германскому, в первую очередь) героическому эпосу. Именно в этом качестве он отмечает, что слабым местом хантыйских текстов является объединение мифов с народными сказками, что, по его оценке, затрудняет выделение элементов подлинно героического эпоса, украшающего другие западноевропейские устные традиции героической эпической поэзии.

Космос

В этом разделе описываются представления ханты о слоях пространства: о Неземном (подземном) мире, Среднем и Верхнем мире.

Время

В эпосе время играет большую роль. Оно и описывается соответствующим жанру эпоса образом: калибруется от Вечности через века, поколения, годы, сезоны, до времени, которое требуется котлу, чтобы закипеть, до доли секунды. Символичным повтором в эпических текстах ханты является отсылка ко времени исполнения эпоса, в котором используется формула ожидания времени ханты – времени человека:

Я буду слушать песню хантыйского человека,

Я буду прислушиваться к голосу языка ханты!

Используемая в эпосе временная формула «Когда наступит век ханты» пророчит окончание Героической эпохи и наступление эпохи хантов / людей, благосклонных к ним богов, установленных в их святилищах.

Таким образом, хантыйские эпические певцы представляли себе временной отрезок от далекого прошлого через лучшее будущее для людей и неопределенную загробную жизнь в небесной сфере или, по крайней мере, с небесными контактами, в качестве богов или «ставших *lonx*» другими способами.

Времена года

А. Хатто считает, что эпические Князья-Герои ханты хорошо усвоили органику природного времени. Каждый сезон приносил свои преимуще-

ства. Когда осень приносила тонкий снег, он был подходящим для копыт быков, тянущих за собой груженные нарты; когда с юга дул более мягкий весенний бриз, водоплавающие птицы прилетали сюда, чтобы размножить свой род, а с севера их встречали косяки рыб.

География

Здесь А. Хатто реконструирует географические представления ханты об обширном Обь-Иртышском бассейне – основном ареале их обитания.

Например, низины, или северные земли, обозначены большим устьем, которое в сезон кишит лососем, знающим море за морем, и водоплавающей птицей.

В Обдорске Младший Брат-Супергероя торжествуя говорит, что станет «Сыном Водяного Короля с текучими локонами» и «сядет» в центре его Шести морей с одним устьем, а из устья его Семи рек будет посылать рыбу. Также на севере, в начале Обдорска, у Эго есть три города, которые охраняют устье Сытного моря. Еще в этом Северном крае, но к западу, находится район истока Сосьвы и ее северного притока Сыгвы (он же Ляпин) – во времена записи эпоса важный реликтовый район хантыйской культуры.

Имяются в героическом эпосе и описания Южных земель, которые уже подразумеваются в Эмдере эпитетом будущей невесты из Конда-тора – «златоглазая, светлобровая» (дочь) южанина. Лексема «золотой» свидетельствует о наличии у ханты позитивных «небесных» ассоциаций с Югом.

Величественными эпитетами маркируется и Урал – «сияющий» или «мерцающий», «многоцветный».

Духи

В самой большой главе книги описываются Священный угол и духи предков (Нуми Торум, Серокрылый Старец и другие), места колдовства: жертвоприношения животных и человека и другое, что можно отнести к категории сакрального.

Среди многочисленных жертвоприношений в хантыйских эпосах есть несколько случаев самопожертвования, в которых участвует Герой, прекрасно понимающий, что для выполнения стоящей перед ним задачи потребуются силы, превышающие его возможности. В двух текстах дополнительная сила требуется от Героя, который жертвует частью своих собственных живых костей, еще в одном Герой приковывает себя к Священному дереву и умирает от раскаяния.

Например, вождь, не колеблясь и не дрогнув, вырезает кусок своей берцовой кости, соединяет его со стрелой, накладывает и выпускает со звуком раскалывающегося льда. Открывается проход, достаточно широкий, чтобы по нему могли проехать сани, и открывается Священное царство...

Герои

В центре анализа, который можно было бы определить, как социальный анализ прахантыйского общества, находятся Герои-Князья, перенявшие «эстафету» у Героев-Принцев или сами Герои-Принцы, изгнанные Торумом на землю и ставшие здесь князьями. Они, очевидно, образуют городскую военную аристократию, достаточно многочисленную, хорошо вооруженную и обученную, чтобы поддерживать свое господство над «низшим сословием», во всяком случае, пока достижимо изобилие рыбы и дичи.

Женщины играют в жизни социума второстепенную роль, за некоторыми яркими исключениями. Эффективное участие в делах, связанных с ребенком, осуществляют несколько приемных матерей Супергероя – Эго в период его малолетства, а также, возможно, постоянно повторяющаяся женская фигура «Леди дома».

Возраст, приписываемый божественному Эго, варьируется от малолетства (а не отрочества или юности) до поздней зрелости Великого Шамана. В подразделе «Эго среди своих братьев» описан Супергерой, который присутствует в хантыйских эпосах, причем в разных вариациях. В соответствии с этим некоторые Старшие Братья живут на окраинах Города или за рекой в своем собственном Городе, как бы для того, чтобы дать младшим Братьям пространство для развития; они могут даже вести кровную вражду с Эго и его группой. И хотя в разных вариантах эпоса Младшие Братья часто побеждают в войне, самым сильным, в конце концов, оказывается Старший Брат.

Важнейшей проблемой, по А. Хатто, является проблема статуса и легитимации Эго как божества Города. Восхищаются ли им или пренебрегают, этот его статус никогда не подвергается сомнению, даже во время его уязвимого несовершеннолетия. Настоящий или приемный дядя может хранить отцовский корсет и оружие Эго до того дня, когда несовершеннолетний отправится мстить за смерть отца и тем самым провозгласит свое собственное Старшинство.

Военные действия

В этой главе описываются: война, кровная вражда, экспедиции сватовства, особенно усиленные правилом экзогамии, нередкими в героической эпической поэзии.

Хантыйская традиция, пишет А. Хатто, в этом отношении стоит на особом месте, что находит неожиданное подтверждение в расположении городов-стен на краю пропасти над гибельными водами в хорошо выбранных верховьях Обской реки. В некоторых текстах войну вызывают / навевают *χiŋ*, духи моровой язвы. Хотя с языковой точки зрения *tāren* – «опасность / разрушение, обычно война», термин, который первоначально означал «дух болезни». С древних времен он стал использоваться

в мифологической традиции только в военных контекстах, причем в самых жестоких и разрушительных.

Ситуация конфликта часто связывается в эпосе со сватовством, с походами Богатырей за женами. А. Хатто отмечает, что ситуация *tären* может возникнуть на любом этапе ухаживания или свадьбы, вплоть до момента высадки у дома привезенной невесты, когда, например, в брачной лодке обнаруживается не она, а «невеста-заместитель».

Доспехи и оружие

В этом разделе А. Хатто постарался предложить археологам эпический рассказ о доспехах и оружии, которые певцы приписывают Князьям-Героям. Среди доспехов и оружия в эпосе почетное место занимают наследственные корсеты. Характерны для хантыйского эпоса кожаный корсет, а затем кольчужный корсет с золотыми рукавами.

Жизнь хантыйских эпических Героев-Принцев была тесно связана с луком и стрелами от отрочества до полной зрелости. Есть несколько сцен, в которых юное «я» отбрасывает свой мальчишеский лук со стрелами из «стеблей травы», неспособными сбить первую куницу, в пользу мужского лука, иногда унаследованного от покойного отца. В соответствии с тем, что более харизматические типы Героев-Принцев часто являются искусными мастерами, юный адепт впервые отправляется вглубь леса, чтобы выбрать и принести домой свой первый лук.

К тому времени, когда молодой Принц-Герой принесет домой свой лук, он еще выкует и выпустит множество стрел, чтобы снарядить свой кольчужный колчан на сто стрел и накопить «цену невесты на сто стрел». Принеся домой Первую куницу, и вернувшись из успешного похода, Принц-Герой может нести свое ремесло стрелка как минимум до средних лет, ведь с его помощью он может заключить союз с другим родом, поклявшись оказывать твердую военную помощь без участия в кровной вражде с другими.

Мужская ручная работа

Здоровая сила эпических князей-героев ярко выражена в их отношении к ручному искусству. Так же, как от их жен ожидалось, что шитье будет держаться всю жизнь, так и от их мужчин ожидалось, что они будут искусны в более тяжелой ручной работе, прежде всего в плотницком деле, а также в работе с железом.

На суше князья-герои могли изготовить лук для стрел. Они умели делать двери в домах, в том числе и с хитроумными ухищрениями, крыльца или мансарды, целые дома и даже деревянные города, причем в последнем случае, несомненно, с помощью других рук. Они делали и колыбели, древесину для которых брали из черемухи.

У воды они могли строить лодки, корабли с веслами, мачтами для парусов, клювообразными крыльями и штурвалами. В «Ели» младший брат

супергероя Эго ставит себе в заслугу постройку корабля у узкого притока Малой Сосьвы для экспедиции в далекие верховья Оби, и его горячая любовь к своему кораблю выдержана в лучших морских традициях.

Например, в героическом эпосе Пелыма рассказывается, что Эго плавает на своей маленькой лодке (для повседневного использования) в одиночку. Как и некоторые другие большие корабли викингов, она тоже оснащена железными крестовинами и железными ребрами на днище. Семь лодок *χίη*-принца, которые всплывают со дна Северного моря в Муэтекесе, тоже имеют железные борта, как у *χίη*-принца в Саме.

В послесловии к книге, написанном коллегой А. Хатто Дэниелом Приором, речь заходит о таком важном факторе, связанном с исследованиями традиционной культуры, как ответственность ученого перед историей, перед культурой.

Д. Приор высоко оценивает отношение А. Хатто к своему предмету, видит во всем его сильнейшее чувство ответственности перед создателями эпосов. «Писатель играет вторую роль после певцов в их представлении реального / нереального мира хантыйских эпических героев-принцев» и, вместе с певцами, перед их покровителями и слушателями.

Его вторичная ответственность – это герменевтическая ответственность перед наукой за тот вариант *понимания* традиционной культуры древнего народа, который был им предложен.

Вызывают интерес и суждения Д. Приора о тех проблемах, с которыми столкнулся исследователь хантыйского героического эпоса. А. Хатто сосредоточил большую часть своих этно-поэтических размышлений на традициях героической эпической поэзии – «героическое» и «эпическое» были разными понятиями, которые часто требовали «и» для их разделения. А. Хатто, пишет Д. Приор, оставил нам лишь намеки на то, как проводить детальный, обширный анализ сюжетных структур на основе эпических моментов в устном исполнении.

В заключении отметим наличие параллелей в наблюдениях А. Хатто и изысканиях современных отечественных специалистов в сфере археологии, этнологии и истории, аккумулированных в первом томе Академической истории Югры (2024). Картина мира с трехчленным делением сфер и в более сложной форме хантыйский пантеон представлены во II томе названного труда. Здесь же на материалах фольклора, оцениваемого как «этноистория», взгляд на прошлое не «со стороны, а изнутри», пусть наивный, но взгляд самого народа, представлена история расселения ханты в Нижнем Приобье. Напрашивается на сравнение и собственно исторический материал, рисующий картины средневековой поры с разделением традиционного социума на страты, формирование вождества [АИЮ 2024].

Названные параллели «поддерживают» научную значимость книги А. Хатто, а проблемы, которые отметили критики, в частности

Д. Приор, могут послужить подсказкой, необходимой для дальнейшего изучения героического эпоса ханты в частности и хантыйской картины мира в целом.

Источники

Hatto A. T. The World of the Khanty Epic Hero-Princes. An Exploration of a Siberian Oral Tradition. Published by Cambridge University Press, 2017. 238 p.

Литература

АИЮ 2024 – Академическая история Югры: в 8 т. Т. 2: Югра в XI–XVI вв. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры», 2024. 600 с.

Волдина Т. В. Изучение хантыйского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первые десятилетия XXI в. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 760–773.

Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. 258 с.

УДК 821.511.131

В. Г. Пантелеева

*Литературный институт им. А. М. Горького
г. Москва*

Художественный перевод как реставрация литературного памятника: заметки о переводах удмуртской малой прозы 1920-х гг.

Работа посвящена исследованию переводов удмуртской малой прозы 1920-х гг., которая в силу объективных социокультурных и историко-политических причин впервые переведена на русский язык через сто лет. Наряду с аргументацией причин запоздалого внимания к оригинальным текстам, рассматриваются конкретные переводческие стратегии и языковые сложности при перекодировке произведений первых удмуртских прозаиков, ставших классиками национальной литературы. Данный факт обуславливает внимание на сам процесс художественного перевода, воспринимаемого сегодня с позиции историко-культурной реставрации.

Ключевые слова: художественный перевод, удмуртская литература, рассказ, повествовательный ритм, этнографическая реалья, личное имя.

В основе заметок – удмуртские рассказы 1920-х гг., переведенные на русский язык и представленные в качестве дипломного проекта выпускниками 2024 г. удмуртского переводческого семинара Литературного института [Герд 2024; Денисов 2022; Дядюков 2024; Кельдов 2024; Медведев 2022; Медведев 2024; Медведев 2024а; Соловьев 2024; Яковлев 2021].

Оригиналы произведений, о которых пойдет речь, опубликованы в удмуртской газетно-журнальной периодике 1920-х гг. (за исключением рассказов К. Герда, А. Денисова и И. Дядюкова, изданных отдельными книжками), в дальнейшем они никогда не переиздавались и вплоть до перестроечных времен 1990-х гг. не были известны массовому удмуртскому читателю (за исключением текстов К. Герда, И. Дядюкова и И. Соловьева, в 1970–1990-е гг. отрывками включенных в школьные учебники по удмуртской литературе). Сегодня о них принято говорить как о «возвращенной» литературе. До широкого читателя они дошли в постсоветский период благодаря усилиям удмуртских писателей и литературоведов, включивших эти произведения в антологии и учебные хрестоматии последних лет [Виль дунне 1989; «Кылёз...» 2008; Сюрес вожын 2010; Шкляев 1995].

Не трудно догадаться, что обозначенные рассказы до наших дней не переводились на русский язык в полном объеме. Исключением являются два текста: «Кузь нюк» И. Соловьева (имеется журнальный вариант перевода А. Вазихова 2012 г.) и «Матй» Герда (журнальный вариант перевода А. Вазихова 2012 г. и книжный вариант перевода А. Гоголева 2020 г.).

Причин забвения удмуртских литературных «памятников» несколько. Во-первых, ряд авторов, стоявших у истоков зарождения и формирования удмуртской советской литературы, в 1930-е гг. подверглись репрессиям (Кузубай Герд и Константин Яковлев – 1932 г., Григорий Медведев – 1937 г.). После реабилитации они «возвращались» в литературу долго и «неполно» – в основном крупными произведениями колхозно-пролетарской тематики (Г. Медведев) или поэтическим творчеством (К. Герд), а малая проза оставалась в тени – в подшивках старых газет. Во-вторых, двум молодым писателям 1920-х гг. из-за ранней смерти суждено было остаться в истории литературы авторами одного произведения. Так, в 1930 г. от скоротечного туберкулеза легких скончались Иван Соловьев (1902–1930) и Матвей Кельдов (1900–1930), успевшие к тому времени опубликовать в местной прессе пару рассказов, но затем долгие годы остававшиеся в тени литературного процесса XX в. Малая проза всех вышеназванных авторов стала общим достоянием только в начале XXI в., о чем мы уже писали.

Так, в хрестоматии 2008 г. «Кылёз лёгем но пытымы...» («И останется наш след...») опубликован автобиографический рассказ (или дневник?)

Алексея Денисова «Мынам пленясь пегёме» («Мой побег из плена») [«Кылёз...» 2008: 6–14]. Как оказалось, автором является не писатель, а один из первых удмуртских сельских учителей, участник Первой Мировой войны, призванный на фронт в 1914 г. и вскоре попавший в плен. Удмуртский солдат был вывезен в Германию, где трудился на грязных тяжелых работах у немецкого фермера и смог в начале 1917 г. с группой товарищей из 5 человек совершить побег. Свое пребывание в плену, возвращение в Россию через разные страны и города (Германия – Голландия – Норвегия – Англия) и дорожные злоключения он описывает в изданной в 1919 г. в Казани брошюре под названием «Мынам пленясь пегёме».

Интересна судьба самой этой книжки. Ее случайно обнаружил в 1995 г. литературовед А. Г. Шкляев, работая в библиотеке Финно-угорского общества в Хельсинки. Он написал о находке в 2000 г. в своей монографии «Вапумысь вапуме» и отметил, что эта книга, до сих пор не известная ни одному специалисту, представляет собой достаточно самобытное явление [Шкляев 2000: 12].

Теперь автобиографический рассказ опубликован не только в упомянутой хрестоматии, но и включен в школьную программу по удмуртской литературе за 8 класс. В первых изданиях школьного учебника (2016 и 2020 гг.) автор произведения упоминался без фотографии и биографических данных, сейчас биография А. Денисова изучена и восстановлена [Пантелеева 2022: 12–14]. Его рассказ на русский язык перевел выпускник Литинститута В. Верещагин и опубликовал в журнале «Инвожо» [Денисов 2022: 56–61]. Здесь же опубликованы еще два рассказа 1920-х гг. в переводах молодых литераторов: речь о «Коньяке» К. Яковлева [Яковлев 2021: 55–57] и «Новом мире» Г. Медведева [Медведев 2022: 57–63].

С какими трудностями столкнулись молодые переводчики в процессе работы с литературными текстами вековой давности? Можно утверждать, что переводческие «камни преткновения» универсальны и нет каких-либо специфических сложностей, связанных с датой создания оригинального произведения. Скажем так: это поверхностный взгляд. В культурологии существует понятие «временной дистанции» [Сальмон 2002: 115], которая на уровне жанра и стиля ощущается носителями языка, в нашем случае современными удмуртскими читателями оригинальных текстов 1920-х гг. Но в процессе художественного перевода дистанция возникает и между двумя лингвокультурами: отдающей и принимающей. В этой ситуации ЧТО должен сделать переводчик, чтобы «заставить» принимающих современных русскоязычных читателей испытать, через двойную дистанцию, существование исторически другой культурной среды и иного языкового кода? КАК приблизить читателей к переводам произведе-

ний вековой давности, если все время существует риск их невосприятия из-за того, что кажутся «мало понимаемыми» и, следовательно, «скучными». Здесь для успешной работы переводчика так называемых дополнительных «фоновых знаний» [Федоров 1983: 26] недостаточно: важно правильно подобрать регистр исполнения.

Процесс художественного перевода всегда сопряжен с потерями, и сей факт является аксиомой. Между тем у переводчика есть выбор «потери»: приглушить голос автора или собственный голос. В данном случае все без исключения рассказы, являясь своего рода первыми «вербальными памятниками» удмуртской советской литературы, требовали чрезвычайно бережного отношения к «голосу» автора и стилю повествования. Метафорично работу переводчиков можно было бы сравнить с работой реставраторов, действующих по принципу: не навреди. Притом «не навреди» – это поиск так называемой золотой середины между калькированием и «одомашниванием», т. е. чрезмерным русифицированием, литературной обработкой.

Думается, на практике самым сложным и трудозатратным стало воссоздание **повествовательного ритма, манеры письма** удмуртских литераторов 1920-х гг. Поскольку в жанровом плане удмуртская проза еще только переживала этап становления, то и выбранные для перевода произведения столетней давности являли собой синтез художественных текстов с доминантой очерково-документального повествования и фольклорной образности. Так, Алексей Денисов, выходец из крестьянской среды, повествует свою историю как чистый сюжет без каких-либо риторических приемов. Рассказ лишен художественных средств: это сухая фиксация хронологических событий, в которых авторская мысль (предложение) чаще всего завершается действием – глаголом, а еще чаще – с составным сказуемым с повторяющимся глаголом «вал» («было»). Вот пример из третьего абзаца II главы (в скобках курсивом приводится мой подстрочный перевод выделенных глагольных конструкций. – В. П.): «Милемыз возён интыез “лагерь военнопленных” **шуо вал (говорили было)**. Лагерьлы быдэ 40 сюрс но 50 сюрс мурт пыртэмын луэ, куд-дыръя солэсь но **уногем луэ вал (и больше бывало)**. Милемыз, ваем беразы, суй бараке пыртйзы. Куазь утыр кезыт луиз: изыку туж кынмыны кутским. Милемлы шобыртйськыны шобыртйськон сётйзы, уламы нош куро **вёлдйськом вал (стелили было)**. Улон баракмы туж лапег но **зоскыт вал (тесно было)**. Озы улон сямен дйськутэ, шобыртйськон борды но туж трос тэй потйз. Дйсез педло потыса куштйськод ке, тэй ветлэмен, весь копак выре кадь ик **адске вал (казалось было)**. Нуналлы быдэ милемыз кык пол но, куинь пол но **тэкшыро но чотало вал (считали было)**. Тэкшырон дыръя часлэсь кема **сылыто вал (заставляли стоять было)**. Сиён отын туж **начар вал (скудная была)**: нунал-

лы жыны гирвонка нянь но օжыт шыд сёто. Нянь ке куриськом, немыч нянь интые пычал возматэ. Лагерьысь потаны нокытчы но **уг лэзё вал (не пускали было)**: ваньмыз решеткаен котыртэмын, котыраз часовой-ёс пуктылэмын, часовой дорын пулемет **понэмын вал (стоял было)**» [«Кылёз...» 2008: 7].

Подобная нарочитая простота, фактографичность и безэмоциональная монотонность крестьянско-солдатской речи начала XX в. и вызывала наибольшие сложности при переводе. С одной стороны, перевод мог легко превратиться в добротный подстрочник и утратить художественную ценность для «принимающего» чужую культуру русскоязычного читателя; с другой стороны, стремление переводчика во что бы то ни стало в полном объеме передать простую речь рассказчика через просторечия русского языка могло привести к искусственности и вычурности переводного текста. Поиск баланса между асимметрией двух языковых кодов повествования – мучительный процесс для переводчика. На наш взгляд, переводчику В. Верещагину удалось найти этот баланс: «Держали в лагере для военнопленных. Там под сорок-пятьдесят тысяч пленных **было**, иногда и того больше. Как привезли, сразу отвели в земляной барак. Погода с каждым днем портилась, **холод по ночам до костей пробирал**. Спали на жесткой соломе, укрывались рваньем. Барак низкий да тесный, жить невозможно. На одежде и покрывалах развелись полчища вшей. **Было** их так много, что, **ежели** скидываешь на землю одежду, кажется, что она сама по себе движется. Обыскивали и пересчитывали нас по два-три раза на дню, больше часа стоять приходилось. Кормили плохо: в день давали полгривны хлеба и немного супа. **Ежели** просили добавки, немцы винтовками грозились. Из лагеря не сбежать: кругом решетка да караульные с пулеметами» [Денисов 2022: 57].

Еще нагляднее переводческие стратегии передачи повествовательной канвы произведения можно продемонстрировать на примере рассказа «Матй» Кузебая Герда. На основе сравнения оригинала и трех существующих переводов легче всего уследить за оригинальным повествовательным «голосом» автора (рассказчика) и его звучанием в переводных вариантах.

Предлагаю подстрочный перевод начала рассказа:

«**Вспоминаю** (думаю), и это, кажется, **было** не так давно...

Так перед глазами и **предстает**.

Матй девушкой **была**. Люди со всей округи знали ее. Глядя на ее красоту, не могли насытиться...

Да уж как не будут смотреть!

Кроме нее, ничто своей красотой не ласкало глаз. Вокруг леса, бесконечные болота, кочки. Избы у удмуртов бедные: как слепые

(подслеповатые) женщины, с маленькими окнами. И народ, как и избы, слепой..., сгорбившийся от тяжелой работы, трудом прижатый к земле...

Как цветок, была красива Матй!

И завяла как цветок... завяла – безжалостно ее в грязь втоптали.

До восхода солнца, в то время, когда облака только начинали краснеть, **бывало, выйдет** она перед своими воротами: **начнет**, словно птичка, с кем-то разговаривать.

Как серебрянный колокольчик **был** ее голос: чистый, звонкий. Как **начнет говорить**, так весь день **мог бы слушать**.

И походка у нее какая-то красивая **была**: все **смотрел бы**, глаза **никогда бы не устали**. Высокая, стройная, со светлыми кудрявыми волосами... По улице она словно лебедь, плывущий по воде, проходила...

А глаза!.. **Даже голодный волк забыл бы о своем голоде, если бы увидел** ее глаза: красивые, умные, как цветок, голубые!

На всех **посмотрит**, всем доброе слово **скажет**, иногда **запоет**, как жаворонок, – **таким человеком была Матй!..»** (подстрочный перевод мой. – В. П.).

Что мы имеем? Главным образом то, что в «голосе» автора отчетливо слышно сочетание сказовости повествования с набором традиционной фольклорной образности в обрисовке главной героини (но образ героини в этой статье мы не будем рассматривать). Сказовость (но не сказочность!) создается за счет неспешного ритма рассказывания и смешения глагольных форм на всем протяжении текста (тон задает первое и второе предложение рассказа с глаголами настоящего времени: «Если думаю...», «Так и встает перед глазами»); повтора именных и глагольных конструкций с глаголом «вал» («было»); частотного использования глаголов будущего времени в значении прошедшего времени; использования глаголов сослагательного наклонения с семантическим значением «призрачности, недостоверности» информации и апелляцией ко второму лицу. Такой «набор» повествовательных нюансов создает сложности для переводчиков-реставраторов. Как бы лишним мазком кисточки не стряхнуть подлинный слой краски.

Перевод А. Вазихова:

«Кажется, совсем недавно это было...

Знала Мати вся округа. Пленила **красота девичья** сердца людей. Глядя на нее, светлее становилось на душе. Ведь жили они в **лесах дремучих**, среди **кочек болотных**, в избушках с **окошками незрячими**. Ничего, кроме тяжелой работы, не видели, словно некая пелена застила глаза.

И вот, **о чудо**, в той глуши зацвел цветок, невиданный доселе – красавица Мати.

Недолго тешил душу он – сгубила **злоба человечья**.

Лишь только **заалеют** облака, завидя пробудившееся солнце, Мати выходит из ворот и песню утренней зари **дарует** людям. И слышат те, как трели соловья выводит нежный колокольчик... В глазах Мати колдуют васильки, и **дикий зверь, поддавшись чарам ласки, смиряет буйный нрав** и стороной обходит те места, где встреча неминуемо настанет. Когда она по улице идет, то говорят, что лебедь так плывет: неторопливо, величаво. И счастлив тот, кого Мати одарит приветливым кивком и **словом добрым**. С ней песни становились **звонче, бойчее в пляс пускались ноги**. И где Мати – там выпивох не видно. Увидя девушку, добрели старики, и всяк хвалил ее как мог.

Любовь и ласка окружали Мати. Да и как же иначе! Кто, кроме нее, мог порадовать хорошей песней и **ублажить приятной речью; утешить в трудный час тоскующее сердце** и мрачные думы развеять. Некому!

Тьма кругом и жизнь тяжела. А без Мати было бы еще хуже.

Но не уберегли цветок. Втоптали его в грязь» [Герд 2012: 28].

Прокомментируем коротко: сказочная стратегия перевода, выбранная А. Вазиховым, искажила размеренно-разговорный повествовательный ритм оригинала. Небрежная работа с глаголами, обилие сочетаний с постпозицией прилагательного, что весьма нехарактерно для удмуртской речи, также изменило авторский рисунок рассказа.

Перевод А. Гоголева:

«Думаю об этом и, кажется, это было не так давно.

Засела эта история в голове.

Мати **была девушкой**.

Со всей окрестности **люди** знали ее. Глядя на ее красоту, **не могли насытиться**.

Да уж как не смотреть!

Кроме нее, ничего красивого нигде рядом **не было**. Вокруг только лес, бесконечное болото да кочки. Дома у удмуртов бедные: стоят как слепые женщины. Маленькие окна в тех домах. Народ, как эти дома, слепой, прижатый к земле тяжелой **своей работой**.

Как цветок, **была красива Мати!**

И завяла, как цветок: без жалости втоптали ее в грязь.

Перед восходом солнца, когда только розовеют облака, **выйдет** она за ворота, **начнет**, словно птичка, с кем-то щебетать.

Как серебряный колокольчик, **был ее голос**: чистый, звонкий. **Начнет** говорить – так весь день ее можно слушать. И **походка ее была красива**: глаза бы никогда не устали смотреть **на такую походку**. Высока **была**, стройна, со светлыми кудрями. По улицам шла – словно лебедью плавала.

А глаза каковы были! Даже изголодавшийся волк забыл бы о своем голоде, если бы только увидел ее глаза: красивые, умные, как цветы, голубые.

На всех посмотрит, всем легкое слово скажет, иногда запоет, как жаворонок – **таким человеком была Матй!**» [Герд 2020: 20–21].

Видно, что перед нами искусно выполненный подстрочник. Думается, стратегия переводчика на буквальное перекодирование оригинала в данном случае не совсем оправдана. В буквальном смысле осторожное отношение к наследию К. Герда здесь привело к механическому, калькированному переносу на чужую почву удмуртского «языкового сада», и грубые повторы («**И походка ее была красива**: глаза бы никогда не устали смотреть **на такую походку**»; «**Даже изголодавшийся волк забыл бы о своем голоде**»), в том числе многочисленные вариации глагола «**был**» не дают прижиться ему в иной культурной среде. И если в первом случае переводчик «перебрал», то здесь он «недобрал», и становится ясно, насколько глубоко меняется «эффект» произведения для принимающего русскоязычного читателя в зависимости от «храбрости» (свободы) или «осторожности» (несвободы) переводчика.

Перевод Л. Зариповой:

«**Вспоминаю**, и будто вчера это **было...**

Так и **стоит ее образ** перед глазами.

Образ девушки по имени Матй. Вся округа ее знала. Люди на красавицу наглядеться не могли...

Да и как на нее не поглядеть!

Если ничего вокруг больше глаз не радует. Одни леса да бескрайние топи. Избы удмуртов бедные с мутными, как глаза старухи, маленькими окнами. И народ под стать своим избам... слепой, согбенный от тяжелой работы, будто давит его непосильная ноша к земле...

А Матй – прелестный цветок!

И увяла подобно цветку... увяла – затоптали ее безжалостно, в самую грязь затоптали.

Бывало, чуть забрезжит рассвет, окутывая облака красноватым маревом – **выйдет** она к воротам и как птичка **защебечет** с кем-то.

И **разольется** повсюду ее серебряный голосок: такой чистый и звонкий. День и ночь бы ее лишь и слушал.

Высокая, стройная, светлые кудри бегут по плечам... **Выглянешь** из окна и **понять не можешь**, то ли Матй идет, то ли лебе-душка плывет белая...

А глаза!.. Увидав их, и волк **позабыл бы** о голоде: такие пронзительно-ясные, голубые, в самую душу глядят.

Встретишься с ней, взглядом ласковым всех **обведет**, никому слова **доброго не пожалеет**, а иной раз и **запоет** звонким жаворонком – вот **какая была** Матй!..» [Герд 2024].

Молодая переводчица Л. Зарипова делает акцент на сохранение в русском тексте фольклорной сказовости оригинала, следуя аутентичности ритма и рисунка повествования: например, на всем протяжении приведенного отрывка соблюдено смешение глагольных форм, имеющих регламентированную семантическую функцию. Перевод читается легко и естественно, поскольку в нем нет произвола и небрежного калькирования. Лексика одновременно проста и выразительна, как в оригинале; этнически маркированное имя главной героини, оставленное в переводе в его оригинальном звучании (транскрипция личного имени с фиксацией ударения на втором слоге дается в сноске), придает русскому тексту ощущение инаковости и подлинности описываемого.

Кроме вышеизложенного, имеются другие универсальные маркеры переводческих трудностей. Речь идет:

1) **о переводе этнографических реалий и элементов обрядовой практики.** Мы помним класификацию реалий, данную С. Влаховым и С. Флориным [Влахов, Флорин 1986: 61–63], список достаточно обширный, но здесь сакцентрируем внимание на его отдельных элементах, например, обрядово-ритуальном действии. Для наглядности приведем отрывок из «Длинного лога» И. Соловьева.

Оригинал: «Шактыр вöсям вазь жук веръяз, мумыкор борды йöтскиз, собере, туж бöрдыса, коркась потйз. Сузэрез капка усьтйз, со усьтэм капкаетй Шактыр огназ гинэ потса кошкиз. Капкаез ворсаса, музонзэ усьтыса, калык но ураме потйз» [Соловьев 1928].

Подстрочник (мой. – В. П.): «Шактыр **освященную полбенную кашу** попробовал, к **матице** прикоснулся, затем, очень **сильно рыдая**, из дома вышел. Младшая сестра **ворота** открыла, через эти открытые **ворота** только один Шактыр вышел. Закрыв **ворота**, открыли **другие**, и **народ** тоже на улицу вышел».

О каких воротах, три раза упоминаемых в данном лаконичном фрагменте, идет речь, носителем удмуртского языка понятно из контекста без уточняющих эпитетов и комментариев. Именно на это надеялся и автор

(хотя скорее всего он об этом вовсе и не думал), отдельно не упоминая в повествовании о «больших и малых» воротах, имеющих в традиционной культуре удмуртов разное функционально-семантическое значение, порой восходящее к сакральному. Так, большие ворота, символизирующие выход в иной – другой, подчас чужой – мир, открывались по особым торжественным или горестным дням: проводы в армию (рекрут), свадьба, похороны. Они олицетворяли процесс «расставания, ухода из дома», «перехода в другой мир», поэтому через них могли выходить только «избранные»: новобранцы, невесты, там выносили покойников. Именно поэтому в анализируемом рассказе «...через эти открытые ворота только один Шактыр вышел». «Другие» ворота в тексте означают «малые» ворота, предназначенные всем для повседневного пользования. Кроме этого, в оригинальном тексте содержатся другие элементы ритуального действия проводов в рекрут: освященная каша, матица, горячие слезы.

Перевод А. Вазихова: «Провожать парня пришла вся деревня. Уходя, не позабыл Шактыр **об обычае**. Отведал каши из полбы, **притолок, будто случайно, задел. Нехотя** вышел из избы. Вот и **ворота** настечь – для него лишь одного открыты сестрицей милой. **Гости** же хлынули чрез **другие**» [Соловьев 2012: 218–219].

Полагаем, что русскоязычный читатель мало что понял из этого переводного текста, несмотря на слово «обычай». Именно оно и кажется здесь лишним и чуждым, поскольку для автора И. Соловьева (и в особенности для его героя) все описываемое им в 1928 г. (а сюжет рассказа относится к царской России) не являлось маркером «обычая», а только фиксацией реальной тяжелой крестьянской доли. Другое «чуждое» слово в переводе – «гости», ибо в традиционной ритуальной практике удмуртов не было «гостей» в привычном значении: в «действе» участвовала вся деревня от мала до велика, будь то свадьба, похороны или проводы в армию.

Перевод Л. Зариповой: «Наскоро похлебав **освященную полбенную кашу**, Шактыр поднялся из-за стола и провел мозолистой ладонью по шершавой **матице**. Напоследок он еще раз окинул взглядом родные стены: старую печку, пестрые матушкины половики, добротные деревянные лавки... **Утирая рукавом слезы**, Шактыр вышел из родительского дома. Сестра отворила для него **большие ворота** – тонкую грань, разделяющую мир взрослого мужчины, воина и простого деревенского мальчика. Шактыр осторожно переступил невидимую черту. **Большие ворота** закрылись и отворились **малые** – через них повалила **вся деревня**» [Соловьев 2024].

В этом описании, простом и торжественном одновременно, чувствуется особая ритуальная значимость происходящего в удмуртской деревне второй половины XIX в. события, и перевод с внутритекстовым комментированием сохраняет это ощущение аутентичности.

2) **перевод собственных имен** – например, топонимических названий деревень, рек, гор и др., притом часто топонимика играет в произведениях сюжетобразующую роль или выступает в качестве заглавия. Все бы ничего, как в случае с «Бегентыло» Матвея Кельдова: то, что это название местности за деревней, переводчик указал в ссылке [Кельдов 2024]. Но как быть, если собственное имя содержит в себе аффрикаты – удмуртские буквы, обозначающие специфические звуки (например, ж, з; ӟ, ӧ, й), произношение которых неведомо русскоязычному читателю? Здесь каждый раз требуется индивидуальный подход, ибо готового переводческого решения нет. И мы полагаем, что это тема отдельного исследования.

3) **перевод личных имен героев** (чаще – языческих или воршудных). Это наиболее уязвимая область художественного перевода. Между типологически и экспрессивно разными формами удмуртских и русских личных имен практически нет прямых соответствий. «Например, удмуртское Натй какому русскому имени соответствует: Наташа? Наталья? Ната? Натка?» [Каракулова 2004: 22]. Следует указать еще на два объективных момента, представляющих трудности для переводчика: типологическое несоответствие удмуртской двучленной (без фамилий) и русской трехчленной систем именования и несоответствие удмуртской и русской фонетических систем (в том числе алфавита), т. е. речь об отсутствии в русском языке аффрикат, о чем уже упоминали выше. Как должны быть переведены на русский язык названия таких произведений, как «Пашкá Педóр» И. Дядюкова, «Матй» К. Герда или «Санй» И. Гаврилова? Кстати, добавим, что в удмуртском языке фиксированное ударение: оно всегда падает на последний слог. Носителям удмуртского языка совершенно очевидно, что «Пашкá Педóр» и «Федор Павлович» («Федор Павлов»?) далеко не одно и то же: в удмуртской двучленной системе именования второе слово обозначает собственно имя человека, а первое – имя отца (отчество), реже – фамилию или же прозвище, так называемое имя рода.

Но вернемся к «Пашкá Педóру» И. Дядюкова в переводе А. Ларионовой. В результате многочисленных консультаций и обсуждений было решено в переводном варианте просто поменять местами слова и предложить русскоязычному читателю произведение с заглавием «Педóр Пашкá» с обозначением ударных слогов в имени.

Мы исходили из того, что «В удмуртском языке главное слово (т. е. основное имя) стоит обязательно в постпозиции, а в русском чаще в препозиции: Макар Ванька – это Иван Макаров или Иван Макарович. Поэтому, на наш взгляд, при переносе удмуртских двойных имен в русский текст без преобразования первого в фамилию или в отчество было бы более правильным поменять их местами: Микта Иван – Иван Микта; Лёгор Ванька – Ванька Лёгор» [Каракулова 2004: 17–18].

По такому принципу молодые переводчики перевели личные имена всех персонажей выбранных рассказов 1920-х гг. Конечно, шаг этот рискованный, новаторский, и еще неоднократно они услышат критику в свой адрес, прежде всего от носителей удмуртского языка. Разве так можно? Аргументом служит целевая аудитория переводов на русский язык – русскоязычный читатель, для которого «Педор Пашка» – грамматическая норма: он понимает, что речь в повествовании идет о герое по имени Педор. Более того, выбранная молодыми переводчиками стратегия не русифицировать имена персонажей, а в двучленных именах выносить слово из постпозиции в препозицию является, на наш взгляд, оптимальным вариантом передачи этнической маркированности личного имени как «социального знака, социальной характеристики человека» [Успенский 1996: 203] в переводном тексте. Вопрос этот небесспорный, как и прагматика перевода личных имен с удмуртскими аффрикатами. Но пока оставим его решение для других исследований.

Кроме вышеуказанных проблем, современным переводчикам пришлось столкнуться с трудностями **лексического и грамматического плана**. К лексическим, в первую очередь, относится обилие архаизмов – слов из области крестьянского труда и реалий до- и пореволюционной жизни (серб, сноп, копна, стог, полоса жатвы, шерстобитная машина, бастрик; сотский, десятский и др.), военного быта солдат царской армии и военных терминов времен Первой Мировой войны (в рассказе А. Денисова) и так называемых «советизмов» 1920-х гг., ныне практически вышедших из повседневного употребления. Отдельная история – лапти. В переводимых рассказах встречались женские, мужские, детские лапти, праздничные и для каждодневной носки, летние и зимние, сплетенные из семи или девяти лык – и все имеют свои функциональные особенности, отраженные в лексике, и они каждый раз озадачивали переводчиков.

Переводы произведений классиков национальной литературы на русский язык крайне необходимы по двум причинам: социокультурной и историко-литературной. В первом случае речь идет о продвижении и популяризации забытых (неизвестных) имен удмуртских писателей и их произведений в среде широкой читательской аудитории, во втором – о включении «возвращенных» текстов в национальный литературный процесс XX в.

Источники

- Виль дунне: Антология. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 1989. 366 с.
Герд К. Матй. Сарапул, 1920. 16 с.
Герд К. Мати: эротическая новелла / Пер. Альберта Вазихова // Инвожо. 2012. № 3. С. 28–31.
Герд К. Мати: повесть / Пер. Андрея Гоголева. Ижевск: Шелест, 2020. 48 с.

Герд К. Матй / Пер. Луизы Зариповой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024.

Денисов А. Мынам пленысь пегъеме. Казань, 1919. 23 с.

Денисов А. Мой побег из плена / Пер. Владислава Верещагина // Инвожо. 2022. № 1. С. 56–61.

Дядюков И. Пашка Педор. Ижевск: Удгиз, 1936. 48 б.

Дядюков И. Педор Пашка / Пер. Анастасии Ларионовой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024.

Кельдов М. Бегентыло: верос // Гудыри. 1929. 17, 19–22 нояб.

Кельдов М. Бегентыло: рассказ / Пер. Луизы Зариповой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024.

«Кылёз...» 2008 – «Кылёз лёгем но пытьымы...» («И останется наш след...»): хрестоматия-практикум. Ижевск: Удмуртия, 2008. 328 с.

Медведев Г. Сари вал: верос // Гудыри. 1927. 7 сент.

Медведев Г. Саврасая лошадь / Пер. Анастасии Ларионовой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024.

Медведев Г. Сютэм ар (1921) // Кенеш. 1928. № 10–11. С. 26–29.

Медведев Г. Голодный (1921) год / Пер. Анастасии Ларионовой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024а.

Медведев Г. Виль дунне // Кенеш. 1929. № 3–4. С. 29–36.

Медведев Г. Новый мир / Пер. Анастасии Ларионовой // Инвожо. 2022. № 3. С. 57–63.

Соловьев И. Кузь нюк // Кенеш. 1928. № 16. С. 15–22.

Соловьев И. Длинный лог / Пер. Альберта Вазихова // Инвожо. 2012. № 4–5. С. 218–222.

Соловьев И. Длинный лог / Пер. Луизы Зариповой. Рукопись выпускной квалификационной работы. М.: Литературный ин-т, 2024.

Сюрес вожын: хрестоматия. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. 468 с.

Шкляев А. Г. Чашъем нимъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 448 с.

Яковлев К. Коньяк // Кенеш. 1929. № 6. С. 2–22.

Яковлев К. Коньяк / Пер. Софьи Князевой // Инвожо. 2021. № 10. С. 55–57.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.

Каракулова М. К. К проблеме передачи удмуртских личных имен в русских переводных текстах // Русская речь в Удмуртии: межвуз. сб. ст. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2004. С. 15–23.

Пантелеева В. Г. Литературная история длиною в век // Инвожо. 2022. № 2. С. 12–14.

Сальмон Л. Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. М.: ИНДРИК, 2002. 160 с.

Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий // Успенский Б. А. Избранные труды. Язык и культура. Т. II. М., 1996. С. 203–251.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Шкляев А. Г. Вапумысь вапуме. Ижевск: Удмуртия, 2000. 184 с.

УДК 811.511.13

А. А. Рычкова
*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь*

**Костюм коми-пермяка
по материалам художественных произведений:
историко-лингвистический аспект**

Работа посвящена выявлению историко-лингвистических особенностей наименований национальной одежды и обуви коми-пермяков. Для их выявления проанализированы художественные произведения разных авторов, в которых описываются исторические события.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования одежды, наименования обуви, художественные произведения, исторические события.

Исторические события четко прослеживаются во всей мировой литературе. Не является исключением и национальная коми-пермяцкая литература. Согласно мнению В. В. Пахоруковой, «история коми-пермяцкого народа дает богатейший материал для художественного исследования. Известно, что коми-пермяки, крепостные графа Строганова, не раз поднимались на борьбу против помещика. Этот протест нашел отражение даже в коми-пермяцком богатырском эпосе (предания о Пере-богатыре)» [Пахорукова 1996: 83]. А П. Домокош выделяет исторические события как один из источников для образования, развития национальной литературы [Домокош 1993].

Целью данной работы является выявление и систематизация историко-лингвистических особенностей наименований одежды и обуви коми-пермяков. Материалом исследования послужили художественные тексты В. Я. Баталова, В. И. Исаева, М. П. Лихачева.

Так, М. П. Лихачев – основоположник коми-пермяцкой литературы, писатель-прозаик, автор первых учебников для взрослых и детей, автор первого коми-пермяцкого романа – в своих произведениях центральным

сюжетом видит жизнь коми-пермяков. Он, являясь свидетелем новых для него исторических событий, таких, как гражданская война («Гёрд дора пас», 1930), коллективизация («Виль туйёт», 1929), пытается передать свои ощущения и показывает, как проходят эти преобразования тогда еще в глухих коми-пермяцких деревнях.

Первый коми-пермяцкий роман, вышедший из-под его пера, «Менам зон» (1936), в русском варианте – «Мирош, мирской сын», тоже имеет историческую основу. Автор «первым в коми-пермяцкой литературе начал исследование истоков революционного сознания в одной из отдаленных царских окраин» [Пахорукова 1996: 82–83].

Историко-революционная тема, впервые появившаяся в творчестве М. П. Лихачева, нашла продолжение и в романе В. Я. Баталова «Югдикö» (1980). Действия в данном романе охватывают большой временной промежуток: с середины XIX в. до революции, во время которого сменяют друг друга три поколения семьи Лунеговых.

В. Я. Баталов пишет о больших, значимых событиях в жизни народа: о первых шагах Советской власти, об организации первых коммун в лесных деревнях. Несмотря на то, что жители деревни жили вдали от общественно-политических событий, гражданская война добралась и до них [Пахорукова 1989].

Также в данной работе уделит внимание повести В. И. Исаева «Шаньшор» (1993). Действия в повести происходят в XVIII в. Автор рассказывает о событиях, происходящих во время расселения коми-пермяков в бассейнах рек Янчер и Коса Кочёвского района.

Во всех трех анализируемых произведениях имеется обширный этнографический материал. Авторы пишут об обычаях и традициях коми-пермяков, описывают национальные праздники, верования народа. Содержится информация о национальной пище, промысловых занятиях. Не остается без внимания и одежда, и обувь коми-пермяков.

Исследовательский интерес заключается в том, чтобы выявить особенности использования авторами наименований одежды и обуви в своих произведениях: в каких случаях герой одет в ту или иную одежду, как это связано с его социальным статусом, историческим временем, происходящими событиями, родом деятельности героя и т. п.

Прежде чем перейти к анализу произведений, отметим, что еще в XIX в. Н. А. Рогов в своей работе «Материалы для описания быта пермяков» (1860) отметил, что повседневная одежда мужчин – это рубаха, порты (*вешьян*), лапти; а у более зажиточных крестьян имеются сапоги, которые надеваются только в особых случаях; женщины носят рубаху, дубас, изредка встречаются сарафаны, на голову повязывают платок [Рогов 1860].

Ситуация в произведениях не слишком сильно отличается от описанной Н. А. Роговым, несмотря на то, что в одном события происходят до

создания исследователем своей работы, а в двух других – уже после составления сборника Н. Роговым.

Объяснить подобное можно тем, что жизнь коми-пермяка не слишком сильно меняется с течением времени. Согласно данным произведениям, мы можем видеть даже то, что этот народ не сразу узнает об общественно-политических изменениях в стране, не говоря уже об изменениях в одежде или быте:

– *Перво баитлісö германскöй война йылісь, – жагöна, дзик полöмön, пондöтчис висьтасьны Пров. – Абу на, шуöны, ештöм кончитчыны сія войнаыс, кызд бытьтö пö Миколасö царскöй престол вывсис вештöмась. <...>*

– *Народ пö вештöм, Педöтыч. Революция, шуöны, мöйму тулыснас миян Россияын вöлöма. <...>*

– *Вон кызд керсьö, – думайтöмön качайтышитіс юрнас Тима. – А мийö вөр шöрас нем огö тöдö. Царь-батюшкоöс сё эшö касьтывлам, юрбитам сы вылö, кызд енлö, отсöт корам, а сія, может, и ловья ни абу* [Баталов: 1986].

‘– Сначала говорили о германской войне, – медленно, будто страшась, начал рассказ Фрол. – Не успела, говорят, еще закончиться эта война, как Николая с царского престола выгнали.

– Народ, говорят, выгнали, Федотыч. Революция, говорят, прошлой весной у нас в России была.

– Вон что делается, – задумчиво ответил Тима. – А мы в лесу ни о чем и не знаем. Царя-батюшку все еще вспоминаем, молимся ему, как богу, помощи просим, а его, может быть, и в живых уже нет’.

Обратившись к анализируемым произведениям, отметим тот факт, что манера «одевать» героев не слишком сильно отличается, несмотря на то, что события в одном из произведений происходят задолго до событий в двух других произведениях.

Так, в обыденности мужчины-пермяки одеваются следующим образом: *Епимко куйлöv-керис пöлатьын, кышышитіс ассис зипунсö да тожö петіс öтөрö* ‘Ефимка полежал на полатах, после надел свой зипун (полупальто из грубого самодельного сукна) и тоже вышел на улицу’ [Исаев 1995]; *Стрась кынмисö коккес, бытьтö сія нинкöммезтöг. Да и вывытърсö дубитöм пасьыс умöля шонтіс* ‘Ноги так сильно замерзли, будто он босой (букв. без лаптей). Да и шуба, сшитая из дубленой овчины, плохо грела’ [Исаев 1995]; *Кышаліс юр вылас важ шапка, пасьталіс шабур, кушакасис да кузь оськөввезöн петіс керкусис* ‘Надел на голову старую шапку, шабур (верхняя летняя одежда из холста), подпоясался кушаком и длинными шагами вышел из дома’ [Баталов 1986]; *Максимка чöвтчис, öшöтіс поньтоксö полать увтö* ‘Максимка разделся, повесил пониток под полати’ [Баталов 1986]; *А менö морозыс чожа оз босьт: зипун да пась вывтам* ‘А меня мороз не возьмет: надел зипун и шубу’

[Рычкова 2021]; *Мирош пеля шапкаа, вьвтас кышалёма шоньт да кузь гёна дублендой пась* ‘Мирош в шапке-ушанке, надел теплую, мохнатую дубленую шубу’ [Рычкова 2021].

Обыденная манера одеваться у женщин выглядит следующим образом: *Дарья, кёр кылс, что сийё озё ни вартлө, кватитис поньток и чепёссис ыбёс сайё* ‘Дарья, когда поняла, что ее уже не бьют, схватила пониток и выскочила за дверь’ [Исаев 1995]; *Глаша пасьталис шабур, петис отёрё* ‘Глаша надела шабур, вышла на улицу’ [Баталов 1986]; *Фомка гусьёник нёджжалис Глашалис паськёмсё, чужёмсё: гёрд ноёвой чулкиэз, басёк нинкёммез – эшё вильёс, важ лёз шабур, чочком чышьян да испоткаэз, кузьмёса басёк чужёмбан* ‘Фомка осторожно разглядывал одежду Глаши, ее лицо: красные суконные чулки, красивые лапти – еще новые, старый синий шабур, белый платок и вязаные варежки, красивое лицо’ [Баталов 1986]; *Инькаыс сё вевттисьё дубаснас* ‘Женщина все кутается в дубас’ [Рычкова 2021]; *Вёлі сія коса дублёной пась, юр вылас шоньт шаль* ‘Была она в приталенной дубленой шубе, на голове – теплая шаль’ [Рычкова 2021].

Чаще всего, что у женщин, что у мужчин, упоминаются наименования верхней одежды разных сезонов, т. к. действия в большей степени происходят осенью, зимой.

Можно отметить, что авторы уделяют внимание не только тому, во что «одевают» героев, но и материалу изготовления одежды: *ноёвой чулкиэз* ‘суконные чулки’, *испоткаэз* ‘вязаные варежки’, *пон кеписсез* ‘рукавицы из собачьей шкуры’, *кёч кучикись вурём кузь пеля шапка* ‘длинноухая шапка, сшитая из заячьей шкуры’, *ур кучикись шапка* «шапка, сшитая из беличьей шкуры». Наиболее часто такие примеры встречаются у М. П. Лихачева. Он вводит в свои произведения новые материалы: кашемир, флис.

Кроме этого замечено, что мужская одежда описывается чаще, чем женская. Скорее всего, подобное связано с тем, что сами писатели – мужчины.

Также авторами отмечаются случаи, которые требуют от персонажей особой манеры выбора одежды. Например, герой В. Я. Баталова, собираясь на сход с другими жителями деревни, одевается следующим образом: *Минута бёрті Лукерья вайис жёникислө серётөм сикёджа чочком йёрнёс да лёз каймиа гёрд кушак. Пыртіс дьёгёдьөн кыза мавтөм кучиковой сапоггез* ‘Минуту спустя, Лукерья принесла мужу белую рубаху с вышитым воротником и красный кушак с синей каймой. Занесла кожаные сапоги, толсто смазанные дегтем’ [Баталов 1986].

Собираясь в лес на долгую охоту, тоже нужно было одеваться не в повседневную одежду: *Лукерья вайис кык вешьян, йёрнёс, кыз ноёвой нямөттэз, кеписсез. Зоныс перво пасьталис чочком вешьян, а сы вевдөрё – пестрединдой, виззяё. Кёмаліс виль нинкёммез. Айыс петаліс посёдзё, пыртис керкуас лузан. Виль. Кокнитик, мойму вурліс вөрмёс кучикись. Максимка пасьталіс лузан да пась* ‘Лукерья принесла две пары штанов,

рубаху, толстые шерстяные онучи, меховые рукавицы. Сын сначала надел белые штаны, поверх – полосатые штаны из пестряди. Обул новые лапти. Отец занес в дом лузан (охотничья одежда). Новый. Легкий, сшитый из лосиной шкуры. Максимка надел лузан и шубу' [Баталов 1986].

Также отличается и праздничная одежда. Например, на Масленицу: *Талун Глаша пасьтасис басёка. Ся пуктіс юр вылас ыджыт гёрд чышьян, кёдö кёркө Пров да Фома Богатейскöйын öтлаын неблісö Зарымов купецлісь. Кёмаліс талун Глашаыс не ни нинкөммез, а валёнки-эз, көть ня и вөлісö ни важёсь да бырёмось. Киэзас нывкаыс босьтіс асгёрдззём виль испоткаэз* 'Сегодня Глаша оделась красиво. Она повязала на голову большой красный платок, который был когда-то куплен у купца Зарымова. Обула Глаша не лапти, как обычно, а валенки, пусть они и были уже старые и износившиеся. В руки взяла новые вязанные варежки' [Баталов 1986].

У М. П. Лихачева про праздничную одежду читаем: *Мича ныввез быдбнныс мөдбтчөмась быдкодь рёма сарафаннызö, гаруснöй йиабсь, пристежабсь, сербөтм йөрнөсаясь* 'Девушки все принарядились в разноцветные сарафаны, с гарусными поясами, с бусами, в вышитых рубашках' [Рычкова 2021]; *Сэтөн и чочком сербөтм йөрнөссэз, и кашемировöй сарафанныз, и набивнöй дубассэз* 'Здесь и белые вышитые рубашки, и кашемировые сарафаны, и набивные дубасы' [Рычкова 2021]; *Яран Гаврил талун мөдбтчөм: кокас гёрд гарусөн сербөтм виль нимизэ, вывтас плисовöй воротника шабур* 'Яран Гаврил сегодня принарядился: на ногах новые валенки, с вышитыми красными узорами, шабур с плисовым воротником' [Рычкова 2021].

А вот героиня В. Я. Баталова надевает новый платок для того, чтобы привлечь внимание приезжего купца: *Өвдя кыскис коробьянись цвета ыджыт чышьян, кёдö мөйму жөнникыс небис* 'Овдя вытащила из короба большой цветастый платок, который в прошлом году покупал муж' [Баталов 1986].

Таким образом, видим, что одежда может отличаться в зависимости от обстоятельств. И если женская одежда описана согласно праздничным дням, то мужская имеет другой оттенок: связана с промыслом, с общественным делом.

Отличается от повседневной одежды коми-пермяков и одежда зажиточных персонажей, а также – приезжих, неместных людей. *Бокас приставлөн öшаліс шашка, а сапогас вөлі суюыштöма нагайка* 'На боку у пристава висела шашка, а в сапог была засунута нагайка' [Исаев 1995]; *Лестница кузя вильсь этажсянь лэдзчис кузь чочком йөрнөса, хромовöй сапоггеза купец* 'По лестнице с верхнего этажа спустился купец в длинной белой рубашке, хромовых сапогах' [Баталов 1986]; *Юр вылас купеческöй вузасисьлөн вөлі ур кучикись шапка. Кузь пась увтись тыдалісö чочком валёнкиэз* 'На голове у купеческого продавца была шапка,

сшитая из беличьей шкуры. Из-под длинной шубы виднелись белые валенки' [Баталов 1986]; *Посѡдз угѡв бердѡ десятскѡй зыртіс сапоггез-сис нять* 'Десятский вытер грязь с сапог об угол сеней' [Баталов 1986]; *Паськѡмыс Егорлѡн вывтас чегѡ, свиттялѡны лаковѡй сапоггез* 'Егор одет с иголки, лаковые сапоги сверкают' [Рычкова 2021]; *Чеччис невылын мыгѡра, свиттялан кизя, сѡд пальтоа морток. Фуражка одзас кокардаокыс югялышитіс, кызд звездаок* 'Встал невысокий человек со сверкающими пуговицами на черном пальто. Кокарда на фуражке сверкает, как звезда' [Рычкова 2021]; *Шупыта чеччѡвтис землемер да кышаліс коккезас сапоггез* 'Резво вскочил землемер, обул сапоги' [Рычкова 2021].

Можно заметить, что основным отличием статусных персонажей являются сапоги, которые выступают (в противоположность к лаптям) и как символ богатства. Сапоги тоже имеют свою характеристику: они то хромовые, то кожаные, то лаковые. Также данный вид обуви имеется не только у зажиточных персонажей, но и у некоторых крестьян. Для них они не являются повседневной обувью: надеваются только во время праздников или других важных событий.

Так как события в произведениях связаны с военными действиями, то авторы «одевают» своих героев и в военную одежду: *Сѣ сѣтишѡм жѡ, кытишѡм вѡлі оджык, кѡр вѡрѡ пышышѡтѡн кешаліс гортас: вылас шинель, кѡмасьѡм сапоггезѡн, бокас ѡшалѡ наган* 'Все такой же, как был раньше, когда заходил домой перед побегом в лес: надета шинель, обул сапоги, на боку висит наган' [Баталов 1986]; *Неважын вовліс миянѡ бырѡм пасѡн да нинкѡммежѡн, а ѡні шинель пасѣталѡм да валѣнкизз кѡмалѡм* 'Недавно приходил к нам в изношенной одежде и в лаптях, а теперь шинель надел и валенки обул' [Баталов 1986]; *Шинеля кык морт кватитісѡ сійѡ* 'Два человека, одетых в шинели, схватили ее' [Рычкова 2021].

Получается, что авторы, вне зависимости от исторического времени, «одевают» своих героев практически одинаково: рубаха и штаны – у мужчин, дубас или сарафан с платком – у женщин. На ногах у героев обуты лапти, в редких случаях – сапоги или валенки. Часто упоминается сезонная верхняя одежда, а также материал изготовления одежды. Отличается только манера одеваться между разными слоями населения, во время праздников и промысловой деятельности.

Даже во время Гражданской войны одежда и обувь коми-пермяков не сильно изменилась. Герои В. Я. Баталова начинают носить шинели. Но вот у М. П. Лихачева упоминание данной одежды встречается всего два раза. Его герои продолжают носить свою обычную одежду.

Близость используемых наименований одежды и обуви коми-пермяков дает повод утверждать, что традиции народа в ношении одежды до прихода Советской власти не знали ярко выраженных изменений.

Выявленный лингвистический материал позволяет судить, что все наименования являются известными современному носителю коми-пермяцкого языка, хотя часть лексем давно перешла в разряд историзмов (*зипун, поньток, шабур*).

Лингвокультурологической нагрузкой представлено слово *лузан*. Это особая охотничья рубашка без рукавов, изготовленная из грубого сукна или шкуры животных и впоследствии заимствованная русскими охотниками.

Возвращаясь к текстам художественных произведений, кратко отметим следующие выводы:

1. Подвергшиеся анализу тексты не отличаются слишком подробным описанием одежды. Практически не описывается нижнее белье, крайне редко представлены детали одежды, и совсем упущены авторами способы изготовления одежды.

2. По имеющимся данным можно судить, что авторы описывают как женскую, так и мужскую одежду, но более пристальное внимание уделяется мужчинам. Подобное связано с тем, что мужские персонажи играют большую роль в разворачивании событий в текстах.

3. Положительным моментом следует считать то, что одежда персонажей является ярким маркером при обозначении социальных классов. Бедные крестьяне зачастую носят уже износившуюся одежду. У богатых купцов одежда более новая, опрятная, зачастую купленная: пальто, фуражка, сапоги и т. д.

4. Одежда коми-пермяка может меняться в зависимости от тех или иных ситуаций. Например, на праздники даже бедные персонажи одеты в более новую, опрятную, красивую одежду, ту, которую берегут и надевают только изредка. Зачастую праздничная одежда украшена вышивкой.

5. Одежда для охоты тоже отличается от повседневной: содержит больше слоев, т. к. охотник отправляется в лес на несколько суток. А также есть специальная охотничья одежда – *лузан*.

6. Во время Гражданской войны появились шинели. Но они были не у всех, о чем можно судить, исходя из частоты употребления данного наименования среди разных авторов.

Таким образом, можно отметить тот факт, что историко-лингвистический анализ, проведенный в данной работе с опорой на художественные тексты, позволил определить, что одежда и обувь коми-пермяков не слишком сильно менялась с течением времени.

Источники

Баталов В. Я. Шыннялӧ вӧр (= Лес улыбається): избранные произведения на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1986. 576 с.

Баталов В. Я. Избранное / Сост. Т. Васькина и др. Кудымкар: ГКБУК «КПЭЦ», 2016. 400 с.

- Баталова Р. М. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
- Исаев В. И. Шаньшор // Иньва: литературно-художественный сборник на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1995. С. 38–51.
- Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. М.: Типография Грачева и К°, 1860. 127 с.

Литература

- Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993. 286 с.
- Лобанова А. С. Наименования одежды в языке коми-пермяков. Ареальный и функциональный аспект // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: сб. науч. ст. Сыктывкар, 2013. С. 72–80.
- Лобанова А. С. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 24–39.
- Лобанова А. С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. Пермь: ПГНИУ, 2015. С. 218–223.
- Пахорукова В. В. Современная коми-пермяцкая литература: учеб. пособие. Сыктывкар, 1996. 191 с.
- Пахорукова В. В. Иньва йыллысь сыланкыв: коми-пермяцкая литература 20–80 годов. Кудымкар, 1989. 192 с.
- Рычкова А. А. Костюм коми-пермяка по материалам произведений М. П. Лихачева: культурологический и семантический аспекты // Лихачевские краеведческие чтения: сб. материалов V Межрегион. конф. (Кудымкар, 12 нояб. 2021 г.). Кудымкар, 2021. С. 120–126.

УДК 398.838

В. В. Студитских
*Удмуртский государственный университет
г. Ижевск*

Традиционные ценности удмуртов, содержащиеся в фольклорных текстах: психологическое исследование молитв и обрядовых песен

В работе представлены результаты психологического исследования удмуртских архаичных фольклорных текстов (языческих молитв и обрядовых песен) на предмет содержания в них духовно-нравственных ценностей, традиционных для удмуртского народа. Исследование основано на психологической

теории, в которой ценность рассматривается как выработанное общественным сознанием представление об идеале (жизни и поведения человека), закрепленное в произведениях материальной и духовной культуры народа. Определена иерархия терминальных и инструментальных ценностей методом ранжирования, предложенным М. Рокичем, по их количеству выделенных из фольклорных текстов. Результаты исследования ценностей обсуждаются с опорой на научные выводы в области этнологии удмуртов.

Ключевые слова: психологическое понятие ценностей, терминальные и инструментальные ценности, фольклор удмуртов, архаичные народные песни и молитвы, обрядовые праздники, традиции, формирование ценностей в общине, традиционные ценности.

В современной гуманитарной науке понятие «ценность» имеет достаточно широкое распространение, существуют различные классификации видов ценностей и, возможно, поэтому нет четкого определения этому явлению. Философская теория ценностей рассматривает культуру народа как систему его духовно-нравственных ценностей и идеалов. Под ценностью понимается положительная значимость объектов окружающего мира для человека, группы, общества, определяемая их вовлеченностью в жизнедеятельность человека: его интересов, потребностей, социальных отношений. Общество формирует идеальный образ человека, его поведения и требует их осуществления, т. е. они являются нормативными по своему характеру. В аксиологии существуют различные подходы к их классификации и систематизации. Этнические системы ценностей народа воплощены как в произведениях профессионального искусства и народного творчества, так и в различных сферах его жизни (праздниках, обрядах традициях и т. д.), наиболее ярко выражается через его собственное творчество – различные жанры фольклора: песни, легенды, мифы, сказки, былины, молитвы, загадки, пословицы, загадки [Глухова, Глухов 2009].

Наше исследование традиционных ценностей удмуртского народа выполнено в рамках психологической теории, в которой ценность выступает как общественный идеал, как выработанное общественным сознанием представление об атрибутах должного в различных сферах общественной жизни. Этот идеал предстает в виде произведений материальной и духовной культуры либо в виде человеческих поступков, являющихся воплощением общественных ценностей. Социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения [Петровский, Ярошевский 1990: 442].

Для изучения традиционных ценностей удмуртов нами была использована популярная в психологии классификация ценностей М. Рокича, подразделенная на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности соотносятся с жизненными целями, т. е. к чему стоит стремиться в жизни: любовь, семья, счастье, красота, свобода, материальные блага и др. Инструментальные ценности соотносятся со средствами достижения жизненных целей – личностные черты, которыми должен обладать человек: чуткость, воспитанность, ответственность, жизнерадостность, смелость и др. Он был убежден, что индивидуальные ценности определяются культурой, обществом, его институтами и складываются в ходе индивидуального опыта переживаний [Непомнящая 2000: 46].

Для исследования традиционных ценностей были проанализированы языческие молитвы, зафиксированные в XIX в. [Первухин 1888] и более 900 обрядовых песен южных и завятских удмуртов [Бойкова, Владыкина 1994; Нуриева 2004, 2015]. Из текстов молитв и песен были выделены строфы, содержащие, на наш взгляд, ценности. Они были систематизированы по видам и классифицированы на терминальные и инструментальные. В результате ранжирования по количеству выделенных строф из текстов молитв и обрядовых песен получена иерархическая структура традиционных ценностей удмуртов, представленная в таблице 1.

Таблица 1

Иерархическая структура традиционных ценностей удмуртов

Ранг	Терминальные ценности	Кол-во	Инструментальные ценности	Кол-во
1	Счастливая семейная жизнь, дети	43	Чуткость	12
2	Наличие хороших и верных друзей. Согласие и дружба	28	Воспитанность	6
3	Развлечения	16	Рационализм	3
4	Красота природы и искусства	15	Терпимость	2
5	Любовь	12	Исполнительность	2
6	Материально-обеспеченная жизнь	10	Широта взглядов	2
7	Счастье других	10	Высокие запросы	1
8	Здоровье	7	Образованность	1
9	Активная деятельность	7	Самоконтроль	1
10	Жизненная мудрость	3	Эффективность в делах	1
11	Общественное признание	3	Аккуратность (чистоплотность)	1
12	Продуктивная жизнь	3		

Анализ результатов нашего исследования ценностей показал наличие в удмуртском фольклоре почти всех видов ценностей из списка М. Рокича. Ниже рассмотрим смысловое содержание наиболее важных ценностей, которые чаще отражаются в песнях и молитвах.

Первое место в иерархии по количеству выделенных строф из песен и молитв заняла терминальная ценность – счастливая семейная жизнь (счастье, радость материнства / отцовства). В песнях воспевается радость материнства и отцовства. Примеры: «*Мон пинальёсме ой ке ворды, коркаелэн но шулдырез но уз луы*» («Если я детей своих не воспитаю, в доме радости да не будет»); «*Шуныт али, шулдыр али атыкай коркаос, вордылэм но нуныёсы, ой, вань чоже*» («Тепла, да, весела, да, отцовская изба, тем, что есть в ней возвращенные, да, мною дети») и др. Во многих песнях отражена радость удмурта от большого количества детей в семье (как минимум с четырьмя детьми). Примеры: «*Кузэн-кузэн нылпиме вордй, жечэз аджо, ой, шывыса*» («Парами-парами детей вырастила, добра от них, ой, ожидая»); «*Корка тырос нылы-пие, соин шулдыр, ой, коркае*» («Полна изба детьми, поэтому весела изба») и др. Следует отметить, что в песнях отражаются взаимоотношения как единое целое – родительская забота через восприятие и понимание детьми проявления их любви и доброго отношения. Примеры: «*Асьмеёс өвёл-а жеч анайлэн-атайлэн нылыз-пиез*» («Не мы ли добрых родителей дочери-сыновья») и др.

Нами выявлено незначительное количество показателей ценности счастливой супружеской жизни, хотя в молитвах просят, «чтобы жить с первой женой до конца жизни». Этот факт позволяет предположить, что центром семейной жизни удмурта являются родительско-детские отношения, которые составляют суть счастливой семейной жизни и являются важными целями жизни.

Ценность семьи была реальна и воплощена в жизнь. В этнологических исследованиях показывают, что у удмуртов был семейно-родовой уклад жизни в общине вплоть до XIX в. Семейно-родственную структуру общины составляли малые и большие неразделенные семьи, родственными коллективами которых велось сельскохозяйственное производство. В семье было несколько супружеских пар с детьми, например: родители, их два или три женатых сына со своими детьми, неженатые сыновья и дочери. Число членов семьи порой достигало до 20–25 человек. Много было трех-четырёхпоколенных семей [Верещагин 1995: 159; Владыкин 1994: 274 и др.].

Этнологи подчеркивают, что удмурты всегда относились к детям как к величайшей ценности в связи с тем, что: во-первых, у удмуртов традиционно высокая привязанность и сердечная любовь к детям (никогда не наказывают детей, обидеть ребенка для них – великий грех); во-вторых, есть жесткая необходимость в притоке свежих сил и рабочих рук

в крестьянском хозяйстве. Отмечают, что удмурты «счастье полагают только в детях» и если есть дети, то могут быть довольными судьбой [Верещагин 1995: 105; Никитина 1997: 58; Владыкин, Христолюбова 1997: 156].

По нашему мнению, показателем особой заботы удмуртов о детях является традиционная система лексической организации обращений детей к родственникам в семье, названной нами *институтом родителей*. Структура института родителей имеет вербальную иерархию членов родственников в системе семейно-родственных отношений к ребенку. Так, кроме биологических родителей ребенок называет папой и мамой членов семьи по линии отца и матери, то есть, он имеет еще несколько пап и мам разного возраста и ранга в структуре семейно-родственных отношений. Мы считаем, что институт родительства формирует: во-первых, установку у самого ребенка на восприятие и принятие всех родственников как самых близких людей наравне с родителями; во-вторых, создает у взрослых родственников установку на принятие всех детей в семейно-родственной группе и мотивирует их заботиться о каждом ребенке как родителе. Для человека, воспитанного в традиционной удмуртской семье, должно быть, очень важны и сильны семейно-родственные связи [Студитских 2011: 98].

Второе место заняла ценность – наличие хороших и верных друзей. В фольклоре отражается важность иметь хороших родственников и друзей. Согласие, поддержка в социальных и семейно-родственных отношениях ценятся выше серебра и золота. Примеры: «*Огмы но зарни, туганэ, но, огмы азвесь, мусоёсы. Одыг кисые понїд ке но, ой, жин шуоз*» («Одни из нас есть золото, родные, да. Другие из нас есть серебро, милые. В один карман если положить, ой, зазвеним»); «*Ой, эн куштэ, туганъёсы, ми но(й) ум куштэ. Валче(й) уломы, туганъёсы, ой, даурамы*» («Ой, не оставьте нас, родные, и мы вас не бросим. Вместе дружно будем жить, родные, ой, вовеки») и др. В песнях предъявляются требования к соблюдению правил культурного взаимоотношения и представления о том, как добиться доброжелательного отношения. Примеры: «*Одйгмес одйгмы кур ке, жожж ке ѓм каре.., ум, дыр, мактаське, ум курлатэ... Вае но валче уломе*» («Друг друга не обидим, не оскорбим.., не злословья и не бахвалясь, вместе дружно будем жить»); «*Сабыр гинэ пукомы, сабыр уломы*» («Если дружны будем в застолье, дружны будем и в жизни») и др.

Чувства общинной солидарности и близости семейно-родственных отношений формировались в календарно-обрядовых и семейных праздниках. А также, взаимоотношения членов семьи регламентировались обычаям *сям*, в соответствии с которым взаимоотношения супругов в семье строились на основе согласия, они стремились жить в мире и в любви. Грубый и откровенный произвол во взаимоотношениях супругов в удмуртской семье был явлением исключительным, и жестокость мужа в обращении с женой осуждалась в общине [Никитина 1993: 61, 140].

На третьем месте по количеству выделенных из фольклора терминальная ценность – развлечения (приятное необременительное время препровождение, отсутствие обязанностей). Для нас было удивительно, что данная ценность имеет высокий ранг. Хотя было ожидаемо, так как в этнографических исследованиях отмечают важный элемент удмуртской традиционной культуры – традиционные обряды, связанные с весенне-летними сельскохозяйственными работами, включающие обязательное проведение развлечений с песнями, танцами, молодежными играми и семейные обрядовые праздники. Существовал также и специальный обряд, связанный с проведением ежегодных встреч с родными и близкими для эмоционального общения, веселого проведения времени, радости от пения и танцев, то есть приятного время препровождения, например, Акашка или Юон дыр [Никитина 1997: 58; Владыкин, Христоробова 1997: 156 и др.]. В обрядовых песнях отражена важная роль развлечений, их эмоциональная и объединяющая функции. Примеры: «*Арлы гынэ одйг пол Акашка лыктылэ, вань калыкез кырзатэ, ой, бёрзытэ*» («Только раз в году приходит Акашка, всех людей петь, ой, плакать заставляет»); «*Акашкаез но юзм бере, валче но бен валче мед уломы бен*» («После празднования Акашки, вместе да дружно да суждено будет жить»); «*Вай кырзалом, ой, зыгёсы, вай но вералом. вай шулдыртом та туганлэсь, ой, но корказэ*» («Давайте споем, ой, друзья, давайте, да, выскажем. Давайте развеселим родных, ой, да, избу») и др. Мы считаем, что развлечение является, в данном случае, не просто отдыхом от выполнения трудовых обязанностей, оно играет важную роль в достижении согласия, сохранении мира и дружбы в семейно-родовых объединениях на основе положительных эмоций от совместного веселого проведения времени с гостевыми песнями и обрядовыми напевами, восхваляющими участников праздника, коллективными танцами, веселыми шутками и, конечно, вкусной пищей и употреблением возбуждающих напитков.

Четвертое место в иерархии по количеству выделенных из фольклора занимает ценность – красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве). В данной работе в качестве отдельной ценности рассмотрены только песни, в которые включены переживания радости и удовольствия человека от восприятия природы. Примеры: «*Турлы папаед но кырзан дыръя, жёж кётъёсмы кызы бен чидалоз?*» («Когда разные птицы запоют, наши души грусть-печаль как же вытерпят без слез»); «*Бусыын тюрагай но оз ке кырза, бусымы но шулдыр но уз луы*» («Если в поле жаворонок да не споет, наше поле да веселым да не будет») и др.

На пятом месте по количеству выявленных в фольклорных песнях находится ценность – любовь (любовная и физическая близость). Любовь как ценность представлена в широком аспекте. Так, в народных песнях воспевается духовная близость к любимому человеку противоположного пола. Примеры: «*Пиал бен йirme быдтйсько вал дас вить*

арес пи понна) («Свою молодую голову едва не потеряла из-за пятнадцатилетнего парня»); *«Яратон тугантэсь кылиз ке, мусоёсы, мар улонэз та логыт, али ке но, дунне вылын»* («Если пройдет она без любимого друга, зачем жить на этом белом свете») и др. Во многих песнях воспеваются переживания духовной близости к родным и близким, а также, любовь Бога (Инмара) к людям. Примеры: *«Тйледын милемыз, милемын тйледыз яратыса(й) сётылэм вылйсь Инмар»* («Вас с нами, нас с вами с любовью создал всевышний Инмар»); *«Тон яратон, ай, эшелэсь неужели, ай, люкиськом?»* («С вами, любимыми друзьями, неужели мы расстанемся?»); *«Ой, мۆзмиы, мۆзмиы, яратон туганъёс»* («Ой, соскучились, истосковались, любимые, родные») и др.

Шестое место занимает ценность – материально-обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений). Материальные ценности представлены в напевах-молитвах и молитвах, которые проговаривали во время календарных обрядовых действиях. В песнях, которые мы проанализировали, материально-обеспеченная жизнь не воспевается: *«Дуно ёвёл сиеммы, дуно ёвёл юзммы. Дуно тазы вераса, но кырзаса пуконмы»* («Ценна не еда, ценно не питье. Ценно то, что мы посидим, общаясь и напевая»). В молитвах удмурты просили Богов помочь им вырастить богатый урожай, создать условия для их здорового роста (дождя вовремя, тепла достаточно), оберегать посевы от негативного влияния климатических и факторов, собрать вовремя убрать созревший урожай. Много молитв с просьбой помочь созданием хорошего настроения во время работы и радости в процессе труда, которые стимулируют физические силы и способствуют эффективной работе. Примеры [см.: Первухин 1888]: *«Тулысь уртчэ-валчэ потонь дырья, лудэ гырыны, усваны потон дырья ю-зэ кизень пальтоконь дырья капчизэ, кужымъ-зэ сетъ!»* («Весною во время нашего выхода на общую работу, во время пашни и бороньбы, во время разбрасывания-рассеивания зерна, дай нам легкости и силы!»); *«Дзэчъ гужем-зэ, шудыса-серэкъяса ужаны медъ косозъ»* («Красным летом присудите играючи-смеючись проработать!»); *«Сизил артэ пэрэзъ вуонь дырья, сюрло азынъ вандонь дырья, ждазъ азбаразъ пыртонь дырья, обиназ цыртонь квасытонь дырья, сетъ милемъ шуддэ-бурдэ!»* («Во время выхода на осеннюю общую поденщину, во время срезания колосьев острием серпа, во время загона скотины в конюшни и хлева, во время привоза хлеба к овинам и сушки его, пошли нам счастья и благополучья!»).

Что касается количества урожая для обеспечения материального благополучия, то в молитвах удмурты указывают точный достаточный объем – чтобы хватило на еду, уплатить Великому Государю подати и остался запас. Пример [см.: Первухин 1888]: *«Квинь локэтъ курыськомъ: одигъ люкэтъ сйны, одигъ люкэтъ казна тырыны, одигъ локэтъ запаслы»* («Три доли (мы) просим: одну долю – для еды, одну долю для податей (т. е. на-

полнят казну), и одну часть про запас»); *«Со сюсьдгысь юэзъ басьтим-кэ (кобы-эн-но, дуры-эн-но, мучко-эн-но) синэмезь медамъ шедскы дэлэтсэ»* («Когда мы из этого сусека будем брать хлеб (ковшом ли, совком ли или лукошком), пускай будет вовсе незаметна убыль его!») и др. Важным компонентом материального благополучия в крестьянском хозяйстве является скотина. В молитвах присутствует просьба к Богам оберегать скотину от болезней и во время пастбы. Примеры: *«Жеч животьёсты улэты!»* («Умножьте хорошую скотину!»); *«Уин лушкаськысьёс – лэк возьма! Висёнлэсь возьма»* («От ночных воров защитите! От всяких болезней сохраните!»). В молитвах указывается ценность материального благополучия, прежде всего, для заботы о родственниках и детях. Примеры: *«Ю-мы няньмы сиыны-юыны калыкен мед яралоз!»* («Чтобы зерновой хлеб, печеный хлеб, всякая еда и питье послужили бы людям на пользу!»); *«Сьёлыктэм но нуныёслы сиыны мед кылдоз!»* («Безгрешные, да дети пусть будут сыты»).

Наши исследования удмуртского фольклора показывают, что ценности, связанные с удовлетворением базовых материальных потребностей ниже в иерархии, чем ценности, связанные с реализацией высоких духовных запросов. Возможно, у удмуртского народа, создателя произведений устного народного творчества, были удовлетворены его базовые потребности, и он мог реализовывать свои высокие духовные потребности. Согласно теории А. Маслоу, удовлетворение базовых потребностей (материальных и безопасности) создает условия для реализации более высоких потребностей, связанных, к примеру, с социальным признанием, творчеством, самоактуализацией личности [Маслоу 2011: 358].

Инструментальные ценности по количеству меньше представлены в текстах молитв и обрядовых песен, чем терминальные. Но их достаточно, чтобы рассмотреть структуру и содержание этих ценностей. Самый высокий ранг занимает ценность – чуткость (заботливость, доброта). В песнях мы обнаружили, что чаще всего воспевается забота родителей, воспитывающих добрых детей, и доброжелательность родственников в отношении друг к другу. Примеры: *«Асьмеёс өвёл-а жеч анайлэн-атайлэн нылыз-пиез»* («Не мы ли добрых родителей (букв.: матери-отца) дочери-сыновья»); *«Одйг жеч кыл верады ке но, али ке но, ой, со тырмоз»* («Одно доброе слово скажете если, да, сейчас ведь да, ой, этого будет достаточно»); *«Жеч муртлэн но жёк сьёраз пуксён но бере, уз лу меда жеч кылмес, ой, вераммы»* (*Жеч муртлэн но жёк сьёраз пуксён но бере, уз лу меда жеч кылмес, ой, вераммы*) («За столы добрых людей когда садимся, Не сможем ли мы добрых слов, ой, высказать»). В молитвах удмурты просят о счастье своему народу и детям: *«Чупчы, Пызэн но шур мумыёс! Канчи ардэс, шуддэс, бурдэс, котьмарын сётэ калыкты-лы»* («Чепца и Пызен магушки! Реки хлебородная! Своему народу пошлите вы легкий год и всякого счастья-довольства!»).

Второе место заняла ценность – воспитанность (хорошие манеры). В фольклорных текстах представлена деликатность поведения, быть осторожными, чтобы не наносить эмоциональных переживаний. Воспитанность в характере понимается как чувство достоинства человека, не допускать злость, относиться к другим доброжелательно. Физически быть бодрыми и с прямой осанкой. Примеры: «*Векчи-векчи бадьпу пӧлтй, каллен-каллен ветломе. Ум мактаське, ум курлаське, улче-валче уломе*» («Между тонкими-тонкими ивами, потихоньку-полегоньку пройдем. Не злословя и не бахвалясь, вместе-дружно будем жить»); «*Ӗеч гынэ но карелэ, сабыр карелэ, вӧсям гынэ вӧсьёсмы сабыр медло*» («Хорошо, да, себя ведите, достоинство держите, проводимое нами моление пусть достойно будет»); «*Сэзь-сэзь гинэ кариське, пезь-пезь кариське*» («Станьте бодрыми, приосаньтесь»).

Третье и четвертое место разделили ценности – рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманное, рациональные решения), терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения), исполнительность, широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки). В текстах обнаружено примерно одинаковое количество строф (от 2 до 3).

Такие черты личности как чуткость, воспитанность, терпимость, широта взглядов способствуют достижения доброжелательных взаимоотношений в семье и общине.

Итак, результаты нашего исследования показали, что в фольклорных текстах удмуртских молитв и в обрядовых песнях зафиксированы важнейшие ценности-цели и ценности-средства, которые выработало много поколений для передачи из поколения к поколению ради идеального жизнеустройства в обществе. Наиболее важными целями, ради чего стоит жить, для удмуртов являются счастливая многодетная семья, доброжелательные отношения с родными и близкими, эмоциональное общение с ними посредством праздников; любовь, красота окружающей среды и материальное благополучие. Средствами достижения этих целей являются качества личности, которые создают мир, согласие и доброжелательные отношения – это чуткость и забота, воспитанность, терпение, исполнительность, рационализм.

Эти ценности составляли содержание традиционных обрядовых эмоционально-ритуальных мероприятий, в процессе которых участники осмысливали их и они, преломляясь через эмоциональную призму индивидуальной жизнедеятельности, становились личностными ценностями.

Литература

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: материалы и исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. Вып. 1. 192 с.

Верецагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 258 с.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса. Йошкар-Ола: ООО «Спринт», 2009. 276 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.

Непомнящая Н. И. Ценностность как личностное основание: Типы. Диагностика. Формирование. М.: Моск. псих.-соц. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. 179 с.

Никитина Г. А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 160 с.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып.1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 232 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 3: Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). Вятка, 1888. 87 с.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

Студитских В. В. Институт родителей и его влияние на развитие личности ребенка в традиционной культуре удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 2. С. 96–102.

УДК 39(=511.131)(479.57)

Е. Тулуз
Национальный институт восточных языков и культур (INALCO)
г. Париж

Удмурт куриськонъяслэн кылрадъян удысысь аспöртэмлыкъясы

Статья посвящена анализу языковых особенностей удмуртских молитв-*куриськонов*, являющихся своеобразной формой словесности. В ходе исследования их текстов автор выделяет некоторые грамматические особенности, в частности использование притяжательных суффиксов, которые не всегда отражаются в существующих переводах.

Ключевые слова: удмуртский язык, молитва-*куриськон*, закамские удмурты.

Куриськон – со адямилэн, аслэсьтыз куронъёссэ вераса, вылй кужымъёслы вазиськемез. «Куриськон» кыл «курон» кыл бордысь пöрмемын. Солэн синонимез – «вöськыл».

Камсьöр удмуртёс пöлын (Башкортостан Элькун но Пермь улос-выл) соосты «залбариськон» (< бигер *ялва ру* «сюлворон») но шуыло вылэм [Садиков, Тулуз 2024: 56]. Куриськонъёслэсь кылзэс огшоры удмурт кыл гинэ шуыны уг луы. Нырысь ик, со диалект кыл. Корпусмы камсьöр удмуртёс дорын бичамын [Садиков, Тулуз 2023]; озьыен, со-ослэн вераськетсы фонетика ласянь возматэмын, тужгес но тюрк кыльёсысь асэстэмъёс пыр. Нош мынам таиз эскеронэ со сярэсь öвöл, мукет ужпумъёслы сйезмын. Статъям куриськонъёслэн куинь аспöртэмлыксы возматэмын:

- 1) кызы асьян итэтэз уже кутö;
- 2) кыче кабёсты кутыса, вöсясьёс куронъёсты верало;
- 3) кызы инмаръёслы вазиськоно.

Вань примеръёс Татышлы ёросысь Раис Рафиков нимо вöсьчилэн кык куриськонэсьтыз басэтэмын.

1. Эскеромы нырысетй ужпумез: кызы куриськонын асьян итэт уже кутйське.

Асьян итэт удмурт кырадъянлэн вашкала финн-угор аспöртэмлыкез луэ. Со нырысь ик кинлэн яке малэн ке луэмез возматэ, нош озы ик тодмостйсь функциез но луылэ. Куриськонъёсын но, кызы улийн сётэм примеръёсысь адзыны луэ, асьян итэтлэн функциез сыче ик, нош куддырья аспöртэмлыко луэ.

Примеръёс:

Кызыпуэд кадь, сапрак гынэ шуныт-небыт зоръёстэ ачид сётыса мынысалэд ке,

*кысконо ыскалдэ зöло-вöё карыса мынысалэд,
амбар тыр берекетдэ ачид сётыса мынысалэд.*

*Сйзыл виясь вуэд кадь,
кöкиын кыллись сабиед кадь улыны сётыса мынысалэд,
пельпум капчылыкъёстэс, син азь сайкытлыкъёстэс ачид сётыса мынысалэд.*

Чередлэсь-чуредлэсь ачид сакласа мын.

Таяз примерын асьян итэт возматэ, ваньмыз Инмарлэн шуыса:

– ваньмыз инкуазьын: *кызыпуэд кадь, вуэд кадь*;

– ваньмыз, мар адямилэн вань: *кысконо ыскалдэ; кöкиын кыллись сабиед кадь*. Вöсьчи уг вера «ыскалмы» яке «сабимы», со яркыт шуэ: *ыскал но саби* – Инмарлэн!

– ваньмыз, мае куро: *берекетдэ; шуныт-небыт зоръёстэ; пельпум капчылыкъёстэс, син азь сайкытлыкъёстэс*.

Та примерьёсын – ваньмыз умоез сярысь. Но озьы ик сыңе но примерьёс пумиськыло, кытын умойтэмез сярысь вераськон мынэ: *чередлэсь-чуредлэсь* но мукет.

Тунсыко соиз но, жүч кылэ берыктэм текстёсын асян итэтэз уг берыкто, нимысыгыз уг пусьё. Кин куриьсконтьёсты азьло берыктіз – М. Г. Атаманов, Р. Ш. Насибуллин, Г. А. Шушакова, А. Камальтдинова – соос пöлысь нокин но сыңе кабёёсты жүч кылэ öз берыктылы. Удмурт текст огшоры жүч молитва кадь сётэмын. Нош удмуртьёс мукет сямен малпасько но, куриьсконтьёссы сое туж яркыт возматэ. Та пумысен Т. Г. Владыкинаен но трос вераськылймы. Тодосчи со аспöртэмлыкёёсты берыктонтьёсын возматэны кулэ шуыса соглаш вал, озьы ке но солы та малпан йыраз лыктылымтэ.

2. Кыкетй ужпум: кыңе кабёёсты кутыса вöсьсьёс куронтьёсты верало. Сое но примерьёсысь адзыны луэ:

*шуныт-небыт зорьётэ ачид сётыса **мынысалэд** ке...*

*ыскалдэ жöло-вöё карыса **мынысалэд** ке...*

*сабиед кадь улыны сётыса **мынысалэд** ке...*

*чередлэсь-чуредлэсь ачид сакласа **мынысалэд** ке...*

Мукетёсаз куриьсконтьёсын музон каронкылёёсты уже куто, соос пöлын ёмгес таёосыз пумисько:

*улыны: жүзыед-борыед сяин тон ачид кисьматыса **улысалэд** ке...*

*возыны: чередлэсь-чуредлэсь тон ачид сакласа **возысалэд** ке...*

*нуллыны/нулдыны: бусы тыр тон ачид карыса **нулдысалэд** ке...*

*басьтыны: шуныт бурд улад тон ачид тапшырыса **басьтысалэд** ке...*

*вордыны: гуд тыро тон ачид карыса **вордысалэд** ке...*

Кызы примерьёсысь адзыны луэ, куриьсконтьёсын юрттйсь каронкылёёс кутйсько, нош куронэз возматйсь каронкыл ачиз каронсям кабын сылэ.

Куронтьёсыз возматон понна таңе гинэ одйг амал уг кутйськы, мукет кабёс но ёем сюрлы: *сёт вал, сакла вал* (косон сям).

Ёемгес кутйсько юрттйсь каронкылёёс. Татын, мынам малпамея, каронкыллэн пуштрөсэз яке ышыны кутскемын, яке быдэсак ышемын ини, нош сое удмурт кылтодон ласянь эскерыны кулэ. Мон малпасько, со куриьсконтьёслэн одйгез чебер аспöртэмлыксы луэ шуыса.

3. Куинетй ужпум: кызы инмарьёслы вазиськоно.

Туала вакытэ куриьсконтьёсын ёемгес Инмарлы-Кылчинлы шуыса вазисько. Со вазиськон куриьсконлэн кутсконаз но, шораз но кылйське: *Остэ Инмаре-Кылчинэ, тани!*

Соин сэрен юан кылдэ, кин со Инмар-Кылчин? Одйг Инмар яке кык? Кызы сое шонер гожтоно: котьку баджым букваен яке öвöл? Вакчи гожен яке сотэк?

Нокин но рос-прос вераны уг быгаты. Мон вöсьчилэсь но огшоры адымиослэсь трос юаськи, киньёс вöсьёсы пырысько, нош нокин но шо-нерак уг валэкты. Тросэз малпало, шöдо, Инмар-Кылчин одйг Инмар шу-ыса, дыр. Куриськонлэн кык пöртэм луэмез ачиз ма со сярись вера? Юан-лы валэктон сётыны со быгатэ-а, уг-а? Учкомы, мар адзиське текстын.

Куриськоньёслэн кылкуэтазы Инмарлы чөмгес «тон» шуыса вазись-ко. Нош мукет учырёс но шедё. Корпусамы сыңе куриськон öвöл, кы-тын «тй» гинэ пумиськысал. Нош Татышлы ёросысь Вильгуртын сыңе куриськон верало, кытын кыкез ик форма пумиське:

Эстэ, мусо, жугыт, тöдöы, бур Иммэре-Кылчинэ, тэни! Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, тöдöы, бур Иммэре-Кылчинэ.

Усыяны потон уапум дыръя, пельпум капчылыкжестэс, син азь сай-кытлыкжестэс **ачид** сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тöдöы, бур Им-мэре-Кылчинэ. Пудоёс кыре потон уапум дыръя, ческыт вуэн, ческыт ту-рымен сётыса **мынысалды** ке, мусо, жугыт, тöдöы, бур Иммэре-Кылчинэ.

Милесътым вуттымтэз **ачид** вуттыса **мын**, мусо, жугыт, тöдöы, бур Иммэре-Кылчинэ.

Вань примерёс одйг куриськоноысь басьтэмын. Озыен, тй но тон формаосты огдыръя кыксэ ик шедьтоно. Кыззы сое валано? Мон малпай: эскерыны кулэ, ку тй верало, нош ку тон шуо.

Кизем-пальккем жуосыз камыж куроен, куамын куроен далтытыса, азвесь тысё, зарни выжсыё карыса мынысалды ке – 2 пол пумиське.

Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы – 6 пол пумиське.

Тйледлы сюрен-пелен ыж вандыса, дүлэныз-виреныз **тйледлы** сёты-са курыськиском – 4 пол пумиське.

Пудоёс кыре потон уапум дыръя, ческыт вуэн, ческыт турымен сё-тыса мынысалды ке – 2 пол пумиське.

Эскероно куриськонын 91 шуос лыдьяське. 14 шуосын гинэ тй уже кутэмын, 49 учырын – тон нимвоштос. Туж тунсыко, чөмгес муртьем тй нимвоштос уже кутйське. Асьян итэтэн но шедьтоно, нош шергес. Кыззы сое валэктыны луэ? Мынам малпамя, татын одйг сөзнэтысь му-кетаз выжон адзиське. Тй кабен вераньёсын (предложениосын) вашкала вакытьёсысь форма возиськемын, куке пöртэм инмарьёслы вазиськыло вал, куке удмурт осконоын трос инмарьёслы вöсяськон вал. Нош со ва-кытысен трос дыр ортчиз ни. Али одйг инмарлы вöсясько, христианство но ислам кадь осконтьёс, удмуртьёс пöлын но тужгес паськыт вöлмемын.

Мукет ласянь учконо ке, со герзаськемын луыны быгатэ жуч кылысь вуэм Тй шуыса одйг адымилы вазиськонэн. Нош мон тазэ осконтэмгес шуыса малпасько, малы ке шуоно жучёс Татышлы ёросын туж öжит. Со ужпумез нимаз эскерыны кулэ на.

Озыен статьяын эскерем куриськоньёс мыным туж тунсыко пото, соос ортчем даурьёсысен возиськыса кылемын.

Источники

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Куриськон – удмурт вöсьлэн сюлмыз // Кенеш. 2024. 4-тй №. 56–64-тй б.

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Камсьöр удмуртьёслэн куриськонъёссы. Уфа: Первая типография, 2023. 192 б.

УДК 821.511.112.0

Н. В. Чикина
*Карельский научный центр РАН
г. Петрозаводск*

Особенности перевода поэзии С. Есенина П. Сааритса¹

Статья посвящена творчеству одного из представителей литературы Финляндии Пентти Сааритса, который перевел на финский язык одиннадцать стихотворений С. Есенина: «Нивы сжаты, рощи голы...», «Разбуди меня завтра рано...», «Кобыльи корабли», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Русь уходящая», «Письмо женщине», «Русь советская», «Черный человек», «Не криви улыбку, руки беребя...», «Снежная равнина...», «До свидания, мой друг, до свидания...».

Ключевые слова: русская литература, литература Финляндии, перевод, поэзия.

Пентти Сааритса (род. 29.12.1941) – финляндский поэт и переводчик. Опубликовал более 20 сборников, среди которых «Syksyn runot» («Стихи осени», 1973), «Yhdeksäs aalto» («Девятая волна», 1977), «Ovi ja tie» («Дверь и дорога», 1981) и др. Специализируется на испаноязычной литературе, читал лекции по литературе Латинской Америки. Переводил произведения таких писателей и поэтов, как Федерико Гарсиа Лорка, Габриэль Гарсиа Маркес, Хорхе Луис Борхес, Пабло Неруда и Фрида Кало. Переводит также с русского, шведского, немецкого и английского. Участвовал в написании киносценариев. Обладатель ряда престижных премий (Pohjoismaiden kääntäjäpalkinto 2014), в том числе медали Pro Finlandia (2013).

Стихи Есенина Пентти Сааритса перевел на финский язык с помощью Райи Рюмин, которая сделала для него подстрочники. Итоги их со-

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1.

вместной работы были опубликованы в сборнике «Neuvostolyriikka I» («Советская лирика», 1975), в котором представлено одиннадцать произведений русского поэта: «Sänkiniityt, alastomat metsät...» («Нивы сжаты, рощи голы...»), «Herätä minut aamuvaihaisella...» («Разбуди меня завтра рано...»), «Nevoslaivat» («Кобыльи корабли»), «Karakka-Moskova» («Москва кабацкая»), «Katoava Venäjä» («Русь уходящая»), «Kirje naiselle» («Письмо женщине»), «Neuvosto-Venäjä» («Русь советская»), «Musta mies» («Черный человек»), «Älä hykertele...» («Не криви улыбку, руки теребя...»), «Luminen tasanko...» («Снежная равнина...»), «Näkemiin, ystäväni, näkemiin...» («До свидания, мой друг, до свидания...»).

Четыре, из перечисленных выше стихотворений, также переведены на финский язык в Карелии: «Русь советская» (пер. А. Эйкия), «До свидания, мой друг, до свидания...» (пер. П. Воутилайнен), «Нивы сжаты, рощи голы...» и «Разбуди меня завтра рано...» (пер. А. Мишин). Все переводчики, кроме А. Эйкия, переводили Есенина уже после Сааритса.

Остановимся на сравнительно-сопоставительном анализе переводов, сделанных в Карелии и Финляндии. Ранее мы уже анализировали перевод стихотворения «Русь советская», выполненный А. Эйкия, отметив его отличительные черты [Чикина 2021]. При переводе данного произведения Сааритса вносит некоторые изменения в структуру произведения, объединяя, добавляя и опуская строки. С первого взгляда бросаются в глаза различные конструкции, использованные переводчиками. В лексическом плане перевод соответствует оригиналу, за исключением ряда слов. Название переведено обоими авторами одинаково – «Neuvosto-Venäjä».

Есенин, чтобы подчеркнуть значимость родного места выносит предложение «Что родина?» в отдельную строку. В публикации перевода 1960 г. Эйкия этого не делает, он с уверенностью пишет: «Tää synnyinmaa / siis onko unta vain?» («Здесь родина / значит это только сон?»). В публикации перевода Эйкия в 1975 г. значение родины как места рождения заменяется на «земля отцов» с вопросом: «Maa isien?» Сааритса использует словосочетание «родной край», вопрошая: «Mikä se kotiseutu on?» («Что родной край?»). Образ пилигрима представлен Эйкия мрачным паломником, а у Сааритса рыцарем. Сааритса объясняет финляндскому читателю используемые советизмы (агитка), антропонимы (А. Сахаров, Буденный, Демьян Бедный), топоним (Перекоп).

Приведем пример четверостишия Есенина «Хромой красноармеец с ликом сонным, / В воспоминаниях морщина лоб, / Рассказывает важно о Буденном, / О том, как красные отбили Перекоп» в переводе обоих авторов для сравнения:

Эйкия

Ja rampa punasolttu unta öistä
 pois hieroo, kertoo ryypt otsallaan
 Budjonnyin kuuluisista urotöistä,
 myös Perekopin pystyivät he valtaamaan.
 [Jesenin 1975].

Сааритса

Sävyisä rampa punaveteraani
 muistelee tärkeänä, otsa rypyssä
 sitä kuinka valloitettiin Perekop,
 ja Budjonnyistä hän on ylpeä.
 [Neuvostolyriikkaa 1975: 87].

Как мы видим, смысл произведения передан, но различен ритм и у Сааритса нарушена рифма. Можно предположить, что это связано с общей тенденцией финляндской поэзии, которая чаще всего представлена «белым стихом».

Оценивая в целом переводы поэтов можно сделать вывод о том, что Эйкия внес несколько смысловых изменений в содержание, сделав акцент на национальную составляющую, в то время как Сааритса оказался более близок к оригиналу, однако ритмическая структура текста может нарушаться, а рифма отсутствовать.

При переводе стихотворения С. Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...» переводчики П. Сааритса и А. Мишин воспользовались разной лексикой, что позволило им в полной мере проявить свою индивидуальность. Особенно это касается А. Мишина [Чикина 2023], осуществившего перевод после Сааритса. Уже первая строка перевода, легшая в название, подтверждает этот факт. Сравни: «Sänkiniittyt, alastomat metsät...» (букв. «Жнивье-луга, голые леса...», Сааритса) и «Pellot, lehdot tyhjiks' jäivät...» (букв. «Поля, рощи голыми оставлены...», Мишин). Оба поэта использовали синонимы к слову «туман» (usva, sumu), однако Сааритса обозначает солнце словом «aurinko», в то время как Мишин применяет более поэтичное «räivä».

Следующее стихотворение, которое было переведено Мишиным вслед за Сааритса, это «Разбуди меня завтра рано...». Здесь уже наблюдается некоторая схожесть в переводе. Так, сравни первую строку стихотворения «Herätä minut aamuvarhaisella...» (Сааритса) и «Minut herätä aamuvarhain...» (Мишин).

Переводя стихотворение С. Есенина «Разбуди меня завтра рано...», оба автора опускают наречие «завтра», но уточняют «aamuvarhaisella», «aamuvarhain» (рано утром). У Есенина первая строка первой и четвертой строфы одинаковые, а у Мишина разные. В первом случае содержится просьба к матери: «Minut herätä aamuvarhain», («Разбуди меня рано утром»), а во втором – разрешение – «Varhain herättää, äiti, jaks.» («Рано разбудить, мама, можешь.»). К тому же, Мишин ставит в конце предложения в четвертой строфе точку, в то время как у Есенина запятая.

Это не единственные пунктуационные изменения, сделанные Мишиным. В пятой строфе строки Есенина «Воспою я тебя и гостя, / нашу

печь, петуха и кров...» заканчиваются многоточием, у Мишина же нет, а ведь многоточие – признак недосказанности и недоговоренности. Художественная функция многоточия может выражать такие чувства как ожидание, надежда, смирение, боль, любовь [Остапова 2020]. К тому же в этой строке опущено слово «кров».

В то время как Сааритса нашел прекрасное существительное *kotilesi* (домашний очаг), объединяющее в себе по смыслу оба слова: кров и печь, и полностью соблюдает поэтический строй Есенина. Из образов еще выделяется золотая дуга, переведенная Сааритса дословно *kultaluokki*, и трансформированная Мишиным как *vemmel kultainen* (венчик золотой).

Наиболее интересным с точки зрения перевода образов, цветоописания, нам кажется третья строфа: «На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнув под кустом, / И игриво взмахнет кобылица / Над равниною красным хвостом». Ниже приводим варианты переводов, выполненные Сааритса и Мишиным:

Сааритса

Huomisen sarastaessa se kiittää
kuu-myssyn pensaan juureen singoten
ja leikkisästi heilauttaa tamma
punaista **häntäviuhkaa** yli lakeuden.
[Neuvostolyriikkaa 1975: 72].

Завтра на рассвете он промчится
месяц-чепчик к корням куста
метнул
и игриво махнет кобыла
красным **хвостом-веером**
над равниной.

Мишин

Aamunkoitteessa kiittää tänne,
hattu-kuun heittää pensaiden taa.
Leikkisästi sen ruskea tamma
häntäänsä punaista heiluttaa.
[Hiiri 2008: 125].

На рассвете мчится сюда,
шапкой-месяцем накрыл кусты.
Игриво его коричневая кобыла
хвостом красным покачивает.

У Сааритса два образа: месяц-чепчик и хвост-веер, в то время как у Мишина более дословный перевод с уточнением цвета кобылицы (коричневая), чего нет в оригинале. Чаше эпитет «красный» используется для описания цвета волос, а не цвета, видимо, поэтому оба переводчика, говоря о цвете хвоста, употребляют слово *punainen*. Для описания рыжих коров Мишин использует прилагательное *ruskea* (коричневый, рыжий), а Сааритса *punainen* (красный).

В обоих переводах в основном сохранены сюжет, герои, ключевые слова, ритм, но стихотворение Есенина на финском языке в переводе Сааритса приобрело новые, более яркие краски и оттенки за счет образов.

Стихотворение «До свидания, мой друг, до свидания...», как уже было указано выше, в Карелии на финский язык перевел П. Воутилайнен. Оба переводчика показали себя мастерами перевода, используя настолько разную лексику, они практически не соприкасаются друг с другом, сохранив при этом смысл произведения. Приведем в качестве примера первую строфу:

Сааритса
Näkemiin, ystäväni, näkemiin.
Sydämensyrjimmäinen olet minulle.
Ero joka ennalta jo arvattiin
lupailee että vielä tapasimme.

[Neuvostolyriikkaa 1975: 97].

Воутилайнен
Näkemiin, kallis ystäväni, näkemiin.
Armahain, oothan sie rinnassain.
Jos on määrätty eromme väkevin,
lupaa tapaamistamme se ain.

[Jesenin 1995: 32].

Переводы Сааритса интересны не только возможностью сопоставить работу переводчиков, владеющих финским языком, но и взглядом на поэтическую картину мира Есенина из другого государства. В большинстве своем они удачны, в смысловом отношении соответствуют оригиналам, особенности ритма, пунктуации и других неточностей можно отнести к авторской версии.

Источники

Hiiri A. Pihlajainen kotimaa: runoja, suomennoksia, muistelmia. Petroskoi: Periodika, 2008. 208 s.

Jesenin S. Neuvosto-Venäjä: runo / Suom. A. Äikiä // Neuvosto-Karjala. 1975. 3. lokak.

Jesenin S. Näkemiin, kallis ystäväni, näkemiin...: runo / Suom. P. Voutilainen // Carelia. 1995. № 12. S. 32.

Neuvostolyriikkaa I / Toim. N. Baschmakoff, P. Pesonen, R. Rymin; suom. A.-M. Raittila, P. Saaritsa. Helsinki: Tammi, 1975. 99 s.

Литература

Остапова Е. В. Художественная функция многоточия в стихотворениях Нины Обрезковой // Коми филология. 2020. Вып. 1. С. 156–165.

Чикина Н. В. Поэзия С. Есенина в переводах на финский язык Армасом Эйкия // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 74–79.

Чикина Н. В. Поэтический мир С. Есенина в переводах на финский язык А. Мишиным // XXI Масловские чтения: сб. науч. ст. Мурманск, 2023. С. 273–278.

В. Л. Шибанов
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск

Танка витьчур но удмурт кылбурет

Пятистишие *танка* закрепляется в удмуртской поэзии на переломе XX–XXI вв. В. К. Кельмаков обратил особое внимание на эту японскую форму, призывая литературоведов активнее изучать влияние восточных традиций на удмуртскую литературу, но и не забывать фольклорных образцов южно-удмуртских песен. Анализ танка, написанных А. Леонтьевым, А. Арзамазовым и Р. Миннекузиным, говорит о национальном своеобразии удмуртских текстов, выражающемся, прежде всего, в образной системе, хронотопе и авторском взгляде на мир.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, японские формы стиха, танка, компаративистика, В. К. Кельмаков.

Удмурт кылын гожтэм танкаосты (витьчурёсты) эскерон но танка жанр сярысь вераськон таяз дауре кутскиз [Арзамазов 2005б: 51–63], [Шибанов 2012: 46–47]. Та удысын нимысьтыз висъяське В. К. Кельмаковлэн 2014-тй аре печатлам «Япон витьчурёс но удмурт кылбурет. Витьымтэ шорысь йыре лыктэм уйбырес малпанъёс» статьяез [Кельмаков 2014: 84–92]. Хокку нимо куиньчурен ёшатон ке, танкалэн быдзалаез кылбурчилы ас малпанзэ усьтыны бадзымгес луонлык сётэ. Учкоме Минамото-но Санэтомо (1192–1219) япон авторлэсь огзэ танказэ, кудйзлы В. Кельмаков тужгес но синмаськемын вал, ачиз ик сое удмурт кылэ берыктйз:

Синучконэ пуксем
Вужеръёслэн чынкытсы гинэ –
Та дуннеын улон.
Со вань ке но, уд шуы – вань,
Өвёл ке но, уд шу – өвёл.
 [Кельмаков 2014: 91].

Та текстсы куиньзэ гинэ азыпал чурзэ басьтйм ке, чебер хокку пöрмоз: «Синучконэ пуксем / Вужеръёслэн чынкытсы гинэ – / Та дуннеын улон». Озыен, куиньчурын азыпал радэ потэ суред, кудйз аспöртэм вачепумитлыко мылкыд кылдытэ. Нош эшшо кык чур ватсаськом на ке, та суред

уката но муроме, баджым малпанэ вуттэ. Зэмзэ но, синучконысь чынкыт пыр адскись арбери уг тупа аслыз зэмос арберилы. Сое огдыре ик «вань» но, «өвөл» но шуыны уг луы. Ум вунэтэ, XI–XII дауре синучконэз (зеркалэз) туннала амальёсын уг лэсьто на вал. Та танкаен тодматскемъя, дунне вылысь трос философской малпанъёс тодэ лыкто (Платон, вашкала Индиысь майя сярэсь дышетон). Удмуртёслэн улонысьтызы, дунне шоры учконысьтызы но татын маиз ке шөдйське кадъ, вераны турттэ асьмелы В. К. Кельмаков, япон кылбурез анай кылыныз чузъяськытыса.

Удмурт танкалэсь кутсконзэ Коньы Толялэн (Анатолий Кузьмич Леонтьевлэн) кылбурёсыныз гержаны кулэ. Зэм, ачиз автор витчуръёссэ «танка» шуыса өз нима. «Кырзамысь тон эн дугды, скулмы» (1998) бичетаз 10 витчур пыртэмын, «Улом али» (2004) бичетаз – 16. Та пумысен В. К. Кельмаков аслэсьтыз ачиз юа: «Мар со? Удмурт авторлэн кылбуран фантазиез танка выллем кылбур доры ас кожаз вуттйз яке А. Леонтьев зэмзэ но тодмо вал япон витчуръёсын? Малпамея, кыкетйез, луоз...» [Кельмаков 2014: 91]. Бигер кылбуретын но пумисько учырёс, куке авторлэн гожтэм миниатюраосыз шуак тупаны кутско япон кабёслы, кылсярысь, хоккулы [Аминева 2024: 84–88]. В. К. Кельмаковлэн жанр пумысен шугъяськемез тани мар бордын: слогъёсья лыдъяно ке, вашкала япон танка 5+7+5+7+7 амалэн кылдэ [Квятковский 1966: 301], [Кельмаков 2014: 85], нош Коньы Толя та сярэсь туж ик уг малпаськы:

*Буре ваён нунал.
Мон бөрдыса кизи туннэ
мак сяськаез –
шайгу вылад, мемей,
ожо өз ву на потыны...*

[Леонтьев 1998: 78].

Чуръёсысь слогъёсты чаклано ке, таёе каб пөрме: 6+8+4+6+8. Коньы Толялэн кылбурезлэн иньетэз – ямб, соин сэрен «чурыт» куронъёсын каб уг пөрмы. Но ум вунэтэ, та лыдпусэз-куронэз данакез кылбурчиос али лыдэ уг басьто ни, ачиз В. К. Кельмаков но выльын возматэм танказэ 6+9+6+8+8 амалэн радъя. Арзами Очей (Алексей Арзамазов) но слогъёслэсь лыдзэс туж ик уг чакла. Рафит Мин (Миннекузин) гинэ троссэ танкаоссэ 5+7+5+7+7 амалэн гожтйз, но солэн но чуръёсез палэнэ кожылонъёс пумиськыло.

Берытском Коньы Толялэн «Буре ваён нунал...» витчурез борды. Чукпал йылолжётэс уже кутэ ке но, автор асьме палась инкуазез, ас дорысьтыз шай вылэз возматэ. Кылбурчилы туж секыт, угось со алигес гинэ анайзэ ватйз («ожо өз ву на потыны»), ачиз но эмъяны луонтэм висьыны

кутскиз. Япон лулчеберет сое уг кыскы кыдѣкысь экзотикаеныз (Басё, сакура, Фудзияма, икебана но о. а.), Коньы Толя отысь аслыз пуш пыкѣт утча. Лымшор палась философия – со инкуазен огинын луыны тыршон, кайгу шоры палэнысен учкон (созерцательность), сайкыт мӧзмон (яке: саби). Со дыре ик, ватсасал на В. К. Кельмаков, Коньы Толялэн та чурьёсаз лымшор удмуртѣслэн кырзанѣсысытызы мылкыд но шараяське «Мургес малпаськиськод ке, чик витѣымтѣ шорысь макем матынэсь потыны кутско япон витчурѣс удмурт ньыльчур кырзанѣсмылы!» [Кельмаков 2014: 86]. Зэмзэ но, ӹшатэлэ ай Коньы Толялэсь та кылбурзэ тодосчилэн статьяысьтыз сѣтэм огеныз примерен:

*Ми ке но кулӓм, дунне кылӓз,
Выламы писпу дӹжалоз.
Со писпу вылын ушийӓд чырдоз –
Дӓж муртӓд кызыы чидалоз?*

[Кельмаков 2014: 87].

Кыказ ик текстѣсын огкадь мылкыд шараяське: адыми дунне выльсь кошкиз ке но, соин валче дунне уз быры, шайгу котырысь инкуазь (будосѣс, бурдоос) ялан тодэ вайытозы ортчем гумырез, улэпѣслэсь сюлэмзэс ӹшускаса. Яке мукетыз фольклор кырзан – Борис Гавриловлэн гожтэмез, кудӓз озыы ик пуштросэзъя вылӓй примерѣслы матын луэ:

*Бакчалэн ямѣсyz соку луэ,
Мак сяскаосыд вань дырӓя;
Коркаосылэн ямѣсyz
Анаен атай вань дырӓя.*

[Кельмаков 2020: 144].

Анатолий Леонтьев понна (мон сямен, В. К. Кельмаков понна но) шунды ӹужан палась философия – со шуг-секутѣслэсь чидатскыны дышетскон но быгатон, огнын кылӓн дырӓя но улон дыкужымез утчан визьбур. Но ваньмыз таин гинэ уг эгесаськы, танка мукетгес мылкыдѣсты но шараяны быгатэ:

*Дӓсьтытӓкгес
Кӹчыш йӹтске
Лӓбӓль-горд писпу куарӓѣс борды –
Кышка
Пыдыз сутӓйськемлэсь...*

[Леонтьев 2005: 217].

Та витьчурын «кочыш» но «льоль-горд куарьёс» гинэ өвөл возматэмын. «Мон» шуыса верамтэ ке но, бадзым инты басэтэ на та суредээ адзись адыми, субъект. Тунсыко но паймымон пөрмемын со адыми, угось огшоры выллем учырысь но со быгатэ буэльёсын пачылмем психологической суред кылдытыны.

2004–2005-тй арьёсы япон кылбуретэн тунсыкъяськыны кутскылэ Арзами Очей. Солэн «Озы» (2005) нимо кылбур бичетаз 25 витьчур пыртэмын, жанрзыа соос «танка» шуыса пусьемын. Авторлы соку кызь арес вал, сюлэмзэ зырдыт яратон пачылмытйз: «Огпол шораз / Мон учкемме куштй. / Сюсьтыл гомзиз гадям. / Шыпыт / Мон гыбдасько...» [Арзамазов 2005а: 63]. Танка сузьетаз (яке: рэнга) Арзами Очей арлэсь ваньзэ вакытёссэ возматэ (тулысысен кутске но толэн йылпумья), текстэ пыртэмын асьме шаерысь кылсуредьёс: «шунась йёос», «чияпу сяська», «сукыр бубыли», «акшан», «ёзы», «пужым», «ошмес», «сйзыл куарьёс», «Ар гурезь», «вуж выж» («лотос» гинэ та радэ уг пыры, мон сямен). Огыз тодослыко статьяыз автор гожтэ: «Японское мироощущение глубоко символично. Интересно то, что наличие символов как таковых – это не только средство художественного украшения в произведении, это еще и тайная символика японского времени, его культурных ценностей» [Арзамазов 2005б: 52]. Егит кылбурчи малпаське, япон кылсуредьёслы тупась удмуртёссэ кылсуредьёсты уччаны кулэ шуыса, ёок, пуштроссия соос ог-огзылы быдэсак өз тупалэ ке но.

Арзами Очейлэн гожтэм танкаосыз пöлысь тужгес висьямон пөрмемын таиз:

*Синкылиё шуре!
Кожад куштйськысал...
Вудэ кынтэм
Лыз йö,
Пыдсыд туж кыдёкын.*

[Арзамазов 2005: 61].

Кык геройёс куспы – «мон» но «шур» виски – йö кылдэмын. Озы бере, геройлэн шуре мечак зымемез уг луы. Но таин сэрен герой урод но лазег уг кары со «синкылиё шурез» – нылмуртэз: «пыдсыд туж кыдёкын». Данак синкылиос но юнме шорысь өз кылдэ, шöдске, пиосмурт ачиз ик янгыш. Йö узырмытэмын «лыз» эпитетэн, озы егитёслэн кысьпёссы романтизмо мылкыдэн буямын.

Та витьчурын дышымтэ сямен радьямын параллелизм. Лымшор удмуртёслэн кырзаньёсазы, В. К. Кельмаковлэн пусьемезья, «инкуазь суред (1–2-тй чурьёс) адымилэн пуш дуннееныз (3–4-тй чурьёс) вачепумитъян пыр герзэмын» [Кельмаков 2014: 87]. Арзами Очей татын инкуа-

зез но адями мылкыдэз нимаз висъяса уг сёты, та дуннеос ог-огзы пушкы сурасъкемын кадь: «синкылиё шуре», «пыдсыд туж кыдёкын». Но соин сэрэн психологической параллелизм ас кужымзэ уг ышты.

Удмурт танкаез азинтон удысын бадӟым инты басӟтэ Рафит Мин. Їемысь солэн витьчурӟёсыз рэнга-сузӟет кылдыто, отчы пыре яке си-зым танка («Лысву шапык»), яке укмыс («Толшоре зоре»), яке дас ньыль («Гудырикошконэ лулӟияскон»). Сыӟе витьчурез огдыре нимысьтыз кылбурез сямен но, сузӟетлӟэс ёззэ сямен но эскерыны луэ:

*Гудыри-дары
Тылэн пуштэ йыр вадӟсам.
Эгырӟе шудбур.
Їашӟем осконлэн пеняз
Зоре... Зоре... Инмаре!
[Мин 2023: 110].*

Та кылбурын (гожтэмын со 5+7+5+7+7 амалэн) пумисько та авторлэн ик «Берпуметӟи пыдӟылчи» (1995) бичетысьтыз кылсуредӟёс: «осконлэн пенез», «инмаре», «эгырӟись шудбур» – ӟошатэлэ: «Вордски угось Ин-марӟёслэн пенӟзы вылын» [Мин 1995: 7]. Солӟсӟ геройзэ зарни сӟйзыл уг буйгаты, чебер инкуаӟь суредысь со адӟе «кулонлӟэс ӟужектэм ымны-рыныз мынямзэ» [Мин 2023: 111], нош лымы улысь адскыны кутекись муӟзем солы шайгуӟз тодэ вайытэ: «Лымы улӟёсысь / Тыбырзэ урдэ убо – / Киростэм шайвил» [Мин 2023: 117]. Сыӟе шугадӟонӟёс адямиез быдӟасак уг чигто, соос лулз кыдато, кужмогес каро.

Рафит Мин ас витьчурӟёсез вордӟиськем пальӟёсзэ возматэ – Башкор-тостанлэн Бураево ёросысьтыз Байшады котырез. Озы ке но, огезлы сузӟ-етӟзлы эпиграф карыса пыртэ Осикоти-но Мицунэ (859–925) япон кыл-бурчилӟсӟ танказ: «Одӟг уез но / тулыс ой кӟлы канӟыл: / вӟтам адӟы-лӟи, / кызӟы ненег сяськаез / чияпулэн тӟлӟе ни» [Мин 2023: 126]. Лымшор удмуртӟёслэн дуннеучконзы Р. Минлэн витьчурӟёс пушказ меӟак уг пыро ке но, шӟдӟиськытӟк уг кылӟ. Огаз лымшор кырӟанын шуӟмын: «Сактоз но медам, люгдоз медам, / Мар сактонтэм куаӟь медам; / Выдыса умме уг усиськы, / Мар адӟонӟёсме вань медам?» [Кельмаков 2020: 117], нош Р. Мин «Огенлык» сузӟетаз гожтэ:

*Буш. Кысэ сюсьтыл.
Тӟлӟ сълме чагыр ӟын.
Вӟсь вӟсь каре.
Улонэ – мурт шаер кадь.
Малы озы, Инмаре?
[Мин 2023: 123].*

Та куинь кылбуръёс кылысь кылэ уг тупало ке но, соослэн пуштро-сазы огъя луись жож мылкыд шөдйське. Котьма ке но, Рафит Мин танка жанрлэсь трос мукет луонлыктьёссэ но усьтыны тырше.

«Лысву шапык» сузьетсэ сизьым танка пыре. Текстъёслэн бӧрсьыс бӧрсе радъяськемзы лысву шапыктьёслэсь пазыгиськемзэс син азе пук-тыны юрттэ [Шибанов 2012: 46]. Рафит Мин пыкъяське тодмо малпан борды: лысву туж пичи ке но, со ас пушказ шундыез но, инбамез но, кытырысь ёросэз но тэрытэ (1-тй но 5-тй витьчуръёс). Собере лысву шапык-лэсь интызэ басьто «сюлэм» (2-тй витьчур) но «нылмурт синъёс» (3-тй витьчур), соос но ас пуштросэнызы данаксэ возыматыны быгато. Син-маськымон суред кылдытэмын 6-тй танкаын:

*Мильон тылъёсын
Жинграса жутоз лулме
Луд Ӗзег сюрес.
Кылӗз сяськаӗ возь был –
Инлэн чилась вуужерез.
[Мин 2023: 106].*

Инмын уйин вореkjась Луд Ӗзег кошкон сюрес (Млечный путь) пытытэм уг ышы, ӗкна солэн пумитсуредэз (отражениез) возь былэ пазыгиськем сяськаослы выже. Нош тодамы вайимы ке, та сузьетлэн шор образзэ «лысву» луэ шуыса, возь был суред эшшо но узыргес но буюлогес луэ, угось сяськаос вылысь лысвуын уй кизилиослэн вореkjамзы но шөдйськыны кутско. Берпуметй танка ас пушказ огазея вылийысь ваньзэ чуръёсты но отысь мылкыдъёсты. Табере лысву шапык – со «яратон ги-зъы», сотэк дунне вылын улон но ой луысал:

*Яратон гизыы
Вореkjа сяська вылын,
Вож турын пӧлын
Со луля ву пырыез –
Лыз инме вордскись шунды.
[Мин 2023: 106].*

Рафит Миннекузинлэн таёе утчаныёсыз удмурт лирикаез зэмзэ но узырмыто, солэсь инвиссэ паськыгато. Али тодмо ӧвӧл, гожъяз-а кытын ке но В. К. Кельмаков Рафит Минлэн танкаосыз сярись, но 2005–2008-тй арьёсы «Инвожо» журналын печатласькем витьчуръёссэ адзытэк со ӧз кельты.

Нимысьтыз вераськыны кулэ на В. К. Кельмаковлэсь удмурт кылэ берыктэм танкаосыз сярись, шонергес ке, «Кенеш» журнал пыр

лыдзисьёсмылы дэмлано чурьёсыз сярись. Кыче-о муген данак сюрс танкаос пöлысь чапак таоссэ бырьем со? «Маньёсю» нимо 3 томьём (1971–1972) альманахын гинэ 4200 витьчур, но соосты гинэ öвöл, мукет книгаосты но В. К. Кельмаков уже кутэм. «Лыдтэм-чоттэм танкаос пöлысь чапак таоссэ удмурт лыдзись азе вуттон быдэсак герзаськемын берыктисьлэн мылыныз-кыдыныз гинэ» [Кельмаков 2014: 86], – гожтэ со, озыи ке но, берыктисьлэн «мылыз-кыдыз» пыр адзисько туалалитераурамылэн огъя тенденциосыз.

Нырысь ик, В. К. Кельмаковез япон лулчеберетлэн IX–XV даурьёсыз бордазы кыско. Совето вакытэ ик трос печатлаське вал Исикава Такубоку (1886–1912), тунсыкъяськисьёс дано Басёэз (1644–1694) каньылэн шедьтыны быгатылизы. Удмурт берыктись бен эшшо но кыдёкысьгес даурьёсы кошке. Юнме шорысь öвöл со. В. К. Кельмаковлэсь библиотеказэ тодись-адзисьёс вералозы, макем тунсыкъяське вал тодосчи вашкала лымшор философиен, кылсярысь, «Авеста»-ез кылдытисьлэн Заратуштралэн дунне шоры учконэныз. Вашкала вакытёсын тунсыкъяськон – со удмурт литература удысын ужасьёсты выль дуннеосын тодматскыны öтён.

Кыкетйез. Бырьем текстёсты учкыса, каньылэн валаны луэ, кыче пуштросьем витьчурьёс В. К. Кельмаковез ас бордазы тужгес кыско. Со – улон гумырлэн туж чаляк ортчемез: *«Ваньмыз выльме котырак – / Мон гинэ пересьмисько»*, *«Кытын ни азьлоез? Мон гинэ / Азьвыл кадь кылыса берытски...»*, *«Чилектэм кадь ортчись вöт гинэ – / Дунне вылын улонмы!»* [Кельмаков 2014: 85, 86, 91.] Та чурьёс бордын ужакуз, В. К. Кельмаковлы 72 арес вал, та вие со тужгес но юн шöдыны öдъя, макем вакчи вылэм адямилэн улон вакытэз. Аслэсьтыз пуш мылкыдзэ усьтыса сямен, удмурт автор берыктэ Сайгёлэсь (118–1190) таёе витьчурзэ:

*Ортчемзэ кушконо.
Чеберез ярато вал соку
Лачмытэсь сюлэмьёс.
Кемагес улйсько ни. Шурмыт
Та жомыт дуннеын пересьмон.*

[Кельмаков 2014: 90].

В. К. Кельмаков уже кутэ шер пумиськылйсь «кушкыны» глаголэз, пуштрөсэзъя со «ортчемзэ жалыса утчаны» шуонэз возматэ. Мукет танкаосты берыктыкуз но, удмурт автор вераськетёсысь кылсуредьёсты, вужмем кылёсты пырылэ, литературамылэсь кылзэ узыртмытыны öтгыса [учкелэ со сярись: Шибанов 2022: 28]. Огъя вераса, тодмо мае ке пöртэм амалёсын веран – со висьям валатонлэсь трос сйё, узыр пуштро-со луэмзэ возматон.

Куинетйез. В. К. Кельмаков удмурт кылэ берыктэ сыће танкаосты, кудъёсыз ас пуштроссия, метафораосты кутэмзыя аспёртэмлыкоесь луо, зэмзэ но сатори (озарение) мылкыд кылдыто. Берыктйсь оске, удмурт лыдзисъёслы но кылбурчиослы та чуръёс озыы ик шуак чилектыса вордскем малпанэз возматозы, шуом, Идзуми-Сикибулэн кылбураз:

*Инме учкисько, выльйе:
Кытысь со ненег куараос,
Зор дугдэмын ни ук?
Со – толэзь тылсиос шапыкен
Усьбыло, пилем пыр жизаса.*

[Кельмаков 2014: 88].

Аджоно маке съёрын ватскемын маке но мукетыз, кудзэ синмын уд аджы: «Сюлэмъёс пьидэскын / Ошмес син кадь пöзё-жалъгето / Музьем ул визылъёс. / Кылъёстэк, лушкемен яратон / Кужмогес яратон кылъёслэсь» [Кельмаков 2014: 90]. В. К. Кельмаков ас берыктэмъёсыз пыр вазиське, мед удмурт кылбуретамы таёеесь чуръёс но кылсуредъёс тросгес но тросгес луозы вылэм шуыса.

Озыен, япон лулчеберетысь танка, удмурт лирикае пыремез бере, трос ласянь «удмуртомыны» öдъяз. Со дыре ик утиз аслэсьтыз валтйсь тодметъёссэ: инкуазен огинын луэмез паймыса пусъён (сатори), сайкыт мöзмон (саби), кылдэм шуг-секутыёс шоры палэнысен учкон. Удмурт танка удысын эскерон-эксперимент но экзотика кутсконыеныз ик азыпал радэ öз потэлэ, угось калык кылосамы кемала дырысен чузъясъко ини танкалы пуштроссия матын луись кырзәнъёс – лымшорпал ньыльчуръёс. Та тодметлы уката но бадзым саклык висъяны куриз В. К. Кельмаков.

Асьме кылын гожтэм танкаос интылыкез, хронотопез возматэмзы ласянь но удмурт шöмоесь луо. Кылбурчиосмы Японилэсь лулчеберет узырлыкэс лыдзисъёссылы куашаны-валэктыны уг тыршо, асьме кытырысь инкуазь но угось ас чебереныз трос паймонозэ усьтыны быгатэ. Витьчуръёсын кутйськись кылсуредъёс озыы ик удмурт лулчеберетысь архетипъёсын герзасько. Нош тужгес но висъямонзэ – со танкаын кылдйсь «мон» герой, удмурт аядми. Текстын «мон» валатон куддырья уг кутйськы ке но, суредзэ аджись но возматйсь субъект ачиз сярись пöртэм амалъёсын вера: яке учкон интыез быръеменыз, яке дырлэсь вакчи вакытсэ ас сямен «дугдытэменыз», яке созэ но тазэ буюлэз висъяменыз. Удмурт лирикае танка жанрлэн юнматэз кылбуретмылэсь инъетсэ юнматйз, чукпал но жытпал, Восток но Запад отын ог-огенызы эшшо юнгес герзаськызы.

Ошмесинъёс

Арзамазов А. А. Озы. Ижевск: Инвожо, 2005а. 72 б.

Леонтьев А. К. Кырзамысь тон эн дугды, сюлмы. Ижевск: Удмуртия, 1998. 176 б.

Леонтьев А. К. Улом али. Ижевск: Удмуртия, 2004. 256 б.

Мин (Миннекузин) Р. К. Берпуметй пыдйылчи. Ижевск: Удмуртия, 1995. 64 б.

Мин (Миннекузин) Р. К. Арым шомо тольёс: кылбуръёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 2023. 176 б.

Литература

Аминева В. Р. Явление жанровой конвергенции в татарской поэзии 1960–1980-х гг. // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья. Казань: ИЯЛИ, 2024. С. 76–98.

Арзамазов А. А. Цвет сакуры под удмуртским небом // А. А. Арзамазов. Эскизы. Ижевск: Инвожо, 2005б. С. 51–63.

Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.

Кельмаков В. К. Япон витьчуръёс но удмурт кылбурет. Витьымтэ шорысь йыре лыктэм уйбырес малпанъёс // Кенеш. 2014. 4-тй №. 84–92-тй б.

Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся...» I: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. 572 с.

Шибанов В. Л. Удмурт кылбурет, япон кабыёс но... В. К. Кельмаков // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. ст. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2022. С. 24–29.

Шибанов В. Л. Туала удмурт лирикаын чеберлыко кабыёсты утчан // Инвожо. 2012. 4–5-тй №. 42–48-тй б.

Научное издание

ПЕРМИСТИКА 20

**Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками**

Сборник статей

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Оригинал-макет, дизайн обложки,
обработка фотографий И. В. Широбоковой

Подписано в печать 24.02.2025. Получено из печати 27.03.2025.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура тип Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 25,45.

Тираж 300 экз. Заказ № 859.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00 Факс (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство “Шелест”»

426060, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164.

Тел.: 7 (904) 317-76-93, 7 (963) 548-51-43

e-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-6053065-4-2

9 785605 306542 >